

ПИСЬМА

В. А. ЖУКОВСКАГО

къ

АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ.

ИЗДАНИЕ

„РУССКАГО АРХИВА“

по подлинникамъ, хранящимся въ

Императорской Публичной Библиотекѣ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1895.

*

Изъ многолѣтней, обширной переписки В. А. Жуковскаго съ его другомъ Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ до сихъ поръ издано весьма мало. Писемъ самого поэта къ А. И. Тургеневу извѣстно въ печати лишь четырнадцать. Изъ нихъ бблшая часть (13-ть) явилась первоначально въ „Русскомъ Архивѣ“ (1864, 1866 и 1867 г.), откуда перепечатана П. А. Ефремовымъ въ его изданіи „Сочиненій В. А. Жуковскаго“, въ которыхъ г. Ефремовымъ помѣщено еще одно новое письмо. Сверхъ того небольшія выдержки изъ пяти писемъ встрѣчаются въ вышедшихъ въ 1873 году въ Лейпцигѣ „Письмахъ Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу“, и изъ этой книги онѣ внесены г. Ефремовымъ въ шестой томъ седьмаго изданія „Сочиненій В. А. Жуковскаго“.

Въ 1884 году сынъ поэта, Павелъ Васильевичъ Жуковскій, принесъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ драгоценное собраніе бумагъ своего отца. Между ними оказалось, между прочимъ, значительное число писемъ и записокъ Василя Андреевича къ А. И. Тургеневу. Письма эти, обнимающія сорокалѣтній періодъ времени (1805—1844), имѣютъ несомнѣнное историко-литературное значеніе и особенно важны для біографіи Жуковскаго. Нынѣ это богатое собраніе писемъ появляется въ свѣтъ, благодаря благосклонному разрѣшенію господина директора Императорской Публичной Библіотеки Аванасія Θεодоровича Бычкова.

Точныя копии съ подлинниковъ сняты подъ наблюденіемъ библіотекари рукописнаго отдѣленія той же Библіотеки И. А. Бычкова, который снабдилъ письма объяснительными примѣчаніями. Примѣчанія же, означенныя буквами П. Б., принадлежатъ одному изъ издателей „Русскаго Архива“.

При печатаніи писемъ мы не сочли нужнымъ соблюдать правописаніе подлинниковъ (напр. слова: „счастье“, „если“ писаны часто такъ: „ицастье.“ „естьли“, и пр.), но окончаніе прилагательныхъ и мѣстоименій на *ой* вездѣ удержано.

Большое число печатаемыхъ писемъ не имѣетъ помѣтъ о времени ихъ написанія, которое въ такихъ случаяхъ приходилось устанавливать изъ самаго содержанія ихъ. Такія хронологическія опредѣленія выставлены въ началѣ писемъ въ круглыхъ скобкахъ. Основанія, по которымъ то или другое письмо отнесено къ извѣстному времени, изложены въ примѣчаніяхъ. Въ виду того, что нѣкоторыя изъ напечатанныхъ писемъ В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу не нашлись между подлинными письмами поэта къ его другу, принадлежащими Императорской Публичной Библіотекѣ, а между тѣмъ имѣютъ тѣсную связь съ другими, ближайшими къ нимъ по времени, мы сочли необходимымъ перепечатать ихъ въ настоящемъ изданіи, оговоривъ это каждый разъ въ своемъ мѣстѣ.

*

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ *).

I.

(Во второй половинѣ августа 1805).

Здравствуй, братъ и другъ. Отчего не пишешь ко мнѣ ¹⁾ ни строки о возвращеніи вышемъ изъ Липецка, о здоровьи батюшки ²⁾, о самомъ себѣ и прочее? Стыдно. Я отъ другихъ узнаю, что вы пріѣхали. Чтó ты дѣлаешь, и отчего такая лѣнь? Я не требую большого письма, а нѣсколькихъ строкъ. Твое письмо изъ Липецка получилъ я очень поздно; не писалъ на него отвѣта для того, что уже не думалъ, чтобы онъ засталъ васъ въ Липецкѣ, и дожидался извѣстія о твоёмъ пріѣздѣ въ Москву.

---

*) В. А. Жуковскій (род. 29 Янв. 1783) былъ съ небольшимъ на годъ старше А. И. Тургенева (род. 27 Марта 1784). На него и на его младшихъ братьевъ Николая (р. 1789) и Сергѣя (род. 1792) перенесъ онъ дружеское чувство, соединявшее его со старшимъ ихъ братомъ Андрѣемъ Ивановичемъ, чудеснымъ юношей-поэтомъ (род. 1 Окт. 1781), скончавшимся 8 Юли 1803 г. въ Петербургѣ, гдѣ онъ служилъ въ Комиссіи составленія законовъ у Н. Н. Новосильцова. Въ то время, когда писаны печатаемыя нынѣ письма, Жуковскій жилъ то у матери своей въ Бѣлевѣ, то у бывшего своего наставника А. А. Прокоповича Антонскаго, въ Москвѣ, въ Газетномъ переулкѣ, въ нынѣшнемъ домѣ Шаблыгина, близъ домовою церкви Университетскаго Благороднаго Пансіона (въ которой нынѣ магазинъ Пирлинга). Тургеневы жили на Маросейкѣ, въ Петроверигскомъ переулкѣ, въ принадлежавшемъ отцу ихъ Ивану Петровичу нынѣшнемъ домѣ П. П. Боткина. П. Б.

¹⁾ Письмо безъ даты; отнесено ко второй половинѣ августа 1805 года по соображеніямъ, изложеннымъ въ примѣчаніяхъ къ этому письму и принимая во вниманіе содержаніе слѣдующаго письма отъ 31 августа (того же года). Жуковскій находился въ это время въ селѣ Мишенскомъ (имѣніи покойнаго его отца, А. И. Бунина), въ трехъ верстахъ отъ г. Бѣлева, и въ самомъ Бѣлевѣ.

²⁾ Отецъ А. И. Тургенева, Иванъ Петровичъ Тургеневъ (извѣстный мاسонъ, тайный совѣтникъ, съ конца 1797 по копецъ 1803 года директоръ Московскаго Университета), кѣто 1805 года проводилъ на водахъ въ Липецкѣ (см. Записки С. П. Жихарева, въ прилож. къ Русскому Архиву 1890 года, стр. 59) и вернулся въ Москву между 29 іюля и 1 августа (см. Московскія Вѣдомости 1805 года, № 61, отъ 2 августа, „Извѣстіе о пріѣхавшихъ въ столицу и выѣхавшихъ изъ оной первыхъ 5 классовъ особахъ“).

О нашемъ путешествіи вмѣстѣ съ Мерзляковымъ ³⁾ не говорю ничего: ты обо всемъ узнаешь отъ самого Мерзлякова; но очень радуюсь тому, что вмѣстѣ съ нами посылаютъ Николая ⁴⁾. Мой планъ годъ пробыть въ Геттингенѣ, учиться; еще годъ въ Парижѣ, также учиться; потомъ годъ ѣздить по Европѣ; если жъ обстоятельства не позволятъ, то все время посвятить ученію. Путешествіе будетъ для меня важнымъ дѣломъ, особливо если удастся поѣздить вмѣстѣ съ Мерзляковымъ. Возвратясь, посвящу себя совершенно литературѣ. Надобно сдѣлаться человѣкомъ, надобно прожить не даромъ, съ пользою, какъ можно лучше. Эта мысль меня оживляетъ, братъ! Я нынче гораздо сильнѣе чувствую, что я не долженъ пресмыкаться въ этой жизни; что долженъ возвысить, образовать свою душу и сдѣлать все, что могу для другихъ. Мы можемъ быть полезны перомъ своимъ, не для всѣхъ, но для нѣкоторыхъ, кто захотятъ насъ понять. Но и кто можетъ быть для всѣхъ полезенъ? А для себя будемъ полезны своимъ благородствомъ, образованіемъ души своей. Наше счастье въ насъ самихъ! Ахъ, братъ, не надобно терять другъ друга изъ виду, не надобно оставлять другъ друга! Будемъ взаимно подавать другъ другу помощь! Надобно быть людьми непремѣнно! Я это чувствую! Мы живемъ не для одной этой жизни, я это имѣлъ счастье нѣсколько разъ чувствовать! Удостоимся этого великаго счастья, которое ожидаетъ насъ въ будущемъ, которому нельзя не быть, потому что оно неразлучно съ бытіемъ Бога!—Adieu! Я радуюсь заранѣ тому, что сдѣлаетъ для меня путешествіе. Всѣ эти животворныя идеи во мнѣ усилятся! Мы будемъ вмѣстѣ съ Мерзляковымъ странствовать, всѣмъ плѣняться и всѣмъ возвышать свою душу. Покажи это письмо ему. Я хотѣлъ писать къ нему, но не стану: онъ долженъ повѣрить, что онъ въ моихъ мысляхъ! Попроси его написать ко мнѣ.

Что же моя трагедія Эдипъ ⁵⁾? Если ты о ней не хлопоталъ и не хлопочешь, то, признаюсь, очень худо дѣлаешь. Достань ее ради Бога!

---

³⁾ Алексѣемъ Федоровичемъ (р. 1778 † 1830 г.), известнымъ профессоромъ Московскаго Университета. Въ 1805 году онъ былъ адъюнктомъ. Дружескія письма его къ Жуковскому (начиная съ 1802 года) см. въ Русскомъ Архивѣ 1871 года, ст 0133 – 0157.

Отправиться въ путешествіе Жуковскій думалъ въ половинѣ 1806 года и вернуться изъ него въ половинѣ 1809 года (см. выдержку изъ его журнала 1805 года, напеч. мною въ книгѣ „Бумаги В. А. Жуковскаго“, приложеніе къ Отчету Импер. Публичной Библиотеки за 1884 годъ, стр. 6). Предположенія о своемъ путешествіи Жуковскій сообщилъ и И. И. Дмитріеву, отзывъ котораго по этому поводу, въ письмѣ къ Жуковскому отъ 15 ноября 1805, см. въ Русск. Архивѣ 1871 года, ст. 411. Мечты Жуковскаго о путешествіи не сбылись; какъ известно, въ первый разъ онъ поѣхалъ за границу лишь въ 1820 году.

⁴⁾ Третій изъ сыновей И. П. Тургенева, Николай Ивановичъ (р. 1789 † 1871). Завершать свое образованіе въ Геттингенѣ онъ отправился въ 1807 году (см. Записки Жихарева, стр. 264).

⁵⁾ Рѣчь идетъ о трагедіи В. А. Озерова „Эдипъ въ Афинахъ“, напечатанной въ Петербургѣ въ 1805 году и экземпляръ которой былъ присланъ авторомъ (служившимъ въ то время въ Петербургѣ) Жуковскому въ Москву (см. въ письмѣ подъ № II).

Пришли пожалуста мои книги: Histoire de l'Amérique два тома, Mémoires de Lekain, Catalogue de Laharpe, Beispielsammlung.

II.

31 августа (1805).

Bonjour, ami. Хочу написать къ тебѣ нѣсколько строкъ; сказать тебѣ, что ты очень дурно дѣлаешь, не отвѣчая мнѣ на мои письма; я не знаю, что ты, гдѣ ты, какъ все дѣлается вокругъ тебя, то-есть что твой батюшка и каковы твои обстоятельства. Сверхъ того очень мнѣ досадно то, что ты не подумаешь исполнить моей просьбы, то есть отыскать на почтѣ трагедію Эдипа, за котораго я думаю, что сочинитель ¹⁾ бранить меня, и онъ имѣетъ причину, хотя я не виноватъ ни въ чемъ, а одолженъ одной твоей вѣтренности этою неприятностію. Тебѣ бы надлежало постараться все загладить, но ты объ этомъ не думаешь; не стыдно ли, братъ, не сдѣлать такой бездѣлицы!

Податель этого письма отдастъ тебѣ и урну ²⁾. Она очень мала, но прекрасная и будетъ годиться, если поставить ея на столбъ, которой надобно сдѣлать гранитной, потому что такой крѣпче; при семъ прилагаю и рисунокъ. Сдѣлай, братъ, все по моему плану; тебѣ пре-

---

¹⁾ В. А. Озеровъ.

²⁾ Урна эта предназначалась для надгробнаго памятника старшаго сына И. П. Тургенева, Андрѣя Ивановича (р. 1781 † 8 іюля 1803 г.), который былъ связанъ съ Жуковскимъ узамъ тѣснѣйшей дружбы. По случаю кончины своего друга, Жуковскимъ написанъ въ іюль 1803 года слѣдующіе (оставшіеся неопечатанными) стихи; они сохранились въ его бумагахъ, подаренныхъ Имп. Публ. Библиотекѣ Павломъ Васильевичемъ Жуковскимъ (см. Бумаги В. А. Жуковского, стр. 25, а также Отчетъ Имп. Публ. Библиотеки за 1857 годъ, стр. 229):

О, другъ мой! Неужель твои гробъ передо мною!
Того ль несчастнымъ я отъ рока ожидалъ!
Забывшись, я тебя безсмертнымъ почиталъ!
Святая благодать Предлѣчнаго съ тобою!
Покойся, милый прахъ! Твои сонъ завиденъ мнѣ!
Въ семъ мірѣ безъ тебя, надеждъ моихъ лишешны,
Я буду странствовать, какъ въ чуждой сторонѣ!
Но долго ль слезы лить на пепель твои священный?
Ахъ вѣтъ! Пройдетъ и жизнь, ты будешь мой опять!
Во гробъ намъ судьбой назначено свиданье!
Надежда сладкая, прелестно ожиданье!
Съ какимъ веселіемъ я буду умирать!!

Въ бумагахъ Жуковского имѣется также любопытное его письмо, по тому же печальному поводу, къ Ивану Петровичу Тургеневу, отъ 11 августа (1803 года). Это письмо, бывшее доселѣ неизданнымъ, мы помѣщаемъ, въ видѣ приложения, вслѣдъ за настоящимъ письмомъ Жуковского къ Александру Ивановичу Тургеневу.

доставляю исполненіе; этого для тебя должно быть довольно. Насъ трое дѣлаетъ этотъ памятникъ. Знаешь кто третій? Простая надпись «Здѣсь лежить.....умершій на...году своей жизни» будетъ всего лучше. Если тебя это письмо не застанетъ въ Москвѣ, то оно будетъ доставлено Костогоровымъ *) вмѣстѣ съ урною. Отвѣчай мнѣ, братъ, пожалуйста. Я нынче больше чувствую цѣну твоей и нѣкоторыхъ другихъ людей дружбы. Желалъ бы, чтобы мы съ Андрѣемъ Сергѣевичемъ †) были въ тѣснѣйшей связи; онъ долженъ быть хорошій человекъ ‡); скажи ему это. Со временемъ все будетъ сдѣлано, и, надѣюсь, все будетъ хорошо сдѣлано.

Я нынче, то-есть въ нынѣшнее лѣто, больше себя чувствовалъ и открытъ въ себѣ больше способности, или не знаю чего, быть человекомъ какъ надобно, то-есть быть во всѣхъ отношеніяхъ тѣмъ, что должно; больше думалъ и чувствовалъ. Но для того, чтобы все это во мнѣ и, прибавлю, во всѣхъ насъ, созрѣло, надобно, чтобы мы были друзьями, чтобы всякой изъ насъ, дѣлая что нибудь на семъ свѣтѣ, имѣлъ въ виду тѣхъ людей, которые составляютъ для него *міръ*, то-есть тѣхъ, которыхъ одобренія его оправдываютъ и ободряютъ; чтобы всякой изъ насъ чувствовалъ, что онъ точно *не одинъ*; иначе для чего быть и славнымъ и добродѣтельнымъ!—нѣтъ, это я не такъ сказалъ!—иначе скучно, трудно быть и славнымъ, и добродѣтельнымъ! Какъ можно должно стараться поддерживать въ себѣ энтузіазмъ нашъ, которымъ мы въ старину, въ счастливое время нашего Собранія †), были оживлены гораздо болѣе, по крайней мѣрѣ вы прочіе; я, напротивъ, чувствую, что теперь я какъ-то живѣе, больше думаю самъ, больше вижу передъ собою возможности сдѣлать изъ себя что нибудь хорошее. Это меня дѣлаетъ счастливымъ, по крайней мѣрѣ часто счастливымъ; чтожъ если то, что думалъ, будетъ сдѣлано! Для этого нужно имѣть въ дружбѣ подпору! Видишь ли, что я умомъ доказываю необходимость для насъ дружбы, и, признаюсь, больше умомъ, нежели чувствомъ. Я сильнѣе это буду чувствовать только тогда, когда испытаю. Ты самъ признаешься, что вся наша дружба, твоя, моя, Мерзлякова.

---

*) Михаилъ Дмитріевичъ Костогоровъ, сотоварищъ Жуковскаго и Тургеневыхъ по Московскому Университетскому Благородному Пансіону.

†) А. С. Кайсаровъ также воспитывался вмѣстѣ съ Жуковскимъ и Тургеневыми въ Универс. Благородномъ Пансіонѣ. Проведя, по окончаніи курса, нѣсколько лѣтъ (1796—1799) въ военной службѣ, онъ затѣмъ отправился въ заграничное путешествіе, во время котораго слушалъ лекціи въ Геттингенѣ (вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ) и Эдинбургѣ. Возвратясь въ Россію, онъ сдѣлался въ 1811 г. профессоромъ Русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ; въ 1812 снова вступилъ въ военную службу; 14 (26) мая 1813 года онъ былъ убитъ подъ Гайнау.

‡) Между нами не должно быть антипатіи; я нашелъ у себя въ письмахъ письмо его ко мнѣ и Мерзлякову, очень дружное, а съ тѣхъ поръ мы съ нимъ не ссорились, и не за что. *Примѣчаніе В. А. Жуковскаго.*

†) Т. е. Собранія воспитанниковъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона, которое было основано Жуковскимъ и его товарищами.

Кайсарова, была основана на воображеніи; можетъ быть вояжъ ⁷⁾ больше далъ тебѣ средствъ быть *на опытъ* другомъ съ А. С.), и ему тоже. Тѣмъ лучше для васъ. Ожидаю того же для себя и надѣюсь. Будемъ друзьями, братцы; мы *сдѣлаемъ* гораздо больше; но будемъ друзьями безъ ребячества, какъ должно. Я въ себѣ чувствую больше силы быть мужемъ, потому что начинаю чаще размышлять. До сихъ поръ я, кажется, томился въ *женственности*, въ бездѣйствіи. И теперь немного дѣятельности, но по крайней мѣрѣ вижу необходимость быть выше, выше; для этого требую помощи отъ друзей моихъ. Братцы, вмѣстѣ, вмѣстѣ пойдемъ ко всему доброму! Это говорить вамъ не энтузіазмъ ребяческой и огненной, но холодное размышленіе. Еще, братъ, хочу обратить вниманіе на религію. Она нужнѣе и дѣйствительнѣе простой, умственной философіи; но только хочу; испытаю и увижу. Прости, братъ! Отвѣчай мнѣ, если не хочешь меня чувствительно оскорбить.

Это письмо писано къ тебѣ и къ Мерзлякову, моему *товарищу* (какъ много заключается подъ этимъ словомъ). Я пишу его съ особеннымъ чувствомъ! Онъ мой товарищъ, мы будемъ съ нимъ образоваться вмѣстѣ, всѣмъ вмѣстѣ; лучшее и самое критическое время жизни моей пройдетъ съ нимъ; отдай ему это письмо. Я не пишу къ нему особно потому, что все равно, къ тебѣ ли, къ нему ли надпись на конвертѣ: содержаніе для васъ обоихъ. Скажи ему еще разъ, что я имѣю право требовать отъ него отвѣта на письмо: я хочу знать, каково его положеніе, каковы его планы, все, все, что принадлежитъ до нашего съ нимъ путешествія. Если бы я былъ взыскателемъ, то бы сказалъ ему и даже тебѣ, что вы меня слишкомъ забыли, имѣя столько важныхъ вещей, объ которыхъ я непременно долженъ знать. Съ моей стороны вы должны ожидать одного описанія моихъ мыслей и чувствъ, слѣдовательно должны знать, что матерія не разнообразна и не изобильная, и даже неинтересная, потому что я рѣшилъ описывать то, что во мнѣ происходитъ, и не всегда расположеніе отвѣчаетъ случаю, то-есть не всегда въ почтовой часъ бываешь веселъ и хорошо расположенъ, чтобы описывать чувства свои и мысли какъ надобно, такъ, какъ бы хотѣлось. Во всемъ, что со мною случается, нѣтъ ничего для васъ интереснаго, потому что всѣ мои отношенія вамъ неизвѣстны. Итакъ, видите ли, что я совершенно правъ. Но вы виноваты: я еще не зналъ по сіе число, что Мерз(яковъ) магистръ ⁸⁾, что ему прибавлено жалованье; о пріѣздѣ твоёмъ изъ Липецка ⁹⁾ узналъ отъ Сохадкаго ¹⁰⁾; больше ничего не знаю. Исправьтесь, милостивые государи, друзья мои. Ожидаю отъ васъ удовлетворительнаго письма.

---

⁷⁾ Т. е. путешествіе за границу, совершенное Александромъ Ив. Тургеневымъ вмѣстѣ съ А. С. Кайсаровымъ.

⁸⁾ Т. е. Андрѣемъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ

⁹⁾ Въ магистры Мерзляковъ былъ произведенъ еще 10 февраля 1804 года (см. Біограф. словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Московск. университета, ч. II, М. 1855), стр. 60).

¹⁰⁾ См. примѣч. 2 къ письму № I.

¹¹⁾ Павла Аванасьевича Сохадкаго († 1809), профессора эстетики въ Московскомъ

Р. S. Между тѣмъ требую непременно, чтобы ты, Александръ, исполнилъ мои комиссіи. Онѣ слѣдующія: прислать всѣ мои книги, которыя у тебя, непременно; я терпѣть не могу разрозниванія въ большихъ увражахъ. У тебя Histoire de l'Amérique 1 и 2 томы, Beispiel-sammlung 1-й томъ, Catalogue de Laharpe, Mémoires de Lekain. Пришли непременно и какъ можно похлопочи объ этомъ. Если нѣтъ тебя въ Москвѣ, то Мерзляковъ долженъ исполнить всѣ сіи комиссіи. Заставь Николая ¹⁾ съѣздить на почту, самъ съѣзди и пр. и пр. A propos de Nicolas. Я еще не благодарилъ твоего батюшку за его милость (довѣренность съ его стороны почитаю милостію). Скажи, что я буду самымъ вѣрнымъ и вѣрнѣйшимъ товарищемъ Николаю, тѣмъ надежнѣе, что моимъ товарищемъ будетъ Мерзляковъ. Въ самомъ дѣлѣ, это позволеніе ѣхать со мною Николаю и для меня собственно будетъ благодѣтельно; желая его пользы, буду себя можетъ быть отъ многого удерживать и вообще буду осторожнѣе во всемъ. Не правда ли? Но я хотѣлъ написать нѣсколько строкъ, а написалъ нѣсколько страницъ.

Вотъ рисунокъ: столбъ и камень гранитные; желалъ бы, чтобы каждое дерево имѣло свое собственное имя, то-есть имя тѣхъ людей, которые больше были къ нему ²⁾ привязаны. Разумѣется, что первыя два должны быть посвящены батюшкѣ и Ив. В. ³⁾ Дѣлай какъ хочешь впрочемъ; все это зависитъ отъ одного тебя.

Мерзляковъ! Если Тургеневъ уѣхалъ въ Петербургъ, отошли это письмо и урну къ нему съ Костогоровымъ. Будь хотя въ этомъ случаѣ, противъ своего обыкновенія, дѣятельнымъ, то-есть не лѣнливымъ, для Жуковского.—Извините, братцы, что въ письмѣ моемъ такой безпорядокъ: я писалъ такъ, какъ говорилъ, а вы знаете, какъ я говорю.

Письмо В. А. Жуковского къ И. П. Тургеневу.

11 августа (1803).

Милостивый государь Иванъ Петровичъ.

Я имѣлъ счастье получить ваше драгоценное, утѣшительное и вмѣстѣ горестное письмо; вы можете вообразить себѣ мою благодарность. Мнѣ лестно и усладительно видѣть, что вы раздѣляете со мною чувства души своей и находите въ этомъ нѣкоторую отраду. Чувствую цѣну вашей милости. Осмѣлюсь сказать, что воспоминаніе о незабвенномъ нашемъ А. И. и любовь къ его милому праху должны

Университетъ. Въ издававшихся Сохадскимъ журналахъ „Приятное и полезное препровожденіе времени“ и „Иппокрена“ Жуковский печаталъ нѣкоторыя свои стихотворенія и переводы.

¹⁾ Николая Ивановича Тургенева.

²⁾ Бѣ Андрѣю Ивановичу Тургеневу.

³⁾ Т. е. Ивану Владимировичу Лопухину (р. 1756 † 1816), извѣстному масону и автору „Записокъ“, пріятелю И. П. Тургенева.

соединить насъ тѣснѣе, не смотря на разстояніе, которое разлучаетъ насъ. Я, любя васъ лично, какъ добродѣтельнаго человѣка, котораго примѣръ почитаю благодѣяніемъ, буду еще больше любить въ васъ отца моего истиннаго друга, которому я не имѣлъ времени и случая доказать, какъ онъ мнѣ былъ дѣрогъ и любезенъ. Вотъ что еще болѣе усиливаетъ мою горестъ. Я все думалъ о будущемъ и надѣялся опытовъ. Но какъ обманчива надежда! И со всѣмъ тѣмъ человѣкъ не перестаетъ надѣяться. Какъ я несчастливъ, что не могъ быть при немъ въ минуту смерти. Но онъ умеръ не одинъ, онъ умеръ на рукахъ П. С. ¹⁾, которому завидую отъ всего сердца. По крайней мѣрѣ утѣшаюсь внутреннимъ чувствомъ своимъ, которое говоритъ мнѣ, что я не оставилъ бы его въ эту минуту, не побоялся ужасной прилипчивой болѣзни и пожертвовалъ бы жизнію для послѣдняго долга дружбы, для утѣшенія умирающаго, единственнаго друга своего. Можетъ быть, темное, отдаленное воспоминаніе о тѣхъ, которые оставались плакать по немъ въ этомъ мѣрѣ, приходило оживлять его въ нѣкоторыя минуты, свободныя отъ физическаго страданія! Можетъ быть онъ желалъ насъ видѣть и воображалъ всѣхъ тѣхъ, которые будутъ несчастны, потерявъ его! Но кого не утѣшить въ самыхъ страданіяхъ видъ И. Вл. ²⁾! Онъ конечно облегчилъ тягость разлуки его съ жизнію! Онъ усладилъ его надеждою на безсмертіе, на скорое свиданіе съ тѣми, которыхъ онъ любилъ въ этомъ мѣрѣ! Какъ такія утѣшенія должны быть дѣйствительны при концѣ жизни! Прошу Бога, чтобы не допустилъ мнѣ умереть одному, среди людей нечувствительныхъ! Смерть сама по себѣ ничего, но обстоятельства смерти могутъ быть ужасны. Ахъ, почтенный человѣкъ, какъ понять, что такое смерть? Мертвые не говорятъ; а тѣ, которые оплакиваютъ ихъ, видятъ одинъ только прахъ того, что было имъ драгоцѣнно, видятъ однѣ развалины, ничтожество дѣлага. Вѣрю, что я, то-есть составъ мой, не исчезнетъ. Стихіи раздѣлятся, приобщатся къ стихіямъ; но гдѣ тотъ образъ, то явленіе, которые происходили отъ союза стихій? Части разрушеннаго инструмента дѣлы; но гдѣ гармонія, гдѣ прелестные звуки, которые восхищали меня? Но въ природѣ нѣтъ ничтожества. Смерть есть измѣненіе. Твореніе умираетъ, перестаетъ дѣйствовать только тогда, когда сила, которая двигала его органами, перестаетъ производить сіе движеніе. Если мы составлены изъ стихій, то почему не назвать души стихіею же, несравненно тонкою, первородною, притекающею отъ первоначальной стихіи, которая оживляетъ все твореніе, отъ Бога? Грубыя стихіи отдѣлятся, возвратятся къ своимъ источникамъ, душа къ своему источнику. Фенелонъ называетъ Бога *étendue sans bornes, dans laquelle toutes les étendues bornées existent et se concentrent* ³⁾. Пространствомъ безконечный ⁴⁾. Но если душа, какъ духовный атомъ, отдѣленный отъ души всемірной, объемлющей все своею безпредѣль-

---

¹⁾ Паисія Сергѣевича Кайсарова?

²⁾ Ивана Владимировича Лопухина.

³⁾ Т. е. безграничнымъ пространствомъ, въ которомъ существуютъ и сосредоточиваются всѣ ограниченныя пространства.

⁴⁾ Извѣстный стихъ Державина. П. Б.

ностію, должна къ ней приобщиться и въ нее *кануть*, какъ въ океанъ капля, то какаѣ утѣпительная мысль о будущемъ свиданіи можетъ оживлять человѣка, разлученнаго смертію съ своими любезными? Мы можемъ желать и надѣяться только такихъ радостей, которыя воображать можемъ; только тотъ образъ, подъ которымъ мы были здѣсь счастливы, можетъ плѣнять насъ въ будущей жизни. Ожидая будущаго свиданія съ друзьями, мы желали бы сохранить тѣ чувства къ нимъ, которыя имѣла душа наша въ сей жизни. Но душа наша, приобщившись къ началу своему, должна необходимо измѣниться, получить новый образъ чувствъ и мыслей. Гдѣ жъ будутъ сіи наслажденія, которыми были мы счастливы въ сей жизни? Составляя часть необъятнаго цѣлаго, мы будемъ чувствовать и наслаждаться только въ отношеніи къ сему цѣлому, и я понимаю, что это наслажденіе будетъ чище и выше. Но гдѣ жъ будутъ наслажденія частныя, которыя были принадлежностями нашего *особеннаго* бытія, о которыхъ мы здѣсь имѣемъ идею и которыхъ однихъ желать и надѣяться можемъ, потому что уже ихъ испытали? Если душа моя не разрушится съ браннымъ тѣломъ, то для чего не блаженствовать ей въ кругу отдѣленномъ, не почитать сего верховнаго блаженства своею собственностію, дѣля его съ тѣми, которые были ей здѣсь любезны, съ которыми она соединилась навѣки и никогда не разлучится? Можетъ быть, я самъ себѣ противорѣчу! Если наслажденія будутъ выше и благороднѣе, то должно ли сожалѣть о тѣхъ, которыя имѣли мы въ семъ мірѣ? Но я сказала, что объ тѣхъ мы не имѣемъ идеи и, слѣдственно, не можемъ пламенно желать ихъ и ясно надѣяться. Какъ бы то ни было, довѣренность къ Провидѣнію! какъ говорить Карамзинъ и какъ долженъ говорить всякой доброй человѣкъ. Если есть Богъ, то есть и душа, вѣчная, безсмертная. А какъ не быть Богу! Мы ограничимъ Его свойства, если скажемъ, что Онъ создалъ насъ для того, чтобы мы обратились въ ничто: мы назовемъ Его тогда только творящимъ и всесильнымъ Существомъ и отнимемъ отъ Него любовь и благодать. Онъ тиранъ, если пуститъ насъ въ міръ для страданія или *несовершенныхъ* удовольствій, давши намъ волю и понятія, которыя влекутъ насъ къ *совершенному*, къ высокому и благородному, и отнявъ у насъ безсмертіе, которое одно можетъ удовлетворить нашимъ безпредѣльнымъ желаніямъ и планамъ. Чтѣ еще больше заставляеть думать, что души наши будутъ имѣть особенные круги дѣйствія въ томъ мірѣ, есть то, что не всѣ онѣ оставляютъ здѣшній міръ съ одинакимъ совершенствомъ. Души Равальяка и Генриха не могутъ составлять вмѣстѣ одного цѣлаго. Онѣ будутъ въ теченіе всей вѣчности въ одинакомъ разстояніи одна отъ другой, будутъ безпрестанно подходить къ совершенству, но такъ, что духъ Равальяка, очищенный и возвышенный, всегда будетъ столькими жъ степенями ниже Генрихова, столькими былъ онъ ниже здѣсь, въ этомъ мірѣ. И въ семъ отношеніи можно принять вѣчное наказаніе, впрочемъ не сообразное съ понятіемъ о Творцѣ милосердомъ и всемогущемъ. Такое наказаніе есть въ порядкѣ вещей и должно быть твердѣйшимъ и неизмѣняемымъ закономъ въ твореніи. Довольно! Пусть будетъ то, чтѣ должно быть! Наше дѣло: быть добрыми въ сей жизни. Смерть рѣшитъ всѣ сомнѣнія. Вообразите

же, что для нашего А. П. все рѣшилось! Для чего, скажу я вмѣстѣ съ вами, запрещено мертвымъ сообщаться съ живыми; для чего ихъ могилы закрыты и безмолвны? Ахъ, они видятъ насъ, окружаютъ насъ, трогаются нашимъ несчастіемъ, и эта одна мысль должна бы была удерживать насъ и отвращать отъ зла.... Но человекъ есть слабость, страдательное, безсильное твореніе!

Какъ мнѣ пріятно и усладительно говорить и думать съ вами. Перечитываю письмо и нахожу, что оно безпорядочно. Вы меня простите. Я говорилъ, не приготовясь, такъ, какъ лилось изъ души моеи, не думая о слогѣ и порядкѣ.

Осмѣливаюсь напомнить вамъ, милостивой государь Иванъ Петровичъ, о моей просьбѣ переписать письма и другія интересныя бумаги покойника. Этотъ подарокъ былъ бы для меня самымъ лучшимъ, какого только я желать могу. Позвольте вамъ открыть плащъ мой, котораго исполненіе зависитъ отъ воли вашей. Позвольте мнѣ сдѣлать выборъ изъ писемъ А. П., въ которыхъ такъ видна душа его, благородная и необыкновенная, и быть ихъ издателемъ. Это будетъ лучшимъ ему памятникомъ. Письма эти суть все, что намъ осталось отъ человека единственнаго, которой могъ бы быть украшеніемъ своего отчества. Напечатавъ ихъ, докажу ему, что память его мнѣ драгоценна ⁵⁾. Я пожертвую на это изданіе нѣсколькими деньгами, приобретенными моими трудами; употреблю все, что могу, чтобы сдѣлать его достойнымъ моего незабвеннаго друга. Ахъ, я не такимъ образомъ надѣялся доказать ему свою дружбу. Что жъ дѣлать! Недавно, перечитывая стихи свои на *Марьину рощу*, которые началъ было я сочинять ⁶⁾ въ Свирловѣ ⁷⁾, я прочелъ въ нихъ съ нѣкоторымъ трепетомъ слѣд(ующіе) два стиха:

Что ждетъ меня въ дали на жизненномъ пути?

Что мнѣ назначено таинственной судьбою?

Ахъ, судьба очень скоро отвѣчала мнѣ на этотъ вопросъ! Смѣлые люди почитаютъ отдаленнымъ то, чего не видятъ; но какъ оно

---

⁵⁾ Это памфленіе Жуковского не осуществилось.

⁶⁾ Стихи на Марьину рощу до насъ не дошли ни въ окончательной редакціи, ни въ наброскахъ.

⁷⁾ Въ сохранившейся въ бумагахъ В. А. Жуковского программѣ задуманнаго имъ журнала (дневника), въ девятомъ отдѣлѣ читаемъ слѣдующее: „Отставка. Вторичныи переводъ Греевой элегии. Памфленіе строится въ Бѣлевѣ. Знакомство съ барономъ (*т. е. Черкасскимъ*). Короткое знакомство съ Карамзинимъ. Жизнь въ Свирловѣ. Смерть Тургенева“ и пр. (см. Бумаги В. А. Жуковского, стр. 4—5). Вторичный переводъ Греевой элегии „Сельское кладбище“ сдѣланъ въ сентябрѣ 1802 года; Андрѣй Тургеневъ умеръ 8 Іюля 1803 года; слѣд. жизнь Жуковского въ Свирловѣ относится къ концу 1802 или первой половинѣ 1803 года. О Свирловѣ упоминается въ одномъ изъ писемъ А. Ф. Мерзлякова къ Жуковскому (отъ 22 сентября 1803): „На сихъ дняхъ, совсѣмъ нечаянно обѣдалъ я въ Свирловѣ, говорилъ объ тебѣ съ хозяиномъ и вообще познакомился я съ нимъ очень хорошо“ (Русск. Архивъ, 1871, ст. 0149).

бываетъ отъ нихъ близко! Ся скрытность есть одно изъ первѣйшихъ благодѣяній Провидѣнія: если бѣ несчастія приближались видимо, то сколько бы мы страдали, не будучи несчастными!

Я ожидаю и надѣюсь вашего позволенія. Увѣренъ, что вы не станете помогать мнѣ деньгами, нужными для напечатанія. Позвольте, чтобъ этотъ памятникъ былъ точно мой. Мы можемъ поставить другой на милой гробъ его, которой долженъ быть отличенъ отъ другихъ гробовъ. Пускай отецъ и друзья своими руками положить камень на могилу своего незабвеннаго. Въ день суда онъ не воспрепятствуетъ возстать ему. Мы можемъ замѣтить день его смерти, посвятить его во все теченіе жизни своей какому нибудь обряду, которой бы напоминалъ намъ любезнѣйшаго человѣка и вмѣстѣ соединялъ насъ всѣхъ чувствами и во время разлуки нашей. 8-е іюля всѣ мы, гдѣ бы мы ни были, будемъ думать объ немъ и дѣлать одно. Это его мысль. (Онъ въ одномъ письмѣ ко мнѣ предлагалъ членамъ Собранія *) назначить день, которой бы всѣмъ посвящать воспоминанію о Собраніи.

Итакъ вы позволите мнѣ быть издателемъ его писемъ, которыя посвящу вамъ; вы позволите приобщить мнѣ къ нимъ краткую исторію жизни его: пускай всѣ знаютъ, кто онъ былъ и что онъ былъ для тѣхъ, которые были съ нимъ связаны тѣсными узами. Вотъ памятникъ его достойный! А стиховъ моихъ **) не должно печатать: я гордъ именемъ его друга, но такими ли стихами я долженъ почтить кончину его? Они писаны для меня и для васъ. Публика смотритъ на стихи, а не на чувства. Она не пойметъ меня. Простите, милостивый государь; смѣю надѣяться, что вы скоро исполните мою просьбу и не откажете мнѣ въ своемъ позволеніи. Почтенному Максиму Ивановичу ¹⁰⁾ мое истинное увѣреніе въ вѣчной дружбѣ.

Остаюсь съ сердечною преданностію вашимъ покорнѣйшимъ слугою Жуковскій.

III.

Сентября 11-е 1805-го. Бѣлевъ.

Благодарю тебя, мой любезный Александръ, за твое письмо. Оно меня тронуло до слезъ; нѣтъ ничего пріятнѣе мысли: есть добрый, прекрасный человѣкъ, для котораго я очень много значу и которой будетъ моимъ помощникомъ во всемъ добромъ, во всемъ прекрасномъ, и которой удержитъ меня, если буду слѣдовать какому нибудь заблужденію, или ободрить, если что нибудь приведетъ меня въ уныніе. Вотъ вещи, которыя мнѣ всего нужнѣе и которыхъ, по несчастію, не имѣю. Иногда чувствую въ себѣ какую-то необыкновенную живость, которая дѣлаетъ для меня свѣтъ прекраснымъ, и я воображаю въ дали

---

*) Т. е. Собранія воспитанниковъ Московск. Университетскаго Благороднаго Пансіона.

**) На смерть Андрѣя Ив. Тургенева. См. ихъ въ примѣч. 2-мъ къ письму II-му.

¹⁰⁾ Невзорову († 1827), литератору, принадлежавшему къ кругу Московскихъ масоновъ.

какую-то счастливую участь, которой ожиданіе волнуетъ мою кровь. Иногда все это исчезаетъ; тѣ же самыя чувства, которыя меня радовали, приводятъ меня въ уныніе, самое тягостное, своею вялостію. Но теперь эти минуты вообще рѣже, гораздо рѣже. Мой умъ получилъ какую-то особенную твердость; по крайней мѣрѣ во многія минуты былъ очень ясенъ и дѣятеленъ. Тѣмъ тяжелѣе минуты бездѣйствія. Хотѣлъ бы все пробыть въ одинаковомъ живомъ положеніи, и огорчаешься вдвое, когда оно прекращается. Вотъ для чего желалъ бы имѣть васъ, братцы, съ собою. Какъ прекрасно быть хорошимъ человекомъ въ глазахъ друзей! Это я теперь очень чувствую. Напротивъ, въ глазахъ тѣхъ людей, которые насъ не понимаютъ или имѣютъ совсѣмъ другой образъ чувствъ и мыслей, дѣлаешься мертвымъ, сомнѣваешься въ самомъ себѣ, теряешь свою свободу чувствовать и мыслить, теряешь самое желаніе быть дѣятельнымъ, теряешь надежду, первую, единственную причину всякой дѣятельности. Вотъ для чего восхищаюсь необыкновенно вояжемъ: дѣятельность, свобода, разнообразіе предметовъ, и друзья-свидѣтели моихъ чувствъ и мои наставники, мои помощники. Какая прекрасная перспектива. И буду очень несчастливъ, если этотъ плащъ не исполнится. *L'âme est un feu, qui s'éteint, s'il ne s'augmente* ¹⁾, сказала Вольтеръ. Моя душа не имѣла еще пищи, не пробуждалась, это вѣрно; воспитаніе, или лучше сказать все то, что было со мною со времени моего младенчества (потому что я не имѣлъ воспитанія), вмѣсто того, чтобы образовать ее и усилить, только что ее усыпило; я былъ одинъ совершенно, то-есть въ кругу множества людей, которыхъ имѣлъ съ собою, былъ нѣкоторымъ образомъ отдѣленъ отъ всѣхъ. Однимъ словомъ, прекрасно бы было всѣмъ намъ жить вмѣстѣ—я называю жить, не *дышать*, не *спать* и *псть*, но *дѣйствовать* и наслаждаться своею дѣятельностію; слѣдовательно эта дѣятельность должна вести къ чему нибудь высокому, иначе можно ли будетъ ею наслаждаться? Но я буду отвѣчать на твое письмо; отвѣчая, много скажу о самомъ себѣ, о моей цѣли и о томъ, что мы можемъ и должны сдѣлать другъ для друга.

16 Сентября. Это письмо не было послано на почту: мнѣ помѣшали писать, я долженъ былъ его оставить. Вообрази, какая досада. Иванъ Володимировичъ ²⁾ былъ въ Бѣлевѣ, и я его не видалъ; мнѣ даже не сказали, что его ожидали, иначе я бы вѣрно его увидѣлъ. Очень досадно! Скажи, какъ онъ пріѣхалъ и каково батюшкѣ отъ его пріѣзда? Что у васъ дѣлается и прочее, объ этомъ ты совсѣмъ ничего не пишешь и очень дурно дѣлаешь. Буду отвѣчать на твое письмо и поговорю съ тобою посерьезнѣе. Между тѣмъ пожури за меня Мерзлякова; мнѣ кажется, онъ не только что лѣнивъ писалъ ко мнѣ, но даже, какъ видно, лѣнивъ обо мнѣ и подумать; а я вѣдь долженъ быть его спутникомъ!

Во первыхъ, я не думаю и не думалъ, чтобы мы холодѣли другъ ко другу. Этого нѣтъ; а я сказалъ тебѣ, въ прошедшемъ моемъ пись-

¹⁾ Т. е. душа есть пламя, которое гаснетъ, если оно не усиливается.

²⁾ Лопухинъ.

мѣ, что мы вообще не были такъ тѣсно связаны, какъ бы мнѣ этого хотѣлось. Это правда; можетъ быть, этому причиною обстоятельства, которыя насъ такъ надолго разлучили; а разлука, согласишься самъ, не усиливаетъ дружбы, когда она не иное что, какъ простая связь, основанная на привычкѣ быть вмѣстѣ, сдѣланная обстоятельствами, пріятная, но не такая необходимая, безъ которой бы нельзя было обойтись, которая бы составляла важную часть жизни (я разумѣю моральную жизнь)! Такой связи между нами не было, согласишься самъ, даже и теперь нѣтъ, но будетъ, должна быть, въ этомъ я увѣренъ: надобно только увѣриться, что мы не простые друзья, не такіе, которымъ только пріятно встрѣчаться, быть вмѣстѣ, но такіе, которымъ нужно быть друзьями, на которыхъ дружба имѣетъ тоже вліяніе, которое должна имѣть религія на всякую благородную душу, то-есть самое благодѣтельное, святое, оживляющее, ободрительное. Нельзя сказать однимъ словомъ, мнѣ тебѣ, тебѣ мнѣ: я твой другъ; мы должны вмѣстѣ трудиться, дѣйствовать, чтобы послѣ сдѣлаться достойными дружбы и слѣдовательно, быть друзьями. Дружба есть добродѣтель, есть все, только не въ одномъ человѣкѣ, а въ двухъ (много въ трехъ или четырехъ, но чѣмъ больше, тѣмъ лучше). Если скажутъ обо мнѣ: онъ истинной другъ, тогда скажутъ другими словами: онъ добродѣтельной, благородный человѣкъ, оживленный *однимъ* огнемъ вмѣстѣ съ другимъ, которой ему равенъ, которой его поддерживаетъ собою, а самъ поддерживается имъ. Вотъ что значитъ дружба въ моемъ смыслѣ. Я не спрашиваю, друзья ли мы? На этотъ вопросъ ни ты, ни я, ни Мерзляковъ, никто изъ насъ не можетъ отвѣтить *да!* Но какъ прекрасно соединиться для того, чтобы послѣ быть друзьями, дѣйствовать для самихъ себя, потомъ наслаждаться своимъ собственнымъ дѣломъ: жить другъ для друга, говорить себѣ во всякомъ случаѣ: я дѣлаю не для себя одного, есть свидѣтели моихъ дѣлъ, которыхъ не боюсь, но которые составляютъ для меня самое верховное судилище! Видишь ли, что я говорю не такъ, какъ энтузіастъ; что все, мною сказанное, не мечта, но можетъ и должно исполниться, потому что согласно съ цѣлю Провидѣнія, которая всему велитъ совершенствоваться. Только тѣ вещи могутъ не удаваться, которыя зависятъ отъ случая или постороннихъ обстоятельствъ; но все, что ни предлагаю, зависитъ отъ насъ самихъ, неразлучно съ нами—какъ этому не исполниться! Я вамъ всѣмъ, тебѣ, Мерзлякову, Блудову ³⁾, долженъ сказать откровенно, что не былъ никогда привязанъ къ вамъ съ отмѣнною силою, такъ же какъ и вы всѣ ко мнѣ (лучше это видѣть, нежели не видѣть, потому что, увидѣвши, узнаешь причину и поправишь). Мы всѣ сходились вмѣстѣ *случайно*, съ удовольствіемъ; но, я не знаю, во мнѣ не было этого внутренняго, влекущаго чувства, которое бы я желалъ имѣть, будучи вмѣстѣ съ моими друзьями, однимъ словомъ чего-то не было такого, что всего вѣрнѣе въ дружбѣ—какъ это назвать, не знаю. Никого изъ васъ, это разумѣется, я не любилъ съ такою *привязанностію*, какъ

---

³⁾ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ (впоследствии графъ) былъ товарищемъ юности Жуковскаго однимъ изъ близкихъ его друзей.

брата ⁴⁾, то-есть, не будучи съ нимъ вмѣстѣ, я его воображалъ съ сладкимъ чувствомъ быть къ нему ближе; ему подавалъ руку съ особеннымъ, приятнымъ чувствомъ; я не знаю, какъ-то отиѣнно весело было чувствовать его руку въ моей рукѣ; между нами было болѣе сродства, по крайней мѣрѣ съ моей стороны. Но что дѣлать! Даже при жизни его мы не были то, что бы могли быть; въ то время, когда онъ былъ со мною, въ насъ было больше (то-есть во мнѣ) ребяческаго энтузіазма; потомъ мы разстались, потомъ все кончилось; однимъ словомъ, моя съ нимъ дружба была только зародышъ, но я потерялъ въ ней то, чего не замѣню или чего не возвращу никогда: онъ былъ бы моимъ руководцемъ, которому бы я готовъ былъ даже *покориться*; онъ бы оживлялъ меня своимъ энтузіазмомъ. Но, братцы, мы можемъ быть другъ для друга многимъ, очень многимъ, всѣмъ, со временемъ, разумѣется, не вдругъ! Для чего же и жить, какъ не для усовершенствованія своего духа всѣмъ тѣмъ, что есть высокаго и великаго? Одному этого сдѣлать почти не можно! Будемъ же друзьями, то-есть вѣрными товарищами на пути къ добру! Дружба есть добродѣтель, еще разъ повторяю. Я забылъ сказать о причинѣ той *малой* привязанности (или справедливѣе *не довольно сильной*, *малюю* ее нельзя назвать, потому что это будетъ неправда), которая была между нами. Я думаю та причина, что вся наша дружба была не иное что, какъ ребячество, какъ простая связь, не на твердомъ основаніи, безъ всякой цѣли, а сдѣлавшаяся случаемъ, такъ же, какъ и всѣ свѣтскія дружбы и связи. Положимъ себѣ цѣль (какую знаешь), пойдемъ по ней вмѣстѣ, не попереча другъ другу, но помогая, но воспаляя другъ друга при всякомъ случайномъ ослабленіи. Тогда не одна склонность соединить насъ, но *благодарность*, *почтеніе* взаимное и даже чувство необходимости въ такой связи, которая должна привести насъ навѣрно къ счастію. Все, что я къ тебѣ теперь написалъ, все сказано безъ особеннаго натянутого чувства, а просто, съ нѣкоторымъ твердымъ и очень приятнымъ увѣреніемъ. Чувства очень мѣняются, потому что все на нихъ имѣетъ вліяніе; я говорю такія чувства, которыя ни на чемъ не основаны, а *вдругъ*, на время, тебя воспаляютъ; но чувства спокойныя, утвержденныя умомъ, тверды и навсегда остаются, потому что, имѣвши ихъ въ спокойную, *обыкновенную* минуту, всегда можешь возобновить, не выходя изъ своего обыкновеннаго положенія. Это я знаю по частому опыту. Очень нерѣдко бывалъ я въ отчаяніи, не находя въ себѣ того сильнаго чувства, которое въ другое время имѣлъ; это только отъ того, что это сильное чувство, неестественное. или лучше сказать необыкновенное, есть феноменъ, который не всегда возобновлять можешь свободно. Теперь *дурное расположеніе*, которое такъ часто прежде меня мучило, не имѣетъ на меня вліянія, я дерусь съ нимъ умомъ и часто—*give la raison!* ⁵⁾—побѣждаю его.

Но я исписалъ почти четыре страницы, а еще очень мало сказалъ о томъ, что думалъ прежде. Я заболтался, но, право, говорить

---

⁴⁾ Андреѣ Ивановича Тургенева

⁵⁾ Т. е. да здравствуетъ разумъ.

то, что ты долженъ принять, и, кажется, все, сказанное мною, навсегда во мнѣ останется, тѣмъ больше, что я все думалъ, все говорилъ безъ моего прежняго энтузіазма, которой такъ вѣтренъ и переменчивъ. Изъ этого однакожь ты не долженъ заключать, что будто я хочу отказаться совсѣмъ отъ энтузіазма; напротивъ, я хочу его усилить, укоренить, только ошибитъ ему нѣсколько крылья, сдѣлать его спокойнѣе, постояннѣе: хочу, чтобы онъ меня освѣщалъ, а не ослѣплялъ. И это даже должна сдѣлать дружба: *одинъ* будешь не такъ смѣль, а то, что воспламенить и будетъ воспламенять *многихъ въ одно время*, то покажется не пустою мечтою, а чѣмъ-то разсудительнымъ, основательнымъ. Видишь ли, что я хочу быть энтузіастомъ по разсудку. C'est une rareté *)!

Оставляю до другой почты то, что я хотѣлъ тебѣ сказать о самомъ себѣ, то-есть о своемъ характерѣ, о моей цѣли въ жизни, вообще о моей *частной* жизни отдѣльно отъ нашей *общей*, которую должна намъ дать дружба. Надобно объ этомъ подумать еще, сверхъ того я что-то усталъ; вѣдь не вдругъ привыкнешь къ продолжительному *размышленію*. Эта наука труднѣ всякой, особливо когда чловѣкъ прожилъ 23 года на семь свѣтѣ, не подозревая, чтобы можно было находить пріятность въ размышленіи. Это отчасти мой жребій, но я знаю этому причину, слѣдовательно, переменю это, съ вашею помощію, милостивые государи, друзья мои! Это будетъ отнынѣ моимъ обыкновеннымъ прищѣвомъ.

Хотѣлъ еще написать къ тебѣ, но не буду! Нekoгда, опоздаю.

IV.

Генваря 8-е (1806, Влелев).

Сейчасъ получилъ твое письмо и сейчасъ на него отвѣчаю. Благодарю тебя, братъ, любезный другъ; ты меня душевно тронулъ; тронулъ тѣмъ, что мнѣ захотѣлъ повѣрить свои чувства: это доказываетъ, что я тебѣ нуженъ и что ты точно хочешь любить меня. Признаюсь, я нѣсколько боялся; думалъ почти, что я не совершенно важный чловѣкъ для тебя, что тебѣ можно обойтись безъ меня. Топъ твоего письма доказываетъ мнѣ противное; онъ трогаетъ меня душевно. Однимъ словомъ, намъ надобно быть друзьями, товарищами въ этой бѣдной жизни, въ которой ничто не радуешь, по крайней мѣрѣ не радуешь продолжительно; одна мысль будетъ меня всегда восхищать, мысль о такомъ чловѣкѣ, какъ ты, котораго дружба должна быть для меня свѣтильникомъ. Я чувствую, братъ, что я сталъ нѣсколько способнѣе противъ прежняго быть чловѣкомъ, то-есть не двуножнымъ животнымъ безъ перьевъ, но чловѣкомъ въ твоемъ смыслѣ, нѣсколько способнѣе для дружбы. Но что дѣлать! Здѣсь я одинъ; почти все, что вокругъ себя вижу, мнѣ не отвѣчаетъ, а мнѣ нужна подпора. О, моя жизнь прошла не такъ, какъ бы должно было. Ты имѣлъ передъ собою брата батюшку—какіе люди! но я вѣчно прозябалъ, почти одинъ, хуже, не-

*) Т. е. это рѣдкость.

жели одинъ, потому что не былъ оставленъ, не былъ брошенъ, слѣдовательно, не имѣлъ нужды дѣйствовать, могъ спать умомъ и тѣломъ, и спать, и проснулся очень недавно, и по сію пору не умѣю владѣть собою. Эта неподвижность, этотъ душевной параличъ, которой часто чувствую, приводятъ меня въ отчаяніе. Всякой разъ, когда вспомню о братѣ ¹⁾, то живѣе чувствую цѣну его и потерю. Чтб бы онъ былъ для меня теперь! Кажется, мнѣ теперь жаль его больше, нежели тогда, когда мы его лишились. Я теперь больше чувствую самого себя, больше знаю цѣну настоящую жизни и больше понимаю для чего я живу. Дружба его, какъ она ни была коротка и какъ я ни былъ ничтоженъ въ то время, когда его зналъ, оставила что-то неизгладимое въ душѣ моей: весь энтузіазмъ къ доброду, все благородное, чтб имѣю, все, все лучшее во мнѣ должно принадлежать ему. Мнѣ кажется, всякой разъ, когда объ немъ вспомню, сталь бы на колѣна, для чего—не знаю; но какое-то особенное чувство меня къ этому побуждаетъ. Ахъ, братъ, намъ надобно жить на свѣтѣ не такъ, какъ живутъ обыкновенно, жить возвышеннымъ образомъ; но я *одинъ* ничего не сдѣлаю: мнѣ необходима подпора. Я найду ее въ дружбѣ, и въ твоей дружбѣ. Дай руку, но только дай ее отъ всего сердца и не ожидай найти ничего слишкомъ отмѣннаго: я долженъ еще быть образованъ для дружбы; но кажется мнѣ, если не ошибаюсь, теперь сталь я зрѣлѣе, нѣсколько лучше. Намъ надобно помогать другъ другу, оживлять другъ друга дѣлами и мыслями. Бываютъ такія минуты, въ которыя жизнь кажется чѣмъ-то пустымъ, въ которыя самое добро кажется ничтожнымъ, ничего не хочешь, ничего не считаешь нужнымъ и важнымъ; такія состоянія души часто очень долго продолжаются; надобно, чтобы какая нибудь неожиданность ихъ уничтожила, и въ такія-то минуты всего нужнѣе дружеская подпора. По твоему письму заключаю, что ты во все это время не былъ счастливъ, страдалъ душевно; вообрази жъ, что я почти завидую этому состоянію: душа твоя была по крайней мѣрѣ не въ бездѣйствіи. Я бы даже иногда желалъ, чтобы какое нибудь потрясеніе меня разбудило, чтобы я могъ съ чѣмъ нибудь бороться и слѣдовательно напрягать всѣ свои силы: либо паять, либо пропаять! Всякое состояніе имѣетъ свою горечь. Излишнее спокойствіе усыпляетъ, если оно не пріобрѣтено трудомъ, не есть отдыхъ, а всегдашнее, постоянное состояніе. Излишнее волненіе изнуряетъ, слѣдовательно можетъ быть также убійственно для души, которая, видя свою неспособность дѣйствовать, отказывается отъ дѣятельности и теряетъ бодрость. Мнѣ кажется, ты былъ въ послѣднемъ положеніи, а я часто бываю въ первомъ. Иногда не вижу передъ собою ничего, все задернуто какимъ-то густымъ туманомъ, сидѣлъ бы поджавши руки и закрывъ глаза, больше ничего! Но это состояніе отъ того такъ тягостно, что не можешь его не чувствовать, что видишь, какъ оно низко, и не находишь въ себѣ довольно силъ, чтобы изъ него вырваться; оно хуже самаго ничтожества, которое по крайней мѣрѣ не чувствительно. Надобно, братъ, и мнѣ и тебѣ назначить себѣ постоянную цѣль; видя ее въ дали, по крайней мѣрѣ не будешь въ нерѣшимости, будешь знать, чего хочешь, и

¹⁾ Т. е. объ Андрѣ Ивановичѣ Тургеневѣ. П. Б.

сѣдовательно будешь стараться получить. Если минуты расслабленія и случатся, то конечно не будутъ такъ продолжительны: взгляды на будущее, на тотъ предметъ, которой самъ себя избралъ, будетъ оживлять душу и возвращать ей прежнюю ея силу и бодрость. Такъ, братъ, я понимаю и иногда чувствую, что ничто такъ не возвышенно, какъ имѣть твердую, постоянную увѣренность въ безсмертіи: это единственная цѣль наша. Какъ должна быть велика, чиста, непобѣдима та душа, въ которой чувство безсмертія всегда живо и всегда присутственно! Вотъ все основаніе морали, и тотъ человѣкъ долженъ благословлять судьбу, кто смолоду напитанъ возвышенными понятіями о безсмертіи: онъ не можетъ не быть добродѣтельнымъ, по крайней мѣрѣ никогда не будетъ дурнымъ. Съ этой стороны ты счастливецъ. А я? Братъ! Братъ! Скажу тебѣ, какъ Карлъ Мооръ, которой смотритъ на ясное заходящее солнце и вспоминаетъ о томъ, что онъ былъ прежде. Я не вспоминаю о прошедшемъ, потому что оно мало оставило на душѣ моей; но воображаю, что бы я былъ, когда бы прошедшее было не таково, каково оно было! Въ прошедшемъ не вижу ничего, кромѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ вмѣстѣ съ братомъ; и тѣ прошли почти непримѣтно: я былъ не въ состояніи ничѣмъ пользоваться и въ самомъ дѣлѣ ничѣмъ не воспользовался! Наша дружба была зародышъ, который совершенно увянулъ при своемъ началѣ; теперь ничего не воротить! Воспользуемся тѣмъ, что можемъ имѣть. Мы, кажется, двое много можемъ. По крайней мѣрѣ я вмѣстѣ съ тобою! Ты долженъ быть согрѣвателемъ моей души, долженъ поддерживать во мнѣ чувство безсмертія. Если оно укоренится въ душѣ нашей, то жизнь наша пройдетъ не даромъ. Главное, единственное, что мы другъ для друга дѣлать можемъ, есть взаимное стараніе возвышать нашу душу; все прочее само собою сдѣлается. Кто далъ себѣ высокія чувства, тотъ далъ себѣ все. Въ свѣтѣ долженъ казаться страннымъ тотъ человѣкъ, который имѣетъ своею цѣлю безсмертіе, совершенство; но нашей цѣли не долженъ никто ни знать, ни видѣть: она должна быть сокрытою; взглядъ свѣта можетъ ее обезобразить въ собственныхъ нашихъ глазахъ. По крайней мѣрѣ я за себя не совѣмъ ручаюсь, и для того требую подпоры, защиты противъ самого себя: я не приученъ ни къ какой дѣятельности, ни къ душевной, ни къ тѣлесной, сѣдовательно не увѣренъ, могу ли съ чѣмъ-нибудь бороться и что-нибудь побѣдить. Я живо себя представляю, какое блаженство должна давать прямая религія; она возноситъ человѣка выше всего, выше самой его личности; но я только представляю это: я въ себѣ не нахожу того сильнаго, внутренняго, неизгладимаго чувства, которое должно быть твердѣйшимъ основаніемъ религіи. Все, что я видѣлъ вокругъ себя по сію пору, должно было если не отвращать, то по крайней мѣрѣ поселать во мнѣ совершенное равнодушіе къ религіи: я видѣлъ христіанъ на словахъ, которые не имѣютъ понятія о возвышенности чувствъ христіанскихъ, о безсмертіи и пр.; несогласіе чувствъ и дѣлъ съ правилами и словами, всегда замѣчаемое мною съ колыбели, должно было произвести во мнѣ это неуваженіе и равнодушіе. Я долженъ теперь, если можно, побѣдить привычку, уничтожить старое, чтобы поселить въ себѣ что-нибудь хорошее; сверхъ того необходимо нужно что-нибудь

такое, что бы сильно меня къ этому подвинуло, а этой-то побудительной причины недостаетъ. Дай мнѣ понятіе о религіи твоего батюшки. Она не должна быть обыкновенною, и если ты въ ней увѣренъ, то почему я не могу быть увѣренъ? Эти вещи самыя важнѣйшія, потому что на нихъ должно основываться все наше бытіе, должны быть между нами общими, по крайней мѣрѣ столько общими, сколько это возможно. Весело и прекрасно имѣть побудительную причину во всѣхъ случаяхъ жизни; по крайней мѣрѣ одна только побудительная причина у всѣхъ и быть можетъ: исканіе совершенства. И что же дружба, когда она не будетъ пособіемъ въ этомъ исканіи? Другъ, жена — это помощники въ достиженіи къ счастью, а счастье есть внутренняя, душевная возвышенность.

Wem der grosse Wurf gelungen
Eines Freundes Freund zu sein,
Wer ein holdes Weib errungen... ³⁾.

Эти стихи я нынче очень чувствую. И какъ много такого, что прежде пропускалъ мимо ушей, теперь сдѣлалось важнымъ и значущимъ!

Но я все говорю о себѣ, а еще не сказалъ ни слова о тебѣ. Ты описываешь мнѣ свое душевное уныніе, а не говоришь ни слова о томъ, что произвело его. Что такое? Или не лишніе ли мои вопросы? Но съ тобою должно было что-нибудь новое случиться. Если тебѣ тяжело рассказывать, то не рассказывай. Я бы хотѣлъ быть съ тобою. Это бы, можетъ быть, полезно было бы для тебя, или хотя нѣсколько облегчительно, и для меня также полезно; но двѣ причины меня здѣсь удерживаютъ. Первая та, что мнѣ совершенно не съ кѣмъ пріѣхать; вторая та, что я *долженъ* и хочу заплатить самой важной долгъ до своего отъѣзда въ чужіе края ³⁾: слѣдовательно принужденъ работать. Я и здѣсь лѣнливо работаю, потому что иногда право ничто нейдетъ въ голову, а въ Москвѣ и поготово ⁴⁾ буду лѣниться и не имѣть времени. Итакъ видишь, что мнѣ необходимо нужно здѣсь остаться, хотя и желалъ бы въ Москву. Сверхъ того построенъ домъ ⁵⁾; я уѣзжаю надолго, надобно все оставить безъ себя въ порядкѣ, чтобы матушка ⁶⁾ не имѣла хлопотъ, и эти совсѣмъ не поэтическія занятія часто меня

²⁾ Кому выпалъ великій жребій быть другомъ друга, кто добылъ себѣ милую жену.

³⁾ Ср. въ журналѣ Жуковскаго за 1805 годъ слѣдующія строки: „Къ началу Генваря или Марта 1806 г. я долженъ выплатить половину теперешняго своего долга и положить за правило болѣе не дѣлать долга ни на полуш(т)у“ (Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 6).

⁴⁾ Поготово, поготову (*простонародное*) — пуще, болѣе.

⁵⁾ Домъ свой въ Бѣлевѣ Жуковскій началъ строить съ 1804 г. (см. „Р. Архивъ“ 1871 года, стр. 0147); къ концу 1805 г. Жуковскій уже въ немъ поселился (см. Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI Спб. 1878, стр. 383—384).

⁶⁾ Елисавета Дементьевна, плѣнная Турчанка, скончавшаяся 25 Мая 1811 года.

бѣсѣть. Однимъ словомъ, я долженъ пробыть здѣсь всю весну и лѣто; въ концѣ лѣта располагаюсь ѣхать. Думаю, вмѣсто волжы и переѣзда изъ мѣста въ мѣсто, остаться въ какомъ-нибудь университетѣ, и именно въ Енѣ ⁷⁾, гдѣ, говорятъ, очень дешево жить и который малымъ чѣмъ уступить Геттингену. Мнѣ описывалъ это мѣсто одинъ Нѣмецъ, которой учился въ Енѣ у Нимейера и которой хочетъ мнѣ дать рекомендательныя письма. Путешествовать, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, не совсѣмъ будетъ способно. Лучше учиться. Съ тремя тысячами, которыя даетъ мнѣ Антонскій ⁸⁾, могу прожить безъ нужды довольно времени въ Енѣ. Ученье теперь мнѣ всего нужнѣе, потому что я совсѣмъ ничего не знаю, а, кажется, время что-нибудь знать. Что-жъ Николай? ⁹⁾ Поѣдетъ ли онъ, если я поѣду? Или не раздумала ли матушка? ¹⁰⁾ Признаюсь, эта мысль меня радуешь быть ему товарищемъ: мы бы вмѣстѣ стали трудиться. Онъ, мнѣ кажется, человекъ будетъ не пустой. Что такое онъ написалъ для акта? ¹¹⁾ Нельзя ли прислать? Увѣрь его пожалуста, что онъ во мнѣ найдетъ самаго вѣрнаго товарища. Я для себя и для него ожидаю величайшей пользы отъ путешествія. Опытность, познанія, дѣятельность—все можемъ получить въ это время. Путешествіе должно положить основаніе всей моей будущей жизни; теперь еще не знаю, что я, слѣдовательно не знаю, на что гожусь; но тогда, конечно, узнаю. Къ тому же мнѣ необходимо надобно учиться, самому никакъ нельзя во всемъ успѣть, особливо одному; мнѣ хочется непременно сдѣлать изъ себя все то, что теперь осталось мнѣ возможнымъ, все лучшее, полезное: кто это имѣетъ цѣлю, тотъ по крайней мѣрѣ не сдѣлаетъ ничего дурнаго. Еще разъ повторяю: будемъ помогать другъ другу, будемъ оживлять другъ друга словами, дѣлами, всѣмъ. Напиши ко мнѣ больше о себѣ; о своемъ планѣ жизни; обо мнѣ; о томъ, что намъ дѣлать обоимъ; какъ мы можемъ быть полезны другъ для друга. Мнѣ бы хотѣлось знать твои мысли о счастья, какое тебѣ возможно и какого намъ обоимъ можно искать. Что ты думаешь о моемъ вояжѣ и что мнѣ совѣтуешь дѣлать, если не поѣду? Въ будущемъ письмѣ буду писать о томъ, какое счастье я себѣ воображаю и какое мнѣ возможно. Но все это похоже на воздушныя замки, и тебѣ должны казаться смѣшными мои вопросы. Однакоже ты долженъ на нихъ отвѣчать. Не правда ли, однакожь, что

⁷⁾ Т. е. Енѣ.

⁸⁾ Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, профессоръ Московскаго университета, съ 1791 года по 1824 годъ стоявшій во главѣ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона (съ 1791 по 1818 съ званіемъ инспектора, а съ 1818 съ званіемъ директора).

⁹⁾ Н. И. Тургеневъ. См. выше, прим. 4 къ письму № I.

¹⁰⁾ Иванъ Петровичъ Тургеневъ былъ женатъ на Екатеринѣ Семеновнѣ Качаловой.

¹¹⁾ Въ помѣщенномъ въ № 103 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1805 года извѣстіи о происходившемъ 23 Декабря 1805 года актѣ Московск. Универс. Благороднаго Пансіона въ перечнѣ читанныхъ на актѣ рѣчей, разговоровъ и стиховъ, не упоминается имени Н. И. Тургенева. Изъ того же извѣстія видно, что на этомъ актѣ студентъ Николай Тургеневъ удостоенъ серебряной медали съ именемъ.

я о твоёмъ и своемъ счастьи хочу разсуждать, какъ будто о какой-нибудь философической задачѣ? И въ самомъ дѣлѣ, неужели объ этой матеріи надобно разсуждать въ горячкѣ и быть всегда мечтателемъ? Надобно сдѣлать для себя какой-нибудь основательной планъ, не химерической, но утвержденный на возможности; намъ надобно другъ другу сообщать свои намѣренія и чувства, другъ другу помогая сдѣлать что-нибудь хорошее, утвердиться на чемъ-нибудь постоянно. Итакъ, напиши мнѣ о себѣ все, не полѣнись, будь моимъ путеводителемъ или по крайней мѣрѣ совѣтникомъ.—Что дѣлаетъ Мерзляковъ? Онъ забылъ меня совершенно: я не получилъ отъ него ни строки; не знаю, что онъ дѣлаетъ и что наше съ нимъ путешествіе. Я самъ къ нему почти ничего не писалъ, но все писалъ, и въ твоёмъ письмѣ, и одинъ разъ особенно. Напомни ему обо мнѣ. За что намъ другъ отъ друга отдаляться? Признаюсь, мнѣ обидно слышать, что ты съ нимъ рѣдко видишься: кому-жъ бы другъ друга поддерживать и искать, какъ не вамъ двумъ! Что-жъ значитъ это отдаленіе? Не знаю, какъ это назвать; но мнѣ кажется, что Мерзляковъ (хотя съ нимъ мнѣ всегда было весело быть вмѣстѣ, потому что онъ человекъ необыкновенный) не былъ со мною таковъ, какимъ бы я желалъ его видѣть; на примѣръ, между нами не было искренности; если мы и говорили другъ съ другомъ, то вообще всегда говорили о постороннихъ матеріяхъ; однимъ словомъ, мнѣ всегда казалось, что я мало для него значу, и отъ этого онъ мало на меня имѣлъ вліянія. Можетъ быть, этому причиною и то, что онъ не хотѣлъ имѣть вліянія: по крайней мѣрѣ я по сію пору еще его не знаю; онъ никогда мнѣ не открывался, даже въ самыхъ бездѣлицахъ, въ своихъ сочиненіяхъ, не только въ мысляхъ и чувствахъ. Между нами не было ничего общаго; я не могу отъ него ничего требовать: вѣтъ ничего тяжелаго и скучнаго, какъ насиліе и принужденность. Но онъ не имѣлъ причины мнѣ показывать обманчивой наружности; слѣдовательно я имѣю все право вѣрить тому, что онъ мнѣ показывалъ, и теперь вѣрю; только мнѣ кажется, что все было не таково, какимъ бы должно было быть между нами. Отчего такая слабая связь, такое равнодушіе между нами? Насъ должно оживлять одно, поддерживать одно! Однимъ словомъ, наша жизнь должна быть *cause commune!*¹²⁾ А мнѣ кажется, что онъ меня забылъ и всегда искалъ меня меньше, нежели я его. Или не вздоръ ли я написалъ, и не похоже ли это на прищипки? Скажи ему обо мнѣ полслова и напиши объ немъ что-нибудь. Намъ надобно жить связано и жить другъ для друга. Я признаюсь передъ вами, любезные друзья, что я самъ былъ что-то не то, но намъ надобно быть образователями другъ друга. Не забывайте меня; я здѣсь имѣю въ васъ нужду, можетъ быть больше, нежели вы во мнѣ. — Но прости, братъ, на будущей почтѣ буду писать еще; то-есть, получивъ отъ тебя отвѣтъ. Теперь некогда, мнѣ мѣшаютъ. — Пришли мнѣ свое Путешествіе¹³⁾. Я теперь занимаюсь собраніемъ Русскихъ поѣтовъ;

¹²⁾ Т. е. общимъ дѣломъ.

¹³⁾ Здѣсь разумѣется журналъ, или описаніе заграничнаго путешествія А. И. Тургенева, которое Жуковский думалъ впоследствии напечатать (о чемъ см. въ дальнѣйшихъ письмахъ); но ему не удалось это исполнить. Небольшой отрывокъ изъ этого путеше-

скажи Мерзлякову, чтобъ онъ прислалъ мнѣ лучшіе свои стихи; не будетъ ли чего для помѣщенія въ это Собраніе? ¹⁴⁾ Пришли Путешествіе. Неужли искреннее сужденіе дружбы не будетъ для тебя приятно? Всѣ мои сочиненія увидятъ не прежде свѣтъ, какъ съ пропускомъ и благословеніемъ моихъ друзей.

А прогос. Пожалуста прочти Виландова Агатона ¹⁵⁾. Святая книга! Я начинаю больше уважать Нѣмецкихъ авторовъ. Ради Бога, пришли мнѣ что нибудь хорошее въ Нѣмецкой философіи: она возвышаетъ душу, дѣлая ее дѣятельнѣе; она больше возбуждаетъ энтузіазмъ. Этому причина, конечно, то, что большая часть Нѣмецкихъ философовъ живутъ въ совершенномъ уединеніи, слѣдовательно больше угадываютъ людей, видятъ ихъ издали и больше примѣняютъ къ себѣ. Французскіе всѣ играютъ роль въ большомъ свѣтѣ, всѣ подчинены хорошему тону, менѣе глубокомысленны и меньше имѣютъ живости въ чувствахъ, которыя обыкновенно притупляются свѣтскою жизнію. Одинъ Руссо можетъ быть исключеніемъ, но Руссо жилъ всегда въ уединеніи. Итакъ, пришли мнѣ какого нибудь Нѣмца-энтузіаста. Мнѣ теперь нуженъ такой помощникъ, нужна философія, которая бы оживила, пробудила мою душу. Если есть Schiller's kleine prosaische Schriften, присылай. Не забудь поздравить отъ меня батюшку съ новымъ годомъ; напиши объ немъ, объ Иванѣ Володимировичѣ ¹⁶⁾. О послѣднемъ буду говорить съ тобою много, но не теперь: спѣшу, мѣшають, торопятъ писать! Прости, братъ! Что Андрей Сергѣевичъ? ¹⁷⁾ Знаешь ли, что мнѣ приходится въ голову съ нимъ поближе сойтись. Намъ надобно составить отдѣльное общество. Но послѣ, послѣ!

V ¹⁾.

(1806, Москва).

Mon cher ami. Будучи лѣнивъ невображаемымъ образомъ, ты еще меня хочешь наказывать за лѣность: побойся Сатаны! Я отвѣчалъ на твое письмо, хотя нѣсколько поздно, но ты самъ отчасти причиною такого замедленія: ты не доставилъ мнѣ своего адреса, и я принужденъ

ствія, подъ заглавіемъ: „Путешествіе Русскаго на Брокенъ въ 1803 году“, позже былъ напечатанъ въ № 22 „Вѣстника Европы“ 1808 года.

¹⁴⁾ Собраніе Русскихъ стихотвореній, въ пяти частяхъ, было издано Жуковскимъ позднѣе, въ 1810—1811 годахъ.

¹⁵⁾ Читеніемъ Агатона Жуковскій былъ занятъ съ Декабря 1805 года; это сочиненіе Виланда привело Жуковскаго въ восторгъ, какъ видно изъ отрыва его объ этой книгѣ въ письмѣ его къ Федору Григорьевичу Вендриху (сосѣду Жуковскаго по деревнѣ) отъ 19 Декабря 1805 года (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 384—385).

¹⁶⁾ Допухинъ.

¹⁷⁾ Кайсаровъ.

¹⁾ Письмо безъ даты; отнесено къ 1806 году предположительно. Писано, какъ видно по его содержанію, изъ Москвы. Письмо отъ 24 Декабря 1806 года имѣетъ тотъ же адресъ, какъ и настоящее письмо, но уже весь писанный рукою Жуковскаго.

адресовать письма на имя Костогорова ²⁾ и посылать через Соковниных ³⁾. Деньги твои сію минуту получилъ и сію минуту везу къ братьямъ ⁴⁾; я очень рѣдко вижу матушку ⁵⁾, потому что теперь совершенно никого не вижу, сижу и долженъ сидѣть дома. Не пеняй на меня, любезный другъ, и болѣе всего не сердись на меня за мою лѣнь. Говорятъ, что отдаленіе, долговременная разлука, свѣтская разсѣянность, особливо разсѣянность такого рода, какъ твоя, уменьшаютъ дружбу. Я увѣренъ, что ты это опровергнешь своею ко мнѣ привязанностію. *Обстоятельства* мои теперь идутъ такъ, мой любезный, добрый и неизмѣнный Александръ, что, можетъ быть, я долженъ буду ограничить себя одною дружбою. Эта счастливая идея блеснула сію минуту въ моемъ сердцѣ. Такъ, любезный другъ, быть можетъ для *счастія жизни* буду искать прибѣжища въ тебѣ; ты, можетъ быть, долженъ будешь замѣнить для меня *многос*; что съ одной стороны *потеряю*, то буду стараться *замѣнить* тобою. Идея радостная, идея, которая должна быть для меня теперь усладительна! Мы будемъ дѣйствовать вмѣстѣ, другъ для друга, дѣйствовать достойнымъ другъ друга образомъ. По крайней мѣрѣ эту жизнь можно будетъ назвать жизнію благородною и почти счастливою. Забудемъ ли когда нибудь нашего брата? Забудемъ ли когда нибудь другъ друга? Братъ, ради Бога, *возобновимъ* свою дружбу и будемъ жить, имѣя всегда передъ глазами одинъ другаго; тогда по крайней мѣрѣ душа не увянетъ. Благодарю счастливаго гения, который далъ мнѣ перо въ руку и побудилъ къ тебѣ написать. Будущее для меня озарилось! Прости, любезный другъ; теперь буду видѣть въ будущемъ тебя, *et vous devrez être mon refuge* ⁶⁾. Для того, чтобы я былъ добръ, цѣнилъ жизнь и не потерялъ живости и чистоты душевной, не закрывай для меня сердца! *Oui, il faut tenir à quelque chose; vivre sans liens, après avoir rompu tous ceux qui ont été si chers, c'est exister dans un tombeau!* ⁷⁾ Прости, мой другъ; я еще буду говорить съ тобою, и много, но не теперь.

Адресъ: Его высокоблагородію Александру Ивановичу Тургеневу. Въ канцеляріи его превосходительства Николая Николаевича Новосильцова ⁸⁾. Въ С.-Петербургѣ. (Въ этомъ адресѣ только слова: „Александру Ивановичу Тургеневу“ писаны самимъ Жуковскимъ).

²⁾ О немъ см. выше, примѣч. 4-е къ письму II-му.

³⁾ Общіе знакомые Жуковскаго и Тургеневыхъ. Сергѣй Михайловичъ Соковнинъ былъ товарищемъ Жуковскаго и Тургенева по воспитанію въ Московскомъ Благородномъ Пансіонѣ и ихъ пріятелемъ.

⁴⁾ Н. И. и С. И. Тургеневымъ.

⁵⁾ Екатерину Семеновну Тургеневу.

⁶⁾ Т. е. И ты долженъ быть моимъ прибѣжищемъ.

⁷⁾ Т. е. Да, нужно держаться чего либо; жить безъ привязанностей, порвавъ всѣ тѣ, которыя были такъ дороги, это тоже, что жить въ могилѣ.

⁸⁾ Знаменитый впоследствии своею службою въ Царствѣ Польскомъ, а позднѣе предсѣдатель Государственнаго Совѣта. П. Б.

VI.

(Въ половинѣ Декабря 1806 г., Москва).

Здравствуйте, любезные друзья Тургеневъ и Блудовъ! Въ доказательство того, что я васъ помню и люблю, можетъ быть, больше прежняго, посылаю вамъ цѣлую кипу стиховъ ¹⁾, изъ которыхъ одно точно на ваше имя написано и въ такую минуту, въ которую я съ большимъ чувствомъ думалъ объ васъ и о прошедшемъ времени. Которые это стихи, вы сами узнать можете ²⁾. Сдѣлай дружбу, братъ Тургеневъ, вели напечатать Барда ³⁾ особенно, если можно съ виньетомъ, на которомъ бы представилъ ту минуту, въ которую Бардъ взбѣжалъ на холмъ и видитъ летящія тѣни. Извини, что занимаю тебя стихами тогда, когда мы всѣ должны думать объ отечествѣ ⁴⁾; но эти стихи суть новый даръ отечеству; я желалъ бы, чтобы ты сдѣлалъ ихъ извѣстными. Если напечатаетъ, то пришли и мнѣ сколько нибудь экземпляровъ. Покритикуйте ихъ вмѣстѣ съ Блудовымъ и, если вздумаете что поправить, поправьте. Только поспѣши. Здѣсь они будутъ напечатаны въ Вѣстникѣ ⁵⁾. О другихъ же моихъ піесахъ не заботься; онѣ будутъ напечатаны въ Вѣстникѣ же, и я смѣшонъ бы былъ, когда бы хлопоталъ объ нихъ или занимался сочиненіемъ басенъ въ такое время, каково настоящее. Всѣ эти стихи написаны въ Октябрѣ ⁶⁾, въ спокойнѣйшія минуты, а теперь ни на чемъ постороннемъ нельзя остановить вниманія. Я пріѣхалъ было въ Москву съ тѣмъ, чтобы цѣлый годъ посвятить порядочному ученію, пройти исторію и философію, и потомъ уже, имѣя основательныя знанія, приняться за что нибудь важное и полезное; но теперешнія обстоятельства, кажется, не позволяютъ заняться науками. Я не знаю, на что рѣшиться, и желалъ бы знать ваше мнѣніе объ этомъ, братцы. Теперь всякой обязанъ идти въ службу, и я чувствую свою обязанность; но служить надобно для того, чтобы принести пользу. Вы знаете мои способности; скажите, что мнѣ дѣлать? А я не желалъ бы остаться въ бездѣйствіи тогда, когда всякой долженъ дѣйствовать, но желалъ бы дѣйствовать такъ, чтобы принести пользу. Ожидаю вашего отвѣта, по крайней мѣрѣ тво-

¹⁾ Въ періодъ времени съ Апрѣля по конецъ Ноября 1806 года Жуковскій написалъ 42 піесы (см. Бумаги В. А. Жуковского, стр. 26—29).

²⁾ Очевидно это—элегія „Вечеръ“, писанная въ Маѣ 1806 года (см. тамъ же, стр. 26), въ которой нѣсколько строкъ посвящено воспоминаніямъ о друзьяхъ и спутникахъ юности.

³⁾ Т. е. Піснь Барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей. Отдѣльнымъ изданіемъ она вышла въ Петербургѣ въ 1807 году, но безъ виньетокъ.

⁴⁾ Тогда шла вторая наша война съ Наполеономъ и набиралось Народное Ополченіе. П. Б.

⁵⁾ Въ Москвѣ Піснь Барда появилась въ № 24-мъ Вѣстника Европы за 1806 годъ.

⁶⁾ Большинство написанныхъ въ 1806 году басенъ, дѣйствительно, относится къ Октябрю этого года (см. указанныя страницы въ Бумагахъ В. А. Жуковского).

его, Тургеневъ: ты не такъ лѣнивъ, какъ Блудовъ, въ которомъ одна страсть ⁷⁾ поглотила всѣ другія способности, склонности и пр. и пр. Ты долженъ непремѣнно отвѣчать мнѣ и въ скорѣйшей скорости. Если не ошибаюсь, то въ сочиненіи манифеста ⁸⁾ участвовалъ и ты: кажется, есть въ немъ сходство съ твоимъ слогомъ ⁹⁾. Вообще написанъ хорошо; но вы забыли, государи мои, что вы говорите съ Русскимъ народомъ, слѣдовательно не должны употреблять языка ораторскаго, а говорить простымъ, сильнымъ и для всѣхъ равно понятнымъ. Нынче и тотъ, кто привыкъ читать и знаетъ риторику, плѣняется меньше украшеніями, нежели простотою. Вообрази, что этотъ манифестъ должны читать всѣ генерально. Кто знаетъ Цицерона, для того онъ будетъ убѣдительнѣе, хотя и на него ораторскіе обороты будутъ въ половину только дѣйствовать: языкъ оратора подозрителенъ, ибо знаешь, что краснорѣчіе все увеличиваетъ. Для простаго народа и для большей части высокаго дворянскаго сословія важнѣйшія мѣста изъ манифеста будутъ почти непонятны, слѣдовательно потеряютъ большую часть своего дѣйствія. Мало и не положительно сказано о награжденіяхъ. Вы думаете все основать на чувствѣ патріотизма, которое въ большей части очень слабо, въ однихъ потому, что они безпрестанно разсѣяны свѣтскимъ вздоромъ, слѣдовательно не могутъ имѣть ничего солиднаго въ головѣ; въ другихъ потому, что они слишкомъ грубы и необразованны, слѣдовательно не могутъ имѣть понятія о должностяхъ моральнаго чловѣка и объ отношеніяхъ гражданина къ отечеству; а въ простомъ народѣ оно едва ли можетъ существовать: причина очевидна. И такъ надлежало бы говорить даже о личныхъ выгодахъ и о личной опасности и о любви къ Государю. Для большей части народа Русскаго Государь знакомѣе отечества; и самой низкой народъ всегда бывалъ привязанъ къ Государю, это докажетъ исторія: для грубыхъ людей натуральнѣе любить лицо Государя, которое они могутъ знать и видѣть, нежели отвлеченное лицо отечества, которое существуетъ въ одномъ воображеніи. Тотъ, кто уже говоритъ объ отечествѣ и понимаетъ то, что говорить, можетъ назваться довольно просвѣщеннымъ; этого просвѣщенія еще нѣтъ въ нашемъ народѣ. Что жъ касается до личныхъ выгодъ и личной опасности, то надлежало бы и ихъ представить явственнѣе; надлежало бы сказать, какая именно опасность намъ угрожаетъ, и сказать самымъ простымъ, понятнымъ языкомъ: тутъ бы можно было распространиться о вѣрѣ. Вотъ случай, въ которомъ самая фанатическая вѣра можетъ быть весьма полезною: фанатизмомъ можно управлять, а теперь только того и желать должно, чтобы все покорялось безъ прекословія. Для чего не сказано ничего объ опасности, угрожающей нашей вѣрѣ? Вѣра есть имѣніе каждаго; всякой,

⁷⁾ Увлеченіе глянжою Анною Андреевною Щербатовой, на которой Д. Н. Блудовъ позднѣе женился.

⁸⁾ Рѣчь идетъ о манифестѣ 30 Ноября 1806 года, напечатанномъ 3 Декабря того же года, объ образованіи милиціи или ополченія (см. П. С. З., т. XXIX, № 22374).

⁹⁾ Вотъ съ какихъ поръ Д. Н. Блудовъ могъ заниматься манифестами, которые въ царствованіе Николая Павловича почти всѣ имъ писаны. Читатель оценитъ правду дальнѣйшаго разсужденія Жуковскаго. П. Б.

разумѣется, вѣрующій, а какъ скоро вѣрующій, то и большой энтузіазмъ получить могущій, вступился бы за свою собственность. Этотъ предлогъ еще необходимѣе для нашихъ крестьянъ, которые не имѣютъ собственности. Представить бы опасность не риторски, а просто, сильно и языкомъ для всѣхъ понятнымъ. О награжденіяхъ сказано вообще! А это-то и требовало распространенія. Въ первую минуту энтузіазмъ могъ воспламенить ревность, но должно бы было дать подпору энтузіазму: надежда на будущія выгоды могла бы быть ему подпорою. Определить бы награду для дворянъ, что меньше однако нужно, ибо дворяне могутъ больше быть убѣждены въ необходимости вооруженія; определить бы награду и для самыхъ мужиковъ, и вотъ, мнѣ кажется, благоприятный случай для дарованія многихъ правъ крестьянству, которыя бы приблизили его нѣсколько къ свободному состоянію, котораго нашъ Государь такъ сильно, кажется мнѣ, желаетъ: первый шагъ труденъ, и для сдѣланія сего шага нуженъ намъ непремѣнно поводъ, а теперешній случай можетъ почестъся весьма сильнымъ поводомъ. Мало также и не весьма ясно говорено о распущеніи войскъ: многіе воображать, что должны будутъ служить какъ обыкновенные солдаты. Теперь много, весьма много зависитъ отъ помѣщиковъ и отъ исправниковъ: имъ бы должно было, однимъ своихъ крестьянъ, другимъ казенныхъ собрать и толковать имъ волю Государеву, прочесть передъ ними манифестъ и объяснить имъ ихъ собственную должность; вселить бы въ нихъ уваженіе къ тому званію, въ которое они посвящаются; дать имъ почувствовать, что они идутъ не насильно, а по призванію своего Государя; представить бы имъ надежду на награжденія и отличія; однимъ словомъ, уничтожить совершенно то уныніе, которое я замѣтилъ уже во многихъ, чему причиною самъ манифестъ, въ которомъ о необходимости вооруженія и должности гражданской говорено языкомъ ораторскимъ, слѣдовательно не совсѣмъ понятнымъ для всѣхъ. У большей части, по прочтеніи манифеста, остается одна только мысль о новомъ и ужасномъ наборѣ, и никакая другая о выгодѣ сего набора и объ обязанностяхъ каждаго не можетъ поколебать впечатлѣнія, имъ произведеннаго, потому что это впечатлѣніе самое главное и сильное. Надлежало непремѣнно уничтожить его другими сильнѣйшими. Наши дворяне могли бы легко его уничтожить и даже замѣнить энтузіазмомъ или по крайней мѣрѣ готовностію на все; но сколько на это способныхъ изъ живущихъ по деревнямъ? Еще жъ, едва ли не больше, могли бы сдѣлать священники. Я бы написалъ проповѣдь простую, но сильную, которую бы разослалъ по всѣмъ приходамъ и велѣлъ бы читать передъ народомъ; умной священникъ къ написанному могъ бы прибавить свое словесное толкованіе, а глупой ничего бы не прибавилъ, а прочесть бы все такъ, какъ написано. Это произвело бы великое дѣйствіе. Въ проповѣди основалъ бы все на вѣрѣ; говорилъ бы о любви къ Государю, къ женамъ и дѣтямъ, о потерѣ возможной имущества и о наградахъ въ здѣшнемъ и будущемъ мірѣ: однимъ словомъ, освятилъ бы вооруженіе. Между тѣмъ и для каждаго офицера приготовилъ бы такую же инструкцію, по которой онъ бы непремѣнно часто, если не ежедневно, внушалъ каждому солдату его должность; но чтобы и тѣни не было витійства: оно хорошо на каедрѣ, передъ народомъ Афинскимъ, но не въ Россіи,

гдѣ народъ не одаренъ живымъ воображеніемъ: больше жъ всего говорить бы о вѣрѣ, Государѣ, личныхъ выгодахъ и наградахъ, которыя непременно бы должно было выполнить..... Вотъ тебѣ, мой любезный другъ, мои мысли, которыя осмѣливаюсь вѣрить почтѣ, потому что онѣ основаны на желаніи блага моему отечеству. Теперь узнаемъ, каковъ патріотизмъ Русскихъ. По крайней мѣрѣ исторія сохранила немного такихъ примѣровъ любви къ Государю, которые заставляютъ ожидать отъ истинно Русскихъ необыкновенныхъ пожертвованій. Желалъ бы узнать, куда назначаются всѣ эти семь войскъ ¹⁰⁾, кто будутъ начальники? Напиши объ этомъ, если только объ этомъ писать позволено..... Между тѣмъ прости, любезный другъ. Я писалъ къ тебѣ о манифестѣ для того, что почитаю тебя его авторомъ. Отвѣчай мнѣ скорѣе: чтó я долженъ дѣлать и чтó могу сдѣлать? Объ это(мъ) ты можешь сказать что нибудь рѣшительное. Если надобно будетъ идти, то нельзя ли будетъ получить такое мѣсто, гдѣ бы я могъ употребить въ бóльшую пользу свои способности, а именно, нельзя ли будетъ найги случая втереться въ штатъ котораго нибудь изъ главнокомандующихъ областныхъ для письменныхъ дѣлъ, и не можешь ли ты для меня этого сдѣлать? Я сталъ бы работать и душой, и тѣломъ. Впрочемъ и во фронтъ идти не откажусь, если нужно будетъ идти, хотя за способности свои въ этомъ случаѣ не отвѣчаю ¹¹⁾. Подумай за меня хорошенько, любезный другъ; сообщи мнѣ свои мысли немедленно. Я между тѣмъ буду съ другими совѣтоваться, но ни на чтó рѣшительное, безъ твоего мнѣнія, не отважусь. Теперь всякой *желаящій* можетъ быть хотя нѣсколько полезенъ, но чѣмъ больше, тѣмъ лучше; и такъ надобно искать мѣста по способностямъ. Похлопочи обо мнѣ: въ этомъ случаѣ полагаюсь на тебя совершенно. Прости.

Кто жизнью дерзнетъ кушитъ порабощенье?

Отчизны ль нашей быть добычей ихъ когтей?

Иль диво намъ карать надменныхъ ¹²⁾.

Поспѣши напечатать эти стихи: это лепта вдовицы.

У батюшки твоего бываю. Онъ слабъ: говорить лучше прежняго и больше, но слабѣе. Одна только мысль и занимаетъ его: поѣздка въ Петербургъ ¹³⁾. Я непременно всякую Субботу у него ночую и объѣдаю по Воскресеньямъ. Въ другіе дни расположился заняться своими лекціями ¹⁴⁾; но теперь не знаю, чтó будетъ. Отвѣчай, отвѣчай мнѣ немедленно: твой отвѣтъ будетъ для меня доказательствомъ твоей дружбы. Обнимаю васъ, любезные друзья...

Нѣтъ, нѣтъ! Пусть всякъ идетъ во слѣдъ судьбѣ своей,

Но въ сердцахъ любить незабвенныхъ! ¹⁵⁾

Блудовъ, отъ тебя жду критики на мои стихи: твоя критика для меня законъ.

¹⁰⁾ Семь областныхъ земскихъ войскъ, на которыя было раздѣлено все ополченіе.

¹¹⁾ Какъ извѣстно, въ 1807 году Жуковскій не поступилъ въ ополченіе.

¹²⁾ Эти стихи взяты изъ „Пѣсни Барда“.

¹³⁾ И. П. Тургеневъ поѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ 25 Января 1807 года.

¹⁴⁾ По самообразованію.

¹⁵⁾ Эти стихи взяты изъ элегіи „Вечеръ“.

24 Декабря (1806, Москва).

Le mal est fait, mon cher ami ¹⁾! Стихи напечатаны въ Вѣстникѣ ²⁾ прежде, нежели я получилъ твое воспламеняющее письмо, которое оживило мой геній. Для стихотворца, который себя чувствуетъ, довольно двухъ судей, одаренныхъ сроднымъ съ нимъ чувствомъ: твоя похвала и Блудова стоятъ для меня похвалы всѣхъ нашихъ почтенныхъ согражданъ и современниковъ. Слыша чью-нибудь глупую критику, буду думать: мои друзья не такъ судятъ, и всякая такая критика будетъ для меня только смѣшна. Однимъ словомъ, скажу тебѣ, что я читалъ твое письмо съ восхищеніемъ, и эта минута была моею наградою за труды мои, если только стихи, произведенные въ минуту вдохновенія, можно назвать трудомъ. Критики Блудова ожидаю и увѣренъ, что она еще больше воспламенитъ меня: умная критика всегда открываетъ дорогу къ новымъ подвигамъ. Поспѣвши, любезный, добрый другъ, напечатать Барда и дѣлай съ нимъ, чтобъ внушить тебѣ твоя ко мнѣ дружба, только пришли мнѣ сколько-нибудь экземпляровъ, и поскорѣе. Я спѣшу сообщить тебѣ мой планъ. Кашиинъ ³⁾ почти положилъ эту піесу на музыку. Она должна быть представлена мелодрамою на театрѣ, и думаю, что произведетъ великое дѣйствіе, и конечно больше, нежели при чтеніи. Къ будущему Понедѣльнику, то-есть черезъ восемь дней, она совсѣмъ поспѣетъ и тотчасъ будетъ по почтѣ доставлена къ тебѣ; нельзя ли будетъ хлопотать, чтобы ее дали на театрѣ и чтобы Нарышкинъ ⁴⁾ далъ приказаніе и на здѣшней ее сыграть (объ этомъ уже постарайся ты)? Впрочемъ вы съ Блудовымъ разсудите, прилично ли это будетъ или нѣтъ? Мнѣ кажется, что можно бы. — Вечеръ ⁵⁾ отдаю на твое расположеніе и чрезвычайно радъ, что ты находишь въ немъ тоже, что я нахожу. Что же касается до моего пріѣзда въ Петербургъ, то я, признаться, плѣняюсь твоимъ приглашеніемъ; я чувствую, что я былъ бы совсѣмъ не тотъ, когда бы жилъ вмѣстѣ съ вами, братцы! Если письма ваши

¹⁾ Т. е. Вѣда уже случилась, мой дорогой другъ.

²⁾ „Пѣснь Барда“ была напечатана въ № 24 „Вѣстника Европы“ за 1806 г.

³⁾ Даниилъ Никитичъ Кашиинъ († 1842), ученикъ Сарти, хорошій музыкантъ, бывшій до 1812 года капельмейстеромъ Московскаго театра и учителемъ музыки въ Московскомъ университетѣ (о немъ см. некрологъ въ Литерат. Газетѣ 1842 года, № 2, и Геннади, Справоч. словарь о Русск. писат. и ученыхъ, т. II, стр. 125). Изъ положенныхъ имъ на музыку пѣсенъ Жуковскаго была издана пѣсня „Слава на небѣ солнцу“ (теноръ, басъ и хоръ). См. напечатанную Н. И. Стояновскимъ въ 1888 году брошюру „В. А. Жуковскій. Чествованіе его памяти въ С.-Петербургѣ 29 и 30 Января 1883 года“, стр. 81.

⁴⁾ Александръ Львовичъ, оберъ-госмаршалъ, главный директоръ надъ зрѣлищами и музыкою.

⁵⁾ Т. е. элегію „Вечеръ“, которая была послана Тургеневу въ предъидущемъ письмѣ.

(которыхъ однако почти не пишете) меня такъ оживляютъ, что жъ ваша дружба, которая мнѣ такъ нужна и такъ намъ необходима для нашего общаго образованія! Но я, братецъ, здѣсь занять безъ помѣшательства лекціями: мои знанія очень несовершенны, надобно хотя нѣсколько усовершенствовать ихъ. Если бъ можно было найти въ Петербургѣ такую службу, которая бы не мѣшала мнѣ заниматься и въ то же время (что всего важнѣе!) могла доставлять мнѣ средства къ моему содержанію (вѣдь не все же мнѣ ходить въ Блудова скюртукѣ и жилетѣ и ѣсть слоеные пироги), то я бы съ радостію, съ большою радостію къ вамъ пріѣхалъ. Подумай, любезный другъ, какого рода службу можешь найти мнѣ; только пожалуста подумай объ этомъ хорошенько, чтобы мнѣ не потерять! Простите, друзья, милые друзья, не могу больше писать! Блудовъ, обнимаю тебя отъ всего сердца, хотя имѣю право на тебя сердиться. Ты обманулъ меня! Хотѣлъ ко мнѣ пріѣхать и не пріѣхалъ, а я такъ радовался этою мыслию. Простите, братья. Вотъ хоръ, который я прибавилъ къ Барду, для музыки:

Россъ! И щить и мечъ во длань!
Врагъ за гибелью притегъ!
Смерть ему отъ Росса дань!
Жертвой рокъ его нарекъ!
Прочь покоемъ наслажденье!
Тамъ отчизна! Тамъ нашъ царь!
Братя, руки на олтарь!
Клятва: смерть или спасенье!
Мы ль на жертву предадимъ
Васъ, Славянъ отцы священны?
Мы ль врага не потребимъ
Отъ отчизны ополченны?
Россъ! И щить и мечъ во длань, и пр.

Пришли мнѣ братнины стихи печатные. Я ихъ отдамъ Кашину, чтобы сдѣлалъ на нихъ польской.

VIII.

(Въ первой половинѣ Января 1807 г., Москва.)

Я получилъ твое послѣднее письмо, любезный другъ Александръ, и мнѣ очень жаль, что Блудовъ боленъ, тѣмъ больше, что его по выздоровленіи ожидаетъ самая горестная вѣсть о смерти его матери, которая скончалась отъ водяной¹⁾. Я увѣренъ, братъ, что и ты, и Озеровъ²⁾ все сдѣлаете, чтобы не нанести этою вѣстію слишкомъ сильнаго удара, который еще сильнѣе будетъ послѣ болѣзни. Я воображаю, какого рода эта болѣзнь: расслабленіе нервовъ. Скажи Блудову, что я искренно желалъ бы раздѣлить съ нимъ его горестъ, и надѣюсь, что могъ бы пособить ему ее перенести; но должно быть

¹⁾ Мать Д. Н. Блудова, Екатерина Ермолаевна, рожд. Тишина, скончалась 1 Января 1807 года (см. Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время, СПб. 1866, стр. 48).

²⁾ В. А. Озеровъ, приходившійся двоюроднымъ братомъ Д. Н. Блудову.

покуда съ вами розно. Не хочу и не почитаю нужнымъ утѣшать его на письмѣ; горестъ успокаивается временемъ и дружбою: ты можешь быть въ этомъ случаѣ для него очень полезенъ. Боюсь, не присоединяется ли къ его болѣзни какая-нибудь другая горестъ³⁾, или и болѣзнь произошла отъ этой горести? Если такъ, то его теперешнее положеніе будетъ очень тяжело, и я очень, очень сожалѣю объ немъ и очень бы желалъ быть теперь вмѣстѣ съ вами, братцы. Ты правду говоришь, что мы нужны другъ другу; но это надобно бы было доказать на самомъ дѣлѣ, а мы разсѣялись по разнымъ сторонамъ, и наша дружба мало имѣетъ вліянія на нашу душу, тогда когда она бы должна была имѣть великое вліяніе. Не ты одинъ жалуешься на холодность, и я иногда чувствую эту болѣзнь; твоя происходитъ отъ чрезмѣрной разсѣянности, а моя отъ частаго одиночества. Намъ можно бы было оживлять другъ друга. Можетъ быть и приведетъ судьба жить вмѣстѣ и вмѣстѣ дѣйствовать. Между тѣмъ старайся найти мнѣ такое мѣсто, которое не разлучило бы меня съ Музами и не требовало бы отъ меня большой гибкости и расторопности: я чувствую, что я, какъ говоритъ Державинъ о себѣ—разстегай. Но ты меня знаешь и долженъ знать, какое мѣсто мнѣ прилично; впрочемъ служба не очень меня прельщаетъ. Чтб, если должно будетъ отказаться отъ всего, чѣмъ привыкъ заниматься, и посвятить себя такому дѣлу, которымъ я ничего не выиграю, потому что не умѣю ничѣмъ воспользоваться? Думай за меня, только не будь опрометчивъ. Пожалоста напиши мнѣ хоть нѣсколько строкъ о Блудовѣ на будущей почтѣ: я нетерпѣливо хочу знать о его положеніи; попроси его самого написать, какъ скоро сможетъ. Прости. Я тебѣ однако очень благодаренъ за то, что ты взялся напечатать стихи и не печатаешь. Случай пройдетъ, и они нигуда не будутъ годиться. Оставь на минуту свою разсѣянность, особливо жъ это такъ легко; а хора печатать не надобно: онъ только для музыки. Пришли адресъ твой и Блудова квартиры.

IX.

17 Января (1807 года, Москва).

Не стыдно ли, братъ Тургеневъ, быть такъ вѣтренымъ? Ты написалъ ко мнѣ о болѣзни Блудова, думаешь, что онъ почти опасенъ, и въ послѣднемъ письмѣ своемъ не говоришь ни слова о его болѣзни; пожалоста поспѣши мнѣ дать знать, чтб съ нимъ дѣлается, и сказалили вы ему о смерти матери: ее въ Понедѣльникъ погребли, и я былъ на погребеніи. Если вы еще не сказали, братцы, то надобно это сдѣлать осторожнѣе. Пожалоста, поспѣши написать обо всемъ объ этомъ. Что же касается до послѣдняго твоего письма и до службы, то я право не знаю, на что рѣшиться. Какъ мнѣ пріѣхать въ Петербургъ, не зная, зачѣмъ я пріѣду? Для чего ты не написалъ, какого рода служба меня ожидаетъ? Нужны выгоды. Я не очень буду доволенъ, если меня опредѣлятъ *куда нибудь*, въ первую открывшуюся должность!

³⁾ Жуковский намекаетъ о несогласіи княгини Антонины Воиновны Щербатовой (урожд. Яворской) на бракъ ея дочери, княжны Анны Андреевны, съ Д. Н. Блудовымъ.

Сверхъ того, чѣмъ меньше зависимости, тѣмъ было бы лучше. Нѣтъ ли у васъ напримѣръ какого нибудь *библиотечнаго* мѣста съ хорошимъ жалованьемъ, и вообще я бы желалъ мѣста по части просвѣщенія. Ты, однако, не очень долженъ спѣшить: я теперь занятъ своими лекціями, слѣдовательно, ничего не потеряю, если и черезъ годъ войду въ службу. Прости, любезный другъ, буду ожидать твоего письма съ нетерпѣніемъ. Блудова болѣзнь меня беспокоитъ; онъ не очень крѣпокъ, а болѣзнь опасная и тяжелая, какъ я слышалъ отъ Сокорева: пожалуста поспѣши дать знать объ немъ. А я пишу мало отъ того, что голова очень тяжела; перо изъ рукъ валится. Твой Жуковскій.

Мнѣ пришла идея! Чтб, если бы меня сдѣлать какимъ нибудь директоромъ училища, и именно въ Москвѣ? Я можетъ бы могъ быть и полезенъ! Но объ этомъ еще надобно подумать и узнать, чтб за должность. По настоящему, если бы нашлась хорошая должность въ Москвѣ съ хорошимъ жалованьемъ, то мнѣ бы выгоднѣе остаться въ Москвѣ; мои родные всѣ здѣсь, и сверхъ того моя матушка могла бы жить со мною.

Р. С. Чтожъ, братъ, стихи? Видно забылъ? А Кашинъ сдѣлалъ музыку, но теперь она ни на что не годится. Что ты ничего не напишешь о нашихъ военныхъ обстоятельствахъ? Пришли мнѣ свой адресъ.

Х.

28 Января (1807, Москва).

Мой милой, любезный другъ. Спѣшу сказать тебѣ нѣсколько словъ: батюшка твой поѣхалъ отсюда въ прошедшую Пятницу, т. е. 25-го; я его проводилъ. Дай Богъ, чтобы онъ обрадовалъ тебя своимъ благополучнымъ пріѣздомъ. Я съ своей стороны очень, душевно обрадованъ выздоровленіемъ Блудова; поздравь его отъ меня; писалъ бы къ нему особенно, но, право, спѣшу. Еще больше буду обрадованъ, когда отъ него самого получу нѣсколько строкъ. Нынче мое рожденіе ¹⁾. Выпейте, братцы, за мое здоровье такъ, какъ я буду пить за ваше вмѣстѣ съ Мераляковымъ. Тургеневъ, если хочешь меня видѣть у себя, то напиши мнѣ, какого рода службу могу надѣяться найти и долженъ ли я тотчасъ пріѣхать, или не могу ли остаться до окончанія перваго курса моихъ лекцій. Напиши пообстоятельнѣе; возьми на себя этотъ трудъ и пожалуста не будь такъ разсѣянъ. Если моя ода ²⁾ отпечатана, то поспѣши мнѣ доставить нѣсколько экземпляровъ; жаль, что не будетъ виньетовъ! Прости. Матушка твоя велѣла тебѣ сказать, чтобы ты приготовилъ Франка ³⁾ къ пріѣзду батюшки, то-есть предупредилъ бы его въ томъ, чтобы онъ взялся лѣчить батюшку. Прости, братъ. Напиши же поскорѣе и не забудь сказать о новостяхъ. Если нужно будетъ пріѣхать, пріѣду, и живемъ вмѣстѣ. Жуковскій.

---

¹⁾ Жуковскій хотѣлъ сказать *завтра*: онъ родился 29 Января (на память св. Игнатія Богоносца). П. В.

²⁾ Пѣснь Варда.

³⁾ Лейбъ-медикъ.

XI.

(Въ началѣ Февраля 1807, Москва).

Спѣшу послать тебѣ лѣтописцы; послѣдніе экземпляры. Новгородскій Лѣтописецъ обѣщали мнѣ доставить. Въ Четвергъ буду у Карамзина и спрошу у него, что за птица *Большой Чертежъ*. И Новгородскій Лѣтописецъ, и Чертежа объясненія пошлю въ будущій Понедѣльникъ. Теперь прости. Не стыдно ли написать ко мнѣ цѣлое письмо вздору и не сказать ни слова о томъ, что для меня важно, о моей службѣ? Рѣшись на минуту отложить разсѣяніе. Спроси у Блудова, можно ли ждать его скоро въ Москву; мнѣ сказывали, что онъ долженъ скоро пріѣхать: это очень бы меня обрадовало. Что новаго въ арміи? Не слышалъ ли? Напиши. Теперь батюшка вѣрно уже въ Петербургъ: каковъ онъ? При Московскихъ древностяхъ посылаю и Московскія новости: стихи, которыхъ авторъ твой и мой знакомецъ. Бутервекова Эстетика ¹⁾ у меня есть; ты можешь свой экземпляръ у себя оставить, но хорошо сдѣлаешь, если купишь мнѣ Платнеровы Афоризмы ²⁾, которыхъ здѣсь нѣтъ и по которымъ я имѣю честь учиться премудрости. Поищи пожалуста, если можно, послѣднее изданіе; ошарь всѣ ученые Нѣмецкіе закоулки въ Петербургъ: очень буду тебѣ благодаренъ. А Новгородскій Лѣтописецъ пришлю на слѣдующей почтѣ; по крайней мѣрѣ на мою медлительность не будешь имѣть причины жаловаться такъ, какъ я на твою разсѣянность.

Адресъ: Его высокоблагородію милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу. Въ С.-Петербургѣ, въ канцеляріи его превосходительства Николая Николаевича Новосильцова.

XII.

(Въ Февраль 1807, Москва).

Посылаю тебѣ, любезный другъ, Новгородскій Лѣтописецъ и первый номеръ Ученыхъ Вѣдомостей ¹⁾. О Чертежѣ спрашивалъ у Карамзина; это книжка въ двѣнадцатую долю листа, толстая, въ которой содержится не самый чертежъ, но описаніе какого-то стараго чертежа; ея титулъ «Книга большому чертежу или древняя карта Россійскаго государства. Въ С.-Петербургѣ. Въ типографіи Горнаго училища. 1792-го

---

¹⁾ Фридрихъ Бутервекъ (р. 1766 † 1828), профессоръ нравственной философіи въ Геттингенскомъ университетѣ. Его *Aesthetik* вышла, въ двухъ частяхъ, въ Лейпцигѣ въ 1806 году.

²⁾ Эрнестъ Платнеръ (р. 1744 † 1818), профессоръ философіи и медицины въ Лейпцигѣ. Первое изданіе его сочиненія „*Philosophische Aphorismen*“ вышло въ 1776—1782 г.; въ новой переработкѣ Философскіе Афоризмы были напечатаны въ 1800 году.

³⁾ „Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостей“, которыя издавались всего въ теченіе трехъ лѣтъ (1805—1807) подъ редакціею профессора Буле. Въ нихъ сообщались извѣстія о вновь выходившихъ важнѣйшихъ сочиненіяхъ Русскихъ и иностранныхъ и свѣдѣнія о Московскомъ университетѣ.

года». Получилъ ли ты прежде посланныя книги, и тѣ ли я послалъ, которыя тебѣ нужны? Благодарствую за присылку моихъ стиховъ ²⁾. Я виноватъ, прежде пенялъ на тебя за медленность; но, получивъ твое письмо, въ которомъ ты говоришь о состояніи батюшки ³⁾, подосадовалъ самъ на себя: тебѣ теперь не до стиховъ, и я очень воображаю, какъ должно быть для тебя тяжело твое состояніе. Что Блудовъ не ѣдетъ? Я жду его нетерпѣливо; ему надобно быть скоро, дороги портятся, времени терять не можно, если хочетъ здѣсь быть. Нельзя ли прислать съ нимъ Платнера и *Traité de l'économie politique par Say* или *Canard* ⁴⁾? Здѣсь не нашель; а очень нужны. Посылаю тебѣ письмо отъ Томашевскаго. Этотъ бѣднякъ жалокъ; попался въ комнату какихъ-то шалуновъ, которые не даютъ ему покою, дразнятъ его и даже бьютъ. Инспекторомъ Аршеневскій ⁵⁾, которому, видно, не хочется вступить въ это дѣло. Этотъ бѣднякъ Томашевскій очень страненъ; онъ не можетъ говорить порусски и приписываетъ ненависти къ иностранцамъ тѣ насмѣшки, которыми потчуютъ его за странность. Не смотря на то, онъ жалокъ; ты самъ знаешь, каковы пансіонеры и ученики университетскіе, а Томашевскій кажется мнѣ второй томъ Родзянки ⁶⁾. Я рекомендовалъ его Шлѣцеру ⁷⁾; можетъ быть, онъ сдѣлаетъ, что его переставятъ въ другую горницу. Письмо же его посылаю къ тебѣ для того, что онъ просилъ меня его къ тебѣ доставить; впрочемъ, кажется мнѣ, по немъ ты не можешь ничего сдѣлать. Какъ просить Муравьева ⁸⁾ о томъ, чтобы велѣно переставить его въ другую комнату? Нельзя ли объ немъ только напомнить? Нельзя ли, чтобы Муравьевъ далъ знать профессорамъ, что интересуется этимъ человѣкомъ? Въ этихъ господахъ

²⁾ Пѣсни Барда.

³⁾ Иванъ Петровичъ Тургеневъ скончался въ Петербургѣ 28 Февраля 1807 года и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры, тамъ же, гдѣ его старшій сынъ Андрей.

⁴⁾ *Traité d'économie politique*, сочиненіе знаменитаго экономиста Ж. В. Сэ (Say) (р. 1766 † 1832) вышло въ 1803 г. *Nicolas François Canard* († 1838)—Французскій математикъ и публицистъ; его трудъ „*Principes d'économie politique*“ вышелъ годомъ ранѣе (именно въ 1802) сочиненія Сэ.

⁵⁾ Василій Кондратьевичъ Аршеневскій (р. 1758 † 1808), профессоръ математики въ Московскомъ университетѣ, состоялъ съ 1804 года инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ Университета и учениковъ Гимназіи (см. Биограф. Словарь профессоровъ Московск. университета, т. I, стр. 39—41).

⁶⁾ Семена Родзянки? Семень Родзянка былъ сотоварищемъ Жуковскаго и А. И. Тургенева по Благородному Пансіону и секретаремъ Собранія воспитанниковъ Пансіона и отличался стихотворными дарованіями. Онъ имѣлъ несчастье лишиться разсудка. См. Сушковъ, Воспоминанія о Московск. Университ. Благородномъ Пансіонѣ (въ Чтеніяхъ Московск. Общ. Исторіи и Древн., годъ четвертый, книжка 1, М. 1848, смѣсь, стр. 84—85).

⁷⁾ Христіану Августовичу Шлѣцеру, профессору политической экономіи въ Московскомъ университетѣ, сыну знаменитаго Августа Шлѣцера.

⁸⁾ Михаила Никитича Муравьева (р. 1757 † 1807), который съ 1803 по 1807 годъ былъ попечителемъ Московскаго университета, но жилъ въ Петербургѣ.

очень мало человѣколюбія; имъ легко бы сдѣлать всякую помощь этому бѣдняку, особливо видя, что онъ здѣсь чужестранецъ, но имъ лѣнь и подумать объ этомъ; впрочемъ противъ странности не скоро найдешь лѣкарство. Я между тѣмъ поговорю съ Шлѣдеромъ, не захочетъ ли онъ что-нибудь для него сдѣлать? Прости, поклонись братьямъ. Пожалуста, напиши мнѣ что-нибудь о батюшкѣ, которому скажи мое искреннее почтеніе. Что слышно о войнѣ? Сдѣлай милость, скажи что-нибудь: здѣсь у насъ ничего не говорятъ, а это молчаніе ужасно").

ХІІІ.

(Въ началѣ Іюля 1807, Вѣлевѣ).

Я получилъ оба твои письма, любезный другъ Александръ, одно изъ Бартенштейна, надписанное на мое имя, другое изъ Тильзита ¹⁾, писанное къ Костогорову ²⁾ и присланное мнѣ Соковниными. Очень благодарю тебя за твою дружбу и желалъ бы, чтобы ты чаще давалъ объ ней знать своими письмами, которыхъ однако не имѣю права требовать, потому что моя лѣнь обратилась въ совершенную болѣзнь, и писать письма къ кому бы то ни было теперь есть для меня *несчастіе*. Не смотря на лѣнь, берусь за перо и пишу къ тебѣ. Я въ Вѣлевѣ, съ новымъ планомъ по своему обыкновенію и съ совершенною неизвѣстностію, исполнится ли этотъ планъ когда-нибудь. Хочу издавать на будущій годъ *Вѣстника Европы*. Каченовскій ³⁾ отказывается, и мои прелиминарные условія съ нашимъ любезнымъ благопріятелемъ Максимусомъ Ивановичемъ ⁴⁾ сдѣланы. Теперь начинаю готовить піесы; но такъ какъ я довольно мало на себя надѣюсь и даже боюсь своей лѣни, то, любезный другъ, не худо будетъ, если ты постараешься помочь

---

¹⁾ Это было время, когда Наполеонъ готовъ былъ вторгнуться въ Россію. Страшная Прейсишъ-Эйлауская битва произошла 27 Января 1807 года. П. Б.

²⁾ А. И. Тургеневъ находился въ свитѣ Императора Александра I въ его заграничномъ путешествіи 1807 года. Государь выѣхалъ изъ Петербурга 16 Марта; въ главную квартиру арміи, находившуюся въ Бартенштейнѣ, онъ прибылъ 7 Апрѣля, а въ Тильзитъ, гдѣ произошло свиданіе съ Наполеономъ, 13 Іюня. Пребываніе Императора Александра въ Тильзитѣ продолжалось до 28 Іюня. Наканунѣ, 27 Іюня (въ день Полтавскаго сраженія), былъ подписанъ Тильзитскій миръ.

³⁾ О Костогоровѣ см. выше, прим. 3 къ письму II, а о Соковниныхъ примѣч. 3 къ письму V.

⁴⁾ М. Т. Каченовскій былъ редакторомъ основаннаго Карамзинимъ «Вѣстника Европы» въ 1805—1807 гг.; за 1808 и 1809 годы журналъ издавался подъ редакцію Жуковскаго; въ 1810 г. подъ редакцію Каченовскаго и Жуковскаго; съ 1811 же года Жуковскій отяжелѣлъ отъ редакторства.

⁵⁾ Максимъ Ивановичъ Невзоровъ (о немъ см. выше, въ письмѣ II, прим. 10) съ 1805 по 1815 годъ былъ начальникомъ Московской университетской типографіи (см. его жизнеописаніе, составл. П. А. Безсоновымъ, въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., ч. III, стр. 97). Въ этой типографіи печатался «Вѣстникъ Европы».

миѣ. Ты теперь имѣешь довольно пособій и источниковъ; тебѣ извѣстна хорошо Нѣмецкая литература, слѣдовательно ты можешь назначить миѣ: что и гдѣ находится годнаго и новаго, или стараго, но еще неизвѣстнаго, въ Нѣмецкихъ книгахъ. Ты теперь въ такомъ мѣстѣ, которое очень интересно по настоящимъ обстоятельствамъ ⁵⁾). Записывая что видишь и слышишь; такого рода записки могутъ занять хорошее мѣсто въ моемъ будущемъ журналѣ. Еще: твое Путешествіе по Европѣ не напечатано и, можетъ быть, не приведено въ порядокъ. Если есть въ тебѣ довольно духу и твердости, то постарайся его обработать и приготовь къ будущему году ⁶⁾). Ты въ связи со многими людьми, которые могутъ имѣть въ своихъ портфеляхъ какія-нибудь важныя рукописи, которыя очень бы миѣ пригодились: напримѣръ, я желалъ бы имѣть записки Кантемира о его посольствѣ, которыхъ нѣтъ печатныхъ ⁷⁾). Нѣтъ ли еще какихъ-нибудь подобныхъ записокъ? Однимъ словомъ, ты имѣешь много случаевъ доставать и слышать любопытныя вещи, и если по дружбѣ своей ко миѣ возьмешься снабжать мой журналъ ими и станешь ревностно доставлять миѣ все важное и достойное замѣчанія и *напечатанія*, то я буду тебѣ благодаренъ отъ всего сердца. По части политики снабжай меня, если будешь имѣть время, сочиненіями или переводами или по крайней мѣрѣ назначай миѣ достойныя помѣщенія піесы, то-есть сказывай, въ какомъ сочиненіи ихъ отыскивать. Въ послѣднемъ случаѣ не нужно будетъ тебѣ и письма писать, только напиши въ двухъ строкахъ: такая-то піеса въ такой-то книгѣ хороша; это будетъ для меня весьма выгодно: спасетъ у меня много времени. Нѣтъ ли чего въ бумагахъ братниныхъ ⁸⁾)? Я думаю, нѣкоторыя статьи изъ его журнала, писанныя въ чужихъ краяхъ, могли бы годиться. Однимъ словомъ, будь моимъ ревностнымъ помощникомъ и побуждай лѣнтяя Блудова, когда опять съ нимъ сойдешься, помогать миѣ. Если же паче чаянія не войду въ изданіе журнала, то приѣзжаю въ Петербургъ и вхожу въ службу.—Теперь еще одна просьба, любезный другъ, на которую, конечно, не получу отказа. Постарайся справиться хорошенько объ одномъ бывшемъ пансіонерѣ, котораго и ты, я думаю, знаешь, Проташинскомъ ⁹⁾). Онъ служитъ въ гвардіи, въ Измайловскомъ

---

⁵⁾ Въ Тяльзитѣ.

⁶⁾ Изъ этого Путешествія въ „Вѣстникъ Европы“ 1808 года былъ помѣщенъ (въ № 22) лишь небольшой отрывокъ „Путешествіе Русскаго на Брокенъ въ 1803 году.“

⁷⁾ Въ № 4 „Вѣстника Европы“ 1808 года, на стр. 277—282, мы находимъ статью „Георгъ II, Англійскій король, и министры его, описанные Кантемиромъ“. Въ примѣчаніи къ этой статьѣ Жуковскій, между прочимъ, говоритъ, что этотъ отрывокъ, нигдѣ еще не напечатанный, представляетъ собою донесеніе кн. А. Д. Кантемира, присланное имъ въ 1788 году изъ Лондона Императрицѣ Аннѣ, въ то самое время, когда онъ готовился оставить Англію и ѣхать въ Парижъ въ качествѣ полномочнаго министра.

⁸⁾ Въ бумагахъ Андрея Ивановича Тургенева.

⁹⁾ Василій Проташинскій воспитывался въ Московскомъ Благородномъ Пансіонѣ одновременно съ Н. И. Тургеневымъ. Изъ помѣщавшихся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ извѣстій о годовичныхъ актахъ Пансіона видно, что въ 1802 г. онъ былъ воспитаникомъ

(кажется) полку, ундеръ-офицеромъ. Думаю, что онъ уже былъ въ сраженіи. Что съ нимъ сдѣлалось, живъ ли онъ и въ какихъ онъ обстоятельствахъ? Если ему нужна помощь и протекція и если ты можешь и то и другое доставить, то я увѣренъ, что безъ моей просьбы все полезное для него сдѣлаешь. Если найдешь его, то заставь его пожалоста написать о себѣ къ своимъ роднымъ. И я, и многіе будемъ тебѣ за это благодарны. Прости, любезный другъ, не забывай посреди шуму и хлопотъ своихъ друзей, которые проводятъ свои дни смиренно и не шумно. Желаю искренно, чтобы всѣ твои планы и желанія исполнялись лучше моихъ. Не забудь написать о своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ ¹⁰). Я еще не видалъ твоей матушки, потому что уѣхалъ изъ Москвы за полторы недѣли до ея пріѣзда. Нашъ добрый Леманъ ¹¹) умеръ; я видѣлъ его передъ своимъ отъѣздомъ: онъ страдалъ и желалъ смерти, которой и я пожелалъ ему, видя его страшное мученіе, хотя горестно видѣть смерть такого человѣка, который могъ бы прожить еще долго и по своему прекрасному характеру достоинъ былъ долговременнѣйшей и лучшей жизни. Adieu. Твой навсегда Ж. Поклонись отъ меня Гагарину ¹²). А тебѣ кланяется

старшаго возраста и получили на амтѣ призъ (т. е. награду); въ 1803—1805 гг. онъ упоминается какъ студентъ, при чемъ въ 1803 г. получилъ призъ, въ 1804 серебряную медаль съ именемъ, а въ 1805 серебряную медаль съ именемъ и листомъ. На актѣ 1804 года имъ была произнесена рѣчь „О пользѣ основательныхъ знаній“, а на актѣ 1805 года рѣчь „О истинной славѣ и величіи“. Обѣ эти рѣчи напечатаны въ IV книжкѣ „Утренней Зари“ (Труды воспитанниковъ Универс. Благор. Пансіона), изданной въ Москвѣ въ 1806 г., первая (подписанная буквами Н. К.) на стр. 6—24; а вторая (безъ всякой подписи) на стр. 180—201. Въ „Утренней же Зарѣ“ помѣщены два перевода Проташинскаго съ Англійскаго: Кладбище (книжка III, М. 1805, стр. 126—128) и Покорность Провидѣнію (книжка IV, стр. 93—95). Въ извѣстіи объ актѣ 1806 года имени Проташинскаго уже не встрѣчается. Проташинскій поступилъ потомъ въ военную службу и, какъ видно изъ письма Жуковскаго къ Тургеневу отъ 16 апрѣля (1815 года), былъ раненъ подъ Бородинымъ; въ этомъ письмѣ Жуковскій, прося Тургенева доставить Проташинскому мѣсто въ Петербургѣ, между прочимъ, говоритъ про него: „Онъ ничего не имѣетъ, но онъ братъ М“, т. е. Марьи Андреевны Протасовой.

¹⁰) Императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ 4 июля 1807. Между 7 и 10 июля вернулись въ столицу Н. Н. Новосильцовъ и князь А. А. Чарторижскій (какъ видно изъ свѣдѣній о пріѣзжающихъ въ столицу, которыя печатались въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ). Вероятно, около того же времени пріѣхалъ въ Петербургъ и А. П. Тургеневъ.

¹¹) Воспитатель въ Московск. Университ. Благородномъ Пансіонѣ (см. Записки Жихарева, стр. 116, подъ 15 Декабря 1805 года: „... Тургеньвы воспитанники Лемана и записные Нямцы ...“).

¹²) Князю Григорію Ивановичу Гагарину (р. 1782 † 1837), который былъ сотоварищемъ Жуковскаго и Тургеньвыхъ по Благородному Пансіону. Князь Г. И. Гагаринъ посвятилъ себя дипломатической дѣятельности. Въ 1806 году онъ состоялъ, сверхъ штата, при посольствѣ въ Константинополь, а въ 1808 году былъ секретаремъ посольства въ Парижъ; потомъ нашимъ министромъ въ Туринѣ и въ Мюнхенѣ.

Лодерь ¹³⁾, который лѣчилъ мою руку. Я поѣхалъ было съ Блудовымъ въ Оренбургъ ¹⁴⁾, хотѣлъ видѣть нѣкоторую часть православной Руси, но въ двадцати верстахъ отъ Москвы наша коляска была опрокинута; я ушибъ руку; Блудовъ здоровъ и теперь странствуетъ одинъ.

XIV.

(Въ послѣднихъ числахъ Ноября 1807, Москва).

Здравствуйте, любезные друзья. Отвѣчаю къ вамъ поздно и мало, потому что некогда и лѣнь. Я издаю на будущій годъ Вѣстника, это должно быть вамъ извѣстно; надѣюсь на вашу помощь, и это также, думаю, вы знаете. Получу ли отъ васъ какую-нибудь помощь, это едва ли и самому Богу извѣстно. Хотя Блудовъ и общалъ для меня трудиться, доставлять мнѣ свои критики, свои разсужденія, не говорю уже о стихахъ, но можетъ ли быть, чтобы онъ когда-нибудь измѣнилъ своему характеру, то-есть сдѣлался аккуратенъ и помнилъ свои общанія! Онъ влюбленъ! ¹⁾ Извиняю его, бѣднаго человѣка! Но ты, безстрастный стойкъ Тургеневъ, котораго Путешествіе, не рожденное и не сотворенное, занимаетъ цѣлую стопу бумаги, ужели не вздумаешь разстаться съ этою ненужною для тебя кипкою и дать ее своему пріятелю, который, приведши этотъ хаосъ въ порядокъ, украсилъ бы имъ свой журналъ? Друзья мои, друзья, вы совсѣмъ отъ меня отступились! Вы могли бы мнѣ помогать и ободреніемъ, и матеріалами, но вы слишкомъ разсѣяны, чтобы обо мнѣ позаботиться! Никакъ не могу подуматъ, чтобы были въ состояніи исполнить собственное свое желаніе—въ которомъ я увѣренъ—и подать руку помощи своему товарищу. Но чего требуетъ этотъ товарищъ? спросите вы. Сочиненій, новостей, книгъ. Блудовъ, въ Петербургѣ много и больше, нежели въ Москвѣ, литературныхъ новостей. Найди новѣйшія, разумѣется пріличнѣйшія для моего журнала, дай мнѣ знать и, если можно, нѣкоторыя доставь: я заплачу тебѣ деньги аккуратно, потому что буду платить не свои, а университетскія. Напримѣръ, я желалъ бы имѣть *The lives of most eminent english poets by Johnson* ²⁾, *Der philosophische Bauer von Hirzel* ³⁾, но болѣе всего новостей. Ты, Блудовъ, могъ бы

---

¹³⁾ Знаменитый анатомъ и профессоръ Московскаго университета Христіанъ Ивановичъ Лодерь (р. 1753 † 1832).

¹⁴⁾ Д. Н. Блудовъ вѣздилъ въ Казанскую свою деревню для устройства своихъ хозяйственныхъ дѣлъ послѣ кончины матери (см. Ковалевскій „Графъ Блудовъ и его время“, стр. 45—46).

¹⁾ См. выше въ письмѣ VI, примѣч. 7.

²⁾ Извѣстное сочиненіе знаменитаго Англійскаго писателя XVIII вѣка Самуила Джонсона (р. 1709†1784) „*The lives of the most eminent english poets, with critical observations on their works*“.

³⁾ Точное заглавіе этого сочиненія Гирцеля (р. 1725†1808), писателя по практической философіи, слѣдующее: „*Die Wirthschaft eines philosophischen Bauers*“ (первое изданіе вышло въ Цюрихѣ въ 1761 году; второе изданіе—въ 1774 году).

доставлять мнѣ рисунки и планы лучшихъ Петербургскихъ зданій, разумѣется съ описаніемъ: это было бы полезно для моего журнала, который хочу украшать не только перомъ, но и рѣзцомъ, хотя въ объявленіи объ немъ отъ типографіи недостало немного смысла ⁴⁾. Тургеневъ, еще повторяю, пришли мнѣ свое Путешествіе и позволь мнѣ привести его въ порядокъ и выдать. И одинъ разъ навсегда, любезные друзья, помогайте мнѣ чѣмъ можете, и какъ можно безкорыстно, то-есть не ожидая отъ меня писемъ: право, некогда. Блудовъ, критикуй Петербургскій театръ и актеровъ, представляющихъ и смотрящихъ: присылай ко мнѣ *Замѣчанія Петербургскаго зрителя* ⁵⁾, пиши чтѣ придетъ въ умъ, и даже, если хочешь, не заботься о слогѣ; мнѣ нужно твое остроуміе и твои замѣчанія, и чтобы избавить тебя отъ труда, слѣдовательно отъ всякой отговорки, позволяю тебѣ даже писать дурно и нескладно; берусь все вычищать, только пиши, не лѣньнись! И что тебѣ дѣлать? Авторскія твои проказы украсили бы мой журналъ! Друзья, не забудьте, что лѣнь разрушаетъ всѣ добродѣтели; исправьтесь и пишите для Вѣстника! Какою бы прекрасною галлереею портретовъ обогатили вы мой журналъ, вы, которые живете въ свѣтѣ, видите такое множество разныхъ рожей и имѣете способность ихъ видѣть! Блудовъ, будь хоть невзначай аккуратенъ и возврати мнѣ ради Бога мои книги: *Parry, Contes de M-e Genlis* и 1-й томъ Лагарпа, котораго купи непременно; гдѣ мнѣ, пасынку Плутуса, взять денегъ и тратить за твои глупости? Еще не забудь прислать мнѣ записку о томъ, сколько и въ которое число и сколько лѣтъ уплачивать мнѣ тебѣ свой долгъ. Ты забылъ это сдѣлать, а мнѣ нужно непременно знать заранее, чтобы приготовить нужное число денегъ во время и быть исправнымъ. Не забудь же прислать книги и, если можно, похлопочи о какихъ-нибудь Французскихъ и для журнала моего хорошихъ новостяхъ. Тургеневъ, тебѣ поручаю искать мнѣ Нѣмецкихъ книгъ всякаго рода. Пишите, братцы.

Дмитріевъ ⁶⁾ кланяется Блудову и просить его купить у Роспи-

---

⁴⁾ Въ № 94 „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1807 годъ, отъ 23 Ноября, было напечатано объявленіе отъ конторы Университетской типографіи о приѣмѣ подписныхъ денегъ на періодическія изданія въ 1808 году. Упомянувъ, что „Вѣстникъ Европы“ въ 1808 году будетъ состоять, какъ и прежде, изъ двухъ отдѣловъ: Литературы и Политики, въ объявленіи говорилось далѣе слѣдующее: „Для большаго удовольствія гг. пренумерантовъ каждый томъ будетъ украшенъ портретомъ одного изъ славныхъ людей нынѣшняго или прошедшаго времени, а каждый номеръ гравированнымъ изображеніемъ извѣстныхъ видовъ зданій, новыхъ модъ и тому подобнымъ“. Въ заключеніе сообщалось, что „г. Каченовскій, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ отказываясь быть издателемъ Вѣстника, уступаетъ его г. Жуковскому. Почтенная публика можетъ быть увѣрена, что и новый издатель Вѣстника, г. Жуковскій, который, по нѣкоторымъ сочиненіямъ и переводамъ, напечатаннымъ въ Вѣстникѣ, и другаго рода сочиненіяхъ (sic), можетъ быть извѣстнымъ публикѣ, также удостоится ея вниманія“.

⁵⁾ Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1808 года извѣстій о Петербургскомъ театрѣ не встрѣчается.

⁶⁾ Иванъ Ивановичъ.

ни ¹⁾ слѣдующія книги; но вотъ записка его руки, или нѣтъ, лучше напишу самъ (Тургеневъ вѣрно потеряетъ записку):

1. Les études du magistrat par François de Neufchâteau ²⁾.
2. Oeuvres choisies de Cochin, avocat au parlement, 2 v. ³⁾
3. De la bienfaisance dans l'ordre judiciaire.

Перечитывая письмо свое, нахожу, что въ немъ нѣтъ ни складу, ни ладу. Важное открытіе!

XV.

9-е Декабря (1807, Москва).

Для меня совсѣмъ неутѣшительно слышать, любезный другъ Александръ, что ты и Блудовъ собираетесь ко мнѣ писать и не сберегетесь, хотя это очень естественно: когда вамъ обо мнѣ подумать? И можете ли удѣлить мнѣ хотя минуту? Надобно ѣхать на балъ къ Демидову, на именины, во дворецъ и прочее. Ты приготовилъ нѣкоторые переводы, которые могли бы быть очень интересны въ первыхъ книжкахъ, потому что новые, но я не надѣюсь ихъ получить. Кто видалъ, чтобы люди, занятые со свѣтомъ и которыхъ головы наполнены разными *высокими* идеями, брали на себя какой-нибудь трудъ, когда надобно сдѣлать удовольствіе пріятелю отдаленному, одинокому и имѣющему въ нихъ нужду! Легкое ли дѣло? Сложить пакетъ, запечатать, написать адресъ и послать на почту! Путешествія твоего имѣть не надѣюсь; за книги, за журналы, для меня купленные и написанные, благодарю, хотя увѣренъ, что ихъ имѣть не буду. Однимъ словомъ, любезные друзья, вы забыли меня совершенно, и для меня очень оскорбительно, что въ такихъ случаяхъ, когда вы можете мнѣ помочь, и когда не трудно помочь—нужно имѣть немножечко вниманія, въ которомъ, конечно, нельзя отказать и чужому—вы не только обо мнѣ не думаете, но даже и не позволяете себѣ думать. Въ этомъ случаѣ я не похожъ на васъ, всякую нужду своего пріятеля исполню, и тотчасъ (разумѣется, когда могу); лѣниться писать другое дѣло: это не есть необходимость и никогда не можетъ оскорбить, развѣ только въ такихъ случаяхъ, когда письмо нужно. Напримѣръ, я увѣренъ, что ты, Александръ, не отдалъ Блудову записки о тѣхъ книгахъ, которыхъ требуетъ Дмитріевъ ⁴⁾; между тѣмъ мнѣ пеняютъ, а тебѣ и дѣла нѣтъ! Просить пріятель: на что же исполнить! Обязанности существуютъ только съ одними незнакомыми, передъ которыми надобно *казаться!* Пріятели меня знаютъ; на что жъ поддерживать то, что твердо? Самое логическое разсужденіе!

Еще благодарю тебя и за то, что ты постарался потерять письмо къ Проташинскому ⁵⁾: доказательство твоего вниманія, и больше ни-

¹⁾ Петербургскій книгопродавецъ.

²⁾ Это сочиненіе Французскаго государственнаго дѣятеля и писателя François de Neufchâteau (р. 1750†1828) появилось въ свѣтъ въ 1787 году

³⁾ Избранныя сочиненія Henri Cochin, знаменитаго Французскаго адвоката (р. 1687†1747) были напечатаны въ двухъ томахъ въ Парижѣ въ 1773 году.

⁴⁾ См. выше, въ предыдущемъ письмѣ.

⁵⁾ См. о немъ выше, въ письмѣ XIII, прим. 9.

чего; ты же, какъ я вижу, (ищешь?) случаевъ быть полезнымъ только въ важныхъ вещахъ, а малыми пренебрегаешь. Повѣрь, любезный другъ, что важныя не многочисленны и рѣдки, а забывая часто о бездѣлицахъ, которыя требуютъ отъ тебя друзья и которыя такъ легко бы было исполнить, ты наконецъ увѣришь ихъ, что совершенно выгналъ ихъ изъ памяти и изъ сердца! Я въ этомъ, конечно, не увѣренъ, и очень далеко отъ такихъ мыслей, но, признаюсь, для меня досадно было, и очень досадно, читать въ письмѣ къ Соковнинимъ: «Скажите Жуковскому, что письмо къ Проташинскому потеряно». Ты объ этомъ такъ пишешь, какъ будто это очень естественно и иначе быть не могло! *Мы еще не собирались къ нему писать* (несмотря на то, что ему теперь въ насъ нужда). Что противъ этого сказать? Вы правы, милостивые государи! Больше ничего. И какъ роптать на людей, которые для пользы пріятелей должны опоздать десятью минутами въ ресторацію или на балъ къ Демидову? И можно ли требовать такихъ великихъ жертвъ?

Не сердитесь на меня, братцы, за то, что я на васъ сержусь; дружба позволяетъ имѣть требованія, а вы забываете меня, слишкомъ забываете: вамъ не трудно жертвовать мною разсѣянiю, а для меня это, признаюсь, оскорбительно. Лѣниться писать для того только, чтобы сказать нѣсколько словъ, которыхъ можно бы было и не сказать, и лѣниться думать о своемъ пріятелѣ тогда, когда онъ этого требуетъ, когда это нужно, великая разница.

Вотъ коммиссія, которая прошу исполнить.

Первая: книги Дмитріеву слѣдующія у Роспина:

Les études du magistrat par F. M. Neuchâteau,
Oeuvres choisies de Cochin, 2 v.
De la bienfaisance dans l'ordre judiciaire

Вторая: найти Проташинскаго непременно, если онъ не уѣхалъ, сказать ему о потерянномъ письмѣ и еще, чтобы онъ, если долженъ будетъ ѣхать черезъ Москву, увидѣлся со мной. Дать ему мой адресъ. Dites-moi encore, Alexandre, que veulent dire ces mots:

Одна живеть въ году весна,
Одна и милва на свѣтѣ!

N'est-ce pas inconséquent de montrer, qu'on a des sentiments, sans avoir le dessein de les nourrir et sans en avoir la possibilité? Pourquoi parler d'une chose, qu'on n'a pas ni le désir, ni le pouvoir de recommencer, et pourquoi risquer de réveiller des sentiments, qui ont été bien vifs, qui sont déjà éteints et qui ne peuvent être que douloureux? Je ne sais pas, quelle idée vous aviez eu en écrivant ces vers. Dans ces choses, connaissant bien les personnes, avec lesquelles vous avez relation, vous ne devez pas agir sans but. Et ces expressions parasites, jadis agréables, à présent inutiles, ne vous conviennent plus. Silence sur tout ce qui est passé! En parler seulement pour ne pas se taire sent trop le grand monde, qui n'attache pas beaucoup de valeur

à tout ce qu'il dit. Adieu, cher ami, expliquez vous sur cet article. Ma lettre vous paraîtra-t-elle ridicule? Je ne l'espère pas ³⁾.

Если ты слышалъ отъ Блудова о нѣкоторыхъ моихъ связяхъ, о которыхъ я ему сказалъ слова два очень давно, и если онъ не забылъ этихъ *двадцать словъ*, то попроси его отъ меня, чтобы онъ объ нихъ забылъ и для себя, и для другихъ; что я этого требую, какъ искренній другъ, и что его скромность въ этомъ случаѣ должна быть самымъ вѣрнымъ доказательствомъ его дружбы. Я говорю не шутя, и прошу его, какъ друга, не шутить (по обыкновенію своему) такую вещь, которую почитаю слишкомъ важною. Не надобно говорить и тебѣ: сомнѣніи свои уста, хотя ты ничего не знаешь. Признаюсь, боюсь нескромности, или лучше сказать обыкновенной *невнимательности* Блудова, а она въ этомъ случаѣ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, можетъ быть для меня несчастіемъ ⁴⁾.

XVI.

(Въ Декабрѣ 1807, Москва).

Здравствуй, любезный другъ Александръ; пишу къ тебѣ нѣсколько строкъ, не имѣя времени написать больше. *Первое*, прошу тебя забыть мщеніе и прислать мнѣ тѣ піесы, которыя ты приготовилъ для «Вѣстника»: то, что интересно и ново, надобно помѣстить въ первыхъ книжкахъ; также доставь мнѣ и свое Путешествіе. Надѣюсь, что ты и Блудовъ будете снабжать меня хорошимъ, въ матеріалахъ и въ готовыхъ піесахъ. Боюсь одной вашей безопасности или разсѣянности, которыя, можетъ быть, не позволяютъ вамъ обратить вниманія на вашего *издающаго* друга. *Второе* и самое важное: мнѣ сказывала Анна Михайловна ¹⁾, что она слышала отъ вѣрныхъ людей, будто ея письма и все, что у тебя есть отъ нея, въ такомъ у тебя неприборѣ, что всякій профана можетъ ихъ видѣть. Если это правда, то ты, любезный другъ, виноватъ и долженъ исправить бѣду: прошедшее заслуживаетъ боль-

³⁾ Т. е. Скажи мнѣ еще, Александръ, что означаютъ нижеслѣдующія слова:

Одна живетъ въ году весна,
Одна и милая на свѣтѣ!

Послѣдовательно ли ~~развѣ~~ показывать, что имѣешь чувства, не имѣя намѣренія ихъ питать и не имѣя къ тому возможности? Зачѣмъ говорить о томъ, чего и не желаешь, и не можешь возобновить? И къ чему пытаться пробудить чувства, когда-то весьма живыя, но которыя теперь уже угасли и могутъ причинять только боль? Не знаю, что имѣлъ ты въ виду, когда писалъ эти стихи. Въ этомъ случаѣ, зная хорошо лицъ, съ которыми ты имѣешь сношенія, ты не могъ дѣйствовать безъ цѣли. И эти излишнія выраженія, нѣкогда пріятныя, а нынѣ ненужныя, тебѣ болѣе не къ лицу. Сталемъ молчать о всемъ томъ, что прошло! Говорить о немъ для того только, чтобы не молчать, слишкомъ напоминаетъ большой свѣтъ, гдѣ не придаютъ особаго значенія тому, что говорятъ. Прощай, дорогой другъ, объяснись по этому поводу. Не покажется ли тебѣ страннымъ мое письмо? Надѣюсь, что нѣтъ.

⁴⁾ Жуковскій въ это время уже имѣлъ намѣреніе жениться на Марьѣ Андреевнѣ Протасовой. П. Б.

¹⁾ Анна Михайловна Соковнина (р. 1784 † 1873), сестра пріятеля Жуковского и Тургеневыхъ, Сергѣя Михайловича Соковнина, бывшая потомъ замужемъ за Василиемъ Никитичемъ Павловымъ.

шее отъ насъ уваженіе, потому особенно, что настоящаго никакъ нельзя ему предпочесть. Она говорила мнѣ объ этомъ съ чувствомъ упрека, и она права. Какъ можешь такъ не дорожить ея именемъ, или лучше сказать, какъ можешь быть такъ разсѣяннымъ? Ожидаю отъ тебя на это обстоятельство объясненія. Мой адресъ тебѣ извѣстенъ: у Антонскаго ²⁾). Прости. Обнимаю тебя. Жуковскій.

XVII.

(Въ концѣ Декабря 1807 или началѣ Января 1808, Москва).

Пишу къ тебѣ два слова, любезный другъ, не имѣя совершенно времени писать болѣе. Твое письмо получилъ и показывалъ; оно разсѣяло всѣ сомнѣнія, для тебя неприятныя ¹⁾). Костогоровъ просилъ тебя о журналѣ брата, писанномъ въ Вѣнѣ ²⁾), для А. М. ³⁾), а не для К. М. ⁴⁾). Доставь ко мнѣ, если хочешь, а то лишь объ этомъ напиши. К. М. не все можно показывать, ты самъ знаешь. За Французскія бумаги благодарю, но въ нихъ совершенно нѣтъ ничего интереснаго. И думалъ, что ты приплешь мнѣ свой переводъ изъ Англійскихъ памфлетовъ о Тильзитскомъ мирѣ, и Блудова переводъ Руссовой пѣссы ⁵⁾), и свое Путешествіе. Но дождешься ли отъ тебя и отъ Блудова аккуратности, хотя мнѣ это и очень досадно: какъ можно такъ быть незаботливымъ о друзьяхъ! Скажи Блудову, чтобъ онъ доставилъ мнѣ поскорѣе Johnsons Lives, за которые много его благодарю. Не пишу къ нему оттого, что пишу къ тебѣ, слѣдовательно для двухъ одно письмо. Ты спрашиваешь въ своихъ письмахъ, нужно ли мнѣ то и то. Напрасно! Присылай все, что тебѣ покажется хорошо: если мнѣ не будетъ нужно, возвращу тотчасъ и аккуратно. Напомни Блудову, чтобъ онъ прислалъ Laharre, Parny и Genlis. За что онъ разрушилъ мою бібліотеку? О друзья мои, какіе вы безсовѣстные! Вы лю-

---

²⁾ Настоящее письмо, какъ видно изъ его содержанія, писано нѣсколько ранѣе слѣдующаго письма № XVII, въ которомъ встрѣчаются напоминанія о порученіяхъ, данныхъ Жуковскимъ въ письмахъ отъ конца Ноября (№ XIV) и 9 Декабря (№ XV).

¹⁾ Эти слова имѣютъ отношеніе къ той части предыдущаго письма (№ XVI), въ которой Жуковскій говорилъ о письмахъ А. М. Соковниной.

²⁾ Вѣроятно рѣчь идетъ о журналѣ, который велъ Андрей Ивановичъ Тургеневъ; по поступленіи своемъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ онъ былъ посланъ изъ Петербурга въ Вѣну съ депешами (см. „Русскій Архивъ“ 1871, ст. 0134, примѣчаніе). См. выше, стр. 35.

³⁾ Анна Михайловна Соковнина.

⁴⁾ Ея сестра Екатерина Михайловна Соковнина (скончалась въ двѣдцать). По всему вѣроятію, ей посвящено стихотвореніе Жуковскаго „Протекшихъ радостей уже не возвратитъ“, написанное въ Декабрѣ 1803 года (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 25), въ печатныхъ изданіяхъ ошибочно относимое къ 1807 году. Не имѣетъ ли оно отношеніе къ кончинѣ Андрея Ивановича Тургенева († 8 Іюля 1803)?

⁵⁾ Быть можетъ, это переводъ Письма Ж. Ж. Руссо, помѣщенный, съ примѣчаніемъ Жуковскаго, въ № 4 „Вѣстника Европы“ 1808 года, стр. 265—276.

бите меня, это знаю; но лѣнь и разсѣянность! Что жъ книги Дмитриеву? Если вѣтъ на Нѣмецкомъ *Der philosophische Bauer*, то пиши на Французскомъ *Le Socrate rustique* ⁶⁾. Еще *Hirzel an Gleim über Sulzer den Weltweisen* ⁷⁾. Александръ, пришли съ Андреемъ Федоровичемъ ⁸⁾ все, что въ библіотекѣ твоей найдется годнаго для журнала; я возвращу все въ цѣлости и сохранѣ. Повѣрь Богу! Поищите съ Влудовымъ какихъ-нибудь политическихъ отрывковъ. Но этому не бывать; гдѣ вамъ для меня побѣдить свою лѣнь! Я прихожу въ отчаяніе. О друзья мои, о друзья мои! А прогос скажу пріятную новость: Родзянка ⁹⁾ приходитъ въ себя. Есть надежда, что выздоровѣетъ. Простите. Влудовъ, побойся Сатаны, пришли книги, мои и свои, и переводъ, и все! Нѣсколько сочиненій твоихъ! Пиши пожалуста какія-нибудь замѣчанія на то, что видишь. Кому жъ и писать ихъ, если не тебѣ? Хотя изъ жалости къ твоему другу будь остроумнымъ. Томашевскій ¹⁰⁾ ѣдетъ въ Петербургъ. Я ему отдалъ всѣ деньги.

XVIII.

(10 Февраля 1809, Москва).

Черезъ двѣ недѣли, любезный другъ, а много черезъ три, надѣюсь тебя увидѣть ¹⁾. Приготовь мнѣ, если можно, уголь въ своей горницѣ. Однако прежде напиши, будетъ ли у тебя мѣсто. Вѣдь ты живешь теперь съ Влудовыми. О причинѣ моего прибытія въ Петербургъ узнаешь тогда, когда увидимся: что бы ни вышло, мы проживемъ вмѣстѣ мѣсяць или два. Напомни обо мнѣ Константину Булгакову ²⁾,

---

⁶⁾ *Le Socrate rustique*—это переводъ того же сочиненія Гирцеля. Полное заглавіе его слѣдующее: „*Le Socrate rustique, ou description de la conduite économique et morale d'un paysan philosophe*“. Переводъ этотъ былъ напечатанъ въ Цюрихѣ въ 1763 году; 4-е изданіе вышло въ свѣтъ въ Лозаннѣ въ 1777 году.

⁷⁾ Это сочиненіе появилось въ 1780 году. Глеймъ—Нѣмецкій поэтъ (р. 1719 † 1803).

⁸⁾ Сухотиннымъ? (см. ниже письмо отъ 8 Ноября 1814 года).

Зулцеръ—извѣстный философъ и эстетикъ (р. 1720 † 1779).

⁹⁾ См. выше, въ письмѣ XII, прим. 6.

¹⁰⁾ Вѣроятно, тоже лицо, о которомъ Жуковскій писалъ Тургеневу въ Февралѣ 1807 года (см. письмо XII).

¹⁾ Настоящее письмо Жуковского писано на одномъ листѣ съ письмами къ А. И. Тургеневу его матери Екатерины Семеновны и брата Сергѣя Ивановича и припискою А. С. Кайсарова. Сначала идетъ письмо Е. С. Тургеневой, затѣмъ письма Жуковского и С. И. Тургенева, а въ концѣ приписка Кайсарова. Мѣсяць и число выставлены въ началѣ письма рукою Е. С. Тургеневой. Что письмо относится къ 1809 году, видно 1) изъ того, что именно въ этомъ году Жуковскій на короткое время ѣздилъ въ Петербургъ (см. *Русскій Архивъ 1867 года, ст. 798, примѣч. 9*); 2) въ письмѣ Е. С. Тургеневой идетъ рѣчь о денежныхъ ея неудовольствіяхъ съ И. В. Лопухиннымъ, о чемъ упоминается и въ дальнѣйшемъ письмѣ Жуковского (XX), отъ 15 Сентября 1809 года; 3) о свиданіи съ А. С. Кайсаровымъ въ Москвѣ говорится въ томъ же письмѣ Жуковского отъ 15 Сентября 1809 года.

²⁾ Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ (р. 1782 † 1835), сынъ посланника въ Кон-

съ которымъ, какъ кажется, не нужно будетъ снова знакомиться. А Александру Яковлевичу *) рекомендуй меня заранѣе, такъ чтобы я прѣхалъ совершенно въ знакомый домъ. Прощай, любезнѣйшій другъ. Au revoir †).

стантинополь Я. И. Булгакова, получилъ воспитаніе въ Нѣмецкомъ училищѣ при церкви св. Петра въ Петербургѣ. Въ молодости служилъ по вѣдомству Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, сначала въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи, затѣмъ при посольствѣ въ Вѣнѣ. Впоследствии былъ тайнымъ совѣтникомъ и С.-Петербургскимъ почтдиректоромъ.

*) Александръ Яковлевичъ Булгаковъ (р. 1781†1868), старшій братъ К. Я. Булгакова, впоследствии бывшій долгое время Московскимъ почтдиректоромъ. Оба Булгаковы были общими пріятелями Жуковского, Тургенева, Д. В. Дашкова и кн. П. А. Вяземскаго (см. Воспоминаніе послѣдняго о Булгаковыхъ въ Русскомъ Архивѣ 1868 года, ст. 1436—1445. Тамъ же напеч. письма Жуковского къ А. Я. Булгакову, ст. 1445—1483).

†) Помѣщаемъ здѣсь письма Е. С. Тургеневой и С. И. Тургенева и приписку Кайсарова, причѣмъ письмо матери А. И. Тургенева печатается съ соблюденіемъ орфографіи подлинника:

10 Февраля.

Сейчасъ получила суму девеноста шесть тысячъ 700 руб. а праценту не кащейки не дали; изъ сумы вычили 300 руб., для тава што въ сенаткамъ указе сказана сто трицать шесть тысячъ 600 руб. места ста трицати тысячъ семь сотъ рублей. Лалухинъ подивалъ прозбу, штобъ намъ праценту не выдавать; Губерская Правленія такъ и зделала. Завтре подамъ прозбу в Губерская Правленія; такъ должна, и мие откажутъ. А пачему бе(зъ) закона зделали? Вотъ тутъ сказана, то я пришло в Общей собранія прозбу. Бога ради, старайся какъ можна. Столка патерять, без малава двадять пять тысячъ, и савсемъ бе(зъ) закона зделали. Вотъ какія притесненія. Таперя Н. Н. нетъ, но са(мъ) прасилъ Алексеева. Места тово штобъ обрадоваца, я целай дець пралакала. Силъ нетъ писать. Христось с тобой. Буди натъ тобой Божия миластъ и мае грешней благаславенія. К. Т. Светаева писмо пасылаю.

Высочайшая воля и указы Правительствующаго Сената были довольно ясны и справедливы. Ими предписано удовлетворить насъ въ полной мѣрѣ и исполнить по сему предмету рѣшеніе Уѣзднаго Суда, гдѣ именно сказано: удовлетворить и съ приращеніями. Нынѣ Уѣздный Судъ выдалъ одѣй капитальныя, и то не вполнѣ, и виѣсто 137000 р.—136000 и вовсе безъ процентовъ, отступя тѣмъ отъ собственнаго по сему дѣлу опредѣленія. То можеть ли почестья удовлетвореніемъ, тогда какъ предписано насъ удовлетворить преимущественно и когда есть въ виду и деньги еще? Наконецъ мы деньги капитальныя получили, а матушка все еще не спокойна. Жаль, очень жаль: это значитъ Бога гнѣвить. Проценты не знаю когда отдадутъ. Прилагаю письмо Цвѣтаева. Благодарю за законы. Всѣ ихъ прочеть просять, и я самъ съ Андреемъ Сергѣевичемъ прочеть не успѣли. Писать, ей ей, болѣе некогда; и то всѣ пишемъ, начиная съ Андрея Сергѣевича и до меня, Василии Андреевичъ включительно. Простите. Съ душевнымъ почтеніемъ остаюсь васъ любящій С. Т.

Здравствуй, милой Александръ! Обнимаю тебя сердечно. Будь здоровъ. Прости. Твой А. Кайсаровъ.

(Въ Августѣ 1809).

Я получилъ твое письмо, любезнѣйшій другъ. Благодарю тебя за препорученіе твое написать отвѣтъ на письмо къ Саратовскому жителю ¹⁾. Постараюсь выполнить его какъ можно лучше, теперь могу сказать тебѣ только одно: пришли мнѣ тотчасъ печатный экземпляръ, какъ скоро выйдетъ на свѣтъ. Я думаю, что къ 1-му или 15 Ноября не будетъ поздно отвѣчать; прежде не успѣю, и нѣтъ кажется нужды спѣшить. Вслѣдъ за этимъ письмомъ получишь непременно другое. Но я не знаю, вѣрно ли ты получаешь мои письма, ибо я не имѣю отъ тебя отвѣта на такое письмо, на которое долженъ бы былъ непременно получить отвѣтъ, Въ слѣдующемъ письмѣ буду отвѣчать насчетъ курса словесности; я имѣю объ этомъ довольно сказать тебѣ. Теперь прости, мой любезный, добрый и всегдашній другъ. Радуюсь, что ты, живучи съ людьми, болѣе и болѣе думаешь, что наша дружба для насъ обоихъ необходима. Я, будучи гораздо тебя уединеннѣе, часъ отъ часу болѣе это чувствую. Дай Богъ, чтобы то время скорѣе пришло, въ которое мы бы могли сказать рѣшительно и съ большимъ основаніемъ: мы живемъ другъ для друга. Теперь мы живемъ только въ одномъ мірѣ и знаемъ, что наша дружба можетъ быть нашимъ счастіемъ. Когда эта возможность и не будетъ въ одномъ воображеніи! Намъ надобно не только быть друзьями, но должно, чтобы дружба наша была для насъ благодѣтельна и чтобы мы это чувствовали, слѣдственно были этимъ счастливы Прости. Ив. Володимировичъ ²⁾, думаю, уже писалъ къ тебѣ; по крайней мѣрѣ онъ общалъ мнѣ къ тебѣ написать. Онъ подарилъ мнѣ экземпляръ своихъ Записокъ ³⁾; я велѣлъ уже для тебя, съ его позволенія, списывать; когда допишутъ, получишь. Прости, обнимаю тебя.

¹⁾ Въ слѣдующемъ за симъ письмѣ отъ 12 Сентября 1809 года (№ XX) Жуковскій сообщилъ Тургеневу, что письмо отъ Саратовскаго жителя будетъ имъ написано и прислано на цензуру Тургенева не ранѣе Декабря.

²⁾ Въ письмѣ отъ 12 Сентября Жуковскій ничего не говоритъ о курсѣ словесности. Быть можетъ, онъ позабылъ исполнить свое обѣщаніе, или же до него не дошло то письмо, въ которомъ онъ сообщалъ Тургеневу свои мысли по этому поводу.

³⁾ Лопухинъ. Письмо его къ Тургеневу касалось, по всему вѣроятію, долговыхъ его обязательствъ Тургеневымъ (см. въ письмахъ XVIII въ примѣч.) и XX.

⁴⁾ Записки Ивана Владимировича Лопухина, дошедшія до насъ въ незначительномъ числѣ современныхъ списковъ, свидѣтельствующемъ о достаточной распространенности ихъ въ тогдашнемъ обществѣ, были напечатаны въ 1860 году О. М. Бодякинъ въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“; новое изданіе ихъ появилось въ 1884 году въ „Русскомъ Архивѣ“.

Бѣлевъ, 15-го Сентября 1869.

Сначала буду отвѣчать тебѣ на послѣднее твое письмо отъ 31 Августа, любезнѣйшій другъ. Ты спрашиваешь, какое содержаніе того письма, которое было отъ меня тебѣ послано и тобою не получено и что нужно по немъ исполнить? Содержаніе его для меня важно, но исполненіе по немъ можешь сдѣлать во всякое время. Я писалъ въ такую минуту, когда для меня необходимо было къ тебѣ писать, и просилъ тебя, чтобы ты меня увѣрилъ, что твои слова: *ты забылъ меня совершенно*, написанныя тобою въ заключеніи одного изъ стародавнихъ и Н.В. послѣднихъ твоихъ писемъ, были не иное что, какъ только слова, безъ всякихъ мыслей написанныя, что ты увѣренъ въ моей истинной къ тебѣ дружбѣ, которая ни на минуту не ослабѣвала, а право со времени минутнаго нашего свиданія съ тобою въ Москвѣ удвоилась. Получить отъ тебя такое драгоценное для меня увѣреніе было мнѣ нужно, и я очень сожалѣю, что письмо мое потеряно: увѣренъ, что его не донесли на почту, ибо я писалъ изъ чужой деревни, въ которой останавливался, проѣзжая въ Орель. Такъ тому и быть! Но что отсрочено, то не потеряно! Ты и теперь можешь сдѣлать мнѣ отвѣтъ на мою задачу. Я писалъ къ тебѣ еще (что повторяю и теперь и что надѣюсь повторять по самую смерть), что я желаю, чтобы наша дружба съ тобою была не одною только мыслию, но дѣломъ, и *главнымъ дѣломъ* жизни, что намъ надобно воспользоваться жизнію *вмѣстѣ*, и не только *знать*, но и *вмѣстѣ чувствовать на опытѣ*, что мы друзья, слѣдовательно имѣть всегда въ виду, что мы со временемъ будемъ *вмѣстѣ* и будемъ стараться другъ другу доставить то счастье, котораго напрасно искали въ другихъ мѣстахъ (по крайней мѣрѣ это могу сказать о себѣ: я еще не знаю, что такое счастье, выключая развѣ только тѣ минуты, когда пишешь; но это минуты). На все это ожидать отвѣта надобно съ нетерпѣніемъ; потому то я и написалъ, что ты *долженъ* былъ отвѣчать на письмо мое; но это-то письмо именно и пропало. Досадно, а нечего дѣлать.

Я уже отпѣлъ панихиду политикѣ ¹⁾ и нимало не опечаленъ ея кончиною. Правда, она отыметъ у моего журнала нѣсколько подписчиковъ,—но такъ тому и быть. Это ничуть не умалило моего рвенія;

---

¹⁾ Въ № 17 „Вѣстника Европы“ 1869 года, вышедшемъ 1 Сентября, было помѣщено въ концѣ слѣдующее заявленіе издателя: «Извѣстія о политическихъ происшествіяхъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не принадлежація нашему Вѣстнику, будутъ замѣняемы другими. Символъ надѣяться, что увѣдомленія о новыхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, о выходящихъ въ свѣтъ книгахъ Россійскихъ и иностранныхъ, о достопамятныхъ явленіяхъ природы, удовлетворять читателей, ищущихъ не минутнаго только удовольствія, но и пользы. Журналъ нашъ будетъ продолжаться по другому плану, о которомъ читатели узнаютъ въ скоромъ времени». Съ этого же номера въ „Вѣстникѣ Европы“ пересталъ появляться отдѣлъ, который имѣлъ заглавіе „Политика“.

напротивъ, чувствую желаніе сдѣлать журналъ мой изъ дурнаго, или много-много посредственнаго, хорошимъ. Издавать его буду не одинъ, но вмѣстѣ съ Каченовскимъ. Планъ нашъ распространится, о чемъ узнаешь изъ объявленія^{*)}. Если бы ты не былъ и лѣнивъ, и безпеченъ, то могъ бы быть весьма полезенъ моему изданію. Первое, доставляя разныя извѣстія о ученыхъ обществахъ Петербургскихъ, о литературѣ, театрѣ и разныхъ разностяхъ, являющихся на горизонтѣ Петербургскаго міра, или по крайней мѣрѣ ты могъ бы надумать двухъ-трехъ и до полдюжины хлопотливыхъ и умныхъ челоуѣкъ (напр. Костогоровъ), которые присылали бы мнѣ разныя извѣстія, съ полною довѣренностію дѣлать изъ нихъ чтó мнѣ разсудится. Также не худо

*) Объявленіе отъ конторы Университетской типографіи объ изданіи въ 1810 году „Вѣстника Европы“ было напечатано въ № 84 „Московскихъ Вѣдомостей“, отъ 20 Октября 1809 года (а затѣмъ, съ незначительнымъ измѣненіемъ, въ № 96, отъ 1 Декабря). До 1810 года „Вѣстникъ Европы“ дѣлился на два большіе отдѣла: Литературы (въ которомъ помѣщались „сочиненія и переводы, вообще къ словесности отечественной и иностранной относящіяся: стихи, повѣсти, краткія размышленія о философическихъ, нравственныхъ и эстетическихъ предметахъ; отрывки краспорѣчія, біографіи славныхъ людей, иногда критическія замѣчанія на книги, Русскія и иностранныя“ и Политики (гдѣ помѣщались „разсужденія, переводимыя изъ иностранныхъ журналовъ, отрывки изъ лучшихъ новѣйшихъ политическихъ сочиненій и, наконецъ, извѣстія о важнѣйшихъ происшествіяхъ Европы“). Въ вышепомянутомъ объявленіи объ изданіи Вѣстника на 1810 годъ сообщалось слѣдующее: „Г. Каченовскій и г. Жуковскій будутъ издателями сего журнала. Они предполагаютъ распространить планъ его и дать ему болѣе правильности и разнообразія. Въ отдѣленіи Словесности помѣщаются будутъ сочиненія, собственно къ словесности принадлежащія: прозаическія рѣчи, историческіе отрывки и біографіи; описанія, повѣсти, разговоры;—поэтическія: басни, эклоги, пѣсни, оды и пр. Отдѣленіе подъ названіемъ Наукъ и Искусствъ будетъ содержать въ себѣ разныя сочиненія до словесныхъ и вообще свободныхъ наукъ и художествъ относящіяся и заключающія въ себѣ или замѣчанія или правила или разсужденія объ ученыхъ и художественныхъ предметахъ. Отдѣленіе Критики посвящается безпристрастному разсмотрѣнію книгъ, достойныхъ примѣчанія, какъ Россійскихъ, такъ и иностранныхъ. Къ Сѣмси принадлежатъ любопытные анекдоты, достопамятныя изреченія и мысли, Московскія новости, иногородныя и заграничныя извѣстія (въ № 96 вмѣсто этой послѣдней фразы сказано: извѣстія о политическихъ и другихъ происшествіяхъ), разныя замѣчанія, краткія увѣдомленія о Русскихъ и иностранныхъ книгахъ и тому подобное“. Въ послѣднемъ № „Вѣстника Европы“ за 1809 годъ въ объявленіи отъ издателей планъ изданія журнала на 1810 годъ предложенъ такой: I. *Словесность*. Проза: повѣсти, рѣчи, разговоры и пр. Стихотворенія: оды, басни, пѣсни, посланія, эпиграммы и пр. II. *Науки и Искусства*. Отрывки изъ путешествій, разсужденія о предметахъ философическихъ, о предметахъ, принадлежащихъ къ изящнымъ искусствамъ и вообще къ наукамъ. III. *Критика*. Разборъ книгъ Россійскихъ и иностранныхъ. Критическія разсужденія. IV. *Смѣсь*. Анекдоты. Мысли. Московскія записки. Извѣстія внутреннія. Извѣстія изъ иностранныхъ журналовъ. V. *Обзорныя происшествія*. Извѣстія о происшествіяхъ политическихъ. Хронологическія таблицы происшествій (въ концѣ каждаго тома).

бы было, если бы ты снабжалъ меня и книгами. *годными* для журнала, за которые получалъ бы отъ меня деньги аккуратно, ибо типографія ассигновала на сіи издержки 200 рублей и болѣе; но ты лѣнивъ, и лѣнивъ, и лѣнивъ. Надѣюсь, однимъ словомъ, что Вѣстникъ на слѣдующій годъ будетъ занимательнѣе, любопытнѣе, разнообразнѣе и вдвое менѣе принесетъ доходу. Но чортъ побери тѣ доходы, которые къ намъ не доходятъ!

Письмо отъ Саратовскаго жителя ³⁾ будетъ написано непременно, къ тебѣ прислано на цензуру, но не прежде, какъ въ Декабрѣ: теперь я занятъ другимъ, пишу стихи, и послѣ опять примусь за стихи.— слѣдовательно проза къ чорту! Но на будущій годъ и прозы будетъ въ моемъ журналѣ довольно. Боюсь только залѣниться. А плановъ и предметовъ въ головѣ пропасть, и пишется какъ-то скорѣе и удачливѣе прежняго. Nonny soit qui mal y pense ⁴⁾.

Не стыдно ли Блудову не написать ко мнѣ ни строчки и лѣниться такъ же, какъ я? Не вздумалъ ли и онъ, что я его забылъ? Нѣтъ, братцы, прошу васъ никогда не воображать обо мнѣ такого страму. Я вашъ вѣчно, душою и мыслями; но что прикажешь дѣлать, если нѣтъ другаго средства говорить съ вами, какъ черезъ письма! Мы будемъ вмѣстѣ, будемъ и тогда...

Теперь слово о моемъ Собраніи ⁵⁾. Я издаю не *критику*, но полное собраніе лучшихъ стихотвореній Россійскихъ,—книгу, которая могла бы замѣстить для людей со вкусомъ и для не весьма богатыхъ людей собраніе всѣхъ сочиненій Русскихъ поэтовъ каждаго порознь. Беру изъ каждаго лучшее, и все это смѣшавъ вмѣстѣ, предлагаю нашей публикѣ душистое *pot-pourri*, въ которомъ между лилеями, розами и жасминами не забыты и ландыши и другіе полевые цвѣты, то-есть, говоря безъ глупыхъ фигуръ, въ которомъ между лучшими произведеніями лучшихъ стихотворцевъ должны быть помѣщены и лучшія произведенія посредственныхъ, слѣдовательно, въ сравненіи съ первыми посредственныя, однако не дурныя; подъ вывѣскою *посредственнаго* выступать всѣ тѣ стихотворенія, которыя выберу я изъ полныхъ сочиненій нашихъ второклассныхъ авторовъ и изъ журналовъ ⁶⁾. И кому удалось во всю жизнь свою написать одинъ только порядочный *quatrain*, за что-жъ этому бѣдному сиротѣ погибать въ глуши какого-нибудь журнала? И я, по милости своей, даю ему пристанище въ моемъ Собраніи стихотворцевъ, которое по многимъ отношеніямъ будетъ сходствовать съ домомъ *странныпримнымъ*, удивляющимъ за Сухаревою башнею путешественника ⁷⁾. Вотъ расположеніе моего собранія; оно должно

³⁾ См. выше, въ письмѣ XIX.

⁴⁾ Т. е. Да будетъ стыдно тому, кто объ этомъ дурно подумаетъ. (Извѣстный девизъ на Англійскомъ орденѣ Подвязки).

⁵⁾ Т. е. о Собраніи Русскихъ стихотвореній, взятыхъ изъ сочиненій лучшихъ стихотворцевъ Россійскихъ и изъ многихъ Русскихъ журналовъ, изданномъ Жуковскимъ въ Москвѣ въ пяти частяхъ въ 1810—1811 гг.

⁶⁾ Подобныя же мысли высказаны Жуковскимъ и въ предисловіи къ первой части „Собранія“.

⁷⁾ Разумѣется Страннопримный домъ графа Шереметева.

состоять изъ пяти⁸⁾), если не изъ шести, полновѣсныхъ томовъ: въ первыхъ двухъ или трехъ *лирическая поэзія*; въ слѣдующихъ по порядку: *басни, сказки, элегии*, и прочее и прочее до *дистика*⁹⁾). Порядокъ смѣшанъ будетъ съ разнообразіемъ; роды поэзіи отдѣлены одинъ отъ другаго, за то авторы перемѣшаны и отличаются одинъ отъ другаго только именемъ и—слогомъ. Все уже списано и приведено въ порядокъ; остается дополнить нѣкоторыми оставшимися дрожжами изъ журналовъ (и то изъ нѣкоторыхъ, ибо всѣ почти перечитаны). Посылаю тебѣ на апробацію роспись всѣмъ назначеннымъ піесамъ; просмотри ее вмѣстѣ съ Блудовымъ и назначьте то, что забыто и что выкинуть. Прошу, однако, помнить, что между превосходнымъ я помѣстилъ и посредственное; если піеса написана чистымъ слогомъ, вообще недурна и имѣетъ хорошее, то я принимаю ее безъ зазрѣнія совѣсти, ибо хочу, чтобы въ собраніи моемъ были *chefs-d'oeuvre* *всѣхъ* нашихъ стихотворцевъ безъ исключенія. Если есть у тебя или у твоихъ знакомыхъ хорошія рукописныя піесы, еще неизвѣстныя или извѣстныя, но мною забытыя, доставь ихъ мнѣ непременно, а я буду благодарить тебя отъ всего сердца. При каждомъ томѣ будетъ портретъ и виньетка. Если это изданіе будетъ принято хорошо, то при второмъ приложу и собственное разсужденіе о разныхъ родахъ поэзіи и прочее¹⁰⁾; но этому быть еще не скоро. Прозы не будутъ.

Таковъ мой планъ. Я уже уговорился о печатаніи. До сихъ поръ останавливало меня одно: я опасался, не будутъ ли сердиться на меня нѣкоторые матадоры нашей поэзіи, то-есть всего на все *Державинъ* и послѣ него въ большомъ отдаленіи *Крыловъ* и *Востокъ* съ компаніею, за то, что я обокралъ ихъ стихи. Кажется, не намѣренъ ихъ обидить, но чѣмъ чортъ не шутить. Ты бы много одолжилъ меня, когда бы у перваго *униженно* истребовалъ мнѣ позволеніе повытаскать кое что изъ его сочиненій¹¹⁾ и приложить къ сему выбору его портретъ;

---

⁸⁾ „Собраніе“ вышло въ пяти частяхъ. Шестая, дополнительная часть, была издана въ Москвѣ, въ 1815 году, Д. А. Кавелинымъ, который подъ предисловіемъ подписался „Пожилой любитель отечественной словесности“.

⁹⁾ Въ первую часть Собранія вошли оды; во вторую—оды, піесы, романсы и баллады, народныя піесы; въ третью—повѣсти, басни, сказки; въ четвертую—посланія, сатиры, элегии, идилліи, дидактическія и описательныя стихотворенія; въ пятую—смѣсь (мелкія стихотворенія: эпиграммы, мадригалы, дистихи и пр.; отрывки изъ эпическихъ поэмъ и стихотвореній драматическихъ, которыя—какъ говорится въ предисловіи—не могли быть помѣщены цѣлыя, но также не могли быть и забыты въ Собраніи Русскихъ Стихотвореній“ и наконецъ „такія стихотворенія, которыя по содержанію своему не принадлежатъ ни къ какому особенному роду поэзіи“).

¹⁰⁾ Второго изданія Собранія Русскихъ стихотвореній, какъ извѣстно, не выходило.

¹¹⁾ Въслѣдствіе просьбы Жуковскаго Тургеневъ въ 1810 году представилъ на одобреніе Державина планъ „Собранія Русскихъ стихотвореній“ и испросилъ у него разрѣшеніе помѣстить въ „Собраніи“ и нѣкоторыя оды Державина (см. письмо Тургенева къ Державину отъ 11 Апрѣля 1811 года въ Сочиненіяхъ Державина, изд. съ примѣч. Я. К.

а портреты будутъ *Державина, Ломоносова, Карамзина, Дмитріева, Хераскова*, и еще котораго-нибудь изъ матадоровъ; думаю *Богдановича* или *Фонъ-Визина*, хотя послѣдняго стиховъ мало ¹²⁾.

По твоему письму кажется мнѣ однако, что ты самъ занимаешься подобнымъ собраніемъ; не помѣшаю ли я тебѣ? Если надобно, я все оставлю и даже могу тебѣ помочь своимъ. Расположи это какъ хочешь; я на все буду согласенъ. Или не возмешь ли на себя одну прозу,—и выдадимъ вмѣстѣ. Ты трудишься по препорученію какой-то *высокой* особы; не можно ли, чтобы и я въ этомъ участвовалъ? Впрочемъ, воля твоя да будетъ. Ты господинъ полновластный моего собранія, и я безъ твоего отвѣта на это письмо не приступлю къ изданію; слѣдовательно изволь отвѣчать немедленно. Н. В. По письму твоему вижу, что ты не очень жалуешь Востокова ¹³⁾. Грѣшишь, любезный другъ; этотъ человекъ съ истиннымъ стихотворческимъ талантомъ. Я предсказываю, что онъ будетъ однимъ изъ хорошихъ нашихъ стихотворцевъ. Надобно ему только очистить слогъ. Въ его стихахъ виденъ человекъ съ мыслями, съ чувствомъ, съ воображеніемъ и наполненный духомъ древнихъ. Желая отъ всего сердца ему образованія и уснѣха. Я буду *говорить* объ немъ въ своемъ журналѣ, ибо Каченовскій говорилъ очень недостаточнымъ образомъ о его талантѣ въ своей критикѣ на *Лирическіе его опыты* ¹⁴⁾.

Записки И. Вол. ¹⁵⁾ списываются для тебя, но очень медленно; ибо здѣсь, въ православномъ Бѣлевѣ, нѣтъ переписчиковъ; но я доставлю ихъ тебѣ непременно, въ этомъ будь увѣренъ. Чтб ни говори, но Иванъ Володимировичъ (если забыть только его несчастные и можно

Грота, т. VI, стр. 211). О недоразумѣніяхъ и неудовольствіи, которыя произошли между Державинимъ и Жуковскимъ по выходѣ „Собранія“ въ свѣтъ, см. ниже, п. XXXIV.

¹²⁾ Каждая часть „Собранія“ украшена вышетою. Сверхъ того при 1-й части помѣщенъ портретъ Ломоносова, при второй—Державина, при четвертой—Карамзина и при пятой Богдановича. Въ экземпляръ Императорской Публичной Библиотеки при третьей части нѣтъ ни вышетки, ни портрета.

¹³⁾ О значеніи, которое имѣла для своего времени стихотворная дѣятельность Александра Христофоровича Востокова (р. 1781+1864), вполне заслоненная его всѣми известными учеными трудами по славяно-русской филологіи, и о несомнѣнныхъ заслугахъ его относительно Русской версификаціи см. у Гамахова, *Историч. христоматія новаго періода Русск. словесности*, т. II (Спб. 1861), стр. 183—184, и въ Сочиненіяхъ К. Н. Балюшкова, изд. съ примѣч. Л. Н. Майкова и В. И. Сажгова, т. II, стр. 508—509.

¹⁴⁾ Стихотворенія Востокова, написанныя въ первые годы текущаго столѣтія, вышли въ 1805—1806 гг. особымъ изданіемъ, въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: „Опыты лирическіе и другія мелкія сочиненія въ стихахъ“. По поводу первой части „Опытовъ“ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1806 годъ (№ 1, стр. 32—42) была помѣщена статья (безъ подписи), въ общемъ сочувственная Востокову. „Критики и читатели“—говорилось въ ней между прочимъ—„найдутъ въ стихахъ г-на Востокова талантъ, вкусъ и знанія“. Статья Жуковского по поводу стихотвореній Востокова не была написана; по крайней мѣрѣ въ „Вѣстникъ Европы“ 1809 и послѣдующихъ годовъ ея мы не находимъ.

¹⁵⁾ Т. е. Ивана Владимировича Лопухина.

сказать неизвинительные беспорядки въ отношеніи къ долгамъ) есть человекъ необыкновенный, и, прочитавъ его Записки, пожелаешь, чтобы такихъ людей было побольше, а для себя сочтешь счастьемъ пользоваться ихъ дружбой. Не читавъ ихъ, я былъ какъ будто въ нерѣшимости, любить ли его или нѣтъ, но, прочитавъ, рѣшилъ къ нему привязаться болѣе и болѣе: разсчитавши все, доброе и необыкновенно доброе превосходить въ немъ дурное, а послѣднее имѣеть источникомъ также доброе. Впрочемъ, не все въ его Запискахъ мнѣ нравится, и онѣ были бы плодovitою матеріею для нашихъ съ тобою разговоровъ. (Ахъ, если бы ты могъ пріѣхать въ Генварѣ въ Москву, какое было бы для меня счастье! Подумай объ этомъ). Но возвратимся къ Ивану Володимировичу. Не послать ли мнѣ ему твоего письма, въ которомъ ты говоришь о разстройствѣ, причиняемомъ тебѣ его неплатежемъ вашего долга ¹⁶⁾? Это могло бы послужить вмѣсто твоего съ нимъ объясненія.

Я надѣюсь, что ты непременно доставишь мнѣ бюстъ Ивана Петровича ¹⁷⁾. Этотъ подарокъ будетъ для меня очень важенъ. Также хотѣлось бы мнѣ очень, чтобы ты прислалъ мнѣ журналъ брата Андрея ¹⁸⁾; это единственный памятникъ, который напоминаетъ или, лучше, изображаетъ его (ибо нужно ли напоминать объ немъ?) весьма живо. Ты много, много бы одолжилъ меня этимъ. Разумѣется, я прошу только *списка*.

Вышла ли *Поликсена* ¹⁹⁾? Доставь ее мнѣ поскорѣе. По дурной критикѣ, напечатанной въ *Цвѣтникъ* ²⁰⁾, заключаю, что планъ этой

---

¹⁶⁾ См. выше, напечатанныя въ примѣчаніи 4-мъ къ письму XVIII-му письма къ А. И. Тургеневу его матери и брата Сергѣя.

¹⁷⁾ Тургенева, отца Александра Ивановича.

¹⁸⁾ Этотъ журналъ найдется развѣ во Франціи въ бумагахъ Н. И. Тургенева П. Б.

¹⁹⁾ Трагедія В. А. Озерова, представленная въ первый разъ 14 Мая 1809 года. Она не имѣла такого успѣха, какъ прежнія трагедіи Озерова „Эдипъ въ Афинахъ“ (1804) и „Фингалъ“ (1805). Печатное изданіе „Поликсены“ вышло въ томъ же 1809 году.

²⁰⁾ Статья по поводу представленія на театрѣ „Поликсены“ появилась въ № 5 „Цвѣтника“ за 1809 годъ (журнала, издававшегося А. Е. Измайловымъ и П. А. Беницкимъ), стр. 255—272. „Много есть прекраснаго и въ сей трагедіи“, говорится въ этой статьѣ (стр. 255); „характеры выдержаны очень хорошо“ (стр. 259); „стихи въ трагедіи не вездѣ хороши. Есть довольно ошибокъ противъ языка, низкихъ и странныхъ выраженій. Весьма желательно, чтобы г-нъ сочинитель исправилъ всѣ таковыя погрѣшности, портящія прекрасную его трагедію“ (стр. 276). Озеровъ считалъ „Поликсену“ лучшимъ своимъ произведеніемъ, и неуспѣхъ ея имѣлъ неблагоприятныя послѣдствія для его здоровья. Равномѣрно и князь П. А. Вяземскій въ статьѣ „О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова“ (Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. I (СПб. 1878), стр. 47—48 и 59—60) признаетъ „Поликсену“ лучшею трагедіею Озерова. Въ припискѣ къ этой статьѣ князь Вяземскій, между прочимъ, приводитъ правившуюся ему небольшую выдержку изъ „Фингала“ (слова Моины), оканчивающуюся стихами:

Какъ часто съ береговъ, или съ высокихъ горъ,

Я въ море синее мой простирала взоръ!

трагедіи очень простъ и отзывается древностію. Между приведенными стихами въ примѣрѣ есть прекрасные, но мало. Озеровъ съ великимъ талантомъ и чувствомъ. Я безпрестанно ссорюсь за него съ Карамзинымъ, который называетъ Фингала дрянью. А Фингаль дѣлаетъ честь нашей поэзіи: три прекрасныхъ характера, Моины, Фингала и особливо *Старна*, который весь принадлежитъ Озерову, ибо въ хорошихъ Французскихъ трагедіяхъ я не знаю ни одного *мстительнаго отца*.

Ты хочешь, чтобы я прислалъ тебѣ *полную* роспись моихъ произведеній (!! въ стихахъ и прозѣ и переводовъ для помѣщенія обо мнѣ извѣстія въ вашемъ обзорѣни. Hélas! Pauvre Jacques! Je sens trop fort ma misère ²¹⁾). Пусть скажутъ: онъ перевелъ *Донъ-Кихота* ²²⁾, но *какъ* перевелъ, ни слова, ибо. . . . . ²³⁾, и что сего творенія будетъ скоро напечатано второе изданіе ²⁴⁾, *кое-какъ* поправленное; всѣ же прочія подѣлки мои заключены въ «Вѣстникъ», начиная отъ *Карамзина* до *Жуковского*. Вотъ и все. Къ Мерзлякову пиши самъ объ этомъ, потому что мнѣ весьма лѣнь.

Прошу прислать мнѣ примѣры *стихотвореній Буниной* ²⁵⁾, Письмо къ Нижегородскому помѣщику и *Les treize journées de Gagarine* ²⁶⁾.

О возвращеніи своемъ ²⁷⁾ еще не знаю, въ Октябрѣ или въ Декабрѣ. Тогда напишу, если не полѣнюсь, или заставлю написать тво-

---

Тамъ, каждый валъ въ дали мнѣ пѣною своею
Казался парусомъ, надеждою моею,

и замѣчаетъ: „Жуковский особенно цѣнилъ два послѣдніе стиха; но за то ужасно сердился за два слѣдующіе, въ которыхъ валъ, опустясь къ глубокому песку, разливалъ по сердцу Моины тоску“ (стр. 59). Пушкинъ, по словамъ князя Вяземскаго, не любилъ Озерова и не признавалъ въ немъ никакого дарованія (стр. 55).

²¹⁾ Т. е. Увы! Бѣдный Жакъ! Я слишкомъ чувствую свою нищету.

²²⁾ Первое изданіе сдѣланнаго Жуковскимъ перевода Донъ-Кихота (во Французской передѣлкѣ Флоріана) вышло въ Москвѣ въ 1804—1806 гг. (подъ заглавіемъ: Донъ-Кихотъ Ла Манхескій), въ шести небольшихъ томикахъ. Находящіеся въ переводѣ шестнадцать стихотвореній помѣщены отсюда въ 8-мъ изданіи Сочиненій В. А. Жуковского, изд. подъ ред. П. А. Ефремова, т. I, стр. 37—45; тамъ же, стр. 506, напечатаны два стихотворныхъ отрывка, продолжающіеся въ прозаическомъ изложеніи романа.

²³⁾ Точки въ подлинникѣ.

²⁴⁾ Второе изданіе перевода Донъ-Кихота явилось въ 1815 году.

²⁵⁾ Анна Петровна Бунина (р. 1774†1829), пользовавшаяся въ свое время довольно большою извѣстностью. О ней см. Геннади, Справочный словарь, т. I, стр. 116.

²⁶⁾ Сочиненіе генераль-адъютанта князя Павла Гавриловича Гагарина „Les treize journées ou la Finlande“, въ которомъ описывается путешествіе императора Александра I въ 1809 въ Финляндію, для присутствія на Боргоскомъ сеймѣ. Кн. Гагаринъ находился въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Государа въ этой поѣздкѣ. Въ томъ же году вышелъ въ Москвѣ Русскій переводъ этой книжки князя Гагарина тѣмъ же, какъ и оригиналъ, безъ означенія имени автора.

²⁷⁾ Въ Москву отъ родныхъ.

его Сергѣя ²⁸⁾), съ которымъ надобно познакомиться покороче. А пророчески пишетъ ли Николай? ²⁹⁾ Нѣтъ ли чего въ его письмахъ годнаго для Вѣстника? И что Андрей Сергѣевичъ? ³⁰⁾ Я видѣлъ послѣдняго въ проѣздъ его черезъ Москву: добрый малой, все тотъ же; надобно, чтобъ онъ навсегда остался нашимъ. Скажи ему это, когда будешь писать. Я обнимаю его отъ всего сердца, и тебя, и Блудова, которому должно безъ всякихъ околичностей вѣрить моей истинной дружбѣ. Прошу васъ, братцы, любите вашего Жуковского, — вашего всегда, всегда и отъ всего сердца.

Я получилъ отъ Петра Петровича Тургенева ³¹⁾ письмо. Въ концѣ его стоитъ слѣдующее: *что говорю и пишу, отъ того не отрекусь: Александръ мой влается волнамъ житейскимъ.* Что это значитъ?

XXI.

Въ началѣ Апрѣля (1810, Москва).

Благодарю тебя за письмо твое, любезный и истинно любимый другъ. Спѣшу исполнить твое порученіе о Копецкомъ, котораго, надобно тебѣ знать, совсѣмъ не знаю. Я видѣлъ его всего на все одинъ разъ у Карамзина и еще когда-то, за нѣсколько вѣковъ передъ симъ, у Баккаревича ¹⁾). Все это еще не даетъ мнѣ права рекомендовать его Дмитріеву ²⁾). Впрочемъ, и нельзя мнѣ присылать никого къ Дмитріеву съ моими рекомендательными письмами: ты знаешь его щекотливость; но я говорилъ о Копецкомъ Карамзину, который и хотеть написать объ немъ И. И. ³⁾). Онъ не беретса утверждать, что К(опецк)ій человекъ по всѣмъ отношеніямъ хорошій, ибо онъ его знаетъ еще меньше меня; но онъ будетъ просить Дмитріева, чтобъ онъ его принялъ и постарался сдѣлать ему возможное добро. Я же съ моей

---

²⁸⁾ С. И. Тургенева.

²⁹⁾ Н. И. Тургеневъ находился въ это время въ Геттингенѣ.

³⁰⁾ Кайсаровъ.

³¹⁾ Родной дядя А. И. Тургенева.

*

¹⁾ Михаилъ Никитичъ Баккаревичъ былъ преподавателемъ словесности и помощникомъ инспектора въ Московск. Универс. Благородномъ Пансіонѣ. Впослѣдствіи служилъ по Морскому Министерству, помощникомъ статсъ-секретаря Государств. Совѣта и по Министерству Полиціи. Онъ умеръ въ Петербургѣ въ 1820 году (о немъ см. Генвади, Справочный Словарь, т. I, стр. 59—60).

²⁾ И. И. Дмитріевъ былъ назначенъ министромъ юстиціи въ Январѣ 1810 года.

³⁾ Ивану Ивановичу (Дмитріеву). Карамзинъ 10 Апрѣля 1810 года писалъ И. И. Дмитріеву, между прочимъ, слѣдующее: „Недавно узналъ я одного молодого человека, именемъ Копецкаго, служившаго въ Таганрогѣ, при Кампенаузенѣ. Онъ очень не глупъ, хорошо учился и пишетъ складно. Не можешь ли употребить его съ пользою? Онъ просилъ у меня одобрительной записки къ тебѣ, съ которою, думаю, и явится къ вашему превосходительству. Тургеневъ также весьма хорошихъ объ немъ мыслей. А вамъ, министраль, люди надобны“. (Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, съ примѣчаніями и указателемъ, составл. Я. Гротомъ и П. Пекарскимъ (Спб. 1866), стр. 127).

стороны прилагаю здѣсь письмо къ Сѣверину ⁴⁾, съ которымъ пускай поидеть самъ Копецкій. Сѣверинъ поможетъ ему дойти до Дмитріева, а тотъ уже вѣрно сдѣлаетъ ему добро. Ты жалуешься на мое молчаніе, а я жалеюся на твое. Мы квиты! Но ни я, ни ты не будемъ никогда вѣрно жаловаться на обоюдную нашу холодность другъ къ другу, ибо этого съ нами никогда случиться не можетъ. Я не менѣ тебя, милый другъ, жалѣю о нашихъ потерянныхъ Аѳинскихъ вечерахъ; но какъ быть! Подождемъ до будущаго года,—мы будемъ вмѣстѣ

И дружбой, и любовью жить,
Изъ чаши Вакховой забвеніе жизни пить,
Искать добро, какъ мы его искали прежде,
И горемъ не скучать, безсмертія въ надеждѣ.

Прощай. Жуковский.

Ты и забылъ написать ко мнѣ, какъ зовутъ Копецкаго. То-то аккуратный человекъ! Я радъ заочному знакомству съ Уваровымъ ⁵⁾ и прошу тебя рекомендовать ему меня отъ моего имени. Батюшковъ ⁶⁾ тебѣ кланяется.

XXII.

Вѣлевъ. 1810-го, Іюля 11.

Пишу къ тебѣ это письмо, любезный и первый другъ мой, только для того, чтобы обременить тебя нѣкоторыми комиссіями, которыхъ всего на все двѣ. Первая: прислать мнѣ, если можно, Шлѣцера *Нестора* ⁴⁾, Гебгартово, Машево и Тунмановы сочиненія ⁵⁾ о нравахъ древнихъ Славянъ (титула сихъ книгъ не знаю, но слышалъ объ нихъ

---

⁴⁾ Дмитрій Петровичъ Сѣверинъ (р. 1791 † 1865), членъ „Арзамаса“, гдѣ онъ носилъ прозвище Рязный Котъ, въ 1807 году поступилъ на службу въ Московскій Архивъ Коллегии Иностр. Дѣлъ; затѣмъ въ 1809 г. перешелъ въ Министерство Юстиціи, а въ 1811 году перешелъ на службу въ Коллегію Иностр. Дѣлъ и потомъ посвятилъ себя исключительно дипломатической дѣятельности; съ 1837 г. онъ состоялъ посланникомъ въ Мюнхенъ.—Въ Импер. Публичной Библиотекѣ хранятся неизданныя письма къ нему Жуковского, относящіяся къ позднѣйшему уже времени (1849 г.).

⁵⁾ Сергѣемъ Семеновичемъ, который въ это время былъ секретаремъ посольства въ Парижѣ. Нѣсколько писемъ его къ Жуковскому (съ 1814 по 1845 г.) напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 года, ст. 0157—0170.

⁶⁾ Константинъ Николаевичъ. Знакомство его съ Жуковскимъ относится къ началу 1810 года. Сочиненія Батюшкова, т. III, стр. 73, 76—77 и 81).

*

⁴⁾ Этотъ извѣстный трудъ знаменитаго Августа Шлѣцера вышелъ въ пяти томахъ въ Геттингенѣ, въ 1802—1809 гг.

⁵⁾ Здѣсь имѣются въ виду труды: Нѣмецкаго ученаго Gebhardi (†1802) „Geschichte aller wendisch-slawischen Staaten“ (4 тома, Галле, 1790—1797 гг.), пастора Маша (Masch, †1807) „Die gottesdienstliche Alterthümer der Obotriten, aus dem Tempel zu Rethra am Tollenzer-See erläutert“ (Берлицъ, 1771) и Шведскаго историка и археолога Тунманна

отъ Карамзина, и теперь имѣю въ нихъ нужду). Очень много одолжишь, а возвращу эти книги тебѣ непременно самолично, ибо имѣю намѣреніе быть въ Петербургѣ. Но только поспѣши исполнить эту комиссію поскорѣе, за что весьма буду тебѣ благодаренъ. Вторая комиссія состоитъ въ томъ, чтобы ты попросилъ отъ себя и отъ меня Михаила Дмитріевича Костогорова ³⁾ о докторѣ Мухинѣ ⁴⁾, который былъ чѣмъ-то въ Медико-Хирургической Академіи и теперь желаетъ, послѣ разрушенія этой Академіи ⁵⁾, получить какую-нибудь награду, а Михаилъ Дмитріевичъ можетъ попросить за него доктора В. . . . ⁶⁾, у котораго онъ служитъ ⁷⁾ и отъ котораго эта награда зависитъ. Вотъ и все. О себѣ скажу тебѣ, моему истинному другу, что я, при всемъ неописанномъ молчаніи моемъ, привязанъ къ тебѣ по прежнему всею душою, какъ къ моему брату и вѣрному товарищу въ жизни. Надѣюсь, что мы не все будемъ жить въ отдаленіи одинъ отъ другаго. Я привезъ сюда въ Бѣлевъ письма твои и брата Андрея, перечитываю ихъ иногда и, кажется, съ бѣльшимъ чувствомъ, нежели даже въ то время, когда ихъ получалъ: теперь къ прежнему сладкому чувству присоединяется и горестное чувство вѣчной потери. Скажу, однако, что я никого никогда не любилъ такъ, какъ твоего или, лучше, нашего незабвеннаго друга и брата. Ты по немъ первый. Сказать ли, кого еще я полюбилъ гораздо живѣе прежняго, но полюбилъ, разставшись съ нимъ?—Твоего брата Сергѣя! Прекрасное сердце! Я былъ у твоей матушки, надѣясь еще его застать (въ это время я жилъ у Ка-

---

(Thunmann, † 1778) „Untersuchung über die alte Geschichte einiger nordischen Völker“ (Берлянь, 1772) и „Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker“ (Лейпцигъ, 1774). На всѣ эти труды ссылается Карамзинъ въ своей „Исторіи“.

³⁾ М. Д. Костогоровъ занималъ въ это время должность секретаря при президентѣ Медико-Хирургической Академіи.

⁴⁾ Евремъ Осиповичъ Мухинъ (р. 1766 † 1850), знаменитый врачъ, былъ профессоромъ патологии и терапіи, а затѣмъ анатоміи и физиологіи въ Московскомъ отдѣленіи Медико-Хирургической Академіи, а впослѣдствіи также профессоромъ Московскаго университета.

⁵⁾ Учрежденная въ 1799 году Московская Медико-Хирургическая Академія въ 1804 году была присоединена къ такой же Петербургской Академіи; въ 1808 году снова была открыта какъ Московск. отдѣленіе Медико-Хирург. Академіи. 20 Мая 1810 года состоялся Высочайшій рескриптъ на имя Министра Народнаго Просвѣщенія о передачѣ Мед.-Хирург. Академіи въ вѣдомство министерства народн. просвѣщенія и объ упраздненіи Московскаго ея отдѣленія, съ тѣмъ, чтобы воспитанники этого отдѣленія были распределены по университетамъ. Но затѣмъ особый комитетъ, образованный для разработки предположеній по послѣднему вопросу, высказался въ пользу оставленія Московскаго отдѣленія Академіи на прежнихъ основаніяхъ, на что послѣдовало Высочайшее соизволеніе (см. проф. Прозорова, Матеріалы для исторіи Императ. С.-Петербургск. Медико-Хирургич. Академіи (Спб. 1850), стр. 61—64 и 177—181).

⁶⁾ Очевидно, Якова Васильевича Видліе, президента Медико-Хирургической Академіи и впослѣдствіи лейбъ-медика императора Александра I.

⁷⁾ См. выше, примѣч. 3.

рамзина въ деревнѣ ⁸⁾ и заѣзжалъ въ Москву на часъ), но онъ уже уѣхалъ ⁹⁾, и матушка твоя очень меня тронула, рассказывая о его съ нею прощаніи. Вообще въ послѣднее время были мы съ нимъ нѣсколько чаще. Подождемъ будущаго! Авось. . . . Такъ, авось дѣло прекрасное! Что же касается до *настоящаго*, то отвѣчай мнѣ скорѣе, скорѣе. Не знаешь ли чего-нибудь о Блудовѣ?

XXIII.

(Въ Августѣ 1810, Бѣлевѣ).

Спѣшу написать тебѣ нѣсколько словъ, любезнѣйшій другъ, чтобы успокоить тебя на счетъ присланныхъ тобою мнѣ книгъ. Я получилъ ихъ и благодарю тебя отъ всей души за твое поспѣшное исполненіе моей просьбы. Шлёдеръ въ прибавленіи къ четвертой части Нестора говорить о своемъ сочиненіи *Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen* ¹⁾, въ которомъ есть исторія Печенѣговъ. Нѣтъ ли у тебя этой книги? Весьма много одолжишь, если мнѣ ее доставишь. Также позаботься и о тѣхъ книгахъ, которыхъ я у тебя просилъ ²⁾. Ты самъ лучше меня теперь знаешь, что мнѣ нужно для того плана, который у меня въ головѣ ³⁾. (Я не хочу быть историкомъ, но хочу имѣть основательное понятіе о древности Славянскои и Русскои. Не поучивъ его, и за дѣло приниматься не должно. Отвѣчай на это и на первое мое письмо поскорѣе. Также дай знать и о томъ, какъ ты полагаешь съ прїѣздомъ въ Москву? Постарайся такъ прїѣхать, какъ я писалъ въ прошедшемъ моемъ письмѣ ⁴⁾, но дай мнѣ объ этомъ знать заранѣе. Прости, любезнѣйшій другъ! Будь здоровъ, не забудь освѣдомиться и постараться о Гриневѣ ⁵⁾. Твой Жуковскій.

Напиши отъ меня дружескій поклонъ къ братьямъ Сергѣю и Николаю. Нельзя ли доставить мнѣ нѣкоторыя Николаевы письма? Ма-

---

¹⁾ Въ Остафьевѣ.

²⁾ За границу.

*

³⁾ Трудъ Шлёдера „*Kritische Sammlung zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen*“ вышелъ въ Геттингенѣ въ 1795—1797 годахъ. Просьбу о присылкѣ этой книги Жуковскій повторяетъ въ письмѣ отъ 12 Сентября (№ XXIV).

⁴⁾ Какія книги просилъ Жуковскій—неизвѣстно, такъ какъ до насъ не дошло письмо его къ Тургеневу, писанное между письмомъ отъ 11 Іюля (№ XXII) и настоящимъ письмомъ.

⁵⁾ Вѣроятно, планъ задуманной Жуковскимъ поэмы „Владимиръ“, о чемъ, надо полагать, шла рѣчь въ томъ же недошедшемъ до насъ письмѣ. Объ этой повѣсти см. въ письмѣ отъ 12 Сентября (№ XXIV) и въ замѣткѣ, помѣщенной вслѣдъ за этимъ письмомъ.

⁶⁾ Все въ томъ же не дошедшемъ до насъ письмѣ.

⁷⁾ Вѣроятно, объ Иванѣ Никифоровичѣ Гриневѣ, который былъ уѣзднымъ учителемъ въ Бѣлевѣ и давалъ уроки Марьѣ Андреевнѣ и Александрѣ Андреевнѣ Протасовымъ, а потомъ былъ управителемъ въ Долбинѣ (имѣніи П. Н. Юшкова въ Лихвинскомъ уѣздѣ Калужской губерніи), въ 19 верстахъ отъ Бѣлева.

тушка твоя сказывала, что инья изъ нихъ годились бы и въ «Вѣстникъ». Для чего же ты не хочешь котораго-нибудь изъ нихъ напечатать? Еще разъ повторяю просьбу мою о доставленіи мнѣ сочиненія Уварова ⁶⁾. NB. Schlözer's Nordische Geschichte ⁷⁾ у меня есть.

Что, если мы сдѣлаемъ будущему весною путешествіе въ Кіевъ ⁸⁾? Пришли между прочимъ и Гельмольда ⁹⁾, и Гебарда ¹⁰⁾. О цѣлости книгъ твоихъ не сомнѣвайся. Назначь, прошу тебя, мнѣ всѣ тѣ Русскія книги, которыя годились бы мнѣ для моего плана.

XXIV.

1810-го, Сентября 12. (Муратово).

Благодарю тебя, любезный мой Миллеръ ¹⁾, за длинное твое письмо и за все то, что въ немъ заключается. Несмотря на твою дѣятельность (которой письмо твое, написанное на добрыхъ осьми страницахъ, могло бы быть неоспоримымъ доказательствомъ), я начинаю думать, что ты неизлѣчимый лѣнивонецъ, и сверхъ того еще увѣряюсь, что ты никогда не заглядываешь въ моего «Вѣстника» — (признаюсь самъ, что онъ весьма худой журналъ, и ты бы разсердилъ меня, еслибы вздумалъ въ угожденіе моему самолюбію и вопреки искренней дружбѣ его хвалить); но оглавленіе каждой книжки прочитать было бы не трудно, а взявши этотъ трудъ на себя, ты и увидѣлъ бы, что письма Миллеровы, и именно тѣ, которыя посвящены тебѣ въ моихъ мысляхъ, переведены мною. Чтобы избавить тебя отъ скучной работы перебирать всѣ книж. «Вѣстника», скажу, что эти письма найдешь ты въ № 16 на страницѣ 263 ²⁾. Они переведены хорошо, ибо я переводилъ ихъ съ истин-

---

⁶⁾ Вѣроятно сочиненія С. С. Уварова „Projet d'une Académie Asiatique“, которое вышло въ Петербургѣ въ 1810 году и отзывъ о которомъ Жуковскій даетъ въ письмѣ своемъ къ Тургеневу отъ 4 Декабря (№ XXXI). Русскій переводъ этого сочиненія Уварова, сдѣланный Жуковскимъ, былъ имъ напечатанъ въ „Вѣстникъ Европы“ 1811 года.

⁷⁾ Allgemeine nordische Geschichte (Halle, 1771).

⁸⁾ Поѣздка Жуковского въ Кіевъ въ 1811 году не осуществилась. Но и позднѣе, еще занятый планомъ „Владимира“, Жуковскій мечталъ побывать тамъ, а также въ Крыму.

⁹⁾ Историка XII вѣка, автора „Chronicon Slavorum“.

¹⁰⁾ Т. е. Гебарди. См. выше, письмо XXII, прим. 2.

* .

¹⁾ Жуковскій называетъ Тургенева именемъ знаменитаго Швейцарскаго историка Іоанна Миллера (р. 1752 † 1809) въ благодарность за то удовольствіе, которое доставило Жуковскому чтеніе сочиненій Миллера, присланныхъ Тургеневымъ, а также имѣя въ виду любовь А. И. Тургенева къ историческимъ занятіямъ и его высокой характеръ.

²⁾ Они напечатаны въ № 16 „Вѣстника Европы“, на стр. 263—285, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько писемъ Іоанна Миллера, историка Швейцаріи, къ Карлу Бонстеттену, другу его“, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ Жуковского: „Мы увѣрены, что эти письма, въ которыхъ изображается характеръ славнаго человека, будутъ пріятны читателямъ „Вѣстника“.

нымъ удовольствіемъ; хотя ты и можешь замѣтить въ слогѣ нѣкоторыя бездѣльныя неисправности, напр. въ иномъ мѣстѣ частыя повторенія однихъ и тѣхъ же словъ, но эти ошибки остались отъ того, что я не перечитывалъ самъ, по причинѣ своего отсутствія изъ Москвы, корректуры; а въ манускриптѣ никогда не замѣтишь тѣхъ погрѣшностей, которыя увидѣть можешь въ печатномъ листѣ. Итакъ первая задача рѣшена: ты не читаешь «Вѣстника»; но это преступленіе и не важное, ибо въ немъ ты не найдешь и не можешь искать *меня*. По какой причинѣ, объ этомъ говорить теперь не стану. Вторая задача: ты *лѣнивѣцъ!* Какъ, лѣнивѣцъ? Написавши восемь страницъ? Первое доказательство: при этихъ же восьми страницахъ ты могъ бы прислать мнѣ *Миллеровы письма*³⁾; но тебѣ было лѣнь ихъ завернуть въ бумагу и сказать человѣку своему: отнеси эту посылку на почту, написавъ на ней адресъ. Второе доказательство: ты *думаешь* о выборѣ мнѣ книгъ изъ своей библиотеки, *угадывая* мое намѣреніе. Черезъ двѣ недѣли по полученіи моего письма ты началъ только *думать*, тогда какъ стоило бы только обойти кругомъ всѣ свои шкапы и вынуть изъ нихъ безъ всякаго предварительнаго *обдумыванія* всѣ книги, касающіяся до Россійской исторіи, и потомъ изъ этихъ же книгъ отложить тѣ, которыя мнѣ нужны (и это было бы гораздо легче сдѣлать, имѣя ихъ всѣ передъ глазами, нежели просто объ нихъ думая, слѣдовательно подвергая себя опасности иную и забыть); а, отложивши, отправить ихъ по почтѣ, такимъ же точно образомъ, какъ и Миллеровы письма. А *угадать* мое *намѣреніе* было тебѣ не совсѣмъ трудно, ибо я описалъ его тебѣ весьма подробно. Что же касается до моего *плана*⁴⁾, то онъ только что посѣянъ въ моемъ воображеніи, а созрѣетъ тогда только, когда сѣмена будутъ напитаны тѣми матеріалами, которыхъ я отъ тебя теперь требую. Вторая задача рѣшена: ты лѣнивѣцъ! Вотъ и нѣкоторыя дополнительныя доказательства. Я просилъ тебя о доставленіи мнѣ Шлѣцеровой книги *Die Deutschen in Siebenbürgen*, гдѣ есть что-то о Печенѣгахъ; но ты не *подумалъ* объ этой комиссіи, или, можетъ быть, только *думаешь*.

Но полно браниться! Какой-то тихій голосъ сказалъ мнѣ въ эту минуту на ухо твоими словами: *this man is my bosomfriend*⁵⁾! и я обнимаю тебя заочно со всею искренностію дружбы. Еще разъ благодарю, любезный другъ, за Нестора Шлѣцера. Я прочиталъ съ *жадностію* первую часть, служащую введеніемъ, и ожидаю съ нетерпѣніемъ Октября, въ которомъ начнется мой курсъ отечественной исторіи: прежде я не могу этого сдѣлать, ибо я теперь не въ Бѣлевѣ, а въ другой деревнѣ, находящейся подъ Орломъ⁶⁾, гдѣ нѣтъ со мною ни картъ, ни другихъ книгъ, безъ которыхъ не хочу начи-

³⁾ По-нѣмецки они были изданы въ Тюбингенѣ въ 1802 году подъ заглавіемъ „Briefe eines jungen Gelehrten an seinen Freund“ (т. е. къ Бонштеттену). Французскій переводъ ихъ (Lettres à M. Bonstetten et à M. Gleim) явился въ Цюрихѣ въ 1810 году. Въ своихъ „Письмахъ“ Миллеръ вмсказываетъ глубокія и тонкія сужденія объ исторіи.

⁴⁾ Плана поэмы „Владимиръ“.

⁵⁾ Т. е. этотъ человѣкъ мой закадычный другъ.

⁶⁾ Въ Муратовѣ, имѣни Е. А. Протасовои.

нать этого чтенія. Читая Русскую исторію, буду имѣть въ виду не одну мою поэму ⁷⁾, но и самую Русскую исторію; но въ исторіи особенно буду слѣдовать за образованіемъ Русскаго характера, буду искать въ ней объясненія настоящаго моральнаго образованія Русскихъ. Это мнѣ кажется прекрасною точкою зрѣнія, и со временемъ можетъ выйти изъ моихъ замѣчаній что-нибудь весьма полезное (пишу это про тебя). Политическія происшествія можно назвать воспитаніемъ того отвлеченнаго существа, которое называютъ *нацією*. Читая исторію въ этомъ отношеніи, то-есть наблюдая, какимъ образомъ воспитатель могущій народовъ (Судьба, Провидѣніе, Творецъ) образовалъ ихъ характеръ, увидишь и средства, какимъ образомъ можно исправить то, что испорчено воспитаніемъ, дополнить недоконченное, воспользоваться выгоднымъ, уничтожить вредное. Эта мысль (которая можетъ служить точкою соединенія всѣхъ наблюденій), признаюсь, восхищаетъ меня. Я теперь нахожу въ себѣ гораздо болѣе расположенія къ дѣятельности; можетъ быть, такая перемѣна произошла во мнѣ отъ того, что я *дѣятельность писателя* теперь поставляю единственнымъ своимъ благомъ, зависящимъ отъ меня, и хочу къ этому благу стремиться, отказавшись отъ всѣхъ *дружбъ*, отъ меня не зависящихъ и невѣрныхъ, предоставляя себѣ однако воспользоваться ими, если они на дорогѣ мнѣ представляются. Но я удалился отъ Шлѣцера. Этотъ человѣкъ имѣетъ даръ оживотворять самую сухую науку историческихъ древностей (а сѣверныя древности не Римскія и не Греческія). Его можно назвать Лессингомъ, Лагарпомъ исторіи; онъ привлекательно говоритъ и о скучныхъ ошибкахъ переписчиковъ Нестора. Слогъ его пріятенъ не искусствомъ писателя, но тою твердою логикою и тою экономическою краткостію, благодаря которымъ мысли его представляются вдругъ, ярко и въ связи, разсудку читателя. Такихъ критиковъ весьма немного. Но онъ иногда бываетъ излишно недовѣрчивъ; особенно странно то, что онъ сомнѣвается въ существованіи пѣсни Игоревымъ воинамъ ⁸⁾, тогда какъ она давно напечатана ⁹⁾ и имѣетъ, кажется мнѣ, наружность неотрицаемой истины (*authenticité*). Сердить меня немного и то, что онъ, пи-

---

⁷⁾ „Владимира“.

⁸⁾ Т. е. Слова о полку Игоревѣ. Въ замѣткѣ, помѣщенной въ „Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen“ 1801 года (Stück 208, стр. 2028—2030) и вызванной появленіемъ въ свѣтъ въ 1800 году перваго изданія „Слова“, Шлѣцеръ находилъ бездоказательнымъ мнѣніе, что происхожденіе „Слова“ современно описываемому событію, но во всякомъ случаѣ признавалъ „Слово“ замѣчательнымъ произведеніемъ Русской древности, въ чемъ не оставляетъ сомнѣнія самый языкъ памятника. Въ своемъ „Несторѣ“ (см. Русск. переводъ Языкова, ч. I, (Спб. 1809), стр. 384) Шлѣцеръ выразился о „Словѣ“ такъ: „что это твореніе въ поэтической прозѣ есть древнее и даже подлинное, теперь я болѣе не сомнѣваюсь“.

⁹⁾ Первое изданіе „Слова“, сдѣланное гр. А. И. Музинымъ-Пушкинымъ, вышло въ Москвѣ въ 1800 г. подъ заглавіемъ: „Ироническая пѣсня о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новгорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ Русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребимое нарѣчіе“.

савши книгу свою и для Русскихъ (которыхъ неученость ему извѣстна), испестрилъ ее огромными Греческими и Латинскими тирадами. Нѣмцы красно говорить не хотятъ или и не умѣютъ, имѣя слишкомъ *длинныя* головы; не отнимая у нихъ ничего изъ этой полезной дѣльности, желалъ бы, чтобы они заняли нѣсколько вѣтреной привлекательности у Франгузовъ (Англичане, кажется мнѣ, занимаютъ истинную средину между ими и Франгузами). Я желалъ бы имѣть всѣ или по крайней мѣрѣ избраннѣйшія сочиненія Шлѣцера; напримѣръ я съ большимъ удовольствіемъ прочелъ бы его *Selbstbiographie* ¹⁰⁾. Есть ли у тебя его *Probe Russischer Annalen* ¹¹⁾? Онъ часто ссылается на эту книгу въ своемъ Несторѣ. Но для избѣжанія многословія прошу тебя исполнить слѣдующее, безъ всякаго предварительнаго *обдумыванія* (à l'allemande). 1-е: пришли мнѣ Миллера (я буду переводить изъ него отрывки, а со временемъ, можетъ быть (разумѣется исподволь), переведу и всѣ письма; они будутъ точно посвящены тебѣ, хотя бы я выдавалъ ихъ и на 60 году жизни). 2-е: напиши (NB безъ *обдумыванія*) полную роспись всѣхъ книгъ Русскихъ, Нѣмецкихъ, латинскихъ и другихъ, принадлежащихъ къ Русской и Славянской исторіи; Латинскіе титулы прилагай въ оригиналъ и переводѣ. 3-е: доставь мнѣ тѣ книги, которыя мнѣ теперь могутъ быть нужны, руководствуясь въ этомъ первымъ моимъ письмомъ. 4-е: дай мнѣ каталогъ Шлѣцеровыхъ сочиненій. Изъ Русскихъ старинныхъ лѣтописей имѣю: Нестора по Радзивиловскому списку (это, думаю, тотъ, котораго бранить Шлѣцеръ); Никонову Лѣтопись; Софійскій списокъ Нестора; величественный Синописисъ, старый и новый; есть у меня и Русская Правда, и Духовная Владимира Мономаха, и Болтинъ, и Щербатовъ, и Хилковъ, и Штриттеръ, и пѣснь Игорю ¹²⁾. Но болѣе всего радуюсь тво-

¹⁰⁾ August Ludwig v. Schlözer's öffentliches und Privat-Leben von ihm selbst beschrieben. Erstes Fragment (Göttingen. 1802). Въ Русскомъ переводѣ В. О. Кеневича эта автобіографія Шлѣцера напечатана въ XIII томѣ Сборника Отдѣленія Русск. языка и словесн. Имп. Акад. Наукъ.

¹¹⁾ Этотъ трудъ Шлѣцера былъ изданъ въ Геттингенѣ въ 1768 году.

¹²⁾ Радзивиловскій списокъ Несторовой лѣтописи былъ напечатанъ въ Петербургѣ, въ 1767 году, въ изданіи подъ заглавіемъ: „Библіотека Россійская историческая, содержащая древнія лѣтописи, часть I“.—Русская лѣтопись по Никонову списку вышла, въ восьми частяхъ, въ Петербургѣ въ 1767—1792 гг.—„Русская лѣтопись по списку Софійскому Великаго Новаграда...“ издана въ С.-Петербургѣ въ 1795 году.—Подъ древнимъ Синописисомъ надо, вѣроятно, разумѣть извѣстный „Синописисъ“, приписывавшійся архим. Иннокентію Гизелю († 1684) и неоднократно издававшійся (8-е изданіе, гражд. приотомъ, вышло въ Петербургѣ въ 1785 году), а подъ новымъ — напечатанный П. М. Захарьинимъ (Козловскимъ однодворцемъ † 1800), въ 1798 году, въ Николаевѣ, „Новый Синописисъ, или краткое описаніе о происхожденіи Славяно-Россійскаго народа...“ (доведенный до Петра I).—Изданныя гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ „Правда Русская“ и „Духовная великаго князя Владимира Всеволодовича Мономаха“ вышли въ Петербургѣ, первая въ 1792, а вторая въ 1793 году.—„Примѣчанія на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи, Г. Леккерка“ И. Н. Болтина вышли въ Спб., въ 1788 году, а его же „Критическіи при-

имъ Шлѣцеромъ. Теперь смотрю на него съ такимъ же точно удовольствіемъ, съ какимъ *во время оно* смотрѣлъ на него отвращеніемъ, и это не въ отношеніи къ одному Владимиру, а точно изъ нѣкоторой особенной привязанности къ тому занятію, которое представляетъ мнѣ исторія Герберштейнъ есть и на Нѣмецкомъ. Нельзя ли имъ меня снабдить? Но въ немъ теперь нѣтъ крайней нужды (Боюсь тебя ограбить; но вѣдь ты и не будешь лишать себя нужнаго; этого ни по чему ты не долженъ дѣлать). NB. Разговоры о Новѣгородѣ ¹³⁾ у меня есть. Нѣтъ ли чего-нибудь подобнаго о Кіевѣ, и гдѣ я о немъ найду какія-нибудь подробности?

На твое мнѣніе предпочесть Владимиру Святослава теперь не отвѣчаю ничего, ибо мой планъ ¹⁴⁾, какъ я уже сказалъ выше, есть только одно смѣя; но Владимиръ есть нашъ Карлъ Великій, а богатыри его тѣ рыцари, которые были при дворѣ Карла; сказки и преданія приучили насъ окружать Владимира какимъ-то баснословнымъ блескомъ, который можетъ замѣнить самое историческое вѣроятіе; читатель легче вѣритъ вымысламъ о Владимирѣ, нежели вымысламъ о Святославѣ, хотя послѣдній по героическому характеру своему и болѣе принадлежитъ поэзіи, нежели первой. Благодаря древнимъ романамъ, ни Аріосту, ни Виланду никто не поставилъ въ вину, что они окружили Карла Великаго рыцарями, хотя въ его время рыцарства еще не существовало. Что же касается до святости Владимира, то можно говорить объ немъ и заставить его дѣйствовать приличнымъ образомъ его историческому характеру; къ тому же главнымъ дѣйствующимъ лицомъ будетъ не онъ, а я его сдѣлаю точкою соединенія всѣхъ постороннихъ дѣйствій, для сохраненія единства. Поэма же будетъ не героическая, а то, что называютъ Нѣмцы *romantisches Heldengedicht*; слѣдовательно, я позволю себѣ смѣсь всякаго рода вымысловъ, но на ряду съ баснею постараюсь вести истину историческую, а съ вымыслами постараюсь соединить и вѣрное изображеніе нравовъ, характера времени, мнѣній, позволяя однако себѣ нравы и мнѣнія времянь до Владимира перенести въ его время: ибо это принадлежитъ къ вольности стихотворнаго дворянства, даннаго нашей братьѣ императоромъ Фебомъ. Вотъ, не хотѣлъ ничего говорить о Святославѣ и Владимирѣ, а наговорилъ съ три кузова! О перо неутомонное и непостижимое! Или оно лѣзнится, или пишетъ безъ памяти. Стихи мои *переписываются* для тебя; но ты получишь ихъ не такъ-то скоро, ибо я не имѣю здѣсь

мѣчанія на первый и второй томъ Исторіи князя Щербатова“, въ двухъ томахъ, тамъ же въ 1793—1794 гг.—Исторія Россійская князя Щербатова вышла въ Спб. въ 1770—1791 гг. (7 тт. въ 14 чч.).—Первое изданіе „Ядра Россійской исторіи“ (авторомъ котораго прежде считали князя А. Я. Хилкова; настоящимъ же его авторомъ является, какъ извѣстно, секретарь кн. Хилкова, А. И. Маякіевъ) было напечатано въ Москвѣ въ 1770 году.—Исторія Россійскаго государства Штриттера вышла въ Спб., въ 1800—1802 гг. (въ 3-хъ частяхъ).

¹³⁾ Сочиненіе митрополита Кіевскаго Евгенія Болховитинова: „Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода“ (Москва. 1808).

¹⁴⁾ О планѣ поэмы „Владимиръ“ см. замѣтку, помѣщенную вслѣдъ за этимъ письмомъ.

переписчика; зато переписываетъ ихъ прелестнѣйшая рука, рука милой Граціи ¹⁵⁾, въ самомъ дѣлѣ Граціи. Но ты станешь смѣяться моимъ планамъ и скажешь мнѣ: собери лучше матеріалы для Владиміра.

И такъ возвращаюсь къ своимъ сочиненіямъ. На твое намѣреніе печатать ихъ, чтобы дополнить мое изданіе Русскихъ стихотворцевъ ¹⁶⁾, никакъ не соглашаюсь; береги ихъ про себя; но выдамъ ихъ я самъ, когда ихъ наберется побольше ¹⁷⁾. На что отнимать у нихъ цѣну новости? Прошу также никому (разумѣется кромѣ Блудова, котораго судъ, и критика, и одобренія весьма для меня важны) не давать копій. Что же принадлежитъ до моего изданія стихотворцевъ Русскихъ, то оно уже въ дѣйстви; первый томъ отпечатанъ, а издавъ будетъ съ вторымъ. Всѣхъ томовъ будетъ числомъ пять. Я старался собрать все то, что можно читать съ удовольствіемъ; слѣдовательно не ограничивалъ себя однимъ *совершеннымъ*. Благодарю за доставленіе стиховъ Уварова ¹⁸⁾. Со мнѣніемъ твоимъ о его талантѣ совершенно согласенъ, также и съ тѣмъ, что Василій Львовичъ ¹⁹⁾ не имѣетъ души, при всей опрятности слога своего. Слогъ его можно сравнить съ прекрасною восковою куклою, въ которой находимъ мы все, составляющее человѣка, кромѣ самаго человѣка. А стиховъ его ²⁰⁾

---

¹⁵⁾ Одна изъ племянницъ Жуковскаго, Александра Андреевна Протасова (о томъ, что именно она, см. ниже, въ письмѣ ХХХ). Послѣ словъ: „въ самомъ дѣлѣ Граціи“ четыре строки тщательно вымараны.

¹⁶⁾ Т. е. Собранія Русскихъ стихотвореній.

¹⁷⁾ Первое изданіе стихотвореній В. А. Жуковскаго вышло, въ двухъ частяхъ, въ Петербургѣ въ 1815—1816 годахъ.

¹⁸⁾ С. С. Уваровъ въ молодости (какъ и въ лѣтахъ зрѣлыхъ) писалъ немало стиховъ на Французскомъ языкѣ, ходившихъ по рукамъ въ тогдашнемъ обществѣ (см. Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. VIII (Спб. 1883), стр. 490).

¹⁹⁾ Пушкинъ (р. 1770 † 1830), дядя А. С. Пушкина, авторъ „Опаснаго Сосѣда“ и многихъ другихъ стихотвореній. Последнее по времени и наиболѣе полное изданіе сочиненій В. Л. Пушкина вышло въ 1893 году, въ С. Петербургѣ, подъ ред. В. И. Саитова.

²⁰⁾ Безъ сомнѣнія, подъ стихами В. Л. Пушкина слѣдуетъ разумѣть его извѣстное „Посланіе къ В. А. Жуковскому“, направленное противъ А. С. Шишкова и защитниковъ стараго слога, въ спорѣ которыхъ съ послѣдователями новой школы писателей Пушкинъ принималъ живое участіе. Это „Посланіе къ В. А. Ж***“ явилось въ печати въ концѣ того же 1810 года, въ декабрьской книжкѣ Петербургскаго журнала „Цвѣтникъ“ (стр. 357—363), а затѣмъ, вмѣстѣ съ Посланіемъ Пушкина къ Д. В. Дашкову, въ 1811 году было издаво въ Петербургѣ отдѣльною брошюрою, подъ заглавіемъ „Два посланія“. Послѣдователи старой школы называются въ Посланіи „скопищемъ стихомарателей“, „соборомъ безграмотныхъ Славянъ“, „безумцами“. Про Шишкова В. Л. Пушкинъ выражается, между прочимъ, такъ:

Въ словесности расколъ какъ должно осуждаю.

Аристъ (*т. е. Шишкова*) душою добръ, но авторъ онъ дурной,

И намъ отъ книгъ его нѣтъ пользы никакой;

Въ страницѣ каждой онъ слогъ древній выхваляетъ

я не помѣстить для того, что они слабы, заключаютъ въ себѣ одну только брань, которая есть бесполезная вещь въ литературѣ; впрочемъ, помѣстить ихъ болѣе не хотѣлъ Каченовскій, не желая заводить ссоры, въ чемъ и я согласенъ. Шишкова почитаю суевѣрнымъ, но умнымъ раскольниковъ въ литературѣ; мнѣніе его о языкѣ тоже, что религія раскольниковъ, которые почитаютъ священныя книги болѣе за то, что они старыя, а старыя ошибки предпочитаютъ новымъ истинамъ, и тѣхъ, которые молятся не по старымъ книгамъ, называютъ богоотступниками. Такихъ раскольниковъ надобно побѣждать не оружіемъ В(асилія) Львовича, слишкомъ слабымъ и нечувствительнымъ. Гомера читаю на Англійскомъ, имѣя передъ собою и Фоссовъ переводъ ²¹⁾). Не соглашаюсь однако, чтобы Фоссовъ переводъ былъ лучше Пбпова; можетъ-быть, въ первомъ найдешь болѣе истиннаго Гомерова духу и Греческой простоты, но онъ сухъ, и чувствительно, что Нѣмецъ Фоссъ изъ всей силы хотѣлъ быть Грекомъ. Попъ растянуть и иногда очень удаляется отъ Гомерова духа, особливо когда дѣло дойдетъ до боговъ, говоря о которыхъ, онъ вмѣшиваетъ такія выраженія, которыя болѣе приличны новѣйшимъ метафизикамъ; за то языкъ его стихотворнѣе. Эти два перевода по настоящему надобно читать вмѣстѣ: одинъ увеличить цѣну другаго; Пбпова щеголеватость сдѣлаетъ пріятнѣе Фоссову простоту, а Фоссова сухость сдѣлаетъ еще пріятнѣе Пбпову блистательную поэзію. Чуть ли и я со временемъ не примусь за Греческую грамматику, а Латинская уже и очень вертится въ головѣ моей. Въ Бѣлевѣ есть одинъ латинусъ, котораго я хочу прибрать въ руки; тогда берегись Гельмольдъ, а особливо Виргилій и Горацій; доведи, Господи, и до Тацита! Доставь мнѣ піесу Уварова *Sur l'avantage de mourir* ²²⁾, я очень любопытенъ читать ее, особенно по тому что ты объ ней пишешь. NB. Первая присланная тобою піеса его нравится мнѣ болѣе, нежели послѣдняя. Въ ней, кажется, языкъ и правильнѣе, и стихотворнѣе.

И Русскимъ всѣмъ словамъ прямой источникъ знаетъ.

Что нужды? Толстый томъ, гдѣ зависть лишь видна,

Не есть Лагарповъ курсъ, а пагуба одна.

Какъ извѣстно, на В. Л. Пушкина за это Посланіе напалъ Шишковъ въ „Присовокупленіи“ къ „Разсужденію о краснорѣчїи Священнаго Писанія“, напеч. въ 1811 году. На нападки же Шишкова Пушкинъ не замедлилъ дать отвѣтъ въ „предувѣдомленіи“ къ „Двумъ посланіямъ“.

²¹⁾ Стихотворный Нѣмецкій переводъ Гомера, сдѣланный Иоганномъ Фоссомъ (р. 1751 † 1826), вышелъ въ 1781 году; знаменитый Англійскій поэтъ Александръ Попъ (Pope, р. 1688 † 1744) издалъ свои переводы „Илиады“ и „Одиссеи“, первый въ 1715—1720 г., а второй въ 1725 г. Оба эти переводы выдержали затѣмъ много изданій.

²²⁾ *Sur l'avantage de mourir jeune* (т. е. О выгодахъ умереть въ молодости). Это свое произведеніе, писанное стихами, Уваровъ, послѣ того какъ въ началѣ 1811 года лично познакомился съ Жуковскимъ, самъ ему доставилъ. Въ неизданномъ письмѣ къ Уварову, отъ 4 Мая 1811 года, Жуковскій писалъ ему по поводу этихъ стиховъ слѣдующее: „... Позвольте вамъ напомнить, что вы обѣщали мнѣ прислать Французскіе ваши стихи: *Sur l'avantage de mourir jeune*. Эта идея меня плѣняетъ, мнѣ самому хотѣлось

Напрасно бранишь ты посланіе Воейкова къ Мерзлякову ²³⁾; въ немъ много хорошаго; и ходъ мыслей, и слогъ вообще хороши.

Ихъ корни внутри земли,
Вершины за облакомъ;
Ихъ свойство—величіе
Удѣлъ—независимость!

.....
О вѣрь мнѣ, что въ городѣ
И слава всеневная
Есть гробъ славы кетинной.
Писатель, желая льстять
И *кравится публикѣ*,
Блестая мгновеніе,
Теряетъ безсмертіе.

Все это очень хорошо, а окончаніе прекрасное ²⁴⁾. И вообще въ

бы ее обработать на нашемъ гиперборейскомъ языкѣ, украсивши у васъ нѣсколько мыслей...“ (списокъ, сдѣланный рукою А. И. Тургенева, хранится въ Имп. Публ. Библиотекѣ, въ собраніи бумагъ В. А. Жуковскаго). „Въ скоромъ времени—отвѣчалъ Уваровъ въ письмѣ отъ 15 Мая (см. Русск. Архивъ 1871 года, ст. 0159)—получите вы мои стихи „Sur l'avantage de mourir jeune“. Не судите строго о ихъ достоинствахъ; не иначе какъ о изліяніи чувствъ душевныхъ; участь ихъ должна бы быть—умереть тамъ, гдѣ они родились“.

²³⁾ Посланіе А. О. Воейкова (извѣстнаго автора сатиры „Домъ сумасшедшихъ“) напечатано въ № 16 „Вѣстника Европы“ 1810 года, стр. 289—292, подъ заглавіемъ: „Къ Мерзлякову. Призываніе въ деревню“.

²⁴⁾ Приводимъ это окончаніе Посланія:

Приди къ намъ, любезный другъ,
Встрѣчать льто красное!
Ты книгъ не бери съ собой;
Здѣсь книга великая
Природы открыта намъ:
Въ деревнѣ не надобно
Цвѣтовъ остроумія;
Здѣсь сердце лишь надобно.
Друзья твои ждуть тебя;
Въ объятія отверстыя
Готовы принять тебя!
Приди раздѣлить съ нами
Не яствы сахарныя,
Не вина заморскія,
Но Русской объѣдъ простой,
Приправленной ласкою
Хозяйки пріятливой
И дальней прогулкою.

этой пьесѣ много легкости; можно бы было кое-что и поправить (что сушая бездѣлица въ стихахъ безъ приѣма), но все это посланіе остается очень пріятнымъ.

Какимъ образомъ Блудовъ въ Петербургѣ, а не въ Молдавіи ²⁵⁾? Вотъ новое дополненіе къ доказательствамъ о твоей лѣни! Какъ не сказать объ немъ ни слова? Увѣрь его, если можно, что ему надобно бы было ко мнѣ написать. Какъ же онъ облѣнился между музульманами!

Не забудь о Гриневѣ ²⁶⁾. Кланяйся братьямъ, когда къ нимъ писать будешь, и перестань думать о исполненіи просьбы моей, а просто исполни ее. Прости, любезный Миллеръ. Твой Бонстеттенъ ²⁷⁾.

1810-го, Сентября 12.

НВ. Замазанная мною строки ²⁸⁾ написаны были передъ обѣдомъ; послѣ обѣда, во время варенія желудка, догадался я, что ихъ непременно надобно вымарать—и вымаралъ, и это сдѣлано по той же причинѣ, по которой ты не хотѣлъ поставить всего имени *одного человека* въ своемъ письмѣ и отложилъ говорить объ немъ до личнаго свиданія нашего, а только не потому, чтобъ я хотѣлъ отъ тебя скрываться. Итакъ vale!

Замѣтка о поэмѣ „Владимиръ“.

Въ бумагахъ Жуковского сохранились наброски плана „Владимира“ и мыслей для этой поэмы (см. Бумаги В. А. Жуковского, стр. 150 и 155). Набросокъ плана, судя по почерку и бумагѣ, относится къ 1809 или 1810 г.

Приводимъ здѣсь этотъ набросокъ:

У насъ не найдешь, мой другъ,
Ни злата, ни мраморовъ
Подъ кровомъ соломеннымъ;
За то ты у насъ найдешь,
Чего нѣтъ давно уже
Въ большихъ городахъ у насъ,—
Сердца откровенныя,
Свободу безпечную,
Веселость игривую.—
И что пчелѣ надобно?
Цвѣты и убѣжище!

²⁵⁾ Д. Н. Блудовъ, занимавшій должность управителя дипломатической канцеляріи при главнокомандующемъ нашею арміею на Дунаѣ, графъ Н. М. Каменскомъ, былъ имъ посланъ въ Петербургъ, чтобы объяснить въ настоящемъ видѣ положеніе Русской арміи послѣ неудачнаго штурма Рущука 22 Іюля 1810 года (Ковалевскій, „Графъ Блудовъ и его время“, стр. 51—52).

²⁶⁾ О немъ см. выше, въ прим. 6-е къ XXIII письму.

²⁷⁾ Въ соответствии тому, что Тургеневъ въ настоящемъ письмѣ названъ Миллеромъ, Жуковский подписывается фамиліею друга Миллера, Бонстеттенемъ (о немъ см. въ письмѣ XXV, прим. 5).

²⁸⁾ См. выше въ этомъ письмѣ, прим. 15.

„[Владимиръ. Содержаніе. Осада Кіева Тугариномъ. Тугаринъ можетъ быть побѣжденъ только Добрынею, который вышелъ изъ Кіева. Богатыри со стороны Владимира: Добрыня, Чурила, Алеша, Ерусланъ, Илья. Пѣвецъ Баянъ. Со стороны Тугарина: Полканъ, Зміуланъ, Зилантъ. Карачунъ. Алеша похищаетъ Зилену у Полкана, который подступаетъ подъ Кіевъ. Одинъ Алеша въ Кіевѣ. Илья, мучимый любовію, въ лѣсу пустыниникомъ; встрѣчается съ Рогвѣдою и креститъ ее. Ерусланъ отыскиваетъ Милославу въ замкѣ Карачуна. Сраженіе Алеша съ Зміуланомъ. Царь-Дѣвица и Добрыня]. (Строки, помѣщенные въ прямыхъ скобкахъ, въ оригиналѣ зачеркнуты).

1. Владимиръ и его дворъ. Недостаетъ лишь Добрыни и Алеша Поповича. Добрыня посланъ за мечемъ-самосѣкомъ, Златокопытомъ, водою юности. Алеша прежде отправился на подвиги. Богатыри: Ерусланъ, Чурила, Илья, Рогдай, Громобой. Баянъ пѣвецъ. Святой Антоній. Радегастъ Новгородскій, убійца своей любовницы, мучимый привидѣніемъ, и Ярославъ, сынъ Владимировъ, печальный, мучимый неизвѣстною тоскою. Милолика, княжна Новгородская, невѣста Владимирова, привезенная въ Кіевъ Радегастомъ и Ярославомъ. Приготовленіе къ празднеству брачному.

2. Осада Кіева Полканомъ Невредимымъ. Его станъ и его богатыри: Зміуланъ, Тугаринъ, Зилантъ. Требованіе, чтобы Владимиръ уступилъ Милолику. Владимиръ идетъ совѣтоваться къ св. Антонию. Антоній велитъ отложить празднество брака и говоритъ, что одинъ только Добрыня можетъ умертвить Полкана, что его надлежитъ дожидаться. Совѣты, какъ укрѣпить городъ; жизненнаго запаса есть на годъ.

3. Процессія вокругъ Кіева; окропляютъ его святою водою. Онъ неприступенъ для войска. Добрыня ѣдетъ путемъ дорогою. Исторія волшебницы Добрады и Черномора. Сонъ Добрыни. Онъ вѣзжаетъ въ очарованный лѣсъ.

4. Очарованное жилище Лицины. Звукъ арфы спасаетъ его. Онъ разрушаетъ очарованіе. Между очарованными находитъ Илью и его любовницу Зилену.

5. Исторія Ильи съ великаномъ Карачуномъ. Онъ разлучается съ Добрынею и ѣдетъ въ Кіевъ.

6. Богатырскія игры. Ночью Ярославъ и Радегастъ ѣдутъ въ станъ. Причиняютъ убійство. Ихъ разлучаютъ; на каждого нападаетъ толпа. Ярославъ, раненый, готовъ попасться въ руки непріятели. Его спасаютъ неизвестные воины: то Алеша и его товарищи. Радегастъ пропадаетъ безвѣстно.

7. Владимиръ узнаетъ тоску Ярослава. Прибытіе Карачуна въ станъ непріягельскій. Онъ вызываетъ Алешу на единоборство. Смѣшной поединокъ. Карачунъ достается въ плѣнъ.

8. Добрыня достаетъ и мечъ, и Златокопыта. Разрушаетъ очарованіе Ксеніи. Ночь, проведенная съ нею въ долинѣ.

9. Онъ ея лишается. ѣдетъ въ Кіевъ. Встрѣча Добрыни. Избавленіе и исторія Радегаста и Заиды. Они слѣдуютъ къ Кіеву. Отчаянное состояніе Кіева. Владимиръ рѣшается дать сраженіе и выйти на единоборство съ Полканомъ. Приготовленіе войска.

10. Войско выходитъ за городъ. Баянъ запѣваетъ пѣсню. Является Владимиръ. Въ эту минуту скачетъ витязь—это Добрыня и при немъ Радегастъ съ Заидою, одѣтою въ панцирь. Добрыня требуетъ позволенія сразиться. Получаетъ его. Сраженіе съ Полканомъ. Общее сраженіе. Торжество. Входитъ въ городъ. Владимиръ уступаетъ Милолику Радегасту. Явленіе Ксеніи и Добрады. Торжество и радость. Бракъ и ночь Добрыни съ Ксеніею“.

Въ списокѣ авторовъ и произведеній, съ которыми Жуковскій считалъ нужнымъ ознакомиться для написанія „Владимира“, мы встрѣчаемъ Гомера, Виргилія, Овидія, Аріоста, Тасса, Камонса, Виланда, Мильтона, Шекспира, Саути, Маттисона, Вальтеръ-Скотта, Оссiana, Эдду, Пѣснь о Нибелунгахъ, западно-европейскія народныя баллады, романы Трессана, поэму „Richardet“ и др. Изъ Русскихъ источниковъ отмѣчены Жуковскимъ лѣтописи, разные историческіе труды (о доставленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ просилъ Тургенева. Для ознакомленія съ древнимъ Русскимъ языкомъ, а также съ народнымъ языкомъ и съ народными понятіями, онъ считаетъ необходимымъ познакомиться, кромѣ Несторовой лѣтописи, съ Русскою Правдою, Духовною Владимира Мономаха, Словомъ о полку Игоревѣ, народными Русскими пѣснями и сказками. При чтеніи „древнихъ и новыхъ стихотворцевъ“ Жуковскій замѣчаетъ „мѣста и идеи достойныя подражанія, которыми бы можно было воспользоваться въ поэмі“. Напр. въ Гомерѣ онъ отмѣчаетъ „Каталогъ войскъ“ и дѣлаетъ при этомъ замѣчаніе: „Сравнить съ Тассомъ и Виргиліемъ. Можно выдумать очень хорошія описанія; для этого надобно заглянуть въ древнюю географію, но гдѣ ее взять? Лѣтописи — единственный источникъ. Какъ познакомиться съ древними народами? (Написать объ этомъ Тургеневу)“. Сравненіе войска съ лебедями и съ пчелами (Пѣснь II). Единоборство Париса и Менелая. Приготовленіе къ нему (III книга, ст. 150). Сравненіе Діомеда со львомъ (V, 205). О Славянскомъ гостеприимствѣ въ описаніи чьей-нибудь смерти—подражаніе Гомеру VI пѣсни“ и пр. Въ Энеидѣ онъ отмѣчаетъ эпизодъ о Низѣ и Эвриалѣ. Въ наброскѣ „Мысли для поэмы“ читаемъ слѣдующее: Два друга собираются ночью похитить черешъ Святославоу (Подражаніе Низу и Эвриалу). Одинъ, израненный, брошенъ; другой беретъ въ плѣнъ; креститъ плѣннику. Въ Тассо отмѣчены: описаніе Армидина сада, Клориды, очарованнаго лѣса; въ „Ришардетъ“: сраженіе съ гигантами, эпизодъ Леона и его жены, вѣдьма, островъ видѣній; въ „Роландъ“: описаніе острова Альпины; Астольфъ, превращенный въ миртъ, описаніе разныхъ чудовищъ, сраженіе съ охотникомъ; Роландъ, встревоженный сновидѣніемъ, и т. п. „Мысли для поэмы“ сохранились въ двухъ небольшихъ наброскахъ. Въ одномъ изъ нихъ мы читаемъ слѣдующее: „Владимиръ подъ старость посылаетъ одного изъ богатырей на подвиги. Время ужасное для него приближается, въ которое прошедшее должно быть заглажено. Добрыня испытываетъ многія очарованія, слѣдствія одного изъ съ однимъ разрушающіяся. Въ то же время война съ Печенѣгами, въ коей успѣхъ соединенъ съ тѣмъ же очарованіемъ. (Займствованъ изъ Zauberring). Трizona въ честь Святославу. Пѣснь Баяна. Война Греческій. Тѣнь любовницы, закопанной въ монастырѣ. Празднество освященія храма“. Изъ отдѣльныхъ фразъ, написанныхъ Жуковскимъ въ тѣхъ же тетрадахъ, отмѣтимъ слѣдующія: „Царь-Дѣвица мститъ за брата своего, убитаго Ильею; требуетъ, чтобы онъ былъ отданъ ей въ руки. Царь-Дѣвица встрѣчается съ Пшею и ѣдетъ съ нимъ въ замокъ любви, не зная его. Они избавляются Добрынею. Вѣдьма, очаровавшая богатырей. Шапка невидимка крылатая. Синпюальдъ въ кельѣ Клеліи въ образецъ Алеши Поповича въ спальнѣ Землі. Вралда Черногоба съ Свѣтовидомъ. Влюбленная чародѣйка (Велледа)“.

Вообще, по ознакомленіи съ тѣмъ, что сохранилось изъ подготовительныхъ работъ къ „Владимиру“, нельзя не согласиться съ высказаннымъ г. Загаринымъ (въ его книгѣ: „В. А. Жуковскій и его произведенія“, изд. 2-е, Москва, 1883, стр. 213—214) мнѣніемъ по поводу „Владимира“, что „неисполненіе Жуковскимъ замысла написать большую историческую поэму можно считать обстоятельствомъ, благоприятнымъ его славу“, что „замыселъ

этотъ не соответствовалъ ни складу его таланта, ни поэтическому его вкусу, все болѣе и болѣе отдалявшемуся въ то время отъ родной земли; ни, наконецъ, общему духу того времени, въ которое возникъ этотъ замыселъ“, и что Жуковский „не свободенъ былъ отъ того пониманія Русской древности, которое ядило ее въ западно-европейскій костюмъ“.

XXV.

(Въ Сентябрь 1810, с. Муратово).

Книги твои получилъ, любезнѣйшій другъ, и дочитываю Миллера ¹⁾. Прекрасная, единственная въ своемъ родѣ книга! Но теперь объ ней ни слова; голова болитъ, дождикъ хочетъ идти, холодъ несносный—все это препятствуетъ мнѣ писать; даже и думать не хочется. Я взялъ перо для того, чтобы пожаловаться тебѣ на Каменскаго Латинскую грамматику ²⁾, которая несносно сбивчива и беспорядочна, особливо для того, кто хочетъ одинъ учиться по латыни (или съ малымъ весьма пособіемъ). Половина писана по латыни безъ перевода, другая съ переводомъ; порядку нѣтъ никакого. Меня снабдилъ ею Каченовскій. Нѣтъ ли у тебя своей хорошей? А если нѣтъ, то поищи въ книжныхъ лавкахъ; только въ этомъ случаѣ прошу тебя быть аккуратнѣе и поспѣшнѣе, то-есть купить не первую попавшуюся въ руки грамматику, а съ разсмотрѣніемъ; очень одолжишь, если не замедлишь доставить мнѣ эту книгу. Нѣтъ ли у тебя Винкельмана ³⁾ на Нѣмецкомъ? Миллеръ вселилъ въ меня нетерпѣніе прочесть его. Сколько издано въ свѣтъ Исторіи Миллера? У меня только четыре части ⁴⁾. Какую книгу написалъ Бонштеттенъ ⁵⁾ и что онъ писалъ? Увѣдомь. Любезный другъ, еще разъ повторяю тебѣ, снабжай меня только тѣми книгами, которыя можешь присылать безъ пожертвованія.

---

¹⁾ Т. е. Письма Миллера, о которыхъ см. выше въ письмѣ XXIV, прим. 3.

²⁾ Н. Н. Бавтышъ-Каменскимъ, известнымъ управляющимъ Московскимъ Архивомъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ (р. 1737 † 1814), была издана въ 1783 году въ Москвѣ „Латинская грамматика въ пользу Россійскаго юношества“, выдержавшая затѣмъ нѣсколько изданій; десятое изданіе этой грамматики вышло въ 1808 году, а 11-е въ 1810 г.

³⁾ Вѣроятно, сочиненія этого знаменитаго основателя исторіи древняго искусства (р. 1717 † 1768): „Geschichte der Kunst des Alterthums“ (1-е изданіе вышло въ Дрезденѣ въ 1764 г.), которое нѣсколько разъ было переведено и на Французскій языкъ (Histoire de l'art chez les anciens).

⁴⁾ Сочиненіе Миллера по исторіи Швейцарскаго союза (Geschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft).

⁵⁾ Карлъ Викторъ Бонштеттенъ (р. 1745 † 1832), другъ историка Иоганна Миллера. Изъ многочисленныхъ его трудовъ можно отмѣтить: Voyage sur la scène des dix livres de l'Énéide, suivi de quelques observations sur le Latium moderne (Женева, 1806) и Études sur la nature et les lois de l'imagination (2 тома, Женева, 1807).

Гдѣ Олеарій? *) У тебя? Или остался у Сергѣя *) въ Москвѣ? Я желалъ бы имѣть его. Я его читалъ, но хочу нѣсколько разъ почитать то, что онъ пишетъ объ Русскихъ. Хотя, признаться, онъ и не очень привѣтливъ, но я не думаю, чтобы онъ выдумывалъ, и, вопреки Глинкѣ **), начинаю быть увѣреннымъ, что нынѣшнее время лучше старины, даже и со стороны нравственности. Грубость не есть чистота нравовъ, а что сказать о грубости, соединенной съ развратомъ? Но я совсѣмъ не расположенъ писать; слѣдовательно прости, любезный другъ. Въ первомъ моемъ письмѣ буду говорить съ тобою о Миллерѣй
Твой Жуковскій.

NB. Я читалъ уже Гереново сочиненіе о Миллерѣ **); меня ссужалъ этою книжкою твой братъ Сергѣй, но послѣ Писемъ еще разъ ее перечитаю. Геренъ мнѣ очень нравится. Просто, но дѣльно писать. Прошу тебя не замедлить присылкою грамматики. Время летитъ, и я еще ни слова не знаю полатински. Молись Богу, чтобы даровалъ мнѣ прилежаніе.

XXVI.

19 Сентября (1810, Муратово).

Constantiam et gravitatem werden Sie nicht eher erlangen, bis alle Ihre Stunden wie im Kloster regelmässig ausgetheilt sind †). Вотъ золотое правило, котораго держаться надлежитъ непремѣнно, чтобы достигнуть до чего-нибудь прямо высокаго. А Миллеровы письма должны быть катехизисомъ того человѣка, который хочетъ посвятить себя наукамъ. Я почти дочиталъ ихъ, но увѣренъ, что буду еще перечитывать, и что никогда перечитывать не устану. По этому началу, мой любезный другъ, ты, можетъ быть, вообразишь, что я въ своемъ письмѣ буду разсуждать съ тобою о Миллерѣ, о дѣятельности ученаго человѣка, о нашей дружбѣ,—я не имѣю времени этимъ теперь насладиться. Мое письмо содержитъ въ себѣ комиссію, которую исполнить въ ско-

---

*) Т. е. извѣстное путешествіе Адама Олеарія, бывшаго въ Россіи два раза въ царствованіе Михаила Феодоровича.

*) Т. е. у С. И. Тургенева.

*) Сергѣю Николаевичу Глинкѣ (р. 1776 † 1847), извѣстному издателю „Русскаго Вѣстника“. Во вступленіи въ этотъ журналъ (начавшій выходить съ 1808 года) Глинка писалъ, между прочимъ: „Замѣчая нынѣшніе нравы, воспитаніе, обычаи, моды и проч., мы будемъ противополгать имъ не вымыслы романческіе, но нравы и добродѣтели протцевъ нашихъ“, и затѣмъ въ своемъ журналѣ издатель пользовался каждымъ случаемъ, чтобы изображать доблести Русскихъ настоящаго и преимущественно прошлаго времени.

*) Книжка извѣстнаго историка Арнольда Герена (Heeren, р. 1760 † 1842): „Johann v. Müller der Historiker“, вышла въ Лейпцигѣ въ 1809 году.

*

†) Постоянство и твердость могутъ быть достигнуты лишь тогда, когда все ваше время будетъ распределено такъ же правильно, какъ въ монастырѣ.

рости и съ величайшею точностью прошу тебя именемъ Миллера, Бонстеттена и имъ подобныхъ. Вотъ записка о дѣлѣ, о которомъ ты долженъ начать хлопотать тотчасъ по полученіи моего письма, ибо здѣсь всего нужнѣе поспѣшность, и твое стараніе будетъ истиннымъ доказательствомъ твоей ко мнѣ дружбы. Екатерина Аванасьева Протасова имѣетъ въ 25-лѣтней Экспедиціи ²⁾ свидѣтельство на 231 душу ³⁾; но изъ этихъ 231 души заложено только 37 душъ; остальные свободны. 25-лѣтняя Экспедиція не даетъ болѣе денегъ; Екатерина Аванасьева хочетъ занять деньги въ Опекунскомъ Совѣтѣ; но двухъ свидѣтельствъ на одно и тоже имѣніе получить невозможно, и она проситъ, въ слѣдствіе этой невозможности, чтобы 25-лѣтняя Экспедиція передала свое свидѣтельство Опекунскому Совѣту или снеслась бы съ нимъ о томъ, что Екатерину Аванасьевну можно удовлетворить деньгами на залогъ остальныхъ отъ 231 души крестьянъ свободныхъ, чему доказательствомъ служить самое свидѣтельство. И просьба моя къ тебѣ состоитъ въ томъ, чтобы ты, безъ всякаго замедленія, выхлопоталъ (или самъ, или черезъ знакомыхъ) это отношеніе отъ 25-лѣтней Экспедиціи въ Опекунскій Совѣтъ, и какъ скоро оно будетъ послано, увѣдомилъ бы меня черезъ почту. Надѣюсь, любезный другъ, что, доставляя тебѣ случай оказать мнѣ истинное одолженіе, я дѣлаю тебѣ удовольствіе; увѣренъ, что ты возьмешься за это дѣло со всевозможною ревностію, и обнимаю тебя со всею искренностію дружбы. Отвѣчай на это письмо поскорѣе; дѣло, право, весьма для меня важное. Между тѣмъ скажу тебѣ, въ заключеніе моего письма, что я учу Латинскія вокабулы, читаю Латинскую грамматику и думаю съ восхищеніемъ о Греческомъ языкѣ, который NB почитаю необходимымъ для усовершенствованія Русскаго, ибо нашъ Русскій языкъ воспитанъ Греческимъ, съ котораго переведены первыя наши книги. Но объ этомъ послѣ. Я начинаю предвидѣть, что моя лѣнь скоро исчезнетъ и что мы будемъ переписываться съ тобою весьма порядочно, слѣдовательно будетъ время еще поговорить и о Миллерѣ, о языкѣ Латинскомъ, о Несторѣ, о Русской исторіи. Но я совѣтую тебѣ, любезный мой Миллеръ, позаботиться о доставленіи мнѣ хорошей Латинской грамматики. Не худо было бы, если бы ты заранѣе запасъ меня и Греческою, также хорошею; хотя о Греческомъ языкѣ теперь еще и слуху нѣтъ, но я бы изрѣдка заглядывалъ въ грамматику, приучалъ бы глаза свои къ каракулямъ Греческимъ; это питало бы мою жадность—аппетитъ голоднаго увеличивается, когда онъ смотритъ на пищу, въ ожиданіи того часа, какъ скажутъ ему: пили! Прости. Твой Ж.

Адресъ: Его высокоблагородію милостивому государю моему Александру Ивановичу Тургеневу. Въ С.-Петербургѣ. Въ Итальянской слободѣ, въ домѣ госпожи Пугатиной, или въ Коммисіи о сочиненіи законовъ. Подателю дано будетъ.—Почтовый штемпель: Болховъ.

²⁾ 25-тилѣтняя Экспедиція Заемнаго Банка.

³⁾ По селѣцу Муратову съ дер. Козловкою Болховскаго уѣзда Орловской губерніи.

11-го Октября (1810, Вязевъ).

Любезнѣйшій другъ, благодаря тебя усердно за присылку росписи ¹⁾, спѣшу тебя попросить сдѣлать мнѣ еще одно крайнее одолженіе: именно прислать какъ можно поскорѣ Геренову *Handbuch der neuesten Geschichte*; для чего она мнѣ такъ нужна, объ этомъ напишу въ слѣдующемъ моемъ письмѣ, въ ко(то)ромъ буду писать о весьма многомъ. Теперь очень мало времени осталось до почты, а я желалъ бы поговорить съ тобою о нѣкоторыхъ важныхъ для меня вещахъ, слѣдовательно безъ всякаго спѣха, не торопясь. Герена, ради Бога, Герена! Очень онъ мнѣ надобенъ. Книжку его о Миллерѣ возвращаю. Прекрасно. Прочти 45 страницу. Ты увидишь, что я и безъ сердечной необходимости имѣю важную причину писать къ тебѣ много и часто; но къ этой важной причинѣ присоединяется еще и то, что мнѣ часъ отъ часу становится необходимѣе быть вмѣстѣ съ тобою, если не въ самомъ дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ мысленно. Но объ этомъ послѣ; скоро получишь отъ меня длинное письмо. Отнынѣ переписка наша должна быть для насъ важнымъ и необходимымъ занятіемъ. Итакъ прости, любезный другъ, до перваго моего разговора съ тобою. Теперь прошу только прислать мнѣ скорѣ Герена. И братъ твой Сергѣй обѣщаль мнѣ его дать прочитать, но онъ уѣхаль, не исполнивъ этого обѣщанія; сними же вину съ его совѣсти. Прошу тебя не забыть о моей другой просьбѣ, то-есть похлопотать въ Банкѣ ²⁾. Обнимаю тебя. Жуковский.

Я ошибся; у тебя въ письмѣ стоитъ *Geschichte der Europäischen Staatensystem* (sic) ²⁾. Шлёцеровыхъ сочиненій роспись возвращаю; я замѣтилъ въ нихъ все то, что тебѣ надобно будетъ мнѣ прислать. Милый другъ, я надѣюсь, что ты позволишь мнѣ располагать твоею библіотекою, какъ собственно моею. Ни одна книга твоя не пропадетъ: въ этомъ ты можешь быть твердо увѣренъ; могутъ онѣ сгорѣть вмѣстѣ со мной, но тогда будешь ты обо мнѣ сожалѣть болѣе, нежели объ своихъ книгахъ. Ты очень, очень бы одолжилъ меня, когда бы назначенныя мною Шлёцеровы сочиненія прислать вмѣстѣ съ Гереномъ, и на слѣдующей же почтѣ. Что же грамматики Латинская и Греческая? Лѣнивцевъ!

P. S. Не откладывай, прошу тебя, присылки книгъ. Время летить, а я все еще грубая невѣжда во всемъ. Нѣтъ ли у тебя хорошихъ книгъ, трактующихъ о вспомогательныхъ наукахъ исторіи: о государственномъ хозяйствѣ, о правилахъ политики, статистикѣ и пр. (ты долженъ это знать лучше меня)? Снабди меня всѣмъ этимъ; живучи въ деревнѣ, ни отъ кого, кромѣ тебя, не могу имѣть пособія. Но главное и важнѣйшее условіе: не медлить! Сдѣлай все, что можешь сдѣлать, и тотчасъ. Give me all thou canst and let me dream the rest ³⁾! Я теперь сдѣлался очень прилеженъ. Всякая минута у меня занята. Но когда подумаю, сколько погибло драгоценнаго времени по пустякамъ,

¹⁾ Сочиненій Шлёцера.

²⁾ Сочиненіе Герена „*Handbuch der Geschichte des Europäischen Staatensystems und seiner Colonien*“ вышло первымъ изданіемъ въ Геттингенѣ въ 1809 году.

³⁾ Т. е. Дай мнѣ все, что ты можешь, и объ остальномъ дозвожь мнѣ мечтать. ...

сердце обливается кровію. Братъ, надобно возвратить сколько-нибудь потерянное. Но какъ-то тяжело время дѣятельности употреблять на одно приготовленіе! Прости; объ этомъ въ другой разъ буду писать, и много. Теперь совершенно некогда.

XXVIII.

Октября 18-го (1810, Бѣлевъ).

Другъ сердечный, милый Миллеръ — два слова! Благодарю тебя за хлопоты о дѣлѣ Екатерины Аеанасьевны. Не полѣнись, похлопочи объ немъ еще разъ. Изъ записки Хитрова, тобою мнѣ доставленной, вижу, что Е(катерины) Ае(анасьевны) надобно послать въ Опе(унскій) Совѣтъ просьбу, и что по этой просьбѣ Совѣтъ сдѣлаетъ сношеніе съ Экспедиціею, и что Экспедиція тогда уже разрѣшить его на выдачу денегъ. Почему же Экспедиція не можетъ прямо по просьбѣ Ек(ате-рины) Ае(анасьевны) послать этого разрѣшенія въ Опе(унскій) Со-вѣтъ? И когда уже эта просьба подана, то для чего по ней не исполнить и, оставляя прямую дорогу, переходить на кривую, болѣе продолжительную? Нельзя ли поторопиться, чтобъ Экспедиція, не дожидаясь отъ Оп(еунскаго) Сов(ѣта) отношенія, тотчасъ дала ему знать о томъ, что души, пред(лагаемыя) въ залогъ, точно свободны. Право, я думаю, что это безъ всякаго затрудненія сдѣлать можно, и ты искренно одолжишь меня, если опять нѣсколько потормошишь Хитрова и убѣдишь его не губить понапрасну драгоценнаго для просительницы времени.—А грамматики Латинской все еще нѣтъ! Братъ, и ты пожалѣй моего времени и не откладывай. Также прошу тебя и о скорѣйшемъ доставленіи тѣхъ книгъ, которыя назначилъ я въ послѣднемъ письмѣ моемъ. О планѣ своего чтенія исторіи буду говорить съ тобою въ будущемъ моемъ письмѣ. Пишу къ тебѣ мало не отъ лѣни, а точно отъ невозможности. Право, я совсѣмъ почти пересталъ лѣниться, и только тогда бываю не очень дѣтеленъ, когда у меня... ¹⁾ а въ головѣ тяжесть. Это отчасти есть и теперь. Письмо пишется худо, потому что мысли связаны; а *выдумывать*, чѣмъ бы наполнить къ тебѣ письмо, совсѣмъ не моя метода. Прости, мой милый Миллеръ. Твой Бонстеттенъ.

Вотъ тебѣ на этотъ разъ нѣсколько золотыхъ строкъ изъ нашего Миллера: Das höchste Glück ist die Unabhängigkeit: und die besteht nicht in dem, dass jemand aus seinen Renten lebe, sondern in dem, dass jeder von den Irrthümern der Menschen unabhängig sei und auch sich, wenn es nöthig ist, besiegen könne ²⁾.

(Почтовый штемпель: Бѣлевъ).

---

¹⁾ Выпущена фраза.

²⁾ Т. е. Высшее счастье есть независимость, и она состоитъ не въ томъ, чтобы жить своими доходами, но въ томъ, чтобы быть вполне независимымъ отъ людскихъ за-блужденій, а также, въ случаѣ надобности, умѣть побѣждать себя самого.

4 Ноября (1810, Бѣлевъ).

Скажи мнѣ, любезный другъ, поступалъ ли Миллеръ съ своимъ Бонстеттенемъ такъ безбожно, какъ ты со мною поступаешь? Въ письмѣ твоёмъ отъ 4-го Октября сказано, что Шлёцеровы книги: *Die Deutschen in Siebenbürgen*, *Probe Russischer Annalen* и *Selbstbiographie* отложены и готовы къ отсылкѣ ко мнѣ. Ты долженъ давно уже получить и мое письмо, въ которомъ я со всею убѣдительностію крайней нужды прошу тебя о другихъ Шлёцеровыхъ книгахъ и о Гереновой Новой Исторіи. Грамматика Латинская должна уже или по крайней мѣрѣ уже могла быть давно отыскана—и вотъ 4 Ноября, а я еще ни одной изъ этихъ книгъ не имѣю! Признаюсь, такая неаккуратность меня сердитъ. Неужели твои важныя дѣла не дадутъ тебѣ ни одной свободной минуты, чтобы сдѣлать прямую (хотя для тебя и самую легкую) услугу твоему другу? И скажи мнѣ, не крайне ли неприятно думать каждый разъ, когда тебя просишь о чемъ-нибудь: онъ этого не исполнить до тѣхъ поръ, пока не надоѣшь ему частымъ напоминаніемъ. Не забудь, что я въ деревнѣ, что письма въ Петербургъ ходятъ отсюда ровно десять дней и что съ оборотомъ должно это составить двадцать дней. За что же терять мнѣ по цѣлому мѣсяцу отъ того только, что тебѣ лѣнь о просьбѣ моей подумать? Еще разъ прошу тебя: перечитай всѣ мои письма и исполни по нимъ все безъ всякаго отлагательства. По крайней мѣрѣ то исполни, что можешь, а въ остальномъ не мѣшай. Единственное одолженіе, какое въ твоей возможности теперь мнѣ оказать, состоитъ въ доставленіи мнѣ тѣхъ книгъ, которыя имѣешь ты въ своей библіотекѣ и которыя сохраняются у меня во всей неприкосновенности, и чистотѣ, и цѣлости, и прочее и прочее. Возвращу ихъ тебѣ, когда потребуешь. Сдѣлай же милость, будь нѣсколько снисходительнѣе къ моимъ просьбамъ и не сердь меня досаднымъ своимъ пренебреженіемъ. Я кое-какъ перебиваюсь теперь съ Латинскою грамматикою Лебедева ¹⁾; но желалъ бы имѣть такую, въ которой правила были бы истолкованы пояснѣе. Также я просилъ тебя и о Греческой хорошей Нѣмецкой грамматикѣ. Любезный другъ, пожалѣй о моемъ времени; боюсь, что я за нимъ не поспѣю, что оно улетитъ, и что мнѣ не удастся быть тѣмъ, чѣмъ бы хотѣлось. Теперь мои занятія идутъ порядочно. Вдали передо мною *Владимиръ*. Поближе Владимира Русская исторія. Но передо мною Латинскій и Греческій языкъ и исторія всеобщая. Прежде нежели приму(сь) за Русскую, хочу составить себѣ хорошее понятіе объ исторіи всеобщей, и для того-то имѣю крайнюю нужду и въ Шлёцерѣ, и въ Геренѣ. Теперь читаю Гаттерера ²⁾; въ немъ удивительно хорошо предложена вся система все-

¹⁾ Краткая грамматика Латинская, въ пользу учащагося Латинскому языку Россійскаго юношества, составленная Василиемъ Лебедевымъ, съ 1762 года по 1817 выдержала нѣсколько изданій.

²⁾ Сочиненіе историка Иоганна Христовора Гаттерера (р. 1727 † 1799) „*Versuch einer allgemeinen Geschichte bis zur Entdeckung von Amerika*“ вышло въ Нюрнбергѣ въ 1792 году.

общей исторіи, но онъ дошелъ только до открытія Америки; Геренъ изобразилъ времена новѣйшія. Промежутокъ между Гаттереромъ и Гереномъ займетъ *Ремеръ* (*Handbuch der neueren Geschichte*)³⁾, котораго выпишываю изъ Москвы. Составивъ себѣ это *общее* понятіе объ исторіи, буду имѣть уже въ головѣ нить происшествій, съ которою невредимо пройду черезъ лабиринтъ исторій частныхъ, и тогда уже чаряду съ Русскою исторіею, которою буду заниматься, входя во всѣ подробности, начну читать и классиковъ. Не подумай, чтобы эта метода была противна методѣ Миллера, который отъ *частнаго* возвысился до *всеобщаго*. Для меня всеобщее будетъ только однимъ *планомъ* зданія, слѣдовательно не самимъ зданіемъ; темная идея о *всеобщемъ* объяснится *частнымъ* и сдѣлаетъ идею *ясною*. Но мнѣ надобно будетъ отказаться отъ всѣхъ идей, и ясныхъ, и темныхъ, если ты не разсудишь отказаться отъ своей немилосердой лѣни и безпечности, которыя дѣлаютъ тебя совершенно невнимательнымъ къ моимъ просьбамъ. Оканчиваю это письмо еще просьбою, которую также, безъ сомнѣнія, ты не разсудишь исполнить. Однако, на всякой случай, попытаюсь, и вотъ моя просьба: спросить у Оѣверина, за что не отвѣчаетъ онъ на мое письмо, въ которомъ я покорнѣйше просилъ его помочь одному бѣдному человѣку? И можно ли ему помочь? Попроси его, чтобы онъ написалъ ко мнѣ или по крайней мѣрѣ хотя черезъ тебя сказалъ: *да* или *нѣтъ*. Болѣе ничего не требую. Прости, любезный, неаккуратный и добрый другъ мой. Жуковскій.

XXX¹⁾.

7 Ноября (1810, Бѣлевъ).

Письмо твое отъ 31 Октября получилъ, мой милый Миллеръ; благодарю тебя за присылку книгъ, которыхъ еще у меня нѣтъ, и еще разъ повторяю просьбу мою доставить мнѣ всѣ остальные, а чтобы узнать, какія онѣ, перечитай всѣ прежнія письма мои, и отложи свою обыкновенную, досадную безпечность, которая одна мѣшаетъ лишь *въ полнотѣ* восхищаться тобою.

Ты спрашиваешь, на что мнѣ нуженъ Геренъ и въ какомъ отношеніи? Я уже написалъ къ тебѣ объ этомъ въ моемъ послѣднемъ нѣсколько сердитомъ письмѣ, но написалъ коротко. Теперь напишу попространнѣе. Но въ предисловіе объясню, для чего не писалъ къ тебѣ такъ долго²⁾, и отъ чего могутъ и впередъ случаться нѣкоторые про-

---

³⁾ Эта книга Ремера (Julius August Reimer, р. 1784 † 1808) составляетъ третью часть его „Handbuch der allgemeinen Geschichte“ (1-е изд. вышло въ Брауншвейгѣ въ 1788—84 гг.).

*

¹⁾ Этого письма нѣтъ между подлинными письмами Жуковскаго, въ Имп. Публ. Библіотекѣ Оно взято изъ Р. Архива 1867 г., кн. 5 и 6, гдѣ оно было напечатано по точной копій съ подлинника, хранившагося у Н. И. Тургенева.

²⁾ Предыдущее письмо Жуковскаго помѣчено 4 Ноября; слѣдовательно настоящее письмо писано всего лишь три дня спустя. Нѣсколько ниже Жуковскій говоритъ, что письма

межутки въ нашей перепискѣ. Причиною этому Миллеръ, или, лучше сказать, одно изъ его прекраснѣйшихъ правилъ: *Constantiam et gravitatem werden Sie nicht eher erlangen, bis alle Ihre Stunden wie im Kloster regelmässig ausgetheilt sind* ³⁾. Этому правилу стараюсь послѣдовать со всею точностію трудолюбиваго Нѣмца. Часы мои раздѣлены. Для каждаго есть особенное непремѣнное занятіе. Слѣдовательно, есть часы и для писемъ. Обыкновенно въ вечеру, наканунѣ почты, пишу письма, и такихъ эпохъ у меня двѣ въ недѣлѣ. Но я долженъ часто писать въ типографію; два раза въ недѣлю непремѣнно долженъ отправить корректуру моего Собранія стихотворцевъ, котораго еще ни одинъ томъ не отпечатанъ; первый готовъ, но еще нѣтъ предисловія (слѣды и не могъ получить его); наконецъ, случаются и другія письма. Всѣ эти дѣла положено исправлять у меня въ Понедѣльникъ и Пятницу, по вечерамъ, отъ чего и случается иногда совершенная невозможность къ тебѣ писать; а въ этомъ порядкѣ непремѣнно хочу быть педантомъ: въ противномъ случаѣ, что ни дѣлай, все будетъ не основательно. Прибавь еще къ тому и то, что иногда въ часъ, опредѣленный для переписки, въ головѣ моей сидитъ геморрой, отъ котораго душа какъ мертвая, а я хочу угощать тебя живою душою; хочу, чтобы *рука писала отъ сердца*. Но какъ писать, когда голова въ спорѣ съ сердцемъ?

И такъ, поговоримъ о Геренѣ и братіи. *Entre nous soit dit* ⁴⁾, я совершенный невѣжда въ исторіи. Неправда ли, что въ этомъ отношеніи наша переписка нѣсколько далека отъ Миллеровой съ Бонстеттеномъ? Онъ въ двадцать лѣтъ предвидѣлъ политическія перемѣны міра. Но я хочу получить объ исторіи хорошее понятіе; не быть въ ней ученымъ, ибо я не располагаю писать исторію, но приобрѣсть философическій взглядъ на происшествія въ связи. Исторія изъ всѣхъ наукъ самая важнѣйшая; важнѣе философіи, ибо въ ней заключена лучшая философія, то-есть практическая, слѣдовательно полезная. Для литератора и поэта исторія необходимѣе всякой другой науки: она возвышаетъ душу, расширяетъ понятіе и предохраняетъ отъ излишней мечтательности, обращая умъ на существенное. Я хочу прочитать всѣхъ классиковъ-историковъ; но для того, чтобы извлечь изъ нихъ всю возможную пользу и чтобы идея объ исторіи была не смутная, а ясная, хочу предварительно составить себѣ общій планъ всѣхъ происшествій въ связи. Для этого и начинаю Гаттереромъ и Гереномъ. Вотъ моя метода, нѣсколько трудная и продолжительная, но для упрямой памяти моей необходимая. Прочитавъ статью въ Гаттерерѣ, имѣя передъ глазами Габлеровы таблицы ⁵⁾, откладывая книгу и потомъ составляя нѣсколько картъ (*à la Schlötzer fils*) ⁵⁾ того времени, о кото-

---

пишутся имъ по Понедѣльникамъ и Пятницамъ. Въ 1810 году 4 Ноября приходилось въ Понедѣльникъ, а 7 Ноября въ Пятницу.

³⁾ Эта же фраза приведена въ началѣ письма XXVI, гдѣ см. и ея переводъ.

⁴⁾ Т. е. между нами говоря.

⁵⁾ Т. е. по образцу картъ Шлецера-сына (т. е. X. А. Шлецера), приложенныхъ къ его сочиненію: *Erläuterungen der Geschichte der Britischen Inseln durch Zeittafeln und historisch-geographische Karten* (Mittau. 1804).

ромъ читаль, на картахъ въ хронологическомъ и вмѣстѣ синхронистическомъ порядкѣ изображаю главнѣйшія происшествія,—это оставляетъ въ головѣ чрезвычайно ясную идею о перемѣнахъ и ихъ послѣдствіи. Кончивъ этотъ трудъ, пишу изъ головы общее обзорнѣе происшествій прочитаннаго періода. Такъ составитя у меня цѣлый курсъ всеобщей исторіи. Подробностей знать не буду; но теперь онѣ мнѣ еще и не нужны. Я хочу имѣть одинъ планъ, съ которымъ можно было бы не заблудиться посреди безчисленныхъ подробностей. Составивъ этотъ планъ, мнѣ уже будетъ весьма легко послѣ заниматься отдѣльно чтеніемъ классиковъ, изъ которыхъ ни одинъ не написалъ обо всемъ, а избралъ для себя какую-нибудь важнѣйшую часть. Эти важнѣйшія части будутъ мнѣ извѣстны подробно; а связь между ими сохранить мое предварительное чтеніе Гаттерера и Герена. Русская исторія однако будетъ другаго рода занятіемъ. Тутъ уже нечего думать о классикахъ, а надобно добираться самому до источниковъ. Но и для Русской исторіи, прежде нежели погрузусь въ океанъ лѣтописей, намѣренъ я составить такой же точно планъ, для котораго мнѣ нужна будетъ какая-нибудь краткая, но хотя нѣсколько сносная Русская исторійка. Не знаешь ли чего-нибудь въ этомъ родѣ? «Владимиръ» будетъ моимъ фаросомъ; но чтобы плыть прямо и безопасно при свѣтѣ этого фароса, надобно научиться искусству мореплаванія. Вотъ чтó я теперь и дѣлаю. Ахъ, братъ и другъ, сколько погибло времени! Вся моя прошедшая жизнь покрыта какимъ-то туманомъ *недѣятельности душевной*, который ничего не даетъ мнѣ различить въ ней. Причина этой недѣятельности тебѣ извѣстна. А теперь, другъ мой, эта самая дѣятельность служить мнѣ лѣкарствомъ отъ того, чтó было прежде ей помѣхою. Если романическая любовь можетъ спасать душу отъ порчи, за то она уничтожаетъ въ ней и дѣятельность, привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всѣхъ другихъ. Этотъ одинъ убійственный предметъ, какъ царь, сидѣлъ въ душѣ моей по сіе время. Но теперешняя моя дѣятельность, наполнивъ душу мою (или, лучше сказать, *начиная* наполнять), избавляетъ ее отъ вреднаго постояльца. Если бы онъ ушелъ самъ, *не уступивши* мѣста своего другому, то душа могла бы угаснуть; но теперь она только перемѣнила свое направленіе и, признаться, къ совершенной своей выгодѣ. Эту выгоду я очень чувствую, и ты скоро, можетъ быть, получишь отъ меня *Посланіе о дѣятельности* ⁶⁾, о благодѣтельности этого святаго гения, которому посвящаю жизнь мою, которымъ будетъ храниться все мое счастье. Не забудь однако, что этотъ гений всегда рука въ руку съ гениемъ дружбы. Пускай же они будутъ моими ангелами-хранителями. Въ эту минуту желалъ бы имѣть тебя передъ собою, чтобы подать тебѣ руку, прижать тебя къ сердцу, не сказать можетъ быть ни слова, но за то все выразить своимъ молчаніемъ. Не подумай однако, чтобы моя мысль о дѣйствіи любви была *общей* мыслью, а не моею; нѣтъ, она справедлива и неоспорима, но только тогда, когда будешь предполагать нѣкоторые особыя обстоятельства; она

⁶⁾ Жуковский не привелъ въ исполненіе свою мысль написать Тургеневу такое „Посланіе о дѣятельности“.

справедлива въ отношеніи ко мнѣ. Надобно сообразить мои обстоятельства: воспитаніе, семейственныя связи и *двухъ* тѣхъ, которые такъ много и такъ мало на меня дѣйствовали ⁷⁾. Объ этомъ хорошо говорить на словахъ, и я надѣюсь говорить объ этомъ съ тобою въ какомъ-нибудь Московскомъ уголку, въ которомъ мы будемъ двое вспоминать о прошедшемъ и располагать будущее, возобновляя душевный объѣтъ навсегда, навсегда быть добрыми спутниками въ счастіи и несчастіи. Такъ, братъ, и въ несчастіи! Видя, какъ все рушится, иногда приходитъ мнѣ въ голову мысль, что, можетъ быть, впереди готовить для насъ судьба что-нибудь ужасное. Я часто хотѣлъ писать къ тебѣ объ этомъ. Милый другъ! Никогда не теряй изъ головы мысли, что намъ надобно помогать, помогать другъ другу переносить бурю; что несчастіе должно соединить насъ, что намъ непремѣнно должно быть вмѣстѣ, когда начнется это испытаніе. Какое оно—не знаю. Но подумай о томъ, что были многіе эмигранты, разсыпанные по всему свѣту революціею; взгляни на то, что происходитъ около насъ, и вообрази возможности ⁸⁾. И эти-то возможныя времена должны соединить насъ, если они настанутъ. Для двухъ несчастіе не ужасно; двое могутъ имѣть одну общую непоколебимую твердость, которой каждый изъ нихъ *одинъ*, можетъ быть, имѣть не способенъ; въ глазахъ и въ рукѣ друга—надежда и сила. Признаюсь тебѣ, иногда мысль о будущемъ приводитъ меня въ уныніе. Что, если предпринятая мною дѣятельность будетъ бесплодна? Но въ этомъ случаѣ надобно забывать будущее невѣрное, а только возможное; и я всегда говорю себѣ: *настоящая минута труда уже сама по себѣ есть плодъ прекрасный*. Такъ, милый другъ, *дѣятельность и предметъ ея польза*—вотъ что меня теперь одушевляетъ. Первая же моя недѣятельность происходила, можетъ быть, и отъ мысли, что *я не могу* быть дѣятельнымъ. Теперь начинаю вѣрить противному, ибо я нахожу удовольствіе даже и въ томъ, чтобы учить наизусть примѣры изъ Латинскаго синтаксиса, воображая, что со временемъ буду читать Виргилія и Тацита. Теперь главныя занятія мои составляютъ: исторія всеобщая, какъ приготовленіе къ Русской и къ классикамъ, и языки, пока Латинскій, а черезъ нѣсколько времени и Греческой. Въ «Вѣстникъ» ⁹⁾ буду посылать переводы, ибо это необходимо для кармана. Между тѣмъ, чтобы не разнакомиться съ Музами, буду дѣлать минутныя набѣги на Парнасскую область, съ тѣмъ однако, чтобы со временемъ занять въ ней выгодное мѣсто, поближе къ Храму Славы. Три года будутъ посвящены труду *приготовительному*, необходимому, тяжелому, но улаждаемому высокою мыслию быть прямо тѣмъ, что должно. Авторство почитаю служ-

---

⁷⁾ Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 г., ст. 794, къ этому мѣсту письма сдѣлано примѣчаніе: „Т. е. отца и мать“. Но не подразумѣваетъ ли Жуковскій подъ этими двумя лицами Андрея Ивановича и Ивана Петровича Тургеневыхъ?

⁸⁾ Предчувствіе грозы 1812 года. П. В.

⁹⁾ Перечень переводовъ Жуковскаго, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ 1811 года, см. въ Сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго, изд. подъ ред. П. А. Евремова, изд. 7-е, т. VI, стр. 687. Здѣсь насчитано за этотъ годъ девять переводныхъ статей Жуковскаго.

бою отечеству, въ которой надобно быть или отличнымъ или презрѣннымъ: промежутка нѣтъ. Но съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣю теперь, нельзя надѣяться достигнуть до перваго. И такъ лучше поздно, нежели никогда. Тебѣ, какъ доброму другу моему, надобно желать одного: чтобы обстоятельства, по крайней мѣрѣ въ эти приготовительные годы, были благоприятны мнѣ и не столкнули меня съ дороги. А трудъ, который былъ для меня прежде тяжелъ, становится для меня любезенъ, часъ отъ часу болѣе. Я увѣренъ теперь, что одинъ тотъ только почитаетъ трудъ тяжкимъ, кто не знаетъ его; но тотъ именно его и любить, кто наиболѣе обремененъ имъ. Вотъ мысль Горация, которая привела меня въ восхищеніе, ибо теперь съ отмѣнною живостию чувствую истину, въ ней заключенную:

Et nī

Posces ante diem librum cum lumine, si non
Intendes animum studiis et rebus honestis,
Invidia vel amore vigil torquebere ¹⁰⁾.

Не подумай однако, чтобы я хотѣлъ хвастать знаніемъ своимъ Латинскаго языка. Я прочиталъ это въ переводѣ, а для тебя, какъ для латинуса, выписываю въ оригиналѣ.

Переписанныхъ моихъ сочиненій нельзя тебѣ скоро имѣть: милая переписчица ¹¹⁾ улетѣла въ Москву плѣнять все, что ей ни встрѣтится, слѣдовательно и переписывать ей некогда. А переписчица здѣсь нѣтъ. Терпѣніе, милый другъ. Что-нибудь подоспѣетъ новое, тогда вдругъ все получишь. Между тѣмъ мое *Посланіе* очень вертится у меня въ головѣ, и я бы давно написалъ его, если бы не былъ рабомъ моего Нѣмецкаго порядка,—и восхищенію стихотворному назначенъ у меня часъ особый, свой. Но это восхищеніе какъ-то упрямо, и не всегда въ положенное время изволить ко мнѣ жаловать. Между прочимъ скажу тебѣ, чтобы поджечь твое любопытство, что у меня почти готова еще баллада, которой главное дѣйствующее лицо дѣволъ, которая вдвое длиннѣе *Людмилы*, и гораздо ея лучше ¹²⁾. И этотъ *дѣволъ* посвященъ будетъ милой переписчицѣ ¹³⁾, которая сама нѣкоторымъ образомъ по своей обольстительности—дѣволъ.

Но пора кончить. Надобно еще написать письмо къ Блудову, который зоветъ, и напрасно, къ сожалѣнію моему, зоветъ меня въ Москву. Я буду въ Москвѣ не прежде, какъ въ концѣ Декабря, и то на короткое время, и ты непременно въ ней быть долженъ. Въ про-

---

¹⁰⁾ Эти стихи находятся у Горация во 2-мъ его посланіи (къ Леллію) книги первой (ст. 35 и слѣд.): „Если ты до разсвѣта дневнаго, съ возженною свѣчю, не будешь ощущать потребности въ книгѣ; если не будешь упражнять душу умственными и честными трудами, то, въ бессонницѣ, одолѣетъ тебя зависть или любовный жаръ“ (Прим. взято изъ „Русскаго Архива“ 1867 г.).

¹¹⁾ Племянница Жуковскаго, Александра Андреевна Протасова?

¹²⁾ Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, именно первая часть, носящая теперь названіе „Громобой“.

¹³⁾ А. А. Протасовой. См. посвященіе ей „Громобоя“.

тивномъ случаѣ, милый мой Миллеръ, мы можемъ опять не увидѣться, а это будетъ для меня очень грустно. Постарайся расположить дѣла свои такъ, чтобы тебѣ непременно прѣѣхать въ Москву около Новаго года.

Въ заключеніе письма двѣ просьбы: первая, непременно увидѣться съ Сѣверинымъ, и попросить его для меня самымъ усерднымъ образомъ объ отвѣтѣ на мое письмо. Онъ жалуется на мое молчаніе, а самъ пренебрегаетъ отвѣчать мнѣ тогда, когда бы надобно было тотчасъ, безо всякаго замедленія, отвѣчать; ибо я, по прежней моей съ нимъ пріятельской связи, просилъ его объ услугѣ, въ точномъ увѣреніи, что ему пріятно будетъ для меня ее сдѣлать. Его молчаніе для меня непостижимо и, признаюсь, нѣсколько обидно. Можно ли такимъ образомъ перемѣняться? Покажи ему эти строки и попроси его, чтобы онъ объяснилъ мнѣ, чтб я долженъ подумать о его молчаніи?—Антонскій совѣтуетъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ и пользоваться случаемъ нашего министра юстиціи ¹⁴⁾. Нѣтъ, я не поѣду; не сдѣлаю той глупости, которую вздумалъ было въ началѣ послѣдняго года сдѣлать ¹⁵⁾! Все увѣряетъ меня, что нашъ министръ и для своихъ пріятелей министръ. Онъ не имѣетъ того расположенія въ душѣ, чтобы воспользо-ваться силою для добра тѣхъ, которыхъ онъ ласкалъ и называлъ *своими* во время оно, и сдѣлать это, избавивъ ихъ отъ жестокаго труда, или лучше сказать отъ мученія, выплакивать себѣ выгоду, и предупредивъ ихъ своимъ добрымъ желаніемъ, и принаровивъ свое объ нихъ попеченіе къ ихъ собственнымъ желаніямъ и способностямъ. Онъ не Муравьевъ ¹⁶⁾, который два раза, не зная меня совсѣмъ въ лицо, присылалъ у меня спрашивать, не можетъ ли онъ мнѣ быть полезенъ, и котораго я не могу вспомнить безъ благодарнаго чувства.... Но basta!

Зная теперъ, какъ мнѣ время дорого, ты долженъ безъ всякаго отлагательства прислать мнѣ Латинскую грамматику и Греческую. И ты много одолжилъ бы меня, если бы снабдилъ меня и Эйхгорномъ ¹⁷⁾ и Histoire de la diplomatie. На книги твои позволяю себѣ имѣть полное право, и ты долженъ снабжать меня всѣми, какія имѣешь. Покупать ихъ не могу, ибо я бѣднякъ, а тебѣ должно быть пріятно помогать мнѣ въ нуждѣ. Только не медли!

---

¹⁴⁾ И. И. Дмитриева, назначеннаго министромъ юстиціи въ Январѣ 1810 года.

¹⁵⁾ Въ началѣ 1809 года Жуковскій ѣздилъ въ Петербургъ на короткое время (Примѣч. изъ Русскаго Архива 1867 года).

¹⁶⁾ Михайлъ Никитичъ, о которомъ см. выше, въ письмѣ XII, прим. 8.

¹⁷⁾ Какое именно сочиненіе историка и ориенталиста Іоганна Готгарда Эйхгорна (р. 1752 † 1827) желалъ имѣть Жуковскій, не видно ни изъ предыдущихъ писемъ, ни изъ послѣдующихъ. Быть можетъ, рѣчь шла о трудѣ Эйхгорна „Geschichte der Litteratur von ihrem Anfange bis auf die neuesten Zeiten“, который выходилъ въ Геттингенѣ съ 1805 года (6 томовъ, 1805—1812 гг.), или объ его „Weltgeschichte“ (Геттингенъ. 1799—1814) или „Geschichte der drei letzten Jahrhunderte“ (тамъ же, 1802—1804).

Послѣднее твое письмо отъ 17 Ноября. Оно служить отвѣтомъ на мое сердитое. Съ тѣхъ поръ ты уже успѣлъ получить два письма отъ меня, одно большое, другое съ запискою о дѣлѣ Екатерины Ана-насьевны. Прошло уже три почты съ того времени, какъ я получилъ это послѣднее письмо твое, и отъ тебя нѣтъ отвѣта. Чтѣо причиною такой лѣни, любезный другъ? Книгу Уварова ¹⁾ я получилъ, но при ней нѣтъ отъ тебя ни строчки. Кто же лѣнивѣе, ты или я? И отъ Блудова также нѣтъ отвѣта, а я ожидаю его съ большимъ нетерпѣніемъ. Что жъ это значить? По-настоящему, мнѣ надлежало бы наказать тебя молчаніемъ, но мнѣ самому теперь молчать не хочется и писать къ тебѣ совсѣмъ не тяжело для моей лѣни. Первое, скажу тебѣ, что я не совсѣмъ доволенъ послѣднимъ твоимъ письмомъ. Чтѣо значить выраженіе: тебѣ не нужно заставлятъ меня перечитывать письма твои, я и безъ того читаю ихъ сколько для удовольствія, столько для пользы. Неужели ты хотѣлъ мнѣ сказать комплиментъ? Не знаю отчего, но это выраженіе мнѣ очень не понравилось, и тѣмъ болѣе, что на слѣдующей же страницѣ доказалъ ты мнѣ очень ясно его несправедливость. Если бы ты перечитывалъ письма мои для пользы, то непременно воспользовался бы дружескимъ моимъ *наставленіемъ* и прислалъ бы мнѣ Schlözer's Weltgeschichte ²⁾, о которой я особенно писалъ къ тебѣ въ двухъ письмахъ, а не написалъ бы ко мнѣ, что мнѣ не худо бы было имѣть между прочими и эту книгу. Ты критикуешь мой планъ *историческаго курса*; по длинному письму моему ты уже долженъ имѣть объ немъ яснѣйшее понятіе и, можетъ быть, уже теперь со мною согласенъ. Прибавлю одно то, что ты напрасно мнѣ представляешь примѣромъ Миллера. Онъ читалъ классиковъ и всему предпочиталъ источники, потому что уже имѣлъ въ головѣ основу, которой я не имѣю и безъ которой самые классики вдвое менѣе будутъ полезны. Въ ихъ чтенію Миллеръ приготовленъ былъ Геттингеномъ, а для меня не было Геттингена, и я долженъ былъ непременно быть нѣсколько времени собственнымъ своимъ ученикомъ. Чтѣобъ быть современемъ чѣмъ-нибудь, мнѣ надобно непременно *начать съ начала*—трудно, скучно, продолжительно, однако необходимо. Я уже не могу надѣяться достигнуть до учености обширной, но я могу приобрѣсть хорошее образованіе, то именно, которое мнѣ нужно по моей части, то-есть по части *искусствъ изящныхъ*. Надлежитъ только сдѣлать хорошій и экономный планъ ученія, такой, чтобы не было употреблено пустаго труда и время не пропадало даромъ. Объ этомъ мы будемъ бесѣдовать съ тобою тогда, когда увидимся въ Москвѣ. Я буду въ ней непременно въ концѣ Декабря; старайся и ты къ тому же времени туда пріѣхать; эта перспектива радуетъ меня чрезвычайно. Заранѣе однако прошу тебя привезть мнѣ изъ библіотеки своей всѣ тѣ книги, которыя сочтешь

¹⁾ Projet d'une Académie Asiatique. Вышла эта книга въ Петербургѣ въ 1810 году.

²⁾ Вышла, въ двухъ томахъ въ Геттингенѣ въ 1785—1789 гг.

для меня нужными; напимѣрь тѣ, въ которыхъ могу я получить порядочное понятіе о вспомогательныхъ наукахъ исторіи: статистику, политическую экономію, Staatsrecht ³⁾, географію и другія, не забывши и тѣхъ, о которыхъ я просилъ тебя въ моихъ послѣднихъ письмахъ; ты сдѣлаешь мнѣ этимъ истинное благодѣяніе, а бѣдный карманъ мой избавишь отъ горестнаго убытка.

Прожектъ Уварова я прочиталъ и прошу тебя сказать ему отъ меня усердную благодарность за доставленіе этой книги. Мнѣ пріятно было узнать его со стороны его свѣдѣній, и онъ долженъ принадлежать, если не ошибаюсь, къ числу необыкновенныхъ людей изъ Русскихъ. Жалѣю только объ одномъ: онъ раздѣляетъ, какъ видно, со многими несчастіе предубѣжденія противъ всего Русскаго и лучше соглашается не быть оригинальнымъ на Французскомъ языкѣ, нежели унизить талантъ свой до Русскаго и быть отличнымъ писателемъ Русскимъ (если только NB онъ хочетъ быть писателемъ, на что, кажется, даютъ ему право его хорошія свѣдѣнія, между Русскими необыкновенныя). Я очень далека отъ грубаго восхищенія à la Glinka ⁴⁾; но что же будетъ съ нашимъ бѣднымъ отечествомъ, если мы всѣ безъ изъятія будемъ пренебрегать его и восхищаться всѣмъ, что только не наше. Кому же и сдѣлать любезнымъ Русское, какъ не людямъ съ талантомъ, и особенно людямъ свѣтскимъ, соединяющимъ съ остроуміемъ и пріятностію, прибрѣтенными въ большомъ свѣтѣ, и талантъ, полученный отъ природы, и свѣдѣнія, прибрѣтенныя въ кабинетѣ. Что же касается до самаго прожекта, то онъ дѣлаетъ честь изобрѣтателю, но едва ли можетъ быть очень полезенъ въ Россіи. Тогда бы, кажется, могли мы заниматься и съ жаркимъ рвеніемъ, и съ вѣрною пользою разсматриваніемъ литературы Азіатской (привлекательной только для любопытства людей ученыхъ), когда бы уже стояли на высокой степени образованія; но гдѣ же у насъ образованіе и гдѣ ученость? Выпишу одну статью изъ прожекта; она послужитъ неоспоримымъ его опроверженіемъ: *Et s'il est vrai, que nous sommes arrivés à l'une de ces époques, qui ne sont pas inconnues dans l'histoire de la civilisation, où l'esprit humain, parvenu au dernier terme de son abondance productive et ne pouvant plus suffire à la fermentation des idées, se replie sur lui-même pour recueillir de nouvelles forces par l'analyse de ses propres richesses: jamais la renaissance des études orientales ne pouvait rencontrer des circonstances plus favorables. Ce vif élan* ⁵⁾.... и прочее (прочти весь девятый параграфъ первой части).

---

³⁾ Т. е. государственное право.

⁴⁾ См. прим. 8-е къ письму XXV-му.

⁵⁾ Т. е. И если справедливо, что мы наконецъ достигли до той эпохи (уже известной въ исторіи просвѣщенія), эпохи, въ которую человѣчскій умъ, ступившій на крайнюю степень изобилія творческаго и не могущій удовлетворять собственному своему стремленію, обращается на самого себя, дабы, исчисливъ свои сокровища, прибрѣсть новыя силы: то неоспоримо, что возрожденію наукъ восточныхъ встрѣтились самыя счастливыя обстоятельства. Стремленіе живое (и пр.) (см. переводъ Жуковскаго въ „Вѣстникъ Европы“ 1811 года, № 1, стр. 49 – 50).

Si nous sommes arrivés, но мы еще очень далеко от этой эпохи. У насъ еще никто не воображаетъ, чтобы Латинскій и Греческій языкъ были нужны для воспитанія; мы еще не имѣемъ порядочной Русской грамматики. Это правда, что мы въ сношеніи съ такими народами, которые дошли уже до степени *пресыщенія* въ образованіи умственномъ и которые необходимо должны требовать *новало* для того, чтобы оживлять умственную свою дѣятельность; но намъ это *сношеніе* не даетъ еще права на *равнство*, и то, что можетъ быть весьма полезно для нашихъ сосѣдей, то очень еще бесполезно для насъ. Въ Германіи напримѣръ заведеніе Академіи Азіатской привело бы всѣ головы въ движеніе; у насъ займетъ оно нѣсколько образованныхъ головъ, и то вѣроятно головъ, покрытыхъ Нѣмецкими париками, а вѣтъ вообще Русскимъ покажется странностію; и Академія Азіатская внутри Россіи будетъ не иное что *для Русскихъ*, какъ храмъ, въ которомъ совершаются таинства непостижимыя и совершенно неприступныя для профановъ. И я почти увѣренъ, что эта Академія, если она только будетъ основана, будетъ одно *пышиное имя*, и что литература Азіатская не можетъ еще быть привлекательна для такого народа, который не имѣетъ литературы *собственной*, очень поверхностно знакомъ съ литературой Французскою и никакой идеи не имѣетъ о древней, объ Англійской и Нѣмецкой. У насъ заведено и Общество Историческое; но что же оно сдѣлало, это Общество ^{*)}? А предметъ его *Русская исторія*; Мы сидимъ еще за Русскою азбукою, а хотимъ уже разбирать Китайскую и проникать въ глубину древнѣйшей исторіи тогда, когда у насъ переведена только одна Миллотова всеобщая ^{*)}, а оригинальная Русская единственно та, которая издана для народныхъ училищъ ^{*)}. Можно ли при такомъ богатствѣ словесности воображать *пресыщеніе* и примѣтное желаніе *приобрѣтать новое*? *Ce vif élan, cette force de produire* и пр. не caractérisent pas le siècle où nous vivons ^{*)}. Это правда; но одно дѣйствіе отъ разныхъ причинъ. Сосѣди наши отъ того

---

^{*)} Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ было учреждено, по мысли Августа Шлёцера, въ 1804 году. До конца 1810 года оно не обнаружило никакой особенной дѣятельности и не выпустило въ свѣтъ никакихъ трудовъ. За первыя шесть съ половиною лѣтъ Общество успѣло лишь напечатать, подъ наблюденіемъ Х. А. Чеботарева и Н. Е. Черепанова, десять листовъ (80 страницъ) Лѣтописи по Лаврентіевскому списку; это изданіе не было выпущено въ свѣтъ (см. Н. А. Поповъ, Исторія Императ. Московск. Общ. Ист. и Древн. Россійск., ч. I (1804—1812) стр. 49, 53 и 83—88 (въ „Чтеніяхъ“ Общества, 1884 г., кн. первая).

^{*)} Древняя и новая исторія отъ начала міра до настоящаго времени... соч. аббата Милота, 9 частей, Москва, 1785. Второе изданіе, подъ заглавіемъ: „Основанія всеобщей исторіи“, вышло тамъ же, въ 9 же частяхъ, въ 1804—1806 гг. Claude François Millot родился въ 1726, умеръ въ 1785 году.

^{*)} Всемирная исторія, издаваемая для народныхъ училищъ Россійской Имперіи, часть I, вышла въ Петербургѣ въ 1787 году; въ 1808 году явилось пятое изданіе этой книги

^{*)} Т. е. Стремленіе живое и творческая сила (и пр.) не могутъ быть признаны отличительнымъ качествомъ нашего времени (Переводъ Жуковского).

не имѣютъ дѣятельности живой, что они уже истощили свою дѣятельность, а мы отъ того, что еще не начинали дѣйствовать; слѣдовательно памь не можетъ быть прилично то, что будетъ прилично имъ. Имъ нужно *novus*, а памь еще нужно перейти тотъ путь, которой они уже сдѣлали; если же, напротивъ, будемъ стараться идти съ ними наряду и дѣйствовать одинаково съ неодинакими способами и силами, то будемъ въ опасности ничего не сдѣлать или все сдѣлать очень худо. Хвататься за трудное, не приготовивъ себя къ успѣшному его исполненію работою продолжительною, есть свойство Русскихъ, за которое должны они благодарить Петру Великому. Въ примѣръ цѣлой Россіи могу поставить самого себя. Не зная азбуки, я принялся за авторство; но авторство мое увѣрило меня, что надобно принять(ся) за азбуку. И я рѣшился, наконецъ, послѣдовать этому доброму совѣту, можетъ быть нѣсколько поздно; но лучше поздно, нежели никогда. Мы хотимъ заводить Академію Азіатскую, а наша Русская Академія еще въ колыбели! Не значить ли это, что мы увѣрены въ своей зрѣлости; а эта увѣренность не есть ли гибельное препятствіе и самой возможности нѣкогда сдѣлаться зрѣлыми? Вотъ тебѣ мое мнѣніе. Само по себѣ разумѣется, что оно должно остаться между нами. Проектъ будетъ переведенъ для «Вѣстника» ¹⁰⁾, ибо онъ можетъ составить въ немъ очень любопытную статью; но замѣчаній на него дѣлать не стану и не могу, ибо эта часть—какъ и весьма, весьма многія—неизвѣстна мнѣ совершенно. Въ письмѣ къ тебѣ позволяю себѣ умствовать и криво, и косо; но говорить пустяки передъ публикою тяжко для совѣсти.

Остальныя страницы надобно наполнить кое-чѣмъ о себѣ. Время мое и мои занятія идутъ порядочно; вообще чувствую себя счастливымъ; недостаетъ одного—и этогъ недостатокъ очень бываетъ чувствителенъ—возможности сообщать мысли свои о томъ единственномъ предметѣ, которымъ занята моя душа безпрестанно, и чрезъ это сообщеніе оживлять въ себѣ дѣятельность. Я окруженъ милыми людьми, ко всѣмъ имъ очень много привязанъ; но съ этой именно стороны одинокъ, съ которой особенно было бы нужно мнѣ общество, и очень часто думаю, какое было бы для меня наслажденіе, когда бы я могъ жить или съ тобою или съ Влудовымъ и когда бы мы общими силами трудились надъ усовершенствованіемъ своего образованія. Чтобъ дать тебѣ нѣкоторое понятіе о моемъ теперешнемъ положеніи, выпишу одну статью изъ моей записной книги, статью, написанную съ тѣмъ, чтобы сообщить ее тебѣ. Не думай, однако, чтобы я велъ порядочный журналъ: до этого совершенства въ занятіи я еще не достигнулъ, и не все то еще исполняется, что я хотѣлъ бы исполнить.

Ноября 22. Прежде въ головѣ моей была одна только мысль: *надобно писать!* И я писалъ очень мало, потому что мой талантъ естественный всегда былъ въ противоположности съ моими способами; я невѣжда, во всей обширности этого слова. Теперь главная мысль моя: *надобно учиться и потомъ писать*, и я часъ отъ часу становлюсь

¹⁰⁾ Сдѣланный Жуковскимъ переводъ книги Уварова, подъ заглавіемъ „Мысли о заведеніи въ Россіи Академіи Азіатской“, напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1811 года, № 1, стр. 27—52, и № 2, стр. 96—120.

дѣятельнѣе, по крайней мѣрѣ часъ отъ часу сильнѣе желаю быть дѣятельнымъ. Я имѣю теперь довольно твердости, чтобъ отступить назадъ и *начать съ начала* (Bélier, mon ami, commencez par le commencement!) ¹⁴⁾, дабы дойти до счастливаго конца. Мысль, что я уже *авторъ*, меня портила и удерживала на степени невѣжества. Между тѣмъ я внутренно былъ неспокоенъ и не могъ быть счастливъ своимъ положеніемъ; ибо то, чтó я дѣлалъ, необходимо должно было казаться мнѣ пустымъ, а неувѣренность въ собственныхъ силахъ лишала меня утѣшительной надежды на успѣхъ. Рѣшившись пріобрѣсти свѣдѣнія основательнѣе, я сдѣлался и спокойнѣе, и счастливѣе. Пріобрѣтеніе свѣдѣній есть само по себѣ уже наслажденіе, а, имѣя въ виду прекрасную цѣль, это наслажденіе удваивается: настоящее украшается будущимъ. Вотъ два мѣсяца, какъ работы мои идутъ порядочно, какъ я доволенъ собою, спокоенъ, внутренно веселъ. Думаю, что эта привычка къ порядку, любовь къ дѣятельности и постоянство въ преслѣдованіи одного предмета болѣе и болѣе будутъ во мнѣ укореняться. Эти два мѣсяца болѣе познакомили меня и съ самимъ собою. Теперь я сдѣлался до вѣрчивѣе къ своему постоянству. Прежде казалось мнѣ, что я совсѣмъ не имѣю памяти и что ученіе для меня трудъ напрасный; но теперь начинаю думать, что моя безпамятливость по большей части была слѣдствіемъ душевной недѣятельности или слишкомъ безпорядочной въ дѣятельности: каждую минуту рождалось новое занятіе, не связанное съ предъидущимъ и часто ему противное; одно истребляемо было другимъ. Могло ли что-нибудь послѣ этого въ головѣ остаться? Теперь въ работахъ моихъ постоянство; нѣтъ безпутнаго разнообразія, и память во мнѣ рождается. Надобно осудить себя на нѣсколько лѣтъ *ученической дѣятельности* или *приготовительной*, дабы набрать свѣдѣнія; надобно не скучать трудностями, болѣе всего дорожить временемъ и твердо держаться порядка. Теперь утѣшаетъ меня особенно то, что работать или мыслить о работѣ есть обыкновенное, всегдашнее мое положеніе. Работа — средство къ счастью, она же и счастье. Я открылъ въ себѣ и способность *дорожить временемъ* (способность, которую однако надобно поболѣе усовершенствовать), а прежде время летѣло между пальцевъ. Между тѣмъ работа, приносящая пользу и соединенная съ нѣкоторымъ успѣхомъ, удивительное имѣетъ вліяніе и на самое моральное состояніе души. Никогда я не былъ такъ расположенъ ко всему доброму и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ такъ хорошъ, какъ теперь: главное дѣло мое идетъ какъ должно, слѣдовательно и все постороннее, но съ главнымъ болѣе или менѣе имѣющее связь, должно быть необходимо въ такомъ же порядкѣ. Всѣ другія должности сдѣлались для меня любезнѣе. И не должно ли изъ этой привычки къ труду выйти, наконецъ, и большее совершенство моральное; слѣдовательно, трудясь, не достигну ли къ верховной цѣли человѣка? О! какъ благодарю ту минуту, въ которую сдѣлался счастливый переломъ моихъ мыслей, въ которую я сказалъ самому себѣ: «ты отчаиваешься, что потерялъ много времени и теряешь надежду; но кто же мѣшаетъ ис-

¹⁴⁾ Т. е. Велье, другъ мой, начните съ начала.

править потерянное? Сдѣлай, что можешь сдѣлать; только трудись и трудись постоянно!» Мое настоящее положеніе весьма можетъ быть названо *счастливымъ*. Посредственность состоянія не ужасаетъ меня, богатство не кажется мнѣ прелестнымъ; связи мои съ матушкою становятся для меня драгоценны; имѣю добрыхъ друзей, которые меня любятъ; остается быть достойнымъ и ихъ, и себя,—а средство: дѣятельность въ томъ маломъ кругѣ, который я для себя назначилъ. Пренная моя лѣнь весьма много происходила и отъ *любви*, которая составляла царствующую въ головѣ моей идею и всему прочему была тираномъ. Теперь и любовь уступила *трудолюбію*. Одного бы желалъ, одного бы просилъ отъ Бога: не слишкомъ быть озабоченнымъ своимъ состояніемъ, имѣть необходимое, но имѣть вѣрное. Надобно себя приучить къ расчетливости, если можно и къ скупости, ибо скупость въ моемъ состояніи есть добродѣтель. Одну половину изъ составляющаго прямое богатство я имѣю: *нежеланіе многого*; надобно присоединить къ ней и другую: *улыбнѣе дорожить малымъ и съ нимъ солицировать образъ жизни*. Надобно укоренить въ душѣ утѣшительную мысль: тихая, скромная жизнь, употребляемая на исполненіе обязанностей и на трудъ полезный, есть самая счастливая, и Богъ благословляетъ ее всегда, и успѣхъ съ нею неразлученъ. У меня теперь двѣ должности: работать для того, чтобы быть авторомъ (съ этимъ неразлучно и собственное образованіе); дѣйствовать для счастья матушки, имѣть его въ виду безпрестанно; но и эта послѣдняя тѣсно соединена съ первою, ибо всѣ мои средства соединяются въ авторствѣ. Авторство мнѣ надобно почитать и должностію гражданскою, которую совѣсть велитъ исполнять со всевозможнымъ совершенствомъ. Теперь не могу исполнять ее какъ бы надлежало, ибо я невѣжда; но я могу исполнять ее со временемъ, слѣдовательно и самый приготовительный трудъ есть нѣкоторымъ образомъ уже исполненіе. Итакъ—дѣятельность! А предметъ ея—польза! А награда за нее—слава, счастье! Это повторять себѣ каждую минуту и приучить себя не уважать временными неудачами или худымъ расположеніемъ къ работѣ, которыя почитать только временными остановками, долженствующими случаться рѣже по мѣрѣ прилежанія къ работѣ, что я испыталъ уже и надъ собою.

Длинная моя рапсодія не должна тебѣ скучать: я записалъ все это въ свой журналъ съ тѣмъ, чтобы къ тебѣ доставить, и переписывать было для меня чрезвычайно пріятно. Вообще этотъ журналъ, въ которомъ написано у меня еще очень, очень немного, заступаетъ для меня мѣсто откровеннаго друга, съ которымъ я разговариваю въ минуту *необходимости* сообщенія мыслей, слѣдовательно и все, записанное въ немъ, принадлежитъ тебѣ по праву. Прибавлю еще одно, то, о чемъ я уже нѣсколько разъ думалъ къ тебѣ написать и что всегда уходило у меня изъ памяти. Состояніе мое не совсѣмъ можетъ назваться хорошимъ; небольшая сумма денегъ, изъ которыхъ нѣкоторая часть отдана въ невѣрныя руки, не можетъ меня совершенно обезпечить; боюсь, чтобы тягостныя заботы о состояніи не принудили меня сойти съ дороги, мною выбранной, и не бросили меня на такую, на которой я не надѣюсь быть счастливымъ. Дѣлаю тебя съ этой стороны своимъ Промысломъ. Прошу тебя, мой милой другъ, думай иногда и о

томъ, чтобы доставить мнѣ такое мѣсто, въ которомъ я могъ бы, имѣя жалованье, заниматься собственнымъ. Я не имѣю нужды въ чинахъ и другихъ выгодахъ, лишь бы имѣть нѣсколько такихъ денегъ, которыя не должно было бы вырабатывать; все это не такъ необходимо теперь, какъ черезъ годъ или черезъ два; но знать это не худо заранее, дабы не упустить благоприятнаго случая. Обязанность объ этомъ думать и хлопотать поручаю тебѣ и Блудову. Не будетъ ли для васъ большимъ наслажденіемъ, если вы доставите Жуковскому нѣсколько способовъ къ его счастью? Напримѣръ, мѣсто при какой-нибудь библиотекѣ было бы всего для меня выгоднѣе. Еще разъ повторяю: мѣсто мнѣ нужно только для того, чтобы работать съ большою беззаботностію; ибо служба для меня не цѣль, а только средство. Теперь пока я обезпеченъ «Вѣстникомъ», ибо я въ немъ участвую, хотя уже не буду имѣть имени издателя (что для меня весьма выгодно); но со временемъ могу и этого средства лишиться; слѣдовательно, нужно имѣть что-нибудь вѣрнѣйшее. Совѣтую вамъ, добрые мои друзья, Миллеръ-Тургеневъ и Лагарпъ-Блудовъ, составить между собою академію дружбы, которой цѣль должна быть: изысканіе статистическое, филологическое и микроскопическое способовъ доставить вашему Жуковскому вѣрное состояніе; опредѣлите для сѣздовъ вашихъ одинъ день въ недѣлю, напримѣръ, нѣсколько утреннихъ часовъ въ Воскресенье (помни день субботній, святити его), и въ эти часы говорите, думайте и разсуждайте и дѣйствуйте для моей пользы. Такая академія едва ли не будетъ полезнѣе Азиатской; и въ самомъ дѣлѣ: вы сдѣлаете пользу *мнѣ*, а я—я буду полезенъ цѣлой Россіи. Говорю это не шутя, ибо я могу быть и буду хорошимъ писателемъ.

Отъ Сѣверина все еще я не получилъ отвѣта; попеняй ему хорошенько. Признаюсь тебѣ, это молчаніе меня жестоко сердить. Канцелярія министровъ ¹²⁾ портитъ людей, и Сѣверинъ уже почитаетъ себя человѣкомъ весьма важнымъ: ему некогда отвѣчать пріятелю своему на такое письмо, въ которомъ онъ отважился обременить его просьбою. И мнѣ молчаніе Сѣверина тѣмъ досаднѣе, что я чрезвычайно хотѣлъ бы услужить тому человѣку, о которомъ я къ нему писалъ. Похлопочи, любезный другъ, о милостивомъ отвѣтѣ.

О дѣлѣ Екатерины Аванасьевны также отъ тебя не знаю; а пора бы чему-нибудь рѣшительному уже сдѣлаться. Ты спрашиваешь у меня, кто по этому дѣлу хлопочетъ. Ты одинъ, любезнѣйшій другъ. вмѣстѣ съ тою запискою, которую я тебѣ доставилъ, послана и просьба въ банкъ, на которую надобно выходить благоприятное разрѣшеніе; а выходить некому, кромѣ тебя. слѣдовательно, рѣшись еще разъ вооружиться дѣятельностію и напади на того чудака, который уже выдержалъ первое твое нападеніе съ нѣкоторымъ урономъ для стороны правой. По крайней мѣрѣ отвѣчай мнѣ по этому дѣлу удовлетворительнымъ образомъ.

Наше свиданіе въ Москвѣ веселитъ меня заранее, и вотъ мой

---

¹²⁾ Д. П. Сѣверинъ служилъ въ канцелярія министра юстиціи И. И. Дмитріева, который и называлъ его своимъ питомцемъ (son pupille). П. В.

планъ. Я буду жить у Соковнина ¹³⁾; работы мои будутъ идти тѣмъ же порядкомъ, какимъ идутъ теперъ; съ пяти часовъ утра до шести послѣ обѣда буду сидѣть за дѣломъ, но каждый день въ шесть часовъ послѣ обѣда ты долженъ будешь ко мнѣ прѣзжать (не ранѣе и не позже), и мы или будемъ сидѣть очень весело дома, или будемъ вмѣстѣ ѣздить къ Карамзину, или куда случится. Только непременно надобно намъ видаться всякой день и ѣздить ко мнѣ *тебѣ*, а не мнѣ къ тебѣ, ибо (важное NB) я не намѣренъ нанимать лошадей. (Не правда ли однако, что я становлюсь расчетливымъ Нѣмцемъ и въ деньгахъ, и въ расположеніи времени, хотя, увы, эта расчетливость еще по большей части только на словахъ, а не на дѣлѣ?). Однимъ словомъ, любезнѣйшій мой Миллеръ, ожидаю прѣзда твоего въ Москву съ нетерпѣніемъ, и наши дружескіе, искренніе разговоры восхищаютъ меня заранѣе. Какъ бы хорошо было, если бы съ тобою прилетѣла и милая рожца Влудовъ! Но и для него важный законъ *шести часовъ* непреложенъ. Заклучу письмо свое обыкновеннымъ рефренемъ. Перечитай всѣ мои письма не для своей, а для *моей* пользы; выпиши изъ нихъ на особую бумажку всѣ тѣ книги, о которыхъ я тебя просилъ, не забывъ и росписи Шлѣцеровыхъ сочиненій, въ которой я нѣкоторыя книги отмѣтилъ карандашемъ; отбери назначенныя книги; что понужнѣе, пришли, а что не такъ нужно, привези съ собою, не забывъ однако приложить къ этой суммѣ и тѣхъ книгъ, которыхъ я не назначилъ, но которыя ты самъ сочтешь для меня нужными. Если все это исполнишь, то я повѣрю, что ты перечитываешь письма мои для своей пользы. *Пользы!* Какой чудакъ! Но развѣ я пишу къ тебѣ эпистолы à la Sénèque? А далѣе какое пышное привѣтствіе: *досуги твои для меня священны!* Я не простилъ бы себѣ, если бы былъ причиною потери твоего времени. Оно такъ дорого для любящихъ Русскую словесность. Не стыдно ли тебѣ говорить со мной такимъ языкомъ? Прошу тебя, мой милой Миллеръ, имѣть обо мнѣ понятіе настоящее, слѣдовательно не слишкомъ высокое; ибо для меня будетъ больно, если ты будешь на мой счетъ обманываться, хотя бы то было въ хорошую сторону. Я желаю, чтобы твое понятіе обо мнѣ было для меня самымъ вѣрнымъ зеркаломъ и чтобы оно не украшало меня въ собственныхъ моихъ глазахъ. Мнѣ всегда было неприятно, когда и посторонній цѣнилъ меня выше того, что я стою; а отъ добраго друга это еще неприятнѣе. Между тѣмъ Латинской грамматики все еще нѣтъ. Досуги мои не очень же для тебя священны. Я, кажется, въ первой разъ писалъ къ тебѣ о грамматикѣ въ Августѣ, вотъ 4-е Декабря! Если бы я, понадѣявшись на аккуратность твою, вздумалъ отложить попеченіе о Латинскомъ языкѣ до радостнаго прибытія Бредера ¹⁴⁾, то слишкомъ бы мало воспользовался священными досугами.

---

¹³⁾ Сергѣя Михайловича, товарища Жуковского и Тургенева по Московскому Университетскому Благородному Пансіону.

¹⁴⁾ Т. е. до присылки Латинской грамматики Бредера (Bröder). Его *Praktische Grammatik der lateinischen Sprache* вышло 11-мъ изданіемъ въ Лейпцигѣ, въ 1787 году, а *Kleine lateinische Grammatik*, 1-мъ изданіемъ, тамъ же, въ 1795 году.

Нѣтъ ли у тебя Geist der Hebräischen Poesie von Herder ¹⁵⁾? И Са-
конталу ¹⁶⁾ желалъ бы прочитать. Projet Уварова напечатанъ будетъ
въ 1 № Января мѣсяца. Прежде невозможно. Обнимаю тебя отъ
всего сердца. Еще разъ прошу тебя—кажется, что я уже объ этомъ
просилъ—выручи у Андрея Сергѣевича ¹⁷⁾ Шлѣцеровъ манускриптъ:
Записки о жизни его отца ¹⁸⁾. Онъ взялся было перевести его въ
«Вѣстникъ» съ дополненіемъ; но и меня лишилъ этого перевода, и
самъ ничего не сдѣлалъ. А Шлѣцерь, который написалъ этотъ отрывокъ
по моей просьбѣ, досадуетъ на меня и требуетъ, чтобы я воз-
вратилъ ему манускриптъ. А мнѣ досадно на Андрея Сергѣича:
взяться за такое дѣло, котораго исполненіе могло бы быть для него
очень пріятно, не исполнить его и меня ввести въ нареканіе—это не
совсѣмъ въ порядкѣ вещей. Прости еще разъ. Это длинное письмо и
предъидущее, которое было не короче, обязываютъ тебя написать ко
мнѣ побольше, и жду твоего отвѣта съ нетерпѣніемъ. Но это письмо
также и для Блудова, которому также совѣтую не мучить меня сво-
имъ молчаніемъ. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ ему стыдно не
написать ко мнѣ ни слова.

5-го Ноября (vis, em. Декабря).

Написавъ къ тебѣ, мой милой другъ, я всегда чувствую себя ве-
селѣе обыкновеннаго, какъ будто послѣ самаго пріятнаго разговора,
въ которомъ душа оживилась новыми чувствами, а голова новыми
мыслями. Друзья, Тургеневъ и Блудовъ, любите меня болѣе и болѣе.
Пока мы будемъ имѣть въ жизни одинъ общій предметъ: сохраненіе
и усовершенствованіе дружбы нашей, по тѣхъ поръ и самая жизнь
будетъ въ глазахъ нашихъ имѣть высокую цѣну. Знайте, что вы
первые для меня люди въ свѣтѣ. Но, любезные друзья, перестаньте же
лѣзвиться; вотъ и еще пришла почта, а отъ васъ ни строки! На что
же это похоже? Я начинаю думать, что ни ты, Тургеневъ, ни ты,
Блудовъ, не получили моихъ писемъ, и для избѣжанія такой неприят-
ности ставлю на конвертѣ великое слово: *подателю 25 копеекъ*. Нѣтъ,
мало! 50! Для уплаты можете сложиться.

---

¹⁵⁾ Сочиненіе знаменитаго Гердера (р. 1744 † 1803), Vom Geist der Ebräischen Poesie, вышло первымъ изданіемъ въ Дессау въ 1782 г.; второе изданіе явилось въ Лейпцигѣ въ 1787 году.

¹⁶⁾ Вѣроятно Англійскій переводъ этой извѣстной Индійской драмы, сдѣланный въ 1789 году Вильямомъ Джонсомъ (Jones, р. 1746 † 1794), однимъ изъ извѣстнѣйшихъ лингвистовъ и ориенталистовъ Англии, и напечатанный въ Лондонѣ въ 1790 году.

¹⁷⁾ Кайсарова.

¹⁸⁾ Впоследствии, въ 1828 году, Христіанъ Шлѣцерь напечаталъ въ Лейпцигѣ па-
писанную имъ біографію своего знаменитаго отца. подъ заглавіемъ: «August Ludwig von Schlözers öffentliches und Privatleben aus Originalurkunden und mit wörtlicher Beifügung mehrerer dieser letzteren, vollständig beschrieben von dessen ältestem Sohne Christian von Schlözer».

XXXII.

(Въ концѣ Декабря 1810, Бѣлевъ).

На будущей недѣлѣ ѣду въ Москву, слѣдовательно не пиши ко мнѣ болѣе въ Бѣлевъ, а въ Москву. Письма адресуй въ контору Университетской типографіи. Мало пишу для того, что не хочу писать; на два большихъ письма моихъ нѣтъ отъ тебя никакого отвѣта; ни слова о банковомъ дѣлѣ. До тѣхъ поръ ни ты, ни Блудовъ не получите отъ меня ни строки, пока не увижу отъ васъ порядочныхъ писемъ. Стихи мои, тебѣ обѣщанные, всѣ списаны; но ты ихъ не скоро получишь, въ наказаніе за твою лѣнь. Сверхъ того намѣренъ наказать тебя и денежною пеней; знай напередъ, что всякой разъ, когда ты заглѣнишься и не станешь отвѣчать на мои письма, беру бумагу, пишу на ней не болѣе двухъ строкъ, и за эти двѣ строки заплатишь ты, смотря по великости твоего преступленія, полтину, рубль или пять рублей. Если нельзя выпросить писемъ отъ твоей дружбы, то по крайней мѣрѣ можно у твоего кошелька. Не правда ли, что выдумка премудрая? Зубы болятъ, холодно страшно, а я пишу стихи!

XXXIII.

(Въ концѣ Декабря 1810 или началѣ Января 1811, Москва).

На письмо твое отвѣчать въ подробности не имѣю времени, а спѣшу повторить тебѣ просьбу мою только объ одномъ, именно о дѣлѣ Екатерины Аванасьевны, о которомъ, какъ мнѣ кажется, ты уже отложилъ попеченіе, ибо нѣтъ отъ тебя никакого слуху; а между тѣмъ здѣсь думаютъ, что ты хлопочешь, и въ этомъ увѣреніи не принимаютъ никакихъ другихъ мѣръ. Я получилъ отъ тебя записку Хитрова; но послѣ этой записки я писалъ къ тебѣ другое письмо, въ которомъ увѣдомлялъ тебя, что просьба въ банкъ о выдачѣ свидѣтельства послана (и она послана въ Ноябрь мѣсяцѣ); сверхъ того просилъ тебя, чтобы ты постарался, черезъ Хитрова или кого-нибудь другаго, чтобы по этой просьбѣ было исполнено; а ты мнѣ въ отвѣтъ пишешь, послѣ весьма продолжительнаго молчанія, что ты доставилъ уже мнѣ записку Хитрова и что надобно прислать просьбу въ банкъ. Одно изъ двухъ: или ты не читаешь моихъ писемъ, или совсѣмъ они къ тебѣ не доходятъ. И то и другое досадно; но первое досаднѣе. Сдѣлай милость, возмись за это дѣло и исправь его, если можешь, какъ обѣщался. Просьба моя состоитъ въ томъ, чтобы узнать, доставлена ли просьба въ банкъ; если доставлена, то можно ли по ней выполнить, и если можно, то выполнить поскорѣе; а если нельзя, то по крайней мѣрѣ дать знать, что въ этомъ случаѣ дѣлать. Благодарю тебя за Шлѣцера и за Якобса ¹⁾. Все горе: я вѣхалъ сюда съ веселою надеждою непремѣнно тебя увидѣть; но вотъ пріѣзжаетъ М. Кайса-

---

¹⁾ За Греческую грамматику Якобса (Fr. Jacobs, Elementarbuch der griechischen Sprache), которая стала выходить съ 1805 года и выдержала много изданій.

ровъ ²⁾) и сказываетъ, что тебя и ожидать не должно. И ты еще хочешь, чтобы я сдѣлался такимъ же невольникомъ, какъ ты! Но объ этой матеріи послѣ. Прощай, мое провидѣніе, и надобно прибавить, весьма безпечное провидѣніе.

XXXIV.

1811-го Февраля 15 (Москва).

Просьба въ банкъ послана, любезный другъ, въ первой половинѣ Ноября мѣсяца. Когда будешь просить о исполненіи по ней, то скажи просто, что къ тебѣ пишутъ о ней, не означивъ числа, ибо я и самъ числа не знаю. Содержаніе ея: дать копію съ свидѣтельства, имѣющагося въ 25-лѣтней Экспедиціи на сельцо Муратово съ Козловкою, Орловской губерніи, Волховскаго уѣзда, съ 1802-го года, по которому принято въ залогъ только 37 душъ, а прочія свободны, о чемъ въ свидѣтельствѣ просить и помѣстить. И доставить бы это свидѣтельство въ городъ Бѣлевъ Тульской губерніи на имя Екатерины Анастасьевны Протасовой. Вотъ и все. Постарайся, любезный другъ, обо всемъ изъ дружбы ко мнѣ. На письмо твое, полученное мною черезъ Уварова, у котораго я еще не былъ, буду отвѣчать, но не теперь, ибо ей-ей нѣтъ времени. Твой Жуковскій.

XXXV.

27 Марта 1811 (Москва).

Пламенный Державинъ подъ старость лѣтъ сдѣлался только вспыльчивымъ; въ поступкахъ его тотъ же самый сундуръ и беспорядокъ, который въ его одахъ. Письмо его ¹⁾), тобою мнѣ доставленное, сначала и огорчило меня, и испугало. Огорчило потому, что всякая грубость ²⁾), сколь бы она ни была глупа и достойна презрѣ-

---

¹⁾ Михаилъ Сергѣевичъ Кайсаровъ (р. 1780 † 1825) былъ воспитаникомъ Московск. Университ. Благород. Пансіона. На пятнадцатомъ году вступилъ въ военную службу, но въ 1801 году изъ нея вышелъ. Съ 1802 года началась его дѣятельность по гражданской части, сперва въ Государственной Коллегіи Иностр. Дѣлъ, затѣмъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, Полиціи и Финансовъ. Умеръ онъ въ должности директора департамента мануфактуръ и внутренней торговли. М. С. Кайсаровъ, имѣвшій обширныя свѣдѣнія въ политической экономіи и технологіи, отлично зналъ новыя иностранныя языки и весьма любилъ литературу. Въ 1804—1807 гг. былъ напечатанъ въ Петербургѣ въ шести частяхъ его переводъ сочиненія Стерна «Жизнь и мнѣніе Тристрама Шанди» (см. некрологъ М. С. Кайсарова въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1825 года, № 36).

¹⁾ Это письмо Державина къ Тургеневу отъ 18 Марта 1811 года, въ которомъ Державинъ выражалъ сильное неудовольствіе за помѣщеніе весьма многихъ его одъ въ первыхъ двухъ частяхъ „Собранія Русскихъ стихотвореній“ Жуковскаго, напеч. въ Соч. Державина, академ. изд., т. VI, стр. 208—210.

²⁾ Въ письмѣ своемъ Державинъ, между прочимъ, писалъ: „Нигдѣ не позволяется похищать чужіе труды и обогащаться на счетъ ближняго“.

нія, на первую минуту не можетъ не быть огорчительна; а испугало совсѣмъ по другимъ причинамъ. Я вообразилъ, что человѣку, украшенному титуломъ высокопревосходительнаго, весьма не трудно превзойти всякую справедливость и безразсудныя угрозы свои привести въ исполненіе ³⁾; а въ этомъ случаѣ исполненіе такихъ угрозъ повредило бы мнѣ чрезвычайно, не тѣмъ, что я потерялъ бы собственныя деньги (ты можешь быть увѣренъ, что я не пожалѣлъ бы объ нихъ ни минуты), но тѣмъ, что за всѣ издержки, употребленныя на печатаніе моей книги тѣмъ человѣкомъ, который ее у меня купилъ, надлежало бы заплатить мнѣ (по нашему условію), что сдѣлало бы мнѣ крайнее раззореніе. Теперь однако смотрю на эту глупость совсѣмъ иначе, и грубое письмо нашего Пиндара съ нѣкоторыхъ сторонъ для меня еще и выгодно. Я не понимаю однако, по какой причинѣ ты ему не отвѣчалъ и для чего считаешь нужнымъ ожидать моего разрѣшенія. Вѣдь письмо писано къ тебѣ; тебѣ извѣстно, что я помѣстилъ въ своемъ собраніи піесы Державина съ его позволенія, ибо нашимъ посредникомъ былъ ты; что же помѣшало тебѣ ему отвѣчать? Я же лично не намѣренъ дѣлать ему никакого отвѣта: всѣхъ грубостей сказать ему невозможно, а не сказать ихъ было бы низко; тебѣ же это легче: ты будешь говорить не за себя, а за меня, и какъ посторонній. Желаніе его исполню ⁴⁾, и тѣмъ съ большею охотою, что оно и безъ его требованія было бы исполнено, ибо всѣ лучшія піесы его помѣщены уже въ первыхъ частяхъ, а тѣ, которыя выброшу изъ послѣднихъ, совсѣмъ не такого рода, чтобы можно было объ нихъ пожалѣть. Я почти догадываюсь, что его такъ противъ меня взбѣсило. Онъ выгналъ Гнѣдича ⁵⁾ изъ дому к. В. Г. ⁶⁾, а въ первомъ томѣ

---

³⁾ Державинъ писалъ Тургеневу, что, если въ послѣдующихъ частяхъ „Собранія Русскихъ стихотвореній“ появятся еще какия-либо сочиненія его, Державина, онъ „принужденнымъ найдетея просить правительство, чтобы и напечатанныя отобранны были и проданы въ пользу казенныхъ ученыхъ институтовъ“.

⁴⁾ Въ трехъ слѣдующихъ частяхъ „Собранія“, дѣйствительно, не помѣщено уже ничего изъ стихотвореній Державина.

⁵⁾ Н. И. Гнѣдича.

⁶⁾ Князя Бориса Владимировича Голицына (р. 1769 † 1813). Это братъ славнаго князя Дмитрія Владимировича. Онъ воспитывался во Франціи, любилъ литературу, но писалъ только по-французски и лишь въ послѣдніе годы жизни принялся за изученіе всего отечественнаго. Изъ литературныхъ вечеровъ въ его домѣ и въ домахъ его пріятелей, возникла Бесѣда Любителей Русскаго слова, въ которой онъ былъ членомъ по 3-му разряду. Умеръ кн. Б. В. Голицынъ, въ чинѣ генераль-лейтенанта, отъ ранъ, полученныхъ въ Бородинскомъ сраженіи. Свѣдѣнія о немъ см. въ Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, изд. съ прим. Л. Н. Майкова и В. И. Саитова, т. III, стр. 651—655, и въ Сочиненіяхъ Державина, т. VI, стр. 377. Въ VI-же томѣ Сочиненій Державина (стр. 377) напечатана его записка къ Гнѣдичу, съ приглашеніемъ отправиться вмѣстѣ на вечеръ къ кн. Б. В. Голицыну, чтобы прочесть у него отрывокъ Гнѣдичева перевода „Иліады“. О столкновеніи съ Державинымъ въ домѣ кн. Голицына самъ Гнѣдичъ писалъ В. В. Капнисту 25 Августа 1811 года слѣдующее: „Гаврила Романовичъ, слѣхавшись одинъ разъ со

моего собранія его *Вельмоза* стоитъ подлѣ піесы Гнѣдича *Скоротечность юности*. Какъ же быть одѣ Державина въ одномъ томѣ съ одою Гнѣдича, когда самъ Державинъ не хотѣлъ быть въ одномъ домѣ съ Гнѣдичемъ: томъ и домъ почти одно и тоже! А если выбирать, то я предпочту оду Державина всегда самому Державину. Слѣдовательно, по его Пиндарической логикѣ, я сдѣлалъ ему жестокою обиду. Но кто же зналъ обстоятельства? И такъ, любезнѣйшій другъ, отвѣчай ему что хочешь и какъ хочешь; дай ему только знать въ своемъ отвѣтѣ⁷⁾, что ты доставилъ мнѣ копію съ его эпистолы: изъ моего молчанія онъ долженъ уже будетъ понять, что я не нашелъ ее достойною отвѣта. Твое дѣло также стараться, чтобы печатаніе книги моей не было остановлено; въ этомъ случаѣ полагаюсь на твою попечительность. Въ IV томѣ Собранія напечатано будетъ *Посланіе Пушкина ко мнѣ о Славнофилахъ*⁸⁾. Это можетъ вооружить противъ меня всю вашу ватагу скрибентовъ; смотри же, стой твердо и будь гранитнымъ оплотомъ моей книги. Причиною этой Державинской бури почитаю отчасти и Московскихъ бездѣльниковъ-переплетчиковъ. Тотчасъ по отпечатаніи первыхъ двухъ частей, хотѣлъ я послать и къ Держав(ину), и къ Ив(ану) Иван(овичу)⁹⁾ экземпляры, и къ тебѣ; отдалъ ихъ переплетать; и переплетали ихъ недѣли три—обыкновенная метода Славяно-русскихъ художниковъ тянуть дѣло и портить; наконецъ переплели; приносятъ ко мнѣ; что же? Предисловіе прилѣпили ко второй части, а портреты стоятъ послѣ титуловъ. Какъ послать, особливо къ Ив(ану) И(вановичу), который такъ строгъ въ разсужденіи точности? Взбѣсился и велѣлъ переплести новые экземпляры, которыхъ по сію пору не могу добиться¹⁰⁾. Это мнѣ досадно крайне, ибо я теперь долженъ казаться страннымъ и И(вану) И(вановичу): онъ мнѣ прислалъ свои сочиненія, а я не доставилъ ему еще своей книги. Къ Державину же не пошлю экземпляра, и съ этой стороны грубое письмо его почитаю для себя выгоднымъ: оно избавляетъ меня отъ необходимости и труда писать къ нему письмо въ такомъ тонѣ, который для меня очень непріятенъ.

мною у князя Бор. Голиц., выгнать меня изъ дому за то, что я изъявилъ нежеланіе быть сотрудникомъ общества (*т. е. Веселды*). Не подумайте, что сказка: существенное приключеніе, заставившее въ ту минуту думать, что я зашелъ въ кабинетъ Скифовъ“ (Соч. Держ., VI, стр. 376). Письмо Гнѣдича, въ которомъ онъ отказывается быть сотрудникомъ „Веселды“ было послано Державину 12 Декабря 1810 года (тамъ же, VI, стр. 202—203).

⁷⁾ Отвѣтъ Тургенева Державину, отъ 11 Апрѣля 1811 года, напеч. въ Соч. Державина, т. VI, стр. 211—214.

⁸⁾ Напеч. въ IV части „Собранія Русскихъ стихотвореній“ на стр. 170—173. Это есть то посланіе, о которомъ говорится въ прим. 20-мъ къ письму XXIV-му.

⁹⁾ Дмитріеву.

¹⁰⁾ Я. К. Гротъ передаетъ (Соч. Державина, т. VI, стр. 209—210), что, по разсказу графа Блудова, настоящею причиною неудовольствія Державина былъ Московскій переплетчикъ, который не изготовилъ къ сроку достаточнаго количества экземпляровъ „Собранія Русскихъ стихотвореній“, такъ что Державинъ не получилъ въ-время этой книги.

Смотри же, не забудь сказать въ своемъ отвѣтѣ, что копія съ письма ко мнѣ доставлена ¹¹⁾. Прости, любезнѣйшій другъ. Я нынѣ собирался писать къ тебѣ совсѣмъ о другой матеріи, то-есть отвѣчать на прежнія твои письма, на которыя ты еще не имѣешь отвѣта, и сообщить тебѣ нѣкоторыя свои намѣренія, но это оставляю до слѣдующаго Понедѣльника; теперь надобно написать другое письмо: это заставило бы меня спѣшить, а мнѣ хочется поговорить съ тобою на просторѣ. Московская моя жизнь привела въ нѣкоторый беспорядокъ и мою съ тобою переписку, такъ какъ и прочія мои занятія; возвратясь въ деревню, возвращусь и къ тебѣ, и къ прежнему, счастливому порядку моему. Я всегда болѣе неразлученъ съ тобою въ такія минуты, въ которыя болѣе доволенъ самимъ собою; здѣсь тѣмъ мелкимъ обстоятельствомъ нарушается обыкновенный ходъ моихъ упражненій; отъ этого безпорядка поселяется и какое-то безпокойство въ душѣ, которое портитъ и всѣ другія пріятныя чувства ея. Поклонись отъ меня С. С. Уварову. И объ немъ еще не говорилъ съ тобою; но все это откладываю до слѣд(ующаго) Понедѣльника. Теперь скажу тебѣ только, что я нѣсколько разъ внутренно благодарилъ тебя за это знакомство, доставленное мнѣ тобою.

Любезный другъ, еще одно требованіе:—сыскать въ своей библиотекѣ слѣдующія книги: *Ethik von Aristoteles übersetzt von Garve* ¹²⁾, *Principles of Moral and Political Sciences by Adam Ferguson* (если найдешь переводъ этой книги Гарвевъ) ¹³⁾, *System of Moral Philosophy by Hutcheson* ¹⁴⁾, *Feders Untersuchungen über den menschlichen Willen* ¹⁵⁾, Булеву Исторію древней философіи и его же Исторію новой философіи ¹⁶⁾.

---

¹¹⁾ Что Тургеневымъ и исполнено въ его отвѣтѣ Державину (см. Соч. Державина, т. VI, стр. 214).

¹²⁾ Аристотелева Этика, въ переводѣ и съ объясненіями Нѣмецкаго философа Христіана Гарве (р. 1742 † 1798), вышла въ двухъ томахъ въ Бреславлѣ, въ 1789 году.

¹³⁾ Это сочиненіе философа и историка Адама Фергюсона (р. 1723 † 1816) въ подлинникѣ вышло въ 1792 году. Гарве перевелъ не это, а другое сочиненіе Фергюсона „*Institutes of Moral Philosophy*“, вышедшее въ 1769 г. Переводъ Гарве (*Adam Ferguson's Grundsätze der Moralphilosophie*) былъ напечатанъ въ Лейпцигѣ въ 1772 году. То сочиненіе Фергюсона, о которомъ идетъ рѣчь въ письмѣ Жуковскаго, было переведено на Нѣмецкій языкъ Шрейтеромъ въ 1796 году подъ заглавіемъ: „*Darstellung der Gründe der Moral und Politik*“.

¹⁴⁾ Сочиненіе философа Фр. Готчесона (р. 1694 † 1747) „*A System of Moral Philosophy*“ было напечатано въ Лондонѣ въ 1755 году.

¹⁵⁾ Это сочиненіе философа Іоганна Георга Федера (р. 1740 † 1821) вышло, въ 4-хъ томахъ, въ Лемгѣ, въ 1779—1793 годахъ.

¹⁶⁾ Іоганнъ Теошилъ Буле (Buhle, р. 1763 † 1821), извѣстный профессоръ сначала въ Геттингенѣ, а затѣмъ (съ 1805 по 1810 годъ) въ Московскомъ университетѣ. Его книга „*Lehrbuch der Geschichte der Philosophie und einer kritischen Literatur derselben*“ вышла въ 8-ми томахъ въ Геттингенѣ, въ 1796—1804 годахъ, а „*Geschichte der neueren Philosophie seit der Epoche der Wiederherstellung der Wissenschaften*“ напечатана тамъ же, въ 6-ти частяхъ, въ 1800—1804 годахъ.

Которыя изъ этихъ книгъ есть въ твоей библиотекѣ, тѣ доставь мнѣ тотчасъ по почтѣ, если въ нихъ не найдешь нужды самъ; а объ остальныхъ потрудись справиться въ книжныхъ лавкахъ; что стоютъ, дай мнѣ знать, деньги пришлю. Если не найдешь оригиналовъ, хотя переводы. Двѣ науки: моральная философія и исторія будутъ идти у меня рядомъ, но послѣдняя только для первой. При нихъ изящная словесность. Письмо мое не забудь показать Дмитріеву: хочу, чтобы онъ зналъ, почему я не доставилъ ему экземпляра. Готчесонъ есть переведенный Лессингомъ ¹⁾. Булева Ист(орія) фил(ософіи), кажется, есть у тебя въ библиотекѣ. Прошу тебя, не замедли и не досадуй на меня за мои разоренія.

Доставь мнѣ копію съ твоего отвѣта Державину.

XXXVI.

(Въ первой трети 1811, Москва).

Рекомендую тебѣ, любезнѣйшій другъ, своего добраго пріятеля и очень добраго человѣка Владимира Сергѣевича Филимонова ¹⁾; онъ долженъ быть и тебѣ самому извѣстенъ, ибо служилъ, кажется, вмѣстѣ съ тобою въ Архивѣ ²⁾. Онъ никакъ не хотѣлъ быть въ Петербургѣ, не узнавши тебя, и непремѣнно требовалъ, чтобы я тебя съ нимъ познакомилъ. Это письмо пишу только для того, чтобы оно служило ему проводникомъ къ тебѣ; а болѣе писать некогда; давно начато у меня къ тебѣ посланіе ³⁾, но все еще его не кончу: Москва для меня источникъ лѣни. Прости, любезнѣйшій другъ; обнимаю тебя отъ всей души.

Твой Жуковский.

Адресъ: Въ Санктпетербургѣ. Въ Итальянской слободкѣ, въ домѣ госпожи Путиной.—Почтовый штемпель: Москва.

XXXVII.

(Во второй половинѣ Мая 1811, Москва).

Любезный и добрый другъ. На письмо твое не могу теперь отвѣчать обстоятельно: несчастный случай ¹⁾ велитъ мнѣ немедленно ѣхать

---

¹⁾ Переводъ этотъ, озаглавленный: „Sittenlehre der Vernunft“, вышелъ въ Лейпцигѣ въ 1756 году.

*

¹⁾ Владимиръ Сергѣевичъ Филимоновъ (р. 1787 † 1858) былъ довольно извѣстный литераторъ первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка. Первые литературные его опыты относятся къ 1804 году. Филимоновъ считалъ Жуковского первымъ поощрителемъ своего таланта (см. книгу: Проза и стихи В. Филимонова. Двѣ части. Спб. 1822, ч. II, стр. 125). О Филимоновѣ и его литературной дѣятельности см. въ Сочиненіяхъ К. Н. Балюшкова, изд. съ примѣч. Л. Н. Майкова и В. И. Сазова, т. III, стр. 657—658).

²⁾ Въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

³⁾ См. выше, прим. 6-ое къ письму XXX-му.

*

¹⁾ Вѣроятно, кончина вдовы А. И. Бунина, Марьи Григорьевны (ур. Безобразовой). († 1811 года 13-го Мая). П. Б.—Ее похоронили въ Мишенскомъ, подъ Бѣлевымъ. За нею скорѣ скончалась и мать Жуковского, Елисавета Дементьевна; но она похоронена въ Москвѣ, въ Девичемъ монастырѣ. П. Б.

въ деревню, въ Бѣлевъ и потомъ въ Орелъ, и на нѣсколько мѣсяцевъ. Изъ Орла сдѣлаю тебѣ отвѣтъ настоящій; но онъ будетъ содержать въ себѣ тоже, что и мой послѣдній отвѣтъ самому Сергѣю Семеновичу²⁾,

²⁾ Во время свиданія съ Жуковскимъ въ Москвѣ въ началѣ 1811 года С. С. Уваровъ (бывшій въ то время попечителемъ С.-Петербургскаго Учебнаго Округа) предлагалъ Жуковскому мѣсто въ Педагогическомъ Институтѣ (который уже съ 1805 года правительствомъ имѣло намѣреніе преобразовать въ Спб. Университетъ), по всему вѣроятію, профессора, какъ это видно по слѣдующей выдержкѣ изъ неизданнаго письма Жуковскаго къ Уварову отъ 4-го Мая 1811 года, изъ Москвы: „...Позвольте мнѣ упомянуть о томъ, что вы предлагали мнѣ въ Москвѣ. Предложеніе это почитаю непременно для себя выгоднымъ; но также почитаю необходимымъ объяснитьсь съ вами искренно; можетъ-быть, искренность моя покажется вамъ странною,—такъ и быть! Я совершенно *не готовъ* къ тому званію, на которое вы меня опредѣляете. Мои свѣдѣнія все вообще весьма еще несовершенны и не приведены въ порядокъ. Для того, чтобы ихъ нѣсколько усовершенствовать, нужна свобода; занявшись должностію, для меня важною и по моей *исготовности* весьма для меня трудною, я не буду имѣть возможности исполнить это намѣреніе; одно исключительное занятіе отвлечетъ меня отъ другихъ необходимыхъ для меня запитій, которыхъ я ни за что не хотѣлъ бы оставить. Хотите ли мнѣ сдѣлать истинное добро? Дайте мнѣ время нужное для приговорительнаго, ученическаго труда и между тѣмъ позвольте мнѣ имѣть надежду, что я, по совершеніи своего курса, на который, по крайней мѣрѣ, употребить надобно года два, найду въ васъ вѣрное прибѣжище и что вы тогда не откажитесь доставить мнѣ средства употребить способности мои на общую пользу. Эта надежда меня совершенно успокоитъ; безъ всякой заботы о будущемъ посвящу себя упражненію и стану заранѣе наслаждаться мыслію, что выгодами жизни обязанъ буду тѣмъ людямъ, къ которымъ прилѣпленъ чувствами дружбы. Такая мысль и самый трудъ сдѣлаетъ для меня сладкимъ. Напротивъ, если теперь возьму на себя такую должность, къ которой я совсемъ не готовъ, то она будетъ для меня только источникомъ самыхъ неприятныхъ ощущений: безпрестанно буду воображать себя не на своемъ мѣстѣ, и съ выгодами *состоянія* не получу того, что дѣлаетъ всякое состояніе приятнымъ, то-есть спокойствія внутренняго и довольства самимъ собою. Однимъ словомъ, прошу отъ васъ только одной надежды, то-есть позвольте мнѣ быть увѣреннымъ, что я въ свое время найду въ васъ нужную мнѣ помощь. Болѣе ничего теперь не требую и не имѣю права требовать. Желалъ бы, еслибы это было возможно, быть теперь просто привязаннымъ къ С.-Петербургскому Университету, не получая никакого жалованья, а только при немъ *считаться*. Также весьма бы желалъ знать заранѣе, къ какой особенной должности надлежитъ мнѣ особенно себя приготовить. Я говорилъ съ вами искренно, ибо говорилъ не съ такимъ человѣкомъ, отъ котораго ожидаю однихъ только выгодъ, но съ человѣкомъ, къ которому хочу быть привязанъ чувствомъ дружбы безъ всякихъ постороннихъ видовъ. Хотя нѣсколько приятныхъ часовъ, проведенныхъ мною съ вами въ Москвѣ, и не даютъ мнѣ на это полного права, но ваше давнишнее знакомство съ Тургеневымъ и меня сдѣлало вашимъ давнишнимъ знакомцемъ...“ (Списокъ этого неизданнаго письма, сдѣланный рукою А. И. Тургенева, хранится въ Имп. Публ. Библиотекѣ, въ собраніи бумагъ В. А. Жуковскаго). С. С. Уваровъ въ своемъ отвѣтѣ отъ 15-го Мая 1811 года (напеч. въ „Русск. Архивъ“ 1871 года, ст. 0158 — 0160) писалъ Жуковскому, между прочимъ, слѣдующее:

котораго отъ всей души благодарю за его доброе ко мнѣ расположеніе; если онъ сохранить его, то я надѣюсь со временемъ имъ воспользоваться. Ты слишкомъ нетерпѣливъ въ дѣланіи мнѣ добра, любезнѣйшій мой другъ; не упускай изъ виду того, что ты со временемъ можешь мнѣ быть полезенъ, но *жди* того времени, въ которое скажу тебѣ самъ: братъ, теперь мнѣ нужна твоя помощь. Изъ деревни опишу обстоятельно всѣ причины, принуждающія меня отказаться отъ выгодной должности, мнѣ предлагаемой. Теперь мнѣ совсѣмъ не до того. Прости, мой милой другъ; изъ деревни буду писать и къ Сергѣю Семеновичу. Отказываясь поневолѣ теперь отъ выгоды, я остаюсь съ успокаивающимъ меня увѣреніемъ, что въ васъ двухъ имѣю такихъ людей, которые со временемъ захотятъ подать мнѣ помощь. Прости. Что же ни слова объ Ершеаѣ? Пиши ко мнѣ въ Бѣлевъ; оттуда уже будутъ присылать ко мнѣ письма очень вѣрно. Я позабылъ поблагодарить тебя за твой прекрасный отвѣтъ Державину: онъ тронулъ меня. Я даже радовался тому случаю, который доставилъ тебѣ способъ за меня такъ прекрасно вступить и доказать мнѣ передъ всѣми искреннюю твою дружбу. Твой Жуковскій.

Адресъ: Въ Санктпетербургѣ. По Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста, въ домѣ бывшемъ Удѣльнаго Департамента или спросить въ домѣ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій князя Александра Николаевича Голицына.

*

XXXVIII ¹⁾.

1813, 6 Февраля (Бѣлевъ).

Здравствуй, мой милой другъ. Ты удивишься, получивъ мое письмо изъ Бѣлева. Я воротился на свою родину изъ Вильны, бывши свидѣтелемъ единственной въ исторіи войны ²⁾. Не знаю, останусь ли здѣсь;

„Тургеневу поручилъ я доказать вамъ, что ваше желаніе не согласно ни съ ходомъ вещей, ни съ вашими выгодами, ни съ моими. Я надѣюсь, что онъ васъ убѣдитъ. Самая скромность ваша увѣряетъ меня, что вамъ приготовляться не нужно. Что же касается до занятій вашихъ, то не только вы будете имѣть нужное на оныя время, но еще всѣ способны болѣе и болѣе распространять опытность и свѣдѣнія ваши“⁴. Перемѣщеніе Жуковскаго на службу въ Петербургъ, какъ извѣстно, не состоялось.

³⁾ Свое письмо (отъ 11-го Апрѣля) къ Державину Тургеневъ переслалъ Жуковскому вмѣстѣ съ отвѣтомъ Державина на это письмо, полученнымъ имъ въ тотъ же самый день. Отвѣтъ Державина Тургеневъ снабдилъ примѣчаніями и сдѣлалъ на немъ же небольшую приписку къ Жуковскому, въ которой извѣщалъ его, что просимыхъ имъ (въ концѣ письма XXV) книгъ въ библиотекѣ Тургенева не нашлось. (См. Соч. Державина, т. VI, стр. 849—50).

*

¹⁾ Отъ 1812 года не сохранилось писемъ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу; но что таковыя были и за этотъ годъ, видно изъ отвѣтнаго письма Тургенева въ Жуковскому отъ 9-го Февраля 1812 года, напеч. въ Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, т. I (Спб. 1887), стр. 872.

²⁾ Жуковскій 12-го Августа 1812 года вступилъ въ ряды Московскаго ополченія.

не знаю, понесетъ ли меня судьба на Вислу. Между тѣмъ думаю о томъ, какъ бы собрать въ одно цѣлое все, что я до сихъ поръ написалъ ³⁾. У меня было два списка моихъ стиховъ: одинъ сгорѣлъ въ Москвѣ, другой Богъ знаетъ гдѣ путешествуетъ. У тебя есть еще одинъ, хотя неполной, но за то совсѣмъ исправленный; прошу тебя безъ всякаго замедленія отдать его подателю сего письма господину Ланцу ⁴⁾, котораго тебѣ рекомендую. Мнѣ нужно непременно имѣть списокъ, и ты очень меня одолжишь, если не замедлишь присылкою; а я за это (но не иначе) доставлю тебѣ все вновь написанное. Боюсь, чтобы не потерять головы, прежде нежели утверждены будутъ мои *права на безсмертіе*. Во всякомъ случаѣ (!!!) тебѣ поручаю быть издателемъ моихъ твореній. Всего вѣрнѣе, однако, что я останусь тамъ, гдѣ я теперь. Прости, любезнѣйшій другъ. Если будешь мнѣ отвѣчать и пришлешь мой манускриптъ, то получишь отъ меня большое письмо.

Твой Жуковскій.

XXXIX.

9 Апрѣля (1813, Муратово).

Я писалъ къ тебѣ, милой другъ, маленькое письмо съ Ланцомъ, на которое не имѣю отвѣта. Получилъ ли ты его и не сердился ли на меня за мое молчаніе? Оно можетъ только быть извинено моею истинною къ тебѣ дружбою, которой ничто никогда ослабить въ душѣ моей не можетъ. Она еще увеличилась съ недавняго времени благодарностию. Мнѣ сказывалъ въ Орлѣ Абаза, и потомъ изъ письма твоего къ Ив(ану) Владимировичу ¹⁾, у котораго я былъ въ деревнѣ, узналъ я, что ты посылалъ ко мнѣ въ Вильну курьера ²⁾. Я былъ боленъ порядочною горячкою и вылежалъ 13 дней въ постелѣ. Слабость заставила меня взять отпускъ, ибо я никакъ не могъ слѣдовать за главною квартирою: путешествіе въ маленькихъ сангахъ и въ сырую весеннюю погоду могло бы возобновить горячку, которая была бы вѣроятно смертельная. Жаль мнѣ, что твой курьеръ не засталъ меня въ Вильнѣ; я потерялъ одно изъ самыхъ чувствительныхъ удовольствій. По крайней мѣрѣ напиши ко мнѣ въ Орель. Сколько переменъ во все то время, въ которое ты не получалъ отъ меня извѣстій! Могъ ли бы ты вообразить, чтобы я когда-нибудь очутился во фронтѣ и въ сраженіи? Происшествія нынѣшняго времени дѣлаютъ все возможнымъ. Впрочемъ, не воображай, чтобы я сколько-нибудь былъ знакомѣе преж-

¹⁾ Первое изданіе Стихотвореній Жуковскаго вышло въ Петербургѣ въ 1815—1816 годахъ.

²⁾ Иностранецъ, ѣхавшій изъ Орла въ Петербургъ (см. въ письмѣ XLII).

*

¹⁾ Жуковскій вѣдиль къ И. В. Лопухину просить его, чтобы онъ склонилъ Е. А. Протасову согласиться на бракъ его съ ея старшею дочерью.

²⁾ А. И. Тургеневъ, чтобы провѣдать о Жуковскомъ, посылалъ въ Вильну курьера, который привезъ извѣстіе, что Жуковскій (не поэтъ, а другое лицо), по выдержаніи въ университетѣ экзамена, уѣхалъ въ армію и произведенъ въ капитаны (см. письмо Тургенева къ кн. П. А. Вяземскому отъ 4 Февраля 1813 года въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 г., ст. 254).

няго съ военнымъ ремесломъ. Вся моя военная карьера состоитъ въ томъ, что я прошелъ отъ Москвы до Можайска пѣшкомъ; простоялъ съ толпою Русскихъ крестоносцевъ въ кустахъ въ продолженіе Бородинскаго дѣла, слышалъ свистъ нѣсколькихъ ядеръ и канонаду дьявольскую; потомъ, наскучивъ биваками, перешелъ въ главную квартиру, съ которою по трупамъ завоевателей добрался до Вильны, гдѣ занемогъ, взялъ отпускъ *безсрочный* и теперь остаюсь въ перѣшности: ѣхать ли назадъ или остаться? Мнѣ дали чинъ ³⁾, и *настрное* обѣщали Анну на шею, если я пробуду еще мѣсяць. Но я предпочелъ этому *возвращеніе*, ибо записался подъ знамена не для чина, не для креста и не по выбору ⁴⁾ собственному, а потому, что въ *это время* всякому *должно* было быть военнымъ, даже и не имѣя охоты; а такъ какъ теперь война не внутри, а внѣ Россіи, то почитаю себя въ правѣ сойти съ этой дороги, которая мнѣ противна и на которую могли меня бросить одни только обстоятельства. Не знаю, будешь ли ты согласенъ со мною и оправдаешь ли мой поступокъ? Я желалъ бы узнать искреннее твое мнѣніе. Оно рѣшило бы меня и успокоило: ибо иногда приходится мнѣ въ голову, что мнѣ никакъ не для чего *здѣсь* оставаться, хотя я и увѣренъ, что буду *тамъ* совѣтъ бесполезенъ, что потеряю остатокъ своего имѣнія, котораго уже почти половину истратилъ (ибо мой походъ стоить мнѣ денегъ!), и что наконецъ потеряю драгоценное время, которое могъ бы употребить съ большою пользою. Однимъ словомъ, прошу тебя сказать мнѣ, что ты объ этомъ думаешь. Мнѣніе твое въ этомъ случаѣ будетъ для меня закономъ. Вѣдь ты знаешь, что такое другъ:

Онъ наша совѣсть! Онъ для насъ
Второе провидѣнье ⁵⁾!

И я это писалъ, думая о тебѣ. А прогроз. «Пѣвца» ты напечаталъ въ Петербургѣ ⁶⁾. Я нѣкоторыя мѣста поправилъ, и жалъ, если твой экземпляръ напечатанъ по старому стилю; жалъ, если въ этомъ экземплярѣ остался Чичаговъ, котораго я выкинулъ послѣ той проказы, которую онъ съ нами сыгралъ на переходѣ Березиной ⁷⁾. При-

---

³⁾ Чинъ штабсъ-капитана.

⁴⁾ Это не значить однако, чтобы я былъ *выбранъ* отъ дворянства. У насъ въ Орлѣ не было милиціи; я самъ записался въ Московскую. *Примѣч. Жуковскаго.*

⁵⁾ Стихъ взятъ изъ „Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ“.

⁶⁾ „Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ“ первоначально явился въ № 23 и 24 „Вѣстника Европы“ 1812 года. Отдѣльное изданіе (первое) „Пѣвца“ вышло въ Петербургѣ въ началѣ Февраля 1813 г. (см. „Р. Архивъ 1866 года, ст. 254, письмо А. И. Тургенева къ кн. П. А. Вяземскому).

⁷⁾ Въ этомъ случаѣ Жуковскій слѣдуетъ тогдашнему общественному мнѣнію, которое неудачу поимки Наполеона при Березинской переправѣ приписывало неспособности или даже измѣнѣ адмирала П. В. Чичагова. Въ печатныхъ изданіяхъ „Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ“ нѣтъ стиховъ, посвященныхъ Чичагову.

шли мнѣ этотъ экземпляръ и все что есть хорошаго на случай нынѣшнихъ побѣдъ. И мнѣ хочется кое-что написать, тѣмъ болѣе, что имѣю на это право, ибо я былъ ихъ предсказателемъ: многія мѣста въ моей пѣсни точно пророческія и сбылись à la lettre. Планъ давно сдѣланъ, но все мѣшаетъ нездоровье и худое расположенье. Напиши ко мнѣ поскорѣе и поболѣе. Твое письмо будетъ для меня вмѣсто энтузіазма. Скоро буду опять писать.

Прошу тебя поспѣшить доставить мнѣ экземпляръ моихъ стиховъ. Я удивляюсь, что по сію пору не имѣю никакого извѣстія отъ Ланца. А мой адресъ по старому: *въ Бѣлевѣ*.

XI.

Орелъ, 9 Мая (1813).

Что же ты ко мнѣ не пишешь, любезный другъ! На два письма мои нѣтъ отвѣта. Вотъ третье коротенькое, но очень для меня нужное. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы оказать услугу человѣку, очень достойному твоего вниманія. Здѣсь въ Орлѣ есть плѣнный генералъ Бонамі, храброй и благородной человѣкъ. Я видѣлъ его послѣ Можайскаго сраженія, съ десятью или болѣе ранъ, сдѣланныхъ штыкомъ (изъ коихъ одна преглубокая на груди и отъ которой онъ весьма страдаетъ). Теперь онъ находится въ Орлѣ, откуда велѣно его переслать съ прочими плѣнными въ Казань. Это путешествіе будетъ для него смертельно: тяжелая рана его погубить. Онъ писалъ къ военному министру письмо, въ которомъ проситъ, чтобы ему позволено было остаться въ Орлѣ до поправленія раны. Письмо это послано вмѣстѣ съ моимъ къ тебѣ. И просьба моя состоитъ въ томъ, чтобы ты, если имѣешь какую-нибудь возможность, выхлопоталъ у министра отвѣтъ благопріятный; если не самъ, то хотя черезъ други(хъ). Очень бы я желалъ, чтобы можно было помочь этому хорошему человѣку, умному и храброму. Будетъ весьма жестоко, если просьба его не уважится. О себѣ скажу, что я очень радъ, что еще отсель не уѣхалъ: милиція наша распущена, и мнѣ надобно скидывать мундиръ. Обнимаю тебя. Отвѣчай ради Саваоа. Бонамі писалъ и къ министру полиціи; слѣдовательно надобно будетъ хлопотать у обоихъ. Письмо его послано двумя или тремя почтами прежде моего.

XII.

Бѣлевъ, 15 Мая (1813).

Вручитель этого письма, Иванъ Петровичъ баронъ Черкасовъ ¹⁾, былъ очень хорошо знакомъ съ твоимъ отцемъ, есть одинъ изъ добрыхъ моихъ пріятелей и достоинъ съ твоей стороны всякаго уваженія. Рекомендую тебѣ его. При первомъ свиданіи прими его какъ любезнаго мнѣ человѣка; а при второмъ, безъ сомнѣнія, примешь его какъ пріятнаго знакома и для тебя. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ по тя-

¹⁾ Сосѣдъ Бувиныхъ и Юшковыхъ по имѣнію (с. Володьково, подъ Бѣлевымъ, находилось недалеко отъ Долбина). Между стихотвореніями Жуковскаго встрѣчается нѣсколько, посвященныхъ дѣтямъ барона И. П. Черкасова.

жебному дѣлу. Надобно непременно оказать ему всю ту помощь, какую тебѣ возможно будетъ. Онъ взялъ у меня письмо и къ Дашкову²⁾. Постарайся, чтобы ихъ знакомство сдѣлалось у тебя въ домѣ, и убѣди вмѣстѣ со мною Дашкова быть ему помощникомъ. Всякую услугу, ему отъ тебя оказанную, приму за новый знакъ твоей безцѣнной ко мнѣ дружбы. Еще одна просьба. Ему хотѣлось бы помѣстить сына своего въ Петербургскій университетъ или Педагогическій Институтъ. Мнѣ сказывали, что тамъ прекрасно учатъ. Сынъ его рѣдкой молодой человѣкъ, самого прекраснаго характера и большихъ способностей; однимъ словомъ нашъ поддѣвическій³⁾. Я желалъ бы, чтобы ты далъ Ив(ану) Петр(овичу) наставленія о помѣщеніи его въ Петербургъ, а если онъ расположится туда его перевезти, былъ ему и добрымъ пріятелемъ, и покровителемъ у Уварова. Обо всемъ этомъ вы переговорите лучше на словахъ. Прости, безцѣнный другъ. Твой Жуковскій.

Адресъ: Его высокородію милостивому государю моему Александру Ивановичу Тургеневу, господину директору департамента иностранныхъ исповѣданій, по Фонтанкѣ, близъ Семіоновскаго моста, противъ Михайловскаго замка. Въ С.-Петербургѣ.

XLII.

20 Мая (1813), Вѣлевъ.

Твое письмо, любезнѣйшій мой другъ, тронуло меня до слезъ. Твои хлопоты о бѣдномъ Жуковскомъ были бы ему вмѣсто лѣкарства, когда бы онъ объ нихъ узналъ еще въ Вильнѣ. Вѣроятно, что твой посланный не засталъ уже меня въ этомъ городѣ. Пріѣхавши сюда, я писалъ къ тебѣ съ однимъ иностранцемъ, ѣхавшимъ изъ Орла въ Петербургъ (Ланцемъ). Въ этомъ письмѣ я просилъ тебя, чтобы ты немедленно отдалъ подателю онаго тотъ манускриптъ моихъ стиховъ, который я переслалъ къ тебѣ съ Новосильцовымъ. Но, видно, Ланцъ не успѣлъ еще тебя найти. Итакъ повторяю мою просьбу о скорѣйшемъ доставленіи мнѣ этого экземпляра. Мнѣ онъ нуженъ, потому что онъ *единственной направленной*; я хочу сдѣлать для себя списокъ, нужный для изданія въ печать всѣхъ *моихъ твореній*. Прошу тебя послѣшить исполнить мою просьбу. Очень радъ, что ты находишь хорошими мои стихи¹⁾; твое-то одобреніе мнѣ и надобно. Благодарю, что ты ихъ напечаталъ, хотя и съ ошибками²⁾; но твое дружеское стараніе доставить мнѣ какое-нибудь имя меня восхищаетъ. Я получилъ отъ Ивана Ивановича Дмитріева, письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что Государынѣ *вдовствующей* Императрицѣ угодно сдѣлать

¹⁾ Дмитрію Васильевичу впоследствии министру юстиціи.

²⁾ Мѣстность въ Москвѣ: „подъ Дѣвичьемъ“ (монастыремъ).

*

¹⁾ Т. е. „Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ“. „Жуковскаго стихи прекрасны, безподобны“, писалъ Тургеневъ о „Пѣвцѣ“ 27 Декабря 1812 года князю П. А. Вяземскому („Р. Архивъ“ 1866 г., ст. 254).

²⁾ Ср. замѣчанія на счетъ ошибокъ въ печатномъ изданіи „Пѣвца“, высказанныя И. И. Дмитріевымъ въ письмѣ къ Жуковскому отъ 20 Февраля 1813 года („Р. Архивъ“ 1871 года, ст. 418).

второе изданіе моей пѣсни ³⁾; я поспѣшилъ переписать эту піесу и доставилъ ее къ И. И., приложивъ къ ней и Посланіе къ Ея Величеству. Но ты пишешь, что Государыня Елисавета Алексѣевна приказала И. И. требовать у меня другаго списка. Это меня удивляетъ. Кто изъ васъ ошибся? Ты или И. И.? Признаюсь, желалъ бы, чтобы ошибка была твоя, ибо мой списокъ уже сдѣланъ и давно отправленъ. Прошу тебя увѣдомить меня о его судьбѣ. Между тѣмъ скажу тебѣ, что все это меня чрезвычайно радуетъ и порядочно щекочетъ мое авторское самолюбіе, которое теперь безпрестанно жужжитъ мнѣ на ухо словами моего добраго друга: *пиши болѣе и скорѣе*. Буду, буду писать. Другаго нечего и дѣлать, ибо ничего другаго не умѣю. Плановъ весьма много, и теперь, когда буря, сдернувшая меня съ моего мирнаго мѣстечка, *для меня* миновалась, буду писать съ большимъ рвеніемъ. Можетъ быть, осмѣлюсь посвятить нѣсколько стиховъ священному праху нашего спасителя ⁴⁾. Какой счастливый и славный конецъ! Онъ привелъ свои войска къ тому мѣсту, гдѣ нѣкогда подняла голову свобода Европы ⁵⁾, сказалъ имъ: Спасайте міръ! и улетѣлъ къ Густаву ⁶⁾. Дай Богъ, чтобы эта смерть была для насъ пророчествомъ.

Ты зовешь меня въ Петербургъ. Я и самъ, мой милой другъ, ничего такъ не желаю, какъ тебя видѣть. Но теперь невозможно. Я обѣднѣлъ совершенно. Мой походъ стѣдитъ мнѣ половины моего капитала, о которомъ однако я не жалью. Для путешествія въ Петербургъ нужны деньги. Сверхъ того мнѣ нужно всеѣмъ снова запасаться, даже платьемъ, ибо у меня все почти распропало. А въ долги входить опасно. Итакъ я принужденъ отложить мое свиданіе съ тобою до приведенія въ бѣльшее устройство моихъ скудныхъ финансовъ. Ты говоришь, что мнѣ нельзя оставаться въ деревнѣ. По сію пору ничего не могу желать, кромѣ того, чтобы жить въ деревнѣ. Здѣсь буду и могу писать болѣе, нежели гдѣ-нибудь. Вся моя дѣятельность должна ограничиться авторствомъ, а служба всеѣмъ меня не прельщаетъ. Правда, она мнѣ нужна для того, чтобы имѣть кусокъ хлѣба; но пока еще не дошло до этого, то попользуемся свободою и будемъ писать съ вольнымъ духомъ. Желанія мои весьма скромны. Ничего не имѣю въ виду, кромѣ независимости; хочу имѣть столько, чтобы, не думая о завтрашнемъ днѣ, писать, писать и писать. Впрочемъ могутъ случиться такія обстоятельства, которыя заставятъ меня искать пріюта въ службѣ. Тогда ты будешь моимъ прибѣжищемъ. Думая о *томъ*, что

---

³⁾ Дмитріевъ сообщалъ объ этомъ Жуковскому въ письмѣ отъ 20 Февраля 1813 года („Р. Арх.“ 1871 г., ст. 418—419). Жуковскій удостоился получить отъ Императрицы Маріи Феодоровны рескриптъ и перетень. Второе изданіе „Пѣвца“ было напечатано въ количествѣ 300 экземпляровъ, изъ которыхъ 290 были предоставлены Государынею въ пользу автора (тамъ же, ст. 421).

⁴⁾ Князя Кутузова-Смоленскаго. Онъ скончался въ г. Бунцау 16 (28) Апрѣля 1813 г.

⁵⁾ Въ Тридцатилѣтнюю войну.

⁶⁾ Королю Шведскому Густаву - Адольфу († 1632 въ Люценѣ), защитнику свободы Германіи отъ деспотизма Австріи въ Тридцатилѣтнюю войну.

можеть со мною случиться худого, думаю всегда, что ты мнѣ останешься и что въ тебѣ найду замѣну того, чего, можеть быть, должно лишиться. Это покажется тебѣ мистическимъ. Объяснимся послѣ. Дорого бы далъ, чтобы съ тобою увидѣться: я такъ давно уже не имѣлъ этого счастья. Но что говорить о счастіи; нельзя сказать, чтобы оно было со мною знакомо. Вѣрно только то, что я имѣю твою дружбу и никогда ея не лишусь. Кстати о дружбѣ. Гдѣ Вяземскій? Какъ и куда къ нему писать? Увѣдомь его о моемъ мѣстопребываніи и пришли мнѣ его адресъ. Онъ былъ послѣдній, котораго я видѣлъ въ Москвѣ.

Слава Витгенштейну! Первый шагъ—побѣда. Съ нимъ Русская слава не погибнетъ! А Коновницынъ раненъ! Храни его Русскій Богъ! *) Я этого человѣка обожаю. Воплощенная доброта и храбрость!

Я не на шутку помышляю о собраніи моихъ стихотворныхъ грѣховъ. Какъ скоро доставишь ко мнѣ мой манускриптъ, то сдѣлаю вѣрный списокъ, расположивъ піесы въ надлежащемъ порядкѣ. Этотъ списокъ будетъ къ тебѣ доставленъ; ты отдашь его въ печать и возьмешь на себя корректуру или поручишь ее кому-нибудь аккуратному человѣку (дабы стихи были напечатаны повѣрнѣе *Львца*). Продавъ этотъ манускриптъ, можеть быть, доставишь мнѣ способъ побывать и въ Петербургѣ. Вотъ тебѣ планъ моего воздушнаго замка. Постарайся по немъ исполнить.

Прошу тебя сказать мое почтеніе Сергѣю Семеновичу ⁸⁾, котораго душевно уважаю и люблю, хотя видѣлся съ нимъ на минуту. Братьевъ твоихъ обнимаю; надѣюсь, что они обо мнѣ не забываютъ. Отвѣчай скорѣе и увѣдомь, что сдѣлалось съ моимъ письмомъ къ Ив. Дм(итріеву).

Письма адресуй въ Бѣлевъ. Поклонись отъ меня Дашкову.

При семъ прилагаю письмо, писанное двѣ недѣли тому назадъ. Похлопочи о *Бонами* ⁹⁾.

XLIII.

(Въ Іюль 1813, с. Мишенское).

Прошу тебя, мой милой другъ, поспѣшить увѣдомить меня о своемъ здоровьѣ. Надѣюсь, что ты уже теперь совсѣмъ оправился; очень обрадуешь, когда ко мнѣ напишешь и когда изъ письма твоего увижу, что болѣзнь твоя совсѣмъ миновалась. Письмо Сергѣя Ив(ановича) меня удивило. Кто тебѣ сказалъ, что мнѣ дана Анна ¹⁾? При-

---

⁷⁾ По смерти князя Кутузова-Смоленскаго главнокомандующимъ нашею арміею былъ назначенъ графъ (впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь) П. Х. Витгенштейнъ. Первое серьезное сраженіе, которымъ пришлось руководить новому главнокомандующему, произошло 20 Апрѣля (2 Мая) 1813 года при Люценѣ. За это сраженіе, въ которомъ Французы потеряли до 15 тысячъ человѣкъ, Витгенштейнъ получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. П. П. Коновницынъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ генераловъ, былъ тяжело раненъ въ томъ же сраженіи.

⁸⁾ Уварову.

⁹⁾ См. выше, письмо XL.

*

¹⁾ Е. Н. Батюшковъ въ письмѣ отъ 30 Іюня 1813 года, изъ Петербурга, писалъ Жуковскому между прочимъ слѣдующее: „Слухъ носится, что тебѣ назначена Анна 2-го

знаюся, не понимаю, какъ могло это случиться, и по сихъ поръ никакъ этому не вѣрю. Увѣдомь пообстоятельнѣе. Не ошибка ли? Но пуще всего поспѣши увѣдомить о себѣ; право, сердце будетъ не на мѣстѣ до полученія о тебѣ извѣстия. Ты мнѣ дорогъ чрезвычайно, какъ вѣрный и необходимый товарищъ жизни; я часто о тебѣ думаю, и всегда эта мысль меня трогаетъ. Поблагодари отъ меня милого Сергѣя Ив(ановича) за его письмо, за которое обнимаю его дружески; сердечно бы желалъ вась всѣхъ троихъ²⁾ видѣть и пожить съ вами вмѣстѣ; но пока невозможно. Не теряю однако надежды. О службѣ моей, кажется, могу сказать, что она кончилась; полкъ мой будетъ къ началу Августа въ Москву, гдѣ и распустится. Онъ стоялъ все въ Борисовѣ. Если же ему сказано будетъ походить за границу, то не отставать же. О братѣ Андрей³⁾ я погрустилъ. Славная, завидная смерть!

Мигомъ ношу въ прахъ! ⁴⁾

Надобно друга и товарища помянуть стихами⁵⁾. Напишу и доставлю къ тебѣ. Прощайте, друзья. Любите вашего брата Жуковского.

Ради Бога отвѣчай скорѣе. Да что же! Когда доставишь мнѣ списокъ съ моихъ стиховъ? Право, необходимо нуженъ, и мнѣ очень досадно, что многократная просьба моя осталась тобою забыта. Какъ горохомъ въ стѣну!

XLIV.

2 Сентября (1813, Муратово).

Я получилъ твои два милыя письма, братъ и другъ, и началъ отвѣчать на нихъ стихами: низкая проза ихъ не стоить. Думаю, что на будущей почтѣ отправлю къ тебѣ мое посланіе⁴⁾. До тѣхъ поръ довольствуйся молчаніемъ. Теперь пишу для того, чтобы сказать тебѣ, что я получилъ письмо Голицыной²⁾, и списокъ моихъ стиховъ, и

класса, и Тургеневъ тебя велѣлъ съ ней поздравить; онъ слышалъ отъ служащихъ при военномъ министрѣ о сей Государевой милости“ (Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 229).

¹⁾ Т. е. Александра Ивановича Тургенева и его двухъ братьевъ.

²⁾ Андрей Сергѣевичъ Кайсаровъ, убитомъ въ сраженіи подъ Гайнау 14 (26) Мая 1813 года.

⁴⁾ Въ „Пѣвцѣ во станѣ Русскихъ воиновъ“ находятся слѣдующіе стихи:

Сынъ брани мигомъ ношу въ прахъ
Съ могучихъ плечъ свергаетъ.

⁵⁾ Стихи въ память А. С. Кайсарова до насъ не дошли, а, можетъ быть, и не были вовсе написаны Жуковскимъ. Въ сохранившемся въ его бумагахъ (№ 78, л. 30) перечнѣ задуманныхъ имъ въ 1813 году стихотвореній встрѣчаются заголовки: „На смерть Кутузова (см. письмо XLII). На смерть) Кайсарова“.

*

¹⁾ Здѣсь, очевидно, разумѣется Посланіе къ А. И. Тургеневу, начинающееся словами: „Другъ, отчего печалень голосъ твой?“

²⁾ Княгиня Авдотья Ивановна Голицыной, рожд. Измайловой (р. 1780 † 1850), носившей прованіе „la princesse Nocturne“. Княгиня А. И. Голицына прислала Жуков-

экземпляры «Пѣвца». На первое буду отвѣчать, какъ случится, прозою или стихами. Списокъ своихъ стиховъ пришлю тебѣ полный для напечатанія, только не знаю когда. Надобно прибавить еще нѣсколько балладъ, чтобы книжка была пополнѣе. Баллады мой избранный родъ поэзіи; слѣдовательно, ихъ число должно быть по крайней мѣрѣ 10, ибо и заповѣдей Божіихъ такое же число. «Пѣвца» ты прислалъ ко мнѣ совсѣмъ изуродованнаго, безъ середины—одно начало и конецъ. Это похоже на тебя; но изъ этого слѣдуетъ, что ты долженъ мнѣ прислать 25 экземпляровъ полныхъ и переплетенныхъ. Съ остальными поступиай какъ хочешь. Я хотѣлъ было ихъ принести въ даръ вашему

скому свою записку, или „Мнѣніе“, о включеніи въ Русскій государственный гербъ знамени съ крестомъ. Оригиналъ „Мнѣнія“ былъ писанъ по-французски; къ оригиналу былъ приложенъ и Русскій переводъ. И оригиналъ, и переводъ „Мнѣнія“ находятся въ хранящихся въ Имп. Публ. Библиотекѣ бумагахъ В. А. Жуковского. Въ тѣхъ же бумагахъ (въ № 78; см. „Бумаги В. А. Жуковского“, стр. 155) сохранился слѣдующій неизданный черновой набросокъ отвѣтнаго письма Жуковского княгинѣ: „Простите меня, что такъ поздно отвѣчаю на ваше лестное письмо; оно получено было въ моемъ отсутствіи. Возвратясь, я занемогъ, и эта продолжительная болѣзнь была принужденной причиною моего молчанія. Я нѣсколько разъ перечитывалъ съ отиѣннымъ удовольствіемъ вашъ манускриптъ, который позвольте мнѣ сохранить, и приношу вамъ благодарность за тѣ пріятныя минуты, которыя доставило мнѣ это чтеніе. Нынче время патріотизма. Всякой снѣшить положить свою дань на алтарь отечества. Вы принесли прекраснѣйшія чувства души, исполненной благороднаго пламени. Будетъ ли принято ваше предложеніе, или нѣтъ—это зависитъ отъ вышней власти; но ваше намѣреніе, изображенное такимъ прекраснымъ слогомъ, останется навсегда памятникомъ вашихъ чувствъ, драгоценнымъ для каждаго Русскаго, привязаннаго къ своему отечеству“.

„Многія мысли въ вашемъ „Мнѣніи“ разительны своею справедливостью. Nos gênes etc. (здесь должна была идти выдержка изъ „Мнѣнія“ кн. Голицыной). 1812 годъ былъ для насъ важень не одѣями побѣдами; онъ открылъ намъ въ самихъ насъ такія силы, которыхъ, можетъ быть, прежде мы не подозрѣвали. Всего важнѣе для народа уваженіе къ самому себѣ: теперь мы приобрѣли его. Минутными несчастіями купили мы такое благо, котораго никто у насъ не отыметъ. Ужасное потрясеніе 1812 года вмѣсто того, чтобы насъ сразить, только что насъ пробудило. Патріоты, имѣвшіе довѣренность къ своему отечеству, ободрились; и тѣ немногіе, которые, пользуясь его благотвореніями, были его истинными врагами по своему холодному къ нему презрѣнію, потеряли бодрость и должны молчать. Если Провидѣніе допустить совершить начатое дѣло освобожденія Европы, то мы увидимъ Россію на такой степени величія, на какой никогда она еще не стояла“.

„Я желалъ (бы), чтобы ваша мысль *включить крестъ въ Русской гербъ* была принята Государемъ: этотъ крестъ, присоединенный къ скипетру, будетъ напоминаніемъ славнѣйшаго происшествія въ нашей исторіи и, конечно, такой памятникъ (какъ вы говорите) негнѣннѣе всѣхъ триумфальныхъ воротъ и всѣхъ Австерлицкихъ мостовъ, которые могутъ быть уничтожены временемъ. Присоединеніе креста къ скипетру означитъ великую эпоху, эпоху *возрожденія* нашей силы, эпоху, съ которой можетъ быть, определено считать намъ истинное бытіе наше. Онъ будетъ эмблемою нашей благодарности къ Промыслу, который чудесно возвеличилъ насъ бѣдствіемъ! И, отдавая его нашему орлу—

благотворительному обществу ³⁾, но что за даръ! Смѣшно! Лучше продать ихъ просто книгопродавцу, если купить и если у тебя достанетъ заботливости, чтобы взять на себя эту продажу; а деньги пришли мнѣ—вотъ и все тутъ. А мои экземпляры присылай поскорѣе. Хорошо, когда бы на слѣдующей же почтѣ. Что же касается до денегъ, то ты можешь и самъ сдѣлать изъ нихъ такое употребленіе, какое хочешь. Прости, братъ. Обнимаю твоихъ братьевъ. И стихи на смерть нашего Андрея ⁴⁾ будутъ написаны и посвящены тебѣ. Твой Жуковскій.

2 Сентября. Какой день! Я бы желалъ, чтобы его всегда торжествовали. День славной жертвы за свободу и отечество ⁵⁾.

XLV.

(Въ послѣдней трети 1813 года, Муратово).

Отдай это письмо Оленину ¹⁾; я благодарю его за виньеты. Да увѣдомь скорѣе меня, Кириловъ и архимандритъ Филаретъ ²⁾ одна ли

который есть изображеніе Россіи,—мы въ некоторомъ образомъ ознаменуемъ свою благодарность, вѣривъ его попеченію отечество, и въ тоже время мы вѣримъ отечество покровительству той Верховной Силы, которая такъ разительно въ прошедшемъ году за насъ вступилась“.

„Вѣроятно, что вы теперь уже получили какой-нибудь отзывъ отъ Государя на ваше предложеніе. Сердечно желаю знать, имѣло ли оно успѣхъ. Вы дали мнѣ право принимать живѣйшее участіе въ томъ, что до васъ касается. Заклучу письмо мое благодарностію. Ваши похвалы для меня весьма ободрительны; но то самое живое удовольствіе, которое онѣ мнѣ сдѣлали, невольно возбудило во мнѣ печальную мысль о сиротствѣ нашего языка. Нельзя не признаться, чтобы враги, которые произвели внутри нашего отечества такое опустошеніе, не сильно владычествовали надъ нами своими языкомъ и своею словесностію. Бѣдный Русскій писатель, которому одобреніе просвѣщенныхъ и имѣющихъ вѣжннй вкусъ судей такъ дорого, почти не имѣетъ доступа къ тѣмъ, которымъ наиболѣе желалъ бы нравиться. Именно ваше любезное письмо произвело во мнѣ это сожалѣніе объ участи нашей словесности, изгнанной изъ лучшаго общества. Но, вступаясь за Русскую поэзію, и долженъ употребить и языкъ ея“.

³⁾ С.-Петербургскому Женскому Патриотическому Обществу, основанному въ концѣ 1812 года и состоявшему подъ покровительствомъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны. А. И. Тургеневъ былъ правителемъ дѣлъ этого Общества.

⁴⁾ А. С. Кайсарова.

⁵⁾ 2 Сентября 1812 года наша армія покинула Москву, и въ нее вступили Французы.

*

¹⁾ Алексѣю Николаевичу, извѣстному археологу, директору Императ. Публичной Библиотеки и президенту Академіи Художествъ. Имъ, по просьбѣ И. И. Дмитріева, были нарисованы виньетки для втораго изданія „Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ“ (см. письмо К. Н. Батюшкова къ Жуковскому отъ 30 Іюня 1813 г., въ Соч. К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 229).

²⁾ Архимандритъ Филаретъ (Дроздовъ), вполнѣдствіи Московскій первосвятитель, былъ въ это время ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи. Кто былъ упоми-

персона? Мнѣ это знать весьма нужно. А для чего, послѣ узнаешь. Писать болѣе некогда. Обнимаю тебя. Пришли экземпляры «Пѣвца», да еще, если есть, рисунокъ памятника, который ты поставить хочешь. На будущей почтѣ получишь письмо къ Голицыной. Смотри же, оправдай меня. Твой Жуковский.

XLVI.

(Въ срединѣ Марта 1814, Муратово).

Благодарю тебя, милой другъ, за исполненіе моей комиссіи, и вотъ тебѣ въ благодарность другая, которую постарайся также, если можно, исполнить. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы успокоить бѣдную мать на счетъ ея сына; а эта мать была другомъ моей, изъ чего можешь заключить, какъ желаю исполнить ея требованіе. Сынъ ея въ военной службѣ. Вотъ объ немъ записка: 1807-го года Декабря 23 вступилъ онъ въ ординарцы унтеръ-офицеромъ въ Московской конно-военный полкъ; 1809 Ноября 18 переведенъ въ 19 егерской полкъ юнкеромъ; 1812 Февраля 28 произведенъ прапорщикомъ въ 17 егерскій полкъ, который теперь въ Грузіи, на Персидскихъ границахъ. Имя моего кліента Григорій Ильичъ Астраковъ ¹⁾. Просьба состоитъ въ томъ, чтобы изъ той арміи онъ переведенъ былъ въ здѣшнюю. Нельзя ли этого сдѣлать и какъ сдѣлать? Постарайся, другъ милой. Мнѣ это будетъ большимъ одолженіемъ.

Критика твоя на *горшокъ* кажется мнѣ несправедлива; я не стою за красоту стиховъ своихъ, но здѣсь эта черта характерная—она изображаетъ *обычай* народа; ужъ это одно дѣлаетъ благороднымъ слово *горшокъ*; сверхъ того оно прикрашено эпитетомъ *братскій*. Напрасно ты не сдѣлалъ болѣшихъ замѣчаній. *Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли*. Это кажется тебѣ прозою? Не знаю—могу ошибиться; но тутъ нѣтъ ни поэзіи, ни прозы ²⁾. Впрочемъ всякой стихъ, на которой уже сдѣ-

наемый въ письмѣ Кирилловъ—мнѣ неизвѣстно.—Е. А. Протасова отказывалась дать свое согласіе на бракъ В. А. Жуковского съ Марьею Андреевною Протасовою въ виду ихъ близкаго родства. Жуковский, для опроверженія доводовъ Е. А. Протасовой, обращался, черезъ своихъ друзей, къ пользовавшимся общимъ уваженіемъ духовнымъ лицамъ, чтобы узнать ихъ мнѣніе по этому вопросу, въ томъ числѣ и къ архимандриту Филарету.

*

¹⁾ Астраковимъ стариннымъ Москвичамъ В. А. Жуковский высылалъ деньги на поддержаніе памятника надъ могилою его матери въ Московскомъ Новодевичьемъ монастырѣ. П. Б.

²⁾ Рѣчь идетъ о замѣчаніяхъ А. И. Тургенева на слѣдующее мѣсто Посланія Жуковского къ А. Ѳ. Воейкову, написаннаго 29 Января 1814 года:

Тамъ жизнь ихъ (*т. е. Кавказскихъ горцевъ*)—сонъ; стѣснясь въ кружокъ,
И въ братскій съ табакомъ горшокъ
Вонзивши чубуки, какъ тѣни
Въ дыму клубящемся сидятъ
И объ убійствахъ говорятъ,
Иль хвалятъ мѣтвѣи пицали,
Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли.

дано замѣчаніе челоуѣкомъ, стоящимъ довѣренности, приходитъ для меня въ упадокъ. Читалъ ли ты со вниманіемъ заключеніе этого посланія? Молись, братъ, чтобы въ моей бѣлой книгѣ наполнились страницы ³⁾. Объ изданіи же моихъ стиховъ не думай. У меня здѣсь всѣ они переписываются въ томъ порядкѣ и форматѣ, который долженъ быть при напечатаніи; этотъ списокъ ты получишь. Прости. Твой Жуковскій.

Обними Воейкова; скажи, что у насъ все здорово ⁴⁾, и что я уже написалъ къ нему 5 писемъ. Получилъ ли онъ ихъ? Вотъ какъ вещи мѣняются! Въ то время, когда я писалъ къ тебѣ о профессорствѣ Воейкова ⁵⁾, я прибавилъ: отъ этого можетъ зависѣть его счастье; теперь

³⁾ Подъ бѣлой книгою, какъ видно изъ конца Посланія и подстрочнаго примѣчанія къ нему Воейкова, Жуковскій разумѣлъ тетрадь, въ которой онъ думалъ писать „Русскую поэмю, въ родѣ Виляндова Оберона“, т. е. „Владимира“. Въ заключеніи Посланія Жуковскій мечтаетъ о возможности счастья съ М. А. Протасовою:

. . . . Молись судьбѣ,
Чтобъ въ ней (*т. е. бѣлой книгѣ*) наполнились страницы.
Когда, мой другъ, тебѣ я самъ
Ее въ веселый часъ подамъ —
И ты прочтешь въ ней небывлицы,
За былъ рассказанныя мной:
То знай, что счастливъ жребій мой,
Что подъ надворомъ Провидѣнья,
Питаюсь жизнью въ тишинѣ,
Вблизи всего, что мило мнѣ,
Я на крылахъ воображенья,
Веселый здѣсь, въ *той* мѣрѣ леталъ,
И что меня не покидалъ
Мой вѣрный ангелъ вдохновенья...
Но, другъ, быть можетъ... какъ узнать?
Она останется пустая,
И вѣкогда рука чужая
Тебѣ должна ее отдать
Въ святой залогъ воспоминанья,
Увы, и въ знакъ, что жизни сей
Милѣйшія души моей
Не совершились желанья!
Прими ее... и пожалѣй.

⁴⁾ А. Θ. Воейковъ, пріѣхавшій въ Муратово въ концѣ 1813 года и сдѣлавшій въ Мартѣ 1814 года предложеніе Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, которое и было принято, ѣздилъ въ это время въ Петербургъ хлопотать о полученіи мѣста профессора Русскаго языка и словесности въ Дерптскомъ университетѣ, которое оставалось свободнымъ послѣ смерти А. С. Кайсарова. Профессорскую кафедру въ Дерптѣ Воейковъ занималъ съ 1814 по 1820 годъ.

⁵⁾ Это письмо Жуковского до насъ не дошло.

*

говорю: ему необходимо для счастья отказаться отъ профессорства. Поэтому и прошу тебя употребить всѣ усилія, чтобы ему не давали кафедръ.

Адресъ: Его высокородю милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу, господину управляющему департаментомъ иностранныхъ исповѣданій. По Фонтанкѣ, у Семіоновскаго моста, въ домѣ бывшемъ Удѣльнаго Департамента. Въ С.-Петербургѣ. Почтовый штемпель: Болховъ.

XLVII.

24 Марта (1814, Муратово).

Мой милой другъ, я очень много обязанъ тебѣ за скорое исполненіе моей комиссіи о François ¹⁾. Но еще нѣтъ объ немъ немъ никакого слуху. Освѣдомься, послано ли въ Тамбовъ приказаніе о его перемѣщеніи. Я писалъ къ тебѣ на послѣдней почтѣ объ Астраковѣ. Получилъ ли ты мое письмо? Можно ли (сдѣлать?) что-нибудь по моей просьбѣ? Утѣшь, другъ милой, бѣдную мать, которая съ большимъ горемъ просила меня о своемъ сынѣ. На всякой случай опять повторю здѣсь, въ чемъ состоитъ просьба: письмо могло, какъ и многія, писанныя мною къ тебѣ и къ Воейкову, пропасть. Вотъ въ чемъ дѣло. Прапорщикъ Григорій Ильичъ Астраковъ, вступившій въ службу 1807 года Декабря 23 ординарцемъ съ чиномъ ундеръ-офицера въ Московскій конновоенный полкъ, переведенный 1809 18 Ноября въ 19 егерской полкъ юнкеромъ, а потомъ 1812 Февраля 28 дня съ чиномъ прапорщика въ 17 егерской полкъ, находится теперь въ Грузіи за Елисаветполемъ. Ему болѣе всего хочется перейти въ здѣшнюю армію; да и полкъ его 17 егерской, кажется, здѣсь же; въ Грузіи одинъ баталіонъ, не болѣе. Нельзя ли этого сдѣлать? Одолжи меня, братъ и другъ, и не замедли увѣдомить, есть ли надежда, чтобы это могло исполниться.

(Я просилъ и тебя, и Кавелина ²⁾ о докторѣ Фріофѣ. Что объ немъ слуху?

Наконецъ на закуску еще просьба о докторѣ же. Здѣсь есть въ Орлѣ Гаспари-докторъ ³⁾. Онъ еще въ прошломъ году представленъ

---

¹⁾ Объ этомъ Франсуа и о ходатайствѣ у Тамбовскаго губернатора объ его перемѣщеніи упоминается и въ дальнѣйшихъ письмахъ; но изъ нихъ не видно, ни кто такой былъ Франсуа, ни куда онъ долженъ былъ быть перемѣщенъ.

²⁾ Дмитрія Александровича Кавелина (р. 1778 † 1851), тоже бывшаго воспитанника Университ. Благороднаго Пансіона. Кавелинъ въ это время занималъ должность директора Медицинскаго Департамента, потомъ былъ директоромъ Главнаго педагогическаго института въ Петербургѣ и благороднаго при немъ пансіона. Жуковскій ввелъ Кавелина и въ „Арзамасъ“, гдѣ онъ носилъ прозваніе „Пустынникъ“. Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Д. А. Кавелина см. въ статьѣ проф. Д. А. Корсакова: „Константинъ Дмитриевичъ Кавелинъ. Матеріалы для біографіи, изъ семейной переписки и воспоминаній“ („Вѣстникъ Европы“ 1886 года, Май, стр. 8—14).

³⁾ Объ этомъ именно Гаспари говорится въ Посланіи Жуковскаго къ Д. А. Кавелину, въ печатномъ изданіи сочиненій Жуковскаго; посланіе ошибочно помѣщено подъ 1815

къ Аннѣ 2-го класса. Прилагаю при семъ его письмо объ этомъ предметѣ. Что сдѣлано по этому? Люди, съ нимъ въ одно время представленные, получили награжденія; а онъ нѣтъ. Узнай, похлопочи. Меня одолжишь много; а одолжить доктора не бездѣлица: онъ министръ смерти, слѣдовательно защитникъ жизни и часто, что бываетъ также по обстоятельствамъ весьма выгодно, ея истребитель. Къ Воейкову не пишу, предполагая, что онъ въ дорогѣ. Онъ бранить меня за то, что пишу къ нему мало, а я написалъ уже къ нему шесть писемъ и получилъ отвѣтъ на одно только изъ нихъ. Что же дѣлать съ почтою? Теперь у меня готово къ нему письмо, но я его не посылаю, а отдамъ изъ рукъ въ руки. Прости. Обнимаю Кавелина. Самой усердный поклонъ Уварову. Твой Жуковский.

XLVIII ¹⁾.

(26 Марта 1814, Муратово).

„Nei giorni tuoi felici
Ricordati di me!“

*Въ день счастья вспомнить о тебѣ?
На что такое, другъ, желанье?
На что намъ поручать судьбѣ
Священное воспоминанье?
Когда бъ любовь къ тебѣ моя
Моимъ лишь счастьемъ измѣрилась
И имъ лишь въ сердцѣ оживлялась,
Сколь бѣденъ ею былъ бы я!
Нѣтъ, нѣтъ! Мой братъ, мой другъ хранитель!
Воспомянемъ инымъ
Плачу тебѣ! Я *вѣчно* съ нимъ!
Оно мой лучший утѣшитель!
Во дни печали ты со мной!
И ободряемый тобой,*

годомъ (см. Соч. Жуковского, изд. 8-е, т. I, стр. 468—469), но въ действительности относится къ 1814 году (см. Бумаги В. А. Жуковского, стр. 152)

¹⁾ Это письмо перепечатывается изъ „Русскаго Архива“ 1866 года, ст. 651—652, гдѣ оно издано по подлиннику, сообщенному И. О. Золотаревымъ, получившимъ его въ подарокъ отъ А. И. Тургенева.—Письмо не имѣетъ даты; но, какъ видно изъ его содержания, несомнѣнно относится къ 1814 году (какъ это вѣрно замѣчено въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 года, ст. 789). Въ VI томѣ Сочиненій В. А. Жуковского, изд. подъ редакцію П. А. Ефремова (изд. 7-е, стр. 394) оно ошибочно отнесено къ 1813 году. Мѣсяцъ же и число, когда писано настоящее письмо, точно опредѣляются помѣткою, находящейся въ альбомѣ изъ бумагъ В. А. Жуковского при стихотвореніи, которымъ начинается это письмо (см. Бумаги В. А. Жуковского, стр. 41). Въслѣдствіе этого и самое стихотвореніе, помѣщенное въ печатномъ изданіи Сочиненій Жуковского подъ 1813 годомъ (см. изд. 8-е т. I, стр. 308—309), должно быть перенесено въ 1814 годъ.

Еще я жизнь не презиралъ!
 Ты судія избранный мной!...
 О! что бы ни было.. я знаю,
 Гдѣ мнѣ прибѣжище обрѣсть,
 Куда любовь свою принести,
 И идѣ любовь не измѣнится,
 И идѣ вѣжливѣйшее хранится
 Участіе къ судьбѣ моей!
 Дождусь или нѣтъ счастливыхъ дней,
 О томъ, мой милый братъ, ни слова!
 Какимъ бы я ни шелъ путемъ—
 Все ты мнѣ гениемъ-вождемъ!
 Со мной до камня гробовова
 Не измѣняясь, другъ, иди!
 Одна мольба: не упреди!

Вотъ тебѣ отвѣтъ на твои два Итальянскіе стиха, которыхъ всю цѣну и все значеніе понимаю и чувствую. Не думаю однако, чтобы когда-нибудь удалось по нимъ исполнить. Но ты отъ этого ничего не потеряешь. Воейковъ польстилъ мнѣ надеждою, что ты соберешься ко мнѣ. Не вѣрю. То, что я писалъ къ тебѣ въ одномъ изъ моихъ писемъ о неисполненіи по его желанію относительно до профессорства ²⁾, есть шутка. Но онъ безпокоился, чтобы ты шутки не принялъ за дѣло. И такъ эта просьба должна быть оставлена безъ вниманія. Не забудь о Гаспари, Астраковѣ и François. Люблю тебя и обнимаю. Твой навсегда Жуковскій.

Мое усердное почтеніе С. С. Уварову. Онъ какъ будто обѣщался мнѣ Англійскихъ книгъ, W. Scott, etc. etc ³⁾. Нельзя ли ему напомнить? Скоро будетъ отъ меня къ нему цидула. Дашкова обнимаю и буду къ нему писать ⁴⁾.

²⁾ См. въ письмѣ XLVI.

³⁾ С. С. Уваровъ въ письмѣ отъ 17 Августа 1813 года писалъ Жуковскому, между прочимъ, слѣдующее: „Я получилъ на дняхъ кипу Англійскихъ книгъ; между прочимъ всѣ поэмы сэра Вальтера Скота. Ein Volksdichter im edlen Sinne des Wortes. Когда я окончу чтеніе ихъ, то къ вамъ препровожу лучшія“ („Русскій Архивъ“ 1871 года, ст. 0162).

⁴⁾ За письмомъ Жуковского слѣдуетъ приписка А. Θ. Воейкова такого содержанія: „Я въ Муратовѣ, я съ Жуковскимъ; достальное можешь добавить воображеніемъ! Ты, считая Жук. новимъ Мессією, и шутку его можешь почесть за правду; и для того я заставилъ его написать, что его ополченіе противъ профессорства моего была галиматья, бредъ въ горячкѣ, что и Орловской медицинскій факультетъ свидѣтельствуетъ. Прощай, отъ сердца благодарю тебя за золотыя минуты, которыя провелъ съ тобою въ Петербургѣ. Ты мой родной, нашъ родной, нашъ поддѣвиченскій. И въ шумѣ свѣта, и при дворѣ ты удержи свое сердце—чистое, доброе, благотѣльное, полное жара дружества. О, я прекрасно сдѣлалъ, сдѣлавши въ Петербургѣ. Я тебя видѣлъ, и видѣлъ не такимъ,

(30 Марта 1814, Муратово).

Воейковъ былъ сильно разстроганъ за минуту до того, какъ взялся за перо, чтобы къ тебѣ писать ²⁾, *мой братъ, мой другъ-хранитель*. Хотя дѣло идетъ и обо мнѣ, но я въ эту минуту похолодаѣе. Вотъ въ чемъ это дѣло. Авд(отья) Ник(олаевна) Арбенева ³⁾, которую ты долженъ знать, женщина очень умная, но, какъ теперь слишкомъ поздно для меня открылось, болѣе энтузіастъ, нежели чувствительная и добрая, очень любима и уважаема Екате(риноу) Аванасьевной, матерью моей доброй Маши. Она имѣла и показывала ко мнѣ большую дружбу, и теперь, вѣроятно, имѣетъ ее ⁴⁾. Но чего не уничтожить

какимъ представляли тебя люди посторонніе и близорукіе. Я расскажу Жуковскому все твои шалости, все глупости, и не буду за тебя краснѣть. Жаль, что ты поздно началъ бѣзиться, а то теперь ты перебѣдился бы, какъ я, и сдѣлался бы смиреннымъ, скупымъ и постояннымъ, какъ твой Воейковъ“.

*

¹⁾ Дата этого письма взята изъ письма А. Ѳ. Воейкова, писаннаго на одномъ листѣ съ письмомъ Жуковского.

²⁾ Вотъ это письмо Воейкова: „Христосъ Воскресъ! Для меня, и радости воскресли; но Жуковский, другъ нашъ! онъ несчастливъ. *Монахъ*, можетъ быть пьяный отъ вина и, безъ всякаго сомнѣнія, отъ фанатизма, которое такъ же далѣко отъ истиннаго христіанства, какъ порокъ отъ добродѣтели, запугалъ и безъ того робкое воображеніе женщины, имѣющей большое вліяніе на судьбу Жуковского. Онъ именемъ Бога любви грозитъ адомъ четъ добродѣтельнѣйшихъ изъ людей за то, что они пылаютъ любовью непорочною, и холодною рукою хочеть разорвать союзъ душъ ихъ. Братъ! Неужели въ XIX вѣкѣ и въ царствованіе Александра, и тогда какъ благодѣтельный к(нязь) Голицынъ, какъ ты держите въ ножнахъ священныя ножи и не позволяете фанатикамъ лить кровь братій, должны литься слѣзы невинныхъ страдальцевъ, и два ангела принесены быть на жертву дьяволу суевѣрія?... Нѣтъ! ты не потерпишь этого, ты поспѣшишь помочь имъ—и зажать пасть крокодилу. Этотъ монахъ—есть іеромонахъ Новоспасскаго Московскаго монастыря Филаретъ. Женщина, которую онъ запугалъ адскими крѣпками и смолоу, — Авдотья Николаевна Арбенева (ея превосходительство). Брось свое разсѣяніе и лѣность, которая у тебя становится дѣятельностію, когда дѣло идетъ о спасеніи и посторонняго человѣка; здѣсь дѣло идетъ о спасеніи твоего друга. Не медли. Твой Воейковъ полусчастливый. 1814 Марта 30, с. Муратово“.—Этотъ іеромонахъ Филаретъ и много позднѣе пользовался большимъ значеніемъ. П. Б.

³⁾ Авдотья Николаевна Арбенева приходилась родной племянницею Екатеринѣ Аванасьевнѣ Протасовой: она была дочь ея сестры Натальи Аванасьевны Вельяминовой.

⁴⁾ Дружескія письма къ ней Жуковского и одно ея письмо къ Жуковскому напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1883 года, книга первая, стр. 308—319. Письма эти главнымъ образомъ касаются вопроса о предполагавшейся женитьбѣ Жуковского на М. А. Протасовой. (Много важныхъ свѣдѣній по тому же вопросу можно найти и въ письмахъ Жуковского къ роднымъ, напечатанныхъ покойнымъ его біографомъ К. К. Зейдлицемъ въ

суевѣріе? Я писалъ къ ней, просилъ ее все передѣлать въ мою пользу; она горячо вступилась за насъ обоихъ, и все пошло бы прекрасно, когда бы не замѣшался монахъ ⁵⁾). Онъ грозитъ гнѣвомъ Неба и испугалъ ее суевѣрнымъ страхомъ. Теперь видитъ она необходимость *все разрушить*, и вотъ что пишетъ къ своей сестрѣ ⁶⁾)—читай приложенное письмо. По счастью, ей самой сюда быть не можно. Екатерина (ина) Аван(асьевна) не поѣдетъ въ Москву. Я же написалъ къ Арбеновой такое письмо, которое если не обратитъ ее въ мою сторону, то по крайней мѣрѣ не дастъ ей намъ вредить. И такъ время выиграно. Но ты что можешь для меня сдѣлать? Не зная нисколько, до какой обширности простирается твое антифанатическое могущество, ничего не требую. Но вотъ мои мысли. Нельзя ли затаячить на нашу сторону Августина ⁷⁾) и заставить его внушить Филарету, чтобы онъ и поправилъ испорченное, и успокоилъ тотъ страхъ, который самъ произвелъ? Это было бы всего дѣйствительнѣе. Впрочемъ все оставляю на твою волю. Ты знаешь лучше. Мое счастье тебѣ дорого. Оно же для меня въ *одномъ*. Потеряю *это*, и все пропало. Можетъ быть, и Досиоей ⁸⁾) со временемъ намъ понадобится. Тогда тебѣ же дѣйствовать. Прости, безцѣнный братъ. Стихи, сочиненные на твой два стиха Итальянскіе ⁹⁾) написаны для тебя, и для нея ¹⁰⁾), для *двухъ нераздѣльныхъ въ моемъ сердцѣ*. Твоя бумажка будетъ всегда при мнѣ. Первый день счастья запишу на ней. Христосъ Воскресе!

Не худо ли я объяснился? Тебѣ надобно писать къ Августину, изобразить ему мои обстоятельства, требовать его участія, зацѣпить его самолюбіе и заставить его (не *самого*, ибо отъ этого все дѣло испортится), но чрезъ Филарета, дѣйствовать на умъ Арбеновой. Можешь ли это сдѣлать? Только будь остороженъ. Нельзя ли скрыть мое имя и имя Маши отъ Августина, а назвать въ письмѣ одну только Арбенову (Авдотья Николаевна)? Если это возможно, то пиши скорѣе. Не говорю: оставь свою лѣнь! Вѣдь дѣло идетъ о счастья жизни моей.

Еще одна важная замѣтка: въ письмѣ своемъ къ Августину говори съ нимъ искренно и проси его, чтобы онъ скрылъ свое посредство и чтобы строго приказалъ Филарету не открывать того, что онъ

„Русской Старинѣ“ за 1883 годъ). Въ бумагахъ Жуковского сохранилось его длинное посланіе къ А. Н. Арбеновой, относящееся къ 1812 году (см. Бумаги В. А. Жуковского, стр. 34—36, гдѣ напечатана вторая половина этого Послания), а также посланіе къ ея сыну, Сашѣ Арбенову, писанное 27 Января 1814 года (тамъ же, стр. 41).

⁵⁾ Иеромонахъ Московск. Новоспасскаго монастыря Филаретъ (см. приведенное въ прим. 2 письмо Всеякова).

⁶⁾ Марья Николаевна Свѣчиной. Письма А. Н. Арбеновой къ сестрѣ не оказались въ бумагахъ Жуковского.

⁷⁾ Августинъ (Виноградскаго, † 1819), епископа Дмитровскаго, управлявшаго Московскою митрополіею.

⁸⁾ Досиоей (Ильинъ), бывшій съ 1792 по 1817 годъ епископомъ Орловскимъ.

⁹⁾ См. въ письмѣ XLVI.

¹⁰⁾ Для М. А. Протасовой.

(Августинъ) въ это дѣло вмѣшался. Иначе все будетъ тщетно. А ко мнѣ тотчасъ пришли копію съ твоего письма къ Августину, дабы я здѣсь могъ согласно съ тобою дѣйствовать. Прошу тебя не медлить. Надобно это совершить, пока Арбенева въ Москвѣ. Боюсь, что она сюда взбѣденится ѣхать. Тогда бы не худо заставить Филарета къ ней написать. Иначе она все здѣсь испортитъ. Ея же письмо прошу тебя изорвать.

Посылаю переводъ элегіи Андрея Ивановича ¹⁾, сдѣланный Фрифомъ.

L.

16 Апрѣля (1814, Муратово).

Обнимаю тебя, милой другъ. Ты вѣрно уже получилъ мою палинодію, то-есть мое отреченіе на счетъ профессорства Воейкова ¹⁾. Онъ самъ виноватъ въ томъ, что я написалъ это письмецо, которое тебя привело въ сомнѣніе: онъ не объяснился со мною, а я видѣлъ и его, и свою выгоду въ неполученіи профессорства. Но ничто не испорчено, и онъ профессоръ, женится, счастливъ; а я пишу къ нему *посланіе о его счастіи* ²⁾, сидя у моря, дожидаясь погоды, видя полнеба моего закрытаго тучею и еще не зная, разойдется ли эта туча, или совсѣмъ покроетъ мое небо и грянетъ въ меня залпомъ своихъ перуновъ. Монахи, энтузіасты, самолюбіе сдѣлали противъ меня союзъ. Они уже добрались до моей Москвы и грозятъ ее выжечь, и пускай выжгутъ, лишь бы какой-нибудь Кутузовъ ихъ прогналъ и истребилъ. Мою Москву не трудно будетъ перестроить, и тогда уже басурманы не будутъ ей ужасны.

Дѣло пока не обо мнѣ, а объ Воейковѣ—тоже, что и обо мнѣ: теперъ наша съ нимъ судьба пока неразлучна; то, что сотворится съ нимъ, будетъ имѣть великое вліяніе и на меня. Ты же главная наша пружина. Онъ профессоръ. Чтобы все привести въ порядокъ, и *свое*, и *мое*, ему необходимо нужно остаться здѣсь до начала или половины Сентября. Другъ, какъ хочешь, выхлопochи ему отсрочку. Тутъ для тебя нѣтъ отговорокъ. *Сдѣлай*, во что бы то ни стало. Эти мѣсяцы самые рѣшительные для всей моей жизни. Брось свою лѣнь и употреби всю свою дѣятельность. Эта отсрочка нужна ему для приведенія своихъ дѣлъ въ порядокъ, для женитьбы, для меня,—и для меня болѣе, нежели для себя. Итакъ, чтобы былъ ему отпускъ непременно; увѣдомъ, что для этого надобно сдѣлать; какую бумагу написать и какъ написать—пришли образецъ. Однимъ словомъ, тотчасъ по полученіи этого письма начинай работать и присылай намъ отвѣтъ и полное наставленіе. Впрочемъ, если можно, то, по полученному тобою праву,

¹⁾ Вѣроятно переводъ известной элегіи Андрея Ивановича Тургенева: „Угрюмой осени жертвѣнная рука“.

*

¹⁾ См. въ письмѣ XLVIII-мъ. Отношенія къ Воейкову, женившемуся лѣтомъ этого года на Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, племянницѣ и крестницѣ Жуковского, изображаютъ вполне удивительную душу сего послѣдняго. П. В.

²⁾ Посланіе къ Воейкову по поводу предстоявшей женитьбы его на А. А. Протасовой до насъ не дошло.

пиши и подписывай все, что́ нужно будетъ подписать и представить. Онъ же даетъ тебѣ слово быть самымъ ревностнымъ профессоромъ.

Думаю, что на слѣдующей почтѣ пришло тебѣ свои переписанныя творенія. Прошу тебя съ компанією добрыхъ критиковъ—именно Уварова и Дашкова—переглядѣть ихъ и то, что́ нужно будетъ выбросить, выбросить безъ сожалѣнія. Пощадите только *Пиршество Александра*. Что́ ни бредитъ Воейковъ, а этотъ переводъ хорошъ.

Бутервека ³⁾ получилъ. Не знаю, но онъ мнѣ мало нравится. Онъ болѣе философъ, нежели поэтъ. Стихотворецъ дѣлаетъ изъ мыслей чувства и картины, а онъ изъ картинъ и чувствъ дѣлаетъ мысли. Въ слогѣ его нѣтъ той ясности, которая составляетъ главную прелесть всякаго слога. Въ нѣжныхъ его стихахъ видна страсть, воспитанница воображенія, не страсть сердца, которое одно истинно краснорѣчиво, одно даетъ жизнь выраженію, какъ бы оно просто ни было. Но это мнѣніе можетъ быть и не справедливо. Я читалъ бѣгомъ. Прочитавъ повнимательнѣе, можетъ быть, и перемѣню мысли.

Не забудь объ Астраковѣ. Сдѣлавъ ему помощь, окажешь мнѣ истинное одолженіе и оживишь бѣдную мать, которая только и думаетъ что о сынѣ.

Что́ же François? Мы не имѣемъ здѣсь никакого объ немъ извѣстія. Прости, другъ. Твой Жуковскій.

Я, можетъ быть, еще потребую отъ тебя важнаго одолженія. Можетъ быть, мнѣ нужно будетъ тебѣ рекомендовать Проташинскаго ⁴⁾, котораго, вѣроятно, и ты знаешь. Онъ служилъ и служить въ военной службѣ, раненъ подъ Бородинымъ, теперь въ Москвѣ, добивается отъ Растопчина мѣста, и все не добьется. Если будетъ нужно, не найдешь ли средства доставить ему при военномъ министрѣ или черезъ военнаго министра выгоднаго мѣста въ Петербургѣ, а пока онъ не будетъ его имѣть, позволить ему провести нѣсколько времени у тебя въ домѣ? Онъ ничего не имѣетъ, но онъ братъ М. ⁵⁾ Все это еще одно *можетъ быть*. Увѣдомь, какъ объ этомъ думаешь? Я отъ тебя многого требую; но отъ кого же и могу требовать *всего*, какъ не отъ тебя, которому и мое *все* отдамъ съ наслажденіемъ! Братъ, я теперь болѣе, нежели когда-нибудь, къ тебѣ привязанъ. Вижу и чувствую глубоко въ сердцѣ, какъ нѣжно ты меня любишь; а моя дружба къ тебѣ есть въ тоже время и благодарность. Въ разсвѣтѣ свѣта, на дорогѣ къ почестямъ ты обо мнѣ помнишь, и чѣмъ болѣе между нами разстоянія, времени и образа жизни, тѣмъ твое сердце ко мнѣ ближе. Какое сокровище на свѣтѣ замѣнить такую дружбу ⁶⁾?

---

³⁾ Какое-либо сочиненіе философа Фридриха Бутервека. О немъ см. выше, прим. 1-е къ письму XI-му.

⁴⁾ О немъ выше, прим. 9-е къ письму XIII-му.

⁵⁾ Т. е. Марья Андреевны Протасовой. О родственныхъ отношеніяхъ Проташинскаго къ семьѣ Протасовыхъ см. въ письмѣ А. Н. Арбеновой къ Жуковскому отъ 22 Марта 1814 („Русскій Архивъ“ 1883 года, кн. первая, стр. 317).

⁶⁾ Далѣе идетъ слѣдующая приписка А. Ѳ. Воейкова: „Опять просьба къ лѣтнвицу, объѣздалъ и волокитѣ Тургеневу! Но этотъ Тургеневъ общій другъ нашъ, нашъ поддѣ-

5 Мая (1814, Чернь).

Это письмо отправляется съ эстафетою. Надобно, чтобы ты. получилъ его и вѣрно, и скоро; и отвѣчать на него тотчасъ по полученіи. На многія писанныя мною и Воейковымъ къ тебѣ письма нѣтъ отвѣта. Или почта ползеть черепахою, или самъ Ариманъ, который присутствовалъ при моемъ рожденіи, крадетъ мои письма и ихъ къ тебѣ не допускаетъ.

Обнимаю тебя, другъ безцѣнный, за твое послѣднее письмо, отъ « > А(п)рѣля. Оно утѣшительно во всякое время, а теперь еще болѣе, когда хочется ухватиться и за соломенку, чтобы спасти счастье цѣлой жизни. Мои дѣла идутъ къ развязкѣ. Хорошей развязки не предвижу еще, но обманщица-надежда все еще меня не покидаетъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Арбенева, къ которой я писалъ и на которую такъ много надѣялся, все испортила. Она не отвѣчала ни на одно изъ моихъ писемъ, но мимо меня писала обо всемъ къ матери ²⁾. И самъ можешь вообразить, каково должно быть это письмо, которое диктовалъ суевѣрный монахъ. Мать имѣла со мною объясненіе, котораго результатъ есть тотъ, что она сказала мнѣ, что ей невозможно согласиться, потому что она видитъ тутъ беззаконіе. Я отвѣчалъ ей, что ничего подобнаго тутъ не вижу, что я не родня ей, потому что законъ, опредѣляющій родство, не далъ мнѣ имени ея брата, слѣдовательно всякое родство уничтожилъ между нами; я прибавилъ, что увѣренъ въ нашемъ счастьи, если бы она на него согласилась, но что готовъ отъ всего отказаться, если мое счастье не сдѣлаетъ ея счастьи или его разрушитъ. Теперь она со стороны моихъ намѣреній покойна, увѣрена въ моей готовности ей собою пожертвовать. Но еще не все пропало. Можетъ быть, найдется еще способъ переимѣнить ея образъ мнѣнія. Воейковъ еще съ нею не объяснился. Ив(анъ) Владимировичъ ³⁾ обѣщалъ писать и будетъ пи-

виченской; тотъ самый, который, дѣлая для министровъ, обманывая красавицу, позабывшая объядать отъ расвѣяности, ни разу еще не дѣлился для меня, ни разу не обманывалъ меня, ни разу не забывалъ объ моихъ дѣлахъ. Vale! Я остаюсь на розахъ и миртахъ. Воейковъ. *Въ 24 день счастья, мто первое*“.

*

¹⁾ О томъ, что 5 Мая 1814 года Жуковскій былъ въ Черни (имѣніи своего пріятеля А. А. Плещеева), см. „Русскую Старину“ 1883 года, т. XXXVII, стр. 437.

²⁾ Т. е. къ Е. А. Протасовой. Подробнѣе см. объ этомъ въ письмѣ Жуковского къ Авдотѣ Петровнѣ Кирѣевской (Елагиной), отъ 16 Апрѣля 1814 года (тамъ же, стр. 434—435). Эти письма къ ней Жуковского она только давала для прочтенія немногимъ лицамъ, въ томъ числѣ и К. Е. Зейдлицу, которому Жуковскій былъ благодѣтелемъ. Ихъ напечатали послѣ ея кончины, воспользовавшись старостью Зейдлица, люди чуждые Жуковскому и святой его памяти. П. Б.

³⁾ И мнѣніе И. В. Лопухина не оказало желательнаго дѣйствія на Е. А. Протасову. „Если мнѣніе Ивана Владимировича съ твоимъ согласно, говорила она Жуковскому, то это только переимѣнить мое объ немъ мнѣніе“ („Русск. Старина“ 1883 г., т. XXXVII, стр. 439).

8*

сать непременно. Здѣсь есть люди, которыхъ она уважаетъ и которые готовы съ нею говорить *за насъ*, именно баронесса Черкасова ⁴⁾). Она хочетъ ей присовѣтовать отдаться на судъ Орловскаго архіерея, Досіея. Согласится ли она на это, не знаю; но во всякомъ случаѣ надобно предупредить Досіея. Можешь ли это взять на себя? Если можешь, то пиши къ нему немедленно. Болѣе всего въ письмѣ своемъ утверждай, что между нами родства нѣтъ. Ты знаешь, въ чемъ состоитъ это родство: *я сынъ ея отца*. Скажи въ своемъ письмѣ, что ищешь его покровительства, еще не зная, будутъ ли ему объ насъ говорить, но что хочешь только предупредить его въ нашу пользу. Это письмо отправь къ нему немедленно. А другое къ нему же доставь ко мнѣ съ этою эстафетою. Въ этомъ—которое сберегу на всякой случай—скажи тоже и упомяни о первомъ письмѣ, къ нему объ томъ же предметѣ написанномъ. Не говори однако ни слова о подателѣ письма, потому что я не знаю, кто будетъ подателемъ. Это письмо оставлю у себя, и оно будетъ передано Досіею въ такомъ только случаѣ, когда согласятся съ нимъ совѣтоваться. Я теперь *скитаюсь*, какъ Каинъ съ кровавымъ знакомъ на лбу. 25 этого мѣсяца буду у Ив(ана) Владимировича, и онъ напишетъ письмо обо мнѣ къ Воейкову, который тотчасъ послѣ своей свадьбы, назначенной 2 Юля, начнетъ говорить. Дѣло не въ томъ, чтобы вырвать у нея согласіе. Въ добрую минуту она и можетъ согласиться. Но какое же выйдетъ слѣдствіе? Разстройство общаго спокойствія. Счастія, на такомъ хиломъ фундаментѣ основаннаго, желать не могу. Надобно убѣдить и разрушить предрассудокъ. Если ничто не удастся, то надобно будетъ отсюда бѣжать, и все, все для меня перемѣнится. На чтó рѣшусь, еще не знаю. Никакой планъ не представляется мнѣ, и ни къ какому не лежитъ сердце. Вѣдь это не будетъ *планъ счастія*, а только того, какъ бы дожить тѣ годы, которые еще остались на мой удѣлъ. Самая печальная перспектива! И самое лучшее изъ дурнаго была бы жизнь совершенно уединенная, уголокъ, въ которомъ бы я могъ работать только для того, чтобы работать. Другое ничто не можетъ быть для меня прилично. Служба есть тяжкое бремя. Петербургская и Московская жизнь меня пугаютъ. Не вижу ничего кромѣ убійственнаго разсѣянія, которое только что умерщвляетъ душу. Я представляю себѣ самый прекрасный образъ жизни, и то, чтó можетъ его для меня замѣнить, есть *совершенное уединеніе*, ограниченность необходимымъ и занятія, чтобы не имѣть скуки считать часовъ и минутъ. Подумай и объ этомъ. Если бы могъ я найти такое мѣстечко, гдѣ бы можно было прожить *двумя тысячами* въ годъ, читать, писать и утѣшать себя мыслію, что есть у меня добрый другъ, товарищъ мой душею, и въ прочемъ не имѣть никакихъ связей, никакой зависимости, то я бы ничего и не пожелалъ другаго. Въ своихъ четырехъ стѣнахъ былъ бы я *хотя покоенъ*, а перо бы меня не покинуло. Братъ, потерявъ то, чтó составляетъ главную прелесть жизни, нельзя ни въ чемъ искать прибѣжища, кромѣ одного себя; быть съ собою—этого довольно. Если бы я могъ въ

---

⁴⁾ Жена барона И. П. Черкасова (см. выше, письмо ХLI), баронесса Марья Алексѣевна Черкасова (ур. Кожина).

Петербургъ *жить для тебя*, то ни объ какомъ другомъ углѣ бы не подумалъ. Но жизнь Петербургская будетъ для меня убійственна. Мы будемъ далѣе другъ отъ друга, нежели здѣсь, и я лишусь главнаго своего прибѣжища—*занятія*. Ты велишь мнѣ писать. Нѣтъ, другъ! Теперь перо мое какъ будто въ параличѣ, и въ воображеніи моемъ большая засуха. Смотрю на всѣ прекрасные свои планы, какъ на развалины. Одно только счастье или совершенное уединеніе могутъ на этихъ планахъ что-нибудь построить. Смотря на прошедшую жизнь свою, говорю съ горемъ: я совсѣмъ не то, что бы могъ быть; смотря на будущую, долженъ сказать, что я *впрямую* ничего не буду. А какъ узнать, долго ли это ощутительное ничтожество продолжится, и скоро ли дойдешь до рубежа?

Полно выть! Поговоримъ объ Воейковѣ. Онъ отсюда уѣхалъ, и твое письмо его не застало. Я писалъ къ тебѣ объ томъ, чтобы выхлопотать ему отсрочку. Опять повторяю свою просьбу. Отсрочка до 1 Сентября ему необходима. Свадьба его назначена 2 Юля, и въ теченіе Августа онъ долженъ привести въ порядокъ и свои, и мои дѣла. Думаю, что не могутъ ему отказать въ этой отсрочкѣ: причина законная; а твое покровительство все сдѣлаетъ. Что же касается до обязательства на 6 лѣтъ, то ничего объ этомъ не могу сказать рѣшительнаго, ибо его мнѣнія не знаю. Но вотъ мое мнѣніе: постараться избѣгнуть отъ этого обязательства. По всему оно для него крайне невыгодно. Нельзя ли просить министра, чтобы отъ него уволить, представивъ ему, что такого обязательства человѣку, имѣющему семью и дѣла собственныя, взять на себя невозможно и что никто, вступая въ службу, не даетъ такихъ обязательствъ; что профессоръ не можетъ дѣлать контрактовъ съ тѣмъ мѣстомъ, въ которое вступаетъ, и что эта неволя не предписана никакимъ уставомъ. Ты же знаешь, что такое обязательство *для него* крайне невыгодно; прибавлю: и для меня. Но *мое* должно рѣшиться прежде, и во всякомъ случаѣ это профессорство много мнѣ вреда сдѣлаетъ. Но объ этомъ нечего и говорить. Для меня вѣрное на семь свѣтъ одно: *твоя дружба и ся любовь*. Прочее оставимъ Провидѣнію.

Прилагаю при семъ копію съ билета, даннаго мнѣ изъ главной квартиры. Выхлопочи форменное увольненіе. Билетъ засвидѣтельствуй самъ. Также выхлопочи и послужной списокъ, котораго форму здѣсь прилагаю. Вопросъ: я былъ въ строевой службѣ, нашъ полкъ, первой пѣхотный, былъ подъ Бородинымъ; имѣю ли право носить медаль? Обо всемъ этомъ увѣдомъ.

Récapitulation ⁵⁾).

1. Написать письмо къ Досиею и тотчасъ отправить, а объ отправленіи увѣдомить эстафетою.
2. Написать другое письмо къ Досиею и доставить ко мнѣ.
3. Увѣдомить, писалъ ли къ Августину.
4. Увѣдомить о дѣлѣ Воейкова. Дастся ли ему отпускъ, и можно ли будетъ избавиться отъ 6-лѣтняго заточенія?

⁵⁾ Т. е. повтореніе.

5. Увѣдомить, отправлено ли повелѣніе къ Тамбовскому губернатору о перемѣщеніи Fгапсоіс и что сдѣлать можно въ пользу Астракова?

6. Увѣдомить, возмѣшься ли продать мои сочиненія, которыя со всѣмъ приготовлены для печати, можешь ли скоро это сдѣлать и взять деньги, ибо онѣ мнѣ нужны, и возмется ли Дашковъ держать корректуру и проч.?

7. Увольненіе. Послужной списокъ и пр.

На эти семь пунктовъ отвѣтить и потомъ исполнить прошу тебя немедленно и прислать обратно отвѣтъ съ эстафетою. А письмо адресовать, дабы оно не попало къ кому не надобно, изволь на имя Александра Алексѣевича Плещеева ⁴⁾ въ Болховъ, вложивъ въ его пакетъ другой. И всѣ другія письма адресуй на его же имя: это скорѣе и вѣрнѣе. Также и всѣ письма къ Воейкову.

III.

(Во второй половинѣ Мая 1814, Чернь).

Я получилъ твое милое письмо, безцѣнный другъ. Оно утѣшить всякое горе. Имѣть такого человѣка, какъ ты, своимъ другомъ есть богатство, неотъемлемое никакою судьбою. Одна только просьба: не упреди! ¹⁾ Спѣшу отвѣчать тебѣ въ немногихъ словахъ. Ты вѣрно уже получилъ мое письмо, посланное съ эстафетою, въ которомъ прошу о письмѣ къ Досиѣею. И теперь повторяю ту же просьбу. Но не знаю, будетъ ли какая-нибудь польза, захотятъ ли съ нимъ совѣтоваться и примутъ ли его совѣтъ. Не одинъ фанатизмъ противъ меня вооружается. Есть много нечувствительности и упрямства. Если нельзя дойти до сердца, то рассудокъ убѣдить трудно; а при слабомъ, нерѣшительномъ характерѣ едва ли и возможно ²⁾. Я самъ съ твоимъ мнѣніемъ согласенъ: монаховъ вводить въ это дѣло опасно. Но если уже нельзя будетъ избѣжать отъ нихъ, то хотя приготовленныхъ монаховъ, а не простыхъ, покрытыхъ непроницаемою рясою, заставить дѣйствовать. Итакъ пиши къ Досиѣею. Напиши объ немъ и къ Ивану Владимировичу, который твое письмо подкрѣпитъ въ случаѣ нужды своимъ. Августина оставь въ покоѣ. Арбенева свое сдѣлала: написала письмо къ матери и много испортила. Теперь вся надежда на Воейкова и, если захотятъ *совѣтоваться*, на Досиѣея. Но я не думаю, чтобы это возможно было устроить. Въ Юлѣ Воейкова свадьба. Въ Сентябрѣ или Октябрѣ поѣдутъ въ Дерптъ. Когда жъ къ Досиѣею въ Сѣвскъ? Мы разстанемся,—и всему конецъ. Особливо, если нельзя будетъ избавиться отъ 6-лѣтней обязанности. Но почему бы нельзя? Одни

---

⁴⁾ Объ Александрѣ Алексѣевичѣ Плещеевѣ (р. около 1775 † 1827), двоюродномъ братѣ Марьи Андреевны Протасовой, находившемся въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Жуковскому, см. въ Сочин. К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 751—752.

*

¹⁾ См. послѣднія слова въ стихотвореніи, которое помѣщено въ началѣ письма отъ 26 Марта 1814 года.

²⁾ Слова эти относятся къ Екатеринѣ Аванасьевнѣ Протасовой. П. Б.

воспитанные на казенный коштъ принимаютъ такую обязанность. Воейковъ дворянинъ. Неужели университетъ можетъ уничтожить право дворянства, дающее полную свободу входить въ службу и выходить изъ нея, *какъ захочешь?* Развѣ не могутъ случиться такія обстоятельства по дѣламъ его, которыя необходимо потребуютъ отставки? Какъ поручиться за себя за шесть лѣтъ? Похлопочи ради Бога, чтобы этого не было.

Ты велишь мнѣ писать. Другъ безцѣнный, душа воспламеняется при всемъ великомъ, что происходитъ у насъ передъ глазами. Сердце жметъ отъ восторга при воспоминаніи о нашемъ Государѣ и той божественной роли, которую онъ играетъ теперь въ виду цѣлаго свѣта. Никогда Россія не была столь высоко возведена. Какое восхитительное величіе! Но какъ нарочно теперь и засуха въ воображеніи. Мысли пробуждаются въ головѣ; но, взявшись за перо, чувствую, что въ немъ параличъ, и остается только жалѣть о самомъ себѣ. Не умѣю тебѣ описать своего положенія. Это не горе—нѣтъ! и горе есть жизнь;—а какая-то мертвая сухость. Все кажется пустымъ, а жизнь всего пустѣе. Такое состояніе хуже смерти, и развѣ одно только Наполеоново можетъ быть еще его хуже. Мнѣ пришла однако прекрасная мысль, но эта мысль мечта. Я воображаю, что ты можешь сюда пріѣхать къ свадьбѣ Воейкова (2 Іюля). Но можетъ ли это сбыться? Въ теперешнихъ обстоятельствахъ ты долженъ быть *на виду*. Я о себѣ теперь не думаю, и на что думать? Пускай все случится само собой. Для будущаго плановъ нѣтъ. Будущее само покажетъ, чему быть должно. Мое дѣло предать себя съ совершеннымъ равнодушіемъ бѣгущему потоку. Иногда (то-есть всегда) досадно, что это(тъ) потокъ такъ медлителенъ. Перечитай мое посланіе къ тебѣ: теперь болѣе, нежели когда-нибудь, оно выражаетъ мое состояніе.

О! Бѣдень, кто себя переживетъ *)

Не упрекай меня, братъ! При всемъ этомъ мысль о тебѣ есть лучшее мое услажденіе.

О, что бы ни было, я знаю,

Гдѣ мнѣ прибѣжище обрѣсть †)

Прошу только тебя за меня думать, за меня дѣлать планы для будущаго. Мое дѣло быть покорнымъ.

Сажусь писать нѣкоторыя нужныя примѣчанія къ моимъ сочиненіямъ, чтобы послѣ тебѣ ихъ доставить. Самъ размысли, какъ съ ними поступить, продать ли, напечатать ли на свой коштъ. Знай только то, что у меня нѣтъ денегъ и что единственный доходъ, какой я теперь имѣю въ виду, есть ихъ продажа.

Не забудь объ Астраковѣ. Успѣхъ его дѣла весьма у меня на сердцѣ.

---

*) Стихъ изъ Посланія къ А. И. Тургеневу, начинающагося словами: „Другъ, отчего печаленъ голосъ твой?“ и относящагося къ 1813 году.

†) См. въ стихотвореніи, находящемся въ письмѣ отъ 26 Марта 1814 года.

Письма ко мнѣ и къ Воейкову адресуй въ Болховъ на имя Александра Алексѣевича Плещеева. Это необходимо нужно для того, чтобы они не могли попасть въ заповѣданныя руки.

Я, однако, не смотря на свой параличъ, подумываю иногда о посланіи къ нашему Марку-Аврелію ⁵⁾. Какой прелестный характеръ! И какія страницы для исторіи 1814 годъ приготовилъ! О, милая Русь! Какъ душа возвышается при имени Русскаго! И какъ не обожать того, кто насъ такъ возвеличилъ! Братъ, братъ! Если бы счастье, чтобъ бы я написалъ! Но какъ же велѣтъ душѣ летать, когда она вязнетъ въ тинѣ? Поэзія есть счастье, то-есть тишина души, надежда въ будущемъ, наслажденіе въ настоящемъ. Какъ имѣть стихотворныя мысли, когда все это погребло? Стихотворная мысль тоже, чтобъ день весенній: онъ радуется одну только живую душу, для которой въ жизни есть прелесть.

Что въ оны дни будило радость въ насъ,
То въ насъ теперь унылость пробуждаетъ ⁶⁾.

Прости, безцѣнный другъ! Думай за меня о моемъ настоящемъ и будущемъ.

Я сказалъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, что профессорство Воейкова мнѣ повредитъ. Нѣтъ, это вздоръ! И самъ не понимаю, почему это сказалъ. Смотри, и ты не вооружись противъ профессорства. Если кто можетъ мнѣ сдѣлать добро, такъ конечно Воейковъ.

Отвѣчай скорѣе на это письмо.

ЛІІІ.

6 Іюня 1814 (Чернь).

Я получилъ твое письмо и благодарю тебя душевно за то утѣшеніе, которое ты имѣ мнѣ сдѣлать. Мнѣ никакъ не должно жаловаться на судьбу. Я много и точно безцѣнныхъ благъ имѣю. И то, чего лишаясь, не должно дѣлать меня нечувствительнымъ къ тѣмъ сокровищамъ, которыя у меня есть. Буду писать къ тебѣ объ этомъ много. Теперь нѣтъ времени. Теперь пишу къ тебѣ для того единственно, чтобы тебя заставить поскорѣе переслать приложенное письмо по адресу. Очень много обяжешь меня, если безъ замедленія исполнишь мою просьбу. Еще прошу вывести меня изъ безпокойства: что значить предполагаемая тобою поѣздка на Волгу и на *долое время*? Что значить возвращеніе Николая ¹⁾? О чемъ говоришь въ заключеніи твоего письма, и что *миновало* тебя? Все это меня очень тревожитъ.

---

¹⁾ Императору Александру I.

²⁾ Стихи вьятъ изъ Посланія къ А. И. Тургеневу, начинающагося словами: „Другъ, отчего печаленъ голосъ твой?“

*

³⁾ Вѣроятно возвращеніе Н. И. Тургенева изъ Германіи, куда онъ поѣхалъ въ концѣ 1812 или началѣ 1813 года, сопровождая знаменитаго барона Штейна, такъ много послужившаго возрожденію Пруссіи (см. „Русск. Архивъ“ 1871 года, ст. 1963, біографич. очеркъ Н. И. Тургенева, составленный Д. Н. Свербеевымъ).

*

Объяснись, другъ. За что же я одинъ свои бѣды на тебя налагаю, а твоихъ мнѣ и частицы нѣтъ!

Франсуа здѣсь. Но ты не на всѣ запросные пункты мнѣ отвѣчаешь. Объ Астраковѣ я еще ничего отъ тебя не имѣю; а много, много бы ты меня обязалъ, когда бы о переведеніи его похлопоталъ. Мнѣ очень хочется оказать услугу его доброй матери. Прости, милой другъ.

Воейковъ еще не возвращался. Жду его всякой день.

Твой Жуковскій.

Если у тебя есть сколько-нибудь моихъ денегъ за «Пѣвца», пришли: я совсѣмъ обѣднѣлъ.

LIV.

1814, 21 Іюня (Муратово).

Милой другъ, обнимаю тебя и спѣшу дать тебѣ нѣсколько препорученій, о которыхъ ты вѣрно позабудешь. Сначала побранимся: я просилъ тебя нѣсколько разъ объ Астраковѣ; для меня очень важно сдѣлать услугу его матери, которую мать моя очень любила и которая все полагаетъ счастье въ своемъ сынѣ. Неужели тебѣ лѣнь объ немъ подумать? Другъ милой, утѣшь меня, похлопочи объ немъ. Теперь еще двѣ просьбы. Одна объ общемъ нашемъ благодѣтелѣ Антонскомъ. Онъ просилъ меня убѣдить тебя выходить ему мѣсто директора Лицея ¹⁾. Можешь ли? По крайней мѣрѣ сдѣлай, что можешь. Какъ же не весело намъ объ немъ заботиться? Я всегда храню къ нему въ сердцѣ благодарное уваженіе. Другая просьба о Плещеевыхъ ²⁾. Здѣсь есть плѣнный докторъ Форъ, котораго они очень бы желали оставить у себя ³⁾. Есть ли средство, и если есть, то какое? Увѣдомь объ этомъ обстоятельно и поскорѣе. Наконецъ послѣднее. Кавелинъ писалъ ко мнѣ о Никольскомъ, который торгуетъ мои стихи для своего изданія ⁴⁾. Извини меня передъ нимъ и поблагодари за честь. На его же-

¹⁾ А. А. Прокоповичъ-Антонскій хлопоталъ черезъ Жуковского и Тургенева о мѣстѣ директора Царскосельскаго Лицея; но министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій находилъ, что Московск. Университ. Благородный Пансіонъ погибнетъ безъ Прокоповича-Антонскаго, съ чѣмъ вполне соглашался и Жуковскій (см. письма Жуковского къ Прокоповичу-Антонскому, отъ 20 Мая и 18 Іюля 1815 года, въ „Русск. Архивъ“ 1883 I, 325—326). Мѣсто директора въ Лицеѣ занялъ Е. А. Энгельгардтъ.

²⁾ Александръ Алексѣевичъ и его супругъ Аннѣ Ивановнѣ, урожд. графинѣ Чернышовой.

³⁾ Докторъ Форъ, взятый въ плѣнъ подъ Малымъ Ярославцемъ, жилъ у Плещеевыхъ въ ихъ имѣніи Черни. Онъ лѣчилъ въ 1813 году М. А. Протасову во время ея болѣзни (см. „Русск. Старину“ 1883 года, т. XXXVII, стр. 199). Въ бумагахъ Жуковского сохранилось („Бумаги В. А. Жуковского“, стр. 40) неизданное посланіе Жуковского къ Фору, относящееся къ 1813 году, которое мы помѣщаемъ вслѣдъ за настоящимъ письмомъ.

⁴⁾ Павелъ Александровичъ Никольскій (р. 1791 † 1816), лицо мало извѣстное въ литературѣ, предпринялъ въ 1814—1815 г.г. изданіе „Пантеона Русской поэзіи“, котораго вышло 6 частей, заключающихъ въ себѣ собраніе лучшихъ Русскихъ стихотвореній во

ланіе согласиться не могу, потому что самъ хочу скоро выдавать все свое вмѣстѣ; тотъ же отвѣтъ и отъ Воейкова. О себѣ не пишу ни слова, а буду писать много. Мнѣ надобно раздѣлить съ тобою всѣ свои чувства. Увѣренъ, что ты будешь и ободрителемъ моимъ, и во всемъ со мною согласишься. Твое одобрение есть мое верховное судилище.

Скоро у васъ въ Петербургѣ (будеть?) и мой, и твой знакомецъ: милой, прелестный человекъ—Протасовъ, сынъ Павла Ивановича ⁵⁾. Поручаю его твоей дружбѣ. Онъ стоитъ ея. Онъ меня любитъ. Я буду писать объ немъ много. Онъ будетъ искать службы. Ты долженъ быть ему въ этомъ случаѣ самымъ ревностнымъ помощникомъ.

Пришли мнѣ новое сочинение Уварова ⁶⁾.

Прости, милой, безцѣнный другъ. Отъ всего сердца твой Жуковский.

Почтовый штемпель на письмѣ: Болховъ.

Къ доктору Фору.

Смыль Эскулапа, Фебовъ внукъ,
По платью врагъ *), по сердцу другъ,
Тебѣ нескладными стихами
Я долженъ то изобразить,
Что ты умѣлъ въ насъ поселить
Пилюлями, и порошками,
И хиной, и Исландскимъ мхомъ,
И добрымъ сердцемъ, и умомъ.
Сперва судьбѣ благодаренье,
За то, что въ области зимы
Ты отъ простудныхъ чумы
Столь чудное пріялъ спасенье.
Мой другъ, ея незримый перстъ
Тебя черезъ столько сотенъ верстъ
Межъ ратниками, кавказами,
Сперва въ Рязань, потомъ въ Орель,
Потомъ и къ дружбѣ въ Чернь привелъ,
Потомъ и познакомилъ съ нами.
Могу сказать тебѣ въ стихахъ,
Что даръ приятнымъ быть имѣешь,
Что сердцемъ добръ, какъ на словахъ,
И притворяться не умѣешь;
Что къ шахматамъ имѣешь страсть,
Хотя играешь очень худо;

всѣхъ родахъ. О литературной дѣятельности Никольскаго см. замѣтку В. И. Саятова въ Сочиненіяхъ К. Н. Ватушкова, т. II, стр. 542—544.

⁵⁾ Александръ Павловичъ, скончавшійся въ Москвѣ въ 50-хъ годахъ сенаторомъ. Его отецъ Павелъ Ивановичъ былъ родной братъ мужа Екатерины Аванасьевны, Андрея Ивановича Протасова. П. В.

⁶⁾ Вѣроятно сочинение С. С. Уварова „L'Empereur Alexandre et Buonaparte“, вышедшее въ 1814 году.

*

^{*)} Вѣроя тно Форъ носилъ Французское военное платье.

1

Что для тебя совѣтъ не чудо,
Зажмурясь, въ шаръ шаромъ попастьъ;
Что пишешь умные отвѣты,
И что всегда твои портреты
Похожи, только не на тѣхъ,
Кто былъ твоимъ оригиналомъ;
Что ты съ друзьями любишь смѣхъ
И не боишься за бокаломъ
Предъ ними сердце разстегнуть;
Что, выбравъ въ свѣтъ вѣрный путь,
Идешь за счастьемъ осторожно
И, чтобъ себя не обмануть,
Судьбу о томъ, что невозможно,
Пренебрегаешь умолять;
Готовъ назначенное брать,
Къ отъятому жъ храня презрѣнье,
Благословляешь Провидѣнье!..
И прочее... Въ стихахъ писать
Объ этомъ я—хоть и безъ склада—
Согласенъ: Муза будетъ рада!
Но какъ могу изобразить
Души разстроганныя чувство,
Смотри, какъ дружбу и искусство
Слѣпишь на благо посвятить
Тѣхъ, кто и жизни мнѣ милѣе?
Здѣсь чувство языка сильнѣе,
И сердце не находитъ словъ!
Для той печали нѣтъ стиховъ,
Въ которой вяну я душою,
Смотри, какъ страждутъ предо мною
Всѣ тѣ, кѣмъ мой украшенъ свѣтъ!
И въ часъ, когда безъ утѣшенья,
Бессильный зритель ихъ мученья,
Творю напрасный я обѣтъ,
Чтобъ Провидѣнье пріяло
Въ залогъ всю жизнь мою за нихъ,
Иль мнѣ какъ милость ниспослало
И скорби, и недуги ихъ;
Когда я бытиемъ случая,
И радъ бы нать его порвать,
И дни грядущаго считаю,
Страшася смертью опоздать...:
Какъ выразить то восхищенье,
Когда, воскреснувшей душой,
Внимаю сладку вѣсть: *спасенье*,
Намъ приносимую тобой;
Когда однимъ небеснымъ словомъ—
О, слова радости нѣтъ!—
Мнѣ жизнь даешь и вялый свѣтъ
Являешь мнѣ во цвѣтѣ новомъ?
О, сколь ничтоженъ здѣсь поэтъ
Съ своими бѣдными стихами!
Мой другъ, бросаю лиру въ прахъ!
Сравнится ль что въ моихъ стихахъ
Съ вѣжнѣйшей матери слезами?

(Въ Сентябрѣ 1814, Долбино).

Братъ, ты жестоко меня показываешь. Сколько времени уже не имѣю отъ тебя слуху! Неужели Петербургскіе праздники ¹⁾ заставили тебя забыть своего Бѣлевскаго бѣднаго поэта? Я самъ давно не писалъ тебѣ; но ты могъ догадаться, что мои обстоятельства не давали мнѣ рукъ. Душа, право, всегда близко тебя, а теперь и гораздо ближе прежняго. Мнѣ о многомъ, многомъ надобно говорить съ тобою, и многое тебя изумить. Но радостнаго ничего не жди; можетъ-быть, за то иное и восхитить твою душу; а иное и очень, очень сожметъ. Все это загадка; я тебѣ ее разгадаю. Только ты откликнись, другъ, товарищъ, всегда вѣрной и неизмѣнной сердцемъ, каковы бы ни были обстоятельства. Не обо всѣхъ это сказать можно. Не обо всѣхъ! О немногихъ, очень немногихъ. Такъ и быть! А все, какъ бы ни больно было, лучше быть добрымъ на худой дорогѣ, нежели дурнымъ на гладкой.

Полно теперь! Мое письмо похоже на крошево, въ которомъ ничего не разберешь. Да я и не хочу, чтобы ты что-нибудь разобралъ. Готовлю къ тебѣ большую реляцію, и самую подробную, и скоро. Теперь опять комиссія. Здѣсь есть Минина, бывшая Михель. Ей хочется помѣстить сына въ Лицей. Узнай, когда пріемъ, какія кондиціи, и увѣдомь немедленно, чтобы она успѣла нынѣшнею зимою съѣздить въ Петербургъ для отдачи. Я, можетъ-быть, ее тебѣ рекомандую, и ты за нее похлопочи. Да чтó же (ни) слуху о посланныхъ мною къ тебѣ пятидесяти рублѣхъ? Будутъ ли Греческія книги ²⁾?

Мои стихи все еще къ тебѣ не посланы. И новаго ничего нѣтъ. До сихъ поръ геій, душа, сердце, все, все было въ грязи. Я не умѣю тебѣ описать того низкаго ничтожества, въ которомъ я барахтался. Благодаря одному ангелу ³⁾ — на чтó тебѣ его называть? ты его имя угадаешь — я опять поднимаюсь, смотрю на жизнь другими глазами; хотя ничто не удалось и надежда на все, чтó радовало, пропала, но этотъ ангель мнѣ остался, и я еще *радуюсь* жизнию. Теперь слава мнѣ *драгоценна*. Братъ! Твоя дружба, любовь нѣкоторыхъ *добрыхъ*, чистая, не униженная ничѣмъ презрѣннымъ слава и этотъ ангель, который смотреть на мою жизнь, какъ на свое благо..... Еще жить можно!

Und ein Gott ist's, Der der Berge Spitzen
Röthet mit Blitzen! ⁴⁾

Видѣлъ ли ты Протасова, сдружился ли съ нимъ, полюбилъ ли его? Вамъ надобно непременно любить другъ друга. Обними его за меня. Буду писать къ нему много. Скажи, чтобы прислалъ адресъ. Черезъ тебя нельзя: или забудешь письмо отдать, или потеряешь, такъ, какъ забылъ совсѣмъ объ Астраковѣ.

¹⁾ Празднества по случаю возвращенія въ Россію побѣдоноснаго ея Государя.

²⁾ Письмо Жуковскаго, въ которомъ онъ послалъ 50 рублей и просилъ присылки Греческихъ книгъ (для доктора Фора, о чемъ см. ниже, въ письмахъ LVII и LVIII), до насъ не дошло.

³⁾ М. А. Протасовой.

⁴⁾ Т. е. И есть Богъ, который вершины горъ облагаетъ молніями.

Батюшковъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ, то ужъ и даль о себѣ знать ⁵⁾. Письмо о Муравьевѣ ⁶⁾ прекрасное; но зачѣмъ же онъ меня бранить ⁷⁾? Не я ли къ нему писалъ, чтобы у Ивана Матвѣевича ⁸⁾ выпросить мнѣ подробности жизни Муравьева? Не я ли послалъ ему переписанный экземпляръ стиховъ Муравьева, и не я ли на все это не получилъ никакого отвѣта? Обними его за меня. Благодареніе Музамъ, которыя сохранили своего любезнѣйшаго друга! Его Скандинавской замогъ прелестень ⁹⁾. Онъ поджигаетъ меня на поэму. Эта мысль уже давно въ головѣ моей; теперь будетъ зрѣть и созрѣетъ. Вы *часто будете обо мнѣ слышать. Между нами:* я хочу писать Посланіе къ Государю. Принято ли это будетъ и не поздно ли? Оно давно было бы и написано; но..... Музѣ надобенъ покой! А у меня его не было.

Правда ли, что Влудовъ возвратился? ¹⁰⁾ Если правда, напомни ему обо мнѣ. Скажи ему, что я тотъ же — лѣнтяй писать, но другъ ему *по смерти* или лучше *на жизнь и смерть*. Обнимаю тебя.

Нѣтъ ли у тебя какихъ-нибудь пособій для «Владимира»? Древностей, которыя бы дали понятія о томъ вѣкѣ, старинныхъ Русскихъ повѣстей? Посоветуйся объ этомъ съ Дашковымъ и С(ергѣемъ) Семёновичемъ ¹¹⁾. Кавелина обнимаю.

LVI.

20 Октября (1814, Бѣлевъ) ¹²⁾.

Нѣтъ, другъ милой и *братъ*, это большое письмо не написано, и не лѣнь помѣшала его написать, и я радъ, что его не написалъ, по-

---

⁵⁾ К. Н. Батюшковъ, послѣ кампаніи 1813 и 1814 годовъ, вернулся въ Петербургъ въ началѣ Іюля 1814 года (см. Сочиненія Батюшкова, т. III, стр. 284 и 711).

⁶⁾ Письмо къ И. М. Муравьеву-Апостолу о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева, изданныхъ по его кончинѣ, было напечатано въ „Сынѣ Отечества“ 1814 года, № XXXV, отъ 27-го Августа.

⁷⁾ За медленность въ работахъ по приготовленію къ печати сочиненій М. Н. Муравьева, не вошедшихъ въ изданіе 1810 года. Этими дѣломъ, по предложенію вдовы М. Н. Муравьева, Екатерины Феодоровны Муравьевой, Жуковский занимался давно. Еще въ Апрѣлѣ 1812 года К. Н. Батюшковъ пенялъ ему за его медленность (Соч. Батюшкова, т. III, стр. 179). Напоминанія Батюшкова Жуковскому продолжались въ 1814 и 1815 гг., причемъ Батюшковъ одобрялъ составленный Жуковскимъ планъ изданія (тамъ же, стр. 304—306, 316, 346, 357—358). Въ концѣ концовъ, занятый другими дѣлами, Жуковский отказался отъ участія въ этомъ предпріятіи (Соч. Батюшкова, т. II, стр. 422).

⁸⁾ У Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола (р. 1768 † 1851), свидѣнія о дѣятельности котораго см. въ Соч. Батюшкова, т. II, стр. 411—417.

⁹⁾ Элегія Батюшкова „На развалинахъ замка въ Швеціи“.

¹⁰⁾ Д. Н. Влудовъ, состоявшій съ 1812 года совѣтникомъ нашей миссіи въ Стокгольмѣ, вернулся въ Петербургъ вмѣстѣ съ К. П. Батюшковымъ въ началѣ Іюля 1814 года (см. Соч. Батюшкова, т. III, стр. 303).

¹¹⁾ Уваровымъ.

*

¹²⁾ О томъ, что еще 17-го Октября 1814 г. Жуковский былъ въ Бѣлевѣ, см. „Бумаги В. А. Жуковского“, стр. 151. 20, 21 и 22-го Октября онъ провелъ у баронессы Черкасовой (т. е. въ Володьковѣ).

тому что въ немъ было бы много несправедливаго, внушеннаго огорченіемъ; а то, что и было бы справедливо, должно быть предано забвенію и исправлено. Я думаю, черезъ часъ послѣ моего послѣдняго письма къ тебѣ обстоятельства перемѣнились. Не радуйся! Того, что надобно, что одно было бы для меня счастіемъ, нѣтъ и, вѣроятно, не будетъ. По крайней мѣрѣ и жестокаго *розно* также не будетъ ²⁾. Фанатизмъ, присоединенный къ слабому, нерѣшительному характеру, непобѣдимъ. На него ни рассудокъ, ни сожалѣніе, ничто дѣйствовать не могутъ. Нѣтъ довольно твердости, чтобы на что-нибудь рѣшиться, чтобы остаться при томъ, на что рѣшился. Вся твердость въ этомъ дьявольскомъ суетвѣрїи, которое ненавижу отъ всего сердца. Ахъ, святая религія, святое понятіе о Богѣ, какъ васъ искажаютъ! Но такъ и быть! Будущее впереди, въ рукѣ твердой; мое дѣло дойти до него хорошею дорогою. Мы вмѣстѣ—это много, это все. Не думаю однако, чтобы было полное спокойствіе, полное счастье: все это зависитъ не отъ насъ! Но надобно сколько можно беречь это сокровище, трудиться, помнить предположенную цѣль, радоваться, что есть дружба, которая меня утѣшаетъ; словомъ, писать и жить, какъ пишешь. Стоитъ своего счастья, и оно будетъ наше. Развѣ мало—быть добрымъ, быть любимымъ такимъ сердцемъ, какаго нѣтъ другаго, быть другомъ твоимъ, быть поэтомъ и писать не для низкаго всеобщаго одобренія, а для семейства прекрасныхъ людей, съ которыми породнишься посредствомъ высокихъ, неложныхъ и хорошо выраженныхъ чувствъ, которыя, можетъ-быть, останутся и для потомства? Слава, истинная слава! А для меня она выше, нежели для другихъ. Искать, а значить любить самое прелестное твореніе, въ лучшія, совершеннѣйшія минуты жизни быть къ ней ближе. Братъ, еще можно быть счастливымъ на свѣтѣ! Кто можетъ писать и говорить мыслями сердцу, да притомъ не слишкомъ самолюбивъ, чтобы въ одномъ только успѣхѣ видѣть свою награду, тотъ живи и радуйся жизнию. Письмо мое похоже нѣсколько на диѳирамбъ; но ты поймешь меня. Теперь я совершенно одинъ. Мои *всѣ* развѣхались, кто въ Москву, кто въ Тамбовъ и тому подобное. Но я никогда не былъ такъ веселъ. Всѣ минуты *мои*. Сочиняю планъ будущаго, и планы не химерическіе, а такіе, которые можно и должно исполнить. Пишу стихи безъ памяти ³⁾, и когда все то напишется, что я предположилъ написать въ это время, то будетъ къ тебѣ отправлено вмѣстѣ съ старымъ для напечатанія. Хочу приниматься за Посланіе къ Государю; планъ сдѣланъ, кажется, хорошо, а это для меня всего важнѣе. Онъ *написанъ* ⁴⁾, слѣдовательно не могу бояться, чтобы мысли, записанныя въ минуту горячую, пропали изъ головы въ минуту холодную. Мнѣ ве-

---

²⁾ Жуковскій получилъ отъ Е. А. Протасовой разрѣшеніе ѣхать вмѣстѣ съ ея семьей въ Дерптъ.

³⁾ Въ бумагахъ Жуковскаго сохранился перечень стихотвореній, написанныхъ имъ въ теченіе Октября, Ноября и Декабря 1814 года (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго“, стр. 151—152).

⁴⁾ Этотъ планъ сохранился въ бумагахъ Жуковскаго (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго“, стр. 155).

село было писать этотъ планъ и, признаюсь, много общаю себѣ наслажденія отъ самого сочиненія. Никакой поэтъ не можетъ похвалиться, чтобы имѣлъ подобный этому предметъ. При имени Государя сердце распаляетъ воображеніе. Кто подумаетъ о лести! Россія должна благодарить его за тотъ великій характеръ, который онъ къ славы ея явилъ въ такихъ рѣшительныхъ для нея обстоятельствахъ и, благодаря этому характеру, Россія теперь славнѣе, нежели когда-нибудь. Но это все найдешь въ моемъ Посланіи. Только уговоръ, чтобы *никто не зналъ* объ этомъ. Какъ скоро узнаютъ, то это обратится въ тяжкую обязанность, и принужденность будетъ охлажденіемъ воображенія. Я всегда замѣчалъ, что именно того я не дѣлалъ, что долженъ или принужденъ былъ сдѣлать. Итакъ молчи и не убей моего Посланія, рассказавъ о немъ, прежде нежели оно родилось. А пророс. У меня бродитъ въ головѣ мысль, что если бъ 25-го Декабря было бы для насъ тоже, что для Англичанъ день святой Сесиліи, чтобы непременно каждый годъ была сочинена ода на этотъ день и положена на музыку? Почему не быть у насъ Дрейденамъ, Пѣпамъ и Конгревамъ? ⁵⁾ А какой сюжетъ! Но только, чтобы это было установленіе, утвержденное Государемъ. Оно перейдетъ къ потомству. Молитвы своимъ чередомъ, а стихи своимъ.

Попробуй пульсъ у Батюшкова, въ полномъ ли онъ здравіи обрѣтается? Вѣдь это сумасшествіе! Прислать ко мнѣ свою книжку ⁷⁾ и не написать ко мнѣ ни слова. Грѣхъ и стыдъ! Онъ напрасно журить меня за Муравьева. Поправленный списокъ его стиховъ отданъ былъ, если не ошибаюсь, въ Москвѣ ему или по почтѣ ему же доставленъ. Бѣда бы не велика, но вотъ что больше бѣды: я потерялъ поправки, и надобно снова приниматься за эту работу. Напомни ему, что я долженъ былъ писать жизнь Муравьева, что для этого надобно было мнѣ имѣть свѣдѣнія о его обстоятельствахъ, что этихъ свѣдѣній нельзя почерпнуть изъ тѣхъ бумагъ его, которыя у меня, что я просилъ его же, попенку-пельму... ⁸⁾, мнѣ эти свѣдѣнія доставить! Бумаги всѣ цѣлы; успокой на счетъ ихъ Екатерину Ѳедоровну ⁹⁾. Теперь мнѣ предстоитъ поѣздка въ Дерптъ. Я переселяюсь туда съ Воейковымъ. Вѣроятно, что это случится зимою, и *первая* работа мнѣ въ Дерптѣ будетъ изданіе стиховъ Муравьева съ приобщеніемъ къ нимъ его жизни. Приготовьте къ этому времени всѣ нужные матеріалы: то-есть хотя ты возмись стучать Батюшкову въ голову и кричать этому кур-

⁵⁾ Известные Англійскіе поэты: Джонъ Дрейденъ (Dryden, р. 1631 † 1700), Александръ Попъ (Pope, р. 1688 † 1744) и Вильямъ Конгревъ (р. 1670 † 1729). Изъ Дрейдена Жуковскій перевелъ „Пиршество Александра“ (иначе называемое Одою въ честь св. Сесиліи).

⁷⁾ Вѣроятно, принадлежавшую ему книжку сочиненій М. Н. Муравьева.

⁸⁾ Одно слово выпущено.—, Батюшкова—пишетъ кн. П. А. Вяземскій—между собою, мы прозвали *попенку*, потому что въ лицѣ его, а особенно въ носу, было что-то птичье. Поэтому и Воейковъ въ „Домѣ сумасшедшихъ“ посадилъ его въ клетку“ (см. „Русск. Архивъ“ 1866 года, ст. 490).

⁹⁾ Муравьеву, вдову Михаила Никитича Муравьева.

гузому скомороху, чтобы онъ доставилъ мнѣ эти матеріалы. Впрочемъ и на тебя плоха надежда: что ни поручи тебѣ, все проспишь. Какой отвѣтъ сдѣлалъ ты мнѣ о Лицеѣ ¹⁰⁾? Есть ли какойнибудь слухъ объ Астраговѣ? Человѣкъ ты Божій!

Обними за меня Блудова. Отъ него нѣтъ ни слова, но я самъ виноватъ: самъ не писалъ къ нему ни разу. Но что, если онъ это молчаніе назоветъ моею переменною къ нему въ дружбѣ? Нѣтъ, не назоветъ! Тогда и мнѣ дастъ онъ право тоже объ немъ подумать. Прошу тебя, вымоли у него ко мнѣ строчку. Онъ все въ долгу у меня. Я писалъ къ нему въ твоёмъ письмѣ, а онъ и тебѣ ничего мнѣ сказать не велитъ. Это грустно и больно. Неужели мы можемъ другъ для друга перемениться, не говорю уже разстаться? Его дружба не только нужна мнѣ для меня, но и для моей Музы. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ одобреніе цѣню весьма высоко. Растолкай ради Бога его дурацкую лѣнь.

Прости. А пророс, вчера родилась у меня еще баллада-приемышь, то-есть переводъ съ Англійскаго ¹¹⁾. Ужъ то-то черти, то-то гробы! Но это послѣдняя въ этомъ родѣ. Не думай, чтобы я на однихъ только чертяхъ хотѣлъ ѣхать въ потомство. Нѣтъ! Я знаю, что они собьютъ на дорогѣ, а, признаюсь, хочу, чтобы они меня конвоировали.

То, что ты пишешь о братьяхъ, меня радуетъ: славные ребята! На дѣтей нашего старика Тургенева Богъ поглядѣлъ въ милостивую минуту: сердца и головы прекрасныя. И все это *мои*. Любо! Прощай. Передъ Сергѣемъ Семеновичемъ ¹²⁾ я виноватъ, и онъ, видно, рѣшилъ меня отбросить въ толпу шалуновъ. Я съ нимъ поступилъ какъ съ тобою, то-есть отложилъ ему отвѣчать на его письмо, а что отложишь, того не сдѣлаешь. Вотъ и по сію пору я къ нему не написалъ. За то и нѣтъ у меня ни похвальнаго слова Морб ¹³⁾, ни сочиненія его о Государѣ ¹⁴⁾. Я постараюсь загладить свою вину передъ нимъ. Объ Голицыной ¹⁵⁾ не могу подумать безъ содроганія. Выдумай какое-ни-

---

¹⁰⁾ Т. е. на счетъ желанія А. А. Прокоповича-Антонскаго получить мѣсто директора Лицея или на счетъ помѣщенія сына Мининой въ Лицей.

¹¹⁾ Баллада „Старушка“, позднѣе озаглавленная такъ: „Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди, (Подражаніе Саути)“. Эту балладу Жуковский написалъ въ четыре дня (14, 15, 17 и 19 Октября 1814 года) (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго“, стр. 151).

¹²⁾ Уваровымъ.

¹³⁾ Брошюра „Éloge funèbre de Moreau“ вышла въ Петербургѣ въ 1813 году. Морб—извѣстный Французскій генералъ, въ 1813 году вызванный Императоромъ Александромъ изъ Северо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ онъ проживалъ съ 1805 года. Онъ участвовалъ въ совѣтахъ о направленіи военныхъ дѣйствій союзниковъ противъ Наполеона. Тяжело, раненый въ сраженіи подъ Дрезденомъ, онъ умеръ 20 Августа 1814.

¹⁴⁾ См. выше, прим. 6-е въ письму LIV-му.

¹⁵⁾ Вѣроятно княгиня А. И. Голицына продолжала переписку съ Жуковскимъ о своихъ предположеніяхъ включить крестъ въ Русскій государственный гербъ (см. выше, письма XLIV и XLV).

будь средство, чтобы меня вывести изъ дураковъ, изъ этой бездны, въ которую я самъ добровольно залѣзъ и гдѣ сижу какъ какой-нибудь хозяинъ.

Что мой Протасовъ? Пожури его. Видно онъ не умѣетъ помнить посреди шумнаго свѣта тѣхъ, кого любилъ въ уединеніи. А у насъ съ нимъ не одна причина любить другъ друга. Я его обнимаю.

Жуковский.

LVII.

1814 Ноября 8 (Долбино).

Ты вѣрно думаешь, что у меня все готово, а я еще не написалъ ни одного стиха изъ моего Посланія; ты же объ немъ успѣлъ растробить. Хорошъ ты! Но такъ и быть. Пишу теперь для того, что передъ началомъ всякаго добраго дѣла нужно поговорить съ милымъ человѣкомъ, чтобы доброе было прямо добрымъ. Благослови, братъ! Завтра начну прибывать свое имя къ памятнику Александра ¹⁾. Не знаю, удастся ли. Не думай однако, чтобы лѣнь меня до сихъ поръ удерживала. Нѣтъ, я написалъ много, и никогда такъ много не писалъ. Хотѣлось кончить многое мелкое, чтобы приняться безъ всякой заботы за одно большое. Но шутя-шутя написалъ пять балладъ ²⁾, да еще три въ головѣ ³⁾, которыя пойдутъ рядомъ съ Посланіемъ. Но прошу только не разслаблять моихъ подвиговъ. Съ тобою не боюсь быть синицею, но съ другими это не весело. Скажи мнѣ, когда поспѣетъ *нашъ* памятникъ ⁴⁾? Нельзя ли прислать ко мнѣ рисунка? Два ли будетъ камня, или одинъ для двухъ? Я желалъ бы весь геній, какой во мнѣ есть, посадить въ одну надпись и боюсь не то написать, что хочется. Но прежде непременно мнѣ надобно имѣть описаніе памятника.

Видаешь ли ты Свинына Павла ⁵⁾? Поблагодари и обними его

---

¹⁾ Посланіе къ Императору Александру написано съ 14 по 23 Ноября 1814 года (см. „Бумаги В. А. Жуковского“, стр. 151).

²⁾ Старушка (написана 14, 15, 17 и 19 Октября), Варвикъ (съ 24 по 27 Октября), Алина и Альсимъ (съ 28 по 30 Октября), Эльвина и Эдвинъ (тогда же) и Ахиллъ съ 1 по 3 Ноября 1814 г.) см. „Бумаги В. А. Жуковского“, стр. 151.

³⁾ Эолова арфа (написана 9 и 13 Ноября), Искупленіе (позднѣе озаглавл.: Вадимъ) (съ 17 по 23 Ноября и съ 1 по 11 Декабря) и Теонъ и Эскинъ (съ 1 по 11 Декабря) См. тамъ же.

⁴⁾ Несомнѣнно рѣчь идетъ о памятникѣ надъ могилами Ивана Петровича и Андрея Ивановича Тургеневыхъ. Эпитафію Жуковский сообщилъ А. И. Тургеневу лишь черезъ три года, именно 1 Января 1819 года. Эта надгробная надпись печатается въ Сочиненіяхъ Жуковского ошибочно подъ 1807 годомъ (см. Сочин. Жуковского, изд. 8-е, т. I, стр. 89).

⁵⁾ Павелъ Петровичъ Свинынъ (р. 1787 † 1839), впоследствии известный издатель „Отечественныхъ Записокъ“, былъ тоже воспитанникъ Московск. Университ. Благородн. Пансіона. Увлеченный страстью къ живописи, онъ нѣкоторое время былъ въ Академіи Художествъ. Съ 1808 по 1813 годъ онъ состоялъ при нашемъ посольствѣ въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, и въ 1813 году имѣлъ порученіе препроводить оттуда известнаго генерала Моръ въ главную квартиру Русской арміи (см. некрологъ Свинына въ „Сынъ Отечества“ 1839 года, т. IX, отд. IV, стр. 78—80).

за меня за доставленную имъ мнѣ книгу ⁶⁾ черезъ Андрея Ѳедоровича Сухотина. Онъ очень одолжилъ меня тѣмъ, что обо мнѣ вспомнилъ; попроси, чтобы онъ доставилъ мнѣ то, что написалъ о Морб. Говорятъ, что онъ сдѣлался славнымъ живописцемъ. Вивать, наши пансіонеры! Посмотри, если не они положатъ печать на вѣкъ Александровъ!

Пишу къ тебѣ немного. Я въ стихахъ по уши. Губаревъ ⁷⁾ взялся мнѣ все переписать такъ, какъ должно для печати. Много найдешь новаго въ этомъ экземплярѣ. Не хочу ничего посылать въ журналы, дабы сберечь что-нибудь новое для изданія; да и Никольскій нѣсколько меня пугаетъ ⁸⁾. А браниться съ ними нельзя: я самъ имъ подалъ примѣръ ⁹⁾. Скажи мнѣ, что профессорство Воейкова? Что Блудовъ? Напишетъ ли онъ ко мнѣ? Что Батюшковъ? Напишетъ ли онъ ко мнѣ? Что Форовы Греческія книги? Вспомнишь ли ты когда-нибудь объ нихъ и познакомишься ли хотя на минуту со стыдомъ? Прости Жуковскій.

Нѣтъ ли въ Петербургѣ сочиненій Шиллера, вышедшихъ послѣ его смерти? Я желалъ бы имѣть ихъ.

LVIII.

1 Декабря (1814, Долбино).

Ты ждешь отъ меня плана моего Посланія къ Государю, а я посылаю тебѣ его совсѣмъ написанное. Первое условіе: прочитать вмѣстѣ съ Батюшковымъ, съ Блудовымъ, съ Уваровымъ и, если онъ состоитъ на лицо, съ Дашковымъ. Что найдете необходимымъ поправить—поправляйте ¹⁾; на меня въ этомъ случаѣ уже не надѣйтесь. Лучше написать новое, нежели поправлять. Пока пишу, по тѣхъ поръ мараю, сколько душѣ угодно, и *могу* марать; написалъ—всему конецъ! Если вздумается поправить, то для одной только порчи. Сюжетъ мой такъ великъ, что мнѣ надобно было держать себя въ уздѣ, чтобы не слыш-

⁶⁾ Вѣроятно, за напечатанное въ 1814 году въ Петербургѣ сочиненіе Свиньина: „Взглядъ на республику Соединенныхъ Штатовъ Американскихъ областей“.

⁷⁾ Какъ кажется, тоже бывший сверстникомъ Жуковскаго и Тургенева по Благородному Пансіону (см. ниже, приписку Губарева къ письму Жуковскаго подъ № LVIII). Объ этомъ Губаревъ Жуковскій упоминаетъ въ концѣ своего Посланія къ А. А. Плещеву отъ 14 Октября 1814 года (см. Сочин. Жуковскаго, изд. 8-е. т. I, стр. 429).

⁸⁾ Пантеономъ Русской поэзіи (см. выше, прим. 4-е къ письму LIV-му).

⁹⁾ Жуковскій припоминаетъ свое „Собраніе Русскихъ стихотвореній“.

*

¹⁾ „Jo, triumphe! писалъ по поводу Посланія С. С. Уваровъ Жуковскому 20 Декабря 1814 года. Прекрасно! Прекрасно! Чувства возвышенныя, мысли глубокия и сильныя, похвала благородная и смѣлая, языкъ поэта. Еще разъ: прекрасно!... Мы читали ваше Посланіе съ предубѣжденіемъ, но вмѣстѣ и съ разборчивостью дружбы, и кромѣ малаго числа словъ и двухъ или трехъ незначущихъ стиховъ, мы все одобрили. Мы съ Тургеневымъ подумаемъ о лучшемъ способѣ представить ваше прекрасное произведеніе Государынѣ Императрицѣ“ („Русскій Архивъ“, 1871 г. ст. 0163). К. Н. Батюшковъ свои замѣчанія на Посланіе сообщилъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу (см. Соч. Батюшкова т. III, стр. 299—302, гдѣ письмо ошибочно приурочено къ Октябрю-Ноябрю 1814 года: оно должно быть отнесено къ срединѣ Декабря того же года).

комъ расплодиться и излишнимъ богатствомъ отдѣльныхъ частей не ухлопать цѣлаго. Не знаю, удалось ли. Мнѣ нравится, другимъ нравится; но надобно, чтобы вамъ, священный мой ареопагъ, противъ котораго нѣтъ апелляцій, понравилось! Если скажете: хорошо! то мое мѣсто въ храмъ безсмертія свято. Скажите же ради Бога: хорошо! но только не для того, чтобы меня по губамъ помазать, а положивъ руку на сердце, какъ друзья, какъ мои заботливые квартиреры на походѣ къ славѣ. Судьбу этого Посланія предаю въ руки твои, Тургеневъ. Ты долженъ его переписать и доставить къ Государынѣ Императрицѣ²⁾ и, если можно, скорѣе. Прошу цензуровать со всевозможною строгостію приложенное письмо, переписать его, подписать за меня и подать. Признаюсь, я боюсь, чтобы не вздумалось меня за это Посланіе подарить чѣмъ-нибудь. Старайся, чтобы этого не было. Пошлины съ любви и съ выраженія любви къ нашему славному Царю собирать не должно. Я много писалъ съ восхищеніемъ, и за это счастливое чувство нечѣмъ награждать. Я такъ этого боюсь, что даже намекнулъ объ этомъ и въ своемъ посвященіи³⁾, но прилично ли? Суди самъ и сдѣлай, какъ посудишь. Изданіе поручаю тебѣ. Надобно, чтобы форматъ былъ такой, чтобы не пужно было *ломать строки*: ломанныя строки гадки и слишкомъ пестры⁴⁾. Прошу, чтобы этого никакъ не было. Если можно, уговорить бы друга Михаила Дмитриевича⁵⁾ позаботиться о корректурѣ: никто не можетъ имѣть такой точности, какъ онъ. Попроси его объ этомъ отъ меня. Не худо бы было и виньетку⁶⁾; объ этомъ лучше всего попросить Свинына: для стараго сотоварища онъ не полѣнится черкнуть раза три своею волшебною кистию. Вотъ, кажется, все, что касается до Посланія.

Прошедшіе Октябрь и Ноябрь были весьма плодородны. Я написалъ пропасть стиховъ; написалъ ихъ столько, сколько силы стихотворныя могутъ вынести. Всегда такъ писать невозможно: ухлопаешь себя по пустому. А почти такъ всегда писать можно и должно. Жизнь мнѣ измѣняется; уцѣпилъ за безсмертіе! Я объ немъ думаю, какъ о любовницѣ; быть стихотворцемъ во всемъ смыслѣ этого слова—прекрасная мысль! Можетъ быть, и гордая мысль! Но развѣ надобно имѣть передъ собою цѣль низкую? Писать такъ, чтобы говорить сердцу и возвышать его; а между тѣмъ, пока живешь, жить, думать, чувствовать и пр., какъ пишешь. Сверхъ того имѣть друзей—друзей твоей славы, друзей твоихъ чувствъ и мыслей, и съ ними еще *кого-нибудь*. Жаль, что тебя нѣтъ въ эту минуту подлѣ меня! Какъ бы было весело пожать тебѣ руку! И всякой разъ сердце сожмется, когда вспо-

---

²⁾ Вдовствующей Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

³⁾ „Не лезть приводить теперь стихотворца къ Престолу,—говорится въ посвященіи Государынѣ,—не бѣдная надежда заслужить награду по славное имя Русскаго, но честь быть однимъ изъ тѣхъ счастливецевъ, которые клялись въ вѣрности Великому Челоуѣку, за котораго жизнь отдать есть наслажденіе“.

⁴⁾ Посланіе было напечатано, по желанію Жуковскаго, въ 4-ю долю листа.

⁵⁾ Костогорова.

⁶⁾ Изданіе вышло безъ виньетокъ.

нишь, что лучшаго нашего товарища ?) во всемъ прекрасномъ нѣтъ и никогда не будетъ.

Что бы тебѣ сказать однимъ словомъ о всѣхъ моихъ подѣлкахъ, кромѣ этого Посланія? Переведены четыре баллады ⁸⁾, да двѣ сочинены ⁹⁾, да еще три посланія къ Вяземскому, не считая всякаго рода мелкой дряннн, и годной, и негодной. Все это доставлено будетъ къ тебѣ вмѣстѣ съ прочимъ, переписанное и совсѣмъ готовое для печати. Какъ печатать, объ этомъ дано будетъ письменное подробное наставленіе. Поправокъ отъ меня не требовать. Дается вамъ право выбрасывать все, что найдете негоднымъ. Корректуру же надобно непременно поручить Михаилу Дмитріевичу. Если онъ за нее не возьмется, то хоть бы и не печатать. Какъ думаешь лучше выдавать? На подписку или такъ? Подписка, вѣроятно, была бы весьма благодѣтельна для моего кармана, который пусть, да и пусть такъ, что ужъ ничто съ его пустою сравняться не можетъ. Но объ этомъ послѣ. Вѣроятно, мой манускриптъ будетъ у тебя въ рукахъ черезъ мѣсяць. Вы между тѣмъ подумайте вмѣстѣ о моихъ финансахъ. Перепишется скоро. За это взялся нашъ пріятель Губаревъ, котораго рукою переписано и Посланіе къ Царю. А прогос: придумайте вмѣстѣ и титуль, если тотъ, который данъ мною ему, вамъ не понравится. А я теперь принимаюся за новый подвигъ. Пѣвецъ во Станѣ, предсказавшій побѣды, долженъ ихъ воспѣть; и гдѣ же лучше, какъ не на Кремлевскихъ развалинахъ, посреди народа, пришедшаго благодарить Творца побѣдъ, на тоже самое мѣсто, гдѣ Онъ въ первый разъ грянулъ на нашихъ новыхъ Ордынцевъ. Итакъ жди новаго Пѣвца; мѣсто Кремль; слушатели граждане Москвы; время — день Рождества Христова, день, посвященный торжеству побѣды единственной. Жди, молчи и вѣрь. Планъ сдѣланъ; начало сдѣлано, все скоро поспѣеть. Не знаю только, будетъ ли въ твоихъ рукахъ къ 25. А хорошо бы ¹⁰⁾! Пришлю съ эстафетою. Только ради Бога не разглашай. Это будетъ убійствомъ.

Очень желаю, чтобы мое Посланіе вамъ понравилось. Новыя баллады, кажется, не хуже первыхъ, и двѣ только въ *страшномъ родѣ* ¹¹⁾. Чтобы былъ полный комплектъ, осталось написать еще одну, необходимую, продолженіе 12 Спящихъ Дѣвъ; она уже и начата ¹²⁾. Только теперь надобно заняться однимъ Пѣвцомъ. Есть и еще нѣсколько плановъ. Все это должно поспѣть въ Декабрѣ.

7) Андрея Ивановича Тургенева.

8) Старушка, Варвикъ, Алина и Альсимъ, Эльвина и Эдвинъ.

9) Ахиллъ и Золова арба.

10) Наброски мыслей для „Пѣвца въ Кремлѣ“ сохранились въ бумагахъ Жуковскаго (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго“, стр. 155). Началъ писать „Пѣвца“ Жуковскій съ 1 Декабря (см. тамъ же, стр. 151). Къ 22 Декабря онъ не дошелъ и до половины „Пѣвца“ (тамъ же, стр. 155). Оконченъ же былъ „Пѣвецъ въ Кремлѣ“ лишь въ 1816 году, въ Дерптѣ.

11) Старушка и Варвикъ.

12) Искупленіе (позднѣйшее заглавіе: Вадимъ); начато это произведеніе 17 Ноября (см. выше, прим. 3-е къ письму LVII-му).

Вѣроятно, что въ концѣ Декабря я приближусь къ тебѣ на нѣскольکو сотъ верстъ. Вмѣстѣ съ нами ѣду въ Дерптъ. О Воейковѣ переговоримъ, когда увидимся. Отъ Дерптской жизни не жду ни счастья, ни покоя. Надобно имѣть подлѣ себя другіе характеры, чтобы имѣть и то, и другое. Но все замѣнится милымъ *вмѣстѣ*. Такъ и быть! Но знаешь ли, что въ головѣ моей бродитъ новая химера? Что-то похожее на надежду. Вотъ что я здѣсь слышалъ. Государыня М(арія) Θεод(оровна) знаетъ обо *всемъ*, но, кажется, знаетъ не такъ, какъ должно. Она думаетъ, что М.¹³⁾ моя сестра. Если она бы знала настоящее положеніе вещей, то, вѣроятно, такъ же, какъ и я и ты, считала бы возможнымъ *всѣ*. Это одна только тѣнь надежды. Подумай самъ и сообщи мнѣ свои мысли; тогда поговоримъ обо *всемъ* пространнѣе. Ты занимаешь такое мѣсто¹⁴⁾, которое даетъ тебѣ доступъ къ ушесамъ священнѣхъ нашихъ законодателей Церкви. Эти двѣ силы, Тронъ и Синодъ, могли бы побѣдить предрасудокъ. Подумай и напиши ко мнѣ. А я тебѣ доставлю всѣ нужныя подробности. Чтобы заставить тебя дѣйствовать, не нужно, кажется, представлять твоему воображенію то счастье, какимъ бы твой товарищъ наслаждался въ жизни. Другаго нѣтъ! А въ этомъ счастьи все—пѣзніа, слава, жизнь. На Воейкова полагаться нечего: онъ не имѣетъ характера. Я очень хорошо могу жить съ *нами вмѣстѣ*, но ждать отъ него нечего. Это между нами.

Вотъ тебѣ еще просьба. Если можно, исполни ее. Мнѣ очень было бы весело сдѣлать пособіе этой доброй женщины, которая была дружна съ моею матерью¹⁵⁾. Изъ приложенной записки узнаешь, объ чемъ дѣло. Тутъ же и записка о ея сынѣ, объ которомъ я просилъ тебя уже нѣсколько разъ. Будучи членомъ Патриотическаго Общества, тебѣ, вѣроятно, будетъ легко что-нибудь выхлопотать на ея просьбу. Постарайся.

Греческихъ книгъ¹⁶⁾ ожидаю, и давно ожидаю. Хорошо бы ты сдѣлалъ, когда бы выпросилъ у Сергѣя Семеновича обѣщанныя имъ мнѣ Англійскія книги; и еще попросилъ бы у него (если есть у него) *Thalaba the Destroyer by Southey* и *Arthur or the Northern Enchantment by Hoole*¹⁷⁾. Все это могло бы мнѣ пригодиться для моего

---

¹³⁾ М. А. Протасова.

¹⁴⁾ А. И. Тургеневъ, занимая должность директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, находился подъ начальствомъ „друга царева“ князя Александра Николаевича Голицына, который одновременно былъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

¹⁵⁾ Дѣло шло о назначеніи г-жѣ Астраковой денежнаго пособія. „Г-жѣ Астраковой еще 4 Сентября назначено 125 рублей“, сообщалъ Жуковскому И. И. Дмитриевъ (въ письмѣ безъ даты, но, очевидно, относящемся къ концу 1814 года) См. „Русск. Архивъ“ 1871 года, стр. 423.

¹⁶⁾ Для доктора Фора. (См. ниже въ этомъ же письмѣ и выше, въ концѣ письма LVII).

¹⁷⁾ Произведеніе Роберта Саути (р. 1774†1843) „*Thalaba*“ вышло въ Лондонѣ, въ 1803 году. Авторомъ „*Arthur*“ былъ не Hoole, а Ричардъ Нолъ; это стихотворное произведеніе напечатано въ Лондонѣ, въ 1789 году. „Надѣясь на будущее съ вами свиданіе, писалъ

«Владимира», который крѣпко гнѣздится въ моей головѣ. О, если бы милой покой,—какъ бы все шло прекрасно! Послѣдніе дни мѣсяца провелъ я почти одинъ, и каждая минута была моею; я точно спѣшилъ писать, какъ будто бы кто-нибудь говорилъ мнѣ, что это послѣдній срокъ, что въ будущемъ все пойдетъ хуже и хуже и что мой стихотворной гений напалунѣ паралича. Дай Богъ, чтобы предчувствіе обмануло. Теперь по крайней мѣрѣ знаю, что слѣдъ мой не совсѣмъ погибнетъ. Но такой ли падобно по себѣ оставить!

Батюшкова обнимаю за его милое письмо ¹⁸⁾, на которое буду отвѣчать много на слѣдующей почтѣ. Влудова обнимаю за его молчаніе: безбожникъ! Я просилъ Кавелина о Гаспаріи и Чайковскомъ. Напомни ему объ этомъ и обо мнѣ. Хотя бы онъ что-нибудь отвѣчалъ, дабы я имъ могъ какой-нибудь отвѣтъ сдѣлать. Прости, отвѣчай скорѣе.

Боюсь, не надѣлалъ ли ты проказъ съ своимъ Нѣмецкимъ Грекусомъ? Книги Греческія, выписываемыя мною, не для меня, а для Француза, не знающаго ни по-нѣмецки, ни по-русски. На что онѣ будутъ годны, если онѣ для Русскаго и для Нѣмца?

Вотъ и подпись, съ которой можешь списать, дабы за меня подписаться подъ письмомъ къ Государынѣ: Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанный Василій Жуковскій.

Надобно будетъ, я думаю, сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія къ Посланію ¹⁹⁾. Постарайся объ этомъ. Мнѣ некогда; спѣшу посылать ²⁰⁾.

LIX.

(Въ первыхъ числахъ Января 1815, Долбино).

Приложенное письмо отдай Уварову. Писать некогда. Опоздалъ отъ того, что вздумалъ вамъ отвѣчать стихами. Прошу ихъ не критиковать, потому что они написаны нынче по утру, какъ письмо на почту. Они принадлежатъ Ареопагу ¹⁾. Къ тебѣ, Влудову и Батюшкову буду писать особенно Письма ваши всѣ получилъ. Они придали мнѣ жизни. Славно имѣть такихъ товарищей. Жуковскій.

Жуковскому С. С. Уваровъ 20 Декабря 1814 г., нынѣ книгъ вамъ не посылаю. Southey's Thalaba у меня нѣтъ; но я его читалъ, и онъ очень посредственный поэтъ, или лучше сказать, совсѣмъ не поэтъ. Теперь у Англичанъ ихъ только два: Walter Scott и Lord Byron. Послѣдній превышаетъ, можетъ быть, перваго“ („Русск. Архивъ“ 1871 г., ст. 0163).

¹⁸⁾ Вѣроятно, за письмо отъ 3 Ноября (напеч. въ Соч. Батюшкова, т. III стр. 302—306).

¹⁹⁾ Въ посланіи къ Императору Александру нѣтъ примѣчаній.

²⁰⁾ Затѣмъ идетъ приписка Губарева, слѣдующаго содержания: „Позвольте вамъ, почтенной Александръ Ивановичъ, напомнить о Губаревѣ, который хотя давно не имѣетъ удовольствія васъ видѣть, но все помнитъ старинную молодость лѣтъ нашихъ. Какъ-то у васъ въ Петербургѣ понравится Посланіе къ достойнѣйшему изъ царей, а мы здѣсь очень имъ восхищаемся; я для васъ его спѣшилъ переписывать, зная, какъ вы любите хорошее, слѣдовательно и Жуковскаго“.

²¹⁾ Въ письмѣ идетъ рѣчь о стихотвореніи Жуковскаго „Ареопагу“, написанномъ по поводу замѣчаній, сдѣланныхъ К. Н. Батюшковымъ на „Посланіе къ Императору Александру“ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, пересланномъ послѣднимъ Жуковскому. Въ

Мой милой другъ, я не скоро отвѣчаю тебѣ на твое послѣднее письмо, въ которомъ описываешь чтеніе моего Посланія ¹⁾. Причина тому та, что я получилъ его, садясь въ кибитку и на отъѣздѣ въ Москву. Теперь пишу изъ священной нашей столицы, покрытой прахомъ славы, въ которую вѣхалъ я съ гордостію Русскаго и съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, мнѣ одному принадлежащимъ, какъ пѣвцу ея величія. Благодарю тебя. Послѣ послѣдняго твоего письма еще не имѣю ни строки, а ожидаю. Здѣсь пробуду еще двѣ недѣли, а много-много три; потомъ въ Дерптъ, но въ Дерптъ черезъ Петербургъ. Воейковъ и его семья ѣдутъ прежде и, можетъ-быть, заѣдутъ въ Петербургъ. Если заѣдутъ, то ты ихъ увидишь и увидишь мое *все*. Теперь я не могу тебѣ писать много; не могу писать ни къ Блудову, ни къ Уварову, ни къ Гнѣдичу — нѣтъ возможности. До слѣдующей почты. Жду рескрипта ²⁾ и счастливъ тѣмъ, что мое Посланіе, плодъ искренней любви къ нашему доброму Царю, не лести, не корысти, не честолюбія, понравилось его Матери. Болѣе ничего не желаю, и ты самъ знаешь, лучше меня, что долженъ меня избавить отъ всякой *другой* награды, которая была бы униженіемъ того чувства, съ какимъ писано мое Посланіе. Ни о чемъ такъ тебя не прошу, какъ объ этомъ. Для меня сладко было воображать тебя, моего брата, читающаго мое Посланіе. Что вы придумали съ Уваровымъ? Никакъ не могу угадать, но вѣрю, что вами придуманное лучше все(го), что бы я самъ на вашемъ мѣстѣ могъ бы придумать ³⁾. Карамзинъ и Дмитріевъ здѣсь многое въ Посланіи критикують, и въ нѣкоторомъ я съ ними согласенъ, въ иномъ упрямясь. Проѣздомъ въ Дерптъ заверну въ Петербургъ, и нельзя иначе. Но безъ всякихъ видовъ, а единственно только для того, чтобы увидѣть *своихъ* и изъявить благодарность Государынѣ.

Въ иныхъ отношеніяхъ я счастливъ: имѣю такихъ друзей, какихъ никто не имѣетъ, и любятъ они болѣе, нежели стою. Скажи Блудову и Батюшкову, что люблю ихъ болѣе, нежели когда-нибудь, и что не лѣнь, точно не лѣнь, а множество разныхъ причинъ постороннихъ

виду того, что предложенныя Жуковскимъ въ стихотвореніи „Ареопагу“ поправки вошли въ печатное изданіе „Посланія“, пропущенное цензурою къ печати 15-го Января 1815 года, настоящее письмо (а слѣдовательно и стихотвореніе „Ареопагу“) должно быть отнесено къ самымъ первымъ числамъ Января 1815 года.

*

¹⁾ Это письмо Тургенева, отъ 1-го Января 1815 г., въ которомъ онъ описывалъ чтеніе имъ у Императрицы Маріи Феодоровны „Посланія къ Императору Александру“, напеч. въ „Русск. Архивѣ“ 1864 г., ст. 448—452.

²⁾ Отъ Императрицы Маріи Феодоровны, о чемъ сообщалъ Жуковскому Тургеневъ въ своемъ письмѣ.

³⁾ „Государыня. . . требовала отъ Уварова и меня, писалъ Жуковскому Тургеневъ, чтобы мы сказали ей, что можно для тебя сдѣлать. . . Мы рѣшились подумать о томъ отвѣтѣ, который должны дать ей на счетъ твой, и уже придумали“ („Русск. Архивъ“ 1864 г., ст. 451).

воспрепятствовало мнѣ имъ до сихъ поръ отвѣчать. Жду этой *свободной* минуты, какъ наслажденія или, лучше сказать, какъ награды. Еще разъ: я здѣсь пробуду не далѣе какъ до 6 — 10 Февраля. Потомъ, можетъ-быть, и въ Питеръ. Итакъ, по полученіи этого письма, не пиши ни ты, ни Батюшковъ ко мнѣ. Блудову не даю этого совѣта: онъ и безъ того ко мнѣ писать не будетъ; но онъ у меня въ душѣ, — доброй, вѣрной товарищъ на всю жизнь. Право, не могу объ вась думать, друзья, безъ благодарности къ Провидѣнію. О себѣ буду писать на просторѣ. Теперь некогда. Вы должны уже были получить мои поправки ⁴⁾. Хорошо бы вы сдѣлали, когда бы поправили и мое посвященіе Государынѣ; оно длинно, многословно и слишкомъ фамиллярно; особливо не слѣдовало бы говорить о подаркѣ. Это значить объ немъ напоминать; а я подарка боюсь, какъ огня. Твое дѣло меня избавить отъ него. Стихъ:

Слѣзавшихъ раздробить еще пріютъ свободы

поправить бы такъ:

Слѣзавшихъ истребить еще пріютъ свободы;

а стихъ

О, сколь тогда великъ, нашъ Царь, ты намъ предсталъ

перемѣнить такъ:

Сколь намъ величественъ, ты, Царь, тогда предсталъ ⁵⁾.

Прости, до слѣдующей почты. Я приготовилъ для тебя весь списокъ моихъ сочиненій, полный и сколько, можно, исправленный. Пришлю или привезу съ собою. Твой Жуковский.

LXI.

1815, Февраля 1-е (Москва).

Отвѣтъ на *всѣ* твои письма. Наконецъ имѣю свободную минуту и могу съ тобою говорить на просторѣ. За твои хлопоты о моемъ Посланіи не нужно мнѣ, кажется, тебя благодарить. Чувствую по себѣ, какъ тебѣ это весело. И ничто меня такъ не радуетъ, какъ то, что ты былъ *итецомъ* моего Посланія ¹⁾. Слава доброе дѣло, а слава изъ рукъ друга есть сокровище. Эта слава есть счастье, и въ ней, право, самолюбіе мало участвуетъ. Она напоминаетъ о любви, о товариществѣ, и приобрѣтается лучшими наслажденіями, то - есть уединеннымъ трудомъ, который успокоиваетъ и возвышаетъ душу. Такая слава есть награда всего *добраго*. А я себѣ часто говорю (не знаю только, буду ли въ состояніи исполнить): живи, какъ пишешь! То-есть и въ томъ, и другомъ одинакая цѣль и одинакое со-

¹⁾ Поправки къ Посланію, находившіяся въ стихотвореніи „Ареопагу“ (см. въ предыдущемъ письмѣ).

²⁾ Тургеневъ не успѣлъ внести эти двѣ поправки Жуковскаго въ отдѣльное изданіе Посланія, вышедшее въ половинѣ Января 1815 года. Въ Стихотвореніяхъ Жуковскаго, изданныхъ въ 1815 году, обѣ поправки внесены въ текстъ Посланія.

*

³⁾ У Императрицы Маріи Феодоровны (см. Русскій Архивъ 1864 года, ст. 449).

вершенство. Чтобы *человѣкъ моральный* не былъ несходенъ съ *человѣкомъ съ талантомъ*. Самыя замѣчаемыя мною ошибки и замѣчаемыя другими ошибки въ томъ, что я написалъ, только пробуждаютъ во мнѣ надежду написать что-нибудь лучшее, а нимало не отымаютъ у меня бодрости. Думая о тѣхъ немногихъ людяхъ, которые на меня смотрятъ, которые меня любятъ и мною радуются, я самъ радуюсь, что имѣю талантъ, и мысль объ нихъ ободряетъ меня. Если вы не даете мнѣ счастья вашею дружбою, то часто, часто заставляете забывать тяжелое горе, тѣмъ болѣе тяжелое, что оно скрытное и нерѣдко бываетъ самое унижительное. Мнѣ часто бываетъ нужна помощь извнѣ и отъ руки милой, чтобы о себѣ вспомнить и не совсѣмъ упасть духомъ. Ты спрашиваешь у меня въ одномъ письмѣ, что причиною возобновившейся во мнѣ надежды? Братъ, я говорилъ не объ надеждѣ. Впереди не вижу для себя ничего добраго. То, что мнѣ нужно, едва ли когда сбудется. Жаль, что мы не вмѣстѣ: на письмѣ всего не скажешь, а сказать бы *все* надобно. Прошедшій годъ былъ для меня весьма бурной. Ты уже знаешь, что я писалъ къ Арбеновой, воображивъ, что она, имѣя вліяніе на образъ мыслей матери²⁾, можетъ склонить ее на мою сторону. Въ этомъ я ошибся. Она сперва воспламенилась было весьма сильно; потомъ монахъ все разстроилъ, испугалъ ее Богомъ и чортомъ, и она написала къ матери *противъ меня*. Это произвело между ею и мною объясненіе, и мы было разстались. Воейковъ вошелъ въ семью, а я изъ нея вышелъ. Я писалъ къ матери нѣсколько разъ и наконецъ требовалъ, чтобы, если уже не можетъ всего сдѣлать, по крайней мѣрѣ, сдѣлала бы все, что въ ея власти, что я отказываюсь отъ всякаго требованія, несогласнаго съ ея образомъ мыслей, съ тѣмъ только, чтобы мы были вмѣстѣ, чтобы я пользовался полною довѣренностью, могъ быть счастливъ *въ семьѣ*, не быть розно съ нею³⁾, напротивъ, имѣлъ бы всю возможную съ нею свободу, не былъ принужденъ ничего таить, тѣмъ болѣе, что ей (то-есть матери) извѣстно все, и что болѣе, при полной довѣренности, она бояться не можетъ. Это обѣщаніе, какъ ни трудно, я могъ бы исполнить. Я люблю Машу (съ тобою можно дать ей это имя), какъ жизнь. Видѣть ее и дѣлать ея спокойное счастье есть для меня все, и для нея также. Но характеръ матери не таковъ. Она не можетъ возвыситься до этой чистой, благородной довѣренности, на которую и я, и Маша имѣли бы полное право, если бы только не принуждены были безпрестанно скрывать того, что у насъ въ душѣ. Однимъ словомъ, мать согласилась, чтобы мы опять были вмѣстѣ; но тѣхъ условій, на которыхъ это *вмѣстѣ* было бы для насъ счастьемъ, она не держитъ и едва ли способна сдержатъ. Братъ, мы живемъ *вмѣстѣ*, а между нами бездна недоувѣрчивости. Христіанство (по ея словамъ) заставляетъ ее отказать намъ въ нашемъ счастьи; а того, что составляетъ характеръ христіанки, она не имѣетъ, той любви, которая заботится о чужой судьбѣ, какъ о собственной. Каждая минута напоминаетъ мнѣ только о томъ, чего я лишень, и нѣтъ никакого вознагражденія. На нашу потерю смотреть

---

²⁾ Е. А. Протасовой.

³⁾ Съ М. А. Протасовою.

она холодными глазами эгоизма. Нѣтъ никакой отрады. Мы не можемъ подойти другъ къ другу свободно. Это положеніе ужасно, а выйти изъ него нѣтъ силы. Боже мой! Я не могу хотѣть и искать своего отдѣльнаго счастья. Съ вами, съ друзьями сердца, съ вѣрными товарищами жизни, я былъ бы счастливъ: то-есть и уважалъ, и дѣлился бы всѣмъ, что есть хорошаго въ душѣ, безъ всякаго принужденія; не было бы ужасной, противной сердцу необходимости носить на лицѣ маску,—словомъ, я былъ бы съ вами я; но я не могу и не хочу на это рѣшиться. Лучше страдать и погибнуть вмѣстѣ, нежели искать своего счастья. И можетъ ли быть для меня *свое* счастье? Я бы себя возненавидѣлъ и радъ бы разбить себѣ голову первою пулею, если бы могъ быть на это способенъ. Теперь вопросъ: что же будетъ съ нами, съ нею и со мною? Дойти ко гробу дорогою печали. Болѣе ничего! Сердце рвется, когда воображу, какого счастья меня лишаютъ, и съ какою жестокою, нечувствительною холодностію. Хотя бы показали, что имъ жаль разрушать это счастье! Но его топчутъ ногами и смѣются, и еще думаютъ, что угождаютъ Богу! Въ инныя минуты мнѣ жаль своихъ старыхъ *надеждъ на смерть*. Я объ ней думалъ съ наслажденіемъ; теперь и того себѣ не позволяю. Это была бы неблагодарность за любовь, которую ангелъ ко мнѣ имѣетъ. Эта любовь самая чистая, безъ всякой примѣси низкаго; ея никто понять не можетъ, а она была бы счастьемъ, когда бы эгоизмъ не отравлялъ ея ежеминутными оскорбленіями. Объ Воейковѣ я писалъ къ тебѣ въ дурную минуту. Не имѣй объ немъ дурныхъ мыслей. Онъ любитъ меня, и я этому вѣрю, и мнѣ нужно вѣрить: мы будемъ жить вмѣстѣ. А думать одно и показывать въ поступкахъ другое не могу; слѣдовательно, вѣрю ему и хочу вѣрить. Онъ мнѣ большая подпора. То, что ты назвалъ моими новыми надеждами, состояло въ томъ, что мать опять позволила мнѣ жить вмѣстѣ и что я вообразилъ, что она будетъ поступать съ нами такъ, какъ я этого желалъ. Первые дни были довольно хороши, и я надѣялся, что въ будущемъ еще лучшее мнѣ готовится. Послѣ этихъ дней *ося* они уѣхали въ Тамбовъ, а я остался въ Бѣлевѣ и прожилъ почти одинъ—съ милыми немногими людьми ⁴⁾, съ которыми душа свободна и которые во всемъ *моемъ* берутъ участіе. Эти два мѣсяца были самые счастливые. Ихъ оживляла надежда на лучшее, и я написалъ много, столько, сколько не писалъ никогда. Они возвратились, и принужденность опять возвратилась. И теперь едва ли я не увѣренъ, что старое (то-есть униженіе, одинокая горестъ, принужденность быть вмѣстѣ и всякую минуту чувствовать, что мы розно, и еще тысяча подобныхъ тяжелыхъ горестей), словомъ ужасное *старое* будетъ по *старому*. Вотъ съ какими надеждами ѣду въ Дерптъ, и тамъ уже точно не будетъ ни въ чемъ отрады, кромѣ одной мысли, что я съ нею, что намъ одна судьба и что я долженъ и могу эту судьбу считать какъ за испытаніе, какъ за средство быть лучшимъ. Такая мысль въ инныя минуты ободряетъ. Но часто душа разорвана въ клочки. И рвутъ ее съ такою холодностію, которая меня иногда выводитъ изъ себя. Все, что я здѣсь написалъ, не дастъ тебѣ полного понятія объ моемъ по-

⁴⁾ Въ семействѣ А. П. Елагинной (тогда еще вдовы В. И. Кирѣвскаго).

ложеніи; но что-нибудь ты понять можешь. По крайней мѣрѣ, можешь понять, что я несчастливъ, и самымъ убійственнымъ образомъ. То, что мнѣ даетъ тѣбѣ надежды, кажется мнѣ самому химерою сумаспешнаго. Мнѣ кажется иногда, что Государыня, которая уже что-то обо мнѣ знаетъ, могла бы дать намъ счастье. Но вѣроятно ли, чтобы такъ могла она заняться моею судьбою? А здѣсь нужна осторожность. Матери самой уже извѣстно, что Государыня знаетъ обо мнѣ. Она сочтетъ за особенное для себя достоинство отказать и Государю на его требованіе, если бы и онъ вступился. Но и мнѣ какъ желать принужденнаго согласія? Я знаю характеръ Маши. Она была бы несчастлива. Что жъ за польза изъ одной бездны перевести ея въ другую и еще быть самому причиною ея страданія? *) Надобно бы дѣйствовать на мнѣніе матери: опроверженіе предразсудка, приходящее съ Трона, было бы весьма убѣдительно. Если бы подкрѣпить его мнѣніемъ какого-нибудь изъ нашихъ святителей и архипастырей и прочее и прочее, тогда бы нечего было говорить, и совѣсть бы замолчала. Вотъ въ чемъ дѣло. Я ей братъ, то-есть братъ матери; но законъ не далъ мнѣ этого имени. Законъ письменный противится бракамъ между родными; но родства въ натурѣ нѣтъ. Таже религія представляетъ этому примѣры: Авраамъ женатъ былъ на родной сестрѣ, а онъ предокъ Мессіи, слѣдовательно его бракъ *по натурѣ* не есть преступленіе. *Натура и Богъ не противятся этому браку*; противится ему одинъ законъ человѣческій; но, чтобы законъ человѣч(ескій) ему противился, надобно чтобы законъ его и опредѣлилъ. Законъ не назвалъ меня ея братомъ. слѣдовательно подхожу подъ одинъ законъ природы; а онъ не противъ меня. Лютеранская же религія и Римско-католическая разрѣшаютъ браки и между родными, наименованными самымъ закономъ общественнымъ. Вотъ тебѣ канва моихъ мыслей объ этомъ предметѣ. Если бы могли это растолковать матери съ Трона, если бы это было подтверждено какимъ-нибудь голосомъ, идущимъ изъ-подъ рясъ, тогда бы она могла и сама согласиться, тѣмъ болѣе, что она не имѣетъ никакихъ ясныхъ и опредѣленныхъ понятій, а дѣйствуетъ по какому-то жестокому побужденію фанатизма. Вообрази, братъ, какъ бы я былъ счастливъ; подумай о всей будущей жизни моей. Подумай, что для меня уже теперь ничто не перемѣнится и что я не могу думать объ отдѣльномъ своемъ счастьи, котораго для меня быть не можетъ, и сдѣлай все, что можешь.

Какъ мнѣ жаль, что я въ проѣздъ мой въ Дерптъ съ тобою не увижусь. Но буду непременно въ Петербургѣ въ Мартѣ или въ началѣ Апрѣля. *Всѣ они* **) уѣхали уже въ Дерптъ, а я остался еще дней на 10 въ Москвѣ. Не заѣду въ Петербургъ теперь оттого, что хочу скорѣе ихъ увидѣть и узнать, каково они доѣхали. Я отпустилъ ихъ не совсемъ здоровыхъ. Но въ Мартѣ буду у тебя непременно.

---

*) Далѣе идетъ приписка князя П. А. Вяземскаго, такого содержанія: „Обнимаю тебя, мой милый Тургеневъ. Будь здоровъ, люби меня, хотя и не пиши. Юрію Александровичу (Нелединскому) скажи мое душевное почтеніе“.

**) Е. А. Протасова съ двумя дочерьми и зятемъ А. Ѡ Воеиновымъ.

Ты между тѣмъ думай обо мнѣ. Если можно, представь мое положеніе Государынѣ въ настоящемъ его видѣ. Можетъ быть, Дерптская жизнь моя будетъ лучше, нежели какъ я себѣ ее представляю. Но если она будетъ такова, какую мнѣ видится въ нныя минуты, то и я, и Маша пропадемъ. Прощай тогда и талантъ, и слава! Хорошо, когда бы можно было сказать, безъ неблагодарности: прощай и жизнь! Такъ и быть! Повѣряю судьбу свою дружбѣ.

Пора кончить. Это письмо покажи Блудову. Онъ имѣетъ на него право. Я еще ему не отвѣчалъ на его письмо, право, не отъ лѣни. Я благодарю его за это письмо, какъ за подарокъ. Оно обрадовало меня и *ободрило* (*c'est le mot*). Уваженіе къ другу есть счастье и даетъ привязанность къ жизни. Люблю его болѣе, нежели когда-нибудь, и съ какимъ-то новымъ чувствомъ. Но объ этомъ скажу ему самому.

При отъѣздѣ своемъ изъ Москвы пошлю къ тебѣ полное собраніе своихъ стиховъ, переписанное мною для печати. Но ихъ не начинай печатать до свиданія со мною. Многое надобно поправить вмѣстѣ и вмѣстѣ распорядить.

Поправки Посланія пришлю на слѣдующей почтѣ. Вы уже получили нѣкоторыя. Въ немъ много недостатковъ, но всего и поправлять не нужно. Лучше написать что-нибудь новое. Тебѣ я на свой счетъ не вѣрю: ты слишкомъ уже восхищаешься моимъ *soit disant* гениемъ. «Пѣвца» я написалъ почти совсѣмъ и дописалъ бы, когда бы не помѣшала зубная боль. Но я имъ не весьма доволенъ. Кончу однако; но когда, не знаю. Пришлю его изъ Дерпта.

Прошу тебя поблагодарить отъ меня Юрія Александровича ¹⁾ за его ко мнѣ благосклонность. Буду къ нему писать самъ, но теперь некогда.

Дашкова обнимаю. Я ему долженъ письмомъ.

На это письмо не отвѣчай мнѣ, пока не получишь отъ меня письма изъ Дерпта. Здѣсь твой отвѣтъ меня не застанетъ, а въ Дерптѣ онъ не долженъ меня ждать, потому что безъ меня могутъ его прочитать тѣ, которымъ онъ не долженъ быть извѣстенъ. И вообще во всѣхъ твоихъ письмахъ все, что касается особенно до меня, пиши на особой страницѣ.

Прости. Увѣдомь, что вы *придумали* съ Уваровымъ. Если Государынѣ угодно, чтобы Посланіе было напечатано въ мою пользу, то я очень этому радъ ²⁾. Постарайся объ моемъ карманѣ. Мои всѣ доходы улетѣли къ чорту, и я теперь никакихъ, кромѣ своихъ пяти пальцевъ, не имѣю въ виду. Надежда на изданіе моихъ стиховъ.

---

¹⁾ Нелединскаго-Мелецкаго, близкаго человѣка къ Императрицѣ—матери.

²⁾ Тургеневъ въ письмѣ своемъ отъ 1 Января 1815 года сообщалъ Жуковскому, что Императрица Марія Феодоровна приказала ему и Уварову приступить поскорѣе къ великолѣпному изданію „Посланія“, съ виньеткою извѣстнаго Уткина, въ количествѣ 1200 экземпляровъ, которые всѣ, за исключеніемъ лишь самаго незначительнаго числа, жалуютъ въ пользу Жуковскаго („Русск. Архивъ“ 1864 г., ст. 451).

*

Февраля 4-го (1815, Москва).

Вчера еще получилъ отъ тебя письмо и читалъ здѣсь письмо Офросимова ¹⁾, который пишетъ къ Юшковымъ о двухтысячномъ жалованьѣ, о мѣстѣ, для меня приготовленномъ, и прочее. Братъ, не забывай ради Бога, что мнѣ ни мѣсто, ни жалованье не могутъ быть нужны. Мое мѣсто знаешь гдѣ, и все возможное счастье тамъ же. Я желалъ бы, чтобы ты объ этомъ помнилъ и съ этимъ соображалъ все то, что вздумаешь для меня сдѣлать. На прошедшей почтѣ я писалъ къ тебѣ, и довольно много, но не знаю, объяснилъ ли хорошо свои мысли. Здѣсь прибавлю только одно: если Государыня и захочетъ что-нибудь для меня сдѣлать, то все будетъ бесполезно, если употребить только одно средство власти. Можетъ быть, и послушаются приказанія; но къ чему это послужить? Только къ разрушенію семейнаго покоя. Если бы могло быть написано къ матери такое письмо, въ которомъ бы болѣе убѣждали, а не приказывали; если бы, напримѣръ, было въ этомъ письмѣ сказано, что обстоятельства и связи мои *извѣстны*, что по мнѣнію свѣдущихъ нѣтъ никакого противорѣчія для заключенія брака, что Государыня вступается за это по этому убѣжденію, тогда вѣрно бы всѣ концы въ воду. Я знаю, что мать сама устала противорѣчить и рада будетъ на чемъ-нибудь опереться. Можетъ быть, я покажусь тебѣ смѣшенъ и страненъ съ своими надеждами и выдумками. Но ты не требуй отъ меня благоразумія: я радъ привязаться къ тѣни. Только ты употреби всѣ способы, безъ разсѣянія и вошедши хорошо въ мое положеніе, увѣрившись разъ на всегда, что мнѣ *этого счастья* ничто никогда замѣнить не можетъ. А ты, кажется, болѣе думаешь о моихъ чинахъ и карманѣ. Правда, карманъ не лишнее: на немъ основана свобода. Объ этомъ поговоримъ, когда увидимся. Я писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ, что, ѣхавши въ Дерптъ, не заѣду въ Петербургъ; причина этому та, что я непремѣнно хочу быть спокоенъ на ихъ счетъ, узнать, какъ они доѣхали на мѣсто, увѣриться, что они здоровы, чтобы послѣ пожить нѣсколько недѣль въ Петербургѣ съ свободнымъ духомъ. Итакъ, до Марта. Ты въ своемъ письмѣ говорилъ мнѣ о рескриптѣ ²⁾; но его нѣтъ, и я боюсь, чтобы онъ не пріѣхалъ сюда въ мое отсутствіе и чтобы мы съ нимъ не разѣхались. Ты велишь мнѣ писать къ в(еликимъ) князьямъ ³⁾, а что и объ чемъ, не сказываешь. И къ какой стати мнѣ писать къ нимъ?

Стихи мои всѣ сполна получишь скоро. А о печатаніи переговоримъ изустно.

Прошу моихъ писемъ не показывать никому. Приложенное письмо отдай Гнѣдичу.

¹⁾ Александръ Михайловичъ Офросимовъ женатъ былъ на третьей племянницѣ Жуковского, Марьѣ Петровнѣ Юшковой. П. Б.

²⁾ Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

³⁾ Въ письмѣ отъ 16 Января 1815 года Тургеневъ, между прочимъ, сообщалъ Жуковскому, что во время чтенія ямъ у Императрицы Маріи Ѳеодоровны „Послания къ Императору Александру“ великая княжна (Анна Павловна) и великіе князья (Николай

Все, что я тебе писалъ и въ теперешнемъ, и въ послѣднемъ моемъ письмѣ, кажется мнѣ горячкою. Я самъ не знаю иногда, что дѣлать и что думать. По крайней мѣрѣ эти письма пусть дадутъ тебѣ понятіе о моемъ состояніи. Но ты по нимъ ничего не дѣлай и никому ихъ не показывай. Дай намъ увидѣться, тогда обо всемъ можно будетъ переговорить на просторѣ. Однимъ словомъ, не приступай ни къ чему; *знай про себя*. Увидимъ.

LXIII.

4 Марта (1815), Четвергъ (Москва).

Я ѣду отсюда въ Воскресенье, то-есть 7 числа, и ѣду прямо въ Дерптъ, гдѣ пробуду сколько возможно менѣе, потомъ и въ Петербургъ. Надѣюсь быть тамъ на четвертой недѣлѣ поста. Посылаю тебѣ вмѣсто обожа мои стихотворные грѣхи. Я хотѣлъ сначала все это выдать вмѣстѣ подъ однимъ общимъ титуломъ Сочиненій, но меня надумилъ Антонскій: онъ совѣтуетъ сдѣлать нѣсколько разныхъ книжекъ; на примѣръ, баллады выдать особенно подъ титуломъ балладъ; посланія также особо или при второмъ изданіи Посланія къ Александру, которое надобно еще весьма поправить (что сдѣлаемъ въ Петербургѣ общими силами); можно еще выдать двѣ книжки одну подъ титуломъ: *Пьесы и романсы съ приобщеніемъ и прозаическихъ отрывковъ*; другую подъ титуломъ *Пѣсень на Кремль* (онъ почти конченъ; надобно только поправить) съ приобщеніемъ другихъ лирическихъ стихотвореній и смѣси. Такимъ образомъ выйдетъ нѣсколько разныхъ книжекъ, и титулъ *Сочиненія* останется неприкосновеннымъ и свѣжимъ. Этимъ титуломъ можно будетъ украсить полное собраніе моихъ твореній, когда ихъ понаберется побольше. Изъ всѣхъ этихъ хитростей ты можешь заключить, что я намѣренъ ковать деньги. И скажу тебѣ за тайну: я приѣду въ Петербургъ съ пустымъ карманомъ и съ надеждою (можетъ быть, также пустою) продать свое стряпанье книгопродавцамъ. Прошу тебя прочистить мнѣ дорогу къ ихъ кошелькамъ. Между тѣмъ, если что-нибудь понакопится отъ моего Посланія, то меня объ этомъ увѣдомить, дабы я по сему увѣдомленію могъ расположить свои финансы.

Я слышалъ, что у тебя хранится рескриптъ Ея Величества. Прошу тебя переслать его тотчасъ по полученіи этого письма въ Дерптъ. Адресуй на имя Воейкова. Только въ твоемъ письмѣ ко мнѣ не говори и не намекай ни о чемъ такомъ, что принадлежитъ до извѣстныхъ тебѣ обстоятельствъ: письмо твое, вѣрно, до моего приѣзда

и Михаилъ Павлович) перерывали чтеніе восклицаніями: прекрасно! превосходно! c'est sublime! Въ продолженіе чтенія великіе князья изъявили желаніе, чтобы эти стихи переведены были, если можно, на Нѣмецкій и Англійскій языки“, а въ концѣ письма онъ писалъ: „Пришли на мое имя письмо благодарное за ея (Императрицы) рескриптъ и напиши великимъ князьямъ“ („Русск. Архивъ“ 1864 г., ст. 450 и 452).

будеть распечатано. Но рескриптъ присылай: я желаю, чтобы они его тамъ видѣли.

Офросимовъ мнѣ сказывалъ, что ты готовишь для меня какія-то мѣста; видно ты не читаешь моихъ писемъ или совсѣмъ не понимаешь, чего я хочу! Но объ этомъ переговоримъ на свиданьи. Знаешь ли, что приходитъ мнѣ въ голову? Нелединскій могъ бы много быть намъ полезенъ. Расскажи ему *до моего пріѣзда* все, что дѣлается со мною, но расскажи такъ, чтобы это осталось между вами. Сообщи ему мою надежду на Государыню, какъ будто твою *надежду собственную*, и заставь его желать *одного* съ нами. Онъ можетъ лучше, нежели кто-нибудь, все въ надлежащемъ видѣ представить Государынѣ. Это единственная намъ оставшаяся надежда.

Прости, милой братъ.

А пророс. Я не шутя начинаю думать о поэмѣ; уже и Карамзинъ (милый, единственный Карамзинъ, образецъ прекраснѣйшаго человека) мнѣ помогаетъ. Я провелъ нѣсколько сладостныхъ дней, читая его Исторію. Онъ даже позволилъ мнѣ дѣлать выписки. Эти выписки послужатъ мнѣ для сочиненія моей поэмы. Но какъ еще много надобно накопить матеріаловъ! Жизнь Дерптская, Дерптская библіотека, все это создастъ Владимира.

Приложенныя письма отдай по адресамъ.

Въ 1 томѣ много ошибокъ; я не успѣлъ или, лучше сказать, полѣнился перечитать. Прошу замѣтить. Когда я началъ печатать Посланіе, то меня взяло раздумье, посылать ли къ тебѣ свои стихи или нѣтъ? Я рѣшился на нѣтъ. Могутъ какъ-нибудь затеряться на почтѣ; а у меня совсѣмъ нѣтъ списка. Я же самъ скоро буду. Присылай рескриптъ въ Дерптъ тотчасъ по полученіи этого письма.

LXIV.

Крестцы, Середа, 10 Марта (1815).

Мнѣ сказывалъ Яковлевъ *) въ Москвѣ, что у тебя есть благое намѣреніе пріѣхать за мною въ Дерптъ. Какъ бы это было прекрасно! Я буду въ Дерптѣ, вѣроятно, въ Субботу. Пріѣзжай, братъ. Я имѣю предчувствіе, что твое знакомство съ моими послужитъ намъ всѣмъ для счастья. 300 верстъ для дружбы проѣхать не диво. Пробудемъ вмѣстѣ день или два и потомъ вмѣстѣ отправимся въ Петербургъ. Если жъ нельзя тебѣ, то напиши, чтобы твое письмо я уже нашелъ въ Дерптѣ. Пришли мнѣ 25 экземпляровъ Посланія и рескриптъ. Все адресуй на мое имя въ домъ профессора Воейкова или на его имя для передачи мнѣ; только смотри, ни слова ни о чемъ, касающемся до меня. Буду ждать или тебя или твоего письма и не прежде поѣду въ Петербургъ. Пріѣзжай, милой другъ. Твой навѣки Жуковскій.

---

*) Лукьянъ Павловичъ, служившій въ Московской Оружейной Палатѣ. П. Б.

1815 Апрѣля 1 (Дерптъ).

Милой другъ, посылаю тебѣ мой отвѣтъ, на милостивый рескриптъ Ея Величества, который тронулъ меня чрезвычайно. Не знаю, хорошо ли написалъ; но ты и прочіе, знающіе болѣе *приличія*, можете его поправить. Переписавши и подписавши за меня, передай его Сергѣю Семеновичу. Отъ него получилъ я рескриптъ; его, кажется, слѣдуетъ мнѣ просить и вручить Ея Величеству мой отвѣтъ ¹⁾. Поблагодари его отъ себя за его ко мнѣ благосклонность, а приложенное письмо отдай ему.

Сочиненій не посылаю; отдалъ переплетать. Привезу самъ, потому что выѣду отсюда дня черезъ три или черезъ четыре. Давно бы я былъ у васъ, когда бы не дорога.

Каковы революціи нашего вѣка? ²⁾ Но что отчаяваться? Есть твердость, есть сила, есть благородный характеръ Александра! Надобно драться не на животъ, а на смерть. Въ борьбѣ за свободу народы усиливаются духомъ. По крайней мѣрѣ для Русскихъ теперь ничто не должно быть страшно.

Объ этомъ послѣ. О себѣ скажу только два слова. Можетъ быть, намъ опредѣлено съ тобою жить *неразлучно*. На всякой случай приготовься принять къ себѣ своего четвертаго брата, своего Андрея, который съ надеждою на твое сердце найдетъ замѣну всему въ товариществѣ съ тобою. Какъ утѣшительно дать тебѣ названіе брата и всѣ обязанности братства принять на себя и, можетъ быть, теперь на всю остальную жизнь. Все объясню, когда увидимся. Скажи Батюшкову, что мнѣ больно было читать заключеніе его письма къ Воейкову ³⁾. Я писалъ къ нему изъ Москвы. Но развѣ онъ не увѣренъ, что Жуковский и молча привязанъ къ нему *искреннею* дружбою?

Влудова, милаго, безцѣннаго друга, обнимаю крѣпко. Какъ весело подумать, что всѣхъ васъ дней черезъ пять-шесть увижу.

Гнѣдича и Дашкова обнимаю. Твой Жуковский.

12 Апрѣля 1815, Дерптъ).

Посылаю тебѣ, мой милый другъ, свои стихи. Твое мнѣніе, что, вѣроятно, останусь здѣсь на праздникъ, принимаю за совѣтъ и останусь. Думаю, что для меня все равно, теперь ли быть въ Петербургѣ или послѣ праздника. Между тѣмъ, можетъ быть, удастся написать что-нибудь новое. Теперь послалъ только мои стихи. Попроси Влудова, Батюшкова и Уварова сдѣлать замѣчанія; но только замѣтьте то

¹⁾ Рескриптъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны былъ присланъ Жуковскому С. С. Уваровымъ при письмѣ отъ 15 Марта 1815 года („Русскій Архивъ“ 1871 г., ст. 0164).

²⁾ Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы и прибытіе его 8 (20) Марта 1815 года, въ Парижъ.

³⁾ Этого письма К. Н. Батюшкова къ А. Ѳ Воейкову нѣтъ въ числѣ писемъ, напечатанныхъ въ III томѣ сочиненій Батюшкова.

единственно, что уже очень дурно, чего нельзя не поправить. Мелочей поправлять не буду, потому что только изгажу поправкою. Эти замѣчания приготовьте къ моему приѣзду. Между тѣмъ похлопочи и о томъ, какъ бы продать, и, разумѣется, продать повыгоднѣе. Мнѣ хочется выдать въ двухъ отдѣленіяхъ. Одно подъ титуломъ: Баллады; въ немъ будутъ однѣ баллады. NB. Балладу *Старушка* въ Москвѣ не пропустили; постарайся, чтобы того же не сдѣлалось въ Петербургѣ. Другое отдѣленіе, въ II частяхъ, подъ титуломъ,—но титулъ выдумайте сами. Въ первой части лирическаго стихотворенія, посланія, пѣсни и романсы; въ другой смѣсь и отрывки въ прозѣ.

Здѣсь стихи переписаны точно такъ, какъ имъ быть напечатаннымъ. Форматъ надобно большой in 12. Для части балладъ у меня готова прекрасная виньетка, нарисованная Тончи ⁴⁾; а будетъ гравировать здѣшній граверъ Зенфъ, славной артистъ и человекъ ⁵⁾. Переговори съ типографщиками и настой на томъ, чтобы печатать точно въ такомъ порядкѣ, то-есть сохранивъ такое же количество строкъ на страницѣ, какъ въ манускриптѣ, и чтобы не было ломаныхъ строкъ. Но начинать печатать оставьте до меня; только, чтобы все было, если можно, готово къ моему приѣзду. А корректуру хотѣлось бы держать самому; да еще многія надобно сдѣлать поправки и примѣчанія. Также нехорошо и предисловіе къ балладамъ. Прошу между тѣмъ велѣть все переписать еще разъ, и тотчасъ пришли сюда на имя Воейкова. Переписывать не нужно съ тѣмъ расположеніемъ, какъ теперь, а лучше все въ одну книгу. Я буду жить у тебя, и это время, которое проведу съ тобою, плѣняетъ мое воображеніе. Напиши однако, не нужно ли мнѣ скорѣе приѣхать. Поклонъ и объятіе друзьямъ Блудову, Батюшкову и Уварову. Дрожу, что не найду Батюшкова въ Петербургѣ. Если Окуневъ приѣхалъ и былъ у тебя, поклонись ему. Когда увидишь Алексѣя Орлова ⁶⁾; поклонись. Твой Жуковский.

P. S. Прозаическіе отрывки вели переписать для печати въ такомъ точно порядкѣ, какъ здѣсь. Только чтобы форматъ былъ бы тотъ же, какъ и стиховъ. Попроси Батюшкова и Блудова перечитать прозу, и, что нужно, поправьте сами. Пришли переводъ Раупаха ⁷⁾. Здѣсь было Рамбахъ ⁸⁾ собрался переводить Посланіе; теперь я его остановлю.

⁴⁾ Известный живописецъ Николай Ивановичъ (Сальваторъ) Тончи (р. 1756†1844). При второй части Сочиненій Жуковского, вышедшей въ 1816 году, имѣется виньетка, гравированная известнымъ Уткинымъ; кто ее рисовалъ, не означено.

⁵⁾ Карлъ-Августъ Зенфъ (р. 1770 въ Галле) съ 1805 г. былъ учителемъ (а потомъ профессоромъ) рисованія и граверомъ въ Дерптскомъ Университетѣ. Изъ многихъ его работъ особенно выдаются портреты Витгенштейна и Барклая-де-Толли.

⁶⁾ Алексѣя Θεодоровича Орлова, впоследствии, въ царствованіе императора Николая I, князя и председателя Государственнаго Совѣта.

⁷⁾ Эрнстъ Раупахъ (р. 1783 † 1852), драматическій писатель, былъ профессоромъ всеобщей исторіи и Нѣмецкой литературы съ 1816 г. въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, а съ 1819 г. въ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

⁸⁾ Фридрихъ Эбергардъ Рамбахъ (р. 1767 † 1826), профессоръ камеральныхъ наукъ и ректоръ Дерптскаго Университета. Онъ писалъ и стихотворенія; о немъ см. Reske

Я имѣю до тебя просьбу; прошу тебя исполнить ее скорѣе, ибо все дѣло въ поспѣшности. Здѣсь есть профессоръ Штруве ⁹⁾. Онъ хочетъ жениться. Его невѣста живетъ въ Альтонѣ, и онъ долженъ туда немедленно ѣхать. Теперешнія же обстоятельства требуютъ поспѣшности. Онъ получилъ уже отпускъ отъ министра просвѣщенія, но паспортъ, хотя уже они и давно обѣщаны, не получилъ и, вѣроятно, долго не получить, если кто-нибудь не вздумаетъ ихъ выхлопотать. Но кому вздумать? Кому дѣло? Это забыто; а время между тѣмъ уходитъ. Для тебя ничего не стоить позаботиться о скорой выдачѣ паспортовъ; а для него дорого будетъ стоить, ежели онъ не получитъ ихъ во-время. Представивъ себѣ все это поживѣе, отложи свою лѣнь и выхлопочи паспорта. Ихъ нужно два: 1-й доктору Фридриху Штруве, экстраординарному профессору Дерптскаго университета, для проѣзда изъ Россіи въ Голштинію, въ городъ Альтону, и обратно; 2-й женѣ доктора Фридриха Штруве и пр., Эмилии Штруве, урожденной Валль, изъ Альтоны, для переѣзда изъ Голштиніи въ Россію.

Прошу тебя не забыть и тотчасъ это исполнить. Для тебя бездѣлица, для него большая важность. Я, можетъ быть, скорѣе буду. Судьба жметъ меня въ комокъ, потомъ разожметъ, потомъ опять скомкаетъ. Видно, что только близъ одного тебя мнѣ совсѣмъ разкомкаться. Боюсь Петербургской жизни, боюсь разсѣянности, боюсь своей бѣдности и нерасчетливости. Чтѣ, если съ своимъ счастьемъ еще и потерять и свою свободу, и свои занятія, и сдѣлаться ремесленникомъ, и жить только для того, чтобы не умереть съ голоду! Подумай обо всемъ этомъ за меня, и подумай хорошенько. Если можно имѣть хотя немного независимости, то остаюсь съ тобою, твой товарищъ на жизнь. Напиши поскорѣе отвѣтъ на это письмо.

Ужъ не ѣхать ли мнѣ въ главную квартиру? ¹⁰⁾ Какъ ты думаешь?

Адресъ: Его высокородію милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу. Въ С.-Петербургѣ. На Фонтанкѣ, противъ Михайловскаго замка, въ домѣ его сіятельства князя Александра Николаевича Голицына. При семъ письмѣ посылаю книги цѣною въ 10 рублей. Почтовый штампель: Dognat.

LXVII.

(Въ послѣднихъ числахъ Іюня или первыхъ числахъ Іюля 1815, Дерптъ).

Посылаю книгу Уварова; извини меня передъ нимъ въ покражѣ. Я думалъ, что вамъ она до времени нужна не будетъ. Прости, писать некогда. У насъ теперь все идетъ кругомъ. Радость! Моя крестница родила мнѣ крестницу ¹⁾. Любо смотрѣть на счастье матери.

und Napiersky, Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland, т. III, стр. 464—469.

⁹⁾ Фридрихъ-Вильгельмъ Струве, извѣстный астрономъ, бывший въ то время экстраординарнымъ профессоромъ Дерптскаго Университета по математикѣ.

¹⁰⁾ Для испрошенія разрѣшенія Государя на бракъ съ М. А. Протасовою?

¹⁾ У Александры Андреевны Воейковой родилась дочь Екатерина. Въ Сочиненіяхъ Жуковскаго (изд. 8-е, т. I, стр. 484—485) напечатаны его стихи на рожденіе Е. А. Воейковой, помѣченные 26 Іюня 1815 года.

19 Іюля (1815, Дерптъ, по возвращеніи изъ Петербурга).

Я получилъ твои два письмаца, милой другъ. Коротко, да прекрасно. Мнѣ кажется, что ты *все* сказалъ мнѣ (что могъ сказать) въ этихъ двухъ словахъ. *Ея* ¹⁾ и *тебѣ* ²⁾ скажу одно:

How dear the dream: in darkest hours of ill
Could all be changed, to find thou faithful till ³⁾.

Зачѣмъ же *dream*? Это совсѣмъ не *dream*! Побывавъ съ тобою, я увѣрился въ одномъ и на всю жизнь, въ одномъ очень для меня драгоценномъ, въ томъ, что ты сохранилъ, несмотря ни на что, свой характеръ и что ты тотъ человѣкъ, о которомъ мнѣ вездѣ и во всѣхъ обстоятельствахъ можно думать съ утѣшеніемъ. Правда, минутъ, въ которыя мы были *вмѣстѣ*, весьма было немного; но въ эти минуты я всегда бывалъ доволенъ тобою, и болѣе тобою, нежели собою: мнѣ еще надобно вскарабкаться, чтобы до тебя дойти.

Ты велишь мнѣ написать къ тебѣ о тебѣ и о себѣ. Ни того, ни другаго не могу теперь сдѣлать. Не знаю, какой туманъ лежитъ у меня на умѣ и на сердцѣ. Въ минуту болѣе ясную поговорю съ тобою; теперь точно не могу. Я ничего не помню того, что думалъ: все всбуровлено, а чѣмъ, право не знаю. Такія положенія, вѣроятно, бывали и съ тобою.

Теперь лучше говорить о пустякахъ. Я не оставилъ своего намеренія ѣхать въ Псковъ. Прошу тебя на слѣдующей же почтѣ прислать мнѣ письмо къ Псковскому архіерею и еще письмо въ Печеры ⁴⁾, чтобы эти письма могли быть мнѣ вмѣсто паспорта. Скорое и самое важное: что отвѣчалъ тебѣ Фокъ о Форѣ? Прошу тебя увѣдомить меня на слѣдующей же почтѣ. Мнѣ очень будетъ больно, если Форъ не получитъ своего *позволенія ѣхать въ Петербургъ* къ сроку. Плещеевъ, вѣроятно, будетъ туда въ началѣ Августа или въ половинѣ. Прошу тебя избавить меня отъ незаслуженнаго упрека, отложить на время свою лѣнь и написать для дружбы нѣсколько словъ къ Фоку. Благодарю за Петерсена ⁵⁾.

Прости, вѣроятно, до слѣдующей почты. Я пробуду здѣсь весь Августъ. Теперь все сижу у себя въ горницѣ. Работаю, но работа механическая. Иная и невозможна. Готовлю сухіе матеріалы. Но когда оживлю ихъ—Богъ знаетъ! Твой Жуковскій.

¹⁾ М. А. Протасовой.

²⁾ А. И. Тургеневу.

³⁾ Т. е. Какъ дорогая мечта: въ самые мрачные часы вѣселия все могло бы измѣниться, еслибъ найти тебя неизмѣннымъ.

⁴⁾ Все по поводу гредполагавшейся женитьбы на М. А. Протасовой?

⁵⁾ Вѣроятно за Карла-Фридриха Петерсена (р. 1775 † 1822), который былъ библіотекаремъ Дерптскаго Университета и лекторомъ въ немъ Нѣмецкаго языка.

Обнимаю тебя, милой другъ, и благодарю за письмо ¹⁾. Чтѣ ты говоришь мнѣ о жертвѣ и о моемъ солнцѣ? Развѣ я побѣжалъ сюда съ тѣмъ, чтобы грѣться подлѣ моего яснаго солнца? Нѣтъ, братъ, оно яснѣе для меня, когда я отъ него далѣе ²⁾. Тогда оно одно только для меня видно, и ничто противное не темнитъ его милой ясности. Здѣсь я не долженъ глядѣть на него свободными глазами; здѣсь душа, мысли и чувства сжаты. Убѣжать отсюда не будетъ для меня жертвою. Напротивъ, здѣсь остаться было бы жертвою, жертвою всего, чтѣ мнѣ дорого, лучшихъ своихъ чувствъ. Не говорю уже о надеждахъ; ихъ нѣтъ, да онѣ и не нужны! Жаль, что ты не со мною; мы бы многимъ, многимъ подѣлились, и никто лучше тебя не умѣлъ бы взять принадлежащей части. Знаешь ли, за что я тебѣ благодаренъ въ послѣднее время? За мысль, что ты мнѣ истинной другъ! Право, она животворна. Во всѣ тѣ минуты, которыя мы проводили *вмѣстѣ, какъ должно*, я чувствовалъ, что у меня что-то пріятное тѣснило грудь: такъ было мнѣ усладительно находить въ тебѣ прежнюю высокую душу, *прежнюю*, несмотря на ту тяжелую корку, которая выросла на нее и которая ее скрываетъ отъ другихъ, можетъ быть и болѣе опытныхъ, нежели мой, взглядовъ. Во мнѣ болѣе ребячества и, можетъ-быть, мелкости, нежели въ тебѣ; но мы понимаемъ другъ друга сердцемъ, и эта связь вѣчная. Я внутреннему чувству своему вѣрю. Оно не опредѣляется словами, но оно ясно. Во всѣ хорошія наши минуты, въ минуты откровенности, я чувствовалъ, что мы товарищи, и это чувство меня возвышало.

Чтѣ же ты ничего не пишешь мнѣ о себѣ? Ты говоришь въ своемъ письмѣ только о моемъ, а о своемъ ни слова. И я увѣренъ, что это отъ *лѣни*. Какъ не кстати, но какъ натурально! Надобно быть мною, чтобы это понять, и тобою, чтобы такъ лѣниться. Говорить много не надобно: *для тебя счастье на сторонѣ должности*; а противъ того, чтѣ можетъ нарушить это счастье, твердость и дѣятельность. Прости, милой другъ; въ концѣ Августа я у васъ ³⁾. Обними

¹⁾ Вѣроятно, за письмо Тургенева, посланное до 29 Іюля 1815 (см. его приписку въ письмѣ С. С. Уварова къ Жуковскому отъ этого послѣдняго числа. „Русскій Архивъ“ 1871 г., ст. 0166).

²⁾ Въ припискѣ къ письму Уварова отъ 29 Іюля Тургеневъ приглашалъ Жуковского пріѣхать поскорѣе въ Петербургъ, чтобы исполнить желаніе императрицы Маріи Ѳеодоровны, и писалъ слѣдующее: „Но если жертва, которую ты долженъ принести не терпѣнію Государыни, дорого тебѣ, будетъ стоить, то не приноси этой жертвы; *лови день тамъ, гдѣ твое солнце*“ т. е. М. А. Протасова (см. „Русск. Архивъ“ 1871 г., ст. 0166).

³⁾ Въ той же припискѣ Тургеневъ сообщалъ, что Государь будетъ въ Петербургѣ если не къ 30 Августа, то конечно въ началѣ Сентября, а Уваровъ писалъ (тамъ же, ст. 0165), что при возвращеніи Государя представится удобный случай пристроить Жуковского. Государь возвратился въ Россію только въ Декабрѣ этого года.

Блудова и Дашкова. Къ Блудову я написалъ письмо на прошедшей почтѣ. Его не приняли. Посылаю теперь. И книгу посылаю. Побрани Жихарева ⁴⁾ за то, что онъ не держитъ слова и не написалъ ко мнѣ.

Твой Жуковскій.

Въ письмѣ къ Уварову мой отвѣтъ на ваши письма. Agissez en bon sens ⁵⁾.

LXX ¹⁾.

4 Августа (1815, Дерптъ).

Я получилъ отъ Анны Петровны Юшковой ²⁾ письмо, въ которомъ большія тебѣ благодарности за такое *скорое, дѣятельное и внимательное* исполненіе ея просьбы. Если бы ты самъ получилъ эти благодарности, то, вѣроятно, повѣрилъ бы, что ихъ стоишь. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ты хлопоталъ! Почти такъ же, какъ и о докторѣ Форѣ, который такъ восхищенъ тѣмъ, что еще по сію пору ничего не получилъ отъ Вязмитинова, что даже и не благодарить. Въ отвѣтъ своемъ Юшковой, я тебя однако описалъ *in naturalibus* и посылаю тебѣ твой портретъ для того, чтобы ты мнѣ самъ сдѣлалъ на него критическія замѣчанія. Письмо мое гласитъ такъ: «Оставьте ваши *scrupules* на счетъ Тургенева и не заботьтесь ни о формахъ благодарности, ни о самой благодарности. Вотъ человекъ, которой одаренъ прямо высокою душою. Знаете ли, чтó мѣшаетъ ему быть однимъ изъ первыхъ людей? *Толсто́та*, которая заставляетъ его часто спать вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, и произвольная, но убійственная и для него почти непобѣдимая разсѣянность, въ которую бросили его обстоятельства по службѣ. Прекрасная душа исчезаетъ посреди этого вихря, и я даже не вижу способа помочь этому. Есть одинъ способъ; но боюсь, если онъ его не воскреситъ, то убѣетъ. Во время моего пребыванія

---

⁴⁾ Степана Петровича Жихарева (р. 1787 † 1860, въ званіи сенатора), воспитанника Московск. Университ. Благороднаго Пансіона, автора известнѣхъ Записокъ (Дневникъ студента и Дневникъ чиновника). О немъ см. въ Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 621—623.

⁵⁾ Т. е. дѣйствуйте въ моемъ духѣ.

*

¹⁾ Настоящее письмо ранѣе было напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 года, ст. 453—457, а оттуда перепечатано въ Сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго, изд. подъ ред. П. А. Евремова, изд. 7-е, т. VI, стр. 395 — 398. Теперь оно печатается съ подлинника. Какъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 года, такъ и въ VI томѣ Сочиненій Жуковскаго, годъ, къ которому относится это письмо, опредѣленъ вѣрно (1815); мѣсто же, откуда оно писано, въ обоихъ этихъ изданіяхъ опредѣлено ошибочно (Петербургъ). Кстати замѣтимъ, что въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 года, ст. 789, про это же самое письмо невѣрно замѣчено, будто оно должно быть отнесено къ 1814 году и будто оно писано изъ Муратова.

²⁾ Анна Петровна Юшкова, въ замужествѣ Зонтагъ († 1864), старшая дочь П. Н. Юшкова отъ брака его съ Варварою Аеанасьевною Буниною, известная писательница книгъ для дѣтскаго чтенія.

въ Петербургѣ я провелъ съ нимъ настоящимъ образомъ *нѣсколько часовъ*,—но въ эти часы я прямо былъ *ему радъ!* Таже простая, превышающая все, что вокругъ нея, душа, какая была и во время оно. Онъ не имѣетъ уваженія къ людямъ, потому что ихъ знаетъ и принужденъ возиться съ ними въ одномъ и томъ же навозѣ. Они почитаютъ этотъ навозъ приличною имъ отчизною, онъ же просто грязью. Въ немъ двѣ противности (отъ которыхъ по большей части ему бываетъ плохо съ самимъ собою); совершенное равнодушіе къ окружающему его, происходящее отъ того, что все окружающее его *не стоитъ*, и невольная, но сильная (не душевная, а механическая) привязанность къ этому ничтожному, произведенію обстоятельствъ и врожденной безопасности. Онъ отдалъ себя или, лучше сказать, кѣмъ-то отданъ на волю потока, и несется въ немъ съ грузомъ высокихъ чувствъ и мыслей, которыя въ немъ радуютъ менѣе самого его, нежели его *друзей* въ тѣ *минуты*, въ которыя удается имъ достигъ до его чувствъ и мыслей. Въ эти минуты я всегда бывалъ съ нимъ счастливъ и поздравлялъ себя съ именемъ его друга, потому что это есть великое достоинство. Особенная черта его: *независимость* въ образѣ мыслей и чувствъ ни отъ кого и ни отъ чего, и какая то гордая *безпечность* въ открытіи ихъ передъ другими, такъ что никакая осторожность, никакой, какъ говорятъ Нѣмцы, *Menschenfurcht* ³⁾, его остановить не могутъ. *Я знаю его совершенно.* Но весьма немногимъ можно знать его; мелочному, или не близкому къ нему, или только здравомыслящему человѣку весьма легко имѣть объ немъ самое обыкновенное или невыгодное мнѣніе. Но онъ посреди невыгодныхъ этихъ мнѣній и толковъ разгуливаетъ свободно и безопасно и готовъ спать на остриѣ тѣхъ ножей, которыми думаютъ его изрѣзать. Онъ часто меня удивляетъ. Подумаешь, что онъ или дремлетъ или не слушаетъ, а вдругъ скажетъ что-нибудь такое, что заключаетъ въ себѣ глубокую и справедливую мысль, точное вдохновеніе, но плодъ обдуманности и опыта. Мнѣ всегда забавно видѣть нѣкоторыхъ человѣчковъ, которые, не имѣя и не будучи способны имѣть объ немъ настоящее понятіе, гуляютъ на его счетъ и, будучи безопасны подъ щитомъ его къ нимъ невнимательности, судятъ его рѣшительно, а его *молчаніе* считаютъ за признаніе, коего можно было бы справедливѣе принять за *презрѣніе*, когда бы не было оно произведеніемъ самой простой безопасности насчетъ всего мелочнаго. Самолюбивому и мелочному человѣку трудно его любить, потому что онъ слишкомъ небрежетъ о формахъ и не падитъ никакого самолюбія, менѣе отъ *malignité*, чѣмъ отъ безопасности. Много людей могутъ быть имъ недовольны, потому что множество на него требованій, а онъ по безопасности заботится только о томъ, что почитаетъ важнымъ, мелочное же забываетъ. Зато въ важномъ случаѣ никто такъ просто и безкорыстно не пожертвуетъ *собою*, какъ онъ.— Видишь ли, что мнѣ иногда бываетъ досугъ говорить о тебѣ и что я такъ же о тебѣ иногда рассуждаю, какъ о планѣ своего Владимира. Прочти это Софѣ Петровнѣ ⁴⁾ и сообщи мнѣ ея мысли. Весьма будетъ мнѣ весело, если мое о тебѣ понятіе пройдетъ черезъ ея сердце

³⁾ Человѣкобоязнь.

⁴⁾ Свѣчной.

и въ немъ очистится. Теперь ты, вѣрно, уже получилъ мое письмо. Вотъ дополненіе къ тому, что я писалъ къ Уварову. Чтобы сдѣлать для меня то, что мнѣ надобно, вы должны имѣть настоящее объ немъ понятіе, то-есть о томъ, что мнѣ надобно. Боюсь я этихъ *grands projets* ⁵⁾. Могутъ составить себѣ за меня какой-нибудь планъ моей жизни, да и убьютъ все. Ты можешь обо мнѣ переговорить и съ Нелединскимъ. Онъ въ состояніи все понять и все объяснить Государынѣ просто. Переговори съ Уваровымъ и съ нимъ и объясните все между собою. Тебѣ, кажется, не нужно имѣть отъ меня комментарія на то, что мнѣ надобно. Независимость да и только! Спосობъ писать, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Что, гдѣ и когда писать—мнѣ на волю. Я не буду жильцомъ Петербургскимъ; но каждый годъ буду въ Петербургѣ непременно. Вотъ главная мысль; остальное можешь придумать самъ. Еще скажу одно. Мнѣ бы хотѣлось въ половинѣ будущаго года сдѣлать путешествіе въ Кіевъ и Крымъ. Это нужно для «Владимира» ⁶⁾. Первые полгода я употребилъ бы на приготовленіе; а послѣдніе на путешествіе. Но еще уговоръ, чтобы не давалъ чувствовать, что я пишу Владимира, ишу покровительства для Владимира: если писать сдѣлается для меня обязанностью непременною, то сказываю напередъ, что написано ничего не будетъ. Отвѣчай на это письмо скорѣе. Когда мнѣ надобно пріѣхать?—Да если и на будущей почтѣ ты ничего не напишешь мнѣ о Форѣ, то я надуюсь не на шутку. Не посади меня въ цѣпь мелочныхъ людей, недовольныхъ тобою за безпечность. Я не хочу принадлежать къ этому классу. Прости. Обними за меня твоего несравненнаго Сергѣя и Николая ⁷⁾. На свѣтѣ много прекраснаго и безъ счастья. Давеча поутру я нечаянно развернулъ Бутервека и прочиталъ написанное на одной страницѣ карандашемъ: *Le bonheur consiste dans la vertu qui aime et dans la science qui éclaire* ⁸⁾. Это стало мнѣ теперь понятнѣе. Душа добродѣтельная наслаждается, то-есть любить съ чистотою и безкорыстіемъ; душа просвѣщенная судить себя и все, что ее окружаетъ; истина даетъ прочность наслажденію; великія мысли совершенствуетъ великія чувства, удерживаютъ ихъ на полетѣ! Произведеніе всего этого есть счастье.

---

⁵⁾ Въ письмѣ отъ 29 Іюля 1815 года С. С. Уваровъ, сообщая Жуковскому о разговорѣ, который онъ имѣлъ о немъ 18 Іюля съ императрицею Маріею Феодоровною, писалъ ему: „Императрица прибавила: *J'avais de grands projets sur m. Joukoffsky. Dites le lui, et engagez le en mon nom à hâter son retour ici*“ („Русск. Архивъ“ 1871 г., ст. 0165). Въ письмѣ къ роднымъ въ Бѣлевѣ, отъ 30 Іюля—2 Августа 1815, по поводу этого письма Уварова Жуковскій писалъ слѣдующее: „Лишь бы только выхлопотать независимость, я бы перелетѣлъ къ вамъ, на родину, къ роднымъ... Но признаюсь, мнѣ страшны эти *grands projets*, о которыхъ Уваровъ пишетъ; не готовятъ ли мнѣ неволи? Тогда плохо придетъ моей Музѣ! Я увѣренъ, что ни въ Петербургѣ, ни въ Дерптѣ отъ нея ничего добраго не родится“ („Русск. Старина“ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 98—99).

⁶⁾ См. объ этомъ въ томъ же письмѣ Жуковскаго къ роднымъ („Русская Старина“ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 98).

⁷⁾ С. И. и Н. И. Тургеневыхъ.

⁸⁾ Счастье состоитъ въ добродѣтели, которая любить, и въ наукѣ, которая просвѣщаетъ.

Помнишь ли, что говорит Миллеръ: Lesen ist nichts; lesen und denken etwas; lesen, denken und fühlen die Vollkommenheit ²⁾). На мѣсто lesen поставь leben и прощай. Жуковский.

LXXI.

(Въ половинѣ Августа 1815, Дерптъ).

Вотъ письмо, полученное мною изъ Бѣлева отъ милой женщины, которую ты долженъ любить, какъ сестру, потому что она точно мнѣ сестра ¹⁾, и которой просьбу ты долженъ исполнить. Не одну ея просьбу, но и вмѣстѣ мою. Федоръ Александровичъ Камкинъ, бывший Бѣлевскій почтмейстеръ, былъ мнѣ искренній пріятель ²⁾. Монастыревъ, его помощникъ, очень хорошій человекъ, также мнѣ коротко знакомый. Камкинъ его любилъ, и все, что сдѣлано ему добра, было сдѣлано имъ. Для меня было бы весело довершить это добро, и точно сочту за знакъ твоей дружбы, если ты въ этомъ случаѣ мнѣ поможешь. Прошу тебя, похлопочи и забудь свою безпечность ³⁾. Вѣрно, Козодавлевъ ⁴⁾ захочетъ исполнить такую бездѣльную твою просьбу. А мнѣ будетъ истинною радостію, если честному человеку дадимъ хорошее мѣсто. Братъ, прошу тебя. Скоро обйму тебя. Много, много черезъ недѣлю. Поклонись Уварову и Блудову.

Письмо твое пришло ко мнѣ въ хорошую минуту, въ такую, въ которую я былъ къ тебѣ ближе, потому что писалъ тогда стихи къ доброму человеку, стихи не для печатанія, но для облегченія сердца и для друзей ⁵⁾. Прочту, когда приѣду.

Приложенное письмо тотчасъ доставь Жихареву.

LXXII.

(Во второй половинѣ Августа 1815, Дерптъ).

Прилагаю при семъ письмо Петерсона и прошу тебя о томъ же, о чемъ просить и онъ, то-есть покровительства Гуну ¹⁾. Если можно, то не откажи ему въ его просьбѣ; здѣсь всѣ его разумѣютъ, какъ хоро-

---

¹⁾ Одно чтеніе—ничто; чтеніе и размышленіе—нѣчто; чтеніе, размышленіе и чувствованіе—совершенство.

*

¹⁾ Отъ Авдотьи Петровны Кирѣвской?

²⁾ Ф. А. Камкинъ умеръ, вѣроятно, въ Іюль 1815 года. Соболезнуя объ его кончинѣ, Жуковский писалъ 2 Августа 1815 г. роднымъ въ Бѣлевъ: „Бѣдной Федоръ Александровичъ! Жаль его отъ всего сердца! Еще однимъ прекраснымъ, благороднымъ чело-вѣкомъ менѣе въ нашемъ кругу!“ („Русская Старина“ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 100.—Замѣтимъ, что въ „Русской Старинѣ“, какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и въ т. XXXVII, стр. 454, фамилія Камкина напечатана невѣрно: Кашкинъ).

³⁾ Вѣроятно, Монастыревъ хотѣлъ получить мѣсто Бѣлевскаго почтмейстера.

⁴⁾ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ († 1819) былъ въ то время министромъ внутренннихъ дѣлъ.

⁵⁾ Здѣсь Жуковский, очевидно, разумѣетъ стихи „Старцу Эверсу“, написанные имъ 14 Августа 1815 (см. Соч. Жуковского, изд. 8-е, т. I, стр. 485—487).

*

шаго и почтеннаго человѣка. А я тебѣ напомнимъ, что братъ его ²⁾ бывалъ у твоего отца во время болѣзни и старался усердно ему помочь.

Я поѣду отсюда 21 или 22-го ³⁾. Это еще не будетъ поздно. Нечего о себѣ сказать добраго.

Я на будущее смотрю безъ желанія и ожиданія. Изъ дурнаго лучшаго для меня уединенная и занятая жизнь, слѣдственно не Петербургская и не Дерптская ⁴⁾. Но какая бы ни была, все будетъ полумертвая! Прощай, братъ.

ЛХХІІІ.

Дерптъ, Апрѣля 12 (1816).

Податель этого письма есть докторъ Лебрень ¹⁾, учившійся въ здѣшнемъ университетѣ. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ искать себѣ мѣста и просилъ меня дать къ тебѣ рекомендательное письмо. Ты очень обязешь меня (хотя не очень надѣюсь, чтобы твоя безпечность дозволила тебѣ меня обязать), если постарайся помочь ему въ приисканіи какой-нибудь должности. Онъ учился очень хорошо и имѣетъ много способностей, съ большими свѣдѣніями. Я думаю, что онъ хочетъ служить по части финансовъ. Будучи знакомъ съ Гурьевымъ ²⁾, ты можешь его смѣло рекомендовать, какъ человѣка весьма способнаго, министру. Прошу тебя сдѣлать для него, что можешь.

Что у васъ дѣлается? Отчего не имѣю отъ тебя ни строчки? Имѣешь ли извѣстіе о Карамзинѣ ³⁾? Я еще ни за что не принимался

---

¹⁾ Вѣроятно рѣчь идетъ о Готтгардѣ - Фридрихѣ Гунѣ (р. 1753 † 1824), который былъ членомъ Курляндской Консистеріи, а съ 1817 года Курляндскимъ суперинтендантомъ.

²⁾ Братъ предыдущаго Гуна, Отто Гунъ (р. 1764 † 1832) съ 1804 по 1807 годъ жилъ въ Москвѣ въ качествѣ домашняго врача графа Алексѣя Разумовскаго. Объ обоихъ Гунахъ см. въ Словарѣ Рекке и Наліерскаго.

³⁾ Выѣхалъ Жуковский въ Петербургъ 24 Августа (см. „Русскую Старину“ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 101). Представленіе его Государынѣ Маріи Феодоровнѣ состоялось 4 Сентября (тамъ же, стр. 103).

Во всемъ, во всемъ печальный слышу гласъ,
Что ничего мнѣ жизнь не обѣщаетъ.

Въ посланіи къ Тургеневу 1813 года („Другъ, отчего печаленъ голосъ твой?“) находятся весьма съ приведенными въ письмѣ сходные стихи:

Во всемъ, во всемъ прискорбный слышенъ гласъ,
Что ничего намъ жизнь не обѣщаетъ.

⁴⁾ Тѣ же мысли мы находимъ и въ письмахъ Жуковскаго къ А. П. Кирѣевской отъ 2 Августа и 16 Сентября 1815 года (см. „Русск. Старина“ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 99 и 101).

*

¹⁾ Александръ Лебрень (Lebrun), родомъ изъ Женевы, въ 1816 году получилъ отъ Дерптскаго университета степень доктора философіи за представленную имъ диссертацию „Essai historique sur le commerce de la Mer Noire“.

²⁾ Съ министромъ финансовъ Д. А. Гурьевымъ (впослѣдствіи графомъ).

³⁾ Карамзинъ ѣздилъ въ Суздаль (см. Соч. Батюшкова, т. III, стр. 382).

по той причинѣ, что еще нѣтъ у меня горницы. Скоро поспѣеть; тогда и за работу.

Прости. Обними Блудова. Будутъ къ вамъ письма, и прекрасныя письма, но не теперъ. Ж.

Р. С. Воейковъ собрался ѣхать въ Кіевъ и въ Крымъ. Онъ проситъ рекомендацiонныхъ писемъ къ архіепископамъ Кіевскому, Черниговскому и Псковскому. Пришли ихъ. Это путешествіе, вѣроятно, мечта; но если, оно сбудется, то эти письма могутъ быть ему полезны. Ты долженъ ихъ написать для его жены, которая съ нимъ ѣдетъ, и для меня. Не откажи въ этомъ.

Адресъ: Его высокородію Александру Ивановичу Тургеневу, въ С.-П.-бургѣ, на Фонтанкѣ, противъ Михайловскаго замка, въ домѣ князя Александра Николаевича Голицына.

LXXIV.

(Весна 1816 года, Дерптъ).

Милой другъ Жихаревъ, обнимаю тебя за твои дружескія хлопоты. Вотъ тебѣ отвѣтъ на твой запросъ: нельзя ли для вѣрности оставить въ герольдіи однѣ *копіи за скрѣпкою* съ тѣхъ бумагъ, которыя ты получилъ отъ меня ¹⁾, а оригиналы мнѣ возвратить? Я думаю, что эти копіи могутъ такими же служить документами, какъ и оригиналы. Если же это ты сдѣлать можешь, то одолжишь меня чувствительно. Я очень боюсь, чтобы эти бумаги какъ-нибудь не затерялись въ твоемъ отсутствіи. Если же копій не захотятъ, то возврати бумаги мнѣ; я ихъ тебѣ опять доставлю, по прибытіи твоемъ въ Петербургъ, и тогда похлопочи съ обыкновеннымъ твоимъ усердіемъ.

Благодарю тебя за дружеское твое снисхожденіе къ моимъ карманнымъ причудамъ. Оно весьма, весьма для меня благопріятно и весьма во-время. — Надолго ли ты ѣдешь изъ Петербурга и куда? Но куда бы ты ни поѣхалъ и гдѣ бы ни сидѣлъ, люби меня по старому, по арзамасски, какъ я самъ тебя люблю. Не сердись однако на мою лѣнь писать письма; въ этомъ случаѣ я достигъ совершенства. Прости. Твой Жуковский.

Тургеневъ! Я получилъ перстень и письмо отъ Логинова ²⁾.

Я не пою *дорога твоя любовь*, ибо не знаю, на какой голосъ это пѣть надобно.

У тебя есть Лаврушка. У меня Максимъ ³⁾. Кому жъ изъ насъ нужно болѣе терпѣнія? У тебя болитъ желудокъ, и у меня также. Ты пухнешь, а я худѣю. Ты имѣешь много дѣла и ничего не дѣлаешь и

*

¹⁾ Жихареву, какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ LXXVIII и LXXXI, были доставлены Жуковскимъ бумаги Василія Андреевича Азбукина (женатаго на Екатеринѣ Петровнѣ Юшковой), для представленія ихъ въ Герольдію.

²⁾ Отъ секретаря Императрицы Елисаветы Алексѣевны Николая Михайловича Логинова (+1858, въ званіи члена Государственнаго Совѣта).

³⁾ Слуга Жуковскаго. Объ этомъ Максимѣ говорится въ одномъ изъ Долбинскихъ стихотвореній Жуковскаго.

только радуешься этимъ, потому что имѣешь предлогъ не исполнять того, что тебѣ поручаютъ, то-есть: не думать о нѣкоторыхъ Французскихъ плѣнныхъ лѣкаряхъ, которые просятъ домой, не писать писемъ къ архіереямъ, не присылать моихъ печатныхъ стиховъ и прочее и прочее.

Радость моя, напиши къ Евгенію ⁴⁾; напиши къ Кіевскому архіерею ⁵⁾. Твои письма могутъ быть полезны *женѣ* Воейкова; *она* поѣдетъ въ Крымъ, а *она* останется въ Кіевѣ и, можетъ быть, ей нужнымъ будетъ въ чемъ-нибудь архипастырское пособіе. Но *напиши тотчасъ* по полученіи письма моего и посылай прямо въ Псковъ и Кіевъ, ибо Воейковъ ѣдетъ черезъ четыре дня изъ Дерпта, и здѣсь твои письма его уже не застанутъ. Обнимаю тебя до первой охоты писать. Обнимаю Блудова и Кавелина. Къ нимъ буду писать на одной изъ слѣдующихъ почтъ. Я скоро поѣду осматривать нѣкоторыя мѣста Лифляндіи. По возвращеніи буду писать болѣе.

Къ Логинову буду писать послѣ почты.

LXXV.

(Весною или въ началъ лѣта 1816 года, Дерптъ).

Посылаю тебѣ экземпляръ Берговыхъ Писемъ ¹⁾. При немъ письмо къ князю ²⁾ и также экземпляръ. Князь, какъ тебѣ извѣстно, требовалъ, чтобы Бергъ доставилъ ему свою книгу прежде публикаціи. Прошу тебя быть въ этомъ случаѣ ходатаемъ Берга. Я читалъ его письма. Въ нихъ не только нѣтъ ничего, могущаго возмутить правовѣрныхъ, но напротивъ много такого, что можетъ подкрѣпить вѣру. Последнія письма (13—17) заключаютъ въ себѣ мысли, возвышающія душу. Я увѣренъ, что и надъ тобою произведутъ они тоже дѣйствіе, какое произвели надо мною. Прошу обратить на нихъ особенное вниманіе князя и вообще прошу быть защитникомъ Берга. Я ручаюсь тебѣ, что онъ совершенно удаленъ отъ всякаго шарлатанства. Для него важно весьма *выдать* эту книжку: первое, потому что она напечатана въ пользу бѣднаго семейства, второе и потому, что теперь, если ее запретятъ, можетъ это навлечь на него какое-нибудь незаслуженное подозрѣніе въ мнѣніи общемъ. Не полѣнись прочитать самъ эти 120 страницъ. Увидишь, что въ нихъ нѣтъ ничего противнаго общему порядку. За вѣрность же *всѣмъ* описанныхъ обстоятельствъ я отвѣчаю тебѣ; нѣкоторые очевидные свидѣтели мнѣ знакомы и все то утверждаютъ своимъ

---

⁴⁾ Знаменитому Евгенію Болховитянову, въ то время архіепископу Псковскому а впоследствии Кіевскому митрополиту.

⁵⁾ Митрополитомъ Кіевскимъ былъ тогда Серапіонъ (Александровскій), въ 1822 году уволенный на покой.

*

¹⁾ Рѣчь идетъ о небольшой книжечкѣ (120 страницъ въ д. л.) пастора Карла Эрнста Берга „Briefe über eine magnetische Kur von einem Livländischen Landprediger. Geschrieben im Januar 1816, zum Besten einer sehr armen Familie“, напечатанной въ Дерптѣ въ 1816 году, безъ имени автора.

²⁾ Къ князю А. Н. Голицыну, министру просвѣщенія.

свидѣтельствомъ, о чемъ говорить авторъ. Однимъ словомъ, не откажи мнѣ употребить все *возможное* тебѣ стараніе въ пользу человѣка, достойнаго всякаго почтенія и мнѣ особенно любезнаго. Это сочту знакомъ дружбы и позволю за это совершенно забыть о стихахъ моихъ. Я желалъ бы, чтобы ты, *прежде* нежели отдашь письмо Берга князю, прочиталъ его книжку и сказалъ князю объ ней свое мнѣніе. Я увѣренъ, что твое мнѣніе не можетъ не быть въ пользу Берга; оно, вѣроятно, будетъ имѣть вліяніе и на князя. Отвѣчай, прошу тебя, на это поскорѣй; и постарайся, чтобы Бергъ *поскорѣе* могъ получить разрѣшеніе. Ж.

Благодарю за рекомендательныя письма. Воейковъ уже уѣхалъ, и въ Псковъ письмо *отоздало*. Но я и это прощу, если только не польнишься хорошенько похлопотать о Бергѣ. Эпитаію³⁾ пришлю тотчасъ по полученіи *ответа* и рисунокъ.

LXXVI.

(Львомъ 1816 года, Дерптъ).

Ты прислалъ ко мнѣ два письма изъ Петербурга, я получилъ ихъ; но при нихъ нѣтъ отъ тебя ни строчки. Въ нѣкоторыхъ вещахъ ты имѣешь удивительное постоянство; особенно въ общей намъ добродѣтели—въ лѣни. Неужели не могъ ты сказать мнѣ о себѣ ни слова? По крайней мѣрѣ хотя бы увѣдомить меня о судьбѣ моихъ стиховъ.

Я о себѣ теперь не буду тебѣ рассказывать ничего. Надобно входить въ подробности, а мнѣ надобно написать еще нѣсколько писемъ. Скажу только одно: будь на *мой* счетъ совершенно спокоенъ. Я теперь точно таковъ, какимъ мнѣ быть *должно*, и это не стоить мнѣ никакого усилія. *Ръшительность* всемогущій чародѣй; она можетъ перемѣнить душу. Но объ этомъ буду писать къ тебѣ много, и это *нужно* (то-есть писать къ тебѣ), дабы самому для себя объяснить все какъ можно лучше. Мнѣ здѣсь хлопотъ будетъ довольно, но могу только поручиться за одну добрую волю свою, и буду, помня слова моего евангелиста, то-есть Карамзина, думать только о томъ, чтобы ее совершенствовать, оставляя все прочее на волю Провидѣнія: ибо все прочее принадлежитъ Ему такъ же неограниченно, какъ наша воля, способная совершенствоваться, принадлежитъ намъ. Во всякомъ искусствѣ, во всякой наукѣ (сказалъ, не помню, кто) надобно имѣть два или три главныхъ фундаментальныхъ правила, такихъ, которые бы можно было примѣнять ко всѣмъ или почти ко всѣмъ случаямъ. Жизнь—искусство. И вотъ два правила, которые едва ли не ко всему пригодятся: *совершенствовуй волю, все въ жизни къ прекрасному средство*. Первое есть цѣль всей жизни; послѣднее можетъ служить масштабомъ для всякаго случая жизни. Нѣтъ такого положенія, счастливое ли оно или несчастное, которое бы не могло быть средствомъ къ прекрасному.

Но полно философствовать. Голова болитъ, и я чувствую, что слогъ этого письма пахнетъ Глинкою. Предлагаю тебѣ нѣчто, могущее

---

³⁾ Для надгробнаго памятника Ивану Петровичу и Андрею Ивановичу Тургеневымъ.

служить средствомъ къ прекрасному: *выхлопотать свободу Фору и уведомить меня о томъ, что ты сдѣлалъ по письму Берга. Если жъ ничего не сдѣлалъ, то сдѣлать. Прекрасное для тебя въ этомъ случаѣ: побѣда надъ лѣнью и разсѣянностію, услуга добрымъ людямъ и мнѣ* одолженіе.

Обними за меня Блудова, и Кавелина, и Уварова. Приложенное письмо отдай Жихареву.

LXXVII.

(Лѣтомъ 1816 года, Дерптъ).

Ты пишешь ко мнѣ коротко и спѣшишь безъ памяти дописать. Такъ точно и я буду писать къ тебѣ.

Мало того, что Фору обѣщана свобода, надобно дать ее. Тебѣ стобитъ черкнуть два раза перомъ или заставить Боголюбова ¹⁾ черкнуть, чтобы выхлопотать для человѣка то, отъ чего, можетъ-быть, зависить его судьба. Чергни же. Ты лѣнивѣцъ обвиняешь лѣнивца Сиверса ²⁾; между тѣмъ экземпляры бѣднаго Берга лежать и гніють. Крючки на Сиверса. Это еще легче, нежели написать записку.

Пришли стихи и скажи слова два о праздникѣ.

Обними Блудова и вели ему написать ко мнѣ.

Чтобы раздѣлаться со скукою, вспомни нашъ послѣдній разговоръ и исполни то, что мы думали вмѣстѣ. Я здѣсь (ож)иваю, но надолго ли? увидимъ.

Дѣятельность - жизнь

Я - твой

Теперь - навсегда.

1. АВ. Всѣ мои письма для тебя, Блудова и Кавелина, и наоборотъ.
2. АВ. Объятіе Уварову, Сѣверину, Жихареву.

LXXVIII.

(Во второй половинѣ Іюня 1816, Дерптъ).

Милой другъ, два слова, ибо писать болѣе некогда: я укладываюсь, ѣду съ *своими* черезъ два или три часа въ Ревель; писать надобно еще много писемъ, и всѣ будутъ самыя краткія. Ты долженъ одолжить меня весьма много. Напиши вторичное письмо къ Кіевскому архіерею, въ которомъ попроси его оказать въ *случаѣ нужды* помощь Александрѣ Андреевичѣ Воейковой. Прошу тебя не полѣниться и тотчасъ написать это письмо. Она теперь въ Кіевѣ; осталась тамъ одна, могутъ случиться такія обстоятельства, въ которыхъ ей нужна будетъ помощь, можетъ случиться недостатокъ въ деньгахъ и пр. и пр. Письмо свое адресуй слѣдующимъ образомъ: *Его высокоблагородію Ясону Савичу Бажанову, господину почтмейстеру въ Кіевъ, для передачи Але-*

¹⁾ Варфоломей Филиповичъ Боголюбовъ, человѣкъ близкій къ сильнымъ міра сего. См. о немъ и его письма къ князю А. В. Буракину въ „Р. Архивѣ“ 1893 года.

²⁾ Вѣроятно, графа Егора Петровича Сиверса, бывшего начальникомъ отдѣленія въ Департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

ксандръ Андреевнъ Воейковой. Можешь написать къ ней самой два слова; въ этотъ пакетъ вложи письмо къ архіерею, дабы вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ могла она къ нему явиться. Это на случай; можетъ быть, и не будетъ нужды твоимъ письмомъ воспользоваться. Если же оно пригодится, то для тебя же лучше: ты окажешь тогда помощь лучшему въ свѣтѣ творенію.

Обо мнѣ не безпокойся. Мои обстоятельства хороши, ибо все идетъ, какъ должно.

Когда увидишь Николая Михайловича ¹⁾, пожми хорошенько его милую руку и Екатеринѣ Андреевнѣ скажи мое сердечное почтеніе. Черезъ Дерптъ проѣхалъ графъ Сергій Петр(овичъ) Румянцовъ ²⁾. Онъ былъ у меня, потомъ я просидѣлъ у него цѣлой вечеръ съ Моргенштерномъ и Парротомъ ³⁾. Мы много говорили о нашемъ Николаѣ М(ихайловичѣ), которому онъ кланяется. И Полетика ⁴⁾ былъ у меня; я благословилъ его въ путь. Жаль мнѣ очень, что не вижу Софьи Петровны ⁵⁾. Я буду на дорогѣ въ Ревель, въ то время, когда она проѣдетъ черезъ Дерптъ. Такъ же точно пропустилъ я и княгиню Гагарину: меня не было въ городѣ. Іюль и Августъ весь проведу въ странствіи. Іюль въ Ревелѣ; Августъ въ Венденской округѣ, въ которой буду бродить по развалившимся замкамъ, изъ которыхъ нѣкоторые весьма живо напоминаютъ кротости блаженнаго Царя Ивана Васильевича.

Обними Блудова, Уварова и Кавелина, Жихарева-кавалера и Сѣверина. Что жъ Жихаревъ не скажетъ мнѣ ни слова о бумагахъ Азбукина ⁶⁾?

Уткинъ ⁷⁾ просилъ тебя похлопотать за него у князя Голицына. Сдѣлай это, прошу тебя. Приложенное письмо къ нему перешли поскорѣе. Нужное. Я не знаю, гдѣ онъ теперь: въ домѣ ли Катерины Ѳедоровны ⁸⁾ или въ Академіи. Похлочи объ пересылкѣ.

---

¹⁾ Карамзина, Екатерина Андреевна—жена исторіографа.

²⁾ Графъ Сергій Петровичъ Румянцовъ (братъ канцлера) прибылъ въ Дерптъ 14 Іюня 1816 года (см. Dörptsche Zeitung 1816 года, № 49, отъ 18 Іюня, отдѣлъ: Angekommene Fremde).

³⁾ Профессоръ Дерптскаго Университета: Моргенштернъ, по каедрѣ классической филологіи, эстетики и исторіи искусствъ, человѣкъ глубоко ученый и съ многостороннимъ образованіемъ, а Парротъ (извѣстный своимъ заступничествомъ за Сперанскаго предъ императоромъ Александромъ I)—по физикѣ.

⁴⁾ Петръ Ивановичъ Полетика собирался тогда ѣхать въ Америку.

⁵⁾ Свѣчиной; она проѣхала черезъ Дерптъ 6 Іюля 1816 года на пути изъ Петербурга за границу (см. Dörptsche Zeitung 1816 года, № 55, отдѣлъ Durchpassirte Reisende). Княгиня Екатерина Петровна Гагарина—сестра Свѣчиной.

⁶⁾ Объ Азбукинѣ см. выше, въ прим. 1-мъ къ письму LXXIV-мъ.

⁷⁾ Извѣстный граверъ Николай Ивановичъ Уткинъ. Нѣсколько записокъ къ нему Жуковскаго напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1883 г., т. XXXVII, стр. 485—487.

⁸⁾ Муравьевой Уткинъ, съ лѣвой стороны, былъ братъ ея супруга М. Н. Муравьева.

17 Августа (1816) Дерптъ.

Я опять въ Дерптѣ и спѣшу тебѣ отвѣчать. Я получилъ твое письмо въ Ревелѣ. Не вини меня, милой другъ, что отвѣчалъ тебѣ не тотчасъ; ты знаешь, что обыкновенно дѣлается съ моими и твоими письмами и какъ они пишутся. Даже и извѣстiе о кончинѣ нашего общаго благодѣтеля ¹⁾ не побѣдило меня. Ну, братъ,

Часъ отъ часу пустѣетъ свѣтъ,
Пустѣй дорога передъ нами ²⁾.

И ты просишь отъ меня стиховъ въ честь его памяти! Я напишу ихъ, но такъ же точно, какъ писалъ объ твоёмъ и моёмъ отцѣ ³⁾, въ такую минуту, въ которую душа будетъ болѣе достойна прошедшаго, живѣе, выше. Теперь стихи, то-есть *хорошее*, изъ нея не льется. Дай воскреснуть. Но не относи этого состоянiя къ извѣстнымъ тебѣ обстоятельствамъ. Они въ порядкѣ. Я тебя не обманываю: *здѣсь* все идетъ какъ должно, и я не могу ни въ чемъ себя упрекать. Суди обо мнѣ по себѣ. Со мною, кажется, дѣлается точь-въ-точь тоже, что съ тобою. Когда же мы опять выпрыгнемъ изъ этой грязи?

Прости, другъ безцѣнный. Когда воротится ко мнѣ вдохновенiе, и писать буду къ тебѣ болѣе. Обнимаю тебя. Твой вѣрный Жуковский.

Обними Уварова и Кавелина. Увѣдомь объ нихъ. Къ Блудову я не писалъ еще ни разу. Что жъ мнѣ дѣлать съ этою лѣнью, которая и меня, и его мучить, меня сушить, а его пучить? Здоровъ ли онъ? Не сердится ли на меня? Увѣренъ ли, что я могу любить его молча?

Гдѣ Жихаревъ? Возвратился ли изъ Москвы? Попроси его написать ко мнѣ.

Правда ли, что ты дѣйствительный статскiй совѣтникъ? ⁴⁾ Если правда, то купи мнѣ и поскорѣ пришли Ундину. Весьма, весьма одолжишь. Она мнѣ очень нужна ⁵⁾.

¹⁾ Ивана Владимировича Лопухина, скончавшагося 22 Юня 1816 года.

²⁾ Эти стихи находятся въ Посланiи Жуковскаго къ А. О. Воейкову, писанномъ въ 1814 году и начинающемся словами: „Добро пожаловать, пѣвецъ“.

³⁾ Т. е. объ И. П. Тургеневѣ, теплыя воспоминанiя о которомъ см. въ Посланiи Жуковскаго къ А. И. Тургеневу 1813 года („Другъ, отчего печаленъ голосъ твой?“).

⁴⁾ Въ дѣйствит. ст. совѣтника А. И. Тургеневъ произведенъ 22 Юля 1816 г.

⁵⁾ Въ это время Жуковский былъ занятъ планами издавать, въ сообществѣ Д. В. Дашкова, Альманахъ, по двѣ книжки въ годъ, изъ которыхъ одна должна была состоять изъ однихъ Русскихъ сочиненiй въ стихахъ и прозѣ, а также изъ переводовъ въ стихахъ, а другая—представлять изъ себя собранiе переводовъ изъ образцовыхъ Нѣмецкихъ писателей, также въ стихахъ и прозѣ. Для первой книжки на 1817 годъ Жуковский, между прочимъ, хотѣлъ дать свой переводъ первой половины Ундины (см. письмо его къ Д. В. Дашкову отъ конца 1816 или начала 1817 года, напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1868 года, ст. 837—843). Планы Жуковскаго не осуществились. Къ переводу Ундины онъ обратился въ 1833 году (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго“, стр. 105), а самый переводъ явился въ свѣтъ въ 1837 году. И. Б. И такъ 20 лѣтъ зрѣло это чудное произведенiе „Русской словесности“. П. Б.

24 Августа (1816), Дерптъ.

Милой другъ, я къ тебѣ съ просьбою. Братъ Воейкова живетъ въ Петербургѣ по дѣлу, котораго счастливое окончаніе должно дать имъ обѣимъ 1000 душъ или болѣе. Дѣло по всеѣмъ разсказамъ справедливое; и ты, какъ пишеть Петербургскій Воейковъ къ Дерптскому, можешь имѣть на ходъ его большое вліяніе; но Воейковъ жалуется на твою холодность. Если ты холоденъ къ его персонѣ, то я молчу и повторяю стихъ Карамзина:

Увы, насильно милымъ

Не будешь никому ¹⁾.

Если же ты холоденъ къ его дѣлу, то постарайся разгорячиться и вступишь въ него, то-есть когда оно справедливое, постарайся, чтобы оно скорѣе было кончено. Воейкова состояніе разстроено; 500 душъ будутъ весьма кстати. Чтобы придать тебѣ жару, прибавлю: его жена и дочь мои крестницы. Подавъ имъ помощь, ты поможешь *моей* семьѣ. Обнимаю тебя. Твой Жуковский.

Опять повторяю просьбу объ Ундиинѣ. Она продается и отдѣльно, и съ другими повѣстями, напечатанными въ четырехъ книжкахъ подъ титуломъ: *Die Jahrszeiten* ²⁾. Купи для меня все, если найдешь. Очень, очень буду обязанъ. Чтобы раззадорить тебя, скажу, что эта книжка нужна *моей* Музѣ.

Я забылъ тебѣ написать, что уже мѣсяца три, какъ я получилъ отъ Дерптскаго университета докторской дипломъ (почетный).

LXXXI.

(Въ Сентябрѣ 1816, Дерптъ).

Милой другъ, ты не отвѣчаешь мнѣ на мои письма. Я просилъ тебя увѣдомить меня о ходѣ дѣла Воейкова; ты ни слова. Отложи свою лѣнь и напиши объ немъ поподробнѣе. Не упусти случая похлопотать за мою крестницу; дѣло, сколько я знаю, правое. Отъ тебя отчасти зависитъ, чтобы оно рѣшено было скорѣе. Помогни ему.

Я здѣсь совсѣмъ огерманился. Не знаю ничего, что дѣлается на сценѣ Русской словесности. Вяземской писалъ ко мнѣ, что за меня была ссора въ журналахъ ¹⁾ Я объ ней и понятія не имѣю. Ты завла-

---

¹⁾ Въ стихотвореніи Карамзина „Прости“ (1792 года) встрѣчаются слѣдующіе стихи, похожіе на приведенные въ письмѣ Жуковскаго:

Насильно полюбится

Не можно никому.

²⁾ Сборникъ *Die Jahreszeiten. Eine Vierteljahrsschrift für romantische Dichtungen*, былъ изданъ авторомъ „Ундины“ Ламоть-Фукъ въ Берлинѣ, въ четырехъ тетрадяхъ, въ 1811—1815 гг.

*

¹⁾ Извѣстно, что послѣ того какъ князь А. А. Шаховской поставилъ въ 1815 году на сценѣ свою комедію „Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды“, въ которой онъ осмѣялъ Жуковскаго въ лицѣ балладника Фіалкина, друзья Жуковскаго вступились за него и воз-

дѣлъ моимъ Сыномъ Отечества, и Лаврушка читаетъ его съ гордою безпечностію . . . . *) Я здѣсь только радуюсь Харьковскимъ Демокритомъ †).

Начинаю понемногу писать. Чтѣ пишу, о томъ ни слова. Пора перестать мнѣ обо всемъ напередъ разсказывать. Но ты не получишь ничего по тѣхъ поръ, пока я не получу отъ тебя Ундины и отвѣта на запросъ по дѣлу Воейкова. Возвратился ли Жихаревъ? Поклонись ему и попроси его, чтобы написалъ ко мнѣ; да чтобы не забылъ возвратить мнѣ бумаги Азбукина.

Къ Блудову не иначе буду писать, какъ со стихами; просто не смѣю, потому что слишкомъ вѣрно плачѣ ему за его молчанье своимъ молчаньемъ. Обнимаю его съ стѣсненнымъ сердцемъ. Мнѣ очень больно, что я къ нему не пишу; но чтѣ же дѣлать, надобно покоряться судьбѣ своей; а моя судьба лѣнь. Обнимаю Уварова. Чтѣ вы замолкли о Фесслерѣ ‡)? А прогос, правда ли, что у васъ затѣвается опять Азіятская Академія §)? Если такъ, то у меня есть наготовѣ одинъ страстной любитель Востока, котораго рокомендую Уварову. Прости.

Твой Жуковскій.

LXXXII †).

(Въ Сентябрѣ или Октябрѣ 1816, Дерптъ).

Посылаю тебѣ требуемое тобою письмо ‡); не знаю, годится ли.

горѣлась литературная борьба: въ „Сынѣ Отечества“ и „Россійскомъ Музеумѣ“ посыпались на князя Шаховскаго эпиграммы князя Вяземскаго, Блудова и другихъ. Однимъ изъ злѣйшихъ гонителей князя Шаховскаго явился Д. В. Дашковъ, напечатавшій въ № 42 „Сына Отечества“ 1815 года свое извѣстное „Письмо къ новѣйшему Аристофану“.

*) Выпущена одна фраза.

†) „Харьковскій Демокритъ“, журналъ издававшійся въ Харьковѣ Василиемъ Масловичемъ въ Январѣ - Июнѣ 1816 года.

‡) Извѣстный докторъ правъ Игнатій Фесслеръ, вызванный въ Россію въ 1810 году Сперанскимъ, занявшій въ этомъ году каведру философіи въ С.-Петербургской Духовной Академіи, по всего черезъ пять мѣсяцевъ удаленный изъ Академіи, состоялъ затѣмъ въ Коммисіи Составленія Законовъ, для занятій по предметамъ, къ теоріи уголовного права принадлежащимъ. Умеръ онъ суперинтендентомъ и предсѣдателемъ Саратовской Евангелической Консисторіи.

§) Упроченіе знаній восточныхъ языковъ было давнишнимъ желаніемъ С. С. Уварова. Въ 1816 году, вслѣдъ за преобразованиемъ С.-Петербургскаго Педагогическаго Института, Уваровъ вызвалъ туда двухъ рекомандованныхъ Сильвестромъ-де-Саси учениковъ его: Деманжа и Шармуа, которые были приняты прямо ординарными профессорами, первый Арабскаго, а второй—Персидскаго языка (см. В. В. Григорьевъ, С.-Петербургскій Университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія, стр. 21).

*

†) Письмо это перепечатывается изъ „Русскаго Архива 1867 года, стр. 799—801, гдѣ оно было издано по точной копіи съ подлинника, принадлежавшаго Николаю Ивановичу Тургеневу.

‡) Приложенное къ настоящему письму письмо Жуковскаго къ Императору Александру I-му.

Но скажи мнѣ, нужно ли писать мнѣ это письмо? Ты хочешь представить Государю книгу мою ³⁾ черезъ министра просвѣщенія: всего бы приличнѣе ему самому и обратить на нее вниманіе Государя. А мнѣ какъ подносить ему такую книгу, которая съ годъ какъ напечатана, и напечатана по подпискѣ и раздана же отъ меня самого многимъ? Министръ можетъ и имѣеть право представить ее, какъ новое произведеніе литературы, сказать объ ней свое мнѣніе и проч. А мнѣ съ какой стати писать объ ней? И какъ ни будь написано мое письмо, все оно будетъ какъ будто просьба. Впрочемъ, могу и ошибиться. Вотъ письмо: дѣлай съ нимъ что хочешь. Вели переписать и подпиши мое имя.

Въ началѣ Декабря я буду въ Петербургѣ. Приѣду на 1½ мѣсяца; потомъ отправлюсь опять въ Дерптъ, и изъ Дерпта въ Вѣлевъ. Прошу у тебя позволенія привезти съ собою одного изъ здѣшнихъ моихъ знакомыхъ Вейрауха ⁴⁾. Онъ не стѣснитъ тебя: онъ будетъ жить въ моей горницѣ; а ты можешь быть ему полезенъ. Это человекъ съ необыкновенными дарованіями, поэтъ въ обширномъ значеніи сего слова; слѣдовательно со многими странностями, къ которымъ напередъ прошу тебя быть снисходительнымъ. Увѣдомь меня, могу ли его привезти съ собою?

Проектъ письма Жуковскаго къ Императору Александру Павловичу.

Всемилоствѣйшій Государь!

Осмѣливаюсь повергнуть къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества слабые труды свои. Не льщу себя надеждою, что они обратятъ на себя вниманіе Ваше, всемилоствѣйшій Государь; но смѣю думать, что чувства, изображенные въ нѣкоторыхъ стихахъ моихъ, посвященныхъ славѣ отечества, дадутъ мнѣ право желать сего вниманія.

Смѣю думать, всемилоствѣйшій Государь, что писатель, уважающій свое званіе, есть такъ же полезный слуга своего отечества, какъ и воинъ, его защищающій, какъ и судья, блюститель закона. Одобреніе Государя освящаетъ труды его; быть достойнымъ сей награды есть добродѣтель писателя; стремиться къ сей прекрасной цѣли есть обязанность. Въ священномъ одобреніи Государя заключено одобреніе отечества: оно даетъ право на уваженіе современниковъ и потомства.

Всемилоствѣйшій Государь! Одно изъ стихотвореній своихъ дерзнулъ я украсить Вашимъ именемъ. Если удостоите обратить на него вниманіе, то повѣрите, что оно произведено искреннимъ, свободнымъ чувствомъ, а не ласкательствомъ. Стихи:

Все сладкое для сердца, честь, свобода,
Великость, слава, миръ, отечество, алтарь,
Все, все слялось въ одно святое слово: царь!

---

³⁾ Сочиненія Жуковскаго, вышедшія въ свѣтъ въ 1815 году.

⁴⁾ Вейраухъ—музыкантъ и стихотворецъ. Имъ были положены на музыку нѣкоторыя пѣсни Жуковскаго, см. Зейдлицъ, Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго (СПБ. 1883) стр. 81, примѣчаніе, и замѣтку П. А. Висковатова въ брошюрѣ, изданной Н. И. Стояновскимъ „В. А. Жуковскій. Чествованіе его памяти“ (СПБ. 1883), стр. 80).

сказаны не поэтось, а восхищепнымъ подданнымъ царю добродѣтельному, отъ лица всего народа.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанный Василій Жуковскій.

LXXXIII ¹⁾.

21 Октября (1816, Дерптъ).

Если хочешь, чтобъ я кончилъ *Пѣвца* ²⁾, то пришли его мнѣ; у меня нѣтъ списка; пришли скорѣе. Я писалъ къ тебѣ и Вяземскому въ Москву о причинахъ, которыя мѣшали мнѣ кончить эту пѣсу, по моему мнѣнiю слабую. Но..... когда Государь *долженъ узнать объ ней*, вижу, что кончить ее надобно. Не надѣюсь однако на большой успѣхъ. Вспомни, что она писана была *въ одно время съ Посланiемъ*, въ удивленiи..... Того, что уже написано, я бы теперь написать не могъ; но, слава Богу, что оно уже написано, съ искреннимъ безкорыстнымъ чувствомъ, безъ всякой другой побудительной причины, кромѣ удовольствiя писать. Что осталось, то одно *общее*. Мнѣ было бы тяжело думать, что такая пѣса написана для какихъ-нибудь личныхъ видовъ, и сохрани Богъ мою чистую, посвященную благороднымъ друзьямъ моимъ лиру отъ всякой заразы корысти! Присылай—я кончу!

Я не удивляюсь, что ты не доволенъ письмомъ моимъ ³⁾. Можетъ быть, что въ немъ много неприличнаго. Но зачѣмъ же ты не объяснился? Надѣюсь, что ты ничего не нашелъ неприличнаго въ томъ чувствѣ, съ какимъ оно написано. Въ этомъ случаѣ заслужить твое неодобренiе было бы для меня тяжело, и я бы удивился, когда бы заслужилъ его. Милый другъ! Тотъ свѣтъ, который я самъ для себя составилъ, въ которомъ заключены *всѣ* мои судьи, очень немногочуденъ. Съ ошибками противъ слога, смысла, приличiя и тому подобнаго, мнѣ весьма легко показаться въ этомъ маленькомъ свѣтѣ; но со стороны нравственности хочу быть въ немъ чистъ со всѣхъ сторонъ. Ты, Карамзинъ, Вяземской, Блудовъ (и нѣсколько милыхъ женщинъ): вотъ мои судьи, противъ которыхъ нѣтъ апелляцiи. Безъ мысли о нашемъ одобренiи не можетъ быть счастья. Мнѣ весело думать, что ты обо мнѣ хлопочешь. Очень было бы хорошо, когда бы то, что ты затѣялъ, и о чемъ я не имѣю понятiя, совсѣмъ обошлось безъ письма моего. Неужели должно непременно *просить* вниманiя? Довольно того, чтобъ его стоить! Вниманiе Государя есть святое дѣло. Имѣть на него право могу и я, если буду Русскимъ поэтомъ въ благородномъ смыслѣ сего имени. А я буду! Поэзия часть отъ часу становится для меня чѣмъ-то возвышеннымъ.... Не надобно думать, что она только забава воображенiя! Этимъ она можетъ быть только для Петербургскаго свѣта. Но она должна имѣть влiянiе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это благотворное влiянiе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзия принадлежитъ къ народному воспитанiю. И дай Богъ въ теченiе жизни сдѣлать хоть шагъ къ этой прекрасной цѣли.

¹⁾ Это письмо перепечатывается изъ „Русскаго Архива“ 1867 года, ст. 801—806.

²⁾ „Пѣвца въ Кремлѣ“.

³⁾ Т. е. вышеприведеннымъ письмомъ къ Государю.

Имѣть ее позволено, а стремиться къ ней значить заслуживать одобреніе Государа. Это стремленіе всегда будетъ въ душѣ моей. Работать съ такою цѣлью есть счастье; а друзья будутъ знать, что я имѣю эту цѣль, — вотъ награда! Прости! Жаль мнѣ очень, что ты не позволишь мнѣ привезти Вейрауха. Скажи, будетъ ли мѣсто и мнѣ? Я все забывалъ спросить у тебя: что ты сдѣлалъ для Ковалькова ⁴⁾, того молодого человѣка, о которомъ писалъ Иванъ Володимировичъ къ князю ⁵⁾? И сдѣлалъ ли что-нибудь?

Братъ! Это завѣщаніе нашего добраго благодѣтеля надо исполнить во всей силѣ его. Напиши къ Ковалькову. Онъ долженъ быть въ Орлѣ; объ немъ можно узнать отъ Губарева, къ которому адресуй письмо: *Орловской губерніи въ городъ Кромахи*. — Прости! Обнимаю тебя! Обними Блудова, Уварова и Жихарева. Я пишу усердно *Искусленіе* ⁶⁾; написано болѣе половины. Піеса будетъ такъ же велика, какъ и 12 Спящихъ Дѣвъ, и кажется хорошо. Между тѣмъ написалъ, т. е. перевелъ съ Нѣмецкаго, піесу подъ титуломъ *Овсяной кисель*; не думай, чтобъ этотъ кисель былъ для Арзамаса; нѣтъ, но надѣюсь, что онъ покажется вкуснымъ для Арзамасцевъ, хоть и не разведенъ на безсмыслицѣ. Это переводъ изъ *Гебеля*, вѣроятно, тебѣ неизвѣстнаго поэта, ибо онъ писалъ на Швабскомъ діалектѣ и для поселянъ. Но я ничего лучше не знаю! Поэзія во всемъ совершенствѣ простоты и непорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и намъ еще неизвѣстный родъ.

А пргорос: нельзя ли попросить Алексѣя Николаевича Оленина сдѣлать виньетку для *Пшвица*? Вотъ мысль: Всевидящее око въ небесахъ; лучи его ударили на землю, и тучи разлетѣлись, и полшара въ сіяніи; въ удаляющихся тучахъ гаснутъ молніи.

Бываешь ли ты у Брея? ⁷⁾ Я желалъ бы, чтобъ ты познакомился съ его семьею.

За что ты въ неудовольствіи на Петерсена? Онъ не долженъ быть помѣщенъ въ число Вальтера и Вебера. Его докторство законное, такъ какъ и Тидебеля. И тотъ, и другой были экзаменованы какъ должно. Они хорошо учились и знаютъ свое дѣло. Будетъ очень больно, если ихъ не отличать отъ прочихъ. Это пятно будетъ незаслуженное. Осуждая виноватыхъ, щадить университетъ! Онъ и безъ того упада-

---

⁴⁾ Александръ Ивановичъ Ковальковъ (р. 1794), воспитанникъ Ивана Владимировича Лопухина, писалъ мистическія сочиненія, которыя Лопухинъ издавалъ.

⁵⁾ Князю А. Н. Голицыну, покровителю мистиковъ.

⁶⁾ Т. е. Вадима или вторую половину Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ; первая половина названа потомъ Громобоемъ.

⁷⁾ Графъ Францъ-Габріель де Брей (de Bray), р. 1765 † 1832 г., Баварскій посланникъ при нашемъ дворѣ, „человѣкъ съ умомъ“ (какъ о немъ писалъ Кюрамзинъ И. И. Дмитріеву отъ 22 Ноября 1817 года), авторъ нѣсколькихъ ученыхъ трудовъ, въ томъ числѣ „Essai critique sur l'histoire de la Livonie“ (Дерптъ, 1817, въ трехъ томахъ). Онъ былъ женатъ на Лёвенштернъ (см. о немъ въ Словарѣ Реке и Напьерскаго, т. I, стр. 243—245, и „Nachträge“ къ Словарю, т. I, стр. 79—80).

еть, и упадаетъ, потому, что правительство отняло отъ него свою руку. Неужели всему должно у насъ, не созрѣвъ, разрушаться? Неужели Россіи должно быть грудю развалинь, покрытыхъ лаврами, которые засохнуть?

Ковалькова зовутъ Александръ Ивановичъ.—Оленина попроси о вишьетъ отъ себя, а не отъ меня.

LXXXIV¹⁾.

31 Октября (1816, Дерптъ).

И я не поибну съ вами! Братъ, чтб за слово? Съ вами! Обвиняй не себя, а свое положеніе въ томъ чувствѣ, которое побуждаетъ тебя это писать и думать. Не смѣшивай самого себя съ своимъ убійственнымъ, рабскимъ положеніемъ. Ты вѣчно останешься прежнимъ, тѣмъ, чѣмъ ты былъ въ святое время нашей ранней молодости. Для меня и для *своихъ* родныхъ друзей ты всегда былъ и будешь ободреніемъ къ лучшему, *мѣрною* благородства. Не смотря на наше холодное Петербургское *вмѣстѣ*, я въ это время только *усилилъ* въ душѣ своей чувство уваженія къ тебѣ, и *благородство души* всегда тѣсно соединено для меня съ твоимъ воспоминаемъ. Оно имѣетъ для меня лице твое. Не ссорься съ собою; или если хочешь ссориться, то ссорься не надолго, чтобы эти ссоры не отнимали у тебя душевной бодрости. Не суди о себѣ по чернымъ или, чтб еще хуже, по холоднымъ минутамъ душевнаго небытія. Это осенніе дни: они проходятъ! Настоящее существо души твоей—*чистота*. Я говорю по опыту: я часто ссорюсь съ самимъ собою; но слава Богу, и мои осенніе дни проходятъ. И надежда на это *непостоянство* ихъ ободрительна. Карамзинъ тебя любить—мудрено ли? Но любовь его есть счастье. И для меня она такъ же нужна, какъ счастье. Скажи ему при первомъ случаѣ (когда будешь съ нимъ обо мнѣ говорить, обнявъ его за меня какъ друга и вѣрнаго товарища во всемъ прекрасномъ), что я, сколько могъ, сдержалъ свое обѣщаніе, что мнѣ будетъ можно спокойно показаться на его глаза и пожать отъ всей души ему руку. Время, которое мы провели разнo съ послѣдняго нашего разставанія, не оставило на мнѣ пятна. Я бывалъ недоволенъ собою, но поступки и побудительныя ихъ причины были чисты. Теперь все устроилось. Дай Богъ *чистаго* будущаго! Кажется, что оно теперь для меня вѣрнѣе. Писать какъ можно лучше, съ доброю цѣлью, и жить какъ пишешь:—вотъ и все!—Я радъ несказанно тому неудовольствію, которое нашъ Арзамаскій патріархъ²⁾ имѣлъ съ типографіею: оно разлучило его съ нею и передало его Исторію въ вѣрныя руки. Кавелинъ добрый для него работникъ.

То, чтб ты пишешь о князѣ и Ковальковѣ, тронуло меня до глубины сердца, и я готовъ любить этого князя, который такъ помнить завѣщаніе умирающаго. Письмо Ив(ана) Влад(имировича) къ

¹⁾ Это письмо перепечатывается изъ „Русскаго Архива“ 1867 года, ст. 806—811.

²⁾ Т. е, Карамзинъ. Первый томъ его „Исторія Государства Россійскаго“ былъ напечатанъ въ Военной типографіи, со втораго тома печатаніе было перенесено въ Медицинскую типографію, находившуюся въ вѣдѣніи Медицинскаго Департамента, директоромъ котораго былъ Д. А. Кавелинъ.

князю было какъ будто предчувствіемъ. Такая нѣжная заботливость о чужомъ человѣкѣ, такая вѣрность просьбѣ умирающаго для меня чрезвычайно трогательны. Даю тебѣ слово, что всякое Воскресенье буду у обѣдни у князя ³⁾). Болѣе для него я сдѣлать не могу!

Обними за меня Николая ⁴⁾). Врагъ хановъ долженъ быть Арзамасцемъ. Тащи его въ Арзамась.

Поблагодари Жихарева за переписку *Пѣвца* и доставь ему приложенное письмо. Постараюсь *Пѣвца* кончить и конецъ сдѣлать лучше. Не знаю, удастся ли. Переводы изъ Гебеля пришлю; но съ тѣмъ, чтобы не давать печатать. Я не намѣренъ ничего печатать. Третій томъ ⁵⁾ долженъ состоять изъ *новыхъ* піесъ. Но изъ этого включается *Пѣвецъ II* ⁶⁾ и продолженіе *12 Спящихъ Дѣвъ*, которое весьма уже близко къ концу и которое должно быть напечатано вмѣстѣ съ первою балладою особо, въ видѣ сказки ⁷⁾).

Я очень радъ буду, если дѣло обойдется безъ письма моего. На что оно? Надобно получить одобреніе Государя, а не выпросить. Это одобреніе можетъ быть прекраснымъ идеаломъ для поэта. Ничѣмъ этого идеала помрачать не должно.

Слово о Петерсенѣ: я не знаю, что называешь ты *s'encanailler*. Ему нужно было докторство. Онъ экзаменовался *какъ должно* и получилъ дипломъ. Какъ должно, увѣряю тебя, ибо я это очень хорошо знаю. Если нѣкоторыя формы были упущены, то это не его вина; по крайней мѣрѣ онъ не требовалъ этого упущенія. Другой товарищъ его по докторству, Тидебель, человѣкъ извѣстный по своимъ знаніямъ, благороднаго характера и всѣми вообще уважаемый, также точно былъ экзаменованъ, и также точно при его произведешіи въ доктора, безъ его требованія, упущены нѣкоторыя формы, упущены, потому что были въ другихъ случаяхъ упускаемы. Бѣда ихъ въ томъ, что они произведены вмѣстѣ съ Вальтеромъ и Веберомъ. Это обратило и на нихъ вниманіе, для нихъ оскорбительное. Я слышалъ, что въ совѣтѣ университетскомъ положено уничтожить и ихъ дипломы наравнѣ съ Вальтеровымъ, за несоблюденіе формъ. Вообще справедливо, но для нихъ жестокая и несносная несправедливость. За что же стоять имъ на одной доскѣ съ Вальтеромъ? Если виноватъ юридическій факультетъ, то за что имъ страдать невиннымъ образомъ? Такой приговоръ непременно произведетъ ложное мнѣніе, что *и ихъ дипломы купленные*. Сносно ли это? Мнѣ больно за Петерсена и Тидебеля. Это поношеніе незаслуженное! Спрашиваю у тебя, будетъ ли противно справедливости, если вмѣсто

---

^{*}) Домовая церковь князя А. Н. Голицына въ казенной квартирѣ его (гдѣ жилъ и Тургеневъ) на Фонтанкѣ противъ Михайловскаго замка, освященная Филаретомъ въ 1812 году, съ мистическими намеками и атрибутами, была очень извѣстна въ тогдашнемъ Петербургскомъ обществѣ.

¹⁾ Н. И. Тургенева.

²⁾ Т. е. третій, не вышедшій тогда томъ стихотвореній Жуковскаго.

³⁾ Т. е. Пѣвецъ въ Кремлѣ, изданный отдѣльною брошюрою въ концѣ 1816 года.

⁴⁾ „Двѣнадцать Спящихъ Дѣвъ“ изд. особо въ 1817 году. Въ это изданіе вошли и „Громобой“, и „Вадимъ“.

того, чтобы уничтожить дипломы, министр опредѣлитъ имъ только дополнить то, чего не достаетъ въ формѣ, а не уничтожить дипломы по представленію совѣта? Прошу тебя объ этомъ подумать. Прошу также повѣрить, что я все это пишу безъ вѣдома Петерсена и Тидебеля (одинъ въ Ригѣ, другой въ Ревелѣ); ты можешь самъ понять, что въ такое дѣло вмѣшиваться мнѣ неприлично, и что никто не будетъ знать о томъ, что я теперь пишу къ тебѣ. Но если можно спасти честныхъ людей отъ тяжкаго, незаслуженнаго поношенія, не нарушая справедливости, то ты это сдѣлать долженъ. Обвиняй профессоровъ (виноватыхъ), называй ихъ какъ хочешь, но чтобы эта анаѣема не падала на всѣхъ безъ изыятія и на весь университетъ. Здѣсь есть прекрасные люди. И изъ первыхъ для меня, даже по убѣжденію сердца, Парротъ, съ твердымъ умомъ, съ благороднымъ чувствомъ. Назову другаго, Эверса, не старика Эверса, это святой ⁸⁾,—а молодого, историка, ошарашаннаго обветшалыми когтями Шлѣцера ⁹⁾. Это честный и прямодушный человѣкъ, уважающій свое званіе. О Моейрѣ ¹⁰⁾ говорить нечего. Еще есть и другіе. А самъ университетъ долженъ быть для васъ святымъ: за что разрушать его? Отвѣчай, прошу тебя, на это и возьми къ сердцу честь двухъ честныхъ людей.

Прости; обнимаю тебя братски. Обними Блудова и будь почаще у Брея. Жуковскій.

(Письмо къ С. П. Жихареву).

Любезнѣйшій другъ, не стыдно ли тебѣ не отвѣчать мнѣ на письмо мое? Я просилъ тебя увѣдомить меня, что сдѣлалъ ты и что нужно сдѣлать по просьбѣ Азбукина о доставленіи ему дворянской грамоты и герба. Ты на это ни слова. Еще болѣе: я просилъ возвратить бумаги Азбукина, и все ихъ не получаю! Стыдись, Громобой ¹⁾! Гдѣ бывшая твоя аккуратность? Ужъ и впрямь, не отдалъ ли ты дьяволу душу? Присылай, ради Бога, бумаги! Я до смерти объ нихъ безпокоюсь. Чужія и важныя! Но будетъ большое для меня огорченіе, если какъ-нибудь онѣ затеряются. Прошу тебя избавить меня отъ этого безпокойства.

---

⁸⁾ Лоренцъ Эверсъ (р. 1742 † 1830), профессоръ догматическаго богословія въ Дерптскомъ университетѣ. Ему посвящено стихотвореніе Жуковскаго „Старцу Эверсу“.

⁹⁾ Густавъ Эверсъ (р. 1781 † 1830), известный профессоръ Русской Исторіи въ Дерптскомъ Университетѣ. Его сочиненіе „Vom Ursprunge des Russischen Staates“ (Riga u. Leipzig 1808) вызвало нападки Шлѣцера въ пятой части его „Нестора“ (см. на стр. XVI—XXXV статью озаглавленную: Der Chasagen-Dichter, ein Selbstvertraurer seltner Art. Beweise a priori und posteriori, dass Warager keine Chasagen sind).

¹⁰⁾ Иванъ Филипповичъ Моейръ († 1860, сынъ Ревельскаго пастора, въ 1817 году женившійся на Марьѣ Андреевнѣ Протасовой, въ то время преподавалъ хирургию въ Дерптскомъ университетѣ, а въ обществѣ славенъ былъ прямою и благородствомъ характера, обширнымъ классическимъ образованіемъ и музыкальнымъ талантомъ.

*

¹⁾ Прозвище Жихарева въ Арзамасѣ.

Да напиши же, что у васъ дѣлается? Ждете ли вы меня, и старайся узнать, къ которому числу, котораго мѣсяца можно надѣяться, что я буду въ Петербургѣ. Обнимаю тебя отъ всего сердца и люблю по старому. Твой навсегда Жуковскій.

LXXXV.

6 Ноября (1816, Дерптъ).

Посылаю тебѣ «Пѣвца», милой другъ, и благодарю за то, что ты принудилъ меня его кончить. Самъ бы я этого не вздумалъ. У меня была въ душѣ большая противъ него антипатія; но онъ не заслужилъ сего проклятiя. Онъ достойный братъ своего тески. Я многое выбросилъ, отъ этого все сдѣлалось сильнѣе. Въ первомъ «Пѣвицѣ», болѣе драматическаго; въ послѣднемъ болѣе единства, и одна высокая мысль въ немъ царствуетъ. Но оставимъ этотъ разборъ критикусамъ. Я послалъ къ Кавелину нѣсколько денегъ на напечатанiе. Ихъ не будетъ достаточно. Чего не достанетъ, дай, если можешь, изъ своего кармана; если твой пустъ, загляни къ Блудову или къ Жихареву. Послѣ сочтемся. Но печатанiе и всѣ заботы о распродажѣ «Пѣвца» предоставь Кавелину; этого дѣла не будешь умѣть сдѣлать съ надлежащею точностью, а и если и сдѣлаешь, то не иначе, какъ по образу и по подобiю прежняго «Пѣвца» что весьма пахнетъ пустотою кармана. О печатанiи, корректурѣ и прочемъ пишу къ Кавелину. Прилагаю здѣсь другой экземпляръ для графа Румянцова: я обѣщала ему доставлять стихи свои; особенно жъ «Пѣвца» долженъ онъ имѣть первый. Я этимъ ему обязанъ; онъ помнитъ меня и самъ приписываетъ мнѣ въ письмѣ своемъ къ Еверсу; а я ему и не отвѣчала, но душевно благодаренъ ему за его любезное вниманiе. Думаю, что получить «Пѣвца» будетъ ему прiятно. Не надобно ли прислать и къ Нелединскому для Государыни? Вѣдь она и первому «Пѣвцу» была восприемницею! Но въ этомъ твоя святая воля. Если прикажешь, то я напишу къ Нелединскому. Титуломъ я недоволенъ; подумай объ немъ съ Блудовымъ и посоветуйся съ Николаемъ Михайловичемъ ¹⁾. Теперь просьба, и ты долженъ ее исполнить хотя для Пѣвца. Исполнить легко, если захочешь, и много одолжишь меня, потому что дѣло идетъ о человекѣ, мнѣ очень любезномъ и которой все таки старается мнѣ услуживать. Это Асмусъ, учитель въ здѣшней уѣздной школѣ и содержатель школы по методѣ Песталоцiя ²⁾. Онъ оставляетъ училище и хочетъ единственно посвятить себя школѣ своей, въ которой порядокъ удивительной. Ему *слѣдуетъ* за выслуженные годы чинъ губернскаго секретаря. Постарайся, чтобъ онъ его получилъ, и увѣдомь меня, возьмешься ли и можно ли это исполнить? Кажется, можно, ибо законные года службы прошли. Милой другъ, утѣшь, позаботься объ этомъ. А я за это пришлю тебѣ переводецъ, и весьма удачный переводецъ, изъ Гебеля подъ велико-

¹⁾ Карамзинъ.

²⁾ Мартинъ Асмусъ (Asmuss), р. 1784 † 1844, писалъ также и стихотворенiя (о немъ см. въ Словарѣ Рекке и Напьерсаго, т. I, стр. 55—56, и „Nachträge“, т. I, стр. 17—18).

лѣпнымъ титуломъ: *Овсяной кисель*. Обнимаю тебя отъ всего сердца. До свиданія: въ началѣ Декабря увидимся. Обнимаю Николая Михайловича и Блудова. Твой Жуковскій.

Къ Кавелину пишу, но деньги пришлю на слѣдующей почтѣ: нынче не примуть.

LXXXVI ¹⁾.

(Въ началѣ 1817, Дерптъ).

Любезный Александръ Ивановичъ. Вы хвастаете своимъ Арзамасомъ! Хвастайте, хвастайте, голубчики! Правда, вы запаслись *Рейномъ* ²⁾, пожива славная! Но, милыя друзья, надобно помнить и о томъ, что ближе къ Арзамасу: Мещевской въ Сибири, а вы, друзья, очень весело поживаете въ Петербургѣ! Если вы не собрались еще о немъ вспомнить отъ разсѣянности, то это срамъ и ребячество! Если жъ отъ холодности къ его судьбѣ, то это.... Что это? Я не знаю какъ назвать это! На что жъ намъ толковать о добрѣ, о общей пользѣ, о хорошихъ возвышающихъ душу стихахъ? На что смѣяться надъ Шаховскими и Rivarol? Ни на то, ни на другое не имѣемъ мы права, если способны быть столь безпечными, когда дѣло идетъ о судьбѣ, можетъ быть, о жизни, а можетъ быть (что еще важнѣе), о нравственномъ спасеніи человѣка, который намъ себя ввѣряетъ! Признаться, мнѣ больно быть хлопотуномъ за Мещевского, безсильнымъ его орудіемъ. Своихъ способовъ нѣтъ, а вы не помогаете! Если бы у меня была сила въ рукахъ, я бы вамъ не поклонился! Посылаю письмо Вяземскаго, чтобъ пристыдить васъ и поддать вамъ, если можно, жару. Онъ не безпеченъ, когда *надобно* дѣйствовать. Прилагаю и копію съ письма къ нему отъ Герценберга о Мещевскомъ ³⁾.

«Объ Асмустъ не забуду!» Покорно благодарю. Я давно это слышу! Я знаю, что у васъ въ Петербургѣ случилось нѣчто для меня весьма интересное, а ты ни слова!

LXXXVII ¹⁾.

Въ началѣ 1817, Дерптъ).

Податель этого письма есть Фелиціанъ Фелиціановичъ Заремба, котораго усердно тебѣ рекомендую. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ на

---

¹⁾ Перепечатывается изъ „Русскаго Архива“ 1867 года, ст. 811—812. Въ сочиненіяхъ Жуковскаго (изд. 7-е т. VI, стр. 405—406, это письмо ошибочно отнесено къ 1816 году).

²⁾ Михайлъ Федоровичъ Орловъ († 1842), извѣстный генералъ (авторъ Записокъ, изъ которыхъ сохранился лишь отрывокъ „О капитуляціи Парижа“), членъ „Союза Благоденствія“, былъ принятъ въ члены „Арзамаса“ (въ которомъ онъ носилъ прозваніе Рейна) въ 1817 году (см. Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 418).

³⁾ За что былъ сосланъ А. Мещевскій въ Сибирь—неизвѣстно. Мещевскій писалъ стихи, еще будучи воспитаникомъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона. Въ 1817 году была напечатана въ Петербургѣ его поэма въ стихахъ „Наталья боярская дочь“, о чемъ хлопоталъ Жуковскій, какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ его къ А. И. Тургеневу. (О Мещевскомъ см. замѣтку въ сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 732)

⁴⁾ Этихъ приложений не оказалось при подлинномъ письмѣ Жуковскаго.

*

¹⁾ Перепечатано изъ „Русскаго Архива“ 1867 года, ст. 813—815.

службу; если найдешь способъ, помоги ему протѣсниться къ кабинету Фортуны. Онъ прекрасно учился въ Дерптѣ. Я былъ свидѣтелемъ его докторской диспутаціи, могу увѣрить тебя, что онъ стоить своего докторства. Диссертация его ³⁾ писана худымъ Русскимъ языкомъ; но этому причиною то, что онъ учился въ Дерптѣ и въ Нѣмецкомъ языкѣ имѣеть болѣе навыка, нежели въ Русскомъ. Онъ сначала написалъ свою диссертацию по-нѣмецки, потомъ перевелъ ее самъ. Но она можетъ быть свидѣтелемъ его основательныхъ знаній. Я увѣренъ, что онъ будетъ человѣкъ дѣльной и полезной по службѣ. Онъ знакомъ съ Карамзинымъ, которому прошу тебя его представить.

Посылаю поправленную Лербергову біографію ⁴⁾. Я не могъ сдѣлать изъ нея ничего порядочнаго. Графъ Румянцовъ этого и не требовалъ; я поправилъ однѣ важнѣйшія ошибки. Какова она ни есть, ее прочтуть, и напрасно ты противъ нея вооружаешься. Оригиналъ прекрасенъ. Авторъ съ чувствомъ выразилъ характеръ великаго человѣка и трогаетъ сердце своимъ изобрѣтеніемъ. Нельзя не полюбить автора: онъ знакомитъ читателя съ прекрасною, твердою, чистою душою! Доказательство, что у него есть подобное въ душѣ.

Кстати объ этомъ авторѣ. Недавно я имѣлъ случай съ нимъ разговариваться о его обстоятельствахъ и обстоятельствахъ здѣшняго университета. Знаешь ли, братъ, что можетъ быть черезъ полгода, если ничто не будетъ сдѣлано для университета, Парротъ, лучший его профессоръ, долженъ будетъ (дабы избѣгнуть отъ долговъ) продать свои домишки и искать учительскаго мѣста, то-есть, послѣ ревностныхъ трудовъ и въ такую эпоху жизни, въ которую бы спокойно надобно было наслаждаться плодомъ этихъ трудовъ, онъ принужденъ будетъ начать съ начала: для куска хлѣба подчинить себя волѣ партикулярнаго человѣка и за все, что имъ сдѣлано для университета, остаться съ бѣдностью, съ разрушенными надеждами и прочими тому подобными конфектами. Это сжимаетъ мнѣ сердце и, признаюсь, заставляетъ коситься на мой пансіонъ ⁵⁾: я обезпеченъ на всю жизнь, въ молодомъ

---

³⁾ Докторская диссертация Зарембы была напечатана въ Митавѣ въ 1817 году подъ заглавіемъ: „Разсужденіе о цехахъ ремесленныхъ въ отношеніяхъ политическомъ и въ особенности политико-экономическомъ, съ присовокупленіемъ нужныхъ историческихъ извѣстій“.

⁴⁾ Здѣсь разумѣются „Біографическія извѣстія о А. Х. Лербергѣ“, находящіяся въ началѣ книги: „Исслѣдованія, служація къ объясненію древней Русской исторіи А. Х. Лерберга. Изданы на Нѣмецкомъ языкѣ по опредѣленію Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ Ф. Кругомъ. Перевелъ Д. Языковъ“ (Спб. 1819). Эту книгу издалъ на свой счетъ графъ Н. П. Румянцовъ. Нѣмецкій оригиналъ этого сочиненія Лерберга (академія С.-Петербургской Академіи Наукъ, р. 1770 † 1813) вышелъ въ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1813 году. Біографическія замѣтки о Лербергѣ (на Нѣмецкомъ языкѣ) были написаны профессоромъ Парротомъ (см. Словарь Реке и Напіерскаго, т. III, стр. 368); и Жуковский самъ въ этомъ своемъ письмѣ называетъ Паррота авторомъ біографіи Лерберга.

⁵⁾ Въ письмѣ отъ 31 Декабря 1816 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Вотъ

сти, безъ семьи! И что жъ я сдѣлалъ? Наслаждался, писалъ стихи! Вотъ отецъ семейства, котораго жизнь была обременена трудами, котораго дѣятельность никакъ нельзя сравнить съ моею. Что жъ ему награда? Таже бѣдность, съ какою онъ началъ! И бѣдность при старости, слѣдовательно безнадежная! Однимъ словомъ, какъ вы хотите, а профессорамъ суммы не давайте. Поберегите честь Государя. Европа заговорить языкомъ для него неприятнымъ и будетъ—права. Прости! Приложенное письмо отдай Кавелину; а пакетъ Румянцову отошли поскорѣе.

Арзамасъ обнимаю. Смотрите, хлопотать о Мещевскомъ! Ж.

LXXXVIII ¹⁾.

(Во второй половинѣ Января 1817, Дерптъ).

Здравствуй, милой другъ! Обнимаю тебя отъ всего сердца! Я послалъ по этой почтѣ къ Кавелину рукопись, полученную мною отъ Мещевскаго: поэма *Наталья, боярская дочь* ²⁾; а къ Карамзину письмо его, въ которомъ онъ посвящаетъ ему свою поэму. Мещевскій долженъ быть приемышемъ Арзамаса. Я писалъ къ Кавелину и къ Блудову о томъ, что я располагаю сдѣлать съ его поэмою; къ Карамзину послалъ его письмо ко мнѣ, въ коемъ онъ требуетъ помощи. Переговори съ ними объ этомъ дѣлѣ и придумай, что можешь придумать. Между тѣмъ я наложилъ и на тебя и на Николая ³⁾ подать, нужную для напечатанія *Наталли*; ты сдери ее и съ Уварова. Будь дѣятеленъ: дѣло идетъ о сотвореніи поэта и спасеніи человѣка. Да воскреснетъ Арзамасъ!

Я принялся за работу и шутить не хочу. Радуйся, другъ: ты мнѣ сдѣлалъ добро, и на всю жизнь. Я чувствую новую необходимость дѣятельности, и это побужденіе святое: благодарность къ Государю, который далъ мнѣ лучшее благо—пезависимость, и имѣетъ на меня надежду! Этой надежды обмануть не надобно. Я теперь въ службѣ и долженъ служить по совѣсти. И какое для меня наслажденіе думать, что мое лучшее—*твое!* Недовольно того, что мы смолоду товарищи на одной дорогѣ, но еще надобно было одному сдѣлаться хранителемъ другаго, а другому на всю жизнь получить драгоценное чувство благодарности къ своему брату! Мы съ тобой теперь неразлучно имѣемъ одно счастье. Я принялся за работу, и часы мои идутъ порядочно. Вокругъ меня все устроено. Свадьба кончена ⁴⁾, и душа совсѣмъ утихла. Думаю только объ одной работѣ. Благослови Богъ! Присылай мнѣ мою картинку. Планъ для баллады готовъ и, кажется,

---

тебѣ на новой годъ новости: доброй Государь пожаловалъ Жуковскому 4000 р. пенсіи и перстень съ шифромъ“ (см. Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 203).

¹⁾ Перепечатано изъ Русскаго Архива 1867 года, ст. 815—817.

²⁾ Цензурное разрѣшеніе для напечатанія этой поэмы Мещевскаго было дано лишь 24 Августа 1817 года.

³⁾ Н. И. Тургенева.

⁴⁾ Свадьба М. А. Протасовой съ И. Ф. Мойеромъ состоялась 14 Января 1817 года.

хорошъ. Но объ этомъ ни слова. Надобно сперва кончить *Вадима*. Бываешь ли ты у Брея? Чтѣ тамъ дѣлается, и нѣтъ ли чего мнѣ сказать?

Пришли форму вѣрющаго письма для полученія пенсіона. Я дамъ его Кавелину. Говорятъ, что нельзя иначе получать, какъ по третямъ. А я хотѣлъ было въ концѣ года.

Узнай, чтѣ стоитъ перстень ⁵⁾? № 1137.

Взяты ли деньги у Румянцова? Первая выручка за *Пльца* М. Ивановичу ⁶⁾! Прошу къ нему переслать и мнѣ доставить его письмо, дабы я могъ дать отчетъ Румянцову.

Обнимаю Николая и сержусь на него! Онъ не хочетъ дать мнѣ покоя и не справился еще по сію пору о бумагахъ Азбукина! Нельзя ли какъ-нибудь его усовѣстить? У меня кошки на сердцѣ! Да нельзя ли ему прислать мнѣ адресъ чорта Жихарева? Приложенное письмо перешли поскорѣе къ Уткину въ Академію Художествъ. Твой Жуковскій.

LXXXIX.

(Въ Февраль 1817, Дерптъ).

Бога ты не боишься, Александръ Ивановичъ; выходявъ мнѣ пенсіи 4000 рублей, ты прибавилъ себѣ на 8000 лѣни, и думаешь, что мнѣ уже ничто не нужно, что я богатъ и безъ твоихъ писемъ. Для чего не имѣю я отвѣта ни на одно, писанное мною изъ Дерпта? Для чего не обращено никакого вниманія на Мещевскаго? Для чего не сказано мнѣ ни слова о моемъ роднѣ, который просилъ у тебя помощи и о которомъ я узналъ только по тому, что Блудовъ, продержавшій его письмо у себя 20 дней, чортъ знаетъ для чего, вдругъ опомнился и прислалъ это письмо ко мнѣ? Отчего не получаю адреса Жихарева? Отчего ты меня бросилъ, такъ бросилъ, какъ старые штаны, которыхъ и Лаврушка носить не хочетъ? Признаюсь, съ вами всякое терпѣніе придетъ въ отчаяніе. Даже и Карамзина вы испортили, и онъ не отвѣчаетъ на письмо мое. Отвѣчай мнѣ скорѣе на три старыя письма и на *все* (N. В. для этого нужно перечитать эти письма и вспомнить, что я на свѣтъ). А въ наказаніе вотъ тебѣ новые вопросы, на которые также прошу обратить благосклонное вниманіе.

1-е. Графъ Мантейфель имѣетъ двухъ сыновей, которыхъ хочетъ помѣстить въ пансіонъ, учреждающійся при Лицеѣ. Онъ, зная мою связь съ тобою, просилъ меня черезъ тебя *захватить два мѣста заранее* въ этомъ пансіонѣ. Если бы онъ зналъ, какъ ты исполняешь мои просьбы, то вѣрно бы не сталъ меня объ этомъ просить. И, къ несчастію, я не могъ ему отказать; мнѣ больно говорить тѣмъ, которые надѣются на мой кредитъ при твоёмъ превосходительствѣ, что этотъ кредитъ кимвалъ звяцаѣй, что ты пропустишь просьбу мою мимо ушей и не исполнишь ея, потому что или забудешь или не дочитаешь моего письма. Сдѣлай чудо, не засни надъ этимъ письмомъ и похлопочи о Мантейфель, то-есть постарайся, чтобы его два сына были въ свое время непременно приняты въ пансіонъ Лицея.

⁵⁾ Перстень, пожалованный Жуковскому Государемъ.

⁶⁾ Вѣроятно, Максиму Ивановичу Невзорову.

*

2-е. Сдѣлано ли или принято ли какое-нибудь намѣреніе сдѣлать что-нибудь для Мещевскаго по тому плану, который я доставилъ господину Кавелину, такому же лѣнивцу-дьяволу, какъ ты?

3-е. Николевъ, мой родня, къ тебѣ адресовался съ своею просьбою помѣстить брата его сестры въ кадетской корпусъ. Мнѣ этого не хочется, а что мнѣ хочется, объ томъ узнаешь отъ Кавелина. Но что ты сдѣлалъ? И титулъ родня Жуковскаго растолкалъ ли твою лѣнь?

4-е. Какъ пишется адресъ Жихарева? И гдѣ существуетъ его самоличность?

5-е. Отъ Мартынова ¹⁾ получилъ я письмо, въ коемъ онъ увѣдомляетъ, что Асмусово производство не состоялось и что объ немъ будетъ представлено въ Сенатъ. Возьмешь ли на себя вспомнить при случаѣ о Асмусѣ?

Отвѣчать скорѣе. Впрочемъ, я не очень этого надѣюсь. Гдѣ тебѣ обо мнѣ подумать? Когда же спать? Когда же ѣсть? Когда же опять спать и опять ѣсть, плясать на похоронахъ, свадьбахъ, родинахъ, крестинахъ, завтракахъ, полдникахъ, ужинахъ и прочее? О Господи!

Адресъ: Александру Ивановичу Тургеневу.

ХС. ⁴⁾.

24 Февраля (1817, Дерптъ).

Наконецъ рѣшился ты написать, лѣнивонецъ; и то писалъ на полетѣ: ни на что не отвѣчаешь, объ чемъ я къ тебѣ писалъ. Бѣда съ вами!

Теперь вѣрно уже ты видѣлся съ Мантейфелемъ и знаешь чего ему надобно. Прошу тебя ему помочь.

За Эверса обнимаю тебя отъ всего сердца. Какъ бы хотѣлось обнять за Паррота, за Воейкова и за весь университетъ, между прочимъ и за Асмуса. А прогос о Воейковѣ. Получилъ ли ты отъ Кавелина списокъ его *Георгики* ²⁾, и рѣшился ли что нибудь сдѣлать по моей просьбѣ? Ты не для одного меня долженъ похлопотать о Воейковѣ. Мои причины тебѣ извѣстны; ты съ ними согласишь, и такъ объ нихъ ни слова. Но Воейковъ, какъ Русской поэтъ, достоинъ всякаго одобренія. Онъ имѣетъ истинное дарованіе, и съ этимъ дарованіемъ соединяетъ трудолюбіе постоянное. До сихъ поръ его переводъ *Садовъ* ³⁾ есть, безъ всякаго сравненія, лучшая поэма на Русскомъ языкѣ. Переводъ *Виргилиевыхъ Георгикъ*, при всѣхъ недостаткахъ, которые можно въ немъ замѣтить и которые онъ со всеусердіемъ старается изъ него выгнать, есть также важное произведеніе Русской поэзіи; онъ хочетъ *посвятить себя* *Виргилію*. Онъ стоить поощренія уже и за одинъ этотъ планъ.

---

¹⁾ Ивана Ивановича Мартынова, директора департамента народнаго просвѣщенія.

*

²⁾ Перепечатано изъ „Русскаго Архива“ 1867 года, ст. 817—818.

³⁾ Переводъ *Виргилиевыхъ Георгикъ* печатался Воейковымъ въ „Вѣстникъ Европы“ 1816 и 1817 гг.

⁴⁾ Переводъ Воейкова повмы (въ стихахъ) Делиля „Сады“ былъ изданъ въ Петербургѣ въ 1816 году.

Но этотъ планъ отчасти уже исполненъ. Кто жь откажетъ ему въ правѣ на вниманіе Государя? Я совѣтую Воейкову представить куратору ⁴⁾ списокъ своего перевода, съ тѣмъ чтобы онъ доставилъ оный министру для поднесенія Императору. Одобряешь ли это? Или не лучше ли тебѣ передать и ту, и другую поэмѣ князю ⁵⁾? Отвѣчай на это поскорѣе.

Вы собираетесь сдѣлать сборъ для напечатанія Мещевскаго поэмы: хорошо! Но скоро ли вы соберетесь? Послать эти деньги Мещевскому, а поэмѣ продать,—это скорѣе и менѣе хлопотъ. Правда! Но за то менѣе и денегъ. Я бы думалъ: напечатать 600 экземпляровъ на счетъ Арзамаса, 300 распродать самимъ по 5 рублей экземпляръ, остальные 300 продать рубли по два гуртомъ въ лавку: вышло бы 2000 рублей съ лишнимъ. Впрочемъ, сдѣлайте, какъ сами разсудите, только сдѣлайте, и поскорѣе. Въ Сибири терпѣніе тяжелѣе, чѣмъ въ Москвѣ, и въ Дерптѣ, и въ Петербургѣ.

Не забудь же объ Асмусѣ. Поповъ скорѣе сдѣлаетъ для тебя, чѣмъ Мартыновъ. Асмусъ былъ учителемъ въ уѣздной Дерптской школѣ. Онъ взявъ отставку, но урочное время выслужилъ. Ему слѣдуетъ чинъ губернскаго секретаря; не получить его при отставкѣ обидно; а такихъ людей, каковъ Асмусъ, надобно не обижать, а золотить. У него теперь воспитывается въ собственной школѣ около 50 мальчиковъ: всѣ они вѣрно выйдутъ изъ нея съ прекрасно образованнымъ сердцемъ. Слѣдовательно, Асмусъ можетъ быть и титулярнымъ совѣтникомъ. Ты очень одолжишь меня, если постарайся мнѣ отыскать и прислать поскорѣе *Weltgeschichte von Karl von Rotteck* ⁶⁾. Одолжи, другъ! Обнимаю тебя и коллежскаго совѣтника Николая Ивановича Тургенева.

Пришли мнѣ и Русскую статистику Вихмана ⁷⁾.

ХСІ.

(Въ концѣ Февраля или въ Мартѣ 1817, Дерптъ).

Любезной другъ, когда-то сподобился ты поспѣшить, и то не кстати! Просьба къ Великому Князю ¹⁾ послана. Скажи ты мнѣ, чу-

---

⁴⁾ Попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа былъ генераль-лейтенантъ графъ Карлъ Андреевичъ Ливень.

⁵⁾ Князю А. Н. Голицыну.

⁶⁾ Разумѣется сочиненіе историка Карла фонъ-Роттека (р. 1775 † 1840) „Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntniss bis auf unsre Zeiten“, вышедшее въ 6 томахъ въ Фрейбургѣ, въ 1813—1818 гг.

⁷⁾ Сочиненіе Бурхарда Вихмана (Wichmann) (р. 1786 † 1822) „Darstellung der Russischen Monarchie nach ihren wichtigsten statistisch-politischen Beziehungen“, изданное въ двухъ томахъ въ Лейпцигѣ въ 1813 году.

*

¹⁾ Великому Князю Константину Павловичу, который былъ предѣдательствующимъ въ Совѣтѣ о военныхъ училищахъ. Вѣроятно, просьба касалась помѣщенія племянника Николаева въ кадетскій корпусъ.

дотворецъ, кто жъ позволялъ тебѣ это дѣлать, не спросясь со мною? Если бы Влудовъ не вспомнилъ о письмѣ Николаева и наконецъ не вздумалъ бы его послать, давши ему 20 дней жить въ Петербургѣ, вы бы все кончили безъ меня и сдѣлали бы еще кадета, то-есть куклу бездушную, и мнѣ бы только осталось браниться и злиться! Передѣлай это, какъ хочешь, и вмѣсто того, чтобы разславлять мой Арзамаской поступокъ и носиться съ нимъ какъ съ новою Шатобриановою брошюрою изъ дому въ домъ, исполни какъ можно точнѣе то, что мнѣ надобно. Я не согласенъ записывать мальчика въ Петербургскую гимназію. Я здѣсь поручу его вѣрнымъ людямъ и буду совершенно спокоенъ насчетъ его ученія, нравственности и содержанія. Прошу не беречь тѣхъ денегъ, которыя расположилъ пожертвовать. Я не хочу, чтобы это было состряпано *кое-какъ*. Я увѣренъ, что здѣсь оно будетъ сдѣлано лучше, нежели въ Петербургѣ. Итакъ присылайте скорѣе малютку сюда и не думайте со мною торговаться. А ты перестань много хвастать. Что ты за разнощикъ? Довольно съ тебя и стиховъ! Таскай ихъ въ карманѣ куда хочешь; а меня не трогай.

Напрасно расхвастался ты и точностью отвѣта на мои запросы. Я ждалъ отъ тебя не обѣщанія позаботиться о Мещевскомъ, а исполненія, и самого скорого.

Я послалъ къ тебѣ съ Зарембою манускриптъ для Румянцова. Отданъ ли онъ? Кто знаетъ? Ты и не думаешь откликнуться! Я просилъ тебя прислать мнѣ кое-какія книги ¹⁾ гдѣ онѣ? Однимъ словомъ, хорошъ ты, гусь!—Отвѣчай немного, но на все. Обнимаю тебя. Ж.

Посмотримъ, что ты сдѣлаешь для Асмуса. А теперь еще болѣе желалъ бы я ему услужить. У него на рукахъ будетъ мой сыночекъ.

ХСII ⁴⁾.

(Въ Мартѣ 1817, Дерить).

За Воейкова благодарю сердечно. Ливень ²⁾ уже сказалъ ему, что получилъ отъ тебя книги. Не оставь же этого дѣла недоконченнымъ. Когда возвратится Ливень въ Петербургъ, заставь его подать книги министру, а самъ работай и помни, намъ надобенъ не подарокъ, а Крестъ. Если Крестъ данъ Гнѣдичу за *недокончанную Илиаду*, то какъ не имѣть его Воейкову за *докончаннные Сады и Георгики*? Ты можешь хлопотать со всеѣмъ усердіемъ, ничего, кромѣ справедливаго, отъ тебя не требуется. Не забудь о Асмусѣ!—Вы читали въ Арзамасѣ мое письмо! Поздравляю васъ! Да что же вы сдѣлали? Какъ не взбѣситься, подумавъ, что десять человекъ, добрыхъ, имѣющихъ чувство и дружныхъ между собою, не могутъ найти свободной минуты, чтобы подумать о судьбѣ несчастнаго человѣка, ожидающаго отъ нихъ помощи и, можетъ быть, спасенія? Не стыдно ли вамъ, что я принужденъ пи-

¹⁾ См. въ концѣ предыдущаго письма.

²⁾ Напечатано изъ „Русскаго Архива“ 1867 года, ст. 812—813.

³⁾ Попечитель Дерптскаго учебнаго округа графъ К. А. Ливень.

*

сать къ вамъ десять писемъ объ одномъ и томъ же дѣлѣ, которое вамъ бы и безъ просьбы надобно было сдѣлать, и писать по пустому.

Прости. О себѣ ничего не пишу. *Старое* все миновалось, а новое никуда не годится. Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я не оживалъ. Душа какъ будто деревянная. Что изъ меня будетъ, не знаю. А часто, часто хотѣлось бы и совсѣмъ не быть. Поэзія молчитъ. Для нея еще нѣтъ у меня души. Прежняя вся истрепалась, а новой я еще не нажилъ. Мыкаюсь, какъ кегля.

XCIII ¹).

(До 25 Марта 1817, Дерптъ).

Посылаю тебѣ чудака, поэта, бродягу, ребенка, старика ²). Не осердись на меня за то, что обременяю тебя ненужными тебѣ знакомствами. Податель этого письма не будетъ тебѣ въ тягость; онъ бродитъ по свѣту и описываетъ въ стихахъ свои похождения; у него никогда нѣтъ гроша: вся его гардероба (два сюртука, два жилета и, вѣроятно, двое штановъ, съ большою трубкою въ карманѣ) всегда на немъ; *все* его сочиненія всегда у него за пазухою; тѣ, которыя не могутъ уложиться, сожигаются. Онъ идетъ въ Петербургъ, для того, чтобы сказать себѣ: «Я былъ въ Петербургѣ!» Но денегъ у него нѣтъ, и онъ объ этомъ не заботится. Онъ хочетъ въ нынѣшнемъ году выдать по *подписку* свои пѣсни; подписная цѣна 1 рубль серебромъ. Постарайся собрать ему нѣсколько подписчиковъ, чтобы было что ѣсть въ Петербургѣ. Важная цѣль его путешествія въ Петербургъ есть: видѣть праздникъ Свѣтлаго Воскресенія и описать его въ стихахъ. Вѣрно и для тебя строфа будетъ. Вообще въ его стихахъ много хорошаго, хотя и много безпорядчнаго. Самъ же онъ необыкновенное явленіе въ свѣтѣ. Въ немъ есть что-то младенческое. До сихъ поръ еще не начиналъ онъ думать о завтрашнемъ днѣ. Въ 15 лѣтъ исходилъ онъ около 20.000 верстъ пѣшкомъ. Въ Петербургѣ пробудетъ двѣ недѣли; оттуда въ Ревель; изъ Ревеля въ Бременъ; гдѣ онъ остановится, я не знаю. Но если въ Петербургѣ случится ему въ чемъ-нибудь нужда, помощи ему. Твой Жуковский.

XCIV.

25 Апрѣля (1817, Дерптъ).

Письмо Свѣчиной обмануло тебя, мой милой другъ, и ты безъ причины обо мнѣ трепещешь. Я не писалъ къ Свѣчиной болѣе полугода; она видѣла мое прежнее состояніе и судить о теперешнемъ по старому, ошибается и тебя заставляетъ ошибаться. Я былъ бы неиз-

¹) Перепечатано изъ „Русскаго Архива“ 1867 года, ст. 819.

²) На этомъ письмѣ рукою А. И. Тургенева карандашомъ написано: „Белендорфъ“, — имя чудака-поэта. О жизни Казимира-Ульриха Белендорфа (Boehldorff), р. 1775 въ Митавѣ † 1825, отличавшагося непостояннымъ и причудливымъ характеромъ, любовью къ страстямъ, жившаго въ міра фантазій и грезъ, и объ его сочиненіяхъ см. въ Словарѣ Рекке и Напьерскаго, т. I, стр. 209—212, и „Nachträge“, т. I, стр. 68.

³) Пасха въ 1817 году приходилась 25 Марта.

винительный безумецъ, когда бы позволилъ себѣ быть безплодною жертвою. Отъ этого сумасшествія я избавленъ, и избавленъ почти безъ всякаго со стороны своей усилія. Трудно было рѣшиться. Но минута, въ которую я рѣшился, сдѣлала изъ меня другаго человѣка; и, къ несчастію, эта перемѣна сдѣлалась слишкомъ скоро. Я хлебнулъ изъ Леты и чувствую, что вода ея усыпительна. Душа смягчилась. Къ счастью, на ней не осталась пятна; за то бѣла она, какъ бумага, на которой ничто не написано. Это-то ничто моя теперешняя болѣзнь, столь же опасная, какъ первая, и почти похожая на смерть. Повѣрь мнѣ,—я передъ тобою и передъ Карамзинымъ не способенъ быть скрытнымъ. То, что я говорилъ тебѣ и ему, справедливо совершенно. Если я во все время нашей разлуки не написалъ ничего, то не изъясняй этого *прежнимъ*: съ этимъ прежнимъ я сладилъ. Мое теперешнее положеніе есть усталость человѣка, который долго боролся съ сильнымъ противникомъ, но, боровшись, имѣлъ нѣкоторую дѣятельность; борьба кончилась, но вмѣстѣ съ нею и дѣятельность. Къ этой дѣятельности душа моя привыкла: эта дѣятельность была до сихъ поръ всему источникомъ. Но не бойся! Я не упаду. По крайней мѣрѣ я надѣюсь воскреснуть. Свѣчина пишетъ, что она не можетъ читать стиховъ моихъ: они слишкомъ сильно раскрываютъ передъ нею ея душу и въ ней пробуждаютъ то, до чего бы не надобно было прикасаться. И я не могу читать стиховъ своихъ; но причина совсѣмъ другая: они кажутся мнѣ гробовыми памятниками самаго меня; они говорятъ мнѣ о той жизни, которой для меня нѣтъ! Я смотрю на нихъ, какъ потерявшій вѣру смотритъ на церковь, въ которой когда-то онъ съ теплою, утѣшительною вѣрою молился. Это пройдетъ. Не бойся за меня Дерпта. Я смотрю на счастье, которое не мнѣ принадлежитъ, *спокойно*; въ тѣ минуты, въ которыя болѣе способенъ я живо чувствовать, оно только радуется меня, и никакое другое чувство не смѣшано съ этою радостію. Но вообще нахожу въ себѣ равнодушіе, для меня тяжелое, и это равнодушіе—*во мнѣ самомъ*; внѣшнихъ причинъ искать не надобно. Оно похоже на сонъ, который производитъ иногда прекрасная музыка. Музыка моя молчитъ, и я сплю! Изъ этого-то сна должно непременно выйти, и кажется, что теперь представляется мнѣ для этого средство, и вотъ какое. Третьяго дня проѣзжалъ здѣсь Глинка ⁴⁾). Онъ сдѣлалъ мнѣ отъ себя слѣдующее предложеніе. Для принцессы Шарлотты ⁵⁾ нуженъ будетъ учитель Русскаго языка. Мѣсто это предлагаютъ ему съ 3000 жалованья отъ Государя и 2000 отъ великаго князя, съ квартирою во дворцѣ великаго князя и другими выгодами. Занятіе: одинъ часъ каждый день. Остальное время свободное. Глинка по своимъ обстоятельствамъ долженъ отъ

---

⁴⁾ Григорій Андреевичъ Глинка (р. 1777 † 1818), бывший съ 1802 по 1810 годъ профессоромъ Русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ, а съ 1811 года „кавалеромъ“ при великихъ князьяхъ Николай и Михайлѣ Павловичахъ, прежде преподававшій Русскій языкъ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и великимъ князьямъ.

⁵⁾ Невѣсты великаго князя Николая Павловича, впоследствии великой княгини Александры Феодоровны; бракосочетаніе ихъ совершилось 1 Іюля 1817 года.

этого мѣста отказаться. Онъ желаетъ знать, могу ли я принять на себя эту должность, и требуетъ моего скорого отвѣта, чтобы меня на свое мѣсто представить. Я не сказалъ ему ни да, ни нѣтъ. Безъ твоего совѣта и совѣта Николая Михайловича не рѣшусь ни на что. Мѣсто это кажется мнѣ *выгоднымъ* по многимъ причинамъ. 1-е, обязанность, моя соединена будетъ съ совершенною независимостію. Это главное! Мнѣ будетъ возможно посвятить половину своего времени другимъ работамъ. Работа же *по должности* будетъ въ связи съ моими прочими занятіями и вмѣсто того, чтобы имъ препятствовать, можетъ имъ способствовать. 2-е, опредѣляемое содержаніе (если оно таково, какъ мнѣ сказалъ Глинка) дастъ мнѣ средств(в)о жить беззаботно въ Петербургѣ, имѣть порядочной, опредѣленный, неразсѣянный образъ жизни и располагать своимъ временемъ, какъ хочу. 3-е, самая должность, которую возьму на себя, имѣетъ въ *себѣ* много привлекательнаго: это не работа наемника, а занятіе благородное. Имѣть въ такомъ занятіи (и въ любимомъ занятіи) товарищемъ образованную женщину должно быть наслажденіемъ, а не неволею. Сверхъ того и потому уже эта должность для меня выгодна, что она *должность*: въ нѣкоторомъ отношеніи мнѣ нужно подчинить себя обязанности. Слишкомъ неограниченная свобода вредитъ мнѣ, я это чувствую. Надобно только, чтобы обязанность не была для меня рабствомъ и не привязывала меня къ чему-нибудь мнѣ несвойственному. Въ настоящемъ случаѣ, кажется, этого быть не можетъ. Напротивъ, здѣсь много пищи для энтузіазма, для авторскаго таланта. Наконецъ, принявши это предложеніе (если *НВ* оно будетъ мнѣ сдѣлано), я войду въ прекрасный кругъ, въ которомъ могу быть безъ рассѣянія; могу пользоваться пріятностями лучшаго общества, не будучи ими увлеченъ; буду ко всѣмъ вамъ близокъ, что необходимо для того, чтобы я болѣе работалъ; буду имѣть подъ рукою всѣ пособія, нужныя для работъ моихъ; могу болѣе образоваться. Вотъ выгоды. Теперь посмотримъ на изнанку. Первое (отвѣчай мнѣ на это искренно), думаешь ли, что я къ такой должности способенъ? Довольно ли имѣть стихотворный талантъ и быть хорошимъ писателемъ, чтобы учить, какъ должно, языку своему? Я знаю языкъ свой болѣе по рутинѣ, но на экзаменѣ едва ли выдержи пробу. Искусство учить не требуетъ ли особеннаго навыка, особеннаго дарованія? Что, если я возьмусь за такое дѣло, котораго не исполню, какъ должно, то-есть такъ, чтобы я *самъ могъ быть доволенъ*? Въ этомъ случаѣ мнѣ будетъ мало *порядочнаго* исполненія; надобно угодить самому себѣ совершенно. Если же не угрожу самому себѣ, то это не будетъ ли для меня убійственно? И я тогда не потеряю ли самый талантъ свой? Необходимость работать — прекрасное дѣло; но необходимость быть всякой день способнымъ *хорошо* работать не будетъ ли она для меня слишкомъ тягостною, для меня, который избалованъ свободою и привыкъ работать только тогда, когда вдохновеніе этого требуетъ? Еще одно: я хотѣлъ было употребить года два на путешествія, хотѣлъ было дать себѣ года два настоящей молодости, свободной, живой, окруженной прекрасными, для меня новыми впечатлѣніями. Этого вояжъ былъ бы *заделомъ-воспламенителемъ* моего дарованія. Отъ этого надобно будетъ отказаться. Но этимъ можно будетъ пожертвовать, если только

бы увѣриться, что я свое дѣло исполню, какъ надобно. Предоставляю тебѣ и Николаю Михайловичу быть моими судьями. Рѣшите за меня и дѣйствуйте. Если вы рѣшите, что мнѣ отказываться не должно, то позаботитесь о моихъ выгодахъ. Твое дѣло все устроить къ лучшему. Особенно хлопотать о жалованьи и квартирѣ. Безъ совершенной беззаботности о своемъ содержаніи мнѣ нельзя въ Петербургѣ ничего добраго сдѣлать. Старайся, чтобы я получилъ точно то жалованье, о которомъ говорилъ мнѣ Глинка. Однимъ словомъ, эта забота твоя, а не моя. Если вы рѣшите *соглашаться*, то дай за меня слово Глинкѣ; онъ объявитъ объ этомъ вдовств(ующей) Государынѣ; но знай напередъ, что мнѣ прежде конца Августа въ Петербургъ пріѣхать невозможно: я отправляюсь въ Бѣлевъ, гдѣ мнѣ быть *необходимо* и гдѣ проведу все дѣло. Эту отсрочку ты долженъ для меня выхлопотать непременно. Здѣсь останусь до тѣхъ поръ, пока получу отъ тебя отвѣтъ. Еще было бы лучше, когда бы можно было отсрочить до Генваря: я могъ бы *приготовиться* ⁶⁾. *Начать тотчасъ* я не могу и не умѣю. Жду отъ тебя отвѣта. Какой онъ ни будетъ, я совершенно спокоенъ. Мнѣ *мущаго* не надобно. Но отвѣчай немедленно, ибо я долженъ ѣхать и откладывать своей поѣздки не могу. Прошу тебя быть поспѣшнымъ. Асмусъ? Мещевской?

ХСV.

(Въ концѣ Сентября или первыхъ числахъ Октября 1817, Петербургъ).

Барвикъ ¹⁾ и Арфа ²⁾! Арзамасъ у Врана ³⁾. Адресъ Врана: въ Галерной, № 207, домъ купца Риттера. Часть сбора исходить девятого. Быть непременно, ибо Арзамасъ прощальной, и Свѣтланѣ ⁴⁾ больно будетъ, если въ этомъ прощальномъ Арзамасѣ хотя одной милой ей рожи существовать не будетъ. Увѣдомить, будете ли. Еще жъ можете оба пріѣхать къ Блудову: онъ знаетъ, гдѣ живетъ Плещеевъ; отъ него

---

⁶⁾ Первая лекція Жуковского великой княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ состоялась въ Москвѣ, 22 Октября 1817 года (см. напечатанныя мною въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1889 года, Августъ, выдержки изъ дневниковъ Жуковского, стр. 356).

*

¹⁾ Прозвище Н. И. Тургенева въ „Арзамасѣ“.

²⁾ Эолова Арфа—А. И. Тургеневъ.

³⁾ Черный Вранъ—прозвище А. А. Плещеева въ „Арзамасѣ“, членомъ котораго онъ сдѣлался въ 1817 году по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ. Плещеевъ уже принималъ участіе въ собраніи „Арзамаса“, которое проходило 27 Августа у А. И. Тургенева (см. приписку его къ князю П. А. Вяземскому, отъ 28 Августа 1817 года, на письмѣ К. Н. Батюшкова въ Соч. Батюшкова, т. III, стр. 466).

⁴⁾ Свѣтлана—В. А. Жуковскій. Выѣхалъ Жуковскій изъ Петербурга въ Москву 4 Октября (см. отрывки изъ его дневника 1817 года въ собраніи его бумагъ, хранящихся въ Импер. Публ. Библиотекѣ, № 3, л. 1).

поѣдутъ и Салтыковъ ⁵⁾, и Коть ⁶⁾, и Ахиллъ ⁷⁾, и Журавль ⁸⁾. Для этого надобно его увѣдомить, ждать ли васъ, или нѣтъ.

Адресъ: Тургеневу Николаю и Александру.

ХСVI.

(Въ половинѣ Октября 1817, Москва).

Здравствуйте изъ Москвы ¹⁾, друзья Тургеневы, Блудовъ и Батюшковъ. Я доѣхалъ здорово — я, Максимъ ²⁾ и коляска. Разбойники меня не тронули. О путешествіи моемъ будетъ подробное донесеніе въ Арзамасъ, а вамъ на первой случай вотъ что:

Тургеневу. Я былъ у Екатерины Семеновны ³⁾. Она теперь здорова, но была нездорова. Скучаетъ и груститъ. Для ея и для твоего покоя, другъ милой, желалъ бы я, чтобы она была въ Петербургъ. Кажется, что и ей этого хочется. Подумай объ этомъ. Князя ⁴⁾ я не видалъ, хотя и былъ у него. Нынче обѣдаю у матушки и буду у нея сколько можно чаще.

Блудову. Съ Сѣверинымъ я не видался. Не засталъ его дома, слѣдовательно ничего не могу сказать тебѣ о томъ предметѣ, о которомъ ты знать желаешь. Прошу тебя не полѣниться и прислать мои деньги. Адресуй ихъ прямо на имя Булгакова, съ тѣмъ чтобы передать мнѣ, живущему въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ у извѣстнаго профессора Антонскаго. Глупо я сдѣлалъ, что послушалъ твоей осторожности. Теперь сiju безъ денегъ; а ты когда пришлешь ихъ ко мнѣ, Богъ въдастъ.

Батюшкову. Тотъ же отвѣтъ о Сѣверинѣ, какой и Блудову. На слѣдующей почтѣ буду писать къ вамъ обоимъ.

Николаю Тургеневу. Дружеское объятіе и сердечное уваженіе.

Всѣмъ вамъ. Я живу въ Москвѣ, какъ на гробѣ. Душа рвется отъ воспоминаній о прошедшемъ. Ничего, что было нѣкогда моимъ, здѣсь нѣтъ. Я опять въ пансіонѣ, тамъ, гдѣ жилъ мальчишкомъ; а сколько перемѣнъ съ того времени! Квартиры еще не имѣю, но скоро имѣть буду. Когда примусь за работу, будетъ легче. Теперь все еще вокругъ меня въ беспорядкѣ, и самъ скитаюсь какъ осиротѣлой. На вся-

---

⁵⁾ Михаилъ Александровичъ Салтыковъ (р. 1769 † 1851), бывшій попечителемъ Казанскаго учебнаго округа и сенаторомъ, пользовавшійся уваженіемъ въ кругу литераторовъ Карамзинскаго направленія, состоялъ въ числѣ „природныхъ членовъ“ Арзамаса (см. въ Соч. Батюшкова, т. III, стр. 696—697, и „Бумаги В. А. Жуковскаго“, стр. 159).

⁶⁾ Рязный Коть—Д. П. Сѣверинъ.

⁷⁾ Е. Н. Батюшковъ.

⁸⁾ Ф. Ф. Вигель.

*

¹⁾ Въ Москву Жуковский прибылъ 9 Октября (см. отрывки его дневника за 1817 годъ, № 3, л. 1).

²⁾ Крѣпостной слуга Жуковскаго, котораго онъ отпустилъ на волю, какъ и другаго Максима.

³⁾ Тургеневой, матери А. И. Тургенева.

⁴⁾ Князя А. Н. Голицына.

кой улицѣ вспомнишь кого-нибудь изъ моихъ, и какъ ни вспоминай, ни одного не допомнишь къ себѣ. Жестокое чувство! Отъ него одинъ отводъ—работа. Простите, друзья. Я этого не ожидалъ: въ Москвѣ мнѣ жаль Петербурга 5). Вашъ Ж.

ХСVII.

(Во второй половинѣ Октября 1817, Москва).

Здравствуй, милой другъ, и здравствуйте, Арзамасцы. Пишу къ тебѣ по просьбѣ Антона Антоновича 1). Онъ желаетъ имѣть портретъ князя Голицына 2), который и согласился на его желаніе. Остается имѣть портретъ. Это дѣло поручаетъ онъ тебѣ и проситъ тебя не замедлить доставить ему списокъ. Списать съ портрета, находящагося у Елисаветы Михайловны Кологривой 3). Величина портрета: вышиною въ аршинъ, а шириною въ 13 вершковъ; срокъ, къ которому списать, 1-е Декабря; срокъ, къ которому доставить, 10 Декабря. Я поручилъ объ этомъ хлопотать Кавелину, ибо ты забудешь; ты съ своей стороны только помоги.

Я переселился на свою квартиру 4); живу теперь въ кельѣ какого-то монаха Чудовскаго; на окнахъ моихъ крѣпкія рѣшетки, но горницы убраны не по-монашески; тишина стихотворная царствуетъ въ моей обители, и ужъ Музы случатся въ двери; я еще не могъ принять ихъ за безпорядкомъ, но завтра онѣ ко мнѣ пожалуютъ. О чемъ буду съ ними бесѣдовать, то скоро узнаютъ современники и передадутъ потомкамъ. Цѣлую Арзамасъ.

Вчера, то-есть третьяго дня, обѣдалъ я у матушки. Она не выѣзжаетъ: нѣсколько простудилась. Можетъ быть, нынче буду у нея.

Хлопочи пожалуйста о портретѣ.

ХСVIII.

(26 Октября 1817, Москва).

Я исполнилъ твое приказаніе, милостивый государь мой, другъ Александръ Ивановичъ. Третьяго дня ввечеру, то-есть 25-го, въ Середу 1), возвратясь домой, нахожу у себя твой пакетъ. Бѣжать къ ма-

---

5) На этомъ письмѣ рукою А. И. Тургенева написаны слѣдующія строки (къ К. Н. Батюшкову?): „Прошу, прочитавъ, переслать Блудову, который можетъ доставить обратно ко мнѣ. Я вчера бралъ ванну и сегодня цѣлый день дома“.

*

1) Прокоповича-Антонскаго.

2) Князя А. Н. Голицына.

3) Сводной сестры князя А. Н. Голицына.

4) Въ отрывкахъ дневника Жуковского за 1817 годъ подъ 22 Октября записано слѣдующее: „День освобожденія Москвы отъ Поляковъ. Первая лекція. Мое переселеніе. У Офросимова“ (женатаго на третьей племянницѣ Жуковского, Марѣ Петровнѣ Юшковой).

*

1) Жуковский ошибся. 25 Октября приходилось въ Четвергъ, а 24-е въ Среду. Въ отрывкахъ его дневника за 1817 годъ подъ этими числами записано слѣдующее: „24. Письмо

тушкѣ тотчасъ было поздно; я и не поѣхалъ. А былъ у нея вчера поутру. Она уже получила твое письмо, въ которомъ пишешь, чтобы отъ себя она поговорила съ Новосильцовымъ. Но и она, и я разсудили, что ей лучше всего прежде увидѣться съ княземъ, прежде нежели насылать на него Новосильцова. Князю могло бы показать(ся), что она на него жалуется, или ищетъ къ нему сторонней дороги. И мы положили писать къ князю, звать его къ матушкѣ; на что была и причина законная, ибо матушка съ нѣкотораго времени въ самомъ дѣлѣ нездорова: простудилась и не встаетъ съ постели. Берусь за перо, сажусь писать письмо къ князю съ тѣмъ, чтобы его отвезти самому, — входитъ человекъ и говоритъ: князь пріѣхалъ. Ничто не могло быть (болѣе?) кстати. Но разговора ихъ я не слышалъ; знаю только, что онъ начался горькими слезами. Матушка просила меня ихъ оставить. Но вотъ что слышалъ я отъ нея, бывши у нея послѣ обѣда. Она князю *не пеняла* за то, что ты не отпущенъ, но говорила о своей болѣзни и просила, чтобы хотя на двѣ недѣли былъ отпущенъ съ нею видѣться. Князь на это отвѣчалъ ей, что *неотпускъ* твой есть точно доказательство того, что онъ къ тебѣ болѣе, нежели къ кому-нибудь, имѣетъ довѣренность и что ты въ его отсутствіи необходимъ въ Петербургѣ. Она сказала ему, что просить его извинить ее, если она ошибается, но что она судить какъ *мать*; будучи отъ всѣхъ далеко и заключая обо всемъ по одной наружности, отъ тебя же не имѣя ни о чемъ, до тебя касающемся, извѣстій и будучи даже увѣрена, что для тебя будетъ непріятно, когда узнаешь, что она говорила съ княземъ, она начинаетъ бояться, не перемѣнился ли къ тебѣ князь; твой непріездъ, твое статсъ-секретарство, которое такъ медлительно, слухи о многихъ твоихъ недоброхотахъ, — все это вмѣстѣ заставляетъ ее думать, что князь къ тебѣ не таковъ, каковъ былъ прежде; но что это было бы несправедливо, что ты не только добрый ему подчиненный, на благородство котораго онъ можетъ и долженъ полагаться, но что ты его любишь и уважаешь. Все это было сказано безъ упрековъ и кончилось очень хорошо. Князь просидѣлъ у нея около трехъ часовъ. Онъ привезъ ей проповѣдь Августина на закладку храма ²⁾ и самъ ей прочиталъ ее уже по окончаніи разговора. О тебѣ же сказалъ, что постарается непременно тебѣ доставить случай ныпѣшнюю зимою видѣться съ матушкою. Что же касается до медленнаго статсъ-секретарства, то не его вина. Онъ дважды говорилъ Государю, и Государь, будучи весьма высокаго о тебѣ мнѣнія, все отказывалъ по причинѣ твоей молодости. Видишь ли, каково намъ быть молодымъ! Однимъ словомъ, они разстались какъ нельзя лучше, и я увѣренъ, что этотъ разговоръ имѣлъ такое дѣйствіе, каковаго тебѣ желать надобно. Въ концѣ

отъ Тургенева. Обѣдъ въ Англійскомъ Клубѣ. Давыдовъ, Дмитріевъ, Коченовскій, 25. Поутру у Екатерины Семеновны. Біографія королевы Луизы. Обѣдъ у великаго князя. Бенкендорфъ. Анекдотъ о крестѣ. Музыка. Народъ передъ огнемъ. Храповицкій. Дурновъ. Приицъ Пруссій. Послѣ обѣда у Екатерины Семеновны. Князь Голицынъ. Совѣщаніе у Антонскаго и Вяземскаго. Эжспромты и Пушкина басня⁴.

²⁾ Слово архіепископа Августина на закладку храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

его прѣхалъ Мудровъ ³⁾, и князь много съ нимъ говорилъ о матушкиной болѣзни; у нея слабость въ нервахъ и сильная гипохондрія. Теперь о Новосильцовѣ. Матушка хочетъ къ нему послать. Признаюсь, не знаю, нужно ли ей теперь говорить съ нимъ. По крайней мѣрѣ, я совѣтовалъ говорить ей такъ: рассказать ему свой разговоръ съ княземъ, дабы онъ, увидясь съ княземъ, могъ и ему сказать, что слышалъ отъ матушки объ этомъ разговорѣ, о которомъ можетъ сказать ему и свое мнѣніе, а не говорилъ бы прямо отъ себя или прямо отъ матушки. Если *прямо отъ себя*, то князь могъ бы подумать, что онъ такъ дѣйствуетъ, будучи настроенъ тобою; если жъ *отъ имени матушки*, то князю можетъ показаться непріятно, что она, не удовольствовавшись его обѣщаніемъ, употребляетъ другаго, чтобы побуждать его. Новосильцовъ, говоря *отъ себя* о слышанномъ отъ матушки, будетъ дѣйствовать какъ посторонній. Такъ это мнѣ кажется лучше; думаю, что и ты меня одобришь.—Я былъ уже у князя два раза и не видалъ его. Нынче къ нему поѣду опять; есть до него *своя* нужда: хочу просить пропуска въ Патриаршую Библіотеку, но думаю, что дойдетъ дѣло и до тебя. Чтѣ услышу, то напишу къ тебѣ. Прости до свиданія. Ж.

Обними Николая Михайловича и Арзамасъ.

XCIX.

(Въ первыхъ числахъ Ноября 1817, Москва).

Здравствуй, милый! Пишу къ тебѣ по повелѣнію твоей матушки, у которой я былъ вчера и которая вотъ что отъ тебя требуетъ: непременно, *сожели хочешь ее утѣшить*, съѣзди самъ къ Петру Ивановичу Юшкову. Онъ продаетъ деревню, состоящую изъ 300 душъ съ 5.000 десятинъ (Елецкаго уѣзда вотчина Чернавская); его повѣренный здѣсь объявилъ цѣну этой деревни 400.000; матушка этому не вѣритъ, находя цѣну слишкомъ дорогою; она желаетъ знать отъ самого Юшкова цѣну послѣднюю, дабы приступить къ торгу или совсѣмъ отъ него отступиться. Вотъ объ чемъ тебѣ и должно переговорить съ Юшковымъ. И матушка этого требуетъ, просить и умоляетъ, и ждетъ отъ тебя скорого исполненія ея просьбы, требованія, умоленія и ожиданія. И прошу поскорѣе исполнить ихъ, хотя для меня, ибо я буду браненъ за твою лѣность.

Новосильцовъ былъ у матушки; она говорила съ нимъ *отъ себя* о тебѣ и о свиданіи своемъ съ княземъ; и Новосильцовъ будетъ говорить съ княземъ съ своей стороны, и чтѣ изъ этого состряпается, узнаю въ Субботу, ибо въ этотъ день буду у матушки обѣдать ⁴⁾: вѣ-

---

³⁾ Известный московскій врачъ Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ (р. 1772 † 1831), профессоръ патологіи, терапіи и клиники въ Московскомъ университетѣ.

*

⁴⁾ Въ отрывкахъ дневника Жуковскаго за 1817 годъ подъ 10 Ноября (Суббота) записано слѣдующее: „У Нарышкина. Разговоръ о его дѣтяхъ. Вечеръ у Вяземскаго. Обѣдалъ у Екатерины Семеновны“.

роятно, что она уже какой-нибудь отвѣтъ отъ Новосильцова получить. Съ княземъ я все не видался, а былъ у него три раза; въ Субботу еще разъ побываю. Прости, другъ. Мнѣ пока хорошо: мое занятіе мнѣ дорого, и я имъ счастливъ ⁵⁾). Обними братію и брата.

Твой Жуковскій.

Сейчасъ получилъ твое письмо, завтра самъ поѣду къ Новосильцову.

С.

8 Ноября (1817, Москва).

Я не успѣлъ написать къ тебѣ въ прошедшій Понедѣльникъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Я былъ въ этотъ день у Новосильцова и засталъ его, и говорилъ съ нимъ о тебѣ. Онъ уже видѣлся съ матушкою (я, кажется, и писалъ къ тебѣ объ этомъ) и хотѣлъ говорить съ княземъ, но не говорилъ: ибо, получивъ твое письмо, думалъ, что отъ меня что-нибудь особенное о дѣлѣ твоёмъ узнаеть. Я не могъ ничего особеннаго сказать ему. Содержанье его разговора со мною въ двухъ словахъ: *тебѣ должно быть статсъ-секретаремъ*. Я съ своей стороны *далъ ему советъ*, сказавъ напередъ, что его нечего учить что дѣлать; и вотъ въ чемъ состоитъ этотъ советъ: если будетъ говорить съ княземъ, то не отъ имени матушки, дабы не показалось князю, что она поручила говорить ему, а отъ себя, сказавъ только князю, что онъ слышалъ отъ матушки о ея съ нимъ разговорѣ и съ своей стороны считаетъ, по дружбѣ къ тебѣ, нужнымъ сказать искренно на твой счетъ свое мнѣніе. Такимъ образомъ, разговоръ *матушки* съ княземъ, извѣстный Новосильцову, будетъ только поводомъ его разговора съ княземъ, но дѣйствовать будетъ *отъ себя, по собственному винушенію*. Напрасно ты хлопчешь. Я не думаю, чтобы было не нужно Новосильцову говорить за тебя. Князь не можетъ и не долженъ подумать, чтобы ты интриговалъ; а мнѣніе Новосильцова *mettra du poids dans la balance* ¹⁾ и произведетъ рѣшительный перевѣсъ. Новосильцовъ твой прекрасный, любезенъ и благороденъ.

О себѣ не пишу къ тебѣ. Мое все хорошо, и я радуюсь своею участію, ибо на душѣ легко, и мнѣ весело находить въ этой душѣ одни

---

¹⁾ „Я люблю свою должность (преподавателя Русскаго языка Великой Княгини Александры Ѳеодоровны) — записалъ Жуковскій въ своемъ дневникѣ подъ 27 Октября 1817 года—и мнѣ совсѣмъ не кажется отдыхомъ тотъ день, въ который не могу ея заняться. Тѣмъ лучше. Не послѣднее счастье быть *привязаннымъ* къ тому, что *должно*. Я надѣюсь со временемъ сдѣлать уроки свои весьма интересными. Они будутъ не только со стороны языка ей (Великой Княгини) полезны, но дадутъ пищу размышленію и по-дѣйствуютъ благодѣтельнымъ образомъ на сердце. Однимъ словомъ, до сихъ поръ чувствую себя совершенно счастливымъ въ своей должности, и счастливымъ особенно потому, что чувствую себя со всѣхъ сторонъ независимымъ: *извнѣ* и *внутри* души. Честолюбіе молчать; въ душѣ желаніе одного добраго. Безъ всякаго безпокойнаго желанія смотрю на будущее и весь отдаю настоящему. Милая, привлекательная должность!“ (см. „Русскій Вѣстникъ“ 1889 года, Августъ, стр. 356—357).

⁵⁾ Т. е. прибавить вѣсу.

только теплыя, безкорыстныя желанія и намѣренія ²⁾), достойныя тебя, Карамзина и Арзамаса. Каковъ-то буду впередъ, Богъ знаетъ лучше. Но это слово *каковъ*—мое главное и драгоцѣннѣйшее. Отъ Карамзина узнаешь подробности о бѣдномъ Вяземскомъ. Онъ потерялъ сына и жестоко груститъ ³⁾. Двадцать пять лѣтъ,—а ужъ несчастный отецъ.

Прости, другъ, нѣжный братъ. Съ матушкою твоею у меня лады, въ Субботу обѣдалъ у нея съ Дмитриевымъ. Присылай портретъ къ сроку. Это будетъ и мнѣ одолженіе, хочется услужить Антонскому. Максима Ивановича ⁴⁾ я не успѣлъ еще видѣть, но буду у него. Не забудь сдѣлать за меня рапортъ графу Н. П. Румянцову. Это дѣло принадлежитъ ему.

СІ.

Ты лѣнишься и бранишь меня за лѣнь. Чтò за справедливость? Я здоровъ, пишу стихи, печатаю ихъ, буду къ тебѣ ихъ присылать, бываю у твоей матушки, получаю жалованья 4.000, буду причисленъ къ Министерству Просвѣщенія, сплю и ѣмъ хорошо, люблю тебя еще лучше. Чего-жъ тебѣ болѣе? А вотъ чего: отдай приложенное письмо Карамзину и увѣдомь меня о Кавелинѣ; да еще и брата поцѣлуй и Арзамасцевъ обними. Ж.

Скажи Старушкѣ ¹⁾, что я на слѣдующей почтѣ пришлю ей донесеніе о послѣднемъ Арзамасѣ; къ ней потому, что у нея теперь хранятся Арзамасскія бумаги.

СІІ.

(Во второй половинѣ Января 1818, Москва).

Посылаю тебѣ, мой милой другъ, два экземпляра моихъ Сочиненій и прошу отдать ихъ тотчасъ въ переплетъ къ Зетельхену; переплети оба тома въ одинъ и такъ, какъ у тебя переплетены Образцовыя Сочиненія. Одинъ экземпляръ, назначенный для Великой Княгини, доставить немедленно мнѣ; а другой оставить у себя и отдать молодой графинѣ Лаваль ¹⁾, какъ скоро она возвратится отсюда въ Петербургъ. Прошу тебя это исполнить поскорѣе. Другая просьба, которую не забудь: возьми у Кавелина пакетъ съ моими бумагами, оставленный ему Блу-

---

¹⁾ „Мое положеніе прекрасное—читаемъ въ дневникѣ Жуковскаго подъ 6 Ноября 1817 года.—Душа жива; могу дѣйствовать безъ принужденія; могу дѣйствовать для добра; чувствую, что буду дѣйствовать безкорыстно“ (см. „Русскій Вѣстникъ“ 1889 г., Августъ стр. 358).

²⁾ У князя П. А. Вяземскаго скончался 6 Ноября ребенокъ, сынъ Дмитрій. Жуковскій записалъ въ своемъ дневникѣ впечатлѣніе, произведенное на него этою смертью (см. тамъ же, стр. 359).

³⁾ Невзорова.

*

⁴⁾ Прозвище С. С. Уварова въ „Арзамасѣ“.

*

¹⁾ Впослѣдствіи княгини Трубецкой, жены Декабриста, князя Сергѣя Петровича.

довымъ. и по первой почтѣ перешли ко мнѣ. Въ этомъ пакетѣ мой аттестатъ, мой докторскій дипломъ, словомъ сказать, всѣ документы на мои достоинства. К(нязь) Голицынъ ихъ требуетъ. Италѣ присылай немедленно. Увѣдомъ, что будетъ стоить перешлетъ и что ты заплатилъ за Англійскую грамматику. Въ началѣ будущаго мѣсяца получишь отъ меня всѣ пепязи. Не сердись, милой другъ, что пишу рѣдко; ты самъ рѣдко пишешь. На слѣдующей почтѣ, вѣроятно, пришло тебѣ первый № моего журнала ²⁾, который печатается. Для тебя и для Арзамаса. Увѣдомъ меня о Кавелинѣ, котораго отъ меня обними. Обними Плещеева и брата и всему Арзамасу мое благословеніе. Приложенное письмо передай Кюхельбекеру ³⁾. Что у васъ дѣлается? Аванасьева хорошенъко пожури за проказы; возьми у него письмо Андрея Ивановича ⁴⁾ и прочитай его ему съ примѣчаніями. Ж.

СП.

(Въ концѣ Января или началѣ Февраля 1818, Москва).

Милой, спѣшу послать къ тебѣ мой аттестатъ, данный мнѣ отъ Маркова. О прежней службѣ моей скажу только то, что я вошелъ въ Главную дурацкую Соляную Контору городскимъ секретаремъ въ 1800 году, вышелъ изъ нея титулярнымъ совѣтникомъ въ 1802-мъ; остальное увидишь изъ приложеннаго аттестата. Впрочемъ, дѣлай что хочешь, только меня не тормоши; довольно и той глупости, что я вздумалъ одинъ разъ заботиться о чинѣ и хлопотать. Посылаю тебѣ и всѣмъ Арзамасцамъ первый номеръ моего пѣсеннаго журнала. Моя ученица ⁴⁾ все это скоро будетъ пѣть по-русски. Второй номеръ почти отпечатанъ ²⁾. Тотчасъ доставлю. Только прошу тебя раздать аккуратно. Извини меня передъ графомъ Румянцовымъ, что угощаю его пѣснями: я почитаю обязанностію доставлять ему все, что ни напишу; право, имѣю къ нему особенное чувство привязанности и всегда люблю вспоминать о его ко мнѣ дружескомъ расположеніи. Можетъ-быть, въ нынѣшнемъ же году напишу что-нибудь болѣе его достойное. Посылаю

---

²⁾ Подъ журналомъ Жуковскій разумѣть изданіе, носившее заглавіе „Für Wenige“. „Для немногихъ“ и выходившее маленькими книжечками; въ немъ печатались стихотворенія, переведенныя Жуковскимъ для Великой Княгини Александры Теодоровны, съ Нѣмецкимъ текстомъ en regard. Книжки „Для немногихъ“ печатались въ самомъ незначительномъ числѣ экземпляровъ и не предназначались для публики. Цепзурное разрѣшеніе печатать эти книжки давалось А. А. Прокоповичемъ-Антопскимъ. № 1-й (Январь) изданія „Для немногихъ“ былъ пропущенъ къ печати 11 Января 1818 года.

³⁾ Въ 6-мъ томѣ Сочиненій В. А. Жуковскаго, изд. 7-е, помѣщено всего лишь одно письмо Жуковскаго къ В. К. Кюхельбекеру (стр. 459—461), безъ даты, перепечатанное изъ „Русской Старины“ 1875 года.

⁴⁾ Тургенева?

*

¹⁾ Великая Княгиня Александра Теодоровна.

²⁾ № II-й (Февраль) изданія „Для немногихъ“ былъ пропущенъ къ печати 15 Января 1818 года.

*

тебѣ и экземпляръ моихъ сочиненій. Прошу тебя не растерять моихъ бумагъ.

Третьяго дни наконецъ я видѣлъ и Государя и говорилъ съ нимъ, и онъ очень благосклонно со мною обошелся. Обними за меня моего Николая Михайловича и увѣдомь объ немъ, располагается ли остаться въ Петербургѣ. Прости, некогда писать. Раздай же поаккуратнѣе экземпляры. Если растеряешь, то другихъ книжекъ не дамъ, по крайней мѣрѣ, не тебѣ дамъ развозить.

CIV.

(Въ Февралѣ 1818, Москва).

Я сейчасъ былъ у князя. Онъ сказалъ мнѣ, что записку обо мнѣ отправилъ къ Козодавлеву ¹⁾ (слѣдовательно она будетъ въ твоихъ рукахъ) и что мой докторскій дипломъ долженъ быть представленъ въ департаментъ. И такъ вмѣсто того, чтобы его послать ко мнѣ, возьми къ себѣ и поступи со мною по законамъ. Кажется, что я имѣю право на коллежское ассесорство; между бумагами найденъ и мой пансіонскій аттестатъ, избавляющій меня отъ экзамена; воспользуйся, если хочешь, и имъ; также надобно тебѣ знать, что я на сихъ дняхъ буду членомъ Московскаго университета ²⁾ и прочее, и прочее. Если всего этого педовольно для коллежскаго ассесорства, то чортъ съ нимъ. Взявъ изъ моихъ бумагъ мой дипломъ, остальные всѣ перешли ко мнѣ на слѣдующей же почтѣ. Обнимаю тебя. Ж.

CV.

(Въ срединѣ Февраля 1818, Москва).

Все получилъ отъ тебя, милой другъ, и благодарю за старанія. Я сдѣлалъ пустякъ, выдумалъ хлопотать о чинѣ и службѣ; но ты этотъ пустякъ сдѣлалъ пріятнымъ, хлопоталъ обо мнѣ съ обыкновеннымъ рвеніемъ дружбы. У меня на роду написано быть всѣмъ обязанымъ тебѣ; за это я очень благодаренъ судьбѣ своей. По твоему приказанію я говорилъ и съ Жихаревымъ, который женится, и съ Марченкою, который женатъ; и тотъ, и другой утверждаютъ, что мое ассесорство неизбѣжно. Путь ему добрый! Нынче или завтра представлюсь своему новому *soit-disant* начальнику к. А. Н. ¹⁾, и тѣмъ заключу. Въ награду за твои хлопоты посылаю тебѣ второй N моего стихотворнаго журнала. Третій готовъ ²⁾. Посылаемыя книжки раздай кому надлежитъ. Прилагаю реестръ и прошу не растерять. Моя ученица учится прилежно. Переводить мои Русскіе стихи въ Русскую

---

¹⁾ Осипу Петровичу Козодавлеву, министру внутреннихъ дѣлъ.

²⁾ Въ почетные члены Московскаго университета Жуковскій былъ выбранъ въ 1818 году.

*

¹⁾ Т. е. князю Александру Николаевичу (Голицыну).

²⁾ № III (Мартъ) изданія „Для немощныхъ“ былъ пропущенъ къ печати 15 Февраля 1818 года.

прозу и свою Русскую прозу въ Нѣмецкую; переводить съ лексикономъ письма Карамзина; поетъ мои пѣсни и очень прилежна. А я гляжу на Исторію нашего Ливіа, какъ на мое будущее: въ ней источникъ для меня и вдохновенія, и славы. Обними за меня его и поблагодари за доставленіе послѣднихъ томовъ. Онъ сдѣлалъ чудо: побѣдилъ Каченовскаго, который говоритъ о его твореніи съ благоговѣніемъ. Впрочемъ, я этого ожидалъ отъ Каченовскаго.

Вяземской уѣхалъ ³⁾, и уѣхалъ, не измѣнивъ своему характеру, прямо съ балу; но боюсь за него: дорога, говорятъ, скверная. И каждый ухабъ теперь мнѣ объ немъ напоминаетъ; дорога будетъ тяжела для княгини. Блудовъ ѣдетъ къ вамъ на сихъ дняхъ ⁴⁾ Прости. Отдай приложенное письмо Батюшкову. Ж.

CVI.

(Въ срединѣ Марта 1818, Москва).

Посылаю тебѣ третью книжку, раздай кому слѣдуетъ. Ты прислалъ у меня *трихъ* экземпляровъ, а у меня нѣтъ ни одного. Все, что напечатано, роздано. Гречъ въ своемъ журналѣ говоритъ объ моемъ изданіи, какъ о книгѣ, для публики печатаемой ¹⁾. Напрасно онъ не сказалъ ничего о его настоящей цѣли; но однако лучше не говорить ничего. Здѣсь Губаревъ ²⁾. Ему бы хотѣлось войти на службу. Это твое дѣло. Его истинная привязанность къ Ивану Владимировичу ³⁾, дѣлающая честь его сердцу, должна сверхъ другихъ причинъ побудить тебя за него похлопотать. Можетъ быть, онъ со мною пріѣдетъ въ Петербургъ. Подумай объ немъ. Я здоровъ и работаю; у матушки твоей давно уже не былъ. Совѣстно. Она перемѣнила квартиру. Прости, другъ; обнимаю тебя. Ж.

---

¹⁾ Въ Варшаву на службу къ Новосильцову. Балъ былъ у его тещи, П. А. Кологривовой; на немъ присутствовалъ и Государь.

²⁾ Д. Н. Блудовъ отправлялся съ особымъ порученіемъ въ Лондонъ, куда онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ концѣ Апрѣля 1818 года (см. Ковалевскій, „Графъ Блудовъ и его время“, стр. 121).

*

³⁾ Въ № 9 „Сына Отечества“ за 1818 годъ, вышедшемъ 1 Марта, въ отдѣлѣ „Современная Русская библиографія“ Н. И. Гречъ далъ отзывъ (стр. 113) о первомъ номерѣ изданія „Для немногихъ“. „Явленіе пріятное!—говорится въ этой замѣткѣ.--Къ сожалѣнію, сказываютъ, что собраніе сіе печатается дѣйствительно *для немногихъ*, т. е. въ небольшомъ числѣ экземпляровъ для пріятелей поэта. Мы въ состояніи съ нимъ поспорить и готовы утверждать, что если онъ хотѣлъ писать для тѣхъ, которые любятъ и его, и талантъ его, то правильнѣе было бы сказать въ заглавіи: *для многихъ*. Въ числѣ сихъ *многихъ* есть читатели *Сына Отечества*: для нихъ выписали мы переводъ прекрасной Шиллеровой баллады: Ritter Toggenburg“ (который напечатанъ тамъ же, стр. 110—112).

⁴⁾ О Губаревѣ см. выше, прим. 7-е къ письму LVII-му.

⁵⁾ Лопухину.

*

СVII.

(Въроятно въ Апрѣль 1818, Москва).

Виновать! Экземпляръ для Елисаветы Марковны ¹⁾ не доставилъ. Посылаю теперь. И вотъ нѣсколько комиссій. Приложенное письмо доставь барону Фитингофу. По милости Блудова я попалъ въ члены комитета благотв(орительнаго) общества и долженъ еще за это благодарить. Не забудь доставить письма. Прилагаю записку о нашемъ бывшемъ товарищѣ пансіонскомъ Поляковѣ. Изъ нея увидишь, чего онъ желаетъ. Увидишь,—но сдѣлаешь ли что нибудь? Прилагаю письмо ко мнѣ отъ Губарева. Ему ты долженъ непременно пособить. Дѣла его запутаны, и причиною запутанности ихъ Ив(анъ) Влад(имировичъ). Губаревъ не жалуется; его привязанность къ памяти Ив(ана) Вл(адимировича) дѣлаетъ ему честь; вообще онъ благородной человѣкъ и стѣбитъ твоего дружескаго покровительства. Нельзя ли будетъ доставить ему требуемаго имъ мѣста? Ты, въроятно, знакомъ съ опекунами гр(афа) Шереметева. Наконецъ, прилагаю письмо отъ бѣднаго Мещевского,—солдата-поэта. Онъ перевелъ въ стихи мою бѣдную Марьину Рощу; я ее здѣсь продалъ. Онъ посвящаетъ ее намъ: тебѣ, мнѣ и Вяземскому ²⁾. Нельзя ли чего для него собрать? Если удастся, доставь мнѣ. А я тебя обнимаю съ братьями. Матушки давно не видѣть и боюсь на глаза ея показаться. Твой Жуковский, а не придворный.

СVIII ¹⁾.

(Въ Іюль 1818, Москва).

Вотъ что мы положили. Батюшковъ ²⁾ остается въ Москвѣ до перваго отъ тебя отвѣта, слѣдственно tout au plus ³⁾ на двѣ недѣли. Твой отвѣтъ долженъ рѣшить, куда ему ѣхать, въ Петербургъ или въ Одессу. Съ его письмомъ ты являешься къ Капо д'Истрія ⁴⁾, сказываешь ему, что Батюшковъ, ѣхавшій для поправленія здоровья въ южную Россію, для морскихъ бань, которыми можно пользоваться только въ Іюль мѣсяцъ, рѣшился однако, въ надеждѣ на его [Капо д'И(стрія)] явное желаніе дѣйствовать для пользы его [Бат(юшкова)], пожертвовать двумя

¹⁾ Елисавета Марковна Оленина (рожденная Полторацкая), жена Алексѣя Николаевича Оленина.

²⁾ „Марьина роща. Повѣсть въ стихахъ“ издана въ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1818 году небольшою книжечкою въ 12-ю д л, на 65 страницахъ. Имя автора означено (какъ и въ „Натальѣ, боярской дочери“) только начальными буквами: А. М. Это произведеніе Мещевского было пропущено цензурою къ печати 12 Іюля 1818 года. Въ печатномъ изданіи нѣтъ никакого посвященія Тургеневу, Жуковскому и князю Вяземскому.

*

³⁾ Эта приписка Жуковского на письмѣ К. Н. Батюшкова къ А. И. Тургеневу перепечатывается изъ „Русскаго Архива“ 1867 года, ст. 1.511.

⁴⁾ К. Н. Батюшковъ хлопоталъ въ это время о поступленіи въ дипломатическую службу.

⁵⁾ Самое бѣльшее.

⁶⁾ Графъ П. А. Капо д'Истрія управлялъ тогда министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

недѣлями драгоцѣннаго времени, и что слѣдовательно скорый и рѣшительный отвѣтъ необходимъ. Капо д'Истрія не замедлить, а ты тотчасъ эстафету къ Батюшкову въ Москву. *Моя мысль*: отдать экземпляръ Батюшкова сочиненій Капо д'Истріи: они будутъ документомъ и его способностей въ *мирномъ* родѣ, не въ одномъ военномъ. *Моя исповѣдь*: Тургеневъ лучшій изъ людей! Письмо его къ Батюшкову тронуло и обрадовало Жуковскаго, который обнимаетъ его съ новою благодарностію.

(*Рукою Батюшкова*). Впрочемъ, если письмо ⁵⁾ многорѣчиво, а не краснорѣчиво (что и намъ кажется), то поправьте, переимѣните. Но оно дѣльно, это главное, и изъ него можно составить записку. Не знаю, останусь ли здѣсь до 25. Жуковскій рѣшить.

(*Рукою Жуковскаго*). Останется. Жуковскій. (*Рукою Батюшкова*). На всякій случай отвѣтъ адресуйте къ Дружинину.

СІХ.

1819 Января 1-го, (Петербургъ).

Вверху этой записки написаны слѣдующія строки А. И. Тургенева:
Копчи годъ хорошо: пришли мнѣ эпитафію ⁴⁾. Вотъ тебѣ и бумага.
Увѣдомь, въ которомъ часу заѣдешь завтра. Да не опоздай!

Завтра въ 11-мъ часу я къ тебѣ буду. Заѣдемъ и къ канцлеру.

Судьба на мѣстѣ семь разрозвила нашъ кругъ.
Здѣсь милый нашъ отецъ, здѣсь нашъ любимый другъ.
Ихъ разлучила смерть, и смерть соединила;
А намъ въ святой завѣтъ святая ихъ могила:
„Ихъ неутраченной любви не измѣнить,
„Ту жизнь, гдѣ ихъ ужъ нѣтъ, какъ съ ними совершить,
„Чтобъ быть достойными объ нихъ воспоминанья,
„Чтобъ встрѣтять съ торжествомъ прекрасный часъ свиданья“ ⁵⁾.

СХ.

(1820 года, Петербургъ).

Я былъ вчера у Клингера ¹⁾ и сказывалъ ему, что ты на сихъ

---

⁴⁾ Это прошеніе К. Н. Батюшкова на Высочайшее имя объ опредѣленіи его на службу въ одно изъ нашихъ посольствъ въ Италію, составленное Жуковскимъ, напечатано въ біографіи Батюшкова, написанной Л. Н. Майковымъ и помѣщенной въ I томѣ Сочиненій Батюшкова (стр. 261—262 перваго счета).

*

¹⁾ Ивану Петровичу и Андрею Ивановичу Тургеневымъ.

²⁾ Напечатано въ Сочиненіяхъ Жуковскаго ошибочно подъ 1807 годомъ (см. изд. 8-е, т. I, стр. 89). Въ первый разъ эта эпитафія была напечатана въ „Памятникъ Отечественныхъ Музъ“ 1827 года, а Жуковскимъ внесена только въ 4-е (1835 года) и 5-е (1849) изданія его Сочиненій, гдѣ отнесена къ 1807 году, т. е. году кончины И. П. Тургенева.

*

³⁾ Федоръ Ивановичъ (Фридрихъ-Максимилианъ) Клингеръ родился во Франкфуртѣ въ 1758 году и высшее образованіе получилъ въ Гисенскомъ университетѣ. Писалъ драматическія піесы (для театра въ Лейпцигѣ) и философскіе романы. Собраніе его сочиненій

дняхъ къ нему будешь съ графомъ Капо д'Истрія ²⁾). Нельзя ли это сдѣлать поскорѣе? Онъ 15 ѣдетъ въ Павловскъ. Если рѣшится графъ купить библіотеку, то надобно, чтобы онъ рѣшился теперь; ибо Клиггеръ скоро долженъ переѣзжать въ свой домъ, и онъ боится, какъ огня, перевозу и уставленія по полкамъ своихъ книгъ. Этотъ трудъ для него, точно, не бездѣлица. А библіотеку я видѣлъ. Выборъ прекраснѣйшій; всѣ книги сохранены и много очень хорошихъ изданій. Мнѣ кажется, что купить разомъ такую библіотеку есть находка (за ту цѣну, которую онъ проситъ). Постарайся это уладить поскорѣе. Это будетъ точно услуга старику. Ж.

Лучше всего застать его отъ 6-ти до 8-ми послѣ обѣда.

Адресъ: Александру Ивановичу Тургеневу.

СХІ.

2 Октября (1820, Дерптъ).

Я еще въ Дерптѣ, жду своего товарища Адлерберга; думаю, что выѣду отсюда завтра по утра ¹⁾. Проси, братъ. Еще разъ поручаю твоей дружбѣ Сашу ²⁾. Будь съ *нимъ* ³⁾ сколько можно ласковѣе, но только чтобы онъ тебя и боялся, и чувствовалъ, что можетъ имѣть въ тебѣ нужду: этой уздой можно имъ управлять. Объясни Карамзинимъ всю ту пользу, которую они могутъ принести ей своимъ обществомъ, и для этого убѣди ихъ имѣть терпимость къ мужу ея. Боюсь, чтобы она совсѣмъ не потеряла бодрости. Я тебѣ оставляю прекрасную ролю; если будешь играть ее какъ надобно, то себѣ еще болѣе сдѣлаешь добра, нежели ей.

Вотъ и другая просьба. Здѣсь происходятъ чудеса. Профессоръ (теологіи) Белендорфъ ⁴⁾ долженъ идти въ отставку за то, что онъ

нѣй вышло въ Кенигсбергъ въ 1809 году въ 12 томахъ. Въ 1778 году онъ перешелъ на военное поприще и въ 1780 году вступилъ въ Русскую службу. Въ 1801 году онъ былъ назначенъ директоромъ перваго кадетскаго корпуса и главнотачальствующимъ Пажескаго корпуса, а въ 1803 году, сверхъ того, и попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа. Въ 1817 году, въ чинѣ генераль-лейтенанта, онъ былъ уволенъ отъ должности попечителя Дерптскаго округа, а въ 1820 году отъ должностей директора перваго кадетскаго и главнотачальствующаго Пажескаго корпусовъ и вовсе отъ службы. Умеръ О. И. Клиггеръ въ 1831 году (см. его некрологъ въ Русскомъ Инвалидѣ 1831 года, № 50). Настоящее письмо Жуковского, по всей вѣроятности, относится къ 1820 году, когда О. И. Клиггеръ переѣзжалъ изъ казенной квартиры въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ на частную.

²⁾ Графъ Капо д'Истрія былъ уволенъ въ безсрочный отпускъ въ 1822 году и поселился въ Женевѣ.

*

¹⁾ Жуковский выѣхалъ изъ Дерпта въ заграничное путешествіе 3 Октября 1820 года въ 12 часовъ (см. въ его бумагахъ записку вписку № 4, б.).

²⁾ Александру Андрееву Воейкову.

³⁾ Съ А. О. Воейковымъ, который въ 1820 году оставилъ профессорскую службу въ Дерптѣ и переселился въ Петербургъ.

⁴⁾ Германъ-Леопольдъ Белендорфъ (Boehlendorff) былъ „профессоромъ практическаго богословія“ въ Дерптскомъ университетѣ съ 1801 по 1823 годъ.

оскорбилъ Богоматерь на лекціи. Такъ доносить на него какой-то студентъ. Онъ оправдывается; но кураторъ ⁵⁾, не принимая его оправданія, требуетъ, чтобы онъ шелъ изъ университета. Объ немъ жалѣютъ всѣ; у него семья; онъ служилъ уже двадцать лѣтъ. Теперь еще не рѣшилось ничто, но если дойдетъ до министра, то помоги, если можешь, бѣдняку. По крайней мѣрѣ (если уже надобно будетъ быть отставленнымъ), чтобы остался ему какой-нибудь кусокъ хлѣба.

Прости до Берлина ⁶⁾. Ж.

Пачканія о лунѣ не печатай особенно ⁷⁾; Воейковъ просилъ меня объ этомъ

Адресъ: Тургеневу. 4. 1.

СХП.

27 Н(оября) (9 Декабря), Берлинъ (1820).

Хорошо, что я получилъ твое письмо уже гораздо послѣ того, которое послалъ къ тебѣ съ Эссенемъ ¹⁾ для доставленія Сашѣ ²⁾ (Получилъ ли ты его, и отдалъ ли, и прочиталъ ли?). Оно столько же къ тебѣ, сколько къ ней. Я писалъ его, думая о тебѣ, съ чувствомъ прежней, всегдашней къ тебѣ дружбы. *Моя Сашка* есть добрый, животворный гений, вдругъ очутившійся между нами. Я помню, какъ обрадовало меня то, что ты сказалъ мнѣ объ ней и что она сказала мнѣ о тебѣ; и я желалъ бы, что(бъ) ты прочиталъ то, что она писала о тебѣ къ своей матери въ Дерптъ. То чувство, которое соединить васъ другъ съ другомъ, есть обновленіе нашей съ тобой дружбы: у насъ теперь есть одно общее благо! Въ ея свѣжей душѣ вся моя прошлая жизнь. Но какъ же ты можешь обвинять меня въ томъ, что я ничего тебѣ не сказалъ объ ней? Братъ, развѣ не помнишь нашего прощанья? Развѣ въ эту минуту я тебѣ ея не ввѣрилъ? Я не умѣю объяснить тебѣ того чувства, которое произвело надо мною твое письмо. Мнѣ показалось, какъ будто какое-то ожидаемое счастье сбылось со мною. Твоя привязанность къ моей Сашѣ (не хочу назвать этого любовью) есть наше общее благо и только намъ двумъ принадлежащее благо; мы можемъ дѣлать его вполне и вполне понимать другъ друга. Я уже не имѣю такого собственнаго; но это будетъ нашимъ общимъ. Я и не подумаю тебя остерегать! Въ этомъ случаѣ собственная душа твоя слишкомъ вѣрна, слишкомъ чиста, чтобы не попасть на прямую дорогу: все прекрасное, доброе, высокое, все въ одномъ чувствѣ; и чѣмъ оно безкорыстнѣе, тѣмъ лучше! Но объ этомъ я не хочу и не долженъ тебѣ говорить; мнѣ даже кажется, что тебѣ невозможно здѣсь

⁵⁾ Графъ Ливень.

⁶⁾ Въ Берлинъ Жуковский прибылъ 14 Октября 1820 года.

⁷⁾ Вѣроятно идетъ рѣчь о „Первомъ отчетѣ о лунѣ Государынѣ Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ, въ Іюль 1819 года“, который былъ напечатанъ въ „Сынѣ Отечества“ 1821 года, № 1.

*

¹⁾ Съ флигель-адъютантомъ Александромъ Филипповичемъ Эссенемъ.

²⁾ А. А. Воейковой. — И въ дальнѣйшихъ письмахъ вездѣ подѣ „Сашею“ разумеется А. А. Воейкова ур. Протасова, племянница и крестная дочь Жуковского.

переступить за границу позволеннаго; захочешь ли быть истребитель-лемъ счастья, которое такъ неожиданно съ тобою встрѣтилось? Тебѣ надобно ласкать живую, возвышающую сердце причину любить добро (къ которому до сихъ поръ ты былъ привязанъ машинально, безъ наслажденія). Въ ея душѣ найдешь эту живую причину. Однимъ словомъ, твое къ ней чувство есть и мое чувство; я его понимаю и счастливъ тѣмъ, что оно въ твоёмъ сердцѣ. Мы какъ будто сошлись опять на нашей дорогѣ, по которой шли не вмѣстѣ, а только помня другъ объ другѣ. Лучшаго товарища не было; а милый, вѣрный, избранный смотрѣль по сторонамъ, безъ наслажденія, не забывалъ своего спутника, но и ничѣмъ не дѣлился съ нимъ. Теперь мы стоимъ передъ милымъ твореніемъ Божиимъ и радуемся имъ вмѣстѣ, съ одинакимъ, чистымъ, достойнымъ насъ обоихъ чувствомъ. Все это смутно вмѣстилось мнѣ въ сердцѣ, когда я прочиталъ твое письмо. Еще мы можемъ жить другъ для друга! Мысль объ васъ обоихъ будетъ мнѣ прекраснымъ запасомъ для моего путешествія. Одного отъ тебя требую: чтобы никто, кромѣ меня, и не подозрѣвалъ объ этомъ. Чтобы найти счастье въ дружбѣ къ тебѣ, она не должна быть ничѣмъ останавливаема; надобно, чтобы она могла ей предаться безъ всякаго сомнѣнія и чтобы она нисколько не была въ разладѣ съ собою. Но и тебѣ надобно для твоего счастья уничтожить въ немъ все, что принадлежитъ любви, а сдѣлать изъ него просто чистую, возвышенную жизнь ³⁾. Что, если бы могли мы теперь вмѣстѣ сдѣлать наше путешествіе! Право, другого случая не будетъ. Я ъду отсюда въ началѣ Апрѣля; мѣсяць въ Дрезденѣ, мѣсяць на берегахъ Рейна, три мѣсяца въ Швейцаріи и мѣсяць для возвратнаго пути ⁴⁾. Подумай объ этомъ!

Посылаю тебѣ письмо Покровскаго ⁵⁾, о которомъ я просилъ к(нязя) А(лександра) Николаевича. Непремѣнно позаботиться о немъ. Это бывший мой учитель; онъ директоръ училищъ въ Твери, проситъ отставки и пенсіона. Князь общалъ мнѣ.

Обними Блудова, брата, Карамзиныхъ, съѣзди къ Н. Θ. Плещевой и просиди у нея цѣлой вечеръ за меня; я буду къ ней писать.

---

³⁾ Надъ этими словами, между строкъ рукою А. И. Тургенева написано карандашомъ слѣдующее: „Тогда и она уничтожится! Жуковскій судитъ по себѣ и думаетъ, что я могу быть счастливъ! Горькая ошибка!“

⁴⁾ Изъ за-граничнаго путешествія 1820—1822 гг. не сохранилось писемъ Жуковскаго къ Тургеневу, кромѣ этого письма отъ 27 Ноября 1820 года.

⁵⁾ Теофилактъ Гавриловичъ Покровскій былъ старшимъ учителемъ Тульскаго Народнаго Училища, въ которомъ ребенкомъ обучался Жуковскій. Покровскій, человекъ образованный, не былъ чуждъ литературѣ. Въ журналѣ „Приятное и полезное препровожденіе времени“ встрѣчаются его статьи подъ псевдонимомъ „Философъ горы Алаунской, живущій при подошвѣ горы Утлы“. Изъ отдѣльныхъ его сочиненій можно назвать: „Философъ горы Алаунской, или мысли при извѣстїи о смерти Великия Екатерины“ (1796 г.); „Философъ горы Алаунской, или мысли при кончинѣ Павла I и вступленїи на престолъ Александра I“, „Философъ горы Алаунской, или мысли на Дону о вступленїи въ Русскіе предѣлы Наполеона и совершенномъ его пораженїи“ (Москва. 1818); „Дмитрій Іоанновичъ Донской“ (Тула, 1823).

Спроси у нея имя той деревни, въ которой погребена ея дочь близъ Лозанны; я непременно буду на этомъ мѣстѣ. Прошу тебя велѣть мнѣ переписать Іоанну ⁶⁾, то, что у тебя и что у Саши, и прислать ко мнѣ также и остальные мои стихи; у меня здѣсь ничего нѣтъ. Хотя одну Іоанну.—Пиши къ Вяземскому отъ себя, а я буду скоро писать самъ отсюда. Ж.

Ты говоришь, что я тебя не познакомилъ съ Сашею; а развѣ я не читалъ тебѣ ея писемъ?

Я писалъ къ тебѣ, т. е. къ Сашѣ, съ Эссенемъ, флигель-адъютантомъ. Если ты еще не получилъ письма, то вытребуй.

СХІІІ.

(Въ срединѣ 1823 года, Петербургъ).

Ты очень милый мститель! Не худо бы, когда бы ты послѣ двухъ часовъ зашелъ къ Е(катериинѣ) Ѳеодоровнѣ Муравьевой ¹⁾. Я буду тамъ съ Миллеромъ ²⁾ для контракта о Батюшковѣ; буду, вѣроятно, ровно въ два часа.

Козлову ³⁾ отдашь по полученіи отвѣта изъ Москвы. Только заставь его поскорѣ доставить тебѣ свѣдѣнія.

СХІV.

(Въ Декабрѣ 1823 года, Дерптъ).

Ты знаешь, что Ленць ¹⁾ взялъ отставку. Онъ принесъ, можетъ-быть, слишкомъ большую жертву чувству долга и чести, и эта жертва

---

⁶⁾ Отрывки изъ перевода „Орлеанской Дѣвы“ Шиллера были напечатаны Жуковскимъ, еще въ 1818 году, въ шестой книжкѣ изданія „Для немногихъ“. До заграничнаго путешествія Жуковский, надо полагать, успѣлъ перевести первыя три дѣйствія этой драмы и два явленія 4-го дѣйствія. Остальное было имъ переведено въ Берлинѣ съ 10 (22) Марта по 4 Апрѣля 1821 года (см. „Бумаги В. А. Жуковского“, стр. 9—10).

*

¹⁾ На ея попеченіе былъ отданъ больной К. Н. Батюшковъ, когда онъ былъ привезенъ въ 1823 году изъ Крыма въ Петербургъ.

²⁾ Докторъ, пользовавшій Батюшкова въ Петербургѣ.

³⁾ Слѣдцу-поэту Ивану Ивановичу Козлову.

*

¹⁾ Готтлибъ-Эдуардъ Ленць (р. 1788 † 1829), Дерптскій оберъ-пасторъ, былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ практическаго богословія въ Дерптскомъ университетѣ 8 Августа 1823 года, хотя онъ, по своей скромности, сначала вовсе отказывался отъ профессуры, а потомъ соглашался быть только экстра-ординарнымъ профессоромъ. Въ Декабрѣ 1823 года онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ отъ должности профессора, и 10 Января 1824 года послѣдовало его увольненіе. Въ Августѣ 1824 онъ снова былъ избранъ профессоромъ и занималъ эту должность до 1829, когда онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для участія въ засѣданіяхъ комиссіи для начертанія проекта устава для Евангелическо-лютеранской церкви въ Россіи. 14 Декабря 1829 онъ умеръ въ Петербургѣ. См. въ Словарѣ Рехке и Наперскаго, т. III, стр. 46—47; Nachträge, т. II, стр. 9—10, и Rückblick auf die Wirksamkeit der Universität Dorpat (Dorpat, 1866), стр. 150—151).

стоила ему дорого. И его отпустили, для сохраненія однихъ пустыхъ формъ, единственно для того, чтобы не вводить никакой новости, хотя весь университетъ увѣренъ, что онъ совершенно достоинъ своего мѣста; даже рѣшились скорѣе ввѣрить каѳедру именно тому человѣку, который былъ ея лишенъ за свое лжеученіе, нежели отважиться на представленіе министру новости. И это не знакъ недоброжелательства къ Ленцу: онъ останется всегда благодаренъ и куратору, и ректору за ихъ къ нему расположеніе; но это просто излишне робкая осторожность. Ленцу хотѣлось имѣть мѣсто экстра-ординарнаго профессора съ 4.000 рублей, да сверхъ того за то, что онъ (пока еще нѣтъ университетской церкви) служилъ бы въ городской церкви отъ университета, говорилъ проповѣди въ назначенные воскресные дни и подъ своимъ руководствомъ заставлялъ бы проповѣдовать (послѣ обѣдни въ Воскресенье или въ какой-нибудь другой день недѣли) своихъ учениковъ и такимъ образомъ училъ бы ихъ словомъ и дѣломъ, онъ желалъ еще 1.500. Университетъ не только бы ничего не потерялъ, но еще очевидно выигралъ; ибо мѣсто ординарнаго практическаго профессора и мѣсто университетскаго проповѣдника были бы заняты однимъ человѣкомъ и за половинное жалованье. Всѣ профессора увѣрены, что исправленіе одной должности не помѣшало бы исправленію другой. Объ этомъ профессоръ Iätsche ²⁾ писалъ и къ куратору, и къ министру. Но Ленцъ ничего не знаетъ и знать не долженъ: это бы только разстроило его спокойствіе. Онъ изъяснилъ уже одинъ разъ на этотъ счетъ свое желаніе университету, но теперь молчитъ и ни о чемъ не проситъ по двумъ причинамъ: первая та, что онъ не хочетъ вмѣшиваться въ дѣло Провидѣнія, которому съ покорностію поручаетъ судьбу свою; вторая та, что онъ лучше хочетъ не требовать ничего, нежели получить отказъ; это огорчило бы его сердце, котораго нѣжная чувствительность тебѣ извѣстна. Должно ее пощадить. Письмо мое есть для него тайна. Но вотъ новая, сильнѣйшая причина желать, чтобы все устроилось такъ, какъ бы хотѣлось моему доброму Ленцу. Онъ начинаетъ чувствовать припадки подагры; что жъ будетъ съ нимъ, если онъ останется въ своей настоящей должности, соединенной съ такими разнообразными безпокойствами? Онъ не можетъ падить себя, будучи по своему званію обязанъ выходить во всякое время дня и во всякую погоду; это усилитъ болѣзнь, лишитъ его возможности испол(нять) свою должность, слѣдовательно принудитъ его отъ нея отречься. Что же тогда? Одно ожиданіе такого будущаго можетъ помрачить его душу и лишитъ его внутренняго спокойствія. А когда огорченіе убьетъ его, что будетъ съ его семействомъ? «Не боюсь бѣдности—мы не умремъ съ голоду; не говорю даже о собственномъ несчастіи—ибо до сихъ поръ я счастлива, какъ немногія; но дѣти...» Имъ надобно видѣть передъ собою прекрасный примѣръ отца, чтобы самимъ со временемъ сдѣлаться людьми. Не думай, чтобы испуганное воображеніе представляло мнѣ въ будущемъ одни мечтательные ужасы—опасность для нихъ оче-

---

²⁾ Готтлибъ-Веніаминъ Іеше (Iätsche) (р. 1762 † 1842), профессоръ теоретической и практической философіи въ Дерптскомъ университетѣ (о немъ см. Словарь Ренке и Навіерскаго т. II, стр. 378—380, и Nachträge, т. I, стр. 293).

видна и даже не слишкомъ отдалена. Еще онъ можетъ съ напряженіемъ всёхъ своихъ силъ исполнять свою трудную должность. Но должно ли дожидаться, чтобы онъ истратилъ всё свои силы? Тогда и легкое сдѣлается для него труднымъ, и все, чѣмъ бы онъ могъ и долженъ быть для свѣта, исчезнетъ съ нимъ въ преждевременномъ гробѣ.

Въ статутахъ университета именно сказано, что званіе ординарнаго профессора можетъ быть обращено въ званіе экстра-ординарнаго. Итакъ въ настоящемъ случаѣ одно только новое: 1.500 прибавочнаго жалованья! Но много ли это за трудъ перечитывать съ каждымъ проповѣдующимъ студентомъ его проповѣдь и перечитывать ее по нѣсколькx разъ въ продолженіе многихъ часовъ, поправлять ее, изъяснять, почему что поправить нужно, и сверхъ того самому въ каждыя три недѣли одинъ разъ проповѣдывать?

Если министру будетъ угоденъ планъ и если университетъ захочетъ предложить мѣсто Ленцу, то онъ будетъ имѣть то, чего желаетъ и что соотвѣтствуетъ совершенно его способностямъ и склонности. Если же это не удастся, то постарайтесь вывести его изъ настоящаго его положенія: найдите для него спокойнѣйшее мѣсто, напри-мѣръ, хорошее мѣсто деревенскаго пастора въ Эстляндіи. Здѣсь онъ долго не проживетъ: заботы убьютъ не только его физическія силы, но и моральныя. Одна изъ главныхъ причинъ его душевнаго безпокойства, отъ котораго нѣтъ лѣкарства, есть слѣдующая. Онъ самъ почитаетъ свое званіе столь высокимъ, столь святымъ, каждое слово имъ произносимое выходитъ такъ прямо изъ его души, что онъ оскорбляется внутренно, чувствуя, что другіе, любя въ немъ, можетъ быть, добраго человѣка и хорошаго проповѣдника, остаются равнодушными къ главному, къ драгоценнѣйшему для него, къ *самому дѣлу*: ибо онъ судитъ другихъ по своему собственному образцу. Онъ говоритъ, что ему бываетъ такъ же тяжело, какъ тому, кто долженъ *читать въ слухъ* въ такомъ обществѣ, гдѣ всё шумятъ, приходятъ, уходятъ и не слушаютъ читающаго; что онъ въ вечеру, изнуренный трудами дня, ложится въ постель съ горестною мыслию, что его ученіе, вышедшее изъ глубины сердца, такъ же быстро и бесполезно пролетѣло мимо ушей, какъ пустая рассказанная въ обществѣ новость, что онъ никогда не насладится плодомъ своего труда, что около него шумитъ толпа, составленная изъ людей разнаго званія и разной образованности, толпа, посреди которой онъ стоитъ одинокъ съ печальною мыслию, что цѣль его никогда не будетъ достигнута. Безпрестанное проповѣдываніе изнуряетъ его силы, а что ему остается одно только убѣжденіе, что его почитаютъ хорошимъ ораторомъ! Такая ли цѣль его? Грусть его будетъ для тебя понятна; но что произведетъ со временемъ такая грусть? Не долженъ ли онъ сдѣлаться ея жертвою?

Вотъ почему такъ было бы для него прилично то мѣсто, которое желаетъ онъ имѣть при университетѣ: онъ вошелъ бы въ тѣсное сношеніе съ молодыми людьми, которые всё болѣе или менѣе были бы привязаны сердцемъ къ *самому дѣлу*, ибо оно принадлежало бы къ ихъ званію; тогда онъ видѣлъ бы, что дѣятельность его полезна, и это ободряло бы его сердце и поддерживало его силы. Неужели же чело-

вѣтъ, столь вѣрный своему долгу, столь пскренно привязанный къ своему дѣлу, не будетъ паходкою драгоцѣнною для университета? Если бы министръ и кураторъ знали его, какъ я, если бы заглянули въ святилище его сердца, то они, конечно, сами избрали его на это мѣсто и черезъ то сдѣлали бы и другимъ пользу. Если же не удастся здѣсь, то я увѣренъ, что Ленць былъ бы счастливѣе деревенскимъ пасторомъ: сельскіе люди имѣютъ болѣе простаго, чистаго христіанства, и для нихъ языкъ его былъ бы полезнѣе.

СХV.

(Въ концѣ 1824 года, Петербургъ).

Я пріѣзжалъ, чтобы у тебя обѣдать, а тебя и нѣтъ. Какъ же памъ увидѣться? Прошу тебя исполнить слѣдующую комиссію: попроси Екатерину Ѳеодоровну взять треть Батюшкова жалованья и мнѣ доставить. Ко мнѣ скоро явится мой заимодавецъ, которому я на себя далъ вексель: надобно ему заплатить. Похлопочи объ этомъ. Приложенное же письмо отдай Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ для доставленія Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой въ Пирну ¹⁾.

Я говорилъ съ Щербатовымъ ²⁾ объ «Инвалидѣ». Въ самомъ дѣлѣ, на будущій годъ Комитетъ будетъ издавать его отъ себя; если Воейковъ захочетъ быть только редакторомъ, то будетъ получать отъ Комитета жалованье. Я еще не видался съ Воейковымъ и не знаю, чтò онъ скажетъ; но это меня беспокоитъ. А кажется, поправить нельзя ³⁾.

Нельзя ли тебѣ вмѣсто Субботы ѣхать въ Воскресенье? Въ Субботу мнѣ нельзя будетъ пріѣхать въ Царское Село: Государыня придетъ *на мою лекцію*. Увѣдомь объ этомъ.

СХVI.

31 Января (1825, Петербургъ).

Милый, спѣшу отвѣчать на послѣднее твое письмо, въ которомъ увѣдомляешь, что останешься на масляницу въ Москвѣ ¹⁾. Я ждалъ

---

¹⁾ Весною 1824 года Батюшковъ былъ увезенъ за границу и помѣщенъ для леченія въ заведеніе для душевно-больныхъ доктора Пиница, находящееся въ Зонненштейнѣ, близъ города Пирны въ Саксоніи. Сестра Батюшкова, Александра Николаевна, повхала за границу вслѣдъ за братомъ и во время его пребыванія въ заведеніи Пиница не покидала Пирны.

²⁾ Генераль-адъютантомъ княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Щербатовымъ, который былъ членомъ Комитета Высочайше учрежденнаго 14 Августа 1814 года (Комитета о раненыхъ); онъ былъ женатъ (въ первомъ бракѣ) на сестрѣ князя П. А. Вяземскаго. Комитетъ этотъ издавалъ газету „Русскій Инвалидъ“.

³⁾ Въ 1825 году Воейковъ издавалъ „Инвалидъ“ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ 1822—1824 годахъ.

*

¹⁾ Въ 1825 году масляница приходилась на 1—7 Февраля. А. И. Тургеневъ выѣхалъ изъ Москвы между 12 и 16 Февраля (см. „Московскіи Вѣдомости“ 1825 г., № 14). „Уже бесѣдуемъ по старому съ А. И. Тургеневымъ за чайнымъ столикомъ, писалъ Ка-

тебя къ своему рожденію или къ именинамъ (29 и 30); но не тутъ-то было. Рожденіе провелъ у Карамзина и дома; именины у Козлова и дома; у Саши были въ вечеру тѣнцы. На первыя твои письма я не отвѣчалъ, потому что не думалъ, что отвѣтъ мой застанетъ еще тебя въ Москвѣ и еще потому, что не могу найти на нихъ никакого отвѣта. Обвиненія тѣ же, и отвѣтъ мой былъ бы тотъ же. Ты боишься своего возвращенія къ намъ; и я боюсь его, если твой образъ чувствованія не перемѣнился ³⁾. Но пора бы дать ему иное направленіе; пора бы изъ этого омута по крайней мѣрѣ вытащить нашу дружбу. Чтѣ могу сказать тебѣ *за себя*, если ты и теперь твердишь, что я тобою пожертвовалъ? Но такъ и быть. Надобно принять это, какъ необходимое, неизбѣжное несчастіе и покориться ему, какъ всему другому, чтѣ дается судьбою, а не нами самими. Если содержаніе твоихъ писемъ все тоже, то по крайней мѣрѣ тонъ ихъ не тотъ: старый, милый, братскій голосъ опять слышится и трогаетъ душу. Чтѣ бы онъ мнѣ ни говорилъ, я слышу его звуки; они знакомые звуки стараго времени, лучшей нашей жизни, и на нихъ вся душа отголосокъ. Если бы ты могъ возвратитъ это старое время со всею его простотою, какъ мы втроемъ, ты, я и Саша, еще могли быть спокойно счастливы другъ другомъ! Но то, чтѣ у тебя въ сердцѣ, несбыточное, невозможное, все будетъ портить, и мы, достойные другъ друга, будетъ только рознить сами себя съ собою.

То, чтѣ я хотѣлъ и хочу сказать тебѣ о себѣ терпитъ время. Въ моей душѣ приливъ и отливъ, и я бы желалъ уцѣпиться за тебя, чтѣ бы стать на твердый берегъ. Чтѣ буду къ твоему прѣзду, не знаю; но только тогда и поговоримъ объ этомъ. Теперь лучше поговоримъ о Мерзляковѣ. Я уже сдѣлалъ кое-что по первому письму твоему: говорилъ съ Шишковымъ ³⁾, и онъ весьма охотно беретъ исходатайствовать позволеніе посвятить книгу Мерзлякова ⁴⁾ Государю. Онъ звалъ меня къ себѣ обѣдать, и я на слѣдующей недѣлѣ непременно къ нему, единственно на счетъ этого дѣла, поѣду. Кажется, лучше всего посвятить отрывки изъ древнихъ Государю; это можетъ пригодиться впередъ и для Тасса ⁵⁾. Какъ скоро получу отвѣтъ отъ Шижкова и

рамзинъ И. И. Дмитріеву изъ Петербурга 18 Февраля 1825 года. Убѣждаю его пока остаться въ службѣ. Ничто не гонитъ и не тѣснитъ. Свобода можетъ обратиться въ скуку“ (Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 391).

³⁾ Дружеское чувство А. И. Тургенева къ А. А. Воейковой стало у него переходить въ любовь, чего рѣшительно не одобрялъ Жуковскій.

⁴⁾ Съ А. С. Шишковымъ, назначеннымъ въ 1824 году министромъ народнаго просвѣщенія вмѣсто князя А. Н. Голицына.

⁵⁾ Рѣчь идетъ о книгѣ А. Ф. Мерзлякова „Подражанія и переводы изъ Греческихъ и Латинскихъ стихотворцевъ“ (часть I вышла въ Москвѣ въ 1825 году, съ посвященіемъ Императору Александру I, а часть II въ 1826 году, съ посвященіемъ Императору Николаю I). См. по поводу этого письма Мерзлякова къ Жуковскому въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 года, 0149—0157.

⁶⁾ Переводъ „Освобожденнаго Іерусалима“ Тасса, сдѣланный Мерзляковымъ, вышелъ въ двухъ частяхъ въ Москвѣ, въ 1828 году. За поднесеніе первой части „Подра-

позволеніе, то немедленно увѣдомлю самого Мерзлякова. Скажи ему объ этомъ. Теперь же писать къ нему нѣтъ времени. Обнимаю стараго товарища; для него хлопотать весело; невольно мерещится нашъ милый братъ предъ душою,

Und manche liebe Schatten steigen auf *).

До полученія позволенія, само собою разумѣется, разсылать экземпляровъ не надобно. Какъ скоро позволеніе получится, то всего лучше прислать эти экземпляры ко мнѣ: я всё раздамъ черезъ кого слѣдуетъ. Надобно объимъ Императрицамъ, обоимъ Великимъ Князьямъ и Княгинямъ, а также принцессѣ Оранской и Веймарской.

О Соковнинѣ я тотчасъ писалъ къ Сухотину; онъ давно долженъ получить мой отвѣтъ. Узнай.

Сбираюсь печатать Чернецъ⁷⁾, но теперь у меня денегъ нѣтъ; жду твоего пріѣзда. Можно будетъ кое-что сложить Козлову, съ хлопотами.

Андрюша⁸⁾ здоровъ; онъ былъ только два дня боленъ легкою желудочною лихорадкою; а Саша и всѣ дѣти здоровы. Саша, можетъ быть, соберется въ Дерптъ къ Екатеринѣ Анастасьевнѣ. Не знаю однако, поѣдетъ ли съ нею въ Москву, хотя очень этого желаетъ. Но какъ, на кого оставить дѣтей? Она нынче ѣдетъ въ Царское Село нанимать домъ на лѣто⁹⁾.

СХVII.

(Въ первой половинѣ 1825, Петербургъ).

Я пересмотрѣлъ всего Гёте и Гердерову книгу *Stimmen der Völker*. Нѣтъ этой пѣсни. Книгъ для путешествія по Европѣ, особенно по Швейцаріи, у меня много. Надобно пересмотрѣть вмѣстѣ и составить вмѣстѣ планъ; я дамъ и карты и прочее¹⁾. Своихъ же записокъ

жаній и переводовъ изъ Греческихъ и Латинскихъ стихотворцевъ“ и на изданіе перевода Тасса Императоромъ Александромъ I было пожаловано Мерзлякову 5 тысячъ рублей (см. „Русскій Архивъ“ 1871, ст. 0158).

⁶⁾ Т. е. И многія дорогія тѣни возстаютъ.

⁷⁾ „Чернецъ“ И. И. Козлова былъ пропущенъ цензурою къ печати 3 Февраля 1825 года и изданъ въ свѣтъ въ Петербургѣ, въ томъ же году.

⁸⁾ Сынъ А. Ѳ. Воейкова, родившійся 16 Іюля 1822 года (см. стихи И. И. Козлова на его рожденіе, напеч. въ „Славянинъ“ 1830 г. ч. 13, стр. 140—141); онъ сошелъ съ ума.

⁹⁾ Второй листъ письма отрѣзанъ.

*

¹⁾ А. И. Тургеневъ въ 1825 году поѣхалъ въ заграничное путешествіе, для котораго, по всему вѣроятію, Жуковскій и давалъ нужныя книги и карты и котораго планъ онъ вызывался составить вмѣстѣ съ Тургеневымъ. Въ Мартѣ 1825 года Тургеневъ былъ еще въ Петербургѣ. Вотъ что о немъ писалъ Карамзинъ И. И. Дмитріеву 19 Марта этого года: „Мы много бесѣдовали и все еще бесѣдуемъ о тебѣ съ А. И. Тургеневымъ, съ которымъ видимся по старому; но долго ли будемъ видѣться? Ему хочется ѣхать къ брату въ Германію, въ Карлсбадъ или въ другое мѣсто, гдѣ онъ будетъ пить воды“. (Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 392).

нѣтъ²⁾). А ты, Александръ Ивановичъ, и не сказалъ мнѣ въ своей запискѣ, что княгиня Голицына зоветъ и меня. Я узналъ объ этомъ дома уже поздно, и такимъ образомъ видю мнѣ умереть, не слыхавъ *здѣсь* Зенеиды³⁾; развѣ *тамъ* изъ чистилища буду слушать, какъ она будетъ пѣть передъ трономъ Всевышняго, и узнаю ее издали по голосу, который будетъ преставленъ всѣхъ прочихъ. А лучше бы послушать здѣсь.

СХVIII.

28 Ноября (1825, Петербургъ).

Ты уже вѣрно будешь знать о нашемъ ужасномъ несчастіи, когда получишь это письмо. Александра нѣтъ на свѣтѣ⁴⁾. По сію пору кажется это какимъ-то страшнымъ сномъ, и не умѣешь никакъ понять смыслъ этихъ словъ. Извѣстіе о потерѣ нашей поразило насъ какъ неожиданный громъ. Не успѣли обдумать ея возможности, а уже все кончилось; даже ни минуты не успѣли обмануть себя надеждою. Всѣ плачутъ; горестъ у всѣхъ искренняя. Чувство, которое наполняетъ и давить душу, есть какое-то неизъяснимое сиротство. Теперь одно только *прекрасное* жизни его памятно и видимо сердцу; все прочее забыто. Видишь передъ собою того прекраснаго гевія, котораго такъ радостно встрѣчали въ 1801 году; видишь славнаго царя, которому Россія обязана 1813 и 1814 годами; видишь утѣшителя народа послѣ наводненія прошлагодняго; видишь привѣтливаго, доброжелательнаго человѣка, который такъ былъ любезенъ въ сношеніи личномъ. Ахъ, въ душѣ его было много идеально-прекраснаго, онъ искренно желалъ добра, онъ любилъ добро и постигалъ его! Вотъ подробности, сколько я ихъ знаю. Расскажу только о томъ, что случилось со мною. 26 числа с(его) м(ѣсяца) прихожу я къ маленькому великому князю⁵⁾ въ 11-ть часовъ утра; мнѣ сказываютъ объ опасности Государя. Говорятъ: курьеръ пріѣхалъ изъ Таганрога отъ Дибича, не привезъ писемъ къ Императрицѣ, но письма Милорадовичу⁶⁾, Лопухину⁴⁾, Воинову⁵⁾, въ которыхъ извѣщаютъ о безнадежномъ состояніи Государя. Этотъ курьеръ пріѣхалъ 25 числа ввечеру. Пріѣзда его не скрыли отъ Императрицы М(аріи) Ѳ(еодоровны). Можно вообразить, какую ночь провела она.

---

²⁾ Въ бумагахъ Жуковскаго сохранились черновые его дневники, веденные имъ за границу въ 1821 и 1822 гг., впрочемъ, не за все время его путешествія (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго“, стр. 9—11).

³⁾ Вѣроятно, извѣстной княгини Зинаиды Александровны Волконской († въ 1862 году въ Римѣ). Въ 1824—1829 гг. она жила въ Москвѣ, а въ 1829 году покинула Россію и переселилась въ Италію.

*

⁴⁾ Императоръ Александръ I скончался 19 Ноября 1825 года.

⁵⁾ Великому Князю Александру Николаевичу.

⁶⁾ С.-Петербургскому военному генераль-губернатору.

⁴⁾ Князю Петру Васильевичу Лопухину, председателю Государственнаго Совѣта.

⁵⁾ Генераль-адъютанту Александру Львовичу Воинову, командовавшему гвардейскимъ корпусомъ.

Я же узналъ на другой день по утру. то есть 26. Но въ городѣ никто не подозрѣвалъ ничего; было извѣстiе о легкой болѣзни, но опасности не страшились. Для меня первое страшное извѣстiе было какъ будто приговоромъ. Мысль, что этому извѣстiю уже десять дней (куррьеръ, прiѣхавшiй 25, привезъ письма отъ 15) имѣла въ себѣ что-то неизъяснимо мучительное. Черезъ полчаса узнаю, что прiѣхалъ фельдъегеръ и привезъ письма отъ докторовъ Вилье и Штофрегена и письмо отъ самой Императрицы Елисаветы Алексѣевны ободрительныя, извѣщающiя о рѣшительной перемѣнѣ къ лучшему. Меня это извѣстiе на первую минуту не обрадовало: что могло случиться съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти письма! И предчувствiе не обмануло. Фельдъегеръ, привезшiй эту минутную радость, засталъ Императрицу М(арию) Ѳ(еодоровну) въ церкви. Начинали пѣть многолѣтiе тому, кого уже не было въ этомъ свѣтѣ; въ эту минуту вызываютъ Великаго Князя. Что происходило въ сердцѣ матери до его возвращенiя? Онъ возвратился съ утѣшительнымъ словомъ; Императрица почти безъ чувствъ упала на землю съ молитвою и съ благодарными слезами. Этотъ день былъ для нея днемъ болѣзненной радости; она провела его въ изнуренiи, въ слезахъ, въ молитвѣ. Всѣ какъ-то начали надѣяться; но въ городѣ, какъ и наканунѣ, было все тихо, никто не подозрѣвалъ еще приближенiя несчастiя. Я, узнавъ о прiѣздѣ втораго курьера, тотчасъ поѣхалъ къ Карамзину; нашелъ ихъ всѣхъ въ оцѣпененiи ожиданiя, и мы вмѣстѣ ожили надеждою. И эта надежда усилилась, когда на другой день (28) я получилъ отъ Великой Княгини списокъ письма Императрицы Елисаветы. Вотъ оно: «17. Chère maman, je n'ai pas été en état de vous écrire par la poste d'hier. Aujourd'hui, grâce en soit rendue mille et mille fois à l'Être Suprême, il y a du mieux très décidé dans l'état de l'Empereur, de cet ange de bienveillance au milieu de ses maux. Pour qui, sur qui Dieu manifesterait-Il son infinie miséricorde, si ce n'était lui. Oh, mon Dieu, quels cruels moments j'ai passé! Et vous, chère Maman, je me figure vos inquiétudes! Vous recevez le bulletin. Vous aurez donc vu à quoi nous avons été réduits hier, cette nuit encore. Mais Wyllie aujourd'hui dit lui-même que l'état de notre cher malade est satisfaisant. Il est faible à l'excès. Chère Maman, je vous avoue, que je n'ai pas ma tête et ne puis vous en dire d'avantage. Priez avec nous, avec 50 millions d'hommes, que Dieu daigne achever la guérison de notre bien aimé malade»^{*)}.—Чте-

---

*) Т. е. Дорогая матушка. Я не была въ состоянiи писать вамъ со вчерашнею почтой. Сегодня—да будетъ возсылаемо за то величайшее благодаренiе Всевышнему—наступило весьма значительное улучшенiе въ состоянiи здоровья Государя, этого ангела доброты среди его страданiй. И на комъ явить Господу Свое безконечное милосердiе, какъ не на немъ? О, Боже мой, какiя ужасныя минутыя пережила! Могу себѣ представить и ваше безпокойство, дорогая матушка. Вы получаете бюллетень; слѣдовательно, вы могли видѣть, на что мы были обречены вчера и даже сегодняшнюю ночь. Но сегодня самъ Вилье говоритъ, что состоянiе нашего дорогого больного удовлетворительно. Онъ чрезвычайно слабъ. Признаюсь вамъ, дорогая матушка, что я сама не своя и болѣе ни-

не этого письма, достойнаго души той, которая написала его, дало какую-то увѣренность, что бѣдствіе насъ миновало. Я поѣхалъ во дворецъ ждать прибытія курьера. Пошелъ къ обѣднѣ; во время обѣдни читали молитву за нашего Александра съ колѣнопреклоненіемъ; слезы лились изъ глубины души передъ вѣчнымъ Спасителемъ. Въ церкви было немного; Императрица въ той маленькой горницѣ, которая находится за алтаремъ. Въ концѣ обѣдни сдѣлалось какое-то движеніе въ церкви; камердинеръ императрицынъ, тутъ бывшій, вышелъ и опять вошелъ. Но все опять успокоилось. Начинаютъ молебень о здравіи Государя. Боже мой, какой переломъ: только что хотѣли начинать молитву, какъ выходитъ Великій Князь изъ алтаря и подаетъ знакъ рукою. Я въ первую минуту подумалъ, что это былъ знакъ радости, что онъ спѣшитъ всѣмъ объявить о спасеніи Государя. Но молитва остановилась, въ церкви точно раздался какой-то общій глухой стопъ, и священники въ безпорядкѣ пошли въ алтарь, а Криницкій изъ алтаря со крестомъ далѣе. Я остолбенѣлъ, но по какому-то машинальному движенію пошелъ впередъ, и гдѣ же очутился? Передъ отворенными дверьми той горницы, въ которой была Императрица. Я въ первую минуту не видѣлъ ея, она была безъ чувствъ, ее окружали; видѣлъ только Великую Княгиню на колѣняхъ и слышалъ голосъ В(еликаго) Князя, и передъ безчувственною матерью стоялъ священникъ съ крестомъ. Черезъ минуту она встала, пошла къ дверямъ алтаря (ее повели) и упала на порогъ на землю. У меня у самого ноги подкосились; невольно сталъ я на колѣни передъ горестію и покорностію матери съ чувствомъ собственной и общей потери. Лежавши нѣсколько времени на землѣ безъ движенія, она поднялась, и ее повели во внутреннія комнаты. Между тѣмъ въ церкви уже стоялъ нагой съ крестомъ и Евангелиемъ; минутъ черезъ пять явился Великій Князь, и всѣ, кто былъ съ нимъ вмѣстѣ въ церкви, присягнули новому императору Константину. Великій Князь ваялъ голосомъ и не могъ произносить явственно словъ присяги; но имя Императора произнесъ рѣшительнымъ и твердымъ голосомъ. Эта минута дала ему прекрасное мѣсто въ исторіи и въ сердцѣ Русскихъ. Эта минута была единственно утѣшительная въ ужасный день нашей потери. Чувство добродѣтельнаго, высокаго дѣла есть бальзамъ на рану сердца. Эта минута—поступокъ героическій—спасла настоящее и пролила утѣшительный свѣтъ на будущее. Чтѣ будетъ, неизвѣстно. Но по крайней мѣрѣ нѣтъ ничего нерѣшительнаго, и то, чтѣ могло произвести безпорядокъ, задушено въ своемъ началѣ, благодаря твердости Великаго Князя.—Государь скончался 19 числа въ 10 часовъ и $\frac{3}{4}$. Императрица не отходила отъ него ни на минуту; она сама закрыла ему глаза и сложила его руки. Послѣднее слово, которое сказалъ онъ: *Подымите стору! Какой прекрасный день!* Императрица имѣла твердость сама писать къ Государынѣ М(аріи) Ѳ(еодоровнѣ). Первое слово письма ея: *L'ange n'est plus!* ⁷⁾ Она описываетъ въ немъ его лицо, какъ оно

чего не могу вамъ сказать. Молитесь съ нами, съ 50 милліонами людей, чтобы Господь благоволилъ довершить исцѣвленіе нашего дорогаго больнаго.

⁷⁾ Ангелъ насъ покинулъ.

спокойно и прекрасно послѣ удаленія страданія, говоритъ о себѣ, о счастіи перейти туда, гдѣ онъ, проситъ малъ беречь себя для Россіи. Этой высокой душѣ дано было отъ судьбы только одно земное величіе: величіе несчастія! Она имѣла только одно на троѣхъ: быть достойною испытующаго Бога. Колѣна подгибаются, когда объ ней подумаешь.

Прости, братъ! Я не писалъ къ тебѣ въ минуту спокойную; у меня слишкомъ много было заботъ по моей должности, которая беретъ у меня все мое время, и я откладывалъ бесѣду съ тобою до минуты совершенно свободной. Но въ минуту горя чувствую необходимость говорить съ тобою. Жизнь нашего Александра была лучшимъ временемъ нашей жизни: время нашихъ надеждъ; наша дѣятельность принадлежитъ его вѣку; онъ былъ слитъ со всѣмъ нашимъ лучшимъ. Теперь только осталась въ душѣ къ нему благодарность: все обвинявшее его забыто. Лучшаго изъ государей Европы не стало. Жаль въ немъ не одного императора Александра, но его самого, ласковаго, свисходительнаго, милаго. Нельзя еще понять, что этого лица уже не увидимъ, что скоро будетъ только одинъ камень, на которомъ напишутъ имя Александръ, а его самого, товарища нашей частной и общей жизни, уже нигдѣ и никогда не встрѣтишь. Прости, братъ; слезы невольно льются. Чтѣ ты сдѣлаешь съ собою? Воротишься ли къ намъ? Или будешь ждать развязки происшествій? Саша была очень нездорова, но теперь поправляется. Можешь вообразить, какъ она поражена общею нашею утратою, которая въ тоже время и ея личная. Но для кого изъ насъ она не личная? Мы всѣ облагодетворены имъ.

СХІХ.

4 Декабря (1825, Петербургъ).

Мой милый другъ, твое письмо, писанное 26 Августа (7 Сентября) изъ Карлсбада, я получилъ только 30 Ноября, и тотчасъ мнѣ удалось исполнить твое требованіе. Я увидѣлъ Вильсона и получилъ отъ него письма, которыя теперь и посылаю. Не думаю, чтобы настоящія наши обстоятельства заставили васъ спѣшить возвратиться; дождитесь лучше вдали того, чтѣ будетъ. Горестное настоящее для васъ будетъ занято полезною дѣятельностію путешествія. Между тѣмъ здѣсь все возьметъ свой ходъ. Еще ничто для насъ не рѣшено. Константинъ Павловичъ еще не пріѣхалъ изъ Варшавы, хоть уже извѣщенъ о всеобщей потерѣ. Въ Петербургѣ все тихо: безмолвная, неподвижная печаль объемлетъ городъ. Чувство потери и скорбь о нашемъ невозвратимомъ Александрѣ столь же сильна, какъ и ожиданіе важныхъ происшествій, которыя должны случиться въ нѣсколько дней. Мы видѣли то, чего исторія наша не представляетъ ни въ какомъ вѣкѣ: твердое, рѣшительное пожертвованіе трономъ общему порядку. Но еще по сію пору не рѣшилось, кто займетъ этотъ тронъ. Россія имѣетъ Императора, но Императоръ еще не произнесъ рѣшительнаго слова, останется или нѣтъ на принадлежащемъ ему тронѣ. Во всякомъ случаѣ общее спокойствіе сохранено, и не можетъ ничего быть нерѣшительнаго. Поступокъ Вел(икаго) Кн(язя) Н(иколая) П(авловича) истинно героическій. Онъ заслужилъ одобреніе отечества и не потеряетъ никогда прекраснаго мѣста въ исторіи для потомства. Но наше теперешнее поло-

женіе безпримѣрно. Мы въ несправданіи того, что́ будетъ, и между тѣмъ все тихо и неподвижно.—Государыня Марія Ѳеодоровна)—Боже мой, какъ она теперь стала драгоценна для блага Россіи!—сноситъ печаль свою съ твердостію. Но сколько еще для нея минутъ, раздирающихъ душу, сколько еще времени ждать останковъ умершаго! Черезъ всю Россію провезутъ его. Какова будетъ для нея и для насъ эта встрѣча? А Елисавета! Объ ней нельзя думать безъ умиляющаго душу трепета. Какое величіе въ неизъяснимомъ страданіи! Она не сноситъ печали своей, но еще хранима ею, пока на глазахъ есть еще предметъ потери; когда же его не будетъ, тогда и она потеряетъ всѣ опоры. Сія минута для нея рѣшительна! Кто осмѣлится не желать ей жизни? Но какъ же подумать безъ содроганія объ этой новой потерѣ, кажется, неминусимой! О состояніи здоровья ея нѣтъ вѣстей, приводящихъ въ новое безпокойство. Но такое состояніе можетъ ли быть естественнымъ?... Прости, милый. Саша здорова. Графиня Толстая, пріѣхавшая на свадьбу своего брата (онъ женился на Ушаковой), здѣсь. Она получила твое письмо и будетъ на него отвѣчать. Напиши, прошу тебя, поскорѣе о себѣ. Обнимаю любезнаго друга Николая Ивановича. Ж.

СХХ.

16 (28) Декабря (1825, Петербургъ).

Мой милый другъ. Провидѣніе сохранило Россію. Можно сказать, что Оно видимо хранитъ и начинающееся царствованіе. Какой день былъ для насъ 14-го числа! Въ этотъ день все было на краю гибели: минута, и все бы разрушилось. Но по волѣ Промысла этотъ день былъ днемъ очищенія, а не разрушенія; днемъ ужаса, но въ тоже время и днемъ великаго наставленія для будущаго. Сначала просто опишу происшествіе, какъ его былъ свидѣтелемъ (всѣхъ подробностей еще не знаю), потомъ сообщу тебѣ и тѣ мысли, которыя оно произвело во мнѣ. Начну съ того, что́ предшествовало. Ты теперь знаешь объ отреченіи В(еликаго) К(нязя) Константина Павловича, знаешь, почему нынѣшній Императоръ отказывался отъ вступленія на престолъ и велѣлъ присягнуть Константину. Случай единственный въ нашей исторіи: борьба двухъ братьевъ не за тронъ, а о пожертвованіи чести и долгу трону! Междуусобіе безъ кровопролитія за добродѣтель. Вотъ что́ мы видѣли. Съ 27 числа Ноября, въ которое мы узнали о потерѣ Александра, по 13 число Декабря, въ которое узнали о вступленіи на престолъ Императора нынѣшняго, мы все имѣли Императора, и тронъ Россіи не былъ пустъ. Но Петербургъ былъ въ нерѣшимости. Ждали пріѣзда Константина Павловича; онъ не являлся. Слухи объ его отреченіи бродили по городу; всякой думалъ по своему; одни утверждали, что онъ приметъ престолъ (и это была большая часть); другіе, зная характеръ его, были увѣрены, что онъ поддержитъ свое отреченіе—не измѣнитъ слову. Но это казалось невѣроятнымъ: тронъ былъ ему отданъ; ему стоило только на него взойти, и онъ бы началъ свое царствованіе безпрекословно. Но онъ, узнавъ въ Варшавѣ 25 числа о смерти Императора, уже 26 числа написалъ два письма (къ Императрицѣ М(аріи) Ѳеодоровнѣ) и къ нынѣшнему Императору),

въ которыхъ рѣшительно подтвердилъ свое отреченіе. Но ему уже присягнули. Правда, повый Императоръ могъ бы тотчасъ обнародовать письма его; но онъ дѣйствовалъ не для вида, а точно отъ чистоты сердца: онъ хотѣлъ дожидаться, какое вліяніе произведетъ на душу его брата присяга, принесенная ему всею Россією. Эта присяга ничего не поколебала; К(онстанти) П(авловичъ) подтвердилъ свое отреченіе. Но самъ затѣмъ не *явился*, и это единственное пятно на его прекрасномъ поступкѣ; по и здѣсь оправдывается онъ необходимостію его присутствія въ Польшѣ, гдѣ по сію пору не произнесено еще никакой присяги, гдѣ царствуетъ одна только тѣнь Александра. Последнее письмо Константина Павловича пришло въ Петербургъ 11 числа, и 13-го рѣшились приступить къ окончательному дѣйствию. Между тѣмъ, какъ не благодарить Провидѣніе за то, что Оно выбрало именно эту, а не другую минуту (*ни прежде, ни позже*) для такого важнаго событія (такъ я думаю по моимъ замѣчаніямъ, ибо не знаю вѣрно обстоятельствъ). Государь получилъ свѣдѣніе о существованіи заговора и имѣлъ въ рукахъ бумаги, въ которыхъ были означены всѣ тайные его участники. Государь былъ предупрежденъ. Но онъ не хотѣлъ ни къ чему приступить; онъ не хотѣлъ начать своего царствованія актомъ строгости, который отъ всѣхъ, коимъ были бы непвѣстны обстоятельства, признанъ бы былъ актомъ самовластия, и мы бы увидѣли въ томъ, что спасало Россію, одно только дѣйствіе деспотизма. 13-го числа, въ 6 часовъ послѣ обѣда, собрался Совѣтъ ¹⁾. Собраніе продолжалось уже до полночи, а еще не приступали ни къ какому дѣлу, ибо ждали прибытія Михаила Павловича (онъ былъ посланъ въ Варшаву). Но онъ и къ 12 часамъ не возвратился. Тогда Императоръ рѣшилъ открыть Совѣтъ безъ него. Въ Совѣтѣ прочитали манифестъ о восшествіи на престолъ Николая I и всѣ приложенные къ нему акты. Въ этотъ вечеръ былъ на внутреннемъ конногвардейскомъ караулѣ офицеръ к(нязь) Одоевскій ²⁾. Онъ смѣнился на другой день въ 10 часовъ, и первымъ его дѣломъ было, послѣ смѣны своей, броситься (если не ошибаюсь) въ Московскій полкъ и распушить слухъ между солдатами, что во дворцѣ заговоръ, что хотятъ свергнуть императора Константина, что Великій Князь Михаилъ Павловичъ арестованъ и что надобно стать за Императора законнаго. Между тѣмъ, повѣщено было собраться всѣмъ во дворецъ къ 2 часамъ для молебна, а до того времени должны были обнародовать манифестъ и всю гвардію привести къ присягѣ. Тутъ, думаю, были нѣкоторые безпорядки: не всѣ умѣли объяснить происшествіе солдату, не всѣ взяли на себя трудъ объяснить его; словомъ, минута оказалась самою благоприятною для людей злонамѣренныхъ; они же имѣли время къ ней приготовиться и могли бы воспользоваться ею страшнымъ образомъ для Россіи; но Провидѣніе было со стороны нашего отечества и трона.—Теперь опишу только то, чему я былъ свидѣтелемъ. Въ 10 часовъ утра я пріѣхалъ во дворецъ. Видѣлъ новую Императрицу и Императора. При-

---

¹⁾ Государственный Совѣтъ.

²⁾ Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, поэтъ.

сигнуть въ дворцовой церкви. Начали всё съѣзжаться; всё были спокойны: уже большая часть гвардіи присягнула. Уже приближалось время выхода Императорской фамилии: было почти часъ. Вдругъ мнѣ сказываютъ: Императоръ вышелъ изъ дворца, стоитъ посреди народа, говоритъ съ народомъ, ему кричатъ: ура! Это меня порадовало. Встрѣчаю въ залѣ Булгакова ³⁾ который только что пріѣхалъ, сказываю ему о слышанномъ; онъ мнѣ не отвѣчаетъ ни слова. Къ намъ подходитъ Оленинъ ⁴⁾; слышу, что онъ шепчетъ Булгакову: Худо!.. Чтò худо?.. *Солдаты не хотятъ присягать!* Тутъ Булгаковъ сказываетъ мнѣ о томъ же, что онъ самъ видѣлъ: толпа солдатъ на Исакіевской площади, и всё кричатъ: ура, Константинъ! и около нихъ бездна народа. Они прислонились спиною къ Сенату, выстроились, зарядили ружья и рѣшительно отреклись отъ присяги. Въ ихъ толпѣ офицеры въ разныхъ мундирахъ и множество людей вооруженныхъ во фракахъ... Вообрази безпокойство! Быть во дворцѣ и не имѣть возможности выйти—я былъ въ мундирѣ (и) въ башмакахъ—и ждать развязки!—Тутъ начали приходиться со всѣхъ сторонъ разные слухи. «Часть Московскаго полка взбунтовалась въ казармахъ; они отняли знамя; Фридрихсъ, начальникъ полка, раненъ, Фридрихсъ убитъ ⁵⁾... Шеншинъ тяжело раненъ ⁶⁾... Милорадовичъ убитъ ⁷⁾... Императоръ повелъ самъ батальонъ гвардіи (Преобр.). Послали за другими полками. Послали за артиллерією. Бунтовщики отстрѣливаются. Ихъ окружаютъ. Ихъ шатаютъ; хотятъ склонить убѣжденіемъ. Народъ волнуется; часть народа на сторонѣ бунтовщиковъ». Вотъ что со всѣхъ сторонъ шептали, не имѣя ни объ чемъ вѣрныхъ извѣстій. Между тѣмъ уже третій часъ. Начинаетъ темнѣть, и ничто еще не сдѣлано. Артиллерія привезена; но зарядныхъ ящиковъ еще нѣтъ; они всё въ арсеналѣ. Каково ожиданіе! Вдругъ сказываютъ мнѣ шепотомъ: *Полки начинаютъ колебаться. Лейбъ-гренадерскій полкъ перешелъ. Морской экипажъ присоединяется къ бунтовщикамъ.* И это была правда! О, это была самая рѣшительная и страшная минута этого роковаго дня. Чтò, если бы прошло еще полчаса? Ночь бы наступила, и городъ остался бы жертвою 3.000 вооруженныхъ солдатъ, изъ которыхъ половина была пьяные.—Въ эту минуту я съ ужасомъ подумалъ, что судьба Россіи на волоскѣ, что ея существованіе можетъ черезъ минуту зависѣть отъ толпы бѣшеныхъ солдатъ и черни, предводимыхъ нѣсколькими безумцами. Какое чувство и какое положеніе! Вдругъ видимъ, идетъ во всемъ облаченнй митрополитъ: его позвали увѣщевать бунтовщиковъ. Страшная ти-

³⁾ Вѣроятно, Константина Яковлевича Булгакова, С.-Петербургскаго почтъ-директора, о которомъ см. выше, стр. 43—44.

⁴⁾ Алексѣй Николаевичъ, тогда государственный секретарь.

⁵⁾ Баронъ Петръ Андреевичъ Фредериксъ, впоследствии генераль-адъютантъ и оберъ-штальмейстеръ, былъ только тяжело раненъ.

⁶⁾ Василій Никаноровичъ Шеншинъ († 1831), бывший командиръ Финляндскаго полка и командовавшій 1-й бригадою 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, назначенный 14 Декабря 1825 года генераль-адъютантомъ.

⁷⁾ Графъ М. А. Милорадовичъ, тогдашній Петербургскій генераль-губернаторъ.

пина царствовала въ залахъ дворца, наполненныхъ людьми, которыхъ праздничный нарядъ еще увеличивалъ ужасное. Я бродилъ изъ залы въ залу, слушалъ вѣсти и ни одной не вѣрилъ. Иду въ горницу графини Ливень³⁾, изъ оконъ которой видна была густая, черная толпа народу, которая казалась подвижною тучею въ темнотѣ начинающейся ночи. Вдругъ надъ нею нѣсколько молній, одна за другою. Начали стрѣлять пушки. Мы угадали это по блеску. Шесть или восемь разъ сверкнула молнія; выстрѣловъ было не слышно; и все опять потемнѣло. Чтó случилось? Чего ждать? Возвращаюсь въ залу общаго собранія... Вижу волненіе. Наконецъ, пришло извѣстіе. Пушечныя картечи все рѣшили! Съ нѣсколькихъ выстрѣловъ бунтовщики разбѣжались, и кавалерія ихъ преслѣдуетъ... Скоро мы услышали на дворцовомъ дворѣ: ура! Тамъ стоялъ колонною саперный лейбъ-баталіонъ. Государь возвратился, прошелъ по рядамъ полка, и его приняли съ восхищеніемъ... Онъ прошелъ по маленькой лѣстницѣ къ Императрицѣ... Черезъ нѣсколько минутъ слышимъ снова: ура! Государь опять вышелъ къ полку и представилъ солдатамъ своего сына. Все рѣшилось къ спасенію Россіи.

Теперь вотъ по порядку обстоятельства дѣла. Когда надобно было приводить къ присягѣ Московскій полкъ, двѣ роты его, которыя подожены были особенно двумя офицерами того полку, Бестужевымъ и к(няземъ) Щепинымъ - Ростовскимъ, подняли оружіе. Щепинъ - Р(остовскій) своею рукою разрубилъ голову Фридрихсу и генералу Шеншину; они отняли знамя и пошли, сопровождаемые народомъ, на Исакіевскую площадь. Остальныя шесть ротъ остались въ казармахъ со всѣми офицерами и присягнули. Бунтовщики примкнули тыломъ къ Сенату и стояли неподвижно, окруживъ всю площадь цѣпью. Вокругъ нихъ толпился народъ. Всѣхъ ближнихъ къ нимъ они затаскивали въ свою толпу и принуждали кричать вмѣстѣ съ ними: «ура! Константинъ!» Этою толпою командовали особенно: к(нязь) Оболенскій, адъютантъ Вистрома⁴⁾, и Якубовичъ, извѣстный храбрецъ Кавказа. Въ ней очутились и другіе офицеры: три брата Бестужевы, полярный⁴⁰⁾ и два морскихъ; Одуевскій конногвардейскій и еще поэтъ Рыльцевъ; оба Кюхельбегеры, морской и другой, сумасшедшій, нашъ знакомецъ, и еще одинъ Грабѣ-Горскій, который усѣлся передъ двумя столами, накладенными множествомъ пистолетовъ, хладнокровно ихъ заряжалъ и раздавалъ окружающимъ. Въ толпѣ же народа было множество переодѣтыхъ солдатъ и офицеровъ, которые волновали ее и возбуждали къ бунту.—Противъ толпы стоялъ Императоръ на маленькой выстрѣлѣ ружейный; около него были адъютанты всѣ пѣшіе (ибо лошадей негдѣ было взять и некогда искать) и еще нѣсколько генераловъ. Конная гвардія стояла справа къ Исакіевскому мосту, Измайловскій полкъ примкнулъ наконецъ къ конногвардейскому

³⁾ Статсъ-дамы графини Шарлотты Карловны Ливень, въ 1826 году возведенной въ княжеское достоинство.

⁴⁾ Генераль-лейтенантъ Карлъ Ивановичъ Вистромъ былъ командующимъ всею пѣхотою гвардейскаго корпуса.

⁴⁰⁾ Т. е. А. А. Бестужевъ, издававшій съ Рыльцевымъ „Полярную Звѣзду“.

манежу; но пушекъ еще не было. Первою жертвою этого дня былъ Милорадовичъ: онъ выѣхалъ впередъ, хотѣлъ говорить съ бунтовщиками; остановился противъ нихъ на пистолетный выстрѣлъ,... и ему не дали сказать слова! Нѣсколько выстрѣловъ раздавалось, и онъ полетѣлъ съ лошади ¹¹⁾, пробитый насквозь пистолетною пулею. Его тотчасъ отнесли въ конногвардейскія казармы. Какое страшное начало! Но оно не произвело того дѣйствія, которое могло бы произвести надъ полками. Народъ остался въ нерѣшимомъ спокойствіи: бунтовали только тѣ, которые находились подлѣ главныхъ бунтовщиковъ. Вдругъ является къ Государю Яковичъ и вотъ что говоритъ; Государь, я былъ увлеченъ несчастною минутою. Теперь узнаю свой долгъ и пришелъ самъ покориться Вамъ... Государь его выслушалъ. «Если такъ, сказать онъ, то возвратись же къ бунтовщикамъ и убѣди ихъ своимъ примѣромъ. Ты отвѣчаешь за это головою».—Честь мнѣ дороже головы, которой я никогда не щадилъ, отвѣчалъ злодѣй, пошелъ къ оставленному имъ фронту и скоро возвратился съ извѣстіемъ, что не имѣлъ успѣха. Государь хотѣлъ послать его въ другой разъ. Я пойду, Государь—отвѣчалъ онъ—но не возвращусь: я буду убитъ навѣрное. И онъ остался. Какое было его намѣреніе? Выждать, что будетъ, и въ минуту успѣха рѣшительнаго застрѣлить или зарѣзать Императора, сохранивъ собственную безопасность. Около сумерокъ увидѣли бѣгущій отъ Дворцовой площади мимо народа и Государя лейбъ-гренадерскій полкъ. Государь хотѣлъ его остановить; но одинъ офицеръ, мальчишка Пановъ, выѣжалъ впередъ и закричалъ: «За мною! Ура Константинъ!» и полкъ побѣжалъ на сторону бунтовщиковъ, съ двумя только офицерами (кромѣ Панова) Сутгофомъ и Шторхомъ, сыномъ нашего ¹²⁾; всѣ прочіе остались. За часъ прежде этого прибѣжалъ къ бунтовщикамъ морской экипажъ. Вотъ была самая страшная минута дня; но въ эту же минуту подоспѣли и зарядные ящики. Пушки зарядили, выдвинули; но прежде послали митрополита. Его не послушали. Тутъ Государь, истощивъ средства кротости, далъ повелѣніе стрѣлять. Сперва выстрѣлили холостымъ зарядомъ, чтобъ разогнать народъ; потомъ картечью. Съ первыхъ двухъ выстрѣловъ произошло въ толпѣ волненіе; но они еще отвѣчали ружейными выстрѣлами. Еще два пушечныхъ удара, и толпа пошатнулась и разстроилась. Одни—морской экипажъ—пошли вправо на Семеновскій полкъ; но онъ выждалъ ихъ и, только что они наступили, сдѣлалъ движеніе, раздвинулся, въ интервалъ грянули по нимъ пушки, и они ударились бѣжать по Крюковскому каналу; другіе побѣжали по Галерной; слѣдомъ за ними вдоль по улицѣ сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, и это совершило все. Они разсыпались; конница поскакала за бѣгущими. Галерную съ набереж-

---

¹¹⁾ Увѣряютъ, что первый выстрѣлилъ и убилъ его Горскій, а другіе говорятъ—Кюхельбекеръ (*Примѣч. Жуковскаго*).

¹²⁾ Офицеръ Гренадерскаго полка Александръ Андреевичъ Шторхъ былъ сынъ академика Андрея Барловича Шторха (р. 1766 † 1835). А. К. Шторхъ, извѣстный трудяги по статистикѣ и политической экономіи, былъ чтецомъ у Императрицы Маріи Феодоровны и наставникомъ Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей и Великой Княжны Анны Павловны.

ной и съ канала окружили. Часть ударилась черезъ мостъ и черезъ ледъ на Васильевскій островъ. Щепинъ-Ростовскій тутъ же былъ схваченъ. Тогда Государь возвратился, и насъ обрадовало извѣстiе объ окончанiи ужаснаго дѣла, котораго конецъ могъ бы быть гибеленъ для Россiи.

Черезъ часъ послѣ возвращенiя Императора былъ выходъ: вся фамилiя Императорская, кромѣ Государыни Марiи Ѳеодоровны, пошла въ церковь. Пропѣли только: Тебе Бога хвалимъ! Императоръ и Императрица молились на колѣняхъ, подлѣ нихъ стоялъ ихъ сынъ. Вообрази чувство, съ какимъ можно было слушать эту хвалебную пѣснь! Но она была не за одно новое царствованiе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и за спасенiе Россiи. Заговоръ точно существовалъ; волненiе не было внезапнымъ дѣйствиємъ безпорядка минутнаго. Имена заговорщиковъ были извѣстны не только новому, но и прежнему Императору, и убійцы сами всѣ вмѣстѣ и въ одну минуту явились передъ отечествомъ. Всѣхъ главныхъ дѣйствователей въ ту же ночь схватили. Какая сволочь! Чего хотѣла эта шайка разбойниковъ? Вотъ имена этого сброда. Главные и умнѣйшiе Ягубовичъ и Оболенскiй; все прочее мелкая дрянъ: Бестужевы 4, Одуевскiй, Пановъ, два Кюхельбекера, Граве, Глѣбовъ, Горскiй, Рылѣевъ, Корниловичъ, Сомовъ, Булатовъ и прочiе.—Милорадовичъ умеръ въ ту же ночь. Можно сказать, что Провидѣнiе захотѣло покрыть послѣднiе годы его жизни кровавымъ саваномъ чести. Онъ въ рѣшительную минуту и въ послѣднiе часы жизни показался тѣмъ же человѣкомъ, котораго нѣкогда видѣли передъ войскомъ: храбрымъ и благороднымъ. Государь по возвращенiи своемъ во дворецъ написалъ къ нему трогательное письмо, въ которомъ между прочимъ находится слѣдующее: «Если бы я послушался сердца, то былъ бы уже при тебѣ; но долгъ меня удерживаетъ. Нынѣшнiй день для меня тягостенъ; но этотъ же день доказалъ мнѣ, что я имѣлъ въ тебѣ друга и вѣрныхъ дѣтей въ Русскомъ народѣ, за котораго общаюсь не жалѣть своей жизни». Это точныя слова письма. На словахъ же Государь приказалъ сказать умирающему: «Мнѣ жаль того, что случилось».—*А мнѣ не жаль!* отвѣчалъ онъ. Этотъ отвѣтъ въ его слогѣ, но какъ онъ трогателенъ! Онъ положилъ письмо на сердце и съ нимъ умеръ. Я вчера приходилъ къ его тѣлу и съ благодарностiю поцѣловалъ мертвую руку. Безчисленная толпа тѣснилась около дома. Всю эту ночь полки стояли на бивакахъ передъ дворцомъ; заряженные пушки нацѣлены были вдоль улицъ. И въ эту же ночь всѣ заговорщики схвачены. Но подумай, кто еще взять? Трубецкой. Онъ незадолго передъ этимъ прiѣхалъ изъ Кiева съ женой. Во время дѣла онъ нигдѣ не являлся; но планъ заговора и конституцiи, писанный его рукою, находится въ рукахъ Императора. Сначала онъ отъ всего отрекся; но когда Императоръ показалъ ему бумагу, то онъ упалъ на колѣни, не имѣя возможности ни отвѣчать, ни защищаться. По сiю пору не найденъ только одинъ Кюхельбекеръ ¹³⁾, и, признаться, это нѣсколько меня беспокоитъ. Онъ пе-

---

¹³⁾ В. К. Кюхельбекеръ, какъ извѣстно, 14-го же Декабря скрылся изъ Петербурга, съ намѣренiемъ отправиться за границу, но былъ задержанъ въ Варшавѣ.

опасенъ, какъ дѣйствователь открытый: онъ и смѣшонъ, и глупъ; но онъ бѣшенъ—это родъ Занда ¹⁴⁾! Онъ способенъ въ своемъ фанатизмѣ отважиться на что-нибудь отчаянное, чтобы приобрести какую-нибудь извѣстность. Это звѣрь, для котораго надобна клѣтка. Можно сказать, что вся эта сволочь составлена изъ подлецовъ малодушныхъ. Они только имѣли духъ возбудить кровопролитіе; но ни одинъ изъ нихъ не раненъ, ни одинъ не предпочелъ смерть ужасу быть схваченнымъ и приведеннымъ на судъ съ завязанными на спину руками. Презрѣнные злодѣи, которые хотѣли съ такою безумною свирѣпостію зарѣзать Россію. О, этотъ день былъ днемъ явнаго Промысла!—Слѣдующій день былъ прекраснымъ днемъ новаго царствованія. 15-го поутру Государь явился передъ собранными полками гвардіи. Его приняли съ громкимъ *ура*; онъ ходилъ по рядамъ пѣшихъ полковъ и говорилъ съ солдатами. Потомъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ къ конницѣ. Вездѣ громкое, продолженное *ура*! Заблужденные бунтовщики, возвратившіеся къ своему мѣсту, всѣ прощены; морскому экипажу возвращено его знамя, передъ которымъ онъ и присягнулъ. Это и милостиво, и справедливо. Отъ солдата было все скрыто: онъ былъ вѣренъ своей первой присягѣ и не хотѣлъ произносить новой, противъ которой его возбудили. Эта невольная измѣна была нѣкоторымъ образомъ доказательствомъ вѣрности. Измѣнники, или лучше сказать разбойники - возмутители, были одни офицеры, которые имѣли свой планъ, не хотѣли ни Константина, ни Николая, а просто пролитія крови и убійства, котораго цѣли понять невозможно. Тутъ видно удивительно-безцѣльное звѣрство. И какой духъ низкій, разбойничій! Какими бандитами они дѣйствовали! Даже не видно и фанатизма, а просто звѣрская жажда крови, безо всякой, даже химерической цѣли. Осмотрѣвъ полки и распустивъ ихъ, Государь пошелъ въ Совѣтъ. Черезъ нѣсколько послѣ того времени я встрѣтился съ к(няземъ) А(лександромъ) Н(иколаевичемъ) Голицынымъ, и онъ описалъ мнѣ сцену величественную. Государь говорилъ просто, сильно и рѣшительно; съ величайшею ясностію описалъ все происшествіе, изобразилъ, какъ онъ объ немъ думаетъ и какія мѣры приняты для безопасности государства. Il avait l'éloquence d'un souverain ¹⁵⁾, говоритъ к(нязь) Голицынъ. Однимъ словомъ, во всѣ эти рѣшительныя минуты онъ явился такимъ, каковъ онъ быть долженъ: спокойнымъ, хладнокровнымъ и неустрашимымъ. Онъ представился намъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ; онъ покрылся честію въ минуту, почти безпадежную для Россіи.—Теперь надобно тебѣ сказать слово и о молодой Императрицѣ. Она не обманула моего ожиданія. Я восемь лѣтъ знаю ее и видѣлъ ее младенчески-счастливою въ спокойной домашней жизни. Я говорилъ себѣ: она рождена для частнаго счастья. Это величайшая похвала, какую только можно сказать о душѣ человѣческой: счастье въ моемъ смыслѣ есть высокая чувствительность, вѣра и твердый умъ среди обстоятельствъ благопріятныхъ. Но я же всегда думалъ: она прелестна въ счастья; но минута, въ которую душа ея покажется во всей своей красотѣ, будетъ минута испытанія. Эта

¹⁴⁾ Фанатика, убившаго извѣстнаго Августа Коцебу.

¹⁵⁾ Онъ говорилъ такъ краснорѣчиво, какъ подобаетъ Государю.

минута наступила. Карамзинъ былъ вмѣстѣ съ Царскою фамиліею во все время волненія. Quant à votre jeune Impératrice—сказалъ онъ мнѣ ввечеру того же дня — maintenant je la connais. C'est une femme admirable ⁴⁶⁾. Это его слова. Во все время — вообрази положеніе, мужъ подъ пулями, дѣло идетъ о тронѣ и жизни — она была удивительно спокойна, тиха и величественна, какъ вѣра въ Бога. Но въ ту минуту, въ которую послышался первый выстрѣлъ, она упала на колѣни и подняла руки къ небу съ выраженіемъ молитвы и покорности, и тогда только полились слезы. Какая незабвенная минута для Карамзина, который это видѣлъ, и какъ бы я дорого далъ, чтобы быть ея свидѣтелемъ. Въ тотъ же день въ вечеру я былъ у нея. Она сидѣла передъ столомъ въ своемъ кабинетѣ; на столѣ двѣ дочери; старшая играла; сынъ подлѣ нея, и она уже была просто матерью, которая какъ будто искала утѣшенія въ томъ, что ея всѣ дѣти были сохранены и съ нею. Слѣды безпокойства душевнаго тихо изображались на лицѣ; но она была таже, какую я видѣлъ во дни спокойныя; таже, какую видѣли на кораблѣ во время бури. Какъ при ней не имѣть твердости и чистоты душевной?.. Что же сказать въ заключеніе обо всемъ этомъ ужасномъ происшествіи? Тоже, что говоритъ историкъ, описывая вѣка ужасовъ, произведшіе послѣдствія благотворныя. *Хорошо, что они были. Настоящее благо есть плодъ ихъ.* Но мы прожили вѣковой день. Ввечеру его, когда уже миновался этотъ ужасъ, я думалъ, какъ бѣдственно окровавленъ этотъ торжественный день, какое будущее представляется для Россіи, какая первая минута для новаго Императора, какое воспоминаніе для него на цѣлую жизнь, подъ какимъ мрачнымъ покровомъ для него Россія, какая недовѣрчивость должна вселиться въ его сердце! Все было кончено, но утѣшеніе не входило въ душу. Но на другой день совсѣмъ иная мысль. Зачинщики мятежа взяты. День былъ кровавый; но то, что произвело его, не принадлежитъ новому царствованію, а должно быть отнесено къ старому. Государь отстоялъ свой тронъ; въ минуту рѣшительную увидѣли, что онъ имѣетъ и умъ, и твердость, и неустрашимость. Отечество вдругъ познакомилось съ нимъ, и надежда на него родилась посреди опасности, устраненной его духомъ. Такое начало обѣщаетъ много. Теперь онъ можетъ утвердиться въ любви народной. На него полагаются, его уважаютъ. Онъ можетъ твердою рукою схватиться за то сокровище, которое Промыслъ открылъ ему въ минуту роковую; онъ можетъ имъ завладѣть на всю жизнь, на утвержденіе трона, для блага Россіи. Будемъ надѣяться лучшаго. Прости. Писать болѣе некогда, хотя бы и много, много еще сказать желалось.—Тѣло покойнаго Императора еще въ Таганрогѣ. Здоровье императрицы Елисаветы, сверхъ всякаго ожиданія, поправляется.

---

⁴⁶⁾ Что касается вашей молодой Императрицы, то теперь я ее знаю. Это женщина заслуживающая удивленія.

СХХІ.

(Въ первой трети Мая 1826, Петербургъ).

Послѣ меня останется денегъ ¹⁾:

Въ ломбардѣ.....	5.500
По распискамъ Слѣнина и Глазунова.....	5.580
	<hr/>
	11.580

Изъ нихъ, въ случаѣ моей смерти, уплатить:

Фреймунду Петерсену, состоящему подъ опекою профессора Мойера.....	7.500
Жихареву.....	2.000
Грефу книгопродавцу.....	1.115
Переpletчику Зегельхену.....	406
Миллеру въ Голландской лавкѣ близъ Грета...	200
Фрезе въ Большой Морской.....	100
	<hr/>
	11.331

Останусь долженъ Перовскому ²⁾ 400 рублей, за которые выдать ему книгами.

Все прочее друзьямъ по рукамъ, то-есть оставляю все Александрѣ Андреевнѣ ³⁾. Дать ей на выборъ, что кому отъ меня подарить на память. В. Жуковскій.

СХХІІ.

2 (14) (Юня 1826, Гамбургъ).

Здравствуй, милый другъ! Я писалъ уже изъ Эльница къ Сашѣ. Надѣюсь, что она мое порученіе исполнила и всѣхъ васъ увѣдомила о благополучной моей высадкѣ. Морское путешествіе мое было благополучно, хотя не совсѣмъ скорое: я провелъ на морѣ десять дней ¹⁾. Въ Копенгагенѣ долженъ былъ прожить цѣлую недѣлю въ ожиданіи парохода, который ходитъ одинъ только разъ въ недѣлю изъ Копенгагена въ Любекъ. Въ 24 часа совершилось это плаваніе. Въ Любекѣ я пробылъ не болѣе полудня и по ужаснѣйшей дорогѣ переѣхалъ въ

¹⁾ Записка эта писана незадолго до отъѣзда Жуковского за границу въ 1826 году. Выѣхалъ Жуковскій изъ Петербурга 11 Мая.

²⁾ Василию Алексѣевичу Перовскому, впоследствии графу и Оренбургскому военному губернатору, (р. 1795 † 1857), который находился въ тѣсной дружбѣ съ Жуковскимъ. Біографическія свѣдѣнія о графѣ В. А. Перовскомъ см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1878 г., книга первая, стр. 373—374.

³⁾ Воейковой, которая ниже названа Сашей.

*

¹⁾ Выѣхавъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ 11 Мая, Жуковскій пріѣхалъ въ Копенгагенъ 22 Мая. 28 Мая, въ 9 часовъ утра, онъ покинулъ Копенгагенъ и на слѣдующій день въ 10 часовъ утра былъ въ Любекѣ. 29 Мая Жуковскій выѣхалъ въ Гамбургъ. („Ужаснѣйшая дорога по песку и камнямъ“, записалъ онъ въ своемъ дорожномъ дневникѣ 1826 года).

Гамбургъ: это путешествіе, въ которомъ 15 часовъ я употребилъ на переѣздъ 8-ми миль, утомило меня болѣе морскаго. Я теперь отдыхаю въ Гамбургѣ, гдѣ покупаю себѣ экипажъ: нашелъ прекрасный Оффенбахскій дормезъ, который продается за дешевую цѣну, и, кажется, рѣшусь взять его.—Что то у васъ дѣлается? Напиши сколько возможно подробнѣе и обо всемъ. Отъ Кутузовой, которую видѣлъ въ Любекѣ, я слышалъ о пенсіонѣ Карамзина; увѣдомъ обстоятельно и пришли копи съ рескрипта и указа ²⁾). Опиши какъ можно подробнѣе его теперешнее состояніе, каковъ онъ самъ и что его поѣздка ³⁾). И ты и онъ два больные, которыхъ болѣзнь тяжело гнететъ мое сердце. Приѣхалъ ли Вяземскій, и поѣдетъ ли съ нимъ вмѣстѣ?—О своемъ здоровьѣ скажу одно только доброе. Отъ прежняго осталась во мнѣ одна только слабость: не могу много ходить и все также тяжело всходить на лѣстницу. Но уже гляжу не мертвецомъ, лицо пораспѣло, и изнурительное кровотеченіе совершенно прекратилось. Весьма надѣюсь на Эмса.—Бѣду отсюда завтра, черезъ Кельнъ, но не прямо (ибо дорога тяжкая, а я боюсь усталости), а на Гановерь, Геттингенъ и Кассель. Изъ Касселя уже поверну въ Кельнъ. Это нѣсколькими милями далѣе, но покойнѣе. Вездѣ есть шоссе.—Прости, милый! Прошу тебя написать къ Сергѣю Ивановичу ⁴⁾ обо мнѣ. Желаю имѣть объ немъ извѣстіе и постараюсь найти способъ съ нимъ увидѣться. Ж.

Если Вяземскій въ Петербургѣ, то попроси его ко мнѣ написать. Я теперь пишу мало, но изъ Эмса буду писать болѣе. Побывай за меня у Карамзиныхъ: вѣдь почтительнѣйшій поклонъ. У Николая Михайловича цѣлую его руку съ чувствомъ любви сыновней и въ глубинѣ души прошу ему благословенія отъ Бога.—Обними Блудова и Дашкова; буду ко всѣмъ писать изъ Эмса.

Скажи Полетикѣ ⁵⁾, когда его увидишь, что я искалъ для него и

---

²⁾ Известные рескриптъ императора Николая I-го Карамзину отъ 13 Мая 1826 и указъ отъ того же числа министру финансовъ о производствѣ ему пенсіона по 50 тысячъ рублей въ годъ. И. Б. Пенсія безпримѣрная (ее получала и недавно скончавшаяся дочь Карамзина Елисавета Николаевна). Въ назначеніи ея, безъ сомнѣнія, дѣйствовало и внушеніе Жуковского. П. Б.

³⁾ Предполагавшаяся поѣздка Карамзина за границу не состоялась; онъ скончался 22 Мая 1826 года.

⁴⁾ Тургеневу, младшему изъ четырехъ братьевъ.

⁵⁾ Петръ Ивановичъ Полетика (р. 1778 † 1849) сначала служилъ въ военной службѣ, но въ 1798 году перешелъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Позднѣе онъ былъ представителемъ Россіи въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Въ 1825 году онъ былъ назначенъ сенаторомъ и поселился въ Петербургѣ. Полетика, хотя и не занимался Русскою литературою, но находился въ близкихъ отношеніяхъ съ кружкомъ Карамзина и былъ избранъ въ члены „Арзамаса“, гдѣ онъ носилъ прозвище „Очарованный челядь“, вслѣдствіе многолѣтнихъ странствованій своихъ по Европѣ и Америкѣ. Онъ часто упоминается въ Запискахъ А. О. Смирновой. О П. И. Полетикѣ см. краткія свѣдѣнія въ сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 722 – 723. Его воспоминанія напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885 года (III, 305).

въ Копенгагенѣ, и въ Гамбургѣ Лудену книгу ⁶⁾, но объ ней никто не зналъ. Вышли только два первыхъ тома его исторіи Германцевъ ⁷⁾. Если найду, доставлю.

На 2-мъ полулистѣ слѣдующій *адресъ*: Александру Ивановичу Тургеневу. Прошу Константина Яковлевича Булгакова отдать это письмо, а его самого дружески обнимаю.

СХХІІІ.

(Въ послѣднихъ числахъ Іюня 1826, Эмсъ).

Не умѣю изъяснить твоего молчанія и не могу никакъ съ нимъ помириться. Ни ты, ни Вяземскій не вспомнили обо мнѣ въ минуту несчастія! Но я не хочу обвинять, когда надобно вмѣстѣ плакать. Вы вѣрно ко мнѣ писали; куда дѣлись письма и какъ они могли не дойти ко мнѣ, не понимаю. Вообрази мое положеніе — узнать изъ газетъ, что Карамзина нѣтъ на свѣтѣ. И вотъ все, что я знаю! Но что сдѣлалось съ ними? И какъ это бѣдствіе на нихъ грянуло? Каково это воображать и не имѣть ни откуда помощи! Его я проводилъ сердцемъ въ лучшую жизнь, уже покидая Россію. Объ немъ могу думать, какъ объ ангелѣ, котораго только лице для меня закрылось. Но сердце его никогда не потеряетъ. Онъ былъ другомъ-отцемъ въ жизни; онъ будетъ тѣмъ же и по смерти. Бѣдшая половина жизни прошла подъ свѣтлымъ вліяніемъ его присутствія. Отъ этого присутствія нельзя отвыкнуть. Карамзинъ — въ этомъ имени было и будетъ все, что есть для сердца высокаго, милаго, добродѣтельнаго. Воспоминаніе объ немъ есть религія. Такія потери могутъ дѣлать равнодушнымъ только къ житейскому счастью, а не къ жизни. Кромѣ счастья есть въ жизни должность. Тутъ мысль объ немъ есть подпора, — передъ глазами ли онъ, или только въ сердцѣ. Онъ живъ, какъ вѣра въ Бога, какъ добродѣтель. Его потерять нельзя, — лишь только надобно быть достойнымъ его. Но что они? Неужели мнѣ еще долго не имѣть извѣстія? Не понимаю, какъ я могъ его не имѣть. И не могу рѣшиться подумать, чтобы вы могли забыть обо мнѣ при такомъ несчастіи. Я въ Эмсѣ останусь еще три недѣли, до перваго Августа новаго стиля. Успѣешь ли въ это время получить мое письмо и отвѣтить на него, не знаю. Но неужели надобно было дожидаться письма моего, чтобы писать ко мнѣ? Развѣ вы не знали, что я ѣду въ Эмсъ? И развѣ нельзя было написать ко мнѣ прямо въ Эмсъ *poste restante*? Во всякомъ случаѣ напиши уже въ отвѣтъ на это письмо прямо въ Эгру *poste restante*. Въ Эгрѣ буду около половины Августа и. с. — Гдѣ онъ погребенъ? На кладбищѣ или въ церкви? Если на кладбищѣ, то надобно купить побольше мѣста около гроба. Надобно украсить это мѣсто. Похлопочи объ этомъ. — Прости. Въ Петербургѣ ли Вяземскій? Обнимаю его съ сокрушеннымъ сердцемъ. Неужели онъ имѣлъ несчастіе пріѣхать поздно? Напишите, ради

---

⁶⁾ Генрихъ Лудепъ (р. 1780 † 1847), историкъ и профессоръ въ Іенѣ. Какое имен-
но его сочиненіе нужно было Полетикѣ, изъ письма не видно.

⁷⁾ „Die Geschichte des Deutschen Volks“ Лудена вышла въ Готѣ, въ 1825—1837 гг.,
въ 12 томахъ.

Бога, какъ можно подробнѣе. Что думаютъ они дѣлать съ собою? Остаться ли въ Петербургѣ или уѣхать, и куда? Я бы желалъ, чтобы они переѣхали въ Дерптъ для дѣтей. Тамъ найдутъ хорошихъ учителей. Воспитаніе дѣтей будетъ занятіемъ достойнымъ его памяти, но не разсѣяніемъ. Мое здоровье поправляется.

Адресъ: „Александрѣ Ивановичѣ Тургеневу. Можешь отвѣтъ на это письмо адресовать и на имя Сергѣя Ивановича въ Дрезденъ; я увѣдомлю его, куда ко мнѣ доставить“.

СХХІV.

3 (15) Іюля (1826, Эмсъ).

Я получилъ письмо твое, милый братъ, писанное съ Зейдлицемъ ¹⁾. Читалъ его съ чувствомъ горестнымъ. Въ немъ Карамзинъ еще живъ. Оно заставило меня въ глубинѣ души пожалѣть о потерянной минутѣ свиданія и разлукѣ. Но я не раскаиваюсь, что простился съ нимъ. Жалѣю, какъ потеряннаго блага въ воспоминаніи, что не могъ слышать его отпускнаго слова, что не могъ принять его благословеніе, которое принялъ бы на колѣняхъ, цѣлуя его руку. Но я этого прощанія боялся за него: надобно было беречь его исчезающія силы; всякое необыкновенное движеніе души приближало къ нему смерть. Теперь всѣ земные страхи миновались. Благословенно мѣсто, которое освящено его милымъ прахомъ. Это храмъ нашъ. Вотъ, милый братъ, ты мучился мыслию, что твое возвращеніе въ Петербургъ ²⁾ было бесполезно. Нѣтъ! Благодари Бога, что ты былъ въ Петербургѣ. Пусть будетъ для тебя въ настоящемъ общемъ нашемъ несчастіи, въ страданіи за брата ³⁾, подкрѣпленіемъ мысль, что Провидѣніе привело тебя къ смертной постели Карамзина. Ты былъ подпорою его семейства, ты положилъ его въ гробъ, ты способствовалъ къ услажденію его послѣднихъ минутъ въ здѣшнемъ свѣтѣ. Вѣчное воспоминаніе! Я еще ничего не знаю о подробностяхъ нашего несчастія, но имѣю причину быть спокойнѣе на счетъ оставшихся. Вчера получилъ письмо отъ Перовскаго, который увѣдомляетъ меня, что они всѣ въ Ревель съ Вяземскимъ. Итакъ, Богъ сохранилъ ихъ. Не утѣшенія имъ надобно—на что утѣшеніе! Горестъ объ немъ, лишь бы только она была не убійственною для жизни, есть драгоцѣнное благо. О, какую благотѣльную скорбь по себѣ онъ имъ оставилъ на всю жизнь! Все, что объ немъ говорить, все увлекаетъ прямо къ Богу, все убѣждаетъ въ безсмертіи, все проповѣдуетъ добродѣтель. Онъ остался между ими ангеломъ невидимымъ, но навсегда неразлучнымъ. Жаль только меньшихъ сыно-

---

¹⁾ Карломъ Карловичемъ Зейдлицемъ, известнымъ врачомъ; въ старости онъ написалъ біографію Жуковскаго

²⁾ Изъ заграничнаго путешествія, предпринятаго для свиданія съ больными братьями.

³⁾ Будучи въ началѣ 1826 года въ Англіи, вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ, А. И. Тургеневъ узналъ, по письмамъ изъ Россіи, что имя Н. И. Тургенева замѣшано между именами лицъ, участвовавшихъ въ возмущеніи 14 Декабря 1825 года, и постѣпшилъ отправиться въ Россію, чтобы выяснить дѣло и имѣть въ рукахъ достовѣрныя свѣдѣнія. Въ силу манифеста 1 Іюля 1826 года, Н. И. Тургеневъ, находившійся въ то время за границею, былъ преданъ, въ числѣ другихъ лицъ, Верховному Уголовному Суду.

вей ⁴⁾: они его не знали. Но и для нихъ, когда начнутъ себя чувствовать, какое воспитаніе въ преданіи объ отцѣ ихъ! Сохрани только Богъ жизнь матери. Надѣюсь, что ея твердость одержитъ верхъ надъ бѣдствіемъ. Я страшился за нее первыхъ минутъ. Теперь она вѣрно уже поняла величіе своего несчастія.—Сообщаю тебѣ и другое извѣстіе, полученное отъ Перовскаго: Саша 11-го числа Іюня родила дочь ⁵⁾ и благополучно. Можетъ-быть, ты въ это время былъ еще въ Петербургѣ; слѣдственно эта радость для тебя не новость. Пишу къ тебѣ въ Дрезденъ ⁶⁾ и посылаю первое письмо мое, которое у меня залежалось; по словамъ Зейдлица, ты долженъ быть теперь въ Дрезденѣ. Увѣдомь немедленно и скорѣе, но болѣе подробностей о Сергѣѣ ⁷⁾. Впрочемъ Зейдлицъ ничего такого не сказалъ мнѣ объ немъ, что могло бы стеревожить на счетъ его здоровья. Но я радъ душевно, что ты въ Дрезденѣ. Что тебѣ теперь дѣлать въ Россіи? Будемъ вмѣстѣ благодарны Богу, что Николай ⁸⁾ теперь далеко. Теперь ты долженъ самъ видѣть, что въ настоящую минуту нѣтъ возможности ничего въ пользу его сдѣлать. Оставимъ это для будущаго. Береги Сергѣя. Въ Дрезденѣ будешь объ немъ, т. е. Н(иколаѣ), имѣть вѣрнѣйшія и частыя извѣстія. Между тѣмъ твоя поѣздка въ Россію была не бесполезна и для него. Въ будущемъ не представляется мнѣ еще ничего яснаго. Но изъ всѣхъ насъ я остался на сценѣ. Я и самъ жалѣю брата, какъ ты. Буду старожемъ, буду высматривать благопріятныя минуты и всѣмъ, что представится, воспользуюсь. Вотъ единственная въ глазахъ моихъ выгода теперешняго моего положенія, относительно ко мнѣ. Главная цѣль моя есть моя дѣятельность; никакихъ собственныхъ выгодъ съ нею не соединяю. Теперь уже мнѣ для себя желать нечего. Я не имѣю права желать. Государь же болѣе того, что для меня сдѣлалъ, уже никогда мнѣ сдѣлать не можетъ: онъ допустилъ меня принять участіе въ такомъ дѣлѣ, воспоминаніе о которомъ останется благомъ на весь остатокъ жизни. Ты понимаешь, о чемъ я говорю ⁹⁾. Что жъ мнѣ теперь остается собственно для себя? Надежда быть чѣмъ-нибудь для тебя. Исполненіе этой надежды предпочту всему на свѣтѣ. Плановъ, какъ ее исполнить, дѣлать теперь нельзя; но она есть въ сердцѣ: это уже добро. Будемъ, съ довѣренностью къ Провидѣнію, всѣ вмѣстѣ, хранителями Николая. Не прибавляйте только новой тяжести къ его судьбѣ, которую онъ снесетъ своею крѣпкою душой, если только увидитъ, что ваша ему товарищъ. На его твердость положиться можно: храните ее вашу; вотъ теперешняя ваша дѣятельность.—Я пробуду въ Эмсѣ до конца Іюля или до начала Августа. Отдохнувъ послѣ ваннъ, поѣду въ

⁴⁾ Александра Николаевича (р. 1816) и Владимира Николаевича (р. 1819 † 1879).

⁵⁾ Марію Александровну, нынѣ графиню Бревернъ.

⁶⁾ А. И. Тургеневъ снова уѣхалъ за границу въ Іюль 1826 года.

⁷⁾ О С. И. Тургеневѣ, въ которомъ стали замѣчаться признаки умственнаго расстройства и который скончался въ Іюнь слѣдующаго 1827 года въ Парижѣ.

⁸⁾ Николай (какъ вездѣ и въ дальнѣйшихъ письмахъ)—Н. И. Тургеневъ.

⁹⁾ Избраніе Жуковскаго Государемъ Николаемъ Павловичемъ въ наставники Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича.

*

Эгру, слѣдовательно къ вамъ. Увижусь съ вами прежде или послѣ лѣченія, которое въ Эгрѣ продолжится недѣли три. Увѣдомьте только подробнѣе, гдѣ мнѣ найти васъ. Можетъ-быть, мнѣ будетъ [возможно?] и прежде Эгры васъ увидѣть. Вы еще успѣете написать ко мнѣ въ Эмсъ. Простите, милые братья. Удивлюсь, что сдѣлалось съ Петербургскими письмами, которыя вѣрно были ко мнѣ писаны. Напиши во всякомъ случаѣ о томъ, какъ все случилось Ж.

СХХV.

Эмсъ, 23 Іюля (4 Августа) (1826).

Обнимаю васъ, милые братья; надѣюсь, что вы теперь вмѣстѣ, и жду отъ васъ письма въ Эгру. Завтра уѣзжаю изъ Эмса *) и буду въ Эгрѣ 15-го числа. Мое здоровье поправилось, желтизна покинула мое лицо, и розы на немъ опять показались. Я хотѣлъ писать къ тебѣ, любезный Сергѣй, тотчасъ по полученіи твоего письма; но маленькое происшествіе помѣшало мнѣ. Въ моей горницѣ сдѣлалось наводненіе, и я тотчасъ долженъ былъ перебраться на другую квартиру. Мнѣ отвели комнату подъ кровлею въ Kurhaus. Жаръ сдѣлался несносный, такъ что рука не могла за перо приняться, и я промедлилъ нѣсколько дней отвѣтомъ. Ты пишешь, что Александръ писалъ ко мнѣ большое письмо передъ отъѣздомъ; я не получилъ его. Благодаря Козлову, теперь имѣю довольно подробныя извѣстія о томъ, что было въ Петербургѣ. Его письмо меня успокоило и на счетъ Саши. Теперь радуюсь скорымъ свиданіемъ съ вами. Пишите ко мнѣ въ Эгру *poste-restante*. Мнѣ же теперь болѣе писать некогда. Изъ Эгры увѣдомлю васъ о себѣ. Тамъ же расположимъ, въ какое время и гдѣ свидѣться. Ж.

Адресъ: A monsieur, monsieur de Tourguènef à Marienbad.

СХХVI.

Среда, (18 (30) Августа 1826, Францбруннъ).

Посылаю вамъ письма, полученные мною вчера ввечеру. Хотѣлъ было, съ позволенія Александра Ивановича, распечатать письмо, полученное на его имя, но почеркъ мнѣ незнакомый; по штемпелю оно должно быть откуда-то изъ Саксоніи. Любопытство мое было не слишкомъ сильно, и я не тронулъ печати. Если бы письмо было отъ Николая, то я бы его прочиталъ; но рука, кажется, не его. Въ этотъ же вечеръ получилъ я письмо отъ Саши отъ 29 Іюля. Она здорова. Екатерина Аванасьева ¹⁾ еще съ нею. А новостей никакихъ не пишеть. Безъ васъ стало у меня очень пусто. Но нечего дѣлать; надобно исполнять свою должность: домыться до опредѣленнаго срока ²⁾. Я возъ-

---

*) Изъ Эмса Жуковскій выѣхалъ 24 Іюля (5 Августа).

¹⁾ Протасова.

²⁾ Въ Францбруннъ Жуковскій прибылъ 3 (15) Августа 1826 года и съ 6 Августа сталъ брать ванны.

му еще 5 ваннъ, слѣдовательно, пробуду здѣсь до Понедѣльника. Въ Понедѣльникъ, если докторъ не остановитъ, рано по утру отправляюсь. Ночую въ Карлсбадъ. Во Вторникъ буду въ Теплицъ. Въ Среду къ вечеру приѣду въ Дрезденъ, ибо надобно будетъ остановиться въ Пирнѣ³⁾. Не знаю, найду ли вашу квартиру (я забылъ записать), но спрошу у Боссанжа⁴⁾. Я думаю, что вы нынче ввечеру будете на мѣстѣ. Вчера день былъ весьма благоприятный для путешествія, и вы вѣрно ночевали въ Теплицъ. Твое письмо меня душевно обрадовало, другъ Александръ. Я и не сомнѣвался, что Сергѣю будетъ лучше; его болѣзнь нисколько меня не пугаетъ, но радъ объ этомъ слышать. Еще болѣе радъ за себя тому, что ты объ немъ пишешь. Моей любви къ нему также увеличиться нельзя: я люблю его чистую, высокую, младенчески-непорочную душу; но послѣдніе дни усилили мое къ нему уваженіе: это не несчастіе—то, что мы видѣли; это опытъ, въ которомъ душа обнаруживается и твердѣетъ. Мнѣ было точно сладостно видѣть его силу надъ собою и въ тоже время его жаркое чувство религіи въ такую минуту, въ которую можно ослабѣть духомъ. Итакъ, эта минутная болѣзнь есть новое добро Провидѣнія: она была только сильнѣйшимъ поводомъ возвыситься къ Богу и къ вѣрѣ въ Бога. А для насъ съ тобою новое знакомство съ душою брата: онъ доказалъ, что имѣетъ твердость необыкновенную, а источникъ этой твердости есть нѣжность сердца, способнаго любить и вѣрить. Простите. Сейчасъ былъ у меня докторъ. Ему хочется, чтобы я взялъ по крайней мѣрѣ двадцать ваннъ. Но это будетъ зависѣть отъ погоды. Рѣшимъ въ Воскресенье. А ты, братъ, все таки пиши. Жуковский.

Федоръ⁵⁾ умнѣе насъ. Онъ сказалъ, что писать къ Соймонова людямъ не о чемъ; ибо они отвѣта никакого дать не могутъ. Контесса⁶⁾ же вѣроятно поѣхала не на Карлсбадъ, ибо есть другая кратчайшая дорога. Увѣдомьте.

Адресъ: A monsieur, monsieur de Tourguèneff à Dresde. Recommandé aux soins obligeants de m-r Bassange et Comp. — Почтовой штемпель: Franzbrunn.

---

³⁾ Отъѣздъ изъ Францбрунна Жуковскому пришлось отложить на нѣсколько дней, см. слѣдующее письмо № СХХVII. Какъ видно изъ его дорожнаго дневника, онъ выѣхалъ изъ Францбрунна 26 Августа (7 Сентября), въ тотъ же день былъ въ Карлсбадѣ, 28-го былъ въ Теплицѣ и Пирнѣ (чтобы получить извѣстіе о К. Н. Ватюшковѣ; въ дневникѣ стоитъ: „Пирна. У Ватюшк.“ т. е. у Ватюшковой, Александры Николаевны).

⁴⁾ Банкиръ въ Дрезденѣ.

⁵⁾ Слуга Жуковского.

⁶⁾ Графиня Генріетта Разумовская, рожденная Мальсенъ (изъ Нѣмецкихъ провинцій Франціи), была женою графа Григорія Кирилловича Разумовскаго (р. 1758 † 1837) известнаго сочиненіями по минералогіи (на Французскомъ языкѣ). Графъ Г. К. Разумовскій вскорѣ послѣ женитьбы покинулъ свою супругу (въ 1793 году) и женился въ 1806 году на другой (баронессѣ Шенкъ-де-Кастель). Начался процессъ, обѣ супруги приѣзжали въ Петербургъ, Св. Синодъ призналъ первый братъ законнымъ, и за графинею Генріеттою былъ утвержденъ ея титулъ. Покинувъ Петербургъ, графиня Генріетта Разумовская основалась въ Парижѣ и сѣмьяла окружить себя самыми примѣчательными и лучшими

СХХVII.

Воскресенье (22 Августа (3 Сентября) 1826, Фрицбруннъ).

Я по поведѣнію доктора долженъ еще взять 4 ванны, слѣдовательно, кончу свой курсъ не прежде, какъ въ Среду, и выѣду въ Четвергъ рано поутру; прежде Субботы меня не ждите. Вчера отправилъ роковое письмо въ Москву ¹⁾. Чтѣ-то велятъ?

Реестръ книгъ не посылаю, ибо это не нужно. Прошу васъ отыскать Клару ²⁾. Объ немъ можно освѣдомиться въ домѣ Левенштерна. Онъ живетъ bei m-e Wohmann, ohnweit der Pirnaschen Pforte an der Neuen Anlage.—Простите, до скораго свиданія. Жуковский.

СХХVIII.

5 Августа (1827, Эмсъ).

Вотъ письма отъ Разумовской и брата: спѣшу послать ихъ. Письмо Николая по обыкновенному трогательное и возвышенное. Его минуты глубокой печали не тревожатъ меня; напротивъ, я болѣе люблю находить въ немъ это тихое ощущеніе невозвратной потери: оно есть жизнь; мучительная жизнь, правда, но въ тоже время какъ-то достойная души его. Она гораздо лучше той апатіи, о которой онъ иногда говоритъ. Онъ теперь пересталъ мечтать, и тѣмъ лучше; мечтательность есть тревога. Онъ теперь только размышляетъ, и душа непримѣнно богатѣетъ. Но ты самъ можешь изъ писемъ его замѣтить, что мысль о тебѣ становится для него часъ отъ часу и живѣе, и животворнѣе. Она заступаетъ мѣсто Сергѣя. Въ своемъ одиночествѣ имѣетъ онъ будущее, и не нужно слишкомъ тревожиться о томъ, когда это

людьми тогдашней Франціи. Она была въ дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ Каподистриа, а для Тургеневыхъ была какъ бы сестрою. На ея рукахъ умеръ С. И. Тургеневъ; она принимала близко къ сердцу и судьбу Н. И. Тургенева. Черезъ Тургеневыхъ познакомилась съ этою замѣчательною женщиною и Жуковский. Скончалась гр. Генриетта Разумовская въ Парижѣ 17 Декабря н. с. 1827 года (о немъ см. въ трудѣ А. А. Васильчикова „Семейство Разумовскихъ, т. II (Спб. 1880), стр. 183—218). Въ дальнѣйшихъ письмахъ Жуковского къ Тургеневу 1826 и 1827 гг., гдѣ, говорится о графинѣ, слѣдуетъ подъ нею разумѣть графиню Генриетту Разумовскую.

*

¹⁾ Въ дорожномъ дневникѣ Жуковского подъ Вторникомъ 17 (29) Августа записано: „Писалъ письмо“, а подъ Субботою 21 Августа (2 Сентября): „Отправилъ письмо“. (т. е. къ Государю или къ Государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ; вѣроятно о продленіи отпуска) Это были дни коронаціи Николая).

²⁾ Живописецъ Клара (Клага), пользовавшійся покровительствомъ Жуковского и которому императоръ Николай разрѣшилъ въ 1826 году сопровождать Жуковского за границу. Объ этомъ Клара см. въ письмахъ Жуковского 1826 и 1827 гг. къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (Соч. Жуковского, изд. 7-е, т. VI, стр. 276—277 и 284) и въ письмахъ его къ Е. Г. Пушкиной 1827 и 1828 гг. (тамъ же, стр. 491 и 492—493).

*

будущее настанетъ; хорошо, что онъ его имѣетъ. При немъ грусть о Сергѣѣ и размышленіе—довольно. Что Разумовская пишетъ о гр. Д. С. ¹⁾ кажется мнѣ справедливымъ. Мы вчера съ нею долго разговаривали, и то, что я прочиталъ въ письмѣ Разумовской, для меня подтвердилось. Каковъ ты? Я очень понимаю, что для тебя было страшно пусто въ твоей коляскѣ, такъ же, какъ и мнѣ въ моей комнатѣ ²⁾; но ты ѣдешь съ цѣлю; нечего думать о томъ, что подлѣ и вокругъ; надобно впередъ.

Чтобъ не забыть, что говорилъ Штейнъ ³⁾ въ послѣдній разъ. Вотъ его слова: надобно просить Государя только о томъ, чтобы избралъ людей, кои бы разсмотрѣли доставленную бумагу брата и сравнили ее съ показаніями, на коихъ основано осужденіе. Сей бумаги достаточно для опроверженія. Вотъ единственное, на чемъ настоять надобно и о чемъ просить. О требованіи новаго суда ни слова. Надобно сказать, что сія бумага замѣняетъ лицо брата, что онъ самъ болѣе того, что въ ней, сказать, не можетъ и что ее можно принять вмѣсто него ⁴⁾.

Сюда пріѣхалъ Мятлевъ, безъ всякой надежды. Злая чахотка. Онъ въ нѣсколько дней, а, можетъ быть, часовъ кончитъ жизнь. Стоило труда покидать своихъ и плыть по бурному морю!

Прости. Присылай мнѣ выписки изъ писемъ брата или отдай ихъ въ Лейпцигъ. И изъ того также, которое теперь послалъ. Хорошь ты! Забылъ прислать сигары. Ж.

Обними Пушкиныхъ ⁵⁾.

СХХІХ.

(Въ Августѣ 1827, Эмсъ).

Посылаю тебѣ письмо Николая, которое доставила мнѣ графиня Разумовская. Она пишетъ очень мало, и пишетъ изъ дома Гизо. М-е Guizot кончила здѣшнюю жизнь ¹⁾. Жалѣю особенно о нашей милой

¹⁾ О графинѣ Десеръ.

²⁾ Вотъ что писалъ А. И. Тургеневъ Н. И. Тургеневу изъ Эмса отъ 3 Августа 1827 года: „... Я наконецъ рѣшился выѣхать отсюда въ 3 часа съ Жук., обѣдать у Ш. и изъ Нассау, куда въ 7 час. пріѣдетъ моя коляска съ Никитой, вѣхать далѣе, простившись съ Ж. и Шт...“ (см. Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу, стр. 61).

³⁾ Знаменитый политическій дѣятель Германіи баронъ Штейнъ, при которомъ служилъ Н. И. Тургеневъ (въ 1813—1815), когда тотъ находился въ нашей службѣ.

⁴⁾ Небольшой отрывокъ изъ этого письма со словъ „Чтобъ не забыть“ и кончая словами: „можно принять вмѣсто него“ напечатанъ въ Письмахъ А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу, стр. 69. а отсюда перепечатанъ въ Сочин. Жуковского, изд. 7-е, т. VI, стр. 412—413.

⁵⁾ Вдову Алексѣя Михайловича Пушкина, Елену Григорьевну, которая жила въ это время въ Дрезденѣ съ своими дочерьми (см. письма къ ней Жуковского въ Соч. Жуковского, изд. 7-е, т. VI, стр. 477—495).

*

¹⁾ Полина Гизо, рожденная Meulan (р. 1773), первая жена знаменитаго историка, скончалась 1 Августа п. с. 1827 года. Она особенно известна своими педагогическими сочиненіями, изъ которыхъ главное „Lettres sur l'éducation“ вышло за годъ до ея кончины.

графинѣ: она потеряла лучшаго друга. И изъ этого письма Николая можешь ты мнѣ много выписать. Какъ трогательна его безпрестанная тоска о Сергѣѣ! Она доводитъ его до апатіи. Это состояніе также тяжело, какъ отчаяніе; и неизбежно съ такимъ характеромъ, какъ его; но я увѣренъ, что оно временное. Графиня въ своемъ письмѣ говоритъ о какомъ то раillatif, которое придумали для Николая, но обѣщаетъ прислать его въ слѣдующемъ письмѣ.

Нынче мы похоронили Мятлева, который умеръ вчера въ 4 часа поутру.

Сейчасъ пріѣхалъ братъ Алины ²⁾). Прости. Я пробуду здѣсь не до 26, а до 19 или 20 ³⁾). Хочется прежде заглянуть на берега Мозеля: говорить, живописны. Въ Лейпцигѣ буду вѣроятно 31 Августа или 1 Сентября. Располагайся по этому. Жду твоего письма изъ Дрездена.

СXXX.

17 (29) Сентября (1827, Берлинъ).

Я ждалъ Саши ¹⁾ и потому не писалъ къ тебѣ, милой другъ. Она пріѣхала тому уже три дни. Слаба очень, бокъ болитъ безпрестанно, часто кашляетъ; но кровью не харкаетъ. Не смотря на все это, я нашелъ ее лучше, нежели какъ воображалъ. Лицо очень хорошо. Похудѣла, но не столько, какъ я думалъ. Ѣдетъ покойно и очень хорошо выдерживаетъ дорогу. Однимъ словомъ, я надѣюсь на это путешествіе; страшатъ меня однѣ только возможности; но онѣ вездѣ есть, и вездѣ равно страшны, и Богъ вездѣ. Она пробудетъ еще три дни въ Берлинѣ. Провожу ее до Потсдама.

Ты, я думаю, теперь уже знаешь о рожденіи Великаго Князя Константина. Это великое, важное, радостное происшествіе. Есть при немъ и для насъ авось. Боже мой, если бъ въ эту минуту нашелся человѣкъ съ душой и съ языкомъ—онъ бы много добра сдѣлалъ. Я увѣренъ, что въ сердцѣ Государя на все доброе есть всегда готовый отголосокъ. Гдѣ ты теперь? Чтѣ пишеть братъ? Гдѣ графиня? Не переставай присылать мнѣ выписокъ изъ братниныхъ писемъ ²⁾); а въ первомъ письмѣ, которое адресуй уже въ Петербургъ на имя Булгакова или въ Зимній Дворецъ, увѣдомъ, куда писать къ графинѣ.

Здѣсь теперь два графа Строгановы. Извѣстіе о рожденіи Вели-

---

¹⁾ Подъ Алиною разумѣется княжна Александра Петровна Волконская (дочь фельд-маршала кн. П. М. Волконскаго), впоследствии Дурново. У нея было два брата: князя Дмитрій и Григорій Петровичи.

²⁾ Жуковскій выѣхалъ изъ Эмса 16 (28) Августа, а въ Лейпцигъ прибылъ 7 (19) Сентября 1827 года, въ ночь на 8-е.

*

¹⁾ А. А. Воейкова была больна чахоткою, и доктора послали ее за границу.

²⁾ Отрывокъ изъ этого письма отъ словъ „Ты, я думаю, уже знаешь“ и кончая словами „выписокъ изъ братниныхъ писемъ“, напечатанъ въ Письмахъ А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу, стр. 206 – 207, а отсюда перепечатанъ въ Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 413.

каго Князя ³⁾ привезъ Алексѣй Лобановъ ⁴⁾. Также и Голицыны пріѣхали третьяго дни. Я пробуду здѣсь еще недѣлю; поѣду дни три послѣ Саши. Мою записку ⁵⁾ почти переписалъ и постараюсь дописать еще здѣсь, чтобы быть по пріѣздѣ наготовѣ. Много поправилъ. Но признаюсь, чѣмъ ближе къ возврату, тѣмъ менѣе вѣроятнымъ становится успѣхъ. То, что ясно и убѣдительно здѣсь, то теряетъ свою убѣдительность тамъ: ибо для вѣры или убѣжденія нужна готовность, а тамъ всѣ предубѣжденія противъ, и самая простая, ясная истина покажется сумашествіемъ.

Прости. Буду писать тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ.

Ты требуешь отъ меня Донесенія Слѣдственной Коммиссіи. Его у меня нѣтъ. Изъ Петербурга же послать можно будетъ развѣ только съ курьеромъ. Ж.

Адресъ: A son excellence monsieur Tourguéneff, conseiller d'état actuel au service de Sa Majesté l'Empereur de Russie à Berne (потомъ зачеркнуто и написано: Genève) en Suisse. Почтовые штемпели: а) Berlin 30 (9); б) Genève 12 8-bre 1827.

СXXXI.

9 Октября н. с. (1827, Берлинъ).

Сейчасъ ѣду изъ Берлина. Саша отправилась тому дней шесть и была порядочно. Пиши ко мнѣ. Я напишу тотчасъ по пріѣздѣ. Тотчасъ увижу Строганова, и съ нимъ смолвлюсь, и увѣдомлю тебя, если есть что-нибудь сдѣланнаго. Гдѣ ты? Присылай выписки изъ Николаевыхъ писемъ и самъ пиши. Обнимаю тебя братски. Жуковский.

СXXXII.

Дерптъ, 13 (25) Октября (1827).

Я еще въ Дерптѣ, милой другъ. Нынче ѣду въ Петербургъ и завтра въ вечеру или въ ночь надѣюсь быть. Напишу къ тебѣ немедленно, но ничего важнаго сообщить не надѣюсь. Государь 14 числа уѣзжаетъ изъ Петербурга. Слышно, что ѣдетъ въ Дюнабургъ; но неизвѣстно, куда оттуда и долго ли пробудетъ въ отсутствіи. И такъ не жди никакихъ особенныхъ новостей. Жихарева въ Петербургѣ не застану; но, вѣроятно, увижусь съ его женою и съ нею поговорю о твоёмъ дѣлѣ. Увѣдомлю, если узнаю отъ неся что-нибудь интереснаго и для насъ важнаго. Мнѣ очень больно, что возвращаюсь къ отъѣзду Государя: это будетъ мнѣ большою остановкою во всемъ. Я промед-

³⁾ Великаго Князя Константина Николаевича.

⁴⁾ Вѣроятно, князь Алексѣй Яковлевичъ Лобановъ-Ростовскій (р. 1795 † 1848), бывший потомъ генераль-адъютантомъ. Въ это же время былъ живъ князь Алексѣй Александровичъ Лобановъ-Ростовскій (р. 1787 † 1848).

⁵⁾ Записку императору Николаю Павловичу по дѣлу Н. И. Тургенева, нынѣ напечатанную въ 9-й тетради „Русскаго Архива“ 1895 года.

⁶⁾ Жуковский и Тургеневъ надѣялись, что графъ Г. А. Строгановъ заявитъ правительству о невинности Н. И. Тургенева. П. Б.

*

лил въ Берлинъ для Саши, и въ Дерптѣ прожилъ четыре дни. Но нельзя было иначе. Прости до Петербурга. Пиши чаще; не забывай выписокъ. Я давалъ читать ихъ въ Берлинѣ Сашѣ; буду читать всѣмъ кому только можно будетъ. Въ нихъ главное. Свою записку сократилъ. Отъ этого стала яснѣе. Прости; обнимаю тебя.

Намъ однако не надобно себя обманывать: когда мы рассуждали вмѣстѣ, то смотрѣли на все своими глазами; здѣсь же все, что казалось тогда такъ просто и естественно, кажется труднымъ и невозможнымъ.

Адресъ: A monsieur Alexandre Tourguéneff, conseiller d'état actuel et chambellan de Sa Majesté l'Empereur de Russie a Berne en Suisse (потомъ зачеркнуто и другою рукою написано: à Paris. Recommandée aux soins de l'ambassade de Russie). — Почтовые штемпеля: а) Dorpat, 5 Nov. 1827, б) Memel, 21 Nov; в) 13 Décembre 1827.

СХХХІІІ.

Петербургъ, 1827, 25 Октября с. с.

Я пріѣхалъ съ недѣлю въ Петербургъ, милой братъ, и точно тоскую по тебѣ. Мнѣ отдалъ Булгаковъ три письма отъ тебя. Читаю въ нихъ страданіе души твоей и самъ страдаю, что далеко отъ тебя, что не могу ничѣмъ помочь тебѣ. И еще по сію пору ничего не написалъ. Это также меня мучить; но можешь вообразить, какъ я долженъ былъ по пріѣздѣ своемъ возиться, и теперь все еще ни за что не могу порядочно приняться. Скажу только одно: мысль о тебѣ не выходитъ изъ головы и изъ сердца. Но эта мысль точно-препятствуетъ жить. Я обрадовался, узнавъ изъ твоего письма, что ты ѣдешь въ Парижъ: тамъ наша милая хранительница Разумовская. Тебѣ нужно болѣе всего имѣть подлѣ себя нѣжное сердце, знающее и раздѣляющее твое горе. Кто же въ этомъ съ нею сравнится? Тамъ же чаще будешь получать письма. Печалитъ меня особенно въ письмахъ твоихъ то, что всегда печалило и въ твоей жизни. Ты не хочешь самъ ни на чемъ опереться; къ настоящему горю прибавляешь воображеніемъ. Мнѣ кажется, что Николай сноситъ судьбу свою тверже, нежели ты за него ее сносишь. Я думаю, что ему тяжело видѣть графиню. Это нарушаетъ его жизнь. Онъ не хочетъ тревожиться, и здѣсь нужна ему свобода. Издали не могу судить; но мнѣ кажется, что ей не надобно его долго обременять собою, а только по временамъ на короткое время къ нему ѣздить, дабы онъ всегда имѣлъ надежду свиданія и не тяготился бы долгимъ присутствіемъ. Въ первые дни пріѣзда моего сюда я не могъ ни съ кѣмъ видѣться, кромѣ Карамзиныхъ, Дашкова и Блудова. Съ Дашковымъ много говорили о тебѣ. Онъ читалъ извѣстный тебѣ манускриптъ ¹⁾ и говоритъ, что онъ произвелъ въ немъ моральное убѣжденіе, но что, перечитывая потомъ печатную брошюру, на которую въ манускриптѣ ссылаюся, онъ увидѣлъ неудовлетворительность доказательствъ. Перечитаю съ нимъ вмѣстѣ и еще съ однимъ знатокомъ и потолкуемъ. Дашковъ говоритъ, что тебѣ необходимо на-

¹⁾ Записку по дѣлу Н. И. Тургенева.

добно возвратиться, что это во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть полезно для будущаго.

Я видѣлъ Козлова. Онъ кончилъ свою поэму³⁾. Его *манускриптъ* у меня. Прочитавъ его съ Дашковымъ, нахожу, что еще нельзя выдавать его: надобно подождать для выгоды автора, ибо теперь какъ-то не литературное расположеніе въ читателѣ. Умы заняты неблагопріятно, а Козлову нужно, чтобы его поэма принята была съ участіемъ: иначе она не разойдется, и онъ останется въ накладѣ. Я видѣлся уже и съ Слѣнинымъ, и онъ думаетъ, что надобно подождать, однако хочетъ показать ее Глазунову. И я самъ видѣлъ Глазунова и сказалъ ему свое мнѣніе о поэмѣ; въ немъ видно доброжелательство, но онъ не полагается на автора.

Теперь о твоихъ комиссіяхъ: сапогъ⁴⁾ закажу и велю сдѣлать колодку. Пришлю съ первымъ случаемъ. Я уже посылалъ Федора⁵⁾; до сихъ поръ сапожникъ еще не являлся.—Гдѣ найти Киндякова, я не знаю. Хлопоты, которыя ты мнѣ поручаешь, будутъ затруднительны. Пошлю выписку къ Жихареву; можетъ быть, онъ найдетъ Киндякова. Мнѣ же подобныхъ хлопотъ не поручай: онъ будутъ меня бутаражить; а времени у меня теперь нѣтъ, и впередъ будетъ еще менѣе. Также прошу тебя не писать въ своихъ письмахъ: скажи Булгакову, скажи Жихареву и тому подобное. Если что кому хочешь сказать, пиши на его имя прямо; ибо все это хлопоты, а я буду по обыкновенію своему откладывать, и это только будетъ меня попустому теребить. Теперь главные хлопоты мои: ты и Саша. Довольно, чтобы отнять покой жизни. А мнѣ покой нуженъ не для меня—ты это знаешь,—а для моего дѣла⁶⁾. По сію пору никакъ не могу овладѣть собою, и мысли бродятъ, а имъ надобно быть дома.—Отъ Саши получилъ печальное письмо изъ Стразбурга. Она принуждена остановиться, и сколько времени пробудетъ на мѣстѣ, не знаю: Андрюша въ скарлатинѣ. Вѣроятно и съ другими дѣтьми будетъ тоже. Можешь самъ вообразить, каково мнѣ. Узнай объ ней. Но прошу тебя, будь остороженъ, чтобы ей не сдѣлать никакого безпокойства. Твое сношеніе съ нею кончено и не должно ни подъ какимъ видомъ возобновляться. На этотъ счетъ я былъ очень недоволенъ тобою въ Эмсѣ за то, что ты говорилъ объ Сапѣ, и съ кѣмъ же? Съ Козловскимъ!⁶⁾ Тогда я этого тебѣ не сказалъ. Теперь говорю съ тѣмъ, чтобы ты, если захочешь быть ей полезнымъ, выключилъ самого себя изъ этого и дѣйствовалъ черезъ другихъ. Итакъ, о томъ, что у тебя съ нею

---

³⁾ Поэму „Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая“; это произведение Козлова было напечатано въ Петербургѣ въ 1828 году.

⁴⁾ Для Н. И. Тургенева, у котораго одна нога была короче другой. П. Б.

⁵⁾ Слуга Жуковскаго.

⁶⁾ Воспитанія Цесаревича Александра Николаевича.

⁶⁾ Князь Петръ Борисовичъ Козловскій (р. 1783 † 1840) служилъ въ молодости при нашихъ миссіяхъ за границу; въ 1821 г. вышелъ въ отставку и путешествовалъ по Европѣ. Козловскій былъ остроумнымъ и многосторонне-образованнымъ человекомъ. Объ его трудахъ см. въ Словарѣ Геннади, т. II, стр. 148.

было—ни слова, никому! Это обязанность твоя и передъ собою, и передо мною. Заставь написать къ ней графиню и не выпускай ее изъ виду. Но самъ будь въ сторонѣ. Загладь старое.

О Фурманѣ скажу Булгакову, но впредь не давай мнѣ подобныхъ комиссій. Некогда.

Вотъ что писать ко мнѣ Жихаревъ: Т(ургеневъ) безпоявится о неполученіи фунтовъ! Шутъ гороховой! Неужели думаетъ онъ, что я стану рисковать его достояніемъ и въ одинъ разъ отдамъ все для отсылки? Прежде, нежели не получено отъ него извѣстіе, что часть получена, другая не отсылается. Теперь все почти получилъ онъ; ожидаю извѣстія о послѣднемъ транспортѣ, чтобы послать ему остальное. И такъ не безпокойся! Приложенное письмо отдай Корфу, заставь его написать и перешли ко мнѣ письмо. Чтобы въ письмѣ къ Орлову выставилъ свой адресъ. Обними милую, несравненную графиню. Кланяйся знакомымъ. Ж.

Пиши чаще. Отъ меня же будутъ письма разъ въ мѣсяцъ непремѣнно. Подумай теперь однако о себѣ. Наши друзья, то есть Дашковъ, желаютъ, чтобы ты возвратился. Особенно Козловъ этого желаетъ: ему будетъ большая радость отъ твоего возвращенія. Думай не о теперешней минутѣ, а о будущемъ. Твое же присутствіе нужно и для того, чтобы обстоятельства Козлова не приходили въ забвеніе. Теперь ему помочь нечѣмъ. Il est paralysé¹⁾. Но ему нужны люди, которые бы съ жаромъ принимали въ немъ участіе. Боюсь однако за тебя твоего здѣсь присутствія; нужно твердое самоотверженіе. Здѣсь у тебя я и Дашковъ.

Адресъ: A Paris. Rue du Bac, № 27. A Madame la comtesse Razoumoffsky pour remettre à m-r de Tourgueneff, conseiller d'état actuel au service de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies.—Почтовые штемпели: а) St. Pétersbourg, 1827 Oct. 26; б) Memel 11 Nov., в) 23 Novembre 1827.

СXXXIV.

(1 Ноября 1827, Петербургъ).

Спѣшу отвѣчать на послѣднее письмо твое, вчера мною полученное. Оставьте въ покоѣ Николая, не тревожьте его, не примѣняйте къ нему тѣхъ нуждъ, которыя вы имѣете сами. Онъ спокойнѣе и тверже одинъ, нежели съ помощниками. Милый другъ! Я люблю графиню отъ всего сердца именно за ея сердце; но увѣренъ, что и мнѣ въ несчастіи, наконецъ, она сдѣлалась бы въ тягость: она слишкомъ заботлива и слишкомъ выражаетъ свое участіе. У ней въ чувствахъ есть та экзальтація, которой Николай не имѣетъ; она ищетъ въ немъ того, чего въ немъ нѣтъ, судитъ объ немъ по себѣ, угадываетъ его не впадѣть, его самого тревожить и лишаетъ свободы, а тебя пугаетъ. Мысль, что она живетъ въ Англіи единственно для него, должна быть Николаю нестерпима. Какъ ты этого не понимаешь? Какъ ты не видишь, что этого никакими убѣжденіями перемѣнить невозможно? И мнѣ, съ моимъ безпечнымъ, уступчивымъ характеромъ, было бы это несносно; каково же должно быть для Николая, который не терпитъ

¹⁾ Онъ въ параличѣ.

зависимости, не хочеть пожертвованій? Не принуждай же его. Если и я въ Эмсѣ обрадовался вторичной встрѣчѣ и поѣздѣ графини въ Англию, то это было отъ того, что изъ письма ея я заключилъ, что самъ Николай желаетъ этого. Послѣ же онъ не могъ отказать ей, ибо она просила именемъ Сергѣя. Знаешь ли что болѣе всего поможетъ Николаю? Мысль о тебѣ! Если онъ будетъ видѣть твою твердость и если ты самъ будешь дѣйствовать достойнымъ его образомъ (не для него единственно, а для того, что это твоя святѣйшая должность), ты сдѣлаешь ему *единственное* добро, какое твоя связь сдѣлать теперь можетъ. Другого вамъ нечего дѣлать, какъ издали дать другъ другу руку на добродѣтель и религію. Видишь, какое направленіе взяла душа его. Онъ читаетъ Библію. Слава Спасителю! Онъ явился во время. Познакомься и ты съ Нимъ поближе. Онъ скажетъ и дастъ тебѣ то, чего ничто на землѣ не даетъ и не скажетъ: смиреніе и нетревожимость. Я не говорю это, я такъ *думаю* теперь. Я этому *вѣрю* и *хочу вѣрить*. Жизнь ничто безъ христіанства. Теперь ваша пора вѣрить и жить вѣрою. Будь въ этомъ помощникомъ и товарищемъ брата. Тогда все остальное покажется шелухою, тогда найдешь силу въ себѣ покориться необходимости и ждать мирно того, что Провидѣніе пошлетъ въ будущемъ. Другого теперь дѣлать нечего; въ этомъ здѣсь убѣдился! И такъ рѣшишь ждать съ вѣрою и съ достоинствомъ, а не съ безплоднымъ, неприличнымъ душѣ твоей нетерпѣніемъ. Одно изъ двухъ—выбери благороднѣйшее, можетъ быть труднѣйшее, но за то добродѣтельное; ибо оно требуетъ силы, рѣшимости, твердаго взгляда на судьбу свою и довѣренности ко Всевышнему. Горе и нетерпѣніе—ребячество. Будь тоже, что братъ твой въ отношеніи къ несчастію, и помогай ему любить память Сергѣя безъ отчаянія. Я говорилъ и въ прежнихъ моихъ письмахъ къ графинѣ и говорю теперь: первый бунтъ горя о потерѣ Сергѣя утихнетъ въ немъ; изъ этого горя выйдетъ религія. Такъ оно и выходитъ! Радуйся этому направленію и иди съ нимъ вмѣстѣ.

Пора тебѣ знать самого себя, пора тебѣ перестать предаваться своему воображенію. Въ своей судьбѣ такъ много существеннаго бѣдствія; на что прибавлять къ нему мечтательное? А ты произвольно стараешься все увеличить, произвольно тревожишь себя! Ты часто тревожилъ Сергѣя, теперь тоже дѣлаешь съ Николаемъ. Тогда удвоивалъ собственные страданія и теперь ихъ удваиваешь. Это, право, тебя недостойно. Неужели изъ несчастія не выйдетъ для тебя нравственной пользы? Посмотри, сколько пользы извлекъ изъ него уже Николай. И самая тоска его по Сергѣѣ есть новое совершенство души его: эта тоска уступить наконецъ лучшему, возвышеннѣйшему чувству! И это будетъ, ибо онъ надъ собою работаетъ: онъ не даромъ сказалъ, что совѣсти довольно для того, чтобы умереть, но жить нельзя безъ достоинства. И горе имѣетъ свое достоинство. Я ему вѣрю. Желалъ бы столько же вѣрить тебѣ. Желалъ (бы), чтобы ты на чемъ-нибудь одномъ остановился. Обстоятельствъ не перемѣнишь. По крайней мѣрѣ не вижу, чѣмъ и когда они могутъ перемѣниться. Что же? Биться головою объ стѣну? Уничтожить себя отчаяніемъ? Нѣтъ! Умъ размышленію, сердце небу, судьбѣ презрѣніе! Ты скажешь: легко

говорить! Нѣтъ не легко. Но другого дѣлать нечего—и такъ дѣлай! Это должность. И образецъ передъ тобою—твой братъ. Онъ радъ будетъ товарищу. И теперь пока это единственное ваше товарищество, единственно возможное ваше соединеніе.—Прости, прости! Я писалъ къ тебѣ, кажется, что *Козловъ* кончилъ свою поему. *Слѣпикъ* хотѣлъ бы выдать ее, но хочетъ прежде показать *Глазунову*. *Дашковъ* ее читалъ; онъ говоритъ, что доволенъ ея духомъ, но что историческое неудовлетворительно и не подѣйствуетъ на читателя. Всѣ думаютъ, что надобно подождать печатать, чтобы не напечатать даромъ и съ убыткомъ. Я въ послѣднемъ письмѣ приглашалъ тебя сюда. *Дашковъ* также зоветъ тебя. Но теперь, поговоривъ съ к(няземъ Г(олицынымъ)), думаю, что лучше погодить. Если бы ты рѣшился такъ путешествовать, какъ обязанъ для себя и для брата (прибавилъ бы: и для меня)!

Письма съ *Хлюстінымъ* я не получалъ, ни посылки.

СХХХV.

6 (18) Ноября (1827, Петербургъ).

Сейчасъ получилъ письмо твое отъ 30 Октяб(ря) изъ Парижа. Всѣ твои выписки ⁴⁾ суть для меня перлы. И такъ я не обманулъся. Это страданія, то-есть тѣ, о которыхъ ты пишешь ко мнѣ и о которыхъ рассказываетъ графиня, существуютъ только въ вашемъ воображеніи. Онъ страдаетъ, но не такъ, какъ вы думаете. Вы, право, передъ нимъ *Мирмидоны*! Онъ смотритъ на все свысока, со всѣмъ ладить и твердо поддерживаетъ на плечахъ то, чего съ нихъ нельзя сбросить. Право, надобно у него учиться цѣнить жизнь и съ нею возиться. Прошу тебя, займи у него твердости; если уже не хочешь ею облагородить своей жизни, потому что это такъ должно, то сдѣлай хотя это для того, чтобы не портить болѣе судьбы брата. Не упрямясь судить его по себѣ; не считай полезнымъ того лѣкарства, которое не по его натурѣ; онъ хочетъ нести судьбу свою одинъ, то-есть свободно,—не надѣйся же, что принужденіе, агитация и жертвы могутъ сдѣлать ему добро. Я самъ теперь начинаю думать, что, въ настоящемъ положеніи дѣлъ, твое присутствіе было бы для него болѣе вредно, нежели полезно. Ты былъ бы для него тоже, что былъ бы для *Сергѣя*, еслибъ я не случился между вами. Рѣшись сносить неизбежное такъ, чтобы твой несчастный братъ видѣлъ въ тебѣ товарища и помощника, а не страдальца, который только ему мѣшаетъ сладить съ судьбою, своимъ горемъ мучить его душу, напоминая ему о томъ, что онъ готовъ забыть, а изъ незабвеннаго, что можетъ и должно со временемъ обратиться въ тихую, полную надежды религію сердца, творить нѣчто губительное, отчаянное. Нѣтъ, братъ! Въ твердости его разсудка гораздо болѣе истинной человѣческой печали, нежели въ томъ, что тебя такъ жестоко мучить. Исправь свои понятія на его понятіяхъ. Скажешь: нельзя! А я скажу: можно, потому что должно. Однимъ словомъ, я радовался чтеніемъ послѣднихъ выписокъ: нахожу снова тоже, что

⁴⁾ Изъ писемъ Н. И. Тургенева.

меня умиляло въ первыхъ письмахъ, написанныхъ до нашей потери. Все для него теперь пришло въ ясность. Сергѣй перестаетъ быть потерянннмъ благомъ обыкновенной жизни; онъ переселился въ воспоминаніе, въ глубину души, въ религію! Мысль объ немъ летитъ туда, гдѣ онъ. Ужъ онъ не призракъ гробовой, отъ котораго страшно глядѣть на свѣтъ, а добрый духъ, который влечетъ за собою къ Богу, прямо, прямо туда, гдѣ все ясно, покойно, чисто. Я увѣренъ, увѣренъ, что Провидѣніе переселило эту чистую душу туда для того, чтобъ она съ этой высоты научила оставшагося, одинокого тому, что такъ достойно души его. Братъ горній научитъ небу брата здѣшняго; онъ для этого туда и отозванъ. Здѣсь онъ считался бы далеко отъ товарища и былъ бы для него предметомъ заботъ и безпокойства. А разлука все была бы таже, только разлука *земная* со всѣми страхами. Теперь разлука *небесная*, со всѣми прекрасными надеждами на безсмертіе тамъ и на товарищество нравственное здѣсь. И въ этой разлукѣ нѣтъ ничего безпокойнаго. Глаза не видятъ, да душа *вмѣстѣ!* А чтобъ она была истинно *вмѣстѣ*, то надобно жить съ достоинствомъ. Первая минута этой разлуки, конечно, должна была ошеломить; но теперь все приходитъ въ порядокъ, и онъ начинаетъ видѣть ясно. Это я чувствую, читая теперешнія выписки, и радуюсь душевно. Смотри на него моими глазами, вѣрь ему, онъ тебя не обманетъ, ибо онъ и въ горѣ прямодушень.

Вотъ письмо Жихарева. Къ нему пошлю твое.—Я писалъ на этой почтѣ и къ графинѣ.—О твоей арендѣ поговорю съ Булгаковымъ. Но я думаю нужна отъ тебя какая-нибудь довѣренность.хлопоты однако по этому дѣлу поручи Булгакову или Жихареву: я въ этомъ невѣжа и не буду умѣть ничего сдѣлать. — Прочитай мое письмо, писанное къ графинѣ. Ж.

СXXXVI.

20 Ноября (5) Декабря (1827, Петербургъ).

Вчера получилъ твои письма съ Хлюстинымъ; вложенное къ Жихареву отправилъ. Портреты и прочее отправлю съ кѣмъ-нибудь или оставлю у себя и приложу къ прочимъ бумагамъ твоимъ и книгамъ, кои хранятся у меня. На что тормозить ихъ и хлопотать о пересылкѣ? Почему всему этому не быть у меня? Хлюстинъ мнѣ очень понравился. Онъ напоминаетъ своимъ умнымъ лицомъ своего дядю; говорить пріятно и, кажется, со свѣдѣніями; хотеть быть дипломатомъ. Это, я думаю, теперь затруднительно. Ужъ и такъ слишкомъ много въ Иностранной Коллегіи. Я совѣтую избрать Министерства Внутреннихъ Дѣлъ или Просвѣщенія. Но надобно, чтобъ онъ былъ употребленъ пріятнымъ для него образомъ.

Въ отрывкѣ, присланномъ тобою, гдѣ говорится обо мнѣ, есть много для меня трогательнаго. У него ¹⁾ открылось теперь, кажется, какое-то дружеское, чувство ко мнѣ, котораго я не предполагалъ, а по письму графини вижу, что онъ его имѣлъ ко мнѣ и прежде. Но онъ до сихъ поръ или, лучше сказать, въ то время, когда могъ ви-

1) Н. И. Тургенева.

дѣть меня глазами, смотрѣлъ на меня какъ на какого-то потеряннаго въ Европейской сферѣ. Ни моя жизнь, ни мои знанія, ни мой талантъ не стремили меня ни къ чему политическому. Но когда же *общее дѣло* было мнѣ чуждо? Я не занимался современнымъ, какъ бы было должно—это правда, и теперь вижу, что мнѣ многого недостаетъ въ моемъ теперешнемъ званіи; ибо теперешнія занятія пожиралютъ все вниманіе, все сердце и все время. На высшее могу только заглядывать изрѣдка, урывками. А знакомство съ нимъ необходимо для вѣрности, солидности и теплоты идей. Я живу теперь для *одного* исключительно ²⁾ и одно только имѣю безпокойство, часто мучительное, хорошо ли сдѣлаю свое дѣло? Другихъ безпокойствъ нѣтъ никакихъ на счетъ себя, ибо ничего *себѣ* не ищу. По сію пору я почти ни съ кѣмъ не видѣлся здѣсь въ Петербургѣ. Время, время всего дороже. Но это мнѣ можетъ со временемъ повредить: отдалить слишкомъ отъ существеннаго, сдѣлаетъ чуждымъ современному и поселить въ характерѣ дикость, къ которой я и безъ того склоненъ. Видаю только Козлова, и то не часто. Манускриптъ его лежитъ у меня ³⁾. Я говорилъ о изданіи съ тѣми, кто знаетъ это дѣло, особенно съ Дашковымъ, Блудовымъ и также Слѣниннымъ ⁴⁾. Одно слово: теперь выдавать нельзя. Расположеніе читателя неблагопріятно этой поэмѣ. Духъ ея прекрасный—трогательно и разительно. Но историческая часть неудовлетворительна, и быть не можетъ удовлетворительна. Таково ихъ мнѣніе. Оно меня и останавливаетъ. Иначе я бы рѣшился издать отъ себя, но боюсь повредить Козлову. Какъ на это рѣшиться? Отдалъ поэмѣ Полетикѣ (онъ не знатокъ литературы, но имѣетъ здравый смыслъ и принимаетъ участіе въ Козловѣ); онъ говоритъ мнѣ, что я бы могъ рѣшиться на изданіе отъ себя, что онъ вреда Козлову не предвидитъ. Я въ этомъ случаѣ однако плана не дѣлаю. Представится случай благопріятный, воспользуюсь имъ и поступлю по вдохновенію минуты. Но этого ни предвидѣть, ни напередъ расположить нельзя.—Думаю о тебѣ съ грустію. Еще нѣтъ отъ тебя отвѣта ни на одно письмо мое. А я уже изъ Петербурга написалъ, кажется, пять писемъ. Я прошу тебя повѣрить мнѣ на счетъ Н(иколая). Кажется, что я его понимаю. Важнѣйшее для него будетъ, если ты будешь съ собою ладить. Ты слишкомъ мало берешь надъ собою воли; ты предаешься произвольно тому, что тебя страшитъ или бременитъ. Это, право, противно и твоему достоинству, и особенно твоей любви къ живому брату и памяти по мертвомъ. И слѣдствіе этого опутительно: ты падаешь духомъ. Должно ли же это такъ быть? Сравни себя съ другими въ этомъ же положеніи. Ты долженъ, долженъ владѣть собою: другаго спасенія нѣтъ! Это ты можешь; слѣдственно это должно быть. Помни одно: ненадобно прибавлять къ судьбѣ брата, въ которой есть для него утѣше-

---

²⁾ Жуковский имѣетъ здѣсь въ виду порученную ему обязанность наставника Великаго Князя Александра Николаевича.

³⁾ Въ письмѣ идетъ рѣчь о поэмѣ И. И. Козлова „Княгиня Наталія Борисовна Долгорукова“, которая была издана въ слѣдующемъ 1828 году.

⁴⁾ Книгопродавцемъ.

ніе, такого, что не оставляет уже никакого утѣшенія, то-есть твоего упадка, въ которомъ онъ долженъ будетъ *упрекать* себя.

Обними за меня графиню. Скажи ей, что я говорилъ съ Ламбертомъ, который усердно хлопочетъ по дѣлу ея. Нынче пишу ему, къ Жихареву.—Вотъ что пишетъ Жихаревъ о Киндяковѣ. Прилагаю выписку или самый отрывокъ. Сапогъ одинъ или два безъ колодки послалъ дней десять тому съ курьеромъ. Одинъ съ колодкою остался у меня. Ж.

СXXXVII.

27 Ноября с(тараго) ст(ила) (1827, Петербургъ).

По сію пору не имѣю отъ тебя никакого отзыва на мои къ тебѣ письма. Получаешь ли ты ихъ или нѣтъ, не знаю. Отдано ли письмо мое Корфу? Получилъ ли сапогъ? Получилъ ли другія письма? Для чего не скажешь ни слова? Твои всѣ получены. По крайней мѣрѣ многія. Я на послѣднія, полученные съ Хлюстинымъ, также, кажется, отвѣчалъ. Съ тѣхъ поръ ничего отъ тебя не имѣю. Желалъ бы, чтобы написалъ что-нибудь рѣшительное о томъ, что ты намѣренъ на первое время дѣлать. Думаю, что для твоего душевнаго спокойствія тебѣ всего лучше остаться долѣе въ Парижѣ: письма отъ брата будешь получать часто и скоро. Это для тебя главное.

Въ немногихъ словахъ скажу о себѣ: живу очень уединенно; всегда почти обѣдаю дома, изрѣдка бываю въ людяхъ, на это у меня опредѣленъ часъ послѣ обѣда, между 6 и 8. Остальное время за дѣломъ. У Карамзиныхъ обѣдаю по Воскресеньямъ. Всегда говорится о тебѣ. Третьяго дня обѣдалъ у Строганова; онъ для тебя совершенно *тотъ же*, каковъ былъ въ Дрезденѣ: нельзя не имѣть къ нему душевнаго почтенія; въ немъ много сердечнаго жара.

Я тебѣ ничего не сказывалъ о Пушкинѣ. Онъ давно здѣсь. Написалъ много. Третья часть Онѣгина вышла. Доставлю ее тебѣ съ Белизаромъ, который скоро ѣдетъ въ Парижъ (онъ заступилъ мѣсто Сень-Флорана)²⁾; также пришлю и вышедшія недавно сочиненія Баратынскаго. У Пушкина готовы и 4, 5 и 6 книги Онѣгина. Годуновъ превосходное твореніе; много глубокости и знанія человѣческаго сердца. Гдѣ онъ все это беретъ? Но боюсь, чтобы легкость писать не обратилась въ небрежность. Онъ часто позволяетъ себѣ быть слишкомъ прозаическимъ. Козлова поэма все еще не вышла. Третьяго дня я видѣлся съ *Слѣпнинымъ*, который сказалъ мнѣ, что покажетъ ее *Глазунову*; не знаю однако, будетъ ли *Глазуновъ*, съ коимъ онъ уже говорилъ, ею интересоваться. Онъ обѣщалъ дать ему манускриптъ и сказать, чтобы поговорилъ со мною. Но я уже говорилъ съ Глазуновымъ и сообщилъ ему, что думаю о поэмѣ и о поэтѣ. Не въ нихъ дѣло, а

---

¹⁾ Двѣ небольшія выписки (всего лишь четырнадцать строкъ) изъ этого письма приведены въ „Письмахъ Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу“, стр. 321—322, а отсюда перепечатаны въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 413—414.

²⁾ Белизаръ и Сень-Флоранъ—Петербургскіе книгопродавцы.

въ томъ, какое теперь расположеніе читателя. Оно неблагоприятное. Полетина говорить: *Печатай! Если выгоды не будетъ, то и невыгоды нельзя ожидать. Поэма хороша.* Я держусь Слевина. Онъ лучше всѣхъ можетъ пустить въ ходъ книгу. Но онъ, при всемъ доброжеланіи, не видитъ еще никакого способа. Вяземскій къ тебѣ пишетъ. Теперь письма не посылаю: слишкомъ велико. Онъ хочетъ, чтобы ты уговорилъ Толстаго быть корреспондентомъ его журнала ³⁾. Геро ⁴⁾ ему не нравится. Онъ писалъ къ тебѣ много разъ; видно, письма растерялись. Тебѣ надобно дать отъ себя Жихареву довѣренность, безъ чего дѣла твои здѣсь идти не могутъ. Но не знаю, какъ тебѣ рѣшиться дать довѣренность. Въ ней должно быть *изъяснено*, почему ты теперь единственный наслѣдникъ имѣнія своего. Безъ довѣренности же отъ тебя у Жихарева руки будутъ связаны, и онъ никакихъ порученій твоихъ исполнять не будетъ въ состояніи. Милой братъ, мнѣ больно это писать къ тебѣ; но что же дѣлать! Жихаревъ требуетъ, чтобы я написалъ. На что ты рѣшишься? А надобно рѣшиться для вашей же общей пользы.

Слѣдующее о графинѣ.

Если Ламбертъ дожидаться будетъ, чтобы къ нему высланы были деньги, то этого не дожидется. Дай ему знать, что нужно, дабы онъ далъ кому-нибудь въ Москвѣ довѣренность получить деньги, а вмѣстѣ съ тѣмъ (мѣ) поручилъ бы и заемный актъ, который послѣ долженъ быть надписанъ и возвращенъ графу Орлову. О накопившихся процентахъ хлопочу; *надѣюсь и страшусь*.

Я увижусь съ Ламбертомъ Скажи объ этомъ графинѣ.

Нашъ добрый Максимъ Ивановичъ ⁵⁾ кончилъ жизнь свою. Умеръ съ именемъ твоего отца и Ивана Владимір(овича) ⁶⁾ на языкѣ. Такъ пишетъ Жихаревъ, который закрылъ ему глаза. Оставилъ 30 копѣекъ мѣдью и нѣсколько книгъ. Пенсіонъ свой весь отдавалъ бѣднымъ. Это узнали послѣ смерти его.

Выписка изъ письма Жихарева о Корфѣ.

«Бумаги Корфа мы разсматривали. Его претензія справедлива. Правительство обязано пещись о уплатѣ. Множество примѣровъ, что правительство принуждено уплачивать деньги заграничнымъ кредиторами, за чѣмъ, по отношеніямъ графа Нессельроде, наблюдаетъ министръ юстиціи. Но надобно знать, имѣютъ ли наслѣдники, графъ и графиня, достаточно имѣнія на удовлетвореніе долга? Результатъ: имѣ-

---

³⁾ Т. е. „Московского Телеграфа“, издававшегося Н. А. Полевымъ и обязаннаго своимъ возникновеніемъ князю П. А. Вяземскому. Участіе князя въ „Московскомъ Телеграфѣ“ было, какъ извѣстно, главною причиною успѣха этого журнала. Корреспондентомъ журнала князь Вяземскій хотѣлъ имѣть Якова Николаевича Толстаго. Вѣроятно, ему принадлежатъ „Отрывки писемъ изъ Парижа“, помѣщенные, за подписью Я. Т., въ XVII части „Московского Телеграфа“, 1827 года.

⁴⁾ Не Геро ли („Нѣгацъ, издатель Бюллетеня“), о которомъ упоминается въ „Письмахъ А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 235 и 244?

⁵⁾ Невзоровъ.

⁶⁾ Лопухина.

югъ. Они вошли въ наслѣдство и обязаны удовлетворить должника ⁷⁾. Оставшагося послѣ Орлова имѣнія было бы довольно для уплаты рубль въ рубль, если бы не казенное взысканіе захватило все, движимое и недвижимое. Старой графъ ⁸⁾ упрямъ и остороженъ. Пока есть въ виду источникъ, изъ котораго можно платить долги сына, онъ едва ли согласится удовлетворить Корфа, особливо если сей послѣдній будетъ грозить законами. Пускай Корфъ лучше напишетъ къ нему жалобное письмо, задержитъ заживо его самолюбіе, вспомнить подвиги его брата (это необходимо, и ничто такъ не подѣйствуетъ, особливо объ Алексѣѣ), собственное его президентство въ Академіи Наукъ, честь его фамиліи, и напишетъ такъ, чтобы письмо имѣло видъ того, что онъ отдаетъ себя на произволъ его великодушія, а не полагаетъ его обязаннымъ платить долги сына, что увѣренъ въ его справедливости. Мы съ своей стороны его приготовимъ. Если же это не поможетъ, то примемся за Мятлеву; эта отвергнется не можетъ.

СХХVІІІ.

4 (17) Декабря (1827, Петербургъ) ¹⁾.

Удивительное дѣло! Ты только 12 Ноября получилъ первое письмо мос. И такъ ты не получилъ многихъ. Не понимаю, что дѣлается съ письмами. Ихъ читаютъ, это само по себѣ разумѣется. Но тѣ, которые ихъ читаютъ, должны бы по крайней мѣрѣ исполнять съ нѣкоторою честностію плохое ремесло свое. Хотя бы они подумали, что если уже позволено имъ заглядывать въ чужія тайны, то никакъ не позволено надъ ними ругаться и что письма, хотя читанныя, доставлять *должно*. Вотъ слѣдствіе этого проклятаго шпіонства, которое ни къ чему вести не можетъ. Довѣренность публичная нарушена; то, за что въ Англіи

---

⁷⁾ Описка; слѣдовало бы сказать: кредитора.

⁸⁾ Графъ Владимиръ Григорьевичъ Орловъ (р. 1743 † 1831), братъ князя Г. Г. Орлова и графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, былъ директоромъ Академіи Наукъ съ 1766 по конецъ 1774 года. Его сынъ, сенаторъ и дѣйствительный камергеръ графъ Григорій Владимировичъ Орловъ, умершій 13 Юля 1826 г., 49 лѣтъ отъ роду, долгое время жилъ во Франціи и Италіи вслѣдствіе болѣзни своей жены, имѣлъ значительные долги (см. Биографическій очеркъ графа В. Г. Орлова, составленный внукомъ его графомъ В. Орловымъ-Давыдовымъ (Спб. 1878), т. I, стр. 85—86 и 317, и т. II, стр. 294—295 и 299).

*

¹⁾ Первая половина этого письма приведена въ „Письмахъ Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу“, стр. 339—341, и отсюда перепечатана въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 414—415. Въ настоящемъ письмѣ Жуковскимъ сдѣланы ошибки при означеніи датъ по новому стилю; такъ онъ пишетъ: 4 (17) Декабря вмѣсто 4 (16); письмо, полученное имъ отъ А. А. Воейковой, помѣчено имъ 14 (27) числомъ (мѣсяць не означенъ).

²⁾ Предположенія Жуковскаго, что нѣкоторые его письма къ А. И. Тургеневу были перехвачены на почтѣ, оказались неосновательными. („Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 339).

казнять, въ остальной Европѣ дѣлается правительствами. А тѣ, которые исполняютъ подобныя законныя беззаконія, на нихъ не останавливаются, пренебрегаютъ прочитанными письмами и часто оттого, что печать худо распечаталась, уничтожаютъ важное письмо, отъ котораго часто зависитъ судьба частнаго человѣка. И хотя была бы кака-нибудь выгода отъ такой неправственности, обращенной въ правило! Что могутъ узнать теперь изъ писемъ? Кто ввѣритъ себя почтѣ? Что жъ выиграли, разрушивъ святыню—вѣру и уваженіе къ правительству? — Это бѣсится! Какъ же хотѣть уваженія къ законамъ въ частныхъ людяхъ, когда правительства все беззаконное себѣ позволяютъ? Я увѣренъ, что самый вѣрный хранитель общественнаго порядка есть не полиція, не шпионство, а нравственность правительства. Въ той семьѣ не будетъ безпорядка, гдѣ поведение родителей образецъ нравственности; то же можно сказать и о правительствахъ и народахъ. Une manière franche et généreuse d'agir est un signe et en même temps une garantie de la puissance. Les mesures, qu'on prend pour conserver la tranquillité, sont pour la plupart du temps la vraie cause des troubles; au lieu d'apaiser elles inquiètent! ³⁾ Но куда я забрался съ почтою! Все это для тѣхъ, кто разсудить за благо прочесть это письмо. Тебѣ же нечего мнѣ много рассказывать. Новаго ничего нѣтъ. Отъ Саши я получилъ письмо отъ 14 (17) изъ Ліона; слѣдовательно, она должна быть теперь уже въ Герѣ.

То, что пишешь о графинѣ, есть то, что я самъ думаю объ ней. Ея слишкомъ живое участіе къ Н(иколаю) не сходно съ его натурою; онъ чувствуетъ глубоко, но не любитъ высказывать своего чувства; онъ способенъ только писать объ немъ и именно потому далеко отъ всякой экзакраціи, что слишкомъ много имѣетъ истиннаго. Графиня соединяетъ много воображенія съ истиннымъ чувствомъ; поэтому она лучше издали и полезнѣе, чѣмъ вблизи. Она своимъ присутствіемъ разрушаетъ покой и порядокъ душевной. То добро, которое могло бы произвести ея нѣжное, искреннее, неподдѣланное участіе, уничтожается тою формою, которую оно принимаетъ. Николаю такого рода участіе должно было à la longue сдѣлаться нестерпимымъ; онъ ищетъ правила, твердости, ему нужно знать свое положеніе, безъ всякихъ украшеній, чтобы рѣшить умомъ, что ему дѣлать слѣдуетъ. Противъ смерти Сергѣя нѣтъ правила, ибо тутъ оторванъ кусокъ отъ души; но и для нея найдетъ если не лѣкарство, то замѣну, въ другомъ чувствѣ (ибо наше чувство лѣчится только чувствомъ). Противъ судьбы же личной ему надобно только ясно видѣть, ясно знать, рѣшиться и расположить жизнь по судьбѣ своей. На это онъ способенѣе многихъ. О будущемъ не смѣю ничего сказать. Для меня одно вѣрно: мое собственное убѣжденіе и моя готовность воспользоваться благоприятною минутою. Болѣе ни за что не ручаюсь. И онъ съ своей стороны дол-

---

³⁾ Т. е. открытый и великодушный образъ дѣйствій есть знакъ и въ тоже время залогъ могущества. Мѣры, предпринимаемыя для сохраненія спокойствія, по большей части, бывають истинною причиною волненій; вмѣсто того, чтобы умиротворять, онѣ возбуждаютъ безпокойство.

женъ поступать такъ, какъ бы не было ничего въ будущемъ. Ты же помогай съ своей стороны его твердости. Извлекай изъ жизни все то моральное добро, какое изъ нея извлечь можешь. Другаго нечего дѣлать. Итакъ воздерживай себя отъ лишней тревоги, если не для себя, то для брата. Обнимаю графиню.

Ты пишешь, что жалѣешь о порученіяхъ, которыя давалъ мнѣ. Надѣюсь, что ты понялъ, о какихъ порученіяхъ идетъ дѣло. О мелочныхъ, требующихъ хлопотъ и ѣзды; но важное, разумѣется, мое.

СXXXIX ¹⁾.

(Во второй половинѣ Декабря 1827, Петербургъ).

..... Но не объ этомъ ²⁾. Теперь слѣшу. Содержаніе моего тепершняго письма важное, хотя письмо короткое. Я могу тебѣ теперь по совѣсти дать совѣтъ, которымъ не боюсь *повредить* тебѣ: ты можешь ѣхать въ Лондонъ. На это напрасно ты требовалъ позволенія съ изъясненіемъ для чего ѣдешь: такого позволенія дать нельзя было; но тебѣ ѣхать не запрещено, и я теперь могу сказать тебѣ *рѣшительно*, ибо имѣю причину такъ говорить, что поѣздка твоя въ Лондонъ и твое свиданіе съ Николаемъ не сдѣлаютъ тебѣ никакого вреда, не произведутъ даже никакого дурнаго впечатлѣнія. Итакъ, поѣзжай...

CXL.

10 Января (1828, Петербургъ).

Ты вѣрно беспокоился, что такъ долго не получалъ отъ меня отвѣта на послѣднее письмо твое, принесшее мнѣ поразительное извѣстіе о нашей потерѣ ¹⁾. Мой немедленный отвѣтъ не могъ быть тебѣ нуженъ: что бы я сказалъ тебѣ? Какое бы утѣшеніе или облегченіе могли принести тебѣ мои строки? Я хотѣлъ сперва дѣйствовать, а потомъ писать. Письмо умиравшей графини ²⁾ произвело надо мною впе-

---

¹⁾ Печатаемая подъ этимъ номеромъ выдержка изъ письма Жуковскаго приведена въ письмѣ А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу отъ 18 Января 1828 года (см. „Письма Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу“, стр. 364—365), а оттуда перепечатана въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 415. Подлинное письмо Жуковскаго, изъ котораго приведена настоящая выдержка, не сохранилось между поступившими въ Имп. Публичную Библиотеку письмами его къ А. И. Тургеневу.

²⁾ Этой выпискѣ предшествуютъ въ письмѣ А. И. Тургенева къ брату слѣдующія строки: Милый братъ! Наконецъ, горизонтъ и для насъ свѣтлѣеть! Дружба Жуковскаго подѣйствовала. Для меня главное сдѣлалось: я могу быть съ тобою. Я почти счастливъ и спокоенъ на всю жизнь. Вотъ копія съ письма Жуковскаго. Досадуя на неполученіе (мнимое) мною писемъ его, онъ увѣдомляетъ о полученныхъ имъ отъ меня письмахъ и книгахъ и говорить“ [слѣдуетъ самая выписка].

*

¹⁾ О кончинѣ графини Генріеты Разумовской.

²⁾ Въ которомъ она высказывала свое убѣжденіе въ невинности Н. И. Тургенева.

чуждѣніе умиленное; это было не тяжелое, а возвышенное чувство. Жаль мнѣ тебя. Но разставаніе съ жизнью такъ, какъ разсталась она, есть счастье рѣдкое. Чувствовать душу свою въ минуту смерти, думать только о покидаемыхъ и за себя знать одно безсмертіе—что печальнаго въ такой смерти? Кого тутъ жалѣть, кромѣ тѣхъ, кто покинуты? И дѣйствительно, жалѣю только о тебѣ, о Гизд, о Николаѣ. Пришли мнѣ при случаѣ что-нибудь и(зъ) ея остатковъ. Жаль, что нѣтъ ея портрета. Возвращаюсь къ ея письму. Оно было для меня завѣщаніемъ, и я немедленно по немъ исполнилъ ³⁾. Не увѣдомилъ тебя тотчасъ, потому что не хотѣлъ тебя тревожить; думалъ, что буду имѣть сказать тебѣ что-нибудь положительное; но и по сію пору не имѣю ничего; хотя вообще думаю, что будетъ со временемъ полезно нашему дѣлу то, что теперь я сдѣлалъ. Я не приступалъ къ исполненію этого святаго для меня дѣла до сихъ поръ не для того, чтобы хотя минуту колебался, но для того, что тѣ, которые знали о немъ, думали, что полезнѣе подождать обстоятельствъ болѣе благоприятныхъ и вообще дать пройти времени, все усмиряющему времени. Ты же знаешь, что не на мнѣ лежитъ исполненіе. Я не могъ рѣшиться дѣйствовать; я думалъ, что могу менѣ другихъ произвести впечатлѣніе. Но послѣднимъ случаемъ, который такъ непредвидѣнно посланъ былъ Провидѣніемъ съ постели смертной, я не могъ не воспользоваться. Къ письму умирающей приложилъ мое и рукопись брата ⁴⁾, и отдалъ. Съ тѣхъ поръ отвѣта нѣтъ; но увѣренъ, что дѣйствія неблагоприятнаго не произведено. Теперь мнѣ болѣе дѣлать ничего не осталось; все должно вѣрить Провидѣнію и одному сердцу того, кто одинъ рѣшить можетъ ⁵⁾. На его умъ и сердце надѣяться можно, лишь бы самъ услышалъ голосъ говорящей за себя невинности. И я думаю, что онъ самъ услышитъ его; онъ самъ прочтетъ записку; и поэтому не можетъ онъ отвѣчать скоро: она долга, а у него времени мало. Пускай лучше это продолжится, нежели достанется въ другія руки. Въ своемъ письмѣ я сказалъ свое мнѣніе вообще такъ, какъ оно есть, не старался ни убѣждать, ни доказывать, ибо все должно быть предоставлено самому дѣлу и душѣ суди. Въ запискѣ все сказано. Въ ней живая правда, и эта живая правда должна сама за себя дѣйствовать. Получилъ ли ты мое послѣднее письмо, въ которомъ я писалъ тебѣ о возможности ѣхать къ Н(иколаю)? Я получилъ изъ первыхъ рукъ отвѣтъ на этотъ запросъ. Мнѣ сказано было, что позволенія, о которомъ ты просилъ, *дать* было невозможно, но запрещенія нѣтъ; и что ты *лично* можешь дѣлать въ этомъ случаѣ, что хочешь, не опасаясь навлечь на себя никакихъ неприємностей. Итакъ опять повторяю: поѣзжай! Отдохни подлѣ брата; вмѣстѣ придумаешь лучше, что дѣлать потомъ. Я увѣренъ, что, увидя его, ты болѣе успокоишься. Я доволенъ тѣмъ, что онъ къ тебѣ пишетъ. Онъ твердыми глазами смотритъ на жизнь и,

---

³⁾ Т. е. довелъ это письмо до свѣдѣнія Императора Николая Павловича (см. письмо къ нему Жуковского, напечатанное въ „Р. Архивъ“ 1895 г., выпускъ 8-й, стр. 519 - 520).

⁴⁾ Которая содержала подробное объясненіе поступковъ Н. И. Тургенева.

⁵⁾ Т. е. Государя.

кажется, познакомился съ смертію Сергѣя въ другомъ отношеніи. Изъ писемъ его ощутительно, что умъ его растетъ и представляетъ какую-то мужественность и ясность. Твои хлопоты и тревоги кажутся мнѣ мелочными при его возвышенномъ спокойствіи. Вообще, думаю, что тебѣ, для его же собственнаго спокойствія, нужно привыкать смотрѣть на его жизнь его глазами. Однимъ словомъ, повѣжай къ нему; и это тебѣ нужно болѣе для себя нежели для него. Не тревожь его, а научись у него быть безъ тревоги.

Вотъ тебѣ письмо Козлова и письмо Жихарева, которое у меня залежалось въ эти дни оттого, что я хотѣлъ послать его вмѣстѣ съ моимъ, а самъ ждалъ *материаловъ*. О Козловѣ скажу тебѣ, что онъ, наконецъ, *выдалъ свою поэму*. Я говорилъ объ ней съ Слѣнинымъ, которымъ вообще весьма доволенъ за его живое участіе въ Козловѣ; онъ далъ мнѣ добрый совѣтъ, которымъ я и воспользовался, то-есть, онъ сказалъ мнѣ, что не надобно вмѣстѣ съ поэмою выдавать *посвятительнаго письма*, которое совершенно не нужно. Поэма исполнена жизни и должна говорить сама за себя. Посвященіе же автора можетъ только вооружить противъ нея читателя, которому надобно оставить полную свободу судить по собственному впечатлѣнію, а автору не надобно подвергать себя этому игу. Я нашелъ мысль Слѣнина справедливою, и рѣшилъ выдать поэму безъ посвяtitельнаго письма. Я ошибся: письмо Козлова не къ тебѣ, а къ Сашѣ. Ты писалъ къ ней; она меня объ этомъ увѣдомляетъ, принимаетъ живое участіе въ твоемъ положеніи и въ нашей общей потерѣ. Но прошу тебя, не тревожь ее ничѣмъ: ея жизнь на волоскѣ. Кажется, однако, что ей климатъ въ пользу. Послѣднее письмо за нее весьма успокоиваетъ. Прости. Обнимаю тебя. Прошу тебя и требую уничтожить мои письма, посланныя къ Разумовской: въ нихъ много глупостей, которыя теперь мнѣ смѣшны и досадны.

Вотъ тебѣ наши новости. Одна веселая: Катенька Карамзина идетъ замужъ, но только не за меня, а за князя Мещерскаго, которой былъ женатъ на Румянцева дочери ⁶⁾. Сдѣлалось вдругъ. Они, кажется, очень довольны. Другая новость трагическая: князь Андрей Гагаринъ, который былъ женатъ на Меншиковой, зарѣзался ⁷⁾. Причины неизвѣстны. Полагають сумасшествіе, произведенное разстройствомъ обстоятельствъ и сплиномъ. У него всегда была голова бурная. А прогос: не слишкомъ хлопочи о учителѣ для Карамзиныхъ. Имъ не нуженъ такой, который бы былъ главнымъ; это все останется у Тибо. Имъ надобенъ такой, который бы занялся наставленіемъ по нѣкоторымъ частямъ, не вступаясь въ воспитаніе. Но, признаюсь, чего имъ хочется—для меня не ясно.

---

⁶⁾ Дочь исторіографа, Екатерина Николаевна Карамзина вышла замужъ за князя Петра Ивановича Мещерскаго, который первымъ бракомъ былъ женатъ на воспитанницѣ графа Сергѣя Петровича Румянцова Екатерины Сергѣевнѣ Кагульской.

⁷⁾ Шталмейстеръ князь Андрей Павловичъ Гагаринъ (женатый на княжнѣ Екатеринѣ Сергѣевнѣ Меншиковой) умеръ 7 Января 1828 года.

СХЛІ.

(Въ срединѣ Января 1828, Петербургъ).

Милый! Давно нѣтъ отъ тебя письма. Гдѣ ты? Надѣюсь, что послѣдовалъ моему совѣту и уѣхалъ въ Лондонъ. Если нѣтъ, то опять говорю: поѣзжай ¹⁾. Мнѣ необходимо знать тебя тамъ. Мнѣ кажется, что ты много успокоился на счетъ брата, повидавшись съ нимъ не однимъ воображеніемъ. Жду нетерпѣливо отъ тебя письма изъ Лондона. Пишу тебѣ мало для того только, чтобы написать что-нибудь. Посылаю письмо Вяземскаго. У меня лежитъ для тебя экземпляръ Сѣверныхъ Цвѣтовъ; но не знаю, когда пошлю; надобно съ курьеромъ; но я всегда узнаю о курьерахъ, когда они уже давно уѣхали. Жихаревъ пишетъ, что Орловъ былъ уже нѣсколько наклоненъ платить Корфу; но что ему кто-то сказалъ, что Корфъ грозился просить правительство и онъ заупрямился. Какъ это сдѣлалось, не знаю. Прости. Пиши скорѣе. Увѣдомь, получилъ ли письмо Жихарева.

Адресъ: France. A monsieur m-r Alexandre Tourgueneff. A Paris. Poste restante. Почтовые штемпеля: 1) St.-Petersbourg 1828 Janv. 24, 2) Memel 10 Febr.; 3) 22 Février 1828.

СХЛІІ.

4 (16) Февраля (1828, Петербургъ).

Всѣ твои письма, посланныя съ Ломоносовымъ и прежде, я получилъ. Все послалъ къ Жихареву и то, что къ нему прямо, и то, что ко мнѣ, дабы одно читалъ, другое сообщилъ Вяземскому и потомъ берегъ, а прочее мнѣ возвратилъ. О тросточкахъ я не знаю, какъ хлопотать; Мевъшенинъ былъ у меня безъ меня; не оставилъ мнѣ своего адреса, я не знаю, кто онъ, гдѣ онъ и какъ его отыскивать. Книги Меріану ¹⁾ куплю и если найдется случай, припшлю; но право не знаю, какъ прислать квартанты?

Твои письма очень любезны; какая бездна предметовъ, и интересныхъ предметовъ, проходить передъ глазами твоими! Читая эти письма, не могу однако, какъ ни жаль мнѣ, не подумать, что время несчастія есть время и посѣва, и жатвы для души человѣческой. Какъ много развернулось въ твоей въ послѣднее время! А что иное жизнь, какъ не безпрестанное развитіе? Все шелуха, кромѣ этого. Думаю, съ благоговѣніемъ о несчастіи, читаю выписки изъ писемъ Николая. Въ моей жизни гораздо менѣе движенія. Я не почитаю себя ни счастли-

---

¹⁾ А. И. Тургеневъ уѣхалъ изъ Парижа въ Лондонъ на свиданіе съ братомъ послѣ 3 Февраля 1828 г. (см Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу, стр. 389—390).

*

¹⁾ Баронъ Андрей-Адольфъ-де-Меріанъ (Merian) родился въ Базелѣ 1772 году; въ молодости онъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ поступилъ на службу въ Министерство Иностран-ныхъ Дѣлъ и былъ неоднократно посылаемъ съ дипломатическими порученіями во Францію. Умеръ онъ въ Парижѣ въ 1828 году. Меріанъ издалъ нѣсколько трудовъ по еянологіи въ сотрудничествѣ съ известнымъ ориенталистомъ Клапротомъ.

вымъ, ни несчастливымъ; у меня есть должность, я живу для ея исполненія. Вотъ мое средство приближаться къ цѣли жизни. У васъ есть ваша. Но цѣль одна, и результатъ долженъ быть одинъ. Съ средствами, которыя посланы Николаю для души его Провидѣніемъ, я, можетъ быть, бы не сладилъ: они слишкомъ для меня сильны; но ему они по силамъ. Я право не обманулся; онъ, кажется, теперь добрался или скоро доберется до той высоты, на которой я надѣялся его увидѣть. Смерть Сергѣя была та сила, которая подняла его на нее: горе по немъ стало тихою религіею сердца. Я надѣюсь, что, увидя его, ты будешь на его счетъ покойнѣе. И почему боишься ты говорить о Сергѣѣ? Говорите объ немъ, какъ о живомъ, ибо онъ живъ, и для васъ живѣе прежняго, ибо спрятанъ отъ житейскаго въ неприступное. Я бы желалъ, чтобы вы вмѣстѣ рѣшили что-нибудь на твой счетъ: отдайся въ этомъ случаѣ на волю Николая.

На счетъ манускрипта ²⁾ я ничего не знаю. Онъ въ рукахъ того, кому одному можно судить ³⁾. Я увѣренъ, что онъ будетъ прочтенъ и безъ предубѣжденія. Но когда получу отвѣтъ, не знаю. Во всякомъ случаѣ долженъ *ждать* отвѣта. Чтò *думаю* самъ, то сказалъ просто, но въ не многихъ словахъ, ибо рукопись говоритъ сама за себя лучше всѣхъ доказательствъ постороннихъ.

Прости. Вотъ письмо отъ Козлова.

СХLIII.

27 Февраля с(тараго) с(тиля) (1828, Петербургъ).

Твое письмо, милой, бѣдный другъ, было для меня весьма, весьма огорчительно. Я долженъ былъ ожидать, что твое свиданіе съ Николаемъ будетъ печально; но полагалъ, что оно будетъ для него и отрадно. Теперь боюсь, чтобы твое присутствіе не сдѣлалось для него столь же тягостнымъ, какъ присутствіе графини Разумовской. Онъ съ собою одинъ ладитъ; но чужое участіе, чье бы оно ни было, хотя бы отца роднаго, выводитъ его изъ того твердаго спокойствія, къ которому одному онъ стремится. Каково же ему будетъ видѣть тебя близъ себя страдающаго его несчастіемъ, которое для него одного сносно и дѣлается истиннымъ бременемъ только по той тягости, которое оно имѣетъ для другихъ! Надѣюсь, однако, что, обжившись вмѣстѣ, вы на этотъ счетъ объяснитесь. Выдетъ одно изъ двухъ: или ему сдѣлается легко видѣть тебя подлѣ себя, и ваше *вмѣстѣ* поможетъ ему еще болѣе прийти въ порядокъ; или ты убѣдишься, что ему лучше одному, и тогда рѣшишь поступить не въ своемъ, а въ его смыслѣ, то-есть сдѣлать то, чтò ему, а не тебѣ нужно. Для тебя главное онъ, а не ты. Надѣюсь, однако, что, поживши вмѣстѣ, вы все приведете въ ясность, то-есть мужественно рѣшитесь на необходимое. И въ этомъ случаѣ боюсь только тебя; Николай твердъ самъ, одинъ, безъ чужой помощи.

²⁾ Записки Н. И. Тургенева.

³⁾ Т. е. Государя.

Пошатнуть его можетъ только твоя слабость. Ты будешь тревожить его своимъ воображеніемъ, которое къ настоящему будетъ присоединять возможное и несуществующее. Ты будешь повѣрять его чувство своимъ и исказишь это чувство, ибо и его самого заставишь нѣкоторымъ образомъ смотрѣть на свою участь твоими глазами. Берегись этого. Вѣрь ему. Не убей теперъ его лучшаго—его силы душевной. Я и не ожидаю другой между вами встрѣчи. Видѣть тебя есть снова оживить умершаго и въ тоже время чувствовать, что его нѣтъ. Какъ все должно было потрястись и заволноваться въ его душѣ при взглядѣ на тебя, при страшномъ, убійственномъ приливѣ всего прошедшаго! Но я увѣренъ, что все, разрушенное свиданіемъ, опять построится въ душѣ его, если только ты не будешь тревожить строителя. Помни Сергѣя. Мы не спасли его. Но чтó былъ бы онъ въ Дрезденѣ, если бы съ нимъ былъ ты одинъ, и чтó бы было съ самимъ тобою? Ты меня мучилъ часто своею къ нему нѣжностію, которую безпрестанно *изъявлялъ*, а это изъявленіе было безпрестаннымъ напоминаніемъ. Тебѣ не должно воздерживаться говорить съ братомъ о его судьбѣ—но чтó это съ нимъ! Говорите объ ней, какъ объ томъ, чтó ниже васъ! Стройте изъ этихъ развалинъ сильною рукою то, чтó высокая душа человѣческая должна изъ всего строить! Одно для васъ невозвратно—Сергѣй! Но для него есть религія! Она говоритъ объ немъ лучше, нежели глаза, которыя видятъ только лицо, и сердце, которое, любя, теряетъ. Однимъ словомъ, будь *имъ* и рѣшись подняться на *его* высоту, а не увлекай его къ себѣ, въ твою слабость. Время теперешней твоей жизни можетъ быть для тебя истинно великимъ. Я этого иначе и представить не умѣю. Чтó же всѣ высокія мысли, всѣ высокія чувства, которыя насъ такъ плѣняютъ въ минуты мирныя, когда мы не будемъ умѣть принаравливать ихъ къ собственной участи! Если бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, я бы думалъ только объ одномъ, какъ бы вмѣстѣ съ нимъ выучиться смотрѣть на жизнь съ настоящей точки зрѣнія, какъ бы закалить душу противъ всего житейскаго.

Удивляюсь, какъ ты не получилъ моихъ писемъ. Я писалъ два раза послѣ смерти гр(афини) Разумовской и увѣдомлялъ тебя, что я свое сдѣлалъ все. Отдалъ манускриптъ съ письмомъ, въ которомъ коротко сказалъ, чтó самъ думаю. Распространяться было не должно, ибо высказано въ рукописи. Я увѣренъ, что она будетъ прочтена; но прочтена ли уже, не думаю, ибо мнѣ никакого отвѣта не было. А моя обязанность ожидать съ довѣренностію. Случаевъ говорить не имѣю; почти не вижу; а при минутныхъ встрѣчахъ говорить нельзя; теперъ же и не должно. Надобно ждать. Понимаю твое нетерпѣніе; но ты долженъ понять и мои обстоятельства. Чтó могу иное сдѣлать, кромѣ того, чтó уже сдѣлано? Никого изъ постороннихъ вводить въ это дѣло не должно. Самый лучший и самый надежный судья Онъ ¹⁾. Его душѣ, въ которой много истинно высокаго и прекраснаго, надобно все предоставить. Мое же дѣло сказать тогда, когда будетъ можно, то, чтó я думаю, и это я скажу свободно. Карамзины къ тебѣ пишутъ. Письмо у меня. Не посылаю его потому, что огромно. Послѣ пришло съ курь-

¹⁾ Т. е. Государь.

еромъ. Ты же напиши къ нимъ. Обнимаю Николая съ глубокимъ чувствомъ почтенія и дружбы.

У насъ завтра погребеніе. Княгиня Ливень скончалась ²⁾. Объ Сашѣ имѣю очень хорошія извѣстія

На приложенномъ къ этому письму небольшомъ листкѣ бумаги находится слѣдующая приписка:

Вотъ еще испытаніе твоему сердцу. Милой другъ, необходимости покориться должно. Подпиши скрѣпя сердце и пришли ³⁾. Хорошо бы съ курьеромъ на имя Бугакова.

CXLIV.

13 Марта (1828, Петербургъ).

Не понимаю, что дѣлается съ моими письмами. Я писалъ къ тебѣ три раза послѣ смерти гр(афини) Разумовской, не считая того письма, о которомъ ты упоминаешь въ твоёмъ послѣднемъ. Я долѣе обыкновеннаго не отвѣчалъ тебѣ на увѣдомленіе твое о смерти гр(афини) Разумовской, ибо хотѣлъ отвѣчать что-нибудь позитивное, немедленно исполнивъ ея завѣщаніе и ожидая, что послѣдуетъ. Наконецъ первое письмо къ тебѣ отправилъ для вѣрности на имя барона Меріана, адресовавъ его къ Шредеру; другое писалъ просто въ Парижъ, полагая, что, если ты уже и поѣхалъ въ Лондонъ, то оставилъ на почтѣ записку о пересылкѣ своихъ писемъ; наконецъ третье письмо отправилъ въ Лондонъ съ надписью Poste Office; послѣднее же писалъ по твоему присланному мнѣ адресу. Увѣдомъ, прошу тебя, немедленно, получены ли эти письма. На всякій же случай вотъ содержаніе первыхъ, не полученныхъ тобою. И письмо гр(афини) Разум(овской), и манускриптъ брата были отданы мною при собственномъ письмѣ моемъ, въ которомъ, сказавъ коротко свое мнѣніе, то есть, что я совершенно убѣжденъ въ невинности брата, я просилъ только одного, чтобъ манускриптъ былъ прочтенъ весь въ оригиналѣ, а не въ выпискѣ. Гр(афъ) Стр(огановъ) отсвѣтовалъ мнѣ подавать письмо брата ¹⁾, полагая, что рукопись одна подѣйствуетъ лучше. Я видѣлъ Г(осударя) черезъ два дня послѣ; то есть только съ нимъ встрѣтился. Онъ мимоходомъ сказалъ мнѣ: *«читалъ маленькое; но, признаюсь, не убѣжденъ»*. Что *маленькое?* Письмо ли Разумовской, *таблицу* ли, приложенную въ концѣ оправданія,—не знаю. Я пошелъ за нимъ, хотѣлъ продолжать разговоръ, но не было никакой возможности. Онъ шелъ скоро и вошелъ въ двери къ Императрицѣ, передъ которыми случилась наша

---

²⁾ Статсъ-дама княгиня Шарлотта Карловна Ливень, скончалась 24 Февраля 1828 года.

³⁾ Рѣчь идетъ, по всему вѣроятію, о довѣренности по имущественнымъ дѣламъ, которую А. И. Тургеневъ долженъ былъ дать С. П. Жихареву и въ которой должно было быть объяснено, почему А. И. Тургеневъ является единственнымъ наслѣдникомъ имѣнія (см. выше, письмо отъ 27 Ноября 1827 года).

*

¹⁾ Это письмо Н. И. Тургенева къ Императору Николаю Павловичу напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1895 года, вып. 9-й.

встрѣча. Съ тѣхъ поръ онъ не говоритъ ни слова, хотя я и много разъ съ нимъ встрѣчался. Не знаю, прочиталъ ли онъ все; но весьма па- дѣюсь, что прочтетъ. Напоминать ему нельзя; надобно оставить все на волю его здраваго ума и его сердца. Я понимаю твое нетерпѣніе, и оно мучить меня; но не имѣю способа помочь намъ. И лучше на- добно видѣть положеніе дѣла такъ, какъ оно есть, нежели тревожить себя ожиданіемъ несбыточнаго. Вотъ что мнѣ говорятъ: «Н(иколай) не можетъ быть иначе оправданъ, какъ судомъ. Какой же судъ можетъ уничтожить приговоръ верховнаго суда? Надобно, чтобы для уничто- женія этого приговора былъ наряженъ такой же точно судъ, а чтобы приговоръ могъ быть уничтоженъ, надобно, чтобы братъ явился передъ судомъ и опровергнуть показанія на очной ставкѣ съ обвинителями. Но главныхъ обвинителей нѣтъ на свѣтѣ; обвиненія же Пестеля п Рыльева (это слова Д(а)шкова) не опровергнуты въ рукописи Н(ико- лая). Показаніе Пестеля было только не *подтверждено* двумя, но оно ими не было *отвергнуто*; все остается обвиненіе въ томъ, что Н(ико- лай) присутствовалъ на совѣщаніи. Отсутствие же по показанію Ры- льева также не доказано Н(иколаемъ); ибо нѣтъ нигдѣ, чтобы Торсонъ²⁾ былъ принятъ въ 1825 году». (Я старался найти это мѣсто въ Доне- сеніи Коммисіи и не нашелъ. Выпиши его мнѣ. Напрасно оно не было приведено въ оправданіи). «Итакъ остается одно несомнѣнное изъ самаго дѣла, что судъ приговорилъ Н(иколая) къ большому нака- занію. Но судъ принялъ неявку за главное доказательство преступле- нія, и на это есть у насъ законъ».—Вотъ что я слышу. Теперь во- просъ: Что мнѣ дѣлать? Что отвѣчать Г(осударю), ес(ли) спросить: *чего желаетъ Н(иколай)*? Могу ли сказать: *суда?* Кто же долженъ судить? И съ кѣмъ должна быть очная ставка? Могу ли просить, чтобы безъ всякаго суда основаться на одномъ письменномъ оправданіи, и не требуя, чтобы Н(иколай) явился, признать написанное имъ за полное опроверженіе всѣхъ показаній, и уничтожить приговоръ суда верховнаго? Для меня его оправданіе совершенно убѣдительно; но для меня: ибо я знаю характеръ его и вѣрю здѣсь своему внутреннему чувству. Можно ли ожидать этого отъ Г(осударя)? Итакъ Г(осударь) по одному письменному оправданію не уничтожить приговора; а но- ваго суда, если бы и хотѣли, наряжать нельзя, ибо гдѣ обвинители? Что же остается? Доказавъ, что наказаніе выше преступления (что возможно, ибо это очевидно), просить милости. Захочетъ ли Н(иколай) просить милости, чувствуя себя вполнѣ невиннымъ? А это одно, чего просить можно, по мнѣн(ію) Д(ашкова) и Спер(анскаго).—Вотъ résumé того, что говорили мнѣ искренно желающіе добра Н(иколаю). Съ той минуты, въ которую я прочиталъ его письмо, моя вѣра въ него не поколебалась; но могу ли я эту вѣру передать тѣмъ, кто долженъ су- дить его, и можно ли надѣяться, чтобы они ее имѣли? Я сдѣлалъ все, что было въ моей власти. Въ дополненіе могу только продолжать

²⁾ Декабристъ Торсонъ былъ елота капитанъ-лейтенантъ и адъютантъ начальника Морскаго Штаба.

утверждать на словахъ то, чему вѣрю въ сердцѣ; но ты понимаешь, что мое убѣжденіе не можетъ имѣть никакого вѣса. Обстоятельства непобѣдимы. Намъ остается одно надежное: сердце Государя. Надобно дать ему свободу. Но самъ суди: могу ли что-нибудь ускорить, и что ускорить? Это письмо огорчитъ тебя; но я долженъ былъ написать его, ибо надобно видѣть вещи такъ, какъ онѣ есть. Признаюсь, съ самага пріѣзда моего сюда, надежда, которую имѣли мы вмѣстѣ, упала совершенно. Мы надѣялись того, чего желали, основывая надежду свою на нашей сердечной вѣрѣ. Здѣсь, въ виду обстоятельствъ, эта надежда исчезаетъ. Отвѣчай мнѣ на этотъ вопросъ: *чего требуютъ отъ Государя?* Но отвѣчай опредѣленно, не стараясь ни въ чемъ убѣждать меня, ибо мнѣ убѣжденіе ни въ чемъ не нужно: я его имѣю.

Прошу тебя заплатить за меня Варѣ по счету моему съ нимъ 250? франковъ ³⁾; я ему долженъ за книги, купленные для себя. Здѣсь я перешлю деньги къ Жихареву; онъ доставитъ ихъ тебѣ съ первою посылкою денегъ. Я уже писалъ къ тебѣ съ прошедшею почтою ⁴⁾, что Жихаревъ знаетъ о недоставленіи тебѣ послѣдняго транспорта денегъ. Это не должно тебя беспокоить. Онъ самъ расположилъ посылки такимъ образомъ, чтобы послѣднее посылалось всегда по увѣдомленіи, что первое получено. Это мѣра осторожности. Я здоровъ; но не знаю, удержится ли? Воюю самъ тревоги, чтобъ она не произвела старой.—Возьми съ Варѣ росписку. Скажи ему, что послѣдній транспортъ книгъ Великому Князю полученъ. Какъ хочешь онъ, чтобы была уплата, по истеченіи ли года за всѣ посылки, или при всякой посылкѣ?

CXLV.

21 Марта (1828, Петербургъ).

Посылаю тебѣ, мой милый другъ, письмо Жихарева. Я давно уже послалъ тебѣ одно. Не знаю, получилъ ли его ты. Мое послѣднее письмо, вѣрно, тебя огорчило. Воюю этого и грущу. Опять повторяю; надежды у меня немного, но ты увѣренъ и безъ меня, что я не упущу случая благоприятнаго. Мнѣ кажется, что мы успѣшили. Надлежало бы выждать; но то, что сдѣлаю, не повредило, я въ этомъ увѣренъ. Оно заронило доброе сѣмя. Когда будетъ отъ него какой-нибудь плодъ, не знаю. Знаю только то, что я своего не пропущу. Въ настоящую же минуту надобно просто терпѣть, ибо нѣтъ никакой возможности что-нибудь сдѣлать.

Теперь слово о твоёмъ пребываніи въ Лондонѣ. На что ты рѣшился? Неужели хочешь навсегда остаться въ Лондонѣ? Но будетъ ли это по сердцу брата? Смотри, другъ, не прибавь къ его бѣдѣ чего-нибудь новаго. Будь остороженъ! Чтобы онъ не уѣхалъ въ Америку!

³⁾ Вопросительный знакъ поставленъ самимъ Жуковскимъ.

⁴⁾ Этого письма Жуковского не сохранилось въ его бумагахъ, поступившихъ въ Императорскую Публичную Библиотеку.

Тебѣ надобно не только его беречь, но и себя для него. Не надобно разрывать съ Россією. Это пригодится для брата. Мнѣ кажется, что со временемъ надобно будетъ тебѣ сюда возвратиться. *La glace est rompue* ¹⁾. Ты можешь, если мнѣ не удастся, сдѣлаться адвокатомъ за брата передъ Государемъ. Эта роль тебѣ прилична. И такъ не дѣлай никакого неосторожнаго шага, чтобы не положить преграды твоему сюда возвращенію. Ты напрасно не показывался къ послу. Этимъ брата тебѣ оскорбить нельзя; но тебѣ самому необходимо нужно сохранить всѣ приличія. Прости. Я спѣшу отправлять письмо. Буду писать къ тебѣ по почтѣ. Это поѣдетъ съ курьеромъ. Посылаю «Сѣверные Цвѣты». Обнимаю Николая. Надѣюсь скоро увидѣться съ Жихаревымъ. Онъ собирается въ Петербургъ.

CXLVI.

6 (18) Апрѣля (1828. Петербургъ).

Наконецъ ты получилъ мои письма, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя. Кажется, ты не упоминаешь о томъ, которое было къ тебѣ писано прямо въ Лондонъ, безъ адреса, съ надписью *Poste Office*. Ему бы, кажется, не слѣдовало пропадать. Одного ты совсѣмъ не получишь, какъ я думаю, или получишь, но не скоро. Оно отправлено съ курьеромъ, и я, въ недоумѣніи отъ того, что дѣлалось съ письмами, которыя, казалось, пропадали, адресовалъ его на имя Горчакова, предполагая, что Горчаковъ въ Лондонѣ; а Горчаковъ въ Римѣ ¹⁾. Это письмо поидетъ къ нему въ Римъ. Напиши къ князю Гагарину ²⁾, чтобы доставилъ, ибо я послалъ «Сѣверные Цвѣты». Петръ Александровичъ Лихачевъ собирается въ чужіе края и, вѣроятно, будетъ въ Лондонѣ; съ нимъ пришло что будетъ можно изъ книгъ. Насчетъ писемъ и всего, посланнаго тобою мнѣ, не безпокойся: все получено. Что надобно было послать Жихареву, отослалъ; Вяземскому также. Книги же, тобою посланныя изъ Дрездена и Парижа съ кипами разныхъ бумагъ, хранятся у меня въ порядкѣ и, конечно, не пропадутъ. У меня теперь мѣста довольно.

Наконецъ ты знаешь, что мною сдѣлано. Но мнѣ тяжело то, что это сдѣланное даетъ тебѣ какую-то излишнюю надежду, которая тебя тревожитъ. У меня, напротивъ (должно говорить прямо), нѣтъ надежды, по крайней мѣрѣ надежды на то, что казалось намъ такъ простымъ, когда мы были вмѣстѣ и смотрѣли на наше дѣло глазами нашего сердечнаго желанія и нашего собственнаго убѣжденія. Во первыхъ, скажу, что и благоразуміе, и собственно польза нашего дѣла, и мнѣніе на-

---

¹⁾ Дѣло пошло въ ходъ.

²⁾ Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ (впоследствии канцлеръ), бывший первымъ секретаремъ посольства въ Лондонѣ, былъ переведенъ на такую же должность въ Римъ.

³⁾ Князю Григорію Ивановичу Гагарину, посланнику въ Римъ, сотоварищу Жуковскаго и Тургенева по Московскому Благородному Пенсіону.

шихъ общихъ друзей совѣтуютъ мнѣ ничего не дѣлать болѣе того, что мною уже сдѣлано, то-есть оставить все на произволъ самого Государя; ничего нельзя прибавить къ тому, что сказано самимъ братомъ; убѣждать же бесполезно: его умъ и сердце сами скажутъ ему, что дѣлать. Но, и при самомъ лучшемъ расположеніи въ пользу брата, что можетъ онъ сдѣлать? Сказать: *«вижу изъ оправданія, что есть много вѣроятностей въ пользу невинности; согласенъ, чтобы все было разсмотрѣно снова особенною коммиссіею; пускай онъ явится къ отвѣту»*. Безъ суда же, заочно, по одной бумагѣ, оправданія ожидать нельзя. Для этого нужно Государю имѣть твое и мое убѣжденіе, котораго онъ никогда имѣть не будетъ. Но и въ такомъ случаѣ едва ли бы можно было миновать суда. Это могло бы быть только тогда, когда бы онъ, прочитавъ, убѣдился въ томъ, въ чемъ мы съ тобою убѣждены совершенно. Но я еще не знаю, прочиталъ ли онъ. Мнѣ не сказалъ онъ ни слова. Вѣроятно прочтены имъ таблицы. Вотъ единственное слово, мною отъ него слышанное. На другой день послѣ того, какъ бумага брата была отдана съ моимъ письмомъ и съ письмомъ гр(афини) Р(азумовской), я съ нимъ встрѣтился. Увидя меня, онъ сказалъ: *«я прочиталъ маленькое; но, признаюсь, не убѣжденъ»*. Я не успѣлъ сказать ему ни слова; онъ шелъ скоро къ Государынѣ, и съ тѣхъ поръ я не имѣлъ случая коснуться этой матеріи. Но что разумѣлъ онъ подъ словомъ *маленькое*—письмо ли Разумовской, или таблицу брата,—не знаю, и нѣтъ средства выйти изъ этого недоумѣнія. Я не могу сказать ничего сильнѣе сказаннаго въ бумагѣ брата; моему же убѣжденію не повѣрятъ. И что бы я ни сказалъ, благопріятнѣйшій отвѣтъ все былъ бы одинъ: пускай явится къ суду и оправдывается самъ. Я увѣренъ только въ одномъ, что я непременно воспользуюсь первымъ благопріятнымъ случаемъ, который представится. Но какой случай представится и когда представится, этого сказать тебѣ не сумѣю. Дѣйствовать опрометчиво, *presser les choses* ³⁾, было бы не только бесполезно, но и вредно. То, что ты мнѣ велишь сказать кн. Г. ⁴⁾, доказываетъ мнѣ только то, что ты самъ былъ бы худой ходатай за брата. Какъ могу все это сказать ему? И какая можетъ быть отъ этого польза? Я бы только вооружилъ его противъ брата. Дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы мнѣ что-нибудь *сказать*, а въ томъ, чтобы *сдѣлать* полезное. Къ этому теперь не вижу средства. Думаю, что *сдѣланное* положило какое-нибудь хорошее основаніе для будущаго. Лучшее же, чего ожидать можно, можетъ быть только то, *что онъ будетъ имѣть со временемъ свободу жить въ Европѣ, идъ захочетъ*. Для возвращенія въ Россію нужно законное, всенародное оправданіе. Прощенія желать ему нельзя. Оправданія же по одной моей бумагѣ, и въ отсутствіи, безъ суда, онъ не получитъ. Таково общее мнѣніе всѣхъ, кто принимаетъ живое въ немъ участіе. Мнѣ неизгъяснимо тяжело все это писать къ тебѣ, но я не долженъ ласкать тебя несбыточнымъ. Надобно смотрѣть на обстоятельства во всѣ глаза и видѣть то, что есть.

³⁾ Т. е. Ускорять ходъ дѣла.

⁴⁾ Князю А. Н. Голицыну, черезъ котораго Жуковскому довелось много сдѣлать добра П. Б.

Ни въ какой власти побѣдить эти обстоятельства. Надобно только стараться, чтобы они не побѣдили нашей твердости. То, что ты пишешь о положеніи нравственномъ Н(иколая), меня весьма смущаетъ, хотя я и ставлю многое на счетъ твоего собственнаго характера и воображенія. Все думаю, что братъ гораздо скорѣе бы сладилъ съ собою, будучи одинъ, нежели будучи съ тобою. Твое безпокойство объ немъ нарушаетъ его покой душевный. Будучи съ тобою розно, онъ къ тебѣ писалъ, и писалъ много; говоря о себѣ и о братѣ, онъ облегчалъ душу, а выговаривая чувства свои, онъ ихъ объяснялъ, приводилъ въ порядокъ; будучи же съ тобою, онъ молчитъ, все въ немъ тѣснится, все его душу сжимаетъ, и это бремя часъ отъ часу увеличивается. Можетъ присоединиться къ этому и та мысль, что ты осудилъ себя для него на разлуку съ отечествомъ; такая мысль можетъ со временемъ быть главнымъ его несчастіемъ. Со своимъ незаслуженнымъ онъ сладить; но какъ сладить съ твоимъ, въ которомъ единственно себя обвинять будетъ? И я, и наши друзья думаемъ, что тебѣ черезъ нѣсколько времени надобно будетъ возвратиться. Твое присутствіе здѣсь могло бы быть истинно полезнымъ брату. Теперь ты можешь оставаться. Г(осударь) ѣдетъ въ концѣ Апрѣля ⁵⁾). Въ теперешнихъ обстоятельствахъ, при той безднѣ занятій, которая обременяетъ его, было бы совершенно безрасчетно стараться обратить его вниманіе на наше дѣло. Но по возвращеніи онъ будетъ свободнѣе, и тогда обстоятельства сами могутъ подать намъ помощь. Повторяю одно: благопріятнымъ случаемъ воспользуюсь.

Окончу это письмо нѣсколькими здѣшними извѣстіями. Г(осударь) ѣдетъ въ концѣ Апрѣля; Государыня слѣдуетъ за нимъ и будетъ жить въ Одессѣ; съ нею поѣдетъ Великая Княжна Марія Николаевна. Стурдза ⁶⁾ здѣсь, вошелъ опять въ службу, ѣдетъ съ дипломатами за Государемъ. Дашковъ также. Местеръ (?) ⁷⁾ бѣдная въ большомъ горѣ: мѣсяца три тому назадъ она потеряла сестру; а на Святой недѣлѣ умеръ ея мужъ. Она въ весьма худыхъ обстоятельствахъ. Если можно будетъ, что-нибудь для нея сдѣлаемъ. Козлова я вижу довольно рѣдко: нѣтъ времени. Вяземскій еще здѣсь; проживетъ до свадьбы Катеньки ⁸⁾; но когда будетъ свадьба, неизвѣстно: женихъ боленъ. Последнее извѣстіе, полученное мною отъ Саши, не такъ удовлетворительно, какъ прежнія. Кровохарканье возвращается. Штофрегенъ однакоже насчетъ этого кровохарканія не робѣетъ. Онъ говоритъ, что оно весьма было для нея спасительнымъ отводомъ. Вотъ сокращенно все. Ничего нѣтъ такого, что бы стоило описанія. Моя жизнь однообразна, хотя очень занята. Иначе и быть не должно. Я бы желалъ, чтобы ты занялся составленіемъ каталога лучшихъ Англійскихъ книгъ для насъ ⁹⁾ во всѣхъ

---

⁵⁾ Государь уѣхалъ изъ Царскаго Села къ дѣйствующей арміи противъ Турціи 26 Апрѣля 1828 года.

⁶⁾ Извѣстный писатель и дипломатъ А. С. Стурдза (р. 1791 † 1854).

⁷⁾ Фамилія написана крайне неразборчиво. Ср. ниже, въ письмѣ СЛІІ.

⁸⁾ Е. Н. Карамзиной.

⁹⁾ При преподаваніи Цесаревичу Александру Николаевичу.

родахъ съ означеніемъ цѣнъ. Не худо бы завести съ кѣмъ корреспонденцію. Поищи полнаго экземпляра Annual Register.

CXLVII.

2 (14) Сентября (1828, Петербургъ).

Милой братъ, я давно не писалъ къ тебѣ. Это вина, которой не думаю снять съ себя, ибо я виноватъ. Но по крайней мѣрѣ виноватъ не сердцемъ, а только своею несчастною привычкою откладывать письма, какъ скоро есть дѣло. А у меня скопилось множество работы по моимъ грамматическимъ лекціямъ, и я отложилъ всякую переписку до тѣхъ поръ, пока не кончилъ одной части своей работы. Мысль о томъ, что не пишу къ тебѣ, лежала однако, какъ бремя, на душѣ моей. Думалъ о тебѣ, гдѣ ты, что ты, и все не писалъ. Думаю однако, что это время прошло для тебя если не приятнымъ образомъ, то по крайней мѣрѣ дѣятельно. Ты много видѣлъ, а ты умѣешь видѣть. Что было бы для тебя путешествіе, когда бы судьба не разбила насиліемъ твоей здѣшней жизни? Какъ много прошло по душѣ твоей и сколько слѣдовъ въ ней осталось! Но (въ сторону счастье!) никогда жизнь твоя не бывала столь богата высокимъ, никогда не испытала ты столько въ школѣ любви. Когда думаю о тебѣ, то возвышаюсь душею и ни съ кѣмъ изъ моихъ близкихъ тебя не сравниваю: Богъ считаетъ только богатства души; а твоя душа въ это время собрала много сокровищъ, и ты, потерявъ съ одной стороны такъ много, еще болѣе выигралъ съ другой. Изъ всѣхъ насъ твоя участь, можетъ быть, самая возвышенная. Мы похоронили Сергѣя, и онъ оставилъ тебѣ, послѣ тѣхъ страданій, которыя ты имѣлъ объ немъ, высокое, чистое воспоминаніе о его жизни и постоянную любовь къ мертвому. Любовь къ Николаю есть освѣщеніе твоей жизни. Я бы желалъ только одного: болѣе твердаго, спокойнаго взгляда на то, чему перемѣниться не можно, по крайней мѣрѣ въ чемъ нельзя предвидѣть перемѣны. Тревожное ожиданіе это (и) перемѣны не допускаетъ тебя ладить съ твоею судьбою такъ, какъ ты съ нею могъ бы и долженъ сладить. На этотъ счетъ не могу тебя обманывать: по тому ходу, который взяло наше дѣло, я потерялъ всю надежду на какой-нибудь успѣхъ. Знаю только то, что я останусь тебѣ вѣренъ, и что воспользуюсь тѣмъ случаемъ, который мнѣ представится, чтобы дѣйствовать въ твою пользу; но какой можетъ быть этотъ случай, когда онъ представится, этого не знаю. Теперь же пока ни о чемъ думать нельзя: это въ самихъ обстоятельствахъ. Пошли Богъ успѣхъ нашему оружію. Это будетъ и для тебя благотворительно. Я вижу это только vaguely, но что именно, то рѣшить можетъ только минута. Знай только одно, что мое сердце будетъ всегда за тебя бодрствовать. Напиши ко мнѣ, прошу тебя, поскорѣе. Боюсь, чтобы мое молчаніе не оскорбило тебя. Это даже естественно. У тебя сердце болитъ, и ты легко можешь и меня обвинить. Это было бы для меня несчастіемъ, тѣмъ болѣе тяжелымъ, что отчасти я подалъ къ тому поводъ.

Буду ждать съ нетерпѣніемъ письма твоего. Последнія твои письма я получилъ. Сапоги готовы; пошлю при случаѣ. Здѣсь Фрейгангъ: отдамъ ему, онъ перешлетъ изъ Лейпцига.

Отъ Саши получаю утѣшительныя письма изъ Женевы. Бонстеттенъ полюбилъ ее и съ нею неразлученъ. Недавно писалъ онъ ко мнѣ объ ней. Письмо 82-лѣтняго старика полно живой молодости.

Вотъ тебѣ нѣкоторыя послѣднія вѣсти о нашихъ дѣлахъ въ Турціи: передъ Варною дѣла идутъ довольно счастливо, хотя рана Меншикова, которая лишила насъ его дѣятельности на всю кампанію, и была великимъ для насъ урономъ. Мѣсто его заступилъ Воронцовъ; а до прїѣзда Воронцова командовалъ корпусомъ нашъ Василій Перовскій, который уже генералъ и кавалеръ Георгія за Анапу. Крѣпость совершенно окружена, и со дня на день ожидаемъ извѣстія о ея взятіи. Это будетъ рѣшительно. Но подѣ Шумлою менѣе удачи. Турки дѣлаютъ нападенія и въ послѣднемъ отняли у насъ редутъ и 6 пушекъ и убили генерала Вреде съ друмя или тремястами солдатъ. Государь возвратился изъ Одессы; гвардія пришла. Развязка скоро будетъ. Чтѣ-то у васъ обо всемъ этомъ толкуютъ въ Англіи? У насъ же нѣтъ ничего замѣчательнаго на сценѣ. Да я и не очень замѣчательно смотрю на нее. Нельзя вести однообразнѣе жизни моей: я по уши въ лекціяхъ, и мысли мои, всегда лѣживыя, не бродятъ изъ узкаго моего круга; хотя снова принялся за стихи, но и это для моихъ же лекцій. Перевожу для дѣтей своихъ ¹⁾ отрывки изъ Иліады, и уже перевелъ довольно. По незнавію Гомерова языка лажу съ Фоссовымъ шероховатымъ, но вѣрнымъ (переводомъ?); переводя Фосса, заглядываю въ Попе ²⁾ и дивлюсь, какъ могъ онъ при своемъ поэтическомъ дарованіи такъ мало чувствовать несравненную простоту своего подлинника, котораго совершенно изуродовалъ жеманнымъ своимъ переводомъ. Пушкины ³⁾ и Батюшковъ съ сестрою возвратились ⁴⁾. Отъ первыхъ я еще не имѣю писемъ. Батюшковъ безпрестанно занятъ рисованьемъ. Жихаревъ прислалъ мнѣ одинъ рисунокъ его. Видно, что онъ надъ нимъ трудился, и прилежно ⁵⁾. Со временемъ надобно будетъ переселить его въ Петербургъ ⁶⁾.—Прости. Жду твоихъ писемъ. Обнимаю всѣмъ сердцемъ Николая. Ж.

CXLVIII.

21 Сентября (1828, Петербургъ).

Милый другъ. Фрейгангъ сію минуту ѣдетъ. Я не успѣлъ написать письма, но посылаю сапоги. Надѣюсь, что онъ ихъ тебѣ вѣрно

¹⁾ Т. е. для Цесаревича Александра Николаевича и Великихъ Князей.

²⁾ О переводахъ Гомера, сдѣланныхъ Фоссомъ и Попомъ, см. выше въ прии. 21 къ письму XXIV.

³⁾ Елена Григорьевна Пушкина съ дочерьми, вернувшаяся изъ Дрездена.

⁴⁾ К. Н. Батюшковъ съ сестрою Александрю Николаевною возвратился въ Россію послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ Зонненштейнѣ, которое не принесло облегченія больному поэту.

⁵⁾ Любовь къ рисованію проявилась у К. Н. Батюшкова еще въ Зонненштейнѣ; см. письмо Д. В. Дашкова къ неизвѣстному, писанное осенью 1828 года, въ Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, т. I, стр. 333 (перваго счета).

⁶⁾ Съ 1828 по 1833 годъ К. Н. Батюшковъ жилъ въ Москвѣ, а въ 1833 году былъ перевезенъ въ Вологду.

доставить. Писать же буду по почтѣ. Твое послѣднее письмо изъ Эдинбурга получилъ. Обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ. Жуковский.

Посылаю три сапога; но, можетъ быть, Фрейгангъ не всѣ возметъ, то получишь одинъ. Другой доставлю послѣ по случаю.

Адресъ: A monsieur Alexandre de Tourgueneff à Londres, Warwick Street Pall-mall-gast № 7.

СХLIX.

28 Декабря (1828, Петербургъ)

Сю минуту услышалъ, что Матусевичъ ¹⁾ черезъ нѣсколько часовъ отправляется въ Лондонъ. Спѣшу сказать съ нимъ тебѣ два слова: я получилъ всѣ твои письма и посылки. Послѣднiя кому слѣдуетъ отправилъ. Но на письма твои теперь не отвѣчаю. Я отложилъ и долженъ теперь отложить говорить съ тобою до минуты совершенно свободной. Прошу тебя, милый братъ, на это не сѣтовать. У меня теперь на рукахъ работа, которой оставить не могу и которая меня исключительно занимаетъ. Кончивъ, примусь съ тобою говорить подробно. Теперь Четвергъ, 28 Декабря. Освобожусь не прежде какъ ко второму Воскресенью. Пока посылаю письмо Пушкиной ²⁾, вчера мною полученное. Твой Никита возвратился больной; теперь выздоравливаетъ. Я далъ ему и денегъ, и платья; но видѣть его не хотѣлъ, ибо сердить на него за тебя. Онъ получилъ отъ Жихарева паспортъ.—Александръ Михайловичъ Тургеневъ ³⁾ здѣсь. Я давалъ ему читать и письмо, и оправданiя брата и подарилъ ему его портретъ. Но прости. Этихъ строкъ ты не можешь считать письмомъ. Въ то Воскресенье буду писать много. Прижми къ сердцу безцѣнную руку Николая. Ж.

Получилъ ли ты письмо мое съ стихами ⁴⁾? Мнѣ кажется, что нѣкоторыя письма мои затерялись. Твои же получаю исправно. Посылаю тебѣ стихотворенiя Козлова и для особеннаго наслажденiя сочиненiя Муравьева Николая Назарьевича ⁵⁾. Полюбуйся и порадуйся.

---

¹⁾ Графъ Адамъ Ѳаддеевичъ Матусевичъ († 1842), служившiй въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и впоследствии бывшiй посланникомъ въ Неаполѣ и Стокгольмѣ.

²⁾ Елены Григорьевны Пушкиной.

³⁾ Александръ Михайловичъ Тургеневъ (р. 1772 † 1868), авторъ известныхъ „Записокъ“, печатающихся съ 1885 года въ „Русской Старинѣ“. Въ 1828 году онъ былъ назначенъ Казанскимъ губернаторомъ, но пробылъ въ этой должности недолго, такъ какъ 27 Декабря этого же года получилъ мѣсто директора Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (см. биографич. свѣдѣнiя объ А. М. Тургеневѣ въ „Русской Старинѣ“ 1885 года, Сентябрь, стр. 365—373).

⁴⁾ Это письмо Жуковскаго съ стихами до насъ не дошло.

⁵⁾ Николай Назарьевичъ Муравьевъ (р. 1775 † 1845), бывшiй въ то время статсъ-секретаремъ и управляющимъ Собственною Его Величества Канцелярiею, издалъ въ 1828 году три части собранiя своихъ сочиненiй подъ заглавiемъ „Нѣкоторые изъ забавъ отдохновенiя“ (всего ихъ потомъ вышло 14 частей); въ первой части была помѣщена повесть „Всеволодъ и Велеслава“, отдѣльно напечатанная еще ранѣе, въ 1807 году (см. замѣтку о жизни и литературной дѣятельности Н. Н. Муравьева въ Сочиненiяхъ К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 628—632).

*

4 (16) Февраля (1829, Петербург).

Спѣшу послать тебѣ письмо Жихарева и Сербиновича ¹⁾. Я замедилъ послать твои большія письма къ Ж(ихареву) оттого, что хотѣлъ отправить ихъ съ *кѣмъ нибудь*. Но что лежитъ у меня на совѣсти—это твои деньги; по сію пору я не собрался отдать ихъ Штиглицу и къ тебѣ переслать. А онѣ лежатъ у меня въ пакетѣ нетронутыя, кромѣ 200 рубл(ей), которые переслалъ къ Александрѣ Андреевнѣ ²⁾ по твоему назначенію. Все это оттого, что надобно самому сходить къ Штиглицу и взять вексель. Виноватъ, и грустно оттого, что виноватъ. Теперь прошу тебя только объ одномъ: не дѣлай никакого употребленія изъ записки бр(ата). Этимъ безъ пользы только повредишь своему дѣлу, себѣ и ему. Настоящее ничего намъ не представляетъ, это правда; но будущаго портить не должно. Объ этомъ буду писать къ тебѣ подробнѣе при удобномъ случаѣ. Пиши ко мнѣ болѣе; сообщай мнѣ свои мысли, но прошу тебя, воздержись отъ всякаго могущаго повредить тебѣ дѣйствія; этого требую отъ твоей братской дружбы. Отъ Александры Андреевны имѣю письмо, но не утѣшительное. Силы ея исчезаютъ. Можешь вообразить, какъ тяжело объ ней думать и быть отъ нея далеко. Ѣхать къ ней нельзя и подумать. Надобно ждать въ мучительной неизвѣстности.

СЛІ.

14 (26) Февраля (1829, Петербург).

Милый братъ, отвѣчаю на послѣднее письмо твое, сію минуту узнавъ, что нынче ѣдетъ курьеръ. Одна фраза въ твоёмъ письмѣ жестоко огорчила меня. Не думай, чтобы я пенялъ тебѣ за рѣдкость твоихъ писемъ. «Я знаю твои недосуги и *пересталъ бы писать къ тебѣ*» и проч. Что значитъ это? Правдѣ, не умѣю объяснить. Какъ тебѣ, милый, пришли въ голову такіа слова? Развѣ теперь мы не вдвое должны принадлежать другъ другу; развѣ смерть Сергѣя не произвела меж-

---

¹⁾ Константинъ Степановичъ Сербиновичъ († 1874) въ это время былъ цензоромъ С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета. Съ 1833 по 1856 годъ онъ былъ редакторомъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія; преимущественно же его административная дѣятельность сосредоточилась въ духовномъ вѣдомствѣ, гдѣ много лѣтъ (съ 1836 по 1859 г.) онъ занималъ должность директора канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода и принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ съ Православною Церковью. Съ А. И. Тургеневымъ Сербиновичъ познакомился въ 1820 году черезъ Н. М. Карамзина и поступилъ тогда на службу подъ начальство Тургенева въ Департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій (см. въ любопытныхъ воспоминаніяхъ Сербиновича о Н. М. Карамзинѣ, напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1874 года, т. XI, стр. 55) Письма А. И. Тургенева къ Сербиновичу за 1826—1845 гг. напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1881 и 1882 годовъ.

²⁾ Воейковой.

*

ду нами новаго тѣснѣйшаго братства? Я надѣюсь, что эти слова сорвались съ пера твоего безъ вѣдома твоего сердца. На рѣдкость писемъ моихъ не сердись, но самъ пиши ко мнѣ. Вотъ все. Мнѣ не можетъ быть недосугъ принадлежать тебѣ всѣмъ сердцемъ и болѣе, нежели когда-нибудь. Въ вась двухъ я вижу для себя образецъ лучшаго человѣческаго. Но ты долженъ извинить рѣдкость писемъ моихъ матеріальнымъ недостаткомъ времени. Всѣ минуты мои взяты. Я долженъ не только быть самъ присутствующимъ на главныхъ лекціяхъ Ве(ликаго) К(нязя), но притомъ и самъ по собственной методѣ передѣлывать эти лекціи. Теперь у меня на рукахъ: исторія, естественная исторія и христіанское ученіе. Изъ трехъ предметовъ надобно составлять одно цѣлое. Желалъ бы, чтобы ты видѣлъ, чтó и какъ я дѣлаю; ты бы и одобрилъ меня, и понялъ, что время все захвачено.—Чтó сказать тебѣ о предпринимаемомъ отъѣздѣ брата въ Америку? Признаюсь, я ожидалъ, что это будетъ. Твое присутствіе, хотя и усладительное для него минутами, вѣрно было для него бременемъ. Я увѣренъ, что онъ упрекалъ себѣ твою судьбу, и величайшимъ доказательствомъ твоей къ нему дружбы будетъ для него твоя твердость въ разлукѣ съ нимъ. Съ этой стороны душа его въ твоей власти. Успокой его рѣшительностію сносить судьбу его такъ, какъ онъ сносить ее хочетъ. Вотъ все, чтó ты для него сдѣлать можешь. За себя и за тебя терпѣть онъ не въ силахъ; съ собою однимъ онъ сладитъ скорѣе. Когда мы читали его письма въ Дрезденѣ и Парижѣ, мы сами возвышались его необыкновенною высокостію, ясностію его понятій о жизни, и мы не обманывались: онъ такъ думалъ, такъ чувствовалъ и выражалъ свои чувства. Его судьба передъ нимъ объяснилась, въ этихъ изліяніяхъ было для него великое облегченіе. Но вы соединились,—эти изліянія кончились; видя тебя подлѣ себя, онъ заперъ свои чувства въ душу; все въ ней стѣснилось и все затмилось. Съ этой стороны твое присутствіе было ему вредно. Онъ болѣе видѣлъ тебя,—мрачныхъ минутъ своихъ скрывать не могъ; а ясныя затмилась твоимъ присутствіемъ. Если оставишь его самому себѣ, онъ опять просвѣтлѣетъ; я въ этомъ совершенно убѣжденъ. Но чтó будетъ съ тобою? Милый братъ, ты долженъ ему пожертвовать сладостію быть съ нимъ, долженъ еще принести ему и другую жертву: то-есть долженъ думать о себѣ. Чтó думать? Еще это для меня не ясно. Но съ нѣкотораго времени представляется мнѣ одна мысль. Когда она созрѣетъ, я ее тебѣ сообщу. Надобно еще переговорить съ Дашковымъ, который возвратился, но еще намъ не удалось быть порядочно вмѣстѣ. У меня былъ экзаменъ, на которомъ присутствовалъ самъ Государь. Это заняло цѣлыя двѣ недѣли. Теперь еще другой экзаменъ Великихъ Князей займетъ еще недѣлю. Я напишу къ тебѣ.

Но, другъ, у меня другое ужасное бремя на сердцѣ. Страшная развязка, о которой не смѣю думать, но которую надобно было предвидѣть, приближается. Сапа очень слаба. Уже сама пишетъ, что ей дурно. Это значить, что нѣтъ надежды спасти ее. И письмо Зейдлица ¹⁾

---

¹⁾ Карлъ Карловичъ Зейдлицъ (авторъ книги „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго“), принималъ близкое участіе въ болѣзни А. А. Воейковой. Въ Апрель 1828 года онъ пе-

подтверждает мой страхъ. Въ мысляхъ я уже съ нею простился. Даже теперь не знаю, жива ли она. Скоро узнаю; но каково не знать и ждать! Письма оттуда и туда идутъ почти два мѣсяца. Я готовлюсь занять для дѣтей ея мѣсто. Какъ это сдѣлаемъ, еще не знаю; но ясно для меня то, что имъ надобно быть со мною. Какъ отдать ихъ отцу на жертву! Андриша отданъ ею въ Женевскій пансіонъ; ему надобно тамъ и остаться. Я точно теперь въ такомъ положеніи, какъ бы самъ готовился оставить землю и перейти въ другую жизнь. Всякая минута кажется минутою ея переселенія. Нашъ здѣшній міръ переходитъ на ту сторону. Все отдѣляется отъ жизни; остается одна строгая обязанность. Прости.—Виноватъ; по сію пору не собрался послать тебѣ твои деньги. Онѣ лежатъ у меня. 200 послать Сашѣ и 120, кажется, истратилъ на сапоги. Получилъ ли ты ихъ? Увѣдомъ.

Посмотрю, деньги ли послать, (или) вексель съ курьеромъ.

СЛІІ.

16 (28) Марта (1829, Петербургъ).

Мой милой другъ, можетъ уже ты все знаешь! Если нѣтъ, то плачь вмѣстѣ со мною. Нашъ ангелъ оставилъ насъ. Саша нѣтъ на свѣтѣ. 14 (26) Февраля кончилось. Нѣжнѣйшій товарищъ моей души оторвался отъ нея. Зейдлицъ былъ истиннымъ ея ангеломъ-хранителемъ. Соединившись съ нею въ Герѣ, онъ ея не покинулъ до послѣдней минуты ея на свѣтѣ. Онъ былъ ея подпорою въ болѣзни, облегчителемъ ея послѣднихъ минутъ, свидѣтелемъ ея конца, или, лучше сказать, начала ея небесной жизни; онъ и меня сдѣлалъ его свидѣтелемъ. Письмо его было истиннымъ благодѣніемъ сердцу. Вотъ подробности. Это письмо было первымъ, полученнымъ мною отъ Зейдлица. Въ хорошія минуты ея онъ не писалъ ко мнѣ для того, чтобы не обманывать меня тщетными надеждами, ибо онъ никогда не имѣлъ надежды: она покинула Россію, приговоренная къ смерти; въ худшія минуты онъ также не писалъ, ибо не хотѣлъ мучить заранѣе. Это горько! Это ее лишило средства говорить о себѣ и дѣтяхъ. Смерти не боялась она, видѣла ея приближеніе, ждала ее и сохранила всю ту свѣтлость души, которая въ жизни была ея неизмѣннымъ характеромъ. 4 Февраля получилъ я ея письмо, въ которомъ она довольно ясно намекала о своемъ положеніи. Я къ ней писалъ; но она уже не могла получить письма моего. Но то, чего я страшился за нее, не случилось; я страшился, чтобы ее не мучи(ла) мысль умирать въ чужой землѣ, мысль о сиротствѣ дѣтей. Нѣтъ, она въ смерти видѣла одно небо; въ ея прощаніи съ дѣтьми чувствовалось одно Провидѣніе; приближеніе смерти было для нея тихое откровеніе; покориться судьбѣ своей не стоило ей никакого усилія; милая душа себѣ не измѣнила въ рѣшительную, лучшую минуту земнаго бытія своего. Она перешла въ лучшую жизнь 16 (28) Февраля, въ 7³/₄ часовъ вечера. Сохранила до

релевъ большую изъ Гера на лѣто въ Женеву, а на зиму поѣхалъ съ нею въ Пизу (см. Жизнь и повѣя В. А. Жуковского, стр. 145).

*

последняго вздоха память и ясность мыслей. По утру потребовала она священника. За нимъ послали въ Ливурну. Въ 9 часовъ утра велѣла она обрѣзать у себя волосы и отдала ихъ Катѣ, чтобы отъ ея имени раздѣлить ихъ между друзьями (и у тебя будутъ), говорила потомъ съ Зейдлицемъ, написала нѣсколько строкъ дрожащею рукою къ матери, къ Воейкову—болѣе не могла, силы измѣнили; но продолжала съ небесною силою говорить о приближающейся смерти. «Ахъ, какъ бы я хотѣла тотчасъ послѣ причащенія кончить жизнь!» Въ 1 часъ пріѣхалъ священникъ. Уже за полчаса до его прибытія велѣла она поставить передъ собою образъ Богоматери. Хлюстина (сестра гр(афа) Ө. Толстаго) ¹⁾ читала псалмы. Дѣти и окружающіе слушали на колѣняхъ. Причастыя и особоровавшись масломъ, она отдохнула около получаса; потомъ подозвала дѣтей и долго съ ними говорила о ихъ жизни, потомъ благословила ихъ, благословила сына (онъ въ Женевѣ въ пансіонѣ), благословила присутствующихъ и далекихъ—все съ небеснымъ вдохновеніемъ, голосъ былъ звучнѣе, глаза сіяли, она говорила сидя. Кончивъ, она, ослабѣвъ, положила голову на подушку и съ свѣчею въ рукахъ вслухъ прочитала молитву; потомъ все затихло, только дѣти и окружающіе плакали и ждали. Тутъ пробило на башнѣ два часа. «Il est deux heures», сказала она слабымъ голосомъ дѣтямъ, «quand vous entendrez sonner cette heure, souvenez vous toujours de moi et de mes dernières paroles» ²⁾. Съ этой минуты она затихла и перестала принимать участіе въ окружающемъ ея свѣтѣ; но душа и мысли были свѣтлы. Разъ только она промолвила слово, и то для утѣшенія дѣтей. «Ne croyez pas que je souffre, je suis beaucoup mieux» ³⁾. И онѣ повѣрили. Уставъ отъ ночи, проведенной надъ нею, обѣ заснули, прислонивъ головы къ ея постелѣ. Пробило 5 часовъ. «Ist das Ende nahe?» спросила она у Зейдлица, «werde ich in zwei Stunden beim Vater sein?» ⁴⁾ Отъ времени до времени взглядывала она свѣтлыми глазами на спящихъ дѣтей. «Laissez les dormir jusqu'à demain» ⁵⁾. Но для нея уже ни завтра, ни пробужденія на землѣ не должно было быть, и она это знала. Въ половинѣ осьмаго она сказала Зейдлицу: «Couvrez moi, j'ai froid; entendez vous? La parole me devient difficile» ⁶⁾. Еще нѣсколько легкихъ дыханій, и чистая душа полетѣла къ Отцу.—Не вся ли ея жизнь въ этихъ послѣднихъ, ясныхъ минутахъ! Безъ ропота, безъ страха, съ свѣтлою, веселою душою встрѣтила она смерть, какъ, бывало, встрѣчала горе. Для нея не было никакого усилія покориться судьбѣ своей; не нужно было съ трудомъ отдѣляться отъ всего милаго земнаго,

¹⁾ Графа Өедора Ивановича Толстаго (Американца).

²⁾ Т. е. Теперь два часа; когда будетъ бить этотъ часъ, вспоминайте всегда обо мнѣ и о моихъ послѣднихъ словахъ.

³⁾ Т. е. Не думайте, что я страдаю; мнѣ гораздо лучше.

⁴⁾ Т. е. Близокъ ли конецъ? Отойду ли я къ Отцу черезъ два часа?

⁵⁾ Т. е. Оставьте ихъ спать до завтра.

⁶⁾ Т. е. Накройте меня; мнѣ холодно. Слышите ли вы? Мнѣ становится трудно говорить.

чтобы перейти мыслию къ Богу и тому свѣту. Эта ясность надежды была всегдашнимъ неизмѣннымъ свойствомъ души ея; это не твердость, не побѣда, а просто чистая природа, къ которой ничто здѣшнее не пристало и которой отдѣлиться отъ всего здѣшняго было такъ легко и даже сладостно. Съ той минуты, въ которую она закрыла глаза, до опущенія въ могилу Зейдлицъ, Лиза и Лизета неотступно были при ней; ночью читали они надъ нею Псалтырь. Зейдлицъ (который когда-то, бывъ студентомъ въ Дерптѣ, занимался столярничествомъ) самъ сдѣлалъ гробъ. Первая столярная работа его была колыбель для Машиной дочери ⁷⁾, а послѣдняя гробъ для Саши. Она пишеть: въ бѣломъ платьѣ, подъ бѣлымъ покрываломъ, съ крестомъ въ сложенныхъ рукахъ, казалась она тихо спящею, и съ лица ея не сгладилося выраженіе, полное бывшей души. 16 (28) Февраля положили ее въ гробъ, а на другой день въ 5 часовъ утра повезли въ Ливурну (это было въ Воскресенье) ⁸⁾. Дѣти провожали ее, и семейство Местра (?) ⁹⁾ и Хлюстина. Около открытаго гроба толпилось множество въ церкви. Потомъ изъ церкви черезъ весь городъ понесли гробъ на кладбище. Поставивъ его на край могилы, пишеть Зейдлицъ, я открылъ гробъ, чтобы священнику бросить на нее горсть земли. Солнце въ эту минуту проглянуло изъ облака, бросило на нее послѣдній лучъ, освѣтило ее и скрылось; и нѣсколько легкихъ снѣжинокъ упало на ея бѣлое платье; потомъ закрылся гробъ, и она навсегда для земли исчезла.—И для меня навсегда съ нею исчезла самая близкая родная душа. Съ 15-лѣтняго возраста до теперешняго времени была она во всемъ моимъ предестнымъ товарищемъ. Сперва какъ милой цвѣтущій младенецъ, которымъ глаза любовались въ такое время, когда душа расцвѣтала; потомъ какъ веселая, живая, беззаботная, какъ будто обреченная для лучшаго земнаго счастья, какъ сама ясная надежда. Какъ была она мила въ своей первой молодости! Точно воздушной гений, съ которымъ такъ было весело мнѣ въ моемъ деревенскомъ поэтическомъ уединеніи. Потомъ какъ предметъ заботы и состраданія, какъ смиренная, но всегда веселая при всемъ своемъ бѣдствіи, жертва Воейкова.—Все это пропало; отъ всего этого осталась послѣдняя минута ея, свѣтлая, возвышающая душу. Передъ этою минутою молчить сожалѣніе объ ней. Какъ жалѣть объ ней! Можно сказать, что жизнь къ ней не коснулась; она посреди всего житейскаго прошла чистою, безъ усилія, по одной младенчески непорочной природѣ своей. Зейдлицъ проводитъ дѣтей сначала въ Дерптъ; а потомъ (если можно будетъ это устроить) поселятся двѣ старшія у меня. Меньшая будетъ или у бабушки ¹⁰⁾ или у гр(афини) Толстой. Андрюша останется въ Женевѣ ¹¹⁾. Тебѣ, можетъ быть, удастся его тамъ увидѣть и объ немъ позаботиться съ своей стороны.

⁷⁾ Для Екатерины Ивановны (въ замужествѣ Елагиной).

⁸⁾ А. А. Воейкова была похоронена на старомъ Греческомъ кладбищѣ въ Ливорно

⁹⁾ Фамилія написана не вполне разборчиво.

¹⁰⁾ У Екатерины Аванасьевны Протасовой.

¹¹⁾ Тоже самое писалъ Жуковскій къ больной А. А. Воейковой отъ 4 Февраля

Прости. На этой же почтѣ пошлется къ тебѣ письмо отъ Жихарева и Вяземскаго. Посылаю наконецъ вексель: изъ 1000 рублей вышло 675; 200 были отосланы къ Сашѣ; 125 заплатилъ за сапоги. Обнимаю брата. Ж.

СЛІІІ.

24 Іюня (старого) с'тіля) (1830, Петергофъ).

Очень мнѣ жаль, что Ободовскій ¹⁾ не сказалъ мнѣ за нѣсколько дней о своемъ отъѣздѣ. Я бы успѣлъ и болѣе написать къ тебѣ, милой другъ, и послать тебѣ что-нибудь изъ нашихъ литературныхъ вадорвовъ. Но онъ явился ко мнѣ въ Петергофъ въ самую почти минуту переѣзда моего изъ Царскаго Села. Нѣтъ времени даже и написать, ибо сейчасъ иду къ Великому Князю ²⁾, ждѣть пріѣзда Государева изъ Варшавы ³⁾. Могу только сказать въ немногихъ словахъ, что я получилъ два послѣднихъ письма твои въ отвѣтъ на мои. Они меня совершенно успокоили на твой счетъ: вижу, что ты, наконецъ, взглянулъ на судьбу брата съ настоящей точки зрѣнія. Еще болѣе, вижу, что и онъ самъ сталъ въ душѣ спокойнѣе, ибо теперь никакого упрека не лежитъ на немъ. Онъ все готовъ былъ сдѣлать, но обстоятельства непобѣдимы. Благослови Богъ успѣхомъ то, что теперь начато: тогда жизнь его получила бы новый, прекрасный смыслъ; за оградю семейственного мирнаго счастья всѣ бы прошлыя бѣды остались ему чуждыми ⁴⁾. Но ты напрасно въ письмѣ своемъ какъ будто отъ меня отъказываешься: я не вижу никакой причины перемѣнять что-нибудь въ нашихъ сношеніяхъ. Напротивъ, пиши ко мнѣ, и пиши чаще; я буду писать, когда будетъ о чемъ; а тебѣ всегда есть о чемъ: у тебя вся Европа. У меня одна моя учебная комната. Увѣдомляй о братѣ. Но разумѣется обо всемъ, о чемъ до сихъ поръ мы хлопотали, ни слова: это не нужно и можетъ только повредить.

1829 года: „... Не безпокойся объ участи своихъ дѣтей. Мы ихъ усыновляемъ—я, Перовскій и Полина (Толстая). Государыня не забудетъ ихъ, положись на ея сердце. Катя и Саша, надѣюсь, могутъ жить со мною. Я постараюсь найти надежную особу, которая могла бы наблюдать за ними. Полина можетъ взять на себя заботы о Машѣ. Андрюша долженъ остаться въ Женевѣ; онъ очень хорошо пристроенъ тамъ, гдѣ онъ находится, и будетъ устроенъ отъ отцовскаго вліянія; окончивъ свое первоначальное обученіе, онъ возвратится, и я позабочусь о немъ...“ (см. Зейдлицъ, „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго“, стр. 146—147).

*

¹⁾ Вѣроятно, Платонъ Григорьевичъ Ободовскій († 1864), бывшій инспекторомъ классовъ въ Елатерининскомъ Институтѣ и писавшій стихи, повмы и драмы (нѣсколько о немъ свидѣній см. въ „Русск. Архивъ“ 1866 года, стр. 573).

²⁾ Цесаревичу Александру Николаевичу.

³⁾ Государь Николай Павловичъ 24 Іюня 1830 года вернулся въ Петергофъ изъ Варшавы, гдѣ 16 Мая имъ былъ открытъ, а 16 Іюня закрытъ, четвертый сеймъ Царства Польскаго.

Не знаю, когда получишь это письмо. Рекомендую тебѣ Ободовскаго. Кирѣевскій будетъ у тебя въ Парижѣ ⁵⁾; застанетъ ли тебя, не знаю. Онъ родной племянникъ Александры Андреевны ⁶⁾, сынъ Елагиной ⁷⁾, которую знаешь по письмамъ. Прости. Обнимаю братски. Ж.

Адресъ: A monsieur Alexandre Tourguéneff, conseiller d'état act. de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies. A Paris. Poste restante.

CLIV.

(Въ концѣ Юля или началѣ Августа 1831, Царское Село).

Что ты будешь дѣлать! Надобно написать къ вамъ, Петръ Андреевичъ и Александръ Ивановичъ! Вы хлопчете о томъ, не съѣла ли меня холера? Нѣтъ, не съѣла! Живъ, живъ курилка! Еще не умеръ! Да и, кажется, не дойдетъ до меня очередь. Въ Петербургѣ бѣшенство заразы утихло; послѣднія же вспышки ея не такъ опасны. Мы, правда, сидимъ въ Царскомъ Селѣ ²⁾, и если пожалуетъ къ намъ болѣзнь, то, разумѣется, и у насъ пройдетъ она тѣже степени, какія прошла въ столицѣ Сѣвера. Я однако ея не боюсь. Ничто прилипчивое ко мнѣ не прилипаетъ; это я знаю еще съ дѣтства. А въ холерѣ пугаетъ меня не смерть, а . . . . . ³⁾, блевотина и разные конторзій, которыя продолжаются несносно долго и, наконецъ, стгибають тебя совсѣмъ въ крючекъ, такъ что послѣ и въ гробъ не уляжешься и надобно вмѣсто гроба доставать для тебя кулекъ, какъ для какой-нибудь мертвой индѣйки. Всѣ эти проказы мнѣ очень не нравятся, и въ такомъ непристойномъ видѣ не хотѣлось бы мнѣ явиться въ вѣчность.

⁴⁾ Н. И. Тургеневъ женился осенью 1833 года на дочери Пиемонтскаго изгнанника генерала Виариса (см. „Русск. Архивъ“ 1871 года, ст. 1965).

⁵⁾ Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій отправился за границу изъ Петербурга 21 Января 1830 года. Онъ думалъ побывать и въ Парижѣ. Въ письмѣ къ роднымъ, изъ Мюнхена отъ 3 (15) Юня 1830 года, онъ писалъ: „Александръ Тургеневъ уже уѣхалъ изъ Парижа. Досадно, что я не увижусь съ нимъ, тѣмъ болѣе, что кромѣ его у меня ни къ кому не было писемъ въ Парижъ“. И. В. Кирѣевскому не пришлось съѣздить въ Парижъ. Онъ долгое время прожилъ въ Мюнхенѣ, а затѣмъ, напуганный извѣстїями о холерѣ въ Россїи, поспѣшилъ вернуться на родину и прибылъ въ Москву 16 Ноября 1830 года (см. Полное собранїе сочиненій И. В. Кирѣевскаго, т. I, изданный А. И. Кошелевымъ (М. 1861), Матеріалы для біографїи И. В. Кирѣевскаго, стр. 26, 56, 59 и 79).

⁶⁾ И. В. Кирѣевскій приходился А. А. Воейковой не роднымъ, а двоюроднымъ племянникомъ.

⁷⁾ Аядотья Петровна Елагина (рожд. Юшкова) въ первомъ бракѣ была за Васильемъ Ивановичемъ Кирѣевскимъ.

¹⁾ Князь П. А. Вяземскій.

²⁾ Дворъ переехалъ изъ Петергофа въ Царское Село въ десятыхъ числахъ Юля 1831 года.

³⁾ Два слова выпущены.

Петръ Андреевичъ, ты просишь отъ меня стиховъ! Нѣтъ, голубчикъ, переписывать скучно! Вся эта сволочь продана уже гуртомъ Смирдину и теперь печатается ⁴⁾; думаю, что печатаніе черезъ полтора мѣсяца кончится; тогда получишь все въ благопристойномъ видѣ. Я собрался было ѣхать въ Ревель и тамъ, конечно, въ тѣни Катеринталскихъ каштановъ, подъ шепотъ уединенія, много бы написалъ; но холера всему помѣшала. Я не рѣшился обратиться передъ нею тыла; да и въ отдаленіи отъ нападенія всякихъ пустыхъ слуховъ, было бы не до стиховъ. Пушкинъ мой сосѣдь ⁵⁾, и мы видаемся съ нимъ часто. Съ тѣхъ поръ какъ ты сказалъ мнѣ, что у меня слюни текутъ, глядя на жену его ⁶⁾, я не могу себя иначе и вообразить, какъ подъ видомъ большой старой Датской собаки, которая сидитъ и дремлетъ, глядя, какъ передъ нею ѣдятъ очень вкусно, и съ морды ея по обѣимъ сторонамъ висятъ двѣ длинныя ленты изъ слюней. А женка Пушкина очень милое твореніе. *C'est le mot* ⁷⁾. И онъ съ нею мнѣ весьма нравится. Я болѣе и болѣе за него радуюсь тому, что онъ женатъ. И душа, и жизнь, и поэзія въ выигрышѣ. Мнѣ же пришлось только повторять стихъ: *Чувствительна душа и вѣжливость веселится!*

Александръ Ивановичъ, ты вѣдь писать не лѣнивь; итакъ пиши ко мнѣ. Хорошъ ты! Уѣхалъ изъ Петербурга, не давъ знать о себѣ ни строчкою! ⁸⁾ Я писалъ къ Булгакову — тотъ не отвѣчаетъ! Наконецъ, Козловъ уже вывелъ меня изъ недоумѣнія на счетъ твоего маршрута. И я радъ, что ты не уѣхалъ въ Лондонъ. Москва мѣсто безопасное (если только не будешь объѣдаться и не простудишься); приличности холеры бояться нечего, а остаться тебѣ было надобно, дабы все уладить, какъ мы говорили. Черезъ нѣсколько времени можно уже будетъ возвратиться и въ Петербургъ. Дальнѣйшее при свиданіи. Прощайте, братья-друзья. Поручаю вамъ обнять за меня все семейство Карамзиныхъ и Вяземскихъ. Тургеневу особенно поручаю сказать мое почтеніе Ивану Ивановичу Дмитріеву. Ж.

Какъ скоро установится коммуникація съ Петербургомъ, исполню порученіе Е(катерины) Ф(едоровны) ⁹⁾. Для этого надобно повидаться съ какимъ-нибудь честнымъ гомеопатомъ. У меня есть Триніусъ ¹⁰⁾; но

---

⁴⁾ Рѣчь идетъ о „Балладахъ и повѣстьяхъ“ В. А. Жуковского, вышедшихъ въ двухъ частяхъ въ Петербургѣ въ 1831 году. Издателемъ ихъ былъ книгопродавецъ Смирдинъ. Первая часть была разрѣшена цензурою къ печати 7 Іюня, а вторая 21 Іюля 1831 года.

⁵⁾ А. С. Пушкинъ лѣто 1831 года проводилъ въ Царскомъ Селѣ.

⁶⁾ Свадьба А. С. Пушкина съ Н. Н. Гончаровою состоялась 18 Февраля 1831 года въ Москвѣ.

⁷⁾ Т. е. именно такъ.

⁸⁾ А. И. Тургеневъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Москву 19 Іюня 1831 года (см. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1831 года, № 145)

⁹⁾ Муравьевой.

¹⁰⁾ Академикъ Барль Антоновичъ Триніусъ (р. 1778 † 1844), кромѣ того, что былъ ботаникомъ, былъ и врачомъ, притомъ приверженцемъ гомеопатіи (онъ приходился пле-

теперь его не вижу. На всякой случай напишу къ нему. Скажите мое почтеніе Е(катерины) Федоровнѣ.

Адресъ: Его сіятельству милостивому государю моему князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ.

CLV.

28 Августа (1831, Царское Село).

Кажется, мнѣ не нужно требовать объясненія на письмо твое. Ты не избѣжалъ и этого несчастія: найти предательство тамъ, гдѣ надѣялся найти дружбу ¹⁾. Но, признаться, такой презрительной гадости я не ожидалъ. Это ужъ хуже всякаго убійства! Если только я не ошибаюсь въ своей догадкѣ. Итакъ еще болѣе надобно радоваться твоему пріѣзду. Но удастся ли тебѣ свои дѣла уладить? Имѣешь ли на то способы? Знаешь ли, какъ съ нимъ возиться? По всему вижу, что тебѣ надобно не только просто устраивать, но покрывать разстроенное и распутывать запутанное. Не хочу требовать отъ тебя объясненія и подробностей. Это тяжело и противно! При свиданіи все объяснишь. Скажи только: имѣешь ли надежду скоро и хорошо кончить? Главное для тебя имѣть обезпеченный кусокъ хлѣба. Будешь ли имѣть его?

На этомъ мѣстѣ письма моего я остановился, начавъ писать его тотчасъ по полученіи твоего; остановился, да и отложилъ продолжать по своему похвальному обыкновенію; а тебѣ, вѣроятно, будетъ на меня и досадно. Не сердись, душа моя, и сноси меня такимъ, каковъ я есмь и какимъ, вѣроятно, уже и останусь до перемѣны въ лучшее въ какомъ-нибудь другомъ уголку творенія Божія. Думая о письмѣ твоёмъ, приходитъ мнѣ на мысль, что ты могъ и ошибиться. Не входя въ подробности, печальныя и тяжелыя, скажи мнѣ вообще, въ чемъ дѣло? Въ одной ли *оплошности безъ намѣренія*, отъ коей могло произойти разстройство экономическихъ дѣлъ твоихъ, или въ *раззореніи тебя по плану и съ намѣреніемъ*. Послѣднее кажется мнѣ неестественнымъ и невѣроятнымъ. Объясни этотъ пунктъ. Потомъ скажи, что ты намѣренъ дѣлать и долго ли пробудешь въ Москвѣ? Сначала я хотѣлъ послать письмо твое къ Д(ашкову), дабы изъ немногихъ строкъ, до него касающихся, онъ могъ увидѣть, что ему дѣлать и какую взять осторожность; но раздумалъ, и буду ждать отъ тебя разрѣшенія и нѣсколькихъ немногихъ объясненій. Не называя никого, можешь однако сказать вообще, въ чемъ дѣло. Порученіе же твое остается *честнымъ человекомъ* какъ-нибудь постараюсь исполнить; да насъ, честныхъ людей, право, довольно, если не героевъ, то, по крайней мѣрѣ, вѣрныхъ идеѣ добра и по натурѣ своей, и съ помощью благоприятныхъ обстоятельствъ. Напримѣръ, и Пушкинъ честный человекъ во всемъ смыслѣ этого слова, несмотря на минувшія проказы; мы съ нимъ вмѣстѣ проживаемъ въ Царскомъ и вмѣстѣ проводимъ вечера у смуглой Цар-

---

мянникомъ основателю гомеопатическаго лѣченія Ганнеману). К. А. Триниусъ преподавалъ Цесаревичу Александру Николаевичу естественнѣдвіе.

*

¹⁾ Какъ видно изъ письма CLVIII, рѣчь идетъ о злоупотребленіи С. П. Жихарева, который велъ денежные дѣла А. И. Тургенева, довѣриемъ послѣдняго.

17

скосельской невѣсты ³⁾, которая также честный человекъ. Я между дѣла пишу экзаметры ⁴⁾, а Пушкинъ ждетъ осени, чтобы начать писать ⁵⁾. Манускриптъ Ч. онъ давалъ мнѣ читать и взялъ его у меня, чтобы отправить къ Ч. ⁶⁾. Вѣроятно, что онъ уже и полученъ. Съ Петербургомъ я во все время не видѣлся и не знаю, что дѣлаетъ нашъ слѣпецъ ⁷⁾, отъ котораго давно не имѣю вѣсти; но онъ живъ и здоровъ. На фразу твою *«желаю имѣть опору если не въ службѣ въ Россіи, то по крайней мѣрѣ въ дѣятельности, известной правительству и масной»* можно тогда только отвѣчать дѣльнымъ образомъ, когда будемъ вмѣстѣ; но объ этомъ желаніи твоёмъ было сказано мною въ самой вышней инстанціи; по какому случаю сказано, объ этомъ послѣ. Оканчивай скорѣе свои экономическія дѣла и пріѣзжай къ зимѣ въ Петербургъ, чтобы устроить сколько-либо свою жизнь политическую; необходимо надобно, чтобы правительство убѣдилось, что ты не имѣешь и тѣни намѣреній ему противныхъ. Это можешь ты сдѣлать только самъ, будучи лично въ Петербургѣ. Но, живучи въ Москвѣ, старайся не подать никакого повода къ ложнымъ на счетъ твой заключеніямъ. Много людей найдется, которые и самому невинному дадутъ смыслъ виновный. Прости. Возвращаю тебѣ письмо, тобою мнѣ сообщенное, и обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ. А ты передай объятіе мое

---

³⁾ Известной Александры Осиповны Россетъ (р. 1810 † 1882), въ замужествѣ Смирновой. По выходѣ изъ Екатерининскаго Института въ 1826 году, А. О. Россетъ была пожалована во фрейлины къ Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ, а по ея кончинѣ сдѣлалась фрейлиною Государыни Александры Теодоровны. Лѣтомъ 1831 года, въ Царскомъ Селѣ, А. О. Россетъ ежедневно видалась съ Жуковскимъ и Пушкинымъ (см. ея воспоминанія въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 года, ст. 1877). Въ Іюль 1831 года она была сговорена за Николая Михайловича Смирнова (о чемъ сообщалъ Пушкинъ П. А. Плетневу въ письмѣ отъ 3 Августа 1831 года. См. Сочиненія Пушкина, изд. Литерат. фонда, т. VII, стр. 287).

⁴⁾ Въ это время Жуковскій писалъ „Сказку о царѣ Берендѣѣ“ (со 2 Августа по 11 Сентября). См. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 94, 98 и 99.

⁵⁾ „Жуковскій расписался—сообщалъ Пушкинъ Н. В. Гоголю изъ Царскаго Села 25 Августа 1831 года—я чую осень и собираюсь засвѣтъ“ (Соч. Пушкина, изд. Литерат. фонда, т. VII, стр. 289).

⁶⁾ Рѣчь безспорно идетъ о „Философическихъ письмахъ“ П. Я. Чаадаева (р. 1793 † 1856), въ рукописи (на Французскомъ языкѣ) сообщенныхъ имъ Пушкину для прочтенія. Въ письмѣ отъ 6 Іюля 1831 года къ Чаадаеву, жившему въ Москвѣ, Пушкинъ просилъ его оставить ему еще на нѣкоторое время рукопись „Писемъ“ (см. Соч. Пушкина, изд. Литерат. фонда, т. VII, стр. 275). 21 Іюля того же года Пушкинъ сообщалъ П. В. Нащокину, что опъ посылаетъ ему рукопись Чаадаева и проситъ доставить ее Чаадаеву (тамъ же, стр. 282), а 29 Іюля писалъ Нащокину, что послали съ рукописью Чаадаева не припали на почтѣ (тамъ же, стр. 284). Какъ известно, одно изъ этихъ „Философическихъ писемъ“ въ 1836 году было переведено на Русскій языкъ Н. Х. Кетчеромъ и напечатано въ издававшемся Н. И. Надеждинымъ журналѣ „Телескопъ“, за что этотъ журналъ и былъ запрещенъ. Французскій текстъ „Философическихъ писемъ“ появился въ посмертномъ изданіи Сочиненій Чаадаева, вышедшемъ въ Парижѣ въ 1862 году.

⁷⁾ И. И. Козловъ.

Карамзинымъ и скажи мое душевное почтеніе Ивану Ивановичу Дмитріеву. Ж.

Записку о Розлигѣ отправлю къ Черткову, адъютанту М(ихаила) Павл(овича)⁸⁾. Онъ спросить у него и увѣдомить меня: тогда и я тебя увѣдомлю.

CLVI.

(Въ первой трети Сентября (послѣ 7-го) 1831, Царское Село).

Въ отвѣтъ на твое послѣднее письмо посылаю тебѣ Русское ура! Варшава наша¹⁾. Честь Россіи опять сіяетъ по старому. Какое великолѣпное военное дѣло. Наша армія чудо! Вотъ мои стихи²⁾; одинъ экземпляръ для тебя, другой для Ивана Ивановича³⁾, третій Карамзинымъ вмѣстѣ съ Вяземскимъ. Нѣтъ болѣе. Скоро пришло свои стихи, эти же, напечатанные вмѣстѣ съ стихами Пушкина, чудесными⁴⁾. Насъ разомъ прорвало, и есть отъ чего. Къ Строганову я писалъ и сообщилъ, что сдѣлалъ съ своей стороны. Хотя ты мнѣ и запрещаешь вступаться, но я *свое сдѣлалъ*. Обнимаю тебя. Письма твои считаю обязанностію сообщить Дашкову; онъ изъ нихъ увидитъ твое желаніе. Ж.

CLVII.

(Въ двадцатыхъ числахъ Сентября 1831, Царское Село).

Посылаю тебѣ послѣдніе стихи мои¹⁾. Приложенные экземпляры раздай по надписямъ. Ты требуешь отъ меня отвѣта на прежнія твои письма; но что же мнѣ отвѣчать? Вѣдь ты пишешь мнѣ просто о твоихъ печальныхъ похожденияхъ съ Жихаревымъ; мнѣ же остается только пожимать плечами и жалѣть о бѣдственной слабости человѣчества. Я

---

⁸⁾ Адъютантомъ Великаго Князя Михаила Павловича былъ полковникъ Пванъ Дмитріевичъ Чертковъ.

*

¹⁾ Варшава была взята 27 Августа 1831 года.

²⁾ „Русская пѣснь на взятіе Варшавы“, написанная Жуковскимъ 5 Сентября. Она была напечатана отдѣльнымъ изданіемъ (въ 4-ку) въ Петербургѣ, въ типографіи Греча (пропущена къ печати 6 Сентября 1831 года). Это изданіе не указано П. А. Езремовымъ въ списокъ отдѣльно изданныхъ сочиненій Жуковского, приведенномъ въ примѣчаніяхъ къ первому тому девятаго изданія „Стихотвореній“ В. А. Жуковского“ (Спб. 1895).

³⁾ Дмитріева.

⁴⁾ Эта же „Русская пѣснь на взятіе Варшавы“ съ измѣненнымъ заглавіемъ (Старая пѣсня на новый ладъ) вскорѣ была издана особю брошюрой съ стихотвореніями А. С. Пушкина „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, подъ общимъ заглавіемъ: „На взятіе Варшавы. Три стихотворенія В. Жуковского и А. Пушкина“. Эта брошюра была пропущена цензурою къ печати 7 Сентября 1831 года.

*

¹⁾ Стихотворенія „Русская слава“, какъ это видно изъ конца этого письма. Это стихотвореніе было напечатано отдѣльною брошюрою въ Петербургѣ въ 1831 году; къ печати оно было пропущено цензурою 17 Сентября 1831 года.

не полагаю, чтобы Жихаревъ имѣлъ въ самомъ началѣ намѣреніе тебя ограбить; напротивъ, думаю, что онъ даже радовался мысли быть, такъ сказать, промысломъ твоимъ и твоихъ братьевъ. Mais l'occasion fait le larron ²⁾). Сначала онъ вздумалъ употребить твое въ пользу свою, не во вредъ твоей пользѣ. Истратилъ деньги твои, съ тѣмъ чтобы ихъ тебѣ заплатить, то есть въ надеждѣ на будущее осмѣлился нарушить святыню вѣреннаго залога. Обстоятельства запутались; не-обдуманная неосторожность сдѣлалась просто похищеніемъ; а теперь уже изъ невольнаго похищенія произошло произвольное плутовство и безстыдство. Таковъ, по большей части, ходъ преступленій въ людяхъ безъ твердости, и безъ правилъ, и безъ возвышенности душевной. Прежде Жихаревъ дѣйствовалъ безъ злаго намѣренія, но дурно; теперь уже онъ, попавши въ грязь, полоскается въ ней добровольно и, будучи приневоленъ выбирать между деньгами и совѣстію, пожертвовалъ послѣднюю. Постарайся однако какъ-нибудь избѣжать тяжбы: онъ, рѣшившись на все и вспомошествоваемый подобными ему плутами, будетъ всегда имѣть верхъ надъ тобою. Увѣдомь теперь и увѣдомляй впередъ, какъ пойдетъ дѣло. Послѣднее письмо твое также пошлю къ Дашкову, которому однако тутъ не во что вступаться. Еще какъ Богъ тебя спасъ! Ты успѣлъ захватить послѣдніе остатки совѣсти въ душѣ Громобоя ³⁾; если бы онъ имѣлъ время одуматься, то, вооруженный твоею довѣренностью, все бы могъ заграбить, и ты бы не получилъ ничего. Оставимъ это.

Вотъ исторія моихъ стиховъ ⁴⁾, которую сообщи словесно тѣмъ, коимъ будешь раздавать экземпляры. Петербургскій бунтъ усмиренъ былъ однимъ словомъ Государя ⁵⁾: минута истинно героическая. Загорѣлся бунтъ въ колоніяхъ ⁶⁾: начальники всѣ перебиты, и бунтовщики не хотятъ никого слушать. Государь ѣдетъ туда одинъ. Это было за день до рожденія Великаго Князя Николая ⁷⁾. Въ самый день этотъ по утрамъ мой Федоръ ⁸⁾ сказываетъ мнѣ, что родился Великій Князь. Я бѣгу на половину Императрицы, чтобы узнать, правда ли это; между тѣмъ увѣренъ, что Государю еще и думать нельзя возвратиться. Что же? Подхожу къ дверямъ спальни; онѣ отворяются, и онъ самъ выходитъ, держа на рукахъ новорожденнаго и à la lettre ⁹⁾ задыхаясь отъ радости. Онъ успѣлъ возвратиться въ однѣ сутки, однимъ словомъ кончивъ бунтъ, находясь одинъ посреди тысячи мятежниковъ и ска-

²⁾ Т. е. обстоятельства толкаютъ иногда человѣка на совершеніе воровства.

³⁾ Арзамасское прозвище С. П. Жихарева.

⁴⁾ Стихотворенія „Русская Слава“.

⁵⁾ Холерное возмущеніе на Сѣнной площади въ Петербургѣ, усмиренное словомъ Императора Николая Павловича, описано было Жуковскимъ въ письмѣ къ Прусской принцессѣ Луизѣ, отъ 5 (17) Іюля 1831 года изъ Петергофа (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 463—465).

⁶⁾ Т. е. въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ.

⁷⁾ Великій Князь Николай Николаевичъ родился 27 Іюля 1831 года.

⁸⁾ Камердинеръ Жуковскаго.

⁹⁾ Т. е. буквально.

завъ имъ, что они будутъ наказаны безъ пощады, что они приняли съ трепетомъ, лежа у ногъ его (ранцами вверхъ, какъ рассказывалъ мнѣ Арендтъ) ¹⁰⁾. Какой быстрый переходъ и къ чему! Я пошелъ за Государемъ вслѣдъ и видѣлъ, какъ онъ положилъ своего младенца въ колыбель, крестилъ его и надъ нимъ плакалъ. Я тогда же ему сказалъ: «Государь! Это переломъ. Все пойдетъ лучше. Богъ прислалъ Вамъ объ этомъ вѣстника». Это явленіе описано въ послѣднихъ двухъ строфахъ моей пѣсы: къ колыбели младенца пришелъ я отъ колыбели Россіи, и да исполнить Богъ то пророчество, которое свергнуло мнѣ изъ полузакрытыхъ, милыхъ глазъ новорожденного младенца. Но паденіе Варшавы было то огниво, которое высѣкло изъ души моей эти стихи, которые, какъ ты самъ увидишь, принадлежать къ моимъ лучшимъ. Прости. Пиши подробнѣе о своемъ дѣлѣ и скажи, когда можешь пріѣхать въ Петербургъ. Жуковскій.

СLVIII.

2 Января 1832 (Петербургъ).

Не сердись на меня, мой милой другъ, за то, что не писалъ къ тебѣ такъ долго. Что писать по почтѣ? Однѣ пустыя фразы, а у меня пропасть въ эту минуту работы. Занимаясь ею, я ближе къ своимъ друзьямъ, нежели въ пустыхъ официальныхъ письмахъ. Во первыхъ, обнимаю тебя братски на новый годъ съ старою неизмѣнною дружбою. Во вторыхъ, комиссіи твоей о Розлигѣ не могъ еще исполнить: Чертковъ не дается въ руки. Всего было бы лучше, если бы ты прислалъ мнѣ письмо отъ Розлига къ Великому Князю; я отдалъ бы его изъ рукъ въ руки. Наконецъ, третье, о тебѣ. Прошу тебя не мучить себя преждевременными заботами, а оканчивать свое дѣло въ Москвѣ и, кончивъ его, пріѣзжать сюда. Это правда, расположеніе Г(осударя) не самое благопріятное, но у насъ будутъ помощники: князь Голицынъ ¹⁾ и Орловъ ²⁾. Съ первымъ я говорилъ третьяго дня. Онъ думаетъ, что тебя не удержатъ, ибо ты получилъ на это благопріятный отзывъ отъ Б(енкендорфа). Что же касается до жизни въ Парижѣ, то и требовать на это особеннаго позволенія не нужно, ибо оно дано всѣмъ вообще. По крайней мѣрѣ теперь заблаговременно до этого касаться не должно. И вообще теперь лучше не приступать ни къ чему и остаться сколько можно не на виду, а сдѣлать все, что надобно будетъ, разомъ, когда, все кончивъ въ Москвѣ, пріѣдешь сюда, дабы отсюда ѣхать за границу. Сдѣлать же главное надобно вотъ что: опредѣлить твое заграничное пребываніе полученіемъ отъ правительства какого-нибудь порученія. Объ этомъ скажешь въ своемъ письмѣ къ Государю, которое напишешь, собираясь ѣхать, и не прежде, какъ въ минуту отъѣзда. Теперь же главное: не напоминать о себѣ, а сколько возможно спокойнѣе оканчивать свое дѣло съ безсовѣстнымъ Жихаре-

---

¹⁰⁾ Николай Федоровичъ Арендтъ († 1859), лейбъ-медикъ, знаменитый хирургъ.

*

¹⁾ Александръ Николаевичъ.

²⁾ Графъ Алексѣй Федоровичъ Орловъ.

вымъ. Постарайся однако, чтобы не было ничего такого, что бы могло произвести на счетъ твой неблагоприятное мнѣніе; на примѣръ, я совсѣмъ не оправдываю твоей мысли передать въ пользу казенныхъ заведеній долгъ Жихарева: это будетъ принято за поступокъ притѣснительный и истолковано (не) въ твою пользу. О Боголюбовѣ ³⁾ думать нечего, ибо это была бы забота бесполезная. Съ подобными людьми тягаться нельзя, и предупреждать тотъ вредъ, который они сдѣлать могутъ, совершенно бесполезно: въ этомъ отношеніи мы всѣ въ одинакихъ обстоятельствахъ. Однимъ словомъ, уладь какъ можно тише то, что осталось дѣлать съ Жихаревымъ; объ остальномъ подумаемъ вмѣстѣ тогда, когда пріѣдешь сюда изъ Москвы. Въ будущую Пятницу я вмѣстѣ съ Вяземскимъ будемъ у князя Голицына. Если найдется средство, увѣдомлю я или Вяземскій о результатѣ нашей сходки. Вотъ все, что имѣю сказать тебѣ на эту минуту. Однимъ словомъ, я увѣренъ, что тебя здѣсь не удержатъ и что даже тебѣ не нужно будетъ просить новаго позволенія. Главное же дѣло состоитъ въ томъ, чтобы дать твоей заграничной жизни нѣкоторую officialность. Объ этомъ хлопотать теперь не должно, а не иначе, какъ въ минуту отъѣзда. Прости. Обнимаю тебя. Получилъ ли ты мои экзамены? ⁴⁾ Жуковскій.

CLIX.

30 Іюля (11 Августа) 1832, Эмсъ ⁴⁾.

Благодарствую, мой милой, за твое длинное, обстоятельное и умное письмо, которое получено мною третьяго дня ввечеру. Спѣшу тебѣ отвѣчать въ нѣсколькихъ строкахъ: по утру нынче отходить почта, а мнѣ еще надобно идти пить воды. Сперва о себѣ. Кажется, что мнѣ лучше; лицо потеряло желтизну; чувствую себя какъ-то бодрѣе, но еще ноги не служатъ, одышка отъ ходьбы. За то ѣзжу на ослахъ по горамъ и по ровному пути. Здѣшняя жизнь очень можетъ понравиться лѣнивому: механическая забота о тѣлѣ и отдаленіе всякихъ другихъ заботъ есть обязанность. И я исполняю эту обязанность по совѣсти: шутка ли опять сюда пріѣзжать! По утру пью свои шесть стакановъ; между каждымъ ходьба. Потомъ хожу для (sic) завтрака. Послѣ завтрака отдыхъ; но не смѣй заснуть, и такъ опять надобно ходить

---

³⁾ Вареломей Филипповичъ Боголюбовъ. О немъ см. выше, прим. I къ письму LXXVII.

⁴⁾ Вѣроятно рѣчь идетъ о „Войнѣ мышей и лягушекъ“, которая была напечатана въ № 2 журнала „Европеецъ“, предпринятаго въ 1832 году И. В. Кирѣевскимъ и прекращеннаго на третьемъ номерѣ того же года.

*

⁴⁾ Разстроенное здоровье вынудило въ 1832 году В. А. Жуковскаго отправиться за границу. Какъ видно изъ хранящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ путевого его дневника, онъ выѣхалъ изъ Петербурга на пароходѣ въ Любекъ утромъ 19 Іюня, вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ. Друзья разстались въ Ганноверѣ 29 Іюня: Тургеневъ поѣхалъ въ Госларь, Жуковскій въ Мюнденъ. Въ Эмсъ Жуковскій прибылъ 4 (16) Іюля.

или сидѣть гдѣ-нибудь, только не дома, чтобы не задремать; потомъ длинный обѣдъ, шумный и весьма худой, въ кургаузѣ. Послѣ обѣда опять ходьба или сидѣнье гдѣ-нибудь на воздухѣ, чтобы не заснуть дома. Это, признаться, для меня самое трудное: сонъ страшно нападаетъ и часто беретъ верхъ, хотя и стараюсь защищаться противъ него сигарами. Около пяти часовъ послѣ обѣда сажусь на осла и ѣзжу часть, два, иногда три, смотря по отдаленности мѣста, которое надобно осматривать. Возвратясь и еще походивъ въ толпѣ, иду въ ванну и послѣ ванны тотчасъ въ постель, гдѣ сонъ всегда уже ждетъ меня на подушкѣ. Вотъ моя механическая жизнь. Читаю газеты, которыя мнѣ весьма надобѣдаютъ, и Записки Лудвига XVIII, которыя отмѣнно любопытны²⁾. Общества здѣсь нѣтъ, а есть толпа въ маленькомъ саду, въ которомъ нѣтъ защиты ни отъ дождя, ни отъ зноя, и въ которомъ при солнцѣ воцѣяетъ . . . . . Не знаю отчего, но соединенія нѣтъ никакого; всѣ сходятся только на прогулкѣ. А было бы кому составить общество: со мною обѣ стѣну живетъ Потоцкая (Салтыкова), жена Болеслава³⁾; здѣсь и другая Потоцкая, жена Мечислава, въ которую ты бы конечно влюбился, заслушавшись ея пѣнiя; здѣсь семейство La Bourdonnaue, извѣстнаго карлиста, умнаго и любезнаго человѣка, они ждуть герцога Рогана съ женою и дѣтьми, но сами уѣзжаютъ; быть можетъ, прiдетъ и герцогиня Динонъ. Были другiе прiятные люди, но уже уѣхали. Изъ Русскихъ здѣсь князь Андрей Голицынъ⁴⁾ съ женою (Балкъ), жандармскiй генераль Полозовъ, генераль Габбе⁵⁾, который знаетъ брата Сергѣя и былъ съ нимъ въ Мобѣжѣ. Была герцогиня Лейхтенбергская; теперь осталась герцогиня Ольденбургская, при которой мой, и кажется твой, прiятель Реннекамфъ: съ нимъ-то мы и разѣзжаемъ по окрестностямъ.

Но мнѣ пора идти пить воду. Вотъ тебѣ мой маршрутъ à peu près. Отсюда уѣзжаю въ будущiй Вторникъ 2 (14) Августа⁶⁾ и остаюсь двѣ недѣли⁷⁾, то есть до 18 (30) Августа; какою дорогою поѣду

²⁾ Рѣчь идетъ о „Mémoires de Louis XVIII“, изданныхъ въ Парижѣ въ 1833 году, которыя признаются апокрифическими. По поводу этихъ Записокъ въ своемъ дневникѣ подъ 24 Юля Жуковскiй записалъ слѣдующее: „Чтенiе Записокъ Лудвига XVIII. Какое бѣдствiе для государя и государства *дворъ*; по Французскiй дворъ была неизбежная бѣда, произведенiе вѣковъ. Нужна была бѣдственная революцiа, чтобы уничтожить это бѣдствiе“.

³⁾ Графъ Болеславъ Станиславовичъ Потоцкiй былъ женатъ на княжнѣ Марiи Александровнѣ Салтыковой (р. 1806 † 1845). Его братъ, графъ Мечиславъ, былъ женатъ два раза: на Коморъ и на Повало-Швейковской.

⁴⁾ Князь Андрей Михайловичъ Голицынъ (р. 1792 † 1865), впоследствии генераль отъ инфантерiи, былъ женатъ на Софiѣ Петровнѣ Балкъ-Полевой

⁵⁾ Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1883 года, кн. I, стр. VII, въ письмѣ Жуковскаго къ Цесаревичу Александру Николаевичу фамилiа этого лица ошибочно напечатана: Граббе.— Въ дневникѣ Жуковскаго за время пребыванiя его въ Эмсѣ въ 1832 году часто упоминается фамилiа генерала Габбе (онъ былъ генераль-майоромъ, состоявшимъ по армiи).

⁶⁾ Изъ Эмса Жуковскiй выѣхалъ 8 (16) Августа.

⁷⁾ Вѣроятно пропущено: въ Швальбахѣ. Жуковскiй не поѣхалъ, какъ это видно

изъ Швальбаха, не знаю еще, вѣроятно загляну и въ Минхень⁸⁾; но первое мѣсто, въ которомъ проведу нѣсколько времени, это Веве, на берегу Женевскаго озера, гдѣ буду лѣчиться виноградомъ и гдѣ пробуду отъ конца Сентября вѣроятно до конца Октября. Потомъ въ Неаполь, гдѣ вѣроятно пробуду мѣсяца два, т. е. съ начала Декабря до начала Февраля, потомъ Февраль и Мартъ въ Римѣ. Въ Апрѣлѣ вѣроятно опять въ Неаполь, дабы полѣчиться водами на островѣ Искіи, водами, которыя точно Эмскія. Въ Маѣ обратный путь, моремъ или землею—еще не знаю. И такъ можешь писать ко мнѣ на первый случай (если письмо мое застанетъ тебя въ Минхенѣ) въ Швальбахъ *poste restante*. Потомъ въ Веве *poste restante*. Только вездѣ назначай подробнѣе свой адресъ. Прости, надобно идти пить воду. Тѣмъ, что ты вывозилъ изъ Герена⁹⁾, я доволенъ, ибо оно все критически справедливое и точно то, что я самъ думалъ. Но только ты чуть не попался въ просакъ: заставлялъ писать планъ ученія исторіи для Великаго Князя! Да изъ этого вышла бы печатная брошюра, въ которой на заглавномъ листѣ или въ предисловіи сказано бы было, на узнаніе всего свѣта, для кого и для чего; а на меня бы стали хмуриться. Прошу, если будешь съ кѣмъ говорить въ такомъ же смыслѣ, какъ съ Гереномъ, не упоминать, для кого говоришь; просто высасывай мысли. Прости. Твой Жуковскій.

CLX.

Le 5 Septembre [слѣдуетъ Octobre], n(ouveau) style, Vévay¹⁾.

Hier, mon cher ami, je suis arrivé à Vevay, où j'ai trouvé votre lettre du 1 Septembre (quel style?), accompagné de l'excellent Reutern, que vous connaissez, je crois, de Pétersbourg ou d'Ems et qui est venu exprès pour passer avec moi le temps ennuyeux de Weilbach et qui s'est décidé à me suivre jusqu'en Suisse. Grâce à lui cette maladie (qui vous accable et que je comprends si fort), la maladie de *l'isolement* n'a pas pu m'atteindre. J'en aurais été saisi comme vous, si j'étais comme vous seul dans mon pèlerinage. Votre lettre m'a bien remué le coeur, et il est absolument nécessaire, que nous nous réunissions quelque part en Italie. Je ne saurais vous dire au juste quand je quitterai la Suisse; c'est qui est sûr, c'est que je ne reste pas plus de 3 semaines (à compter de demain) à Vovay. Au commencement de Novembre je passerai les

---

изъ его дневника. 4 (16) Августа онъ пріѣхалъ въ Висбаденъ; 8 (20) этого мѣсяца поѣхалъ въ Вейльбахъ, гдѣ пилъ воды, и оставался тамъ до 21 Августа (2 Сентября).

⁸⁾ Мюнхена Жуковскій не посѣтилъ. Изъ Вейльбаха онъ поѣхалъ въ Гану; затѣмъ путь его лежалъ черезъ Франкфуртъ на Майнъ, Дармштадтъ, Гейдельбергъ, Штутгартъ, Тюбингенъ. 4 (16) Сентября онъ уже былъ въ Швейцаріи, въ Шафгаузенѣ. Нѣкоторые свѣдѣнія о путешествіи Жуковскаго до Веве можно найти въ его письмахъ къ Цесаревичу Александру Николаевичу („Русскій Архивъ“ 1888 г., кн. I, стр. VII—XII).

⁹⁾ Известнаго Нѣмецкаго историка.

*

¹⁾ Такъ писалъ Жуковскій вездѣ въ своихъ письмахъ вмѣсто правильнаго Vévay.

Alpes; je me rendrai d'abord à Milan par le Simplon, de là à Gênes; de Gênes par Livourne à Florence, où probablement je serai vers la fin de Novembre. Je compte y faire un séjour de trois semaines pour me rendre après avec le bateau à vapeur à Naples. Tel est mon plan, mon cher ami; ne pourriez vous pas d'après lui arranger le vôtre? Il aurait été heureux pour nous deux de faire ensemble notre séjour en Italie: nous partagerions Naples et Rome, et cela nous rappellerait Dresde. Si ma lettre vous trouve à Florence, restez y pour m'y attendre. Il y a assez de choses curieuses pour vous occuper et pour remplir votre temps; étudiez l'italien. Répondez à cette lettre en peu de mots et envoyez les exemplaires de votre réponse a Vévay, Milan et Gênes, poste restante. Deux mots seulement: *je vous attends à Florence*, et cela sera assez. Ma santé va assez bien. Weilbach m'a beaucoup restauré. Depuis, la fatigue du voyage m'a tant soit peu affaiblie. Voyons ce que fera la cure de raisin. Adieu. Au revoir donc.

Joukoffsky.

Je crois que Kiel viendra me rejoindre; il m'a écrit de Dresde. Mais cela ne fera rien pour notre entrevue.

Adress: A Son Excellence monsieur de Tourgueneff, conseiller d'état actuel au service de Sa Majesté l'Empereur de Russie. A Florence. Poste restante. Почтовые штемпели: 1) Vévay. P. P; 2) 13 Ottobre 1832.

Переводъ.

5 Сентября (слѣдуетъ: Октября) новаго стиля 1832, Веве ¹⁾.

Вчера, мой милый другъ, пріѣхаль я въ Веве, гдѣ я нашель твое письмо отъ 1 Сентября (какого стиля?), сопутствуемый добрѣйшимъ Рейтерномъ ²⁾, котораго ты, кажется, знаешь по Петербургу или Эмсу и который пріѣхаль нарочно, чтобы поскучать со мной въ Вейльбахъ, и рѣшилъ сопровождать меня въ Швейцарію. Благодаря ему болѣзнь (которая тебя удручаетъ и которая мнѣ такъ понятна), болѣзнь, происходящая отъ одиночества, меня не постигла. Но я бы, какъ и ты, подвергся ей, если бы я былъ одинокъ въ моемъ путешествіи. Письмо твое меня сильно тронуло, и намъ положительно необходимо съѣхаться гдѣ-либо въ Италиі. Не могу тебѣ сказать навѣрно, когда я покину Швейцарію; вѣрно одно, что я остаюсь въ Веве не болѣе трехъ недѣль (считая съ завтрашняго дня). Въ началѣ Ноября я переѣду Альпы; отправлюсь сначала въ Миланъ черезъ Симплонъ; оттуда въ Геную; изъ Генуи черезъ Ливорно во Флоренцію, гдѣ я буду, вѣроят-

---

¹⁾ Въ датѣ письма Жуковский ошибся; въ Веве, какъ видно изъ его дорожнаго дневника, онъ пріѣхаль 22 Сентября (4 Октября н. с.). 23 же Августа (4 Сентября н. с.) онъ былъ еще въ Ганау.

²⁾ Будущимъ тестемъ Жуковского, Гергардомъ-Вильгельмомъ фонъ Рейтерномъ (р. 1794 † 1865). Рейтернъ былъ благородная и свѣтлая личность. О немъ см. книгу „Gerhardt von Reutern. Ein Lebensbild, dargestellt von seinen Kindern und als Manuscript gedruckt zur hundertjährigen Gedächtnissfeier seines Geburtstags“ (Спб. 1894) и „Русскій Архивъ“, 12-й выпускъ за 1894 годъ.

но, въ концѣ Ноября. Тамъ я рассчитываю пробыть три недѣли, а потомъ на пароходѣ отправлюсь въ Неаполь. Таковъ мой планъ, дорогой другъ; не могъ ли бы ты сообразоваться съ нимъ? Для насъ обоихъ было бы счастьемъ пожить вмѣстѣ въ Италіи: мы бы подѣлили время между Неаполемъ и Римомъ, и это напомнило бы намъ Дрезденъ. Если письмо мое застанетъ тебя во Флоренціи, побудь тамъ и подожди меня. Интереснаго тамъ достаточно, чѣмъ можешь заняться и наполнить время; изучай Итальянскій языкъ. Отвѣтъ на это письмо въ нѣсколькихъ словахъ и отвѣты свои пошли въ Веве, Миланъ и Геную, *poste restante*. Отвѣчай лишь въ двухъ словахъ: *жду во Флоренціи*, и этого довольно. Мое здоровье удовлетворительно. Вейльбахъ значительно возстановилъ мои силы; но затѣмъ я усталъ отъ дороги и нѣсколько ослабъ. Посмотримъ, чтó будетъ отъ лѣченія виноградомъ. Прости. Надѣюсь, до свиданья. Жуковскій.

Я полагаю, что ко мнѣ присоединится Киль ³⁾; онъ мнѣ писалъ изъ Дрездена. Но это нисколько не помѣшаетъ нашему свиданію.

CLXI.

19 (31) Октября (1832, Веве).

Мое письмо огорчить тебя, мой милый другъ; но дѣлать нечего. Намъ не видаться съ тобою въ Италіи и мнѣ не видать Италіи. Стоило великой борьбы, чтобы отказаться отъ этого невозвратимаго наслажденія: осторожность однако превозмогла, и я остаюсь на зиму въ Веве. Вотъ въ чемъ дѣло: пароксизмы моей болѣзни начинаютъ возвращаться; при малѣйшей усталости возобновляется кровотеченіе. Вотъ уже нѣсколько дней какъ тоже дѣлается со мною, чтó было въ Петербургѣ. Еще худа нѣтъ; но можетъ быть худо. Главная необходимость для меня есть совершенный физическій покой, соединенный съ душевнымъ. Перваго нельзя имѣть въ путешествіи; а послѣдній едва ли буду имѣть въ такой сторонѣ, гдѣ на всякомъ шагу новое привлекательное, не дающее покою: надобно будетъ бѣгать, смотрѣть, поминутно будешь увлеченъ какою-нибудь новою прелестію. Это не для меня: не больному наслаждаться путешествіемъ. Если бы еще можно было перескочить разомъ въ Неаполь, то я конечно бы здѣсь не остался; но надобно ѣхать, а между тѣмъ болѣзнь опять открывается. Чтó, если я себя совершенно разстрою? Нѣтъ! думалъ, думалъ, и рѣшился остаться. Главное горе мое это ты и еще то, что я не увижу Ливурны, не взгляну на могилу Сапи ¹⁾. Это поручаю тебѣ; если письмо мое найдетъ тебя во Флоренціи, то, прежде нежели поѣдешь въ Римъ, заверни въ Ливурну. Сверхъ того возьми на себя заботу о памятникѣ; надобно положить на могилу простую мраморную доску съ надписью, высѣченною въ камнѣ (а не изъ бронзы, ибо все бронзовое крадутъ). Надпись таже, какая на гробѣ Маши ²⁾. Вотъ она:

---

³⁾ Вѣроятно Левъ Ивановичъ Киль († 1851), бывшій адъютантомъ Цесаревича Константина Павловича, а затѣмъ свиты Его Величества генераль-маіоромъ и съ 1845 года печальникомъ Русскихъ художниковъ въ Римѣ.

¹⁾ А. А. Воейковой. *

²⁾ М. А. Мойеръ († 1823), похороненной въ Дерптѣ.

ЗДѢСЬ ПОГРЕБЕНА

Александра Андреевна

ВОЕЙКОВА,

урожденная Протасова.

Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте; въ дому Отца Моего обители многи суть: аще ли же ни, реклъ быхъ вамъ: иду уготовати мѣсто вамъ, и аще уготовлю мѣсто вамъ, паки прииду и пойму вы къ себѣ: да, идѣже есмь Азъ, и вы будете.

Приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возмите иго Мое на себе и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обращаете покой душамъ вашимъ; иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть.

Надобно написать слова какъ можно явственнѣе, дабы не вышло безтолковщины. Закажи камень и увѣдомъ меня о цѣнѣ, пришлю деньги изъ Петербурга; для этого можешь употребить князя Горчагова *), нашего chargé d'affaires во Флоренціи. Онъ меня знаетъ. Устрой все поаккуратнѣе. Саша погребена въ Ливурнѣ на Греческомъ кладбищѣ. Подлѣ нея гробъ князя Долгорукаго, по которому легко ее отыщешь. О моемъ житьѣ-бытьѣ не безпокойся; я не одинъ, со мною Рейтернъ, который выписываетъ на зиму и свое семейство, такъ что я буду и въ совершенномъ уединеніи, и съ своимъ домомъ. Но Дрездена уже намъ не возвратитъ: никогда мнѣ не было такъ уютно, и покойно, и домовито, какъ въ Дрезденѣ; это время одно изъ самыхъ солнечныхъ въ жизни. Ты же спѣши въ Неаполь, тамъ Волконская, *) тамъ Алина; ты не будешь совершенно одинъ. Какъ мнѣ жаль нашего вмѣстѣ, какъ жаль Италиі, Колизея, Пантеона, Рафаэля, Везувія—не умѣю выразить; но дѣлать нечего; я здѣсь не для наслажденія, а просто для прозаическаго здоровья.

Прости, братъ. Напишу къ тебѣ, когда устроюсь. Нашелъ прекрасный домъ между Клараномъ и Монтрѣ въ самомъ тепломъ углу Швейцаріи: тамъ проведу 6 мѣсяцевъ самыхъ уединенныхъ. Скуки не боюсь, ибо намѣренъ работать. Лишь бы только здоровье не свихну-

*) Александра Михайловича (впоследствии канцлера).

) Княгиня С. Г. и княжна А. П. Волконскія. См. выше, въ прим. 2 къ письму СХХІХ

лось. Прости. Отвѣчай скорѣе на это письмо. А еще не имѣлъ отъ тебя отвѣта и на первое письмо мое, адресованное во Флоренцію въ отвѣтъ на твое Вейльбахское. Получилъ письма изъ Россіи отъ Великаго Князя ⁵⁾, отъ Козлова и отъ Екатерины Афанасьевны ⁶⁾. Карамзины здоровы, и старшіе сыновья уже студентствуютъ. И Викулинъ ⁷⁾ пишетъ изъ Шотландіи; онъ едва было не утонулъ на переѣздѣ моремъ; теперь уже вблизи своей невѣсты, но еще не видалъ ея, и ничто не рѣшилось. Мой адресъ, какъ прежде: à Vévay. Poste restante.

СЛXII.

6 Ноября (новаго стиля 1832), Веве.

Я писалъ къ тебѣ дважды во Флоренцію *poste restante* и ни на одно письмо не получилъ отвѣта. Въ первомъ письмѣ было условіе, какъ и гдѣ намъ съѣхаться. Я думалъ найти тебя во Флоренціи и просилъ, чтобы ты меня дождался. Во второмъ увѣдомлялъ тебя, что я рѣшился не ѣхать въ Италію и прожить всю зиму спокойно подлѣ Веве, то-есть между Клараномъ и Монтрѣ въ самомъ тепломъ мѣстѣ Швейцаріи. На это рѣшило меня то, что мои пароксизмы, отъ которыхъ избавили меня Эмсъ и Вейльбахъ, начали возвращаться. Всякое движеніе нѣсколько болѣе обыкновеннаго производитъ кровотеченіе, и бѣда, если старое возвратится: тогда все было напрасно, и начинай лѣченіе снова. Я подумалъ, что путешествіе само по себѣ будетъ уже сильнымъ движеніемъ и что въ Италіи мнѣ трудно будетъ сидѣть на мѣстѣ: надобно будетъ все осматривать. Если же не осматривать ничего, то не зачѣмъ и ѣздить въ Италію. Однимъ словомъ, я твердо увѣрился, что путешествіе въ Италію будетъ мнѣ физически вредно, и рѣшился остаться. Но оставаться одному такъ же почти вредно, ибо задохнешься отъ скуки. Со мною по сихъ поръ жилъ Рейтернъ, и онъ рѣшился выписать свою семью, дабы также остаться на зиму въ Швейцаріи вмѣстѣ со мною. Онъ получилъ сперва отъ жены письмо, что она будетъ: это положило конецъ нерѣшимости и для меня, и я написалъ къ тебѣ во Флоренцію, чтобы ты меня не ждалъ. Но вотъ пришло другое письмо отъ Рейтерновой жены, въ которомъ она увѣдомляетъ о случившихся препятствіяхъ въ путешествіи, и это опять произвело нерѣшимость для меня, и Рейтернъ долженъ будетъ уѣхать, если препятствія не устроятся. Такимъ образомъ все еще есть возможность, что я поѣду въ Италію. Если поѣду, то не далѣе Рима, и все путешествіе мое продолжится Декабрь, Генварь, Февраль и Мартъ. Въ Апрѣлѣ надобно будетъ повернуть оглобли и ѣхать прямо въ Вейльбахъ. Вѣроятнѣе же, что я останусь. Мнѣ не надобно нисколько рисковать здоровьемъ: если старое возвратится, то уже будетъ весьма, весьма плохо. Живучи здѣсь, проведу зиму самую спокойную, въ за-

⁵⁾ Цесаревича Александра Николаевича.

⁶⁾ Протасовой.

⁷⁾ Сергѣй Алексѣевичъ Викулинъ, гвардейскій офицеръ большахъ дарованій, рано умершій вслѣдствіе умственнаго расстройства. См. о немъ „Русскій Архивъ“ 1833, кн. I, стр. V, прим. 1.

нятіи, наблюдая режимъ, дѣлая умѣренное движеніе и владея всѣмъ своимъ временемъ: это всего нужнѣе для довершенія лѣченія, и этого нельзя надѣяться ни отъ путешествія, ни отъ житія въ Италиі.—Ты вѣрно въ свое время получилъ мои письма; позаботься о памятникѣ Сашѣ, увѣдомь меня о цѣнѣ и о томъ, кому поручишь исполненіе. Большое для меня горе, что я не буду въ Ливурнѣ. Прости, мой милой; подробностей о себѣ никакихъ сообщить не могу, ибо живу самымъ однообразнымъ образомъ; завтра или послѣзавтра отправлюсь въ Женеву на три или четыре дня, чтобы взглянуть на Андришу ¹⁾; оттуда возвращусь въ Веве черезъ Лозанну и погляжу на Лагарпа ²⁾; потомъ на всю зиму (если планъ жизни моей уладится) погрѣбусь въ своемъ уединеніи: прекрасный домъ, на берегу озера, защищенный отъ сѣвернаго вѣтра, въ Верне (мѣстечко между Клараномъ и Монтрѣ). Если нѣтъ для меня Италиі, то по крайней мѣрѣ будетъ поэзія, и ея мечты возвратятъ мнѣ потерянную Италию. Обнимаю тебя. Мой адресъ: à Vévey, poste restante. Ж.

CLXIII.

Верне близъ Веве (15 (27) Января 1833) ³⁾.

Благодарствую, милой, за прелестное письмо твое. Оно меня наполнило грустію по Италиі, но еще болѣе убѣдило, что я хорошо

¹⁾ Слабоумный сынъ А. А. Воейковой, воспитывавшійся въ Женевскомъ пансіонѣ. Въ Женеву въ предположенный въ письмѣ день Жуковскій не поѣхалъ, какъ это видно изъ его дневника, а съѣздивъ туда 18 (30) Ноября, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста его дневника: „18 (30), Пятница. Посѣщеніе Андриши съ Приватомъ (Privat). Первая минута. Сходство (*m. e. сь матерью*): въ чертахъ, въ manière d'être, походкѣ; руки, усмѣшка. Послѣобѣденный экзамень. Приватъ. Незлопамятность, робость, невеликодушіе упрямство. Совѣтъ ума и чувства. Развитіе тѣлесное“.

²⁾ Въ Лозанну, для посѣщенія Лагарпа, знаменитаго воспитателя Императора Александра I, Жуковскій отправился 2 (14) Ноября. Вотъ что записано подъ этимъ числомъ въ его дневникѣ: „2 (14) Н(оября). Письма отъ Тургенева и Прива. Отвѣтъ. Поездка въ Лозанну. Ясный день. По пріѣздѣ къ Лагарпу. Его кабинетъ. Александръ. Бюстъ. Съ одной стороны выписна изъ Польской конституціи, съ другой изъ письма, Между бюстами Марка Аврелія и Перикла; но подлѣ Перикла Эпикуръ. Маленькій мраморный бюстъ на пьедесталѣ, подаренный княгиней Волконскою, съ надписью: A Paris il a oublié l'incendie de Moscou. L'ingrate Pologne lui devra sa régénération. Портретъ Александра во весь ростъ въ фуражкѣ. Портретъ Николая съ надписью: Указъ о составленіи tiers-état въ Россіи. Портретъ Екатерины, данный ею. Разговоръ о дѣлахъ Польскихъ; совѣтъ Лагарпа; гарантіи; Костюшко; отказъ Костюшки возвратиться въ Польшу; анекдотъ о Польскомъ феодализмѣ; Константиновъ экземпляръ конституціи Польской; его изъясненіе, что не можетъ принудить знать исполнять постановленія. Анекдоты о Павлѣ; его прощаніе съ Лагарпомъ; отнятіе пенсіона. Анекдотъ о дубѣ Печергофскомъ, Екатериною обведенномъ наканунѣ восшествія на престолъ. Жена Лагарпа Шаваннь. Ея племянница, родившаяся въ Испаніи. За столомъ или за здоровьемъ Императора“. 3 (15) Ноября Жуковскій вернулся изъ Лозанны въ Веве.

*

³⁾ Даты письмо не имѣетъ; но она можетъ быть опредѣлена точнымъ образомъ на

сдѣлать, оставшись по сю сторону Альповъ. Эта тревожная, можно сказать, очаровательная жизнь, безпрестанно возбуждающѣя всѣ душевныя силы, была бы для меня слишкомъ раздражительна и только что удалила бы меня отъ моей пѣли, отъ выздоровленія. Но не могу не скорбѣть, что болѣзнь помѣшала мнѣ пожить вмѣстѣ съ тобою въ этой чудесной Италіи. Правда и то, что безъ болѣзни я не былъ бы и на берегу Женевскаго озера, я прямо остался бы въ Петербургѣ и дѣлалъ свое дѣло. И мысль объ моемъ удаленіи изъ Россіи часто меня тревожитъ; теперь я узналъ, что и Мердеръ ²⁾ боленъ: доктора рѣшили, что и ему надобно нѣсколько времени пользоваться покоемъ, и временно мѣсто его занялъ Кавелинъ ³⁾. Съ одной стороны я этому и радъ: Кавелинъ человекъ надежный, онъ имѣетъ благородный, честный характеръ и начатаго дѣла не испортитъ; а Мердеру непременно нужно отдохнуть, иначе онъ бы совсѣмъ опрокинулся; онъ давно уже боленъ; лишь бы только теперешній припадокъ болѣзни не былъ опасенъ: это меня тревожитъ. Мердера замѣнить будетъ не можно; хотя онъ и не имѣетъ образованія Европейскаго, но своимъ характеромъ и твердымъ, здоровымъ умомъ принесъ уже весьма много пользы Великому Князю. Такіе люди, какъ онъ, сокровище при дѣтяхъ Царскихъ: благодаря ему (и мнѣ), Великій Князь не потеряетъ уваженія къ людямъ. Это чувство есть палладіумъ души; оно особенно нужно Царю, и въ наше время болѣе, нежели когда-нибудь, подвержено опасности охолодѣть или совсѣмъ изгладиться. Не будь этой тревоги о Мердерѣ, я бы велъ жизнь свою здѣсь весьма покойно и весело: она мнѣ совершенно по нраву, полное, свободное, беззаботное уединеніе. Много сходства съ нашею Дрезденскою жизнью; только еще однообразнѣе. Тамъ былъ подъ бокомъ театръ и семейство Пушкиныхъ ⁴⁾, а здѣсь одно Женевское озеро, Симплонская дорога, по которой ежедневно дѣлаю отъ шести до семи верстъ, и картина горъ, на кои еще не отваживаюсь взбираться. Встаю, какъ въ Дрезденѣ, въ пять часовъ и занимаюсь чѣмъ ни попало; стиховъ написалъ довольно, но все еще

основаніи слѣдующихъ двухъ мѣстъ изъ дневника Жуковскаго за 1833 годъ и сопоставленія ихъ съ содержаніемъ настоящаго письма: „13 (25) (Января), Пятница Письма отъ Тургенева и отъ Шамбо. Извѣстіе о смерти Пушкиной и о болѣзни Мердера. Продолжалъ Eleucus. Fest (т. е. переводъ баллады Шиллера Элевзинскій праздникъ). Итальянецъ съ обезьяною. День безъ солнца и довольно холодный. 15 (27), Воскресенье. Писалъ къ Габбе и къ Тургеневу. Мысли о Радовицѣ“.

²⁾ Генераль-адъютантъ Карлъ Карловичъ Мердеръ, воспитатель Цесаревича Александра Николаевича. Болѣзнь К. К. Мердера потребовала лѣченія за границей, гдѣ онъ и умеръ 24 Марта 1834 года. Жуковскимъ, какъ извѣстно, было написано о немъ воспоминаніе (см. Соч. Жуковскаго, изд. 8-е, т. 5, стр. 479—481).

³⁾ Генераль-адъютантъ Александръ Александровичъ Кавелинъ (р. 1793 † 1850) Мѣсто воспитателя Цесаревича Александра Николаевича было предложено А. А. Кавелину Императоромъ Николаемъ еще раньше К. К. Мердера, но тогда Кавелинъ отказался. А. А. Кавелинъ впоследствии былъ сенаторомъ, С.-Петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ (съ 1842 по 1846 г.) и членомъ Государственнаго Совѣта.

⁴⁾ Е. Г. Пушкиной и ея дочерей.

не расписался и черпаю изъ другихъ ⁵⁾, а своего не пачицалъ, и не знаю, удастся ли написать что-нибудь свое: для этого нужно болѣе живости и свѣтлости воображенія, которому болѣзнь большая помѣха. Но я не боленъ, а только остановился на одномъ пунктѣ, и мои пароксизмы (то есть кровотеченіе) продолжаются постоянно, съ тою только разницею, что они не ослабляютъ меня, какъ въ Петербургѣ, и на лицѣ моемъ гораздо болѣе свѣтлости; какъ скоро эти пароксизмы уймутся, то и здоровье укоренится; но это можетъ быть только исподоволь, отъ постоянно спокойной жизни. Мнѣ еще остается три или четыре мѣсяца. Поѣду отсюда не прежде, какъ въ половинѣ Мая; и такъ еще довольно времени впереди. Я согласенъ съ тобою, хорошо бы было прожить такъ еще годъ; но возможно ли? Надобно будетъ совсѣмъ отказаться отъ своего дѣла. Увидимъ, что скажетъ весна. Между тѣмъ продолжай писать ко мнѣ и давай мнѣ Италію въ своихъ письмахъ. Ты вѣроятно скоро отправишься въ Неаполь, тамъ найдешь много Русскихъ, между прочими и Памсіа Сергѣевича Кайсарова ⁶⁾. Радовицы ⁷⁾, вѣроятно, оставили уже Римъ: они скачутъ по почтѣ и къ концу Февраля должны уже быть въ Берлинѣ. Съ Радовицемъ провелъ я здѣсь прелестный вечеръ. Это теплая, грѣпкая душа; онъ на все глядитъ своими глазами, но при немъ нельзя не мыслить и не чувствовать. Въ его образѣ мыслей можетъ быть много излишества (*exagération*), но такой образъ мыслей есть доска спасенія въ нашемъ убійственно-позитивномъ вѣкѣ, когда все возвышающее душу засыпано земнымъ соромъ, когда нѣтъ святаго, когда математическій гордый умъ гонитъ Бога съ Его мѣста и когда образованность сдѣлалась плодомъ безъ зерна. То, что дѣлается во Франціи, имѣетъ для меня что-то ужасающее (*abschreckendes*); правда, Франція можетъ быть никогда не имѣла такой массы свободы, какую имѣетъ теперь; но что въ этомъ за выгода: достоинство человѣческое унижено, свѣтлое раздавлено. Они не кричатъ теперь, какъ сумасшедшіе ребята первой революціи: нѣтъ Бога; но какъ изнуренные развратники выключили Его изъ жизни и не чувствуютъ нужды въ святынѣ. Такой ли долженъ быть плодъ человѣческой образованности? И мы конечно не живемъ въ такое время, когда можно сказать: человѣкъ близокъ къ своей цѣли. Передъ нами еще одни грубые, набросанные матеріалы, изъ которыхъ многое можетъ быть построено; но могущій строитель,

---

⁵⁾ За время пребыванія въ Веве и Верне, съ 31 Октября 1832 по 15 Января 1833 года, Жуковскимъ переведены были изъ Уланда, Шиллера и Гёте слѣдующіи пьесы: Роландъ оруженосецъ; Плаваніе Карла Великаго; Норманскій обычай; Братоубійца; Рыцарь Роллонъ; Старый рыцарь; Улинь и его дочь; Элевзинскій праздникъ; Орель и голубка; сверхъ того началъ быть переводъ Наля и Дамаянти (всего лишь семнадцать строкъ). (См. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 104).

⁶⁾ Памсіи Сергѣевича Кайсарова (р. 1783 † 1844), братъ друга Жуковскаго и Тургенева, Андрея Сергѣевича Кайсарова, воспитывался въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ; онъ былъ генераломъ-отъ-инфантеріи и сенаторомъ.

⁷⁾ Извѣстный Прусскій дипломатъ и государственный дѣятель Іосифъ Радовицъ (р. 1797 † 1853), котораго біографическій очеркъ впоследствии написалъ Жуковскій.

время, еще не принялся за свое дѣло, еще все валится, и долженъ быть сдѣланъ строгій выборъ изъ навалившейся груды. Посреди такого хаоса Радовиць со своими высокими, непрозаическими мыслями есть явленіе радостное; если онъ не попалъ на истину, то, конечно, не попали на нее и тѣ, кои стоятъ на дорогѣ, какъ Прокрусть съ своею постелью, и хотятъ вмѣстить въ нее все Божественное и человѣческое. Въ системѣ Радовица особенно прекрасно то, что она не только въ головѣ его, но и въ жизни, во всякую минуту жизни. Другіе толкуютъ о главномъ житейскомъ, когда случится, и берутъ мысли и чувства изъ запертаго сундука, въ которомъ берегутъ ихъ про всякій случай: это мертвый капиталъ. У него же эти мысли живыя деньги, которыя безпрестанно въ оборотѣ. Жаль, что такіе люди для меня только минутныя встрѣчи. Мы дома привыкли жить безъ жизни, и наши мысли для насъ тоже, что золотыя древнія медали для охотника: заперты въ ящикѣ, да и только. Ничто ихъ не грѣетъ и не выводитъ на Божій свѣтъ; тлѣются и покрываются плѣсенью; а съ ними и душа. Ты это испыталъ, я думаю, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ; теперь ты роскошествуешь посреди Италиі, посреди необъятнаго запаса произведеній человѣческаго гения и воспоминаній историческихъ; надобно имѣть подлѣ себя Нѣмца, чтобы выкопать жизнь изъ этихъ великолѣпныхъ развалинъ. Я здѣсь, напротивъ, не имѣю никакого возбужденія извнѣ; мой Петербургскій кабинетъ переѣхалъ сюда вмѣстѣ со мною; но за то мнѣ здѣсь вольно дышать, и я самъ у себя во власти: нѣтъ вокругъ меня музыки, за то не слышу и кваканья лягушекъ. Могу себѣ говорить на просторѣ: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.—А ты пиши, все пиши ко мнѣ и не слишкомъ будь взыскателемъ; ты знаешь, что я не охотникъ писать, что мнѣ для писемъ нужно такое же вдохновеніе, какъ для стиховъ; писать же и не о чемъ: высокіе утесы, да изумрудная вода, вотъ и только. И то правда, каждый день они новы, и каждый день можно бы было что-нибудь свѣжее написать объ нихъ, но для моихъ описаній немного словъ найдется въ лексиконѣ. Ты же теперь Крезъ и можешь дарить меня, не ожидая и не требуя отплаты. Къ памятнику *) ничего отнюдь прибавлять не надобно; онъ долженъ быть не иное что, какъ второй экземпляръ Дерптскаго †). Обѣимъ сестрамъ одинакой гробъ и одинакая надпись: ихъ души были одинаковы, хотя въ разномъ образѣ; и можно сказать, что между ихъ могилами таже разница, какая между ихъ наружностію. Для одной умершей небо Лифляндіи и тихой уголокъ подлѣ большой дороги, за которою поле, покрытое жатвою; природа простая и пріятная, какъ ея тихія свойства; надъ другою голубое небо Италиі съ его яркими звѣздами и съ благовоніями Юга, очаровательными, какъ ея милое, восхительное ребячество, какъ поэзія ея сердца. Итакъ не перемѣняй и не прибавляй ничего. Предувѣдомь меня, когда соберется Энгельбахъ послать третій камень въ Россію; объ этомъ мнѣ надобно предварительно написать въ Ригу и въ Дерптъ. Вотъ адресъ: Евстацію Оедоровичу

---

*) На могилѣ А. А. Воейковой въ Ливорно.

†) На могилѣ М. А. Мойеръ.

Петерсену, губернскому прокурору въ Ригѣ. И ты напиши отъ себя объ этомъ и къ Петерсену, и къ Екатеринѣ Аванасьевнѣ ¹⁰⁾; а меня предувѣдомь. Прости. Жуковскій.

И я получилъ милое письмо отъ Вяземскаго. Онъ вице-директоръ Департамента Торговли: смѣхъ да и только! Славно употребляютъ у насъ людей. На то ли могъ бы онъ годиться? И Пушкиной нѣтъ. Много, много отправилось уже нашихъ сопутственникововъ во свояси! И у меня какъ-то часто теперь вертится въ головѣ идея о смерти: теперь ужъ идемъ не впередъ, а къ концу.

CLXIV.

Верне близъ Веве, 1833, 14 (26) Марта.

Я давно получилъ послѣднее письмо твое изъ Неаполя отъ 26 Февраля и все собирался на него отвѣчать, но лѣнь мѣшала и теперь мѣшаетъ; но надобно однако рѣшиться. Тебѣ хорошо: ты въ Итали, и на каждомъ шагу новая прелесть; есть о чемъ поговорить и лѣнливцу; а ты сверхъ того еще и охотникъ писать письма, какихъ немного. У меня, напротивъ, передъ глазами все одно да одно, и съ этою однообразностью соединились всякаго рода лѣни: и лѣнь перемѣнять мѣсто, и лѣнь говорить о томъ, что думаешь или видишь. Вотъ уже три мѣсяца, какъ живу въ своей маленькой деревушкѣ, на берегу озера, а еще только два раза былъ въ Веве для свиданія съ нѣкоторыми знакомцами; по близости не познакомился ни съ кѣмъ, и дни мои идутъ, какъ заведенные часы: одинъ совершенно похожъ на другой; даже и прогулки, кои въ здѣшней богатой сторонѣ могли бы быть весьма разнообразны, до сихъ поръ были не иное что, какъ движеніе для здоровья, ежедневное, въ одинъ часъ, и нынче не далѣе, какъ вчера, и пр. Все это очень хорошо для возстановленія силъ физическихъ, но, наконецъ, слишкомъ уже безжизненно. Я надѣялся, что по крайней мѣрѣ употреблю время свое съ пользою поэтической, но и тутъ ошибся: состояніе моей души совсѣмъ не поэтическое, хотя и не мрачное; началъ было писать и написалъ нѣсколько (то-есть перевелъ) стиховъ и надѣялся, что разогрѣю свою лиру, но тѣмъ и кончилось, и кажется мнѣ, что время поэзіи для меня миновалось; можетъ-быть это оттого, что жизнь моя сама по себѣ безцвѣтна и что лѣта уже взяли свое, то-есть застудили то, что не было никогда обращено въ живое пламя. А ты между тѣмъ не измѣнилъ своему характеру разнощика и уже успѣлъ возблаговѣстить въ Петербургѣ, что я пишу поэму, съ чѣмъ Вяземскій меня уже и поздравляетъ. Этого одного уже достаточно, чтобы убить мою поэму въ зародышъ; а до сихъ поръ и зародыша ея не было. Всѣ мои занятія теперешнія ограничиваются чтеніемъ, и то безъ всякаго порядка. Жалѣю, что я, не спросясь съ своимъ анти-поэтическимъ расположеніемъ, сдѣлалъ сначала планъ писать много стиховъ; я нѣсколько времени упрявился, хотѣлъ писать непремѣнно,

---

¹⁰⁾ Протасовой.

да и написал кое-что, но многое долженъ былъ бросить ¹⁾, и это меня какъ-то разстроило. Если бы просто занялся однимъ чтеніемъ, то былъ бы съ богатымъ прибыткомъ. Остальное время моего здѣшняго житья-бытья раздѣлю между чтеніемъ и бродячею жизнью: если что-нибудь случится стихотворное, то безъ моего вѣдома, безъ всякихъ приготовленій. Съ нѣкотораго времени мои пѣшеходные подвиги сдѣлались отважнѣе; чувствуя себя крѣпче, я оставилъ шоссе и начинаю лазать по горамъ, дѣлаю открытія и дивлюсь чудесному расположенію здѣшней природы; чѣд шагъ, то новый міръ: можно здѣсь прожить годъ и всякой день видѣть новое, не выходя изъ-за тѣсныхъ границъ кантона. Это же мнѣ самое лучшее лѣкарство; горный воздухъ есть бальзамъ жизни; беззаботность, прогулки, обширный горизонтъ, высота, на которой стоишь, какъ будто отдѣленный отъ всего земнаго, усиліе, съ какимъ взбираешься вверхъ или спускаешься въ глубину, все это удивительно цѣлбно, и я чувствую, что силы мои возвращаются, ибо могу взбираться на высоты безъ большой усталости; отдышка уменьшается, цвѣтъ лица живѣе; но еще остается долго послѣ прогулки усталость, особливо въ ногахъ; да и аппетитъ не такъ живъ, какъ бы могъ быть. Этому причиною то, что пароксизмы моей болѣзни, кои въ Петербургѣ такъ меня изнурили, возобновились здѣсь и давно продолжаютъ постоянно. Безъ того режима, которому слѣдую съ педантическою точностію, безъ той независимости, которую здѣсь имѣю въполнѣ, безъ этой кроткой зимы, безъ этого здороваго горнаго климата я, конечно, былъ бы теперь въ худшемъ положеніи, почти въ какомъ оставилъ Петербургъ. Итакъ можно сказать, что я здѣсь не выздоровѣлъ, а только образомъ жизни своей остановилъ развитіе того зла, которое во мнѣ таится. Думаю однако, что послѣдніе два мѣсяца и весна помогутъ мнѣ совершенно возстановиться.

Между книгами, мною здѣсь прочтенными, назову одну, которой прочиталъ только первый томъ (сожалѣю, что не началъ этого чтенія прежде) это—Haller's Restauration der Staats-Wissenschaft ²⁾. Знаешь ли ты ее? По крайней мѣрѣ исторія Галлера и его католицизма тебѣ должна быть извѣстна ³⁾. Если вѣрить Лагарпу (который могъ быть

---

¹⁾ Въ бумагахъ Жуковского сохранились неконченныя наброски трехъ пьесъ, относящихся къ концу 1832 и началу 1833 года (см. „Бумаги Жуковского“, стр. 104—105). Сверхъ того, какъ было замѣчено выше, онъ принялся было за переводъ „Наля и Дамаянти“, но перевелъ всего лишь первые семнадцать стиховъ.

²⁾ Сочиненіе Швейцарскаго политическаго дѣятеля и публициста Карла-Людвига Галлера „Restauration der Staatswissenschaft oder Theorie des natürlich-geselligen Zustands der Chimäre des künstlich-bürgerlichen entgegengesetzt“ вышло въ шести томахъ (первые четыре напечатаны въ Винтертурѣ въ 1816—1820 гг.; 6-й томъ въ 1825 году, а 5-й въ 1834 г.).

³⁾ Карль-Людвигъ Галлеръ родился въ Бернѣ въ 1768 году. Въ молодости онъ служилъ на дипломатическомъ поприщѣ; въ 1806 году онъ получилъ каведру исторіи въ Бернскомъ университетѣ, а затѣмъ былъ членомъ большаго (des grossen Rathes) и тайнаго (des geheimen Rathes) совѣта въ Бернѣ. Тайнымъ католикомъ онъ сталъ еще съ 1808 года, но продолжалъ сохранять за собою всѣ занимаемыя имъ должности. Въ 1820

въ этомъ случаѣ и пристрастенъ), то Галлеръ человекъ, не заслуживающій уваженія. Что до этого? Книга прекрасная. Онъ жестоко нападаетъ на всѣ новыя политическія системы и строить свое зданіе на новомъ, твердѣйшемъ основаніи; онъ уничтожаетъ идею политическаго первоначальнаго договора и извлекаетъ порядокъ гражданскихъ обществъ изъ природы вещей; *фактомъ* замѣняетъ *идею*; и вмѣсто ложныхъ системъ, созданныхъ на основаніи ложной идеи (системъ, къ коимъ насильственно примѣнили въ наше время порядокъ гражданскій), принимаетъ просто сей порядокъ, неискусственно создавшійся, самъ собою, въ слѣдствіе вѣчныхъ Божественныхъ законовъ, и существующій теперь въ развитіи такимъ, каковъ онъ существовалъ первобытно въ своемъ зародышѣ. Галлерова система проста, удовлетворительна, въ ней логическая строгая связь, и она особенно удовлетворительна тѣмъ, что ставитъ границы заносчивости человѣческаго ума и возвращаетъ должное Богу. Но я прочиталъ только первый томъ, въ которомъ одно введеніе, то есть одна общая теорія происхожденія гражданскаго общества, въ коей онъ *das natürlich-gesellige* ⁴⁾ противопоставляетъ *dem künstlich-bürgerlichen* ⁵⁾; что есть совершенно новая *Ansicht* ⁶⁾, ибо доселѣ *естественное состояніе* полагали предшествующимъ *гражданскому*, составившемуся *произвольно* (что есть галиматья). Онъ же, напротивъ, утверждаетъ, что естественное состояніе продолжается и теперь и никогда прекратиться не можетъ, и что такъ называемое *гражданское* состояніе есть выдумка теористовъ, кои *натуру вещей*, столь ясно видимую въ ходѣ исторіи, замѣнили *идею* и, стараясь согласить съ системами, на сей *идею* созданными, порядокъ общественный, исторически создавшійся согласно съ натурою вещей, опрокинули всякой порядокъ и произвели то, что мы видимъ. Если привязываться къ нѣкоторымъ идеямъ Галлера, вырвавъ ихъ изъ системы цѣлаго, то можешь подумать, что онъ панегиристъ абсолютизма; но въ самой вещи онъ другъ истинной свободы, если только подъ именемъ свободы должно разумѣть не безумное равенство правъ, а независимость каждаго *на его мсть*. Впрочемъ не могу еще судить о цѣломъ, ибо прочиталъ одинъ первый томъ; думаю однако, что Галлерова система есть та именно, которая мнѣ надобна; нельзя безъ отвращенія

году онъ поѣхалъ въ Парижъ и оттуда сообщилъ своей семьѣ о своемъ переходѣ въ католичество письмомъ (Lettre à sa famille pour lui déclarer son retour à l'Église catholique), которое выдержало нѣсколько изданій и было переведено на разные языки. Уволенный отъ занимаемыхъ имъ должностей, онъ перѣхалъ въ Парижъ и получилъ тамъ впоследствии должность въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Июльская революція заставила его покинуть Францію, и онъ возвратился въ Швейцарію, гдѣ поселился въ городѣ Золотурнѣ. Галлеръ умеръ въ 1854 году. Изъ многихъ его сочиненій наибольшую извѣстность доставило ему „*Restauration der Staatswissenschaft*“ (свѣдѣнія о жизни и литературной дѣятельности Галлера см. въ *Allgemeine Deutsche Biographie*, т. X, Leipzig. 1879, стр. 431—435).

⁴⁾ Естественное-общественное.

⁵⁾ Искусственно-гражданскому.

⁶⁾ Взглядъ.

и безъ содраганія читать всего того, что врутъ защитники фальшивой свободы, верховной власти народа, такъ называемаго общаго блага и пр. и пр. Это отсутствіе всего Божественнаго, этотъ матеріализмъ, это замѣненіе всего высокаго и святаго въ душѣ человѣческой ариеметическими разсчетами интереса (частнаго или общаго, все равно), это презрѣніе ко всему историческому, это замѣ(не)ніе патріархальной верховной власти грубою властію народовъ, этотъ деспотизмъ книгопечатанія, которое *общимъ бѣдствіемъ*, то-есть безнравственностью доктринъ, губящихъ правила, замѣнило *частныя бѣдствія*, происходившія отъ страстей одного и оставлявшія слѣды неглубокіе, все это приводитъ въ трепеть. Однѣ фразы царствуютъ. Хотя и не носятъ теперь на носилкахъ непотребныхъ дѣвокъ, одѣтыхъ въ Греческую тунику, на поклоненіе народу, но революціонная *богиня ума* опять на престолѣ, и ея владычество тѣмъ опаснѣе, что эшафотъ не окружаетъ ея; ея присутствіе не пугаетъ, но оно *терпимо*; и всеобщая усталость, препятствующая возвращенію *прежнихъ ужасовъ*, съ другой стороны уничтожаетъ и самую жизнь. Прежніе ужасы были сильный бой: можно еще было надѣяться побѣды. Теперешняя *усталость* есть миръ могилы; что въ ней спрятано? Гниль и прахъ. Но конечно и это мертвое состояніе не естественно человѣку. Святое вѣчно. Въ его отсутствіи залогъ его возвращенія. Религія, религія, вотъ, что должно быть *общимъ крикомъ!* Въ ней и гражданство, и свобода, и благородство души человѣческой. Теперь же что? Царство типографическаго прессы, около котораго толпятся всѣ, которые до сихъ поръ валялись въ грязи общества; сто буйныхъ крикуновъ на одного скромнаго проповѣдника святости. И это называется свободой мысли.—Изъ всего этого не вздумай ты извлечь убѣжденіе, что я поклонникъ абсолютизма. Всякой абсолютизмъ приводитъ мою кровь въ волненіе, но абсолютизмъ въ красной шапкѣ такъ же мнѣ противенъ, какъ святому дьяволу.

Я думаю, что *не надобно трогать* стараго камня съ гроба ⁷⁾, если на немъ утверждёнъ крестъ. Пускай положить доску съ надписью сверху. Напиши объ этомъ кому слѣдуетъ и увѣдомь меня о цѣнѣ памятника. Прости. Обнимаю тебя. Здѣсь пробуду Апрельъ и вѣроятно Май. Увѣдомь, что будешь дѣлать и куда поѣдешь. Ж.

CLXV.

(10 (22) Апрелья 1833, Марсель).

Я въ Марсели ¹⁾. Завтра, то есть 11 (23) Апрелья, ѣду на пароходѣ Фердинандѣ въ 8-мь часовъ утра. Другой пароходъ Сюлли отправляется завтра же часомъ ранѣе. Онъ отдастъ тебѣ это письмо въ Чивита-Веккиа, гдѣ ты меня, вѣроятно, будешь дожидаться. Мы тамъ будемъ, вѣроятно, 29 Апрелья. Хорошо бы, когда бы мы могли тамъ

⁷⁾ А. А. Воейковой.

¹⁾ Изъ Веве Жуковскій выѣхалъ 1 (13) Апрелья и 8 (20) пріѣхалъ въ Марсель, гдѣ провель три дня. Въ Чивита-Веккию онъ пріѣхалъ 16 (28) Апрелья и встрѣтилъ тамъ Тургенева. Въ Италіи Жуковскій пробылъ до конца Мая; 28 Мая (9 Юня) онъ уже былъ въ Марсели, а 4 (16) Юня вернулся въ Верне.

сѣхаться и вмѣстѣ взглянуть на Неаполь, гдѣ я пробуду дней 10, и потомъ съ пароходомъ въ Римъ на недѣлю. Прости, до возможнаго свиданія. Здѣсь имѣлъ о тебѣ извѣстія отъ Тюфякина ²⁾ и Чичерина ³⁾.
Жуковский.

Адресъ: A son excellence monsieur de Tourgueneff, conseiller d'état actuel au service de S. M. l'Empereur de Russie. Послѣ этого написано слѣдующее: Il viendra lui-même demander cette lettre sur le bateau à vapeur. Si pourtant il ne la réclamera pas, on prie de l'adresser à Rome, poste restante ⁴⁾.

CLXVI.

(18 (30) Іюня 1833, Верне).

Мнѣ, слава Богу, хорошо... ¹⁾ Увѣдомъ, прошу тебя, какъ мнѣ адресовать вѣрнѣе письмо къ Цану ²⁾ въ Неаполь; мнѣ надобно отправить къ нему деньги за Помпею ³⁾. Я пробуду здѣсь до 10 Іюля ⁴⁾ и можетъ быть далѣе, если надобно будетъ возобновить операцію; надѣюсь, однако, что и безъ того обойдется. Къ Булгакову буду писать завтра; только ты смѣшенъ съ надеждою, что письмо мое произведетъ какое-нибудь дѣйствіе. Когда буду самъ въ Петербургъ иное дѣло: буду лично говорить съ Нессельбродомъ и понукать его.

Прости; кланяйся брату. Ж.

Письмо, кромѣ адреса, имѣетъ почтовые штемпели: 1) Vèvey, 30 Juin 1833; 2) Genève, 1 Juillet 1833.

CLXVII.

(29 Іюня 11 Іюля н. с. 1833, Верне).

Пакетъ твой получилъ; не значо, могу ли взять его съ собою: у меня коляска будетъ биткомъ набита. Постараюсь однако все уложить. Впрочемъ я и своихъ книгъ часть думаю оставить Сѣверину ¹⁾ для пересылки при случаѣ. Посмотримъ. Изъ вчерашняго письма моего ²⁾

---

¹⁾ Князя Петра Ивановича Тюфякина (последняго въ родѣ князей Тюфякиныхъ), гофмейстера, умершаго въ Парижѣ въ 1845 году.

²⁾ Какъ видно изъ дневника Жуковскаго, въ Марсели онъ видѣлся съ камергеромъ Антономъ Александровичемъ Чичеринымъ.

³⁾ Т. е. Онъ самъ придетъ за этимъ письмомъ на пароходъ. Впрочемъ, если онъ не потребуетъ письма, то просятъ адресовать его въ Римъ до востребованія.

*

⁴⁾ Далѣе выпущена одна фраза.

²⁾ Вильгельмъ Цанъ (Zahn), р. 1800 † 1871, извѣстный Нѣмецкій архитекторъ и живописецъ, долгое время жившій въ Италіи.

³⁾ За изданія Цана „Die neunentdeckten Wandgemälde von Pompeji“ (Штутгартъ, 1828), или (начавшее выходить въ Берлинѣ съ 1827 года) „Die schönsten Ornamente und merkwürdigsten Gemälde aus Pompeji, Herculaneum und Stabia“.

⁴⁾ Изъ Верне Жуковский выѣхалъ 5 (17) Іюля.

*

¹⁾ Д. П. Сѣверинъ былъ въ то время нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи.

²⁾ Этого письма въ бумагахъ Жуковскаго не сохранилось.

*

ты уже знаешь, что я ѣду не прежде 17-го числа. Этому есть и законная причина; ибо вчера, черезъ часъ по отправленіи къ тебѣ письма, мнѣ сдѣлана была вторая операція, такая же, какъ первая, только немного побольше. Теперь я совсѣмъ обработанъ и надѣюсь совершенно проститься, и надолго, со своими шишками. Черезъ недѣлю надѣюсь быть въ состояніи выѣхать, ибо теперешняя рана должна зажить скорѣе.

Ты можешь теперь не дожидаться моего отъѣзда, а ѣхать въ Лугано тотчасъ, черезъ Лозанну и Верне. Теперь комната у насъ для тебя будетъ: можешь у насъ ночевать и на другой день рано поутру отправиться. Итакъ пріѣзжай. Брату поклонъ. Ж.

Адресъ: A son excellence monsieur de Tourgueneff. A Genève.

CLXVIII.

3 (15) Іюля 1833 (Верне).

Я ѣду рѣшительно 17-го числа поутру изъ Верне. Итакъ, если можешь, пріѣзжай завтра, то-есть 16-го ¹⁾). Я не поѣду въ Лозанну; если Лагарпа тамъ нѣтъ, то и мнѣ тамъ дѣлать нечего, да и разѣзжать-то мнѣ еще нельзя: рана моя не совсѣмъ вылѣчилась. Переѣздъ до Верна будетъ *пробный*. Если будетъ трудно, то остановлюсь на нѣсколько дней въ Вернѣ. Ты пріѣзжай ночевать къ намъ. Но можетъ случиться, что у насъ будетъ жилецъ, то въ двухъ шагахъ прекрасный трактиръ въ Монтре, въ коемъ приготовимъ для тебя комнату.

Обнимаю брата. Что удастся сдѣлать въ Петербургѣ для Козловскаго, увѣдомлю о томъ немедленно. Книги твои возвращу тебѣ при свиданіи, также и деньги. Жуковский.

---

¹⁾ Тургеневъ исполнилъ это желаніе Жуковскаго. Въ числѣ краткихъ записей 5 (17) Іюля въ дневникѣ Жуковскаго читаемъ: „Чтеніе Гёте и его Французскаго переводчика. Разговоръ объ аристократіи съ Тургеневымъ“.

²⁾ Жуковский поѣхалъ въ Лозанну и провелъ тамъ 6 (18) Іюля. Онъ засталъ Лагарпа; былъ у него съ визитомъ, обѣдалъ у него и пилъ чай, за которымъ имѣлъ съ нимъ разговоръ о Польшѣ. — Волѣе подробно описалъ Жуковский въ своемъ дневникѣ посѣщеніе его Лагарпомъ въ Верне 4 (16) Марта 1833 и свое посѣщеніе Лагарпа 25 Марта (6 Апрѣля) того же года. Въ виду интереса этихъ описаній позволяемъ себѣ привести ихъ здѣсь: „4 (16) Марта, Суббота. Чтеніе Галлера. У насъ Лагарпъ. Разговоръ о Галлерѣ. О Польшѣ. О воспитаніи Императора Александра. Его переписка съ Лагарпомъ. О Сиверсѣ. О письмѣ къ Лагарпу по восшествіи на престолъ. О письмѣ къ Наполеону. О федеральномъ договорѣ. О Базельской революціи. О путешествіи по Италіи Великаго Князя Михаила Павловича. Черта чувствительности Лагарпа при видѣ рисунка Александрова гроба“. „25 Марта (6 Апрѣля), Суббота. Писалъ къ Императрицѣ и отправилъ письмо. Также къ Сиверину. Поѣздка въ Лозанну къ Лагарпу. Нынче день его рожденія. Заѣзжалъ въ Веве на почту. Часть дороги отъ С. Сенсорена до Кюлли пѣшкомъ. Лучшій видъ на озеро отъ С. Сенсорена. У Лагарпа до семи часовъ послѣ обѣда. Встрѣтилъ на лѣстницѣ его жену. Потомъ пришелъ самъ старикъ, который нынче вступилъ въ восьмидесятый годъ. По своимъ лѣтамъ свѣжъ и живъ. Дитя сердцемъ и, кажется,

Прости, милый другъ; завтра поутру ѣду изъ Берна ¹⁾ и буду ночевать въ Базелѣ. Теперь было не такъ грустно покидать тебя, какъ въ Генуѣ: ты съ братомъ, и есть на сердцѣ важная забота. А со временемъ свидимся въ Москвѣ. Я почти въ этомъ увѣренъ. Здѣсь поразило меня горестное для насъ извѣстіе: бѣдная Екатерина Андреевна ²⁾, послѣ столькихъ страданій и заботъ, наконецъ лишилась Николаши ³⁾. Вяземскій пишетъ къ Сѣверину, что онъ, послѣ минутнаго поправленія, снова занемогъ и умеръ. Не даромъ страшилась она Дерпта. Жаль не его, а ея: онъ у отца. Гдѣ же можетъ быть лучше? Сѣверинъ возвращается въ Бернъ нынче. Я сообщилъ ему, что ты желаешь его видѣть и, можетъ быть къ нему пріѣдешь.

Прости. Буду писать изъ Петербурга. Дорога мнѣ не повредила нисколько и поэтому не хочу останавливаться въ Бернѣ. Брата обнимаю. Жуковскій.

опытностію и по сію пору живеть въ мірѣ воспоминаній лучшаго. Въ душѣ демократъ, по искренній и чистый. Мы читали письма Александра; цвѣты молодой, доброжелательной пламенной души. Лагарпъ хранитъ перчатки Павла, дающія ему въ минуту дружескаго, искренняго разговора, а съ ними вѣсть приказъ объ отнятіи пенсіона. Въ послѣднемъ разговорѣ съ Павломъ онъ сказалъ ему: *Vous ne vous conduisez pas comme vous devez avec vos fils. Soyez père pardessus tout et faites leur oublier en vous l'héritier du trône. Je ne puis, je n'ose vous rien dire de plus, mais votre propre salut l'exige.* Эти слова Павель вспомнилъ за 15 дней предъ смертію. Письмо Александра, писанное ему въ 1801 году и присланное съ Новосильцовымъ, весьма достойно замѣчанія: мечты младенца. Александръ жалуется на тиранство отца, съ ужасомъ говоритъ о деспотизмѣ, тоскуеть о себѣ, что принужденъ заниматься капральствомъ и лишень способа обращать вниманіе на другія лучшія занятія, столь ему любезныя. Говоритъ о обществѣ, составленномъ между имъ, Новосильцовымъ, Строгановымъ и Чарторыйскимъ, коего цѣль освобожденіе Россіи. Между прочимъ способъ къ тому есть переводъ лучшихъ книгъ, изъ коихъ тѣ, кои будутъ возможно, издадутся въ печать, а другія оставлены будутъ до времени. Въ другомъ письмѣ, писанномъ скоро по восшествіи на тронъ, Александръ говоритъ о окружающихъ его людяхъ, о трудности согласить страсти и направить къ одной и общей цѣли—благу отечества. Не помню, въ первомъ или во второмъ письмѣ говоритъ онъ о своемъ намѣреніи совершить освобожденіе Россіи, дать ей конституцію свободную и, укрѣпивъ ея благоденствіе, сойти съ трона и быть простымъ гражданиномъ. По пріѣздѣ своемъ Лагарпъ имѣлъ разговоръ съ нимъ... Панивъ хотѣлъ играть роль Ришелье. Лагарпъ читалъ еще свой проектъ учрежденія министерства просвѣщенія. Съ нами обѣдали Пердонне и Шаваннъ и m-e Rodegen, сестра г-жи Лагарпъ. Я возвратился домой въ 10 часовъ при свѣтѣ полной луны, которая прелестно освѣщала противулежащія горы. Меня ждало письмо Сѣверина, которое рѣшило мое путешествіе чрезъ Марсель въ Неаполь⁴⁾.

*
¹⁾ Въ Бернъ Жуковскій пріѣхалъ 8 (20) Іюля.

²⁾ Карамзина.

³⁾ Сынъ Н. М. и Е. А. Карамзинныхъ.

19 (31) Іюля 1833, Франкфуртъ на Майнѣ.

Я доѣхалъ благополучно до Франкфурта ¹⁾ и надѣлся отсюда пуститься прямо въ Петербургъ; но мой докторъ Коппъ, коего я консультировалъ, не пустилъ меня и требуетъ, чтобы я сдѣлалъ курсъ лѣченія въ Шлангенбадѣ, гдѣ мнѣ надобно будетъ взять около 20 ваннъ и въ тоже время пить Вейльбахскую воду. Итакъ я долженъ буду тремя недѣлями позже возвратиться въ Россію. Спѣшу тебя увѣдомить объ этомъ, дабы ты могъ ко мнѣ написать. Завтра, 1-го Августа, отправляюсь въ Шлангенбадъ, гдѣ пробуду до 20 Августа; потомъ прямо въ Россію; но сухимъ путемъ, а не на пароходѣ. Я и радъ и не радъ этой остановкѣ. Она замедлитъ мое возвращеніе, но за то надѣюсь возвратиться съ вѣрнѣйшимъ запасомъ здоровья. Прости. Обнимаю васъ обоихъ. Здѣсь я видѣлъ брата нашего Викулина, который, вѣроятно, найдеть тебя въ Женевѣ. Жуковскій. Пиши въ Шлангенбадъ *poste restante*.

Письмо, кромѣ адреса, имѣетъ почтовые штемпели: 1) Frankfurt, 30 Jul. 1833
2) Genève, 3 Août 1833.

12 (24) Ноября 1833 (Петербургъ).

Мой милый другъ, вотъ уже два мѣсяца, какъ я въ Петербургѣ и все еще не собрался написать къ тебѣ; это тебя не удивить и не рассердить: ты давно уже привыкъ къ моей лѣни. Я здоровъ и, кажется, надолго: операція сдѣлала мнѣ рѣшительное добро, кровь унялась, и все остальное въ порядкѣ. Не знаю, однако, долго ли это продолжится съ нашимъ климатомъ, который уже имѣетъ на меня свое вліяніе, хотя впрочемъ у насъ еще зимы нѣтъ; дни стоятъ пасмурные, сѣрые, но теплые, и Нева дѣлаетъ опыты наводненій. Это едва ли не хуже настоящей зимы, которой морозы здоровѣе непостоянства осеняго. По приѣздѣ моемъ я жилъ болѣе мѣсяца въ Царскомъ Селѣ; потомъ мы переѣхали въ Петербургъ. Императорская фамилія въ Аничковскомъ дворцѣ, а я гнѣзжусь въ своемъ верху въ Шепелевскомъ. Коммиссіи твои мало по малу всѣ исполнены, даже и верба отослана Вяземскимъ по назначенію. Только нѣкоторыхъ портетовъ не могъ раздать. Карамзины покинули Дерптъ, который оставилъ имъ навсегда горестныя воспоминанія; Екатерина Андреевна потеряла тамъ сына и внука ¹⁾. Андрей и Александръ ²⁾ покинули студенчество и вступаютъ

¹⁾ Во Франкфуртѣ Жуковскій прибылъ, по дневнику его, 18 (30) Іюля (подъ этимъ числомъ замѣчено также, что онъ писалъ письмо къ Тургеневу) и въ Шлангенбадѣ уѣхалъ 19 (31) Іюля; здѣсь онъ пробылъ съ 20 Іюля (1 Августа) по 4 (16) Августа. Въ Царское Село Жуковскій вернулся въ 10 часовъ утра 10 (22) Сентября. На возвратномъ пути онъ провелъ четыре дня въ Дерптѣ (съ 4 (16) по 8 (20) Сентября).

*

²⁾ Сына княгини Е. Н. Мещерской, какъ это видно изъ дневника Жуковскаго, гдѣ подъ 4 (16) Сентября 1833 года записано слѣдующее: „Дерптъ. Свиданіе съ Карамзиными. Визиты къ Асмусу, къ Блуму, къ Парроту, къ Зенфу. Обѣдалъ у Екатерины Леонасьевны (Протасовой). Вечеръ у Карамзиныхъ. Потомъ дома. Погребеніе малютки Мещерскаго“.

³⁾ Сыновья исторіографа.

въ конную артиллерію. А Владимиръ ³⁾, живучи дома, готовится быть со временемъ ловеласомъ. Софья Николаевна ⁴⁾ собирается за границу вмѣстѣ съ Мещерскими, кои вѣроятно въ началѣ Мая отправятся въ Европу. Если не воротиться къ тому времени къ намъ, то увидишь ихъ. Но я полагаю, что ты лучше бы сдѣлалъ, когда бы возвратился: теперь твое дѣло кончено; судьба брата устроена ⁵⁾; брось кочевую жизнь и утвердись въ Москвѣ. Я объ этомъ говорилъ съ к(няземъ) А(лександромъ) Николаевичемъ ⁶⁾, и онъ моего мнѣнія; даже, по моему мнѣнію, есть служба, удовлетворительная если не для твоего честолюбія, то для твоей дѣятельности: сенаторство въ уголовномъ департаментѣ. Но объ этомъ можно думать только по твоему возвращеніи.— Письмо твое, описывающее женитьбу брата, меня весьма тронуло: это великая минута въ жизни твоей, и немногимъ дано было имѣть подобныя. До сихъ поръ ты былъ *все* для брата твоего и ты сдѣлалъ для него *все*; Богъ благословилъ заботы твои: онъ въ тихой пристани. Ты необходимъ для него и можешь (даже обязанъ передъ нимъ) думать о самомъ себѣ. Странническая жизнь твоя не можетъ ему нравиться; она тяжела и убійственна для тебя: въ наши лѣта надобно *свои* уголь; его имѣть нигдѣ не можешь, кромѣ Россіи. Или рѣшительно откажись отъ нея и поселись подлѣ брата; но этого тебѣ сдѣлать нельзя: ты имѣешь обязанности здѣсь. И такъ надобно выйти изъ этого неопредѣленнаго, двойственнаго положенія; мой совѣтъ рѣшительный: возвратись сначала прямо въ Москву, потомъ взгляни на свое имѣніе, потомъ подумай и о службѣ.—Чтобъ больше тебя сюда привлечь, скажу, что Смирнова ⁷⁾ мила по прежнему и еще милѣе прежняго; что Дубенская ⁸⁾ не шутя вздыхаетъ по тебѣ, взяла твой портретъ и жаждетъ твоего возвращенія. Но это все принадлежитъ къ департаменту Вяземскаго. Вѣроятно получишь отъ него подробное о нихъ и о прочихъ описаніе. Обнимаю тебя. Жуковскій.

СЛXXII.

3 Іюня (1834, Царское Село).

Хорошъ я! Еще не написалъ къ тебѣ ни слова по пріѣздѣ тво-
емъ на родину. Не сердись, моя душа! Вѣдь ты знаешь мою лѣнь и
уже давно долженъ быть на счетъ ея покоренъ сердцемъ. И такъ
здравствуй, здравствуй. Но когда же Богъ велитъ намъ увидѣться?

³⁾ Умеръ въ 1879 году, въ званіи сенатора.

⁴⁾ Фрейлина Высочайшаго двора, С. Н. Карамзина († 1856). За княземъ П. И. Мещерскимъ была замужемъ ея сводная сестра Екатерина Николаевна.

⁵⁾ Свадьба Н. И. Тургенева происходила въ Женевѣ осенью 1833 года.

⁶⁾ Голицынымъ.

⁷⁾ Александра Осиповна, рожденная Россетъ.

⁸⁾ Варвара Ивановна, фрейлина великой княжны Маріи Николаевны, вышедшая потомъ замужъ за Французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ Лагренѣ.

Теперь ты ѣдешь въ Симбирскъ. Хорошо. Но, возвратясь оттуда, за что примешься? Обдумай это на досугъ и рѣшишь на чтонибудь. Тогда начнемъ дѣйствовать. Можетъ быть, удастся условиться обо всемъ при свиданіи, если увидимся въ Москвѣ, куда, какъ и тебѣ слышно, собирается дворъ на зиму ¹⁾. Но это весьма, весьма невѣрно. Въ противномъ случаѣ, что можетъ помѣшать пріѣхать тебѣ на короткое время въ Москву? Безъ твоего присутствія о твоей службѣ хлопотать будетъ трудно. Впрочемъ располагайся, какъ хочешь, только опредѣли для себя и для насъ съ точностію, что желаешь дѣлать съ собою — Ты требуешь отвѣта на какіе-то заграничные вопросы твои? Право не знаю, какіе это вопросы. Повтори ихъ.

О томъ, что дѣлается у насъ, ты, вѣрно, знаешь отъ Вяземскаго: онъ движется въ свѣтъ и видитъ его, и охотникъ описывать то, что видитъ. Я живу въ своемъ кабинетѣ и въ своей учебной горницѣ, не вижу свѣта отъ лѣни и недосуга; я не охотникъ описывать того, что вижу, и такъ не жди отъ меня никакихъ подробностей. Здоровье мое не пошатнулось еще: я румянь и толстъ. Вотъ вся моя теперешняя поэзія. Не сердись, что пишу мало и рѣдко; а вѣрь дружбѣ по смерти Жуковскаго.

СЛХХІІІ.

6 Октября (1834, Царское Село или Петербургъ).

Я не отвѣчалъ тебѣ до сихъ поръ на всѣ запросы твои, мой милый, потому что не хотѣлось писать по почтѣ; могъ бы писать съ ѣдущими въ вашу сторону, но на отысканіе случаевъ съ кѣмъ посылать письма и на самое писаніе писемъ надобно имѣть твои великанскія способности; ты, гдѣ ни присѣлъ, тамъ и письмо написано; та только бѣда, что пишешь къ одному, а все для другаго, и надобно, чтобы этотъ одинъ пересказалъ письмо твое или немедленно его переслалъ по порученію. Все это никуда не годится со мною; я не умѣю исполнить комиссій и теперь уже увѣренъ, что отъ этого порока исправиться не могу: такъ привыкъ все откладывать, что самому горе. Но къ дѣлу: Адлербергъ ¹⁾ отдастъ тебѣ это письмо. Вотъ отвѣты по пунктамъ на твои запросы:

1 вопросъ. Долженъ ли я снова проситься въ чужіе края, или просто взять отъ военнаго губернатора паспортъ? *Отвѣтъ.* Этого я не знаю. Лучшій отвѣтъ на это можешь получить отъ самого Мо-

---

¹⁾ Еще въ письмѣ отъ 19 Февраля 1834 года Жуковскій писалъ въ Москву И. И. Дмитріеву: „Что-то поговариваютъ о пребываніи будущаго Государа Императора въ первопрестольномъ градѣ. Это для меня весьма пріятная перспектива. Будетъ любо сердцу, когда увижу себя опять предъ вашими каминами; можетъ быть, съ нами будетъ и Тургеневъ“ (Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 434). Въ 1834 году Государъ Николай Павловичъ поѣхалъ въ Москву 6 Сентября, посѣтилъ оттуда нѣкоторые другіе города и 24 Октября вернулся въ Петербургъ. Черезъ три дня послѣ того, именно 27 Октября, Государъ съ Государынею отправились въ Берлинъ и вернулись въ Петербургъ 26 Ноября.

*

¹⁾ Владимиръ Федоровичъ (впослѣдствіи графъ и министръ Императорскаго Двора), бывшій въ 1834 году генералъ-адъютантомъ и начальникомъ военно-походной канцеляріи.

сковскаго военнаго губернатора, съ которымъ будешь теперь лицомъ къ лицу.

2 *вопросъ*. Нужно ли мнѣ прїѣзжать въ Петербургъ? *Отвѣтъ*. Нужды для тебя собственно, то есть, для обработанія твоего дѣла, нѣтъ. К(нязь) Алек(сандръ) Николаевичъ сдѣлаетъ все, что сдѣлать будетъ можно. Другому и некому; да ему одному оно и можетъ удасться.

3 *вопросъ*. Могу ли повидаться съ братомъ? *Отвѣтъ*. Позволенія этого тебѣ не дадутъ, да и просить его не для чего; слѣдственно на этотъ вопросъ и никакого отвѣта быть не можетъ. Увидѣться же съ братомъ, не спрашивая позволенія, зависитъ единственно отъ тебя, коль скоро будешь за границую.

4 *вопросъ* (единственный дѣльный). Можно ли надѣяться успѣха отъ предположенія по изданію Ватиканскихъ рукописей? ²⁾ *Отвѣтъ*. На это не могу отвѣчать ни *да*, ни *нѣтъ*, ибо ничего точнаго о семъ изданіи не знаю. К(нязь) А(лександръ) Ник(олаевичъ) Голицынъ сказалъ мнѣ, что о твоёмъ предположеніи сообщилъ Уварову по повелѣнію Государя. Я спрашивалъ у Уварова; вышло на повѣрку, что Государь ему отослалъ какія-то доставленные тобою книги, въ коихъ, какъ говорилъ Уваровъ, не было ничего особенно примѣчательнаго. Вотъ что надобно сдѣлать. Напиши планъ того, что ты предполагаешь дѣлать въ Римѣ, и напиши этотъ планъ такъ, чтобы онъ могъ быть поданъ Государю въ видѣ записки. Этотъ планъ пришли ко мнѣ съ письмомъ къ князю Голицыну. Онъ представитъ его Государю, который вѣрно передастъ его Уварову, съ которымъ переговорю, и постараюсь все устроить. Приготовь все это къ прїѣзду Государя въ Петербургъ. Впрочемъ теперешнею отлучкою его могъ бы ты воспользоваться и прїѣхать сюда на нѣсколько дней: увидѣлся бы съ княземъ Голицынымъ, мы бы вмѣстѣ написали планъ, а по возвращеніи Государя дѣло могло бы быть и пущено въ ходъ. — Сенаторство едва ли удасться; я все стою на томъ, что всего было бы для тебя лучше сенаторство; но тебѣ на Руси душно; въ деревнѣ же тебѣ ужиться нельзя, это я и безъ тебя зналъ (То, что пишешь о творящемся внутри у насъ, печалитъ душу; но вѣдь Россія не даромъ на семъ свѣтѣ, и Богъ ее къ чему-нибудь да сберегъ).

Вотъ всѣ отвѣты. Порученіе твое о Татаринѣ ³⁾ я тотчасъ же

---

²⁾ Т. е. сборника выписокъ, сдѣланныхъ аббатомъ Альбертранди въ Ватиканскомъ архивѣ и равныхъ Римскихъ библіотекахъ на Латинскомъ, Итальянскомъ и Польскомъ языкахъ для историка Нарушевича. Эта рукопись досталась А. И. Тургеневу отъ нашего посланника въ Константинополь Я. И. Булгакова. Вмѣстѣ съ другими, собранными А. И. Тургеневымъ въ Итальянскихъ и иныхъ заграничныхъ архивахъ и библіотекахъ, историческими матеріалами, относящимися до Россіи, они были впоследствии представлены имъ черезъ князя А. Н. Голицына Императору Николаю, и часть ихъ, касающаяся древней Россіи, издана по Высочайшему повелѣнію, Археографическою Коммиссіею, въ 1841—1842 гг., въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: „Historica Russiae monumenta“.

³⁾ По всему вѣроятію рѣчь идетъ о томъ самомъ Александрѣ Татаринѣ, о которомъ Тургеневъ хлопоталъ предъ Жуковскимъ еще въ 1831 году (см. письмо Турге-

исполнилъ и говорилъ объ немъ съ Перовскимъ ⁴⁾. Мѣсто, котораго теперь ты для него желаешь, занято и не будетъ очищено. Тотъ, кто его теперь занимаетъ, не думаетъ покидать его для вице-губернаторства. Я оставилъ Перовскому записку о Татариновѣ, о которомъ говорилъ и съ С. С. Кушниковымъ ⁵⁾. О продажѣ или о покупкѣ дровъ твоей Перовскій не сказалъ мнѣ ничего положительнаго: онъ самъ будетъ къ тебѣ писать о семъ дѣлѣ. Что значитъ эта продажа? Не думаешь ли совершенно переселиться въ чужую сторону? Въ этой мысли много печальнаго и для тебя, и для меня. — Твой маленькой Татариновъ былъ у меня и требовалъ портрета И(вана) Петровича ⁶⁾. Я ему хотѣлъ дать два бюста, одинъ портретъ Ив(ана) Владим(иро-вича) ⁷⁾ и одинъ к(нязя) А. Н. Голицына. Портрета же И(вана) Петровича не дамъ; вѣдь это не для тебя. Сберегу его для себя. А ты пришли мнѣ свой литографированный портретъ; я имѣлъ слабость отдать Смирновой ⁸⁾ тотъ, который у меня былъ; пришли непременно. У Смирновой двѣ маленькія дочурки, точно два котенка. Наша птичка ⁹⁾ летитъ въ далекую, чужую сторону: Лагренѣ ⁹⁾ здѣсь. Обо всемъ можешь расп(р)осить Адлерберга. Отъ Вяземскаго, объ отъѣздѣ коего ¹⁰⁾ ты теперь уже знаешь, я имѣю коротенькое письмецо (то есть не я, а Екате(рина) Андреевна ¹¹⁾ изъ Любека. Пашѣ ¹²⁾ не хуже, но и не

нева къ Жуковскому отъ 10 Мая 1831 года, напеч. въ Русской Старинѣ 1882 года, т. XXXI, стр. 198).

⁴⁾ Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ († 1856), въ то время сенаторомъ и вице-президентомъ департамента удѣловъ, бывшимъ впоследствии членомъ Государственнаго Совѣта и министромъ внутреннихъ дѣлъ и возведеннымъ въ графское достоинство. Его братъ, пріятель Жуковскаго, Василій Алексѣевичъ Перовскій былъ въ 1834 г. Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ.

⁵⁾ Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ (р. 1765 † 1839) былъ въ это время членомъ Государственнаго Совѣта и председателемъ Комиссіи Прошеній.

⁶⁾ Тургенева, отца Александра Ивановича.

⁷⁾ Лопухина.

⁸⁾ Александръ Осиповиъ.

⁹⁾ Варвара Ивановна Дубенская (о которой см. выше, прим. 9 къ письму CLXXI), вышедшая замужъ за Французскаго дипломата Лагренѣ (Théodose Marie-Melchior-Joseph de Lagrené, р. 1800 † 1862). При Французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ онъ состоялъ съ 1828 по 1825 г.; затѣмъ былъ переведенъ на другое мѣсто; въ 1828 году снова назначенъ въ Россію вторымъ секретаремъ посольства; въ 1831 году сдѣлавъ первымъ секретаремъ и исполнялъ временно обязанности Французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ. Въ 1834 году онъ былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Дармштадтѣ, а въ слѣдующемъ 1835 году переведенъ министромъ-резидентомъ въ Грецію, и этотъ постъ занималъ до 1843 года.

¹⁰⁾ Князь П. А. Вяземскій уѣхалъ за границу 11 Августа 1834 года (см. Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. IX, стр. 164).

¹¹⁾ Карамзина.

¹²⁾ Дочь князя П. А. Вяземскаго, княжна Прасковья Петровна, умершая въ слѣдующемъ 1835 году, въ Римѣ.

*

лучше. Онъ самъ, какъ убитый, ничего не видитъ и ничѣмъ не можетъ быть занятъ; все думаетъ и груститъ объ ней. Я душею за него горюю. Прости. Отвѣчай скорѣе. Ж.

CLXXIV.

(Въ концѣ Октября или началѣ Ноября 1834, Царское Село).

Мой милый, спѣшу сказать тебѣ слова два о нашемъ общемъ дѣлѣ: оно, кажется, сладилось; кажется, что тебѣ дано будетъ порученіе дѣлать выписки изъ манускриптовъ Ватиканскихъ. Князь А(лександръ) Николаевичъ поручилъ мнѣ тебя увѣдомить, что онъ самъ къ тебѣ на дняхъ писать будетъ объ этомъ предметѣ. Разсчитывая собственныя выгоды, я полагаю, что тебѣ не худо бы было и самому сюда пріѣхать: при тебѣ это кончится скорѣе; по крайней мѣрѣ скорѣе все самъ узнаешь. Но пріѣзжай тогда, какъ Государь возвратится ¹⁾; это выгоднѣе и для меня; тогда мы сами всѣ возвратимся въ Петербургъ, и можно будетъ намъ удобнѣ видѣться. Между тѣмъ для тебя будетъ здѣсь покормка: Софья Петровна Свѣчина здѣсь и пробудетъ, кажется, всю зиму. Тебѣ будетъ приятно ее видѣть. Отъ Вяземскаго имѣю письмо: онъ живетъ въ Ганау ²⁾, гдѣ докторъ Коппъ ³⁾ лѣчитъ Пашу, и кажется, что дѣло не такъ-то дурно. Обнимаю тебя, вѣроятно до скорого свиданія. Жуковскій.

CLXXV.

12 Ноября (1834, Петербургъ).

Милый, не сердись на меня, что еще я не отвѣчалъ на письмо твое. Оно нашло меня въ Царскомъ Селѣ, и я три дня не могъ отлучиться оттуда. По пріѣздѣ въ Петербургъ тотчасъ письмо твое передалъ Перовскому ¹⁾, и онъ обѣщалъ дать мнѣ знать, когда съ нимъ у него свидѣться. Дня черезъ два непременно съ нимъ увижусь. Теперь же (съ самаго пріѣзда въ Петербургъ) занятъ такимъ дѣломъ, которое *à la lettre* ²⁾ не дало ни мнѣ, ни мыслямъ моимъ минуты свободной. Повѣрь, что это замедленіе происходитъ не отъ равнодушія къ твоему дѣлу. Дня черезъ два буду опять писать къ тебѣ. Обнимаю сердечно. Жуковскій.

Адресъ: Александру Ивановичу Тургеневу. — Другою рукою (не Александра ли Яковлевича Булгакова, Московскаго почтдиректора, черезъ котораго пересылалъ Жуковскій свои письма?) приписано: „Жуковскій пишетъ и мнѣ; онъ, кажется, не совершенно покоенъ еще на счетъ Моера, который самъ ему не пишетъ. Rien au reste“.

¹⁾ Изъ Берлина Государь вернулся въ Петербургъ 26 Ноября 1834 года.

²⁾ Князь П. А. Вяземскій прожилъ въ Ганау съ 27 Августа по 18 Октября 1834 года (см. Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. IX, стр. 164).

³⁾ Иоганнъ-Генрихъ Коппъ (р. 1777 † 1858), докторъ и авторъ нѣсколькихъ трудовъ по медицинѣ. Онъ пользовался большою извѣстностью у Русскихъ, вѣздившихъ за границу.

*

¹⁾ Вѣроятно, по дѣлу Татаринова (см. выше въ письмѣ CLXXIII).

²⁾ Т. е. буквально.

(Въ послѣднихъ числахъ Ноября (послѣ 26) или первыхъ числахъ Декабря 1834, Петербургъ).

Спѣшу извѣстить тебя, мой милой другъ, о томъ, что сдѣлано въ твою пользу. Кажется, устроено, благодаря князю Александру Николаевичу, такъ, какъ ты желалъ. Онъ сперва говорилъ объ отъѣздѣ твоёмъ за границу съ г. Бенкендорфомъ ¹⁾, который объявилъ ему, что препятствія тебѣ ѣхать нѣтъ, но что на пребываніе во Франціи Государь не соизволяетъ. Князь потомъ говорилъ о тебѣ и съ самимъ Государемъ, который также изъявилъ, что на пребываніе во Франціи не даетъ своего согласія. Потомъ князь говорилъ ему о твоёмъ желаніи сдѣлать свое пребываніе за границею полезнымъ для Россіи. На это Государь сказалъ князю, что ты можешь все, что соберешь полезнаго въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будешь, сообщать прямо ему, то есть князю. Такое распоряженіе самое для тебя выгодное. Ты можешь заниматься собраніемъ свѣдѣній по части просвѣщенія, или по важнымъ предметамъ внутренняго министерства, не ограничивая себя ничѣмъ; будешь имѣть дѣло съ однимъ человѣкомъ, который всегда пойметъ твое хорошее намѣреніе, все оцѣнитъ и все поставитъ на видъ Государю. Тогда и правительство убѣдится, что ты, будучи далеко отъ всего ему противнаго, всегда готовъ и способенъ дѣйствовать наилучшимъ образомъ для пользы отечества и на службу Государя. Думаю, что тебѣ надобно теперь составить планъ своего заграничнаго дѣйствія и сообщить оный князю, который впрочемъ самъ будетъ къ тебѣ писать; я даже думаю, что тебѣ, кончивъ свои Московскія хлопоты, хорошо бы было сюда пріѣхать, дабы вмѣстѣ съ княземъ и съ нами обдумать все окончателно. Что же касается до Франціи и до свиданія съ братомъ, то весьма вѣроятно, что тебѣ не будетъ отказано всякой разъ, когда ты вздумаешь съ нимъ повидаться и на то испросишь черезъ князя (который становится твоимъ начальникомъ) или черезъ Бенкендорфа позволеніе отъ Государя. Прости; надѣюсь, до свиданья. Жуковский.

CLXXVII.

(Въ половинѣ Декабря 1834, Петербургъ).

Пользуюсь отъѣздомъ твоего камердинера, чтобы послать тебѣ нѣжный дружескій поклонъ отъ себя и отъ твоихъ покинутыхъ Дидонъ ¹⁾, коимъ передалъ твои lamentаціи черезъ одну изъ нихъ, гра-

¹⁾ Т. е. графомъ. Въ графское достоинство А. Х. Бенкендоръ (бывшій шефомъ жандармовъ и командующимъ Императорскою Главною квартирою) былъ возведенъ 8 Ноября 1832 года.

*

¹⁾ Письмо писано послѣ отъѣзда А. И. Тургенева изъ Петербурга въ Москву; какъ видно изъ № 294 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1834 года, Тургеневъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву 11 Декабря.

финю Сологубъ. Сейчас узналъ отъ Вьельгорскаго ²⁾ печальную вѣсть: жена ³⁾ пишетъ къ нему о Вяземскихъ (кой, вѣроятно, теперь уже въ Римѣ) ⁴⁾. У Паши все лихорадка и пульсъ ея доходитъ до 140 ударовъ въ секунду. Это весьма плохо. Жду съ безпокойствомъ прямыхъ извѣстій и страшусь за нашего бѣднаго Вяземскаго, у котораго материнское чувство къ дѣтямъ. Если ты не замедлишь отъѣздомъ изъ Москвы, то, вѣроятно, еще найдешь его въ Римѣ. Дай Богъ, чтобы не нашель, ибо отъѣздъ его будетъ знакомъ, что дочь его въ хорошемъ положеніи.

Посылаю тебѣ письмо, которое хотѣлъ тебѣ отдать при отъѣздѣ и, къ несчастію, позабылъ. Возьми на себя трудъ прочесть его и постарайся узнать дѣло и, если можно, подать помощь. Сдѣлай милость, не оставь этого безъ вниманія. Мнѣ къ Бронницкому полицмейстеру писать нельзя: онъ мнѣ незнакомъ; да и невозможно просить о такомъ дѣлѣ, котораго обстоятельствъ мнѣ въ точности неизвѣстны. Ты на мѣстѣ все можешь узнать въ подробности. Адресъ просительницы моей узнаешь отъ Авдотьи Петровны Елагинной. Спроси у нея, гдѣ найти Авдотью Степановну Астракову; та, которая пишетъ ко мнѣ, есть ея дочь Томме. Увѣдомь, какой ходъ возьметъ это дѣло. Не пеняй, что озабочиваю тебя имъ: ты на эти дѣла профессоръ. Напиши предъ отъѣздомъ ⁵⁾, какія вѣсти о братѣ? Жуковскій.

CLXXVIII.

5 Января 1835, Петербургъ).

Обнимаю тебя, душа моя, и поздравляю съ новымъ годомъ. Не знаю, что отвѣчать на запросъ о моихъ стихахъ; я о нихъ понятія не имѣю и совсѣмъ не помню. Пришли ихъ мнѣ, но во всякомъ случаѣ лучше не печатать. О Вяземскомъ есть вѣсти ни дурныя, ни хорошія; онъ теперь въ Римѣ. Получено еще письмо, котораго я еще не читалъ. Имѣю письмо отъ нашей птички Дубенской; она тебѣ кланяется. Теперь она въ Дармштадтѣ. Смирнова также кланяется; у нея горе: сестра мужа больна при смѣрти ¹⁾. Твои Дидоны по тебѣ охаютъ; но я утѣшилъ ихъ тѣмъ, что объявилъ о новой любви твоей. Это ихъ успокоило на счетъ страданій вѣрнаго твоего сердца. Прости.

---

²⁾ Оберъ-шенка и композитора графа Михаила Юрьевича Вьельгорскаго (р. 1787 † 1856).

³⁾ Графиня Луиза Карловна, рожденная принцесса Биронъ († 1853).

⁴⁾ Въ Римъ князь П. А. Вяземскій съ семьєю прибылъ 30 Ноября 1834 года (см. Полное собраніе его сочиненій, т. IX, стр. 168).

⁵⁾ Изъ Москвы за границу.

*

¹⁾ Софья Михайловна Смирнова, единственная сестра Н. М. Смирнова, горбатая отъ природы, весьма образованная и пользовавшаяся уваженіемъ и дружбою Жуковскаго и Пушкина. Свѣдѣнія о ней см. въ замѣткѣ О. Н. Смирновой къ Запискамъ ея матеря, Александры Осиповны, въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1893 года, Сентябрь, стр. 239—241.

Увѣдомь о дѣлѣ моемъ ²⁾. Да напиши передъ отъѣздомъ изъ Москвы. Цѣлую тебя братски. Жуковский.

CLXXIX.

(Въ Январѣ 1835, Петербургъ).

Спѣшу увѣдомить тебя о моемъ приговорѣ стихамъ. Ни подъ какимъ видомъ не позволяю ихъ печатать, понеже вельми дурны. Твоя страсть извозничать чужимъ добромъ часъ отъ часу расширяется. Сперва ты только читалъ, потомъ началъ перепис(ыв)ать; а нынче ужъ и печатаешь. Точно такую же штуку смастерилъ ты со мною, снабдивъ дурацкій альманахъ Ѳедорова Бориса моими дурацкими стихами ¹⁾, и вышло, что во всемъ альманахѣ его не было ничего хуже моихъ піесъ. Однимъ словомъ, *не печатать*.

Напиши передъ отъѣздомъ о себѣ и о Кларѣ ²⁾. У насъ здѣсь едва не сдѣлалось бѣды. Екатерина Андреевна вдругъ занемогла; кровь хлынула носомъ, и вышло ея до одиннадцати полныхъ тарелокъ. Арендъ говорить, что она была близка къ удару, но Богъ спасъ. Теперь вся опасность миновалась. Осталась великая слабость и сильное раздраженіе нервъ отъ синапизмовъ; худо спитъ ночи, но болѣзнь прошла.

Обнимаю тебя; а стиховъ не даю. Жуковский.

CLXXX.

3 (15) Іюля 1835 (Петербургъ).

Я хотѣлъ писать къ тебѣ прежде, но к(нязь) Ал(ександръ) Ни(колаевичъ) Голицынъ меня остановилъ: онъ хотѣлъ самъ къ тебѣ написать объ окончаніи твоего дѣла. Вѣроятно, что теперь уже онъ отправилъ къ тебѣ письмо свое. Тебѣ позволено остаться въ Парижѣ, но съ тѣмъ, чтобы не заживаться и выѣхать изъ него, какъ скоро кончишь дѣло. Мнѣ же приходитъ въ мысль, что ты можешь сдѣлать те-

---

²⁾ О просьбѣ А. С. Астраховой (см. предъидущее письмо).

¹⁾ Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ (р. 1794 † 1875), авторъ немалого числа посредственныхъ романовъ, драмъ и стихотвореній, нѣсколько лѣтъ бывший цензоромъ театраль-ныхъ піесъ, членъ Россійской Академіи (о немъ см. некрологъ въ № 17 „Иллюстрированной Газеты“ за 1875 годъ). Въ альманахѣ Б. М. Ѳедорова „Памятникъ Отечественныхъ Музъ, изданный на 1827 годъ“ были помѣщены слѣдующія стихотворенія Жуковского: Поезія въ видѣ Далла-Рукъ; Отрывокъ изъ письма въ Москву; Стихи, присланные съ комедіями, которыя К*** хотѣли играть; Къ ней (Нач. Имя гдѣ для тебя?); Письмо къ А. Л. Нарышкину; На смерть чижика; Надгробіе И. П. и А. И. Т... (т.-е. Тургеневымъ); Къ графинѣ Ш—ой (т.-е. Шуваловой) (Послѣ ея дебюта въ роли мертвеца); Амуръ и Мудрость; Невыразимое.—Б. М. Ѳедоровъ пользовался покровительствомъ А. И. Тургенева, при которомъ онъ состоялъ секретаремъ, когда Тургеневъ занималъ должность директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

²⁾ Живописецъ, о которомъ см. выше, прим. 2 къ письму СХХVІІІ.

перь весьма важное и полезное для Россіи дѣло, которое займетъ тебя самымъ пріятнымъ образомъ. Ты пишешь, что получилъ доступъ къ архивамъ и что можешь дѣлать какія хочешь выписки. Какъ же этимъ не воспользоваться? И вотъ моя мысль: собери всѣ дипломатическія донесенія отъ времени Петра Великаго до Александра, да пожалуй до самаго послѣдняго времени ¹⁾. Это будетъ чрезвычайно важное для нашей современной и новой исторіи пріобрѣтеніе. Если уже тебѣ поручено дѣлать такое собраніе, то почему не распространить планъ его? Обдумай мою мысль. Сдѣлай планъ и пришли его къ князю Александру Николаевичу; въ тоже время увѣдомь и меня объ этомъ. Мы съ княземъ объ этомъ вмѣстѣ потолкуемъ и, можетъ-быть, выйдетъ изъ этого то, что тебѣ надобно будетъ по *должности* остаться въ Парижѣ. Не откладывай и пришли скорѣе планъ. Лучшаго случая для тебя не будетъ. Да и для Россіи весьма благоприятный случай, ибо это дѣло никому въ голову не придетъ послѣ; а тебѣ уже дано назначеніе, и ты, конечно, это дѣло исполнишь лучше всѣхъ и по своему знанію дѣла, и по своимъ связямъ. Меня такое занятіе относительно къ тебѣ плѣняетъ: ты будешь занятъ важнымъ трудомъ, полезнымъ для отечественной исторіи ²⁾, и будешь избавленъ отъ всякаго безпокойства, тебя до сихъ поръ мучившаго и происходящаго отъ неопредѣленности твоей жизни. Скорѣе, скорѣе отвѣчай мнѣ. — Прости, душа, обнимаю тебя. NB. Тоже дѣло можно, вѣжется, распространить и на Англію, если данъ будетъ тебѣ доступъ до Лондонскихъ архивовъ. Жуковскій.

Далѣе идетъ приписка князя П. А. Вяземскаго:

Я на дняхъ писалъ къ тебѣ и отдалъ письмо Сербиновичу, который послалъ свой журналъ ³⁾ на твое имя въ Парижъ въ нашу миссію. Козловъ ⁴⁾ ожидаетъ обѣщаннаго письма Шатобриана. Кланяйся отъ меня семейству Vernet ⁵⁾ и La Roche ⁶⁾. Будетъ ли сюда Ногасе? Его ожидаютъ. Обнимаю тебя. Бартенева фрейлина ⁷⁾. Четвертинская ⁸⁾

¹⁾ Извлечения изъ собранныхъ А. И. Тургеневымъ донесеній Французскихъ дипломатическихъ агентовъ за время царствованія Петра Великаго и Екатерины I были напечатаны, въ Русскомъ переводѣ, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1843 и 1844 годовъ. Какъ извѣстно, собраніе донесеній иностранныхъ дипломатовъ о Россіи, извлеченныхъ А. И. Тургеневымъ изъ разныхъ заграничныхъ архивовъ, представляющее богатый матеріалъ для новой Русской исторіи, хранится въ Государственномъ Архивѣ.

²⁾ Печатаеніе донесеній иностранныхъ дипломатовъ при Русскомъ Дворѣ, начиная съ Петра Великаго, какъ извѣстно, составляетъ одну изъ главныхъ заслугъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

³⁾ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, который выходилъ подъ редакцію К. С. Сербиновича.

⁴⁾ Иванъ Ивановичъ, поэтъ.

⁵⁾ Французскаго знаменитаго живописца Ногасе Vernet (р. 1789 † 1863); его отецъ Antoine Vernet (р. 1758 † 1835) былъ тоже живописецъ.

⁶⁾ Benjamin La Roche (р. 1797 † 1852), Французскій публицистъ и поэтъ.

⁷⁾ Въ 1835 году во фрейлины была пожалована Прасковья Арсеневна Бартенева.

⁸⁾ Книгиня Надежда Федоровна Святополь-Четвертинская, жена штаб-майстера

пишетъ, что отправила къ тебѣ письмо для жены моей, но письма жена, кажется, не получала. Жена купается въ Генуѣ съ Машенькою и Наденькою⁹⁾. Пиши къ нимъ на имя Гейдекена, нашего ген(еральнаго) консула¹⁰⁾.

CLXXXI.

1 (13) Декабря 1835 (Петербургъ).

Мы похоронили нашего добраго Булгакова⁴⁾. И для меня такъ же, какъ и для тебя, онъ былъ представителемъ первой молодости и первой дружбы. Я его не зналъ лично тогда, какъ подружился съ братомъ Андреемъ²⁾; но безпрестанно объ немъ въ то время слышалъ. У нихъ тогда началась переписка посредствомъ Журавлева, котораго письма я читалъ съ большимъ удовольствіемъ. Помню появленіе обоихъ братьевъ³⁾, молодыхъ, прекрасныхъ, въ Московскомъ свѣтѣ. Но это была одна минута. Съ тѣхъ поръ я расстался съ ними до Московскаго почтдиректорства⁴⁾ и до жизни въ Петербургѣ. Константинъ такъ же мало измѣнился во всю свою жизнь, какъ его лицо, которое всегда было свѣтло и ясно. Онъ былъ добръ во всякую минуту жизни, съ утра до вечера; я не помню его никогда непривѣтливимъ. За нѣсколько часовъ до смерти, пріѣхавъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, я его видѣлъ; не его, а что-то стонущее и хрипящее въ темной глубинѣ его кабинета; я остановился въ дверяхъ и не рѣшился подойти, не хотѣлъ видѣть разрушеннаго лица и посмотрѣть въ потемнѣвшіе глаза, которые бы меня не узнали. Я простился съ нимъ издали. Послѣ видѣлъ издали одинъ только профиль его въ гробѣ. Жена его получила въ пенсіонъ 6.000 рублей, и ей дана аренда на 24 года въ 3.000 серебромъ. Мѣсто его заступилъ Прянишниковъ⁵⁾, какъ почтдиректоръ, и Кривошапкинъ⁶⁾, какъ правитель департамента. Семейство осталось въ домѣ почтдиректора до тѣхъ поръ, пока можетъ удобно переселиться.

князя Бориса Антоновича Святополкъ-Четвертинскаго, рожденная княжна Гагарина, родная сестра жены князя П. А. Вяземскаго, Вѣры Ѳедоровны.

⁹⁾ Дочери князя П. А. Вяземскаго; изъ нихъ княжна Марья Петровна († 1848) была потомъ замужемъ за П. А. Валуевымъ (впоследствии министромъ внутреннихъ дѣлъ и графомъ).

¹⁰⁾ Д. с. с. Карлъ Егоровичъ Гейдекенъ.

*

⁴⁾ Константина Яковлевича, С.-Петербургскаго почтдиректора и директора почтоваго департамента. См. о немъ и о его братѣ Александрѣ Яковлевичѣ выше, прим. 2 и 3 къ письму XVIII.

²⁾ Андреемъ Ивановичемъ Тургеневымъ.

³⁾ Булгаковыхъ: Константина и Александра Яковлевичей.

⁴⁾ Московскимъ почтдиректоромъ былъ А. Я. Булгаковъ.

⁵⁾ Ѳедоръ Ивановичъ († 1867), впоследствии дѣйств. тайный сов. и членъ Государственнаго Совѣта.

⁶⁾ Д. ст. сов. Егоръ Львовичъ Кривошапкинъ († 1848) былъ назначенъ директоромъ почтоваго департамента.

О твоихъ дѣлахъ я говорилъ съ к(няземъ) А(лександромъ) Николаевичемъ. Онъ далъ уже приказаніе собрать всѣ письма твои и передать ихъ Татаринovu. Надобно, чтобы сей послѣдній явился къ нему, т. е. къ к(нязю) А(лександру) Н(иколаевичу); вѣроятно, онъ это уже и сдѣлалъ. Я было думалъ, что всего лучше поручить твои дѣла Сербиновичу, и съ нимъ объ этомъ говорилъ, и онъ на всѣ хлопоты былъ готовъ. Теперь нужно, чтобы ты прислалъ всѣ свои довѣренности, засвидѣтельствованныя нашею миссіею, на имя Татаринова.

Хорошо сдѣлаешь, если увѣдомишь князя о томъ, что у тебя собрано, и о томъ, что тебѣ собрать осталось, и если спросишь, позволять ли тебѣ остаться для докончанія начатаго въ Парижѣ. Во всякомъ случаѣ хорошо будетъ, если самъ здѣсь побываешь весною или лѣтомъ. Здѣсь Козловскій; ходитъ на двухъ костыляхъ ⁷⁾ по новому, но милъ и умень по старому; я у него разъ былъ, но онъ такъ далеко запропастился, что визитъ къ нему есть путешествіе; а времени совсѣмъ нѣтъ. Обнимаю тебя. Прости.

Бибиковъ ⁸⁾ оставилъ свое директорство виѣшней торговли, и это весьма запутало положеніе Вяземскаго ⁹⁾. На мѣсто Бибикова какой-то Языковъ ¹⁰⁾. Вяземскому дана аренда ¹¹⁾. Ж.

Адресъ: A monsieur Tourgueneff, conseiller d'état actuel au service de S. M. l'Empereur de Russie. A Paris.

CLXXXII ¹⁾.

21 Іюня (3 Іюля) (1841), Дюссельдорфъ.

Я уже болѣе недѣли въ Дюссельдорфѣ, въ своемъ маленькомъ до-

---

⁷⁾ Князь Петръ Борисовичъ Козловскій (о которомъ см. выше, прим. 6 къ письму СХХХІІІ). На возвратномъ пути изъ-за границы въ Россію, въ 1834 году, съ княземъ П. Б. Козловскимъ приключилось, какъ сообщаетъ о томъ князь П. А. Вяземскій въ своихъ о немъ воспоминаніяхъ (Полное собр. сочиненій, т. II, стр. 289—290), несчастіе въ Варшавѣ. Кучеръ, везшій его въ коляскѣ, внезапно сошелъ съ ума и направилъ лошадей на край обвала, куда и опрокинулся экипажъ съ сѣдоками; князь Козловскій былъ вытащенъ разбитымъ, долго проболѣлъ и принужденъ былъ ходить потомъ на костыляхъ.

⁸⁾ Дмитрій Гавриловичъ († 1870), бывшій съ 1838 по 1852 годъ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, затѣмъ членомъ Государственнаго Совѣта, а съ 1852 по 1855 годъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

⁹⁾ Князь П. А. Вяземскій былъ вице-директоромъ департамента виѣшней торговли

¹⁰⁾ Генералъ-маіоръ Дмитрій Семеновичъ Языковъ.

¹¹⁾ Въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, пожертвованныхъ Императ. Публ. Библиотекѣ П. В. Жуковскимъ, не сохранилось ни одного письма Василія Андреевича къ А. И. Тургеневу за 1836—1843 годы, т. е. за цѣлыя восемь лѣтъ. Быть можетъ, письма за эти годы находятся въ бумагахъ Н. И. Тургенева, изъ которыхъ нѣсколько писемъ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу за ранніе годы было напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 года.

*

¹⁾ Этотъ отрывокъ, сохранившійся въ записной книжкѣ князя П. А. Вяземскаго, перепечатанъ здѣсь изъ Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. IX (Спб. 1884), стр. 199—200.

19*

миръ, въ которомъ со мною пока одно только мое семейное счастье ²⁾, но гдѣ еще нѣтъ и долго не можетъ быть ни порядка, ни уютности, ибо нѣтъ никакихъ мебели: все надобно заказывать, а пока бивуакировать. Я еще никому въ Россію не писалъ о себѣ, пишу къ тебѣ первому. Вотъ моя исторія: 3 (15) Мая отравился я изъ Петербурга, и 17-го встрѣтилъ невѣсту въ Боннѣ. Она со своими ѣхала въ Майнцъ, гдѣ мы условились съѣхаться, чтобы оттуда прямо въ Канштатъ для вѣнчанія. Сдѣлалось то, что рѣдко на свѣтѣ случается. Все, что ~~мы~~ предположили, *исполнилось* въ точности. Я назначилъ день своего вѣнчанія 21 Мая, такъ и сдѣлалось. 21 Мая изъ Лудвигсбурга, гдѣ мы ночевали, пріѣхали мы рано поутру въ Канштатъ. Я тотчасъ отправился за Русскимъ священникомъ въ Штутгартъ, а Рейтернъ все устроилъ для Лютеранскаго обряда, и въ 5 часовъ послѣ обѣда на высотѣ Ротенберга, въ уединенной надгробной церкви св. Екатерины ³⁾, совершился мой бракъ тихо и смиренно; въ Канштатѣ былъ совершенъ Лютеранскій обрядъ, а въ полночь, вмѣстѣ съ женою, отправился я въ Вильдбадъ, гдѣ блаженно провелъ одинъ съ нею первыя двѣ недѣли моей семейной жизни и гдѣ на всю остальную жизнь увѣрился, съ глубокою благодарностью къ Богу, даровавшему мнѣ желанное счастье, что при мнѣ есть чистый ангель, ободритель, освятитель, удовлетворитель души, и съ нимъ все, чѣмъ жизнь можетъ быть драгоценна. Эти двѣ недѣли Вильдбадскаго уединенія были рѣшительны навсегда. Я знаю, какое счастье Богъ даровалъ мнѣ, и вѣрю ему. Оно не перемѣнится, какъ бы ни были обстоятельства жизни радостны или печальны. Теперь я въ Дюссельдорфѣ. Когда приведу нѣсколько въ порядокъ мою матеріальную жизнь, примусь за работу. За какую? Еще не знаю, ибо хотя я и не въ *чаду* счастья, но еще не думалъ и не могу думать ни о чемъ, кромѣ его.

CLXXXIII.

6 (18) Генваря 1844 (Дюссельдорфъ).

Всякой день собирался я отвѣчать тебѣ на первое письмо твое и все не могъ, по своей благословенной привычкѣ, добраться до пера, хотя и очень тянуло меня къ нему. Наконецъ подоспѣло второе письмо твое, и вотъ уже болѣе недѣли, какъ собираюсь писать отвѣтъ и на него; но тутъ по крайней мѣрѣ есть причина замедленія. Надобно было прежде написать другое, длинное письмо, къ несчастію необходимое, и оно лежало передъ твоимъ какъ плагибаумъ. Наконецъ пишу. Первое письмо твое было для меня грустно; послѣднее утѣшительнѣе; изъ него вижу, что тебѣ нѣсколько лучше. Избави тебя Богъ отъ продолжительной болѣзни; на старости довольно одной старости; на что

²⁾ Жуковскій сообщаетъ о своей женитьбѣ на Е. А. Рейтернѣ. Нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ важномъ событіи въ жизни Жуковского имѣются въ письмѣ его къ Цесаревичу Александру Николаевичу отъ 3 (15) Августа 1841 (см. „Русскій Архивъ“ 1883 г., книга вторая, стр. XLVI—LI).

³⁾ Гдѣ похоронена королева Виртембергская Екатерина Павловна († 1818).

*

болѣзнь? Но такой вопросъ можно позволить себѣ только тогда, когда смотришь вѣтрено на жизнь, какъ на что-то такое, что намъ дано единственно для того, чтобы сколько можно болѣе имѣть сладкихъ ощущеній и сколько можно менѣе ощущеній неприятныхъ. Подъ конецъ подведешь итогъ: сладкаго было столько то, горькаго столько; того то, а этого.—И только? Для такого экономическаго разсчета, конечно, болѣзнь великое бѣдствіе. Но болѣзнь, какъ учитель терпѣнія, какъ болѣе опытный голосъ съ того свѣта, имѣетъ что-то строго величественное. А болѣзнь христіанина?... Какое великое дѣло это все исцѣляющее, все объясняющее, все возвышающее христіанство! Грустно было мнѣ читать въ первомъ письмѣ твоёмъ то, что говоришь о *последнемъ дальнѣйшемъ путешествіи*. Ты говоришь съ философическимъ равнодушіемъ, съ равнодушіемъ безстрашія о возможномъ скоромъ концѣ; ты говоришь, что тебѣ, не смотря на болѣзнь, не скучно. Я бы желалъ тебѣ иного расположенія; я желалъ бы, чтобы ты болѣе выросъ душою при взглядѣ на *онъ погъ*. Надѣюсь, что еще минута отбытія для тебя не наступила; надѣюсь, что еще мы побудемъ вмѣстѣ на этомъ свѣтѣ; но минута строгаго разсчета съ жизнью, точнаго ея оцѣненія, минута подведенія итога, узнанія, что у насъ въ приходѣ и что въ расходѣ, однимъ словомъ минута христіанства для насъ наступила; для тебя и для меня. И наступила для обоихъ поздно. Мы оба растратили множество жизни по пустынямъ. Все пошло на минуты. Что тебѣ осталось отъ твоей бѣготни по лекціямъ, по проповѣдямъ, по салонамъ и прочее? Что ты узналъ и чему вѣришь? Я менѣе тебя извинителенъ; я не имѣлъ твоей разсѣянной, увлекательной жизни; я киснулъ въ своемъ углу и въ небольшомъ кругѣ идей поэтическихъ. Божій перстъ указалъ мнѣ уголь семейный; подлѣ меня жена, передо мною дочь; это удивительно краскорѣчивые проповѣдники. Что изъ меня устарѣлаго, но еще не совсѣмъ вялаго, сбѣгаетъ эта проповѣдь семейной жизни, я не знаю; мы не властны въ себѣ. Но по крайней мѣрѣ знаю смиреннымъ умомъ то, что есть *одно на потребу*. Но обратится ли этотъ смиренно-убѣжденный умъ въ жаждущее сердце, не знаю..... Богъ далъ мнѣ къ тому средство въ теперешней судьбѣ моей, Онъ же дастъ и силу воспользоваться даннымъ Имъ средствомъ. Но дастъ ли время? Мы съ тобой на одномъ разстояніи отъ послѣдней станціи; кому доведется первому доѣхать? Только эта станція не просто корчма, гдѣ тебѣ скажутъ «нѣтъ лошадей» и гдѣ ты повалишься спать, уставъ отъ дороги. Эта станція—домъ Отцовскій. .... Мое письмо становится похоже на проповѣдь. И чего добраго, ты еще вообразишь, что твоя Петербургская дама правду написала къ твоей дамѣ Парижской, что я католикъ. Изъ письма же твоего мнѣ и кажется, что ты этого за меня боишься. Нѣтъ, я не католикъ, и мнѣ не нужно побираться по исповѣданіямъ и сектамъ и просить, чтобы мнѣ Христа ради дали Христа. . . Я пойду прямо къ Нему Самому. Онъ конечно мнѣ скажетъ: *Богъ дастъ*; но это не будетъ отказомъ. Для чего не назвалъ ты мнѣ имени писавшей дамы? Чего ты могъ отъ меня убояться? Но твоимъ совѣтомъ я воспользовался; взялъ свои предосторожности; написалъ къ Великому Князю о бродячихъ обо мнѣ слухахъ и во свидѣтельство того, что я не католикъ,

привелъ его самого. Я написалъ: «мы съ вами были вмѣстѣ въ Римѣ тогда вы сами могли замѣтить, что папа не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія и что я остался къ нему весьма равнодушенъ. Живучи на Рейнѣ, вдали отъ него, я еще менѣе могу въ него влюбиться. Но безъ романической любви къ папѣ нельзя пожелать быть Римско-католикомъ; въ мои лѣта уже нельзя опасаться, чтобы подобная страсть овладѣла душою. Другихъ доказательствъ, что я не католикъ, вамъ не представляю: для меня было бы это неприлично, а для васъ смѣшно и скучно»¹⁾. Прошу однако по милости своей не пускать въ ходъ этихъ строгъ; ты, чего добраго, ихъ еще дашь списывать, да и напечатать въ переводѣ; а мнѣ это сдѣлаетъ непріятность.—Было мнѣ въ письмѣ твоёмъ и смѣшно, и досадно то, что ты говоришь о Радовицѣ. Радовицевъ на свѣтѣ немного. Я другаго не знаю. Не назову его совершеннымъ; но не знаю человѣка, который бы достигъ такой цѣлости умственной и нравственной, *qui fût aussi complet*²⁾, какъ Радовицъ. Этотъ, по словамъ твоимъ, кривотолкъ соединяетъ въ головѣ своей математическую ясность и жаркое глубокомысліе Паскаля; но, къ счастью, не имѣетъ его слабыхъ нервъ, убившихъ его въ цвѣтѣ жизни. У Радовица все подведено подъ одну мысль, все подведено подъ христіанство, и вся его жизнь, которую я знаю въ подробности, была послѣдствіемъ, *conséquence*, его убѣжденій и его вѣры. *Er ist aus einem Guss*³⁾, какъ говорятъ Нѣмцы. Враговъ у него много; этому такъ и должно быть; ибо онъ никому не спускаетъ, давитъ всё самолюбія своею гигантскою ученостію, своею гениальностію и своею рѣзкою диалектикою и, будучи въ душѣ своей младенецъ доброты, кажется бѣшенымъ самолюбцемъ, который хочетъ растоптать и уничтожить всѣхъ и каждого. Радовицъ для меня высокое явленіе, передъ которымъ я благоговѣю, хотя недостатки его мнѣ извѣстны болѣе, нежели многимъ; но у кого ихъ нѣтъ?—Ты спрашиваешь: что я для себя сдѣлалъ поѣздкою въ Берлинъ и Дармштадтъ⁴⁾? Ничего. Я не имѣлъ и не могъ имѣть никакихъ видовъ. Но какъ же было не поѣхать мнѣ къ Государю, послѣ двухъ лѣтъ отсутствія? Объ Великомъ Князѣ и говорить

---

¹⁾ Въ подлинномъ письмѣ Жуковскаго къ Цесаревичу Александру Николаевичу отъ 1 (13) Января 1844 года, это мѣсто читается такъ: „Черезъ Парижъ узналъ я, что въ Петербургѣ, и именно при дворѣ, ходятъ толки, будто я сдѣлался католикомъ... Мы съ вами были вмѣстѣ въ Римѣ; вы сами видѣть могли, что я былъ довольно равнодушенъ къ папѣ; еще менѣе могу влюбиться въ него заочно. А безъ романической страсти къ папѣ нельзя сдѣлаться католикомъ. Но въ шестьдесятъ лѣтъ не могу уже бояться, чтобы подобная страсть овладѣла моимъ сердцемъ. Другими же доказательствами убѣждать васъ вѣрить, что я не католикъ и не могу быть католикомъ, было бы для меня неприлично, а для васъ смѣшно и скучно“ („Русскій Архивъ“ 1883 г., кн. вторая, стр. XCV).

²⁾ Т. е. который былъ бы столь же цѣльной натурой.

³⁾ Т. е. онъ цѣльная натура.

⁴⁾ Въ Берлинъ Жуковскій ѣздилъ въ Августѣ 1843 года, чтобы видѣть Государя, а въ Дармштадтъ въ Декабрѣ того же года для свиданія съ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ (см. „Русскій Архивъ“ 1883 г., книга вторая, стр. LXXXIV и XC).

нечего; съ нимъ разрознить я себя не могу. Все добро, какое имѣю, есть ихъ дѣло; благодарность къ нимъ слита съ моею жизнію до конца ея.

Въ концѣ Марта я переселюсь со всею семьєю моею на житье во Франкфуртъ; домъ уже тамъ нанятъ. Буду жить такъ же, какъ въ Дюссельдорфѣ, то есть такъ же уединенно и просто. Проживу вѣроятно полтора года, о чемъ уже предувѣдомилъ и Великаго Князя, и черезъ него и Государя. Вотъ чтó ты можешь сдѣлать. Ты собираешься въ Карлсбадъ, но туда нельзя раньше половины Мая. Приѣзжай въ половинѣ Апрѣля во Франкфуртъ и проживи у меня; горницы есть; между тѣмъ въ ожиданіи Карлсбада увидишься съ Коппомъ, который стоить трехъ Корфовъ, и онъ тебѣ вѣрно сдѣлаетъ добро. Въ Дюссельдорфѣ я бы тебя ко мнѣ на житье не позвалъ; ты бы тамъ угорѣлъ со скуки; но во Франкфуртѣ будутъ тебѣ люди; будешь, какъ Дмитріева голубокъ, съ пѣнъкой вѣтки на другую перепархивать, то есть изъ моего уединенія въ шумъ Франкфуртской жизни и отъ моихъ котлетокъ и картофеля къ обѣдамъ Ротшильда.

Отвѣчай на этотъ послѣдній пунктъ.—Чтó такое: *Homère polyglotte*, изданное Дидотомъ? Не можешь ли прислать мнѣ: *Ulysse-Homère ou du véritable auteur de l'Iliade et de l'Odysée. Paris, chez Debure, 1829* ⁵⁾, fol. avec V tables géogr(aphiques) et XV tabl(es) de figures. 24 francs.

Ты все просишь стиховъ изъ Одиссеи; но изъ нея ничего вырвать нельзя: все одинъ слитокъ. Я уже подхожу къ концу IV пѣсни ⁶⁾. Кажется, идетъ. Трудъ такъ приятенъ, что совѣстно ⁷⁾. Если пробуду полтора года за границею, кончу ⁸⁾.

CLXXXIV.

6 Марта (н. с. ¹⁾) 1844, Дюссельдорфъ).

Я ждалъ бѣды съ Запада, а она пришла съ Востока, и самая неожиданная. Вообрази: Катя Воейкова ²⁾ вдругъ умерла. Сдѣлалась какая-то сильная сыпь, кровь пришла въ совершенное разложеніе (*décomposition*), и въ три дня ея молодая жизнь изсякла и исчезла. За себя мнѣ ея очень жаль. Про тебя же скажу: страшень сонъ, да милостивъ Богъ. Викулинъ своимъ письмомъ напугалъ меня, послѣ еще болѣе словами своими: онъ у меня былъ на проѣздѣ въ Англію, куда

⁵⁾ Это сочиненіе вышло подъ именемъ Constantin Koliades,—псевдонимъ Французскаго путешественника и археолога Jean-Baptiste Lechevalier (р. 1752 † 1836).

⁶⁾ IV пѣснь Одиссеи Жуковскій началъ переводить 10 Ноября 1843 года, а кончилъ 12 (24) Января 1844 (См. „Бумаги В. А. Жуковскаго“, стр. 112).

⁷⁾ Фраза, какъ кажется, не докончена.

⁸⁾ Переводъ Одиссеи конченъ Жуковскимъ въ Апрѣлѣ 1849 года.

*

¹⁾ 6 Марта н. ст. (=27 Февраля), какъ это видно по соображенію съ слѣдующимъ письмомъ № CLXXV.

²⁾ Старшая дочь А. А. Воейковой, скончавшаяся 28 Января 1844 г. въ Москвѣ (см. Зейдлицъ, Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 197).

отправился жениться. Его невеста Miss Maclean, живущая гдѣ-то въ Девонширѣ.—Надѣюсь, что ты къ веснѣ окрѣпнешь и будешь въ состояніи отправиться на воды. Тебѣ должно будетъ проѣхать черезъ Франкфуртъ. Ты тамъ остановишься у меня (если это будетъ въ концѣ Апрѣля или въ началѣ Мая), повидеешься съ Коппомъ; только не забудь отобрать отъ своихъ докторовъ описаніе твоей болѣзни и ихъ лѣченія; хорошо бы привезти съ собою и ихъ рецепты. На Коппа можно положиться: у него глазъ вѣрный, хотя онъ и кось. Въ одно время съ смертью Кати я узналъ о смерти графини Эделингъ ³⁾. Она была долго и мучительно больна.—Прощай, напиши скорѣе и пришли добрыя о себѣ извѣстія. Твою послѣднюю записку я отправилъ къ Вяземскому. Онъ пишетъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ (а онъ написалъ ко мнѣ всего на все два письма и одно письмецо съ тѣхъ поръ, какъ я за границую), что писалъ къ тебѣ много и желаетъ, чтобы я прочиталъ его письмо. Пришли. Прочитавъ, возвращу немедленно. Къ книгамъ, о которыхъ я къ тебѣ писалъ, я желалъ бы, чтобы ты присоединилъ переводъ давнишній Рошефора Илиады и Одиссеи въ стихахъ ⁴⁾. Мнѣ, правду сказать, онъ ни на что не надобенъ; но просто я любопытенъ знать, какъ Французъ въ стихи укладываетъ Гомера и что выходитъ изъ его простоты подъ румянами Французскаго петиметра (Rochefort). Ты же продолжай читать Библию, а Шеллинга брось: не думаю, чтобъ изъ его философіи откровенія что-нибудь могло выйти. Но прощай. Жду отъ тебя письма. Если пришьешь Вяземскаго письмо, то пришлю тебѣ свою новую поему Наль и Дамаянты.

Я тебѣ еще долженъ; расплачусь при свиданіи.

CLXXXV.

4 (16)—15 (27) Марта (1844, Дюссельдорфъ).

Благодарю тебя, мой милый, и за извѣстія о себѣ, и за письмо Вяземскаго, и за то особенно, что не сонъ страшенъ, а Богъ милостивъ, то есть за то, что съ тобой не такъ плохо, какъ меня молва напугала. Я долженъ тебя предупредить, что переѣду во Франкфуртъ не прежде, какъ къ концу будущаго Мая. Теперь только слѣшу послать тебѣ мою книгу ¹⁾. Это сказка. Ты посмотришь на нее съ презрѣніемъ и ужъ конечно не прочтешь ея, а развѣ только расскажешь всѣмъ Русскимъ, что ее получилъ. Напечатана съ множествомъ ошибокъ, особливо въ знакахъ препинанія, что путаетъ смыслъ.—Вяземскаго письмо прелесть. Его мысли о религіи рѣшительно спра-

³⁾ Графиня Роксандра Скарлатовна Эдлингъ, рожденная Стурдза (р. 1786 † въ Одессѣ, 16 Января 1844), сестра известнаго писателя и дипломата Александра Скарлатовича Стурдзы. Ея весьма интересныя Записки напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1887 года.

⁴⁾ Guillaume de Rochefort (р. 1731 † 1788) предпринялъ переводъ Гомера на Французскій языкъ въ стихахъ; переводъ Илиады вышелъ въ 1766—1770 годахъ, а переводъ Одиссеи въ 1772 году.

¹⁾ Наль и Дамаянты.

ведливый. Жаль, что не докончилъ онъ статьи противъ Кюстина ²⁾; если этотъ лицемѣрный болтуны выдастъ новое изданіе своего четырехтомнаго пасквиля, то еще можно будетъ Вяземскому придратъся и отвѣчать; но отвѣтъ долженъ быть коротокъ; нападать надобно не на книгу, ибо въ ней много и правды, но на Кюстина; однимъ словомъ, отвѣтъ ему должна быть просто печатная пощечина въ ожиданіи пощечины матеріальной. Влудова слово о немъ разительно. Смѣшнѣе сказалъ объ немъ кто-то изъ Французскихъ остряковъ: «On a eu trop de bonté en Russie pour m-r de Custine; si les Russes lui avaient tourné le dos, il en aurait parlé avec plus d'éloges» ³⁾. Прощай. Писать теперь было некогда. Есть другія письма. Обнимаю тебя и брата.

4 (16) Марта.

Ж.

Отъ своихъ: отъ Саши, Маши и Е(катерины) Аонас(ьевны) послѣ горестнаго извѣстія ⁴⁾ ничего еще не получалъ. Это меня жестоко тревожитъ. Не знаю, отчего тебѣ мои немногія слова показались сухи. Чтò говорить?

15 (27) Марта.

Это письмо у меня Богъ знаетъ почему провалялось болѣе десяти дней. Въ этомъ интервалѣ ничего новаго не произошло со мною. Извѣстій отъ своихъ ни отъ кого не получалъ и не знаю, чтò съ ними дѣлается.—Въ это время видѣлъ я Бунзена ⁵⁾, который посѣтилъ меня на проѣздѣ изъ Лондона въ Берлинъ.—Нынче въ два часа пополудни отправляюсь въ Дармштадтъ, куда уже Великій Князь ⁶⁾ пріѣхалъ; воз-

---

²⁾ Маркизь Астольфъ Кюстинъ (Custine) (р. 1793 † 1857), совершившій много путешествій по Европѣ, посѣтилъ въ 1839 году и Россію. Результатомъ послѣдняго его путешествія явилось его сочиненіе „La Russie en 1839“, напечатанное въ Парижѣ въ 1843 году въ 4 т. и въ томъ же году вышедшее вторымъ изданіемъ; оно было также напечатано и въ Брюсселѣ въ 1843 же году и выдержало впослѣдствіи нѣсколько изданій.—Ср. отрывъ Жуковскаго о Кюстинѣ въ письмѣ къ А. Я. Булгакову отъ 9 (21) Ноября 1843 года (Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 556).

³⁾ Т. е. Въ Россіи были черезъ чуръ добры къ г. Кюстину; если бы Русскіе отнеслись къ нему съ меньшимъ вниманіемъ (бывавально: если бы Русскіе повернулись къ нему спиною), онъ говорилъ бы о нихъ съ болѣею похвалою.

⁴⁾ Кончины Е. А. Воейковой.

⁵⁾ Знаменитаго Нѣмецкаго ученаго и дипломата Христіана Бунзена (р. 1791 † 1860), долгое время бывшаго посланникомъ въ Римѣ (съ 1824 по 1838), гдѣ съ нимъ и познакомился Жуковскій во время своего путешествія по Италіи въ 1823 году, затѣмъ посланникомъ въ Бернѣ и наконецъ въ Лондонѣ (съ 1841 по 1854). Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1876 г., книга первая, стр. 437—438, напечатано письмо Бунзена къ Жуковскому отъ 1835 года, изъ Рима.

⁶⁾ Цесаревичу Александру Николаевичу. „Къ 1 Апрѣля н. ст., то есть въ Воскресенье на Страстной недѣлѣ, явлюсь въ Дармштадтъ, писалъ Жуковскій Цесаревичу. Еще разъ Богъ приведетъ мнѣ говѣть вмѣстѣ съ Вами“ („Русск. Архивъ“ 1883 года, книга вторая, стр. ХСVI).

*

вращусь въ Дюссельдорфъ вѣроятно на Святой недѣлѣ, то есть 1 (13) или 2 (14) Апрѣля. Переселеніе мое въ Франкфуртъ совершится въ концѣ Мая; пожитки отправятся съ половины Мая. Объ этомъ увѣдомлю.

CLXXXVI.

5 (17) Іюля 1844, Франкфуртъ на М(айнѣ).

Ровно пять твоихъ писемъ, доселѣ оставленныхъ мною безъ отвѣта, лежать передо мною, какъ пять смертныхъ грѣховъ. И грѣхъ мой былъ бы великъ передъ тобой, если бы я былъ ты, то есть когда бы у меня въ пальцахъ была твоя эпистолярная чесотка, весьма благотворная и для тебя самого, и для всѣхъ насъ. Но поелику сія чесотка ко мнѣ отъ тебя не пристала, то и не сердись на меня и не безпокойся моимъ молчаніемъ, и пиши ко мнѣ, какъ до сихъ поръ, въ надеждѣ на отвѣтъ, который въ добрый часъ и послѣдуетъ. Теперь этотъ добрый часъ насталъ, и я пишу, отвѣчая на всѣ главнѣйшіе пункты твоихъ пяти писемъ.

Не тревожься своею болью; она не можетъ вдругъ тебя покинуть и можетъ въ иныя минуты быть сильнѣе: владѣй своею болѣзнію, не предавайся ея чувству, не давай ей выходить наружу никакимъ оханьемъ и тѣлодвиженіемъ—этимъ во многомъ пересилишь ее. Бунтуй противъ нея сколько можешь, не признавая ея власти; бери ее съ христіанской стороны, борьбою, данною для опыта силъ и для возвышенія силъ; все это вѣрныя лѣкарства, если не исцѣляющія физически, то готовящія къ исцѣленію. А послѣ Киссингена Вильдбадъ будетъ спасеніемъ. Радуюсь тому, что теперешніе доктора твои всѣ согласны во мнѣніяхъ. Изъ Киссингена поѣзжай черезъ Франкфуртъ: увидишь Коппа; потомъ опять Хеліуса ¹⁾ и потомъ ужъ прямо въ Вильдбадъ; если надобно будетъ въ Гастейнъ, то, само по себѣ разумѣется, можно и это.—У насъ отдохнешь послѣ Киссингена въ интервалѣ между имъ и Вильдбадомъ. Увѣдомь только дня за два, когда будешь. На возвратномъ же пути изъ Гастейна, конечно, будетъ крюкъ въ Парижъ на Франкфуртъ. Сдѣлай какъ удобнѣе; но у насъ во всякомъ случаѣ отдохнешь послѣ Киссингена; тогда и съ Коппомъ наговориться успеешь.

Прочитавъ то, что братъ Николай и ты пишете о изданіи въ свѣтъ его мемуаровъ, я остаюсь при своемъ мнѣніи. Я скажу еще болѣе: онъ сдѣлаетъ *дурное* дѣло, если издастъ свои мемуары, ибо онъ тѣмъ повредитъ *тебѣ* непременно, повредитъ и *мнѣ*, если меня назоветъ въ нихъ (чего я прошу его не дѣлать; за три года передъ этимъ я бы объ этомъ не сталъ много задумываться, но теперь у меня *есть кого беречь* ²⁾). Можетъ ли онъ положить на вѣсы съ одной стороны *мнимую необходимость протестовать* (послѣ 20 лѣтъ молча-

¹⁾ Максимилианъ-Іосифъ Хеліусъ (Chelius), известный Нѣмецкій хирургъ (р. 1794).

²⁾ Мемуары Н. И. Тургенева напечатаны имъ были въ 1847 году, послѣ смерти А. И. Тургенева, на Французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Mémoires d'un proscrit“ и составляютъ первый томъ его сочиненія „La Russie et les Russes“.

нія и семейнаго покоя) противъ оказанной ему несправедливости, а съ другой вѣрный *сродъ* тебѣ? Если онъ дастъ перевѣсъ первому, то останется ли правъ въ собственныхъ глазахъ своихъ? И что ему говорить о себѣ? Его оправданіе находится въ самомъ *Донесеніи Комиссіи*; тамъ сказано, что онъ не явился и осужденъ заочно. Само по себѣ разумѣется, что осужденіе должно быть *безъ основанія*; если неявка оправдываетъ несправедливость и неосновательность осужденія, то она въ тоже время оправдываетъ и осужденнаго, который бы уничтожилъ все, въ чемъ обвиняли его, если бы явился, но который однако отнялъ у себя возможность оправданія своею неявкою. Входить въ эти разсужденія здѣсь не мѣсто. Одинъ вопросъ, хорошо ли сдѣлалъ братъ, что не явился? Я увѣренъ, что его явленіе, произвольное, съ довѣренностію къ правосудію Государя, произвело бы великое впечатлѣніе въ семь послѣднемъ; онъ сдѣлался бы его адвокатомъ. Какія были бы однако слѣдствія? Какъ рѣшить? А послѣ двадцати лѣтъ его мирной семейственной жизни, при твердомъ его характерѣ, при спокойствіи его совѣсти, какъ имѣть духъ сказать, что онъ лучше бы сдѣлалъ, если бы явился? Промыслъ самъ все устроилъ. Если за многое человѣческое онъ послалъ ему скорбь изгнанничества, то за его нравственную высоту и чистоту далъ ему благо семейственнаго мира, давъ въ тоже время сладость найти въ своемъ братѣ друга, отца, покровителя и сострадалца; далъ наконецъ страданіе по силамъ, страданіе, изъ котораго душа его могла извлечь такіа сокровища, которыхъ бы онъ, можетъ быть, не нашелъ на ровномъ и веселомъ пути жизни. Я читалъ письма Якушкина ³⁾ къ матери, женѣ и дѣтямъ изъ Ялуторовска, и читалъ ихъ съ умиленіемъ, и спрашивалъ себя: этотъ заблужденный Якушкинъ, который когда-то произвольно вызывался на убійство и который теперь такъ христіански побѣдилъ судьбу земную, дошелъ ли бы онъ до этого величія другою дорогою? Конечно, братъ Николай не Якушкинъ; онъ съ прямого пути не сбивался; за то и опытъ ему данъ не столь тяжкій и строгій. Но на своей трудной дорогѣ онъ конечно встрѣтилъ много такого, чего бы не попало ему на первой. Онъ созрѣлъ и окрѣпъ духомъ! Остается возвыситься до главнаго, единаго на потребу, до христіанскаго смиренія. И если посмотрѣть на его положеніе съ высокой христіанской точки зрѣнія, то что остается ему дѣлать? Что! Заключить въ тайнѣ миръ душевный со всѣмъ, что было врагомъ души его и, сказавъ передъ Богомъ: «и остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ», произнести радостно на всю жизнь: «да будетъ воля Твоя яко на небеси и на земли». Это похоже немножко на проповѣдь и на *lieux communs* ⁴⁾; но я уже давно убѣдился всѣмъ сердцемъ, что самое высокое, истинное и прекрасное заключается въ *lieux communs*, повторяемыхъ безпрестанно, внимаемыхъ съ презрѣніемъ привычки, но заключающихъ въ себѣ всю человѣческую мудрость. И въ этомъ-то смыслѣ совѣтовалъ я, чтобы братъ послалъ свои *mémoires* Императору (примирившись съ нимъ мысленно). А для чего бы послалъ? Ко-

³⁾ Декабриста Ивана Дмитріевича Якушкина.

⁴⁾ Т. е. общія мѣста.

нечю не для того, чтобы потѣшить и занять нѣсколько часовъ его любопытство, не для того, чтобы потѣшить себя, поразивъ его нѣкоторыми жестокими, жестоко сказанными истинами. Нѣтъ, чтобы дѣйствительнѣйшимъ образомъ довести эти полезныя истины, довести до души того, кому наиболѣе онѣ нужны, кто одинъ можетъ, убѣдившись въ нихъ, обратить ихъ въ пользу практическую для народа, кто ихъ не приметъ, если онѣ захотятъ протѣсниться къ нему, оскорбивъ его самолюбіе; кто вооружится противъ нихъ, когда онѣ дойдутъ до него изъ толпы враждебнаго ему и намъ народа, обвинивъ его прежде передъ цѣлымъ свѣтомъ и составивъ одинъ хоръ съ клеветами и бранью Кюстина et comr. Чтобъ довести, говорю, эти истины, эти факты до души Императора, надлежитъ ихъ безкорыстно, безъ всякихъ заднихъ видовъ, съ прямымъ доброжелательствомъ удѣлить ему и удѣлить такъ, чтобы онъ повѣрилъ искренности доброжелательства и, тронутый имъ, принялъ во благо благое даяніе. А какъ ему будетъ не повѣрить Николаю? Онъ отъ него не зависитъ, онъ далеко, онъ имъ осужденъ, отъ него потерпѣлъ, и уже двадцать лѣтъ прошло для него въ спокойномъ перенесеніи судьбы своей. И вдругъ онъ является передъ нимъ, не для оправданія себя, не для вознагражденія себя за утраченное, а просто съ чистою правдою, которую даетъ ему произвольно, въ знакъ примиренія, для того только, чтобы дать и чтобъ своимъ даромъ сдѣлать добро своему бывшему отечеству. Вотъ какъ я разумѣю представленіе Императору мемуаровъ; оно должно произойти отъ лица къ лицу. И такая публикація ихъ будетъ несравненно достойнѣе ихъ автора, чѣмъ изданіе ихъ какимъ-нибудь Парижскимъ книгопродавцемъ, преданіе на пишу журналистовъ, ключающихъ Россію, какъ вороны мертвечину, со вредомъ неизбѣжнымъ для тебя и безъ всякой пользы для Россіи.

Если ты вообразилъ, что я, совѣтуя брату представить (но не представить, а послать) Императору мемуары свои, говорю какъ придворный, какъ тайный совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, то ошибся весьма непонятнымъ для меня образомъ; но я довольно, кажется, объяснилъ мысль свою. Заключу повтореніемъ одного, что впрочемъ не главное, но самое матеріальное и существенное: *публиковавъ Записки свои во Франціи* (какъ бы онѣ написаны ни были), *братъ твой непременно повредитъ тебѣ въ Россіи.*

Я слишкомъ разговорился. На остальные пункты писемъ твоихъ отвѣчаю въ немногихъ словахъ. Письмо моего милаго короля пре-красно⁵⁾; тутъ весь онъ.—Я и не тронулся пальцемъ отвѣчать за

---

⁵⁾ Письмо Прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV къ А. И. Тургеневу отъ 11 Іюня н. с. 1844 года, папечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 года, ст. 1525—1526. За поднесенный королю экземпляръ изданія „Historica Russiae monumenta“ Тургеневу былъ пожалованъ орденъ Краснаго Орла втораго класса. Отъ этого Тургеневъ отказался, и король Фридрихъ-Вильгельмъ IV назначилъ ему вмѣсто того въ подарокъ роскошное изданіе сочиненій Фридриха Великаго, въ 4-ю д. л., предназначавшееся только для высочайшихъ особъ, и изданныя Цаномъ Древности Помпеи. Тургеневъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе своимъ отказомъ отъ ордена (см. переписку его съ Гумбольдтомъ и

тебя; ты пишешь лучше меня и съ Французскимъ языкомъ ладишь гораздо успѣшнѣе. Посылаю тебѣ копію съ письма ко мнѣ; она списана женою, которая тебя обнимаетъ. Также и дочь ⁶⁾).

Вотъ письмо отъ Свербеевой, привезенное Мельгуновымъ ⁷⁾; онъ говоритъ, что онъ ошибкою его распечаталъ, но не читалъ. Книги: Самарина, двѣ брошюры Шевырева и Погодина о Голицынѣ и маленькую книжечку стиховъ Хомякова ⁸⁾ получишь при посѣщеніи меня во Франкфуртъ: и безъ нихъ прожить можешь.

Коппъ (а не Коппе) здѣсь.

Пришли или привези мнѣ брошюру Тютчева ⁹⁾; онъ бы ужъ не

Жуковскимъ, тамъ же, ст. 1516—1525 и 1528—1529). Посылая Жуковскому письмо короля, письмо Гумбольдта и свой отвѣтъ ему, Тургеневъ писалъ Жуковскому: „Не забудь, мой милый другъ, прислать мнѣ письмо къ тебѣ короля. Я не покажу никому; да нельзя ли и отвѣтъ твой, или первое письмо? Можетъ быть, оно послужило бы вдохновеніемъ для моего. Если бы по нѣмецки, то я не ударилъ бы лицомъ въ грязь, а по французски чувство не такъ сильно выражается“ (тамъ же, ст. 1527).

⁶⁾ Александра Васильевна, нынѣ баронесса Ворманъ, родившаяся 30 Октября (11 Ноября) 1842 года (см. письмо Жуковского къ Цесаревичу Александру Николаевичу въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888 года, книга вторая, стр. LXXI).

⁷⁾ Николаемъ Александровичемъ Мельгуновымъ († 1867), литераторомъ (о немъ см. въ Словарѣ Геннади, т. II, стр. 307).

⁸⁾ Книги, о которыхъ идетъ рѣчь въ письмѣ, слѣдующія: магистерская диссертация Ю. О. Самарина „Стефанъ Яворскій и Θεофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники“ (Москва, 1844); двѣ брошюры по поводу кончины Московскаго генераль-губернатора князя Дмитрія Владимировича Голицына († 27 Марта 1844); М. П. Погодина „Некрологъ князя Д. В. Голицына“ (отдѣльный оттискъ изъ № 47 „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1844 годъ) и С. П. Шевырева „17, 18 и 19 Мая 1844 г. въ Москвѣ (Ветрѣча и погребеніе князя Д. В. Голицына)“; „Издъ стихотвореній А. С. Хомякова“ (Москва, 1844).

⁹⁾ Ѳеодоръ Ивановичъ Тютчевъ (р. 1803 † 1873), извѣстный поэтъ, написалъ въ 1844 году въ Мюнхенѣ и напечаталъ въ Германіи статью политическаго содержанія, въ подлинникѣ на Французскомъ языкѣ озаглавленную авторомъ „Lettre à m-r le d-r Gustave Kolb, rédacteur de la Gazette Universelle“ (т. е. письмо къ доктору Густаву Кольбу, редактору (Аугсбургской) Всеобщей Газеты). Статья эта въ подлинникѣ и Русскомъ переводѣ помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 года, тетрадь десятая, подъ заглавіемъ „Россія и Германія“. Опущенное здѣсь вступленіе въ эту статью напечатано И. С. Аксаковымъ въ составленномъ имъ біографическомъ очеркѣ Ѳ. И. Тютчева („Русскій Архивъ“ 1874, выпускъ десятый, ст. 147—148). Поводомъ къ статьѣ Тютчева послужили бѣшенныя нападки на Россію публицистовъ самой Германіи. Въ этой статьѣ Тютчевъ мимоходомъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, касается книги Кюстина о Россіи. Въ 1837 году Тютчевъ былъ назначенъ старшимъ секретаремъ нашего посольства въ Туринѣ; исправлялъ въ 1839 году, за отсутствіемъ посланника, должность повѣреннаго въ дѣлахъ и, имѣя необходимость съѣздить на короткій срокъ въ Швейцарію, отлучился изъ Турина, не испросивъ себѣ формальнаго разрѣшенія. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Петербурга, Тютчеву повелѣно было оставить службу, при чемъ снято съ него и званіе камергера. Онъ послѣ того поселился въ Мюнхенѣ, лѣтомъ 1844 возвратился въ Россію и водворился въ

такъ написалъ противъ Кюстина. Гдѣ этотъ чудакъ? Нельзя ли его какъ натолкнуть на меня?

Гриммъ ¹⁰⁾ человекъ образованный, и всегда я зналъ его за благонамѣреннаго человека; онъ при В(еликомъ) К(нязѣ) Констант(инѣ) Ник(олаевичѣ). Былъ при мнѣ.

Кто у васъ умеръ и кого вы схоронили изъ Русскихъ? Ты не называй по имени.

Смирнова была здѣсь нѣсколько дней и теперь въ Баденѣ на свиданіи съ Вьельгорскими; нынче должна быть назадъ; ея дожидаются дѣти, оставленныя ею въ Hôtel de Russie.

Бѣдный Викулинъ весьма въ плохомъ положеніи; можно бояться, чтобы не лишился ума ¹¹⁾ (не говори объ этомъ). Развѣзжаетъ одинъ, безъ камердинера. Теперь отправляется въ Дрезденъ, гдѣ встрѣтится съ родными. Я предупредилъ объ немъ доктора Каруса. Жаль его душевно.

Не лѣнись присылать Петербургскія вѣсти.

Когда соберешься во Франкфуртъ, предупредь дни за два; но прежде Франкфурта заѣзжай въ Ганау къ Коппу; это по дорогѣ, и потомъ пригласи его къ намъ во Франкфуртъ: вмѣстѣ поговоримъ о тебѣ. Жуковскій.

Уже совсѣмъ собрался печатать письмо, какъ вспомнилъ о весьма нужномъ—о деньгахъ. Мнѣ надобно будетъ непременно внести въ кассу моего Дюссельдорфскаго банкира въ Августѣ мѣсяцѣ 4000 талеровъ. Онъ ссудилъ меня нужными деньгами на дорогу, многое за меня заплатилъ въ Дюссельдорфѣ и заплатилъ уже послѣ моего отъѣзда; но онъ требовалъ, чтобы я деньги внесъ въ его кассу въ Августѣ, обѣщаясь опять ту же сумму мнѣ дать тотчасъ по уплатѣ. Это, говоритъ онъ, нужно для его оборотовъ. Мнѣ не хотѣлось бы не сдержать слова; я бы весьма желалъ заплатить Шейеру въ назначенный срокъ, и я долженъ для этого найти 4000 талеровъ *на перехватъ*; но я лучше бы желалъ взять ихъ *на годъ*, тогда бы изъ своего годоваго

Петербургѣ, гдѣ вскорѣ ему были возвращены всѣ служебныя права и почетное званіе (см. біографич. очеркъ Ф. И. Тютчева, составленный И. С. Аксаковымъ, ст. 30—40). Вотъ чтò писалъ Жуковскій о Тютчевѣ въ 1839 году изъ Италіи къ Надеждѣ Николаевнѣ Шереметевой: „Дней черезъ пять по полученіи письма вашего я увидѣлся въ Генуѣ съ нашимъ Тютчевымъ, съ которымъ уже прежде встрѣтился въ Комо. Я прежде зналъ его ребенкомъ, а теперь полюбилъ созрѣвшимъ человекомъ; онъ въ горѣ отъ потери жены своей. Судьба, кажется, и съ нимъ не очень ласкова. Онъ человекъ необыкновенно гениальный и весьма добродушный, мнѣ по сердцу“ (Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 502).

¹⁰⁾ Августъ Федоровичъ Гриммъ (р. 1806 † 1868), впоследствии дѣйств. статскій совѣтникъ, былъ учителемъ Великихъ Князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей, а потомъ состоялъ при воспитаніи Цесаревича Николая Александровича. А. Ф. Гриммомъ было напечатано въ 1866 году въ Лейпцигѣ сочиненіе „Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland“.

¹¹⁾ Чтò, къ несчастію, и случилось.

*

дохода выплатилъ ихъ въ свое время безъ всякаго затрудненія. Не думай, чтобы я *задолжалъ* 4000 талеровъ; нѣтъ, это взятыя *впередъ* деньги по годовому моему бюджету, и я не могъ не занять ихъ, ибо моя треть не получена была мною à point nommé; получивъ же слѣдующую треть, я долженъ буду разомъ ее употребить на уплату долга; въ концѣ же года все сравняется, и приходъ сойдется съ расходомъ. Вотъ почему и было бы мнѣ пріятнѣе и удобнѣе взять нужные мнѣ 4000 талеровъ не на перехватъ, а на годъ, дабы не хлопотать и не переписываться съ Шейеромъ, а безъ всякихъ хлопотъ заплатить тебѣ, какъ скоро это будетъ удобно. Но для этого нужно, чтобы ты взялъ отъ меня бумагу, т. е. вексель, и чтобы взялъ отъ меня тѣже проценты, какіе дала бы тебѣ ссужаемая тобою сумма во все продолженіе ссуды. Если на это согласишься, то очень одолжишь меня, и я выведенъ буду изъ скучныхъ хлопотъ. Если же захочешь дать мнѣ деньги безъ процентовъ и безъ векселя, то этимъ лишишь и себя возможности пособить мнѣ, и меня введешь въ затрудненіе или доведешь до того, что я не устою въ словѣ. Итакъ одолжи меня *по моему* и отвѣчай немедленно на сей пунктъ. Надобно, чтобы я дѣло кончилъ къ 1 Августа. Если согласишься на мои условія, то приступи тотчасъ къ *исполненію* моей просьбы. Если же не примешь условій, то всетаки дай мнѣ деньги; я заплачу ихъ Шейеру, но тотчасъ снова займу у него и возвращу тебѣ и ты заставишь меня по пустому возиться (а отъ процентовъ не избавишь, и проценты банкиру конечно будутъ значительнѣе тѣхъ, кои ты съ своихъ денегъ получаешь). Отвѣчай тотчасъ на это.

CLXXXVII.

18 (25) Іюля 1844, Франкфуртъ на Майнѣ.

Твой братъ аккуратнѣе насъ съ тобою дѣла дѣлаетъ. Я уже получилъ кредитивъ на имя Абрахама Шейера и сегодня къ нему его отправляю; онъ вышлетъ мнѣ квитанцію въ полученіи отъ меня уплаты; а я спокойно останусь долженъ 4000 талеровъ тебѣ; но ты немедленно долженъ мнѣ назначить, сколько слѣдуетъ мнѣ заплатить годовыхъ процентовъ; иначе я снова обращусь къ тому же Шейеру и возьму у него снова деньги, и онѣ будутъ пересланы къ тебѣ, и я останусь только съ хлопотами. Если бы сумма была малая, дѣло другое; но 4000 талеровъ составляютъ почти 15000 рублей асс.: это капиталъ; у васъ семья, какъ у меня; вамъ должно считать деньги, какъ и мнѣ. Если бы ты взялъ у меня 4000 талеровъ изъ моего капитала, то я бы не только не отказался отъ процентовъ, но и самъ бы ихъ потребовалъ. Увѣдомь меня немедленно, иначе вмѣсто пособія введешь меня только въ затрудненіе. Теперь же ты мнѣ истинно помогъ, и я тебѣ душевно благодаренъ. Впрочемъ 5 процентовъ съ 4000 составляетъ 200, и если не будетъ увѣдомленія, доставлю эту сумму прямо къ тебѣ или брату.—Книги посылаю. Напиши, на что рѣшишься. Вчера я встрѣтилъ Радовица на полудорогѣ отъ Майнца сюда. А при началѣ дороги встрѣтился съ Нессельродомъ, который,

окруженный Убрилемъ ¹⁾, сыномъ ²⁾, Кудрявскимъ ³⁾ и еще кѣмъ-то, отправился въ Эмсъ, а оттуда поѣдетъ въ Брайтонъ. Гоголь былъ здѣсь и уѣхалъ въ Остенду: бѣдный часто страдаетъ нервами, и страшно за него ⁴⁾. Скоро надѣюсь увидѣть графиню Вьельгорскую; она не замедлитъ проѣхать черезъ Франкфуртъ ⁵⁾ за сыномъ ⁶⁾ въ Баденъ; потомъ всѣхъ увижу во Франкфуртѣ на проѣздѣ ихъ въ Остенду. Радовицъ останется не болѣе 4—5 недѣль во Франкфуртѣ; здѣсь ты его найдешь, но можешь заѣхать къ нему изъ Вильдбада въ Карлсру, если опять не пошлютъ тебя въ Киссингенъ. Не такой онъ человекъ, чтобы самому безъ зова ѣхать въ Берлинъ; онъ всею душою любитъ короля, а о вліяніи на него и на дѣла не заботится: честолюбіе не тревожить его и во снѣ. Чтѣ дадутъ ему сдѣлать, сдѣлаетъ лучше другихъ; но напрашиваться на дѣятельность не въ его натурѣ и не въ его правилахъ.—Прости, другъ; обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ и еще разъ благодарю за посobie. Ж.

Я въ большомъ затрудненіи: мнѣ надобно послать въ Парижъ твоему банкиру росписку въ полученіи его кредитива, а я не знаю, кто твой банкиръ и какъ адресовать. Пришли мнѣ его имя и форму адреса и письма; къ одному ли писать или къ Туръ et Comp? Вотъ факсимиле подписи письма. Пожалуйста поскорѣ отвѣчай на это.

Адресъ: A son excellence monsieur de Tourgueneff à Kissingen. Почтовый штемпель: Frankfurt. 26 Jul. 1844.

CLXXXVIII ¹⁾.

(Въ Октябрѣ 1844, Франкфуртъ на Майнѣ).

Благодарствуй, другъ, за доброе письмо и за добрыя вѣсти о своемъ пути и прибытіи въ пристань ²⁾ Но ты давно опять не пишешь, и это насъ тревожитъ. Смотри, не испорти самъ начатаго добра; а можешь испортить двумя способами: *первый* твое *мычаніе*, которое не

---

1) Д. тайн. сов. Петръ Яковлевичъ Убри былъ посланникомъ во Франкфуртъ.

2) Сынъ вице-канцлера, графъ Дмитрій Карловичъ, бывший тогда старшимъ секретаремъ посольства въ Берлинѣ, впоследствии оберъ-гофмейстеръ.

3) Вѣроятно, директоръ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ Емельянъ Аванасьевичъ Кудрявскій; въ это же время младшимъ совѣтникомъ министерства состоялъ Григорій Емельяновичъ Кудрявскій.

4) Въ письмѣ отъ 20 Іюля (1 Августа) 1844 года Жуковскій пишетъ Н. В. Гоголю, что Вьельгорскіе ѣдутъ въ Остенде, что „море полъчить тѣло (Гоголя), а ихъ (т. е. Вьельгорскихъ) добрыя души сохранять здоровье души“ (см. Письма Жуковского къ Гоголю, напеч. въ Приложеніяхъ къ Отчету Императ. Публичной Библиотекы за 1887 годъ стр. 38).

5) Графиня Л. К. Вьельгорская пріѣхала во Франкфуртъ до 20 Іюля (См. тамъ же).

6) Графомъ Михаиломъ Михайловичемъ (р. 1822 † 1855).

*) Это письмо перепечатывается изъ Сочиненій Жуковского, изд. 7-е, т. VI, стр. 419—421, гдѣ оно напечатано П. А. Евремовымъ по подлиннику, находившемуся въ его рукахъ.

*) Въ Парижѣ.

иное что, какъ или произвольная покорность болѣзни или безсиліе съ нею бороться; и то, и другое даетъ ей надъ тобою власть. Второе нетерпѣливость, которая съ одной стороны, желая невозможнаго, то есть немедленнаго исцѣленія, раздражаетъ нервы и усиливаетъ самую болѣзнь, а съ другой понукаетъ тебя ловить всѣхъ докторовъ, встрѣчныхъ и поперечныхъ, и губить тебя ихъ лѣченіемъ. Держись строго того, что велѣли Хеліусъ и Кюппъ; не выходя изъ ихъ предписаній ни на шагъ до будущей весны, а тамъ въ Карлсбадъ, и все кончится добромъ съ помощію Бога.—Въ твоёмъ письмѣ много для меня трогательнаго. Мнѣ старику удалось въ своей семьѣ тебя на старости полелѣять, и въ поздніе наши годы, кажется мнѣ, что жива еще наша молодость: было теперь что-то, напомнившее тѣ горницы Московскаго университета, гдѣ мы собирались около брата Андрея, который мнѣ живо памятенъ. Жена тебя сердечно полюбила, и ей было весело о тебѣ заботиться. Нѣкоторые замѣчанія въ письмѣ твоёмъ на счетъ моей роскошной, сибаритской, какъ ты называешь ее, жизни, справедливы, но не совсѣмъ. Я могъ бы иныя издержки и устранить, но ты совершенно ошибаешься на счетъ причины, побуждающей меня устроить красно и чисто мои горницы: я это дѣлаю не для другихъ, а чисто для себя. Еслибъ у меня былъ домъ на необитаемомъ островѣ, и тотъ бы я устроилъ пріятнымъ для глазъ образомъ. Опрятность и comfort въ семейной жизни есть то, что гармонія и чистота языка въ стихахъ. Но ты правъ, надобно болѣе простоты. Заграничная жизнь будетъ мнѣ добрымъ урокомъ; я надѣюсь, что не выйду изъ черты святой умѣренности. Мы вообще слишкомъ снисходительно смотримъ на излишества, которыя себѣ позволяемъ. Излишество есть почти преступленіе, когда мы можемъ знать, что рядомъ съ нами множество не имѣющихъ необходимаго. Жена ни къ какимъ излишествамъ не приучена своимъ воспитаніемъ, я ихъ не люблю; но и я, и она любимъ опрятность и видъ смиреннаго довольства; нужно только не выходить за должную границу.—Это письмо отдастъ тебѣ Marbersteyg; въ немъ два, полученныя на твое имя. Не послалъ ихъ по почтѣ потому, что М. хотѣлъ ихъ взять и тебѣ доставить. Вотъ уже цѣлая недѣля, какъ состояніе жены моей для меня тревожно. Она дни четыре должна была лежать неподвижно, иначе бы могла быть худая развязка. Теперь опять ходить, но надобно весьма беречься. Седьмой мѣсяцъ беременности наступилъ³⁾; онъ требуетъ, какъ увѣряютъ, большихъ осторожностей. Къ счастью, теперь Франкфуртъ успокоился. Проѣздъ Русскихъ кончился; Англичане еще колобродятъ, но главная волна, кажется, уже отхлынула къ Парижу; нѣсколько буруновъ бьетъ въ Лондонъ, и они скоро утихнутъ. Тогда въ моемъ Саксенгаузенскомъ закоулкѣ утвердится покой. Если Богъ сохранитъ все, что вокругъ меня, я надѣюсь кончить къ Апрѣлю всю Одиссею⁴⁾. На верху у меня гнѣздится Гоголь: онъ обрабатываетъ свои Мертвыя Души. Еще

---

³⁾ Павелъ Васильевичъ Жуковскій родился 1 Января 1845 года (см. „Русскій Архивъ“ 1883 года, книга вторая, стр. CVIII).

⁴⁾ См. выше, прим. 8-е къ письму CLXXXIII.

здѣсь кочуетъ графиня NN. Она была разъ у меня; жена не могла ее видѣть, лежала въ постель; за то я просидѣлъ съ нею два часа съ половиною, и въ эти два часа успѣлъ только промычать нѣсколько моносиллабовъ—все говорила она и все сплетничала. Но признаться должно, что она говорить хорошо и имѣетъ свою пріятность, къ которой однако у меня въ душѣ нѣтъ никакой симпатіи.— Прости. Напиши скорѣе о себѣ. Мои всѣ тебя обнимаютъ. Я сообщилъ Рейтерну твое письмо, и ему было пріятно то, что ты объ немъ помнишь. Ж.

Брату дружескій поклонъ. Если бы ты отыскалъ переводъ Гомера *Рошфоревъ* (Rochefort) въ стихахъ, то очень бы одолжилъ меня. Это старая книга, и ее надобно искать у букинистовъ. Да нѣтъ ли у Бодри ⁵⁾ перевода Англійскаго Одиссеи Соорег, кажется? ⁶⁾ Новый, Пóповъ, есть у меня. Да чтó такое *Номѣге polyglotte*? Нельзя ли также отыскать изданія въ Греческомъ текстѣ, но крупнаго шрифта?—Моя Одиссейша Глинка ⁷⁾ доплыла до Петербурга, не попавъ ни къ Циклопамъ, ни къ Лестригонамъ. Я имѣю письмо отъ отца ея. Но чудакъ Шлѣцеръ ⁸⁾ ничего не пишетъ мнѣ о томъ, чтó путешествіе ему стоило.

CLXXXIX.

Франкфуртъ, 8 (20) Ноября (1844).

Чтó же ты такъ давно молчишь, мой милый? Даже и на письмо мое нѣтъ отъ тебя отвѣта. Это насъ тревожитъ весьма. Чтó съ тобою дѣлается? Не хуже ли тебѣ? Во всякомъ случаѣ ты долженъ ко мнѣ писать и доброе, и худое, дабы я могъ сообщать Коппу; ибо мое твердое мнѣніе состоитъ въ томъ, что тебѣ должно теперь держаться Коппа, и одного Коппа, и слѣдовать его предписанію до тѣхъ поръ, пока зима не пройдетъ и весна не выпуститъ тебя изъ Парижа въ Карлсбадъ. Напиши же поскорѣе о себѣ. Твое молчаніе тѣмъ болѣе тревожно, что ты хотѣлъ написать къ рожденію Сашки моей ¹⁾; на эти дѣла ты не забывчивъ, слѣдовательно есть особенная причина твоего молчанія. Дай Богъ, чтобы только не худая.

О себѣ мнѣ писать тебѣ совершенно нечего. Идетъ время, какъ заведенные часы. Живу между женою, дочерью и Гомеромъ. Прибавь къ нимъ Гоголя, который гнѣздится теперь въ томъ гнѣздѣ, въ которомъ ты гнѣздился. А чтó онъ пишетъ, еще не знаю; не читалъ ни-

---

⁵⁾ Вѣроятно книгопродавецъ.

⁶⁾ Имя переводчика Одиссеи написано Жуковскимъ невѣрно; слѣдуетъ читать Соорег. Его переводъ Одиссеи вышелъ въ 1843 году.

⁷⁾ Кажется, это одна изъ дочерей С. Н. Глинка. П. Б.

⁸⁾ Генеральный консулъ въ Любекѣ Карлъ Августовичъ Шлѣцеръ.

*

¹⁾ А. В. Жуковской, нянь баронессы Ворманъ.

чего, но писать ²⁾). Я же подвигалось къ концу XI пѣсни ³⁾). Намель здѣсь двухъ Русскихъ переписчиковъ; одинъ принадлежитъ къ департаменту нашего священника, живущаго теперь съ причетомъ въ Висбаденѣ; а другой замѣчательное лицо потому, что онъ свергнувшій съ себя цѣпи рабъ: бывший мальчикъ Блока ⁴⁾, отъ него бѣжавшій и теперь безпріютный. Хочетъ учиться ремеслу; пока живетъ во Франкфуртѣ на порукъ принца Виртембергскаго.—Изъ Русскихъ здѣсь теперь никого, кромѣ князя Суворова ⁵⁾, который здѣсь на зиму поселился съ женою, которая должна родить въ Генварѣ. Все прочіе разѣхались. И все семейство Убриля ⁶⁾, и самъ онъ въ Петербургѣ. Изъ Петербурга нѣтъ ко мнѣ писемъ. Нѣтъ ли тебѣ извѣстій объ Императрицѣ, о которой газеты разглашаютъ тревожныя вѣсти ⁷⁾? Спроси у Вьельгорскихъ; надѣюсь, что они тебя часто видятъ. Съ ними будетъ тебѣ отрадно. Состояніе моей жены, слава Богу, теперь хорошо; критическій седьмой мѣсяць миновался, но онъ было мнѣ надѣлалъ тревоги. Жена долго должна была наблюдать горизонтальное положеніе или въ постели, или на диванѣ. Теперь, кажется, все пришло въ порядокъ. Благослови Богъ рѣшительную минуту. Земное счастье живетъ только въ семействѣ—это правда; но я часто вспоминаю Карамзина; онъ, счастливый мужъ и отецъ, никому не совѣтовалъ брать на себя крестъ семейной жизни. Въ минуты тревогъ, какихъ ни въ какомъ другомъ состояніи не бываетъ, я бываю готовъ съ нимъ согласиться. Но успокоиваю себя мыслію, что эти тревоги нужны душѣ, и нужнѣе, можетъ быть, самыхъ радостей. Отъ нихъ со всѣми муками родинъ рождается вѣра, умиряющая душу. Моя вѣра далека еще отъ этого мира, и дойдетъ ли она до него въ этой жизни, не знаю; я имѣю одно только убѣжденіе, что нѣтъ ничего выше вѣры, что мы здѣсь для вѣры и не для чего инаго, что она все и въ ней все. Но

---

²⁾ Гоголь уѣхалъ изъ Франкфурта 31 Декабря 1844 года (см. письмо Жуковскаго къ Н. Н. Шереметевой, отъ 11 (23) Января 1845 года, въ Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 505).

³⁾ XI пѣсь Одиссеи Жуковскій кончилъ 26 Ноября 1844 года.

⁴⁾ Тайнаго совѣтника Александра Ивановича Блока († 1847), управлявшаго собственною Е. И. В. конторою и Аничковскимъ дворцомъ.

⁵⁾ Князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ-Рымникскій (р. 1804 † 1882), впоследствии генераль-адъютантъ, Эстляндскій, Лифляндскій и Курляндскій, а затѣмъ С. Петербургскій генераль-губернаторъ и членъ Государственнаго Совѣта, былъ женатъ на Любови Васильевнѣ Ярцовой. 31 Декабря 1844 у нихъ родилась дочь (см. „Русск. Архивъ“ 1883, книга вторая, стр. CVIII), княжна Александра Александровна, вышедшая потомъ за мужъ за С. В. Ковлова.

⁶⁾ См. выше, прим. 1-е къ письму CLXXXVII.

⁷⁾ Императрица Александра Феодоровна уѣхала осенью 1844 года въ Италію.

это только убѣжденіе; когда же оно обратится въ жизнь и размягчитъ камень сердца? Хорошо, кому данъ такой земной товарищъ, какого послалъ мнѣ Богъ въ моей женѣ. Но поздно я съ нимъ встрѣтился, и надолго ли онъ мнѣ достался?—Отвѣчай. Обнимаю тебя.—«Sel lib», говоритъ Сашка. Я спрашиваю: «Wen lieb?»—«Touguener lib».

Записочки безъ числа.

СХС¹⁾.

Братъ, прошу тебя отдать эту шубу Блудову, которому скажи отъ меня, что я люблю его по прежнему. Благодарю его за доставленные мнѣ книги. Скажи ему также, что я исправно плачу Томашевскому²⁾ опредѣленные имъ сто рублей. О себѣ нечего сказать хорошаго: часть отъ часу болѣе ссорюсь съ жизнью. Сообщаю тебѣ извѣстіе, которое для тебя также горестно будетъ, какъ и для меня: Катерины Михайловны нѣтъ на свѣтѣ³⁾. Веселись, братъ; нашь кругъ часть отъ часу уменьшается. Многихъ ужъ нѣтъ; а тѣ, которые остались, живутъ розно и не радуются жизни. По крайней мѣрѣ я давно разучился ею радоваться. Что изъ этого выйдетъ, не знаю; но смерть всего лучше.

СХСІ.

Я здѣсь⁴⁾. Пробуду и завтра. Когда намъ у васъ²⁾ обѣдать? Нынче или завтра? Дай знать Блудову и увѣдомь Дашкова³⁾. Ж.

---

¹⁾ Подъ №№ СХС—СХСVII помѣщены тѣ письма и записочки Жуковского къ Тургеневу, которыя не могли быть точно приурочены къ опредѣленному времени. Настоящее письмо (№ СХС) писано почеркомъ Жуковского раннихъ лѣтъ.

²⁾ Вѣроятно тотъ же Томашевскій, о которомъ упоминается въ письмахъ Жуковского къ Тургеневу 1807 года (см. выше, стр. 33 и 43).

³⁾ Соковниной. О ней см. выше, примѣч. 4-е къ письму XVII. Къ сожалѣнію, годъ смерти Е. М. Соковниной мнѣ неизвѣстенъ.

*

⁴⁾ Т. е. въ Петербургѣ. Вѣроятно, Жуковскій пріѣхалъ изъ Дерпта, или изъ Царскаго Села.

²⁾ Т. е. у Александра и у Николая Ивановичей Тургеневыхъ. Н. И. Тургеневъ уѣхалъ за границу въ Апрельѣ 1824 года.

¹⁾ Записка могла быть писана между 1815 и 1824 годами.

*

СХСІІ.

Это очень хорошая идея; напиши къ Евгенію ¹⁾. Я скажу объ этомъ В(еликой) Княгинѣ ²⁾. Посылаю письмо Журавля ³⁾. Отдай его самъ Козлову. У насъ идетъ хорошо. Былъ у меня длинной и весьма порядочной разговоръ.

СХСІІІ.

Нѣкоторыя выраженія о себѣ перемѣню по твоимъ совѣтамъ; но обо *всѣмъ*, кажется, надобно сказать: ибо Государь ¹⁾ можетъ видѣть въ тебѣ вмѣсто того, что ты есть для меня, какого-то сопрѣге. Прости. Обнимаю тебя за твою записку. Иду къ В(еликой) К(нягинѣ) ²⁾ но еще не отдамъ ей ничего; ибо Государя теперь здѣсь нѣтъ ³⁾.

СХСІV.

Что же ты не присылаешь мнѣ деньги, моя радость? Что же ты не присылаешь мнѣ перевода моихъ стиховъ? Что же нѣтъ у меня Манфреда? Возьми его (если его отдалъ) у Козлова, также и Мазепу, и доставь ¹⁾.—Обнимаю тебя за списокъ съ твоего письма обо мнѣ Вяземскому. Оно мнѣ подняло душу. Отъ времени до времени не худо зажигать такіе фонари на моей улицѣ. Глядя на нихъ, душа свѣтлѣетъ. Это поэзія! Тутъ и цѣль, и награда жизни! Мы вѣдъ двадцать лѣтъ живемъ вмѣстѣ.

Отвѣчай и все доставь черезъ Перовскаго. Нельзя ли мнѣ прислать всего Байрона своего на время?

Адресъ: Тургеневу. Поскорѣе.

СХСV.

Не забудь о концертѣ. Пріѣзжай къ Яковлевой въ половинѣ седьмаго. Намъ надобно поранѣе пріѣхать въ концертъ, чтобы занять мѣсто. Возьми билеты. Ж.

---

¹⁾ Евгенію Болховитинову? Онъ съ 1816 по 1822 годъ былъ архіепископомъ Псковскимъ, а съ 1822 митрополитомъ Кіевскимъ и живалъ въ Петербургѣ.

²⁾ Александръ Θεодоровиѣ. Слѣдовательно, письмо писано послѣ 1 Іюня 1817 года и до середины 1826 года, когда Тургеневъ уѣхалъ въ заграничное путешествіе.

³⁾ Ф. Ф. Вигеля, носившаго въ „Арзамасѣ“ прозвище „Ивиковъ Журавль“.

*

¹⁾ Александръ Павловичъ.

²⁾ Александръ Θεодоровиѣ.

³⁾ И это письмо относится ко времени между 1 Іюля 1817 и серединою 1826 года.

*

¹⁾ Манфредъ и Мазепа—сочиненія Байрона.

*

Приходи въ десять часовъ. Можемъ вмѣстѣ отобѣдать и потомъ чаю напиться у Козлова, отъ котораго я и поѣду обратно въ Петергофъ. Ж.

СХСVII ¹).

26 Марта (1832 г., Петербургъ).

Мои ²) отправились вчера 25 числа въ одиннадцать часовъ утра съ дилижансомъ, коего хозяинъ *Салатниковъ* и проводникъ *Ротовъ*. Меня за нихъ страхъ беретъ, и до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не буду знать, что онѣ въ Москвѣ. Прошу тебя тотчасъ по полученіи этого письма отправиться въ контору сего дилижанса и велѣть тамъ, чтобы тебѣ дали знать немедленно о ихъ пріѣздѣ. Увѣдомь меня тотчасъ, какъ ихъ найдешь. Если уже дороги испортятся для дальнѣйшей поѣздки, удержи ихъ въ Москвѣ. Настой на этомъ моимъ именемъ. Меня мучить мысль, зачѣмъ я не удержалъ ихъ въ Петербургѣ, и до тѣхъ поръ не буду покоенъ, пока не получу хорошихъ вѣстей объ ихъ прибытіи на мѣсто. Прошу тебя, тотчасъ напиши. Жуковскій.

Адресъ: Александру Ивановичу Тургеневу. Доставить немедленно.

.....

---

¹) Это письмо писано на бумагѣ, выдѣланной на придворной писчебумажной фабрикѣ съ вытисненными вензелемъ Императора Николая I. Слѣдовательно, письмо писано послѣ 1825 года. Быть можетъ, оно писано въ Мартѣ 1832 года, когда Тургеневъ былъ въ Москвѣ, а Жуковскій въ Петербургѣ. Къ 1826—1831 гг. оно относится не можетъ, такъ какъ за эти годы не случилось, чтобы въ Мартѣ Жуковскій былъ въ Петербургѣ, а Тургеневъ въ Москвѣ.

²) Вѣроятно, Екатерина Аванасьевна Протасова съ внучками, дочерьми покойной А. А. Воейковой.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

ВЪ ПИСЬМАХЪ В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ.

- Абаза, 97.
Августинъ (Виноградскій) еп. Дмитровскій, 112, 113, 117, 118, 182.
Адлербергъ, Влад. Θεодор., 191.
Азбукинъ, Вас. Андр., 154, 158, 161, 167, 172.
Аксаковъ, Ив. Серг., 301, 302.
Александра Θεодоровна, Императрица, 177, 179, 184—187, 201, 202, 205, 207, 209—211, 219, 240, 244, 245, 258, 260, 278, 282, 308, 309.
Александръ Николаевичъ, Цесаревичъ, 200, 209, 216, 224, 229, 242, 245, 247, 250, 254, 257, 263, 264, 268, 270, 292—295, 297, 301.
Александръ Павловичъ, Императоръ, 34, 36, 52, 55, 104, 111, 119, 120, 125—132, 134, 135, 139, 141, 142, 144, 146, 148, 161—164, 171, 172, 174, 182, 187, 188, 198—205, 209, 211, 269, 278, 279, 289, 309.
Алексѣевъ, 44.
Альбертранди, аббатъ, 283.
Анна Иоанновна, Императрица, 35.
Анна Павловна, Великая Княжна, Принцесса Оранская, 141, 199, 208.
Антонскій. См. Прокоповичъ Антонскій.
Арбенева, Авдотья Никол., 111—115, 118, 137.
Арбеньевъ, Александръ, 112.
Арендтъ, Ник. Θεод., 261, 288.
Аріостъ, 61, 67.
Аршеневскій, Вас. Кондр., 33.
Асмусъ, Мартинъ, 168, 169, 173—175, 179, 280.
Астракова, Авдотья Степ., 106, 108, 114, 121, 133, 287, 288.
Астрановъ, Григ. Ил., 106, 108, 110, 114, 118, 119, 121, 124, 128.
Аваньяевъ, 186.
*
Бажановъ, Ясонъ Саввичъ, 157.
Байронъ, поэтъ, 134, 309.
Баннаревичъ, Мих. Никит. 53.
Бантышъ-Каменскій, Ник. Ник., 68.
Баратынскій, Евг. Абр., 230.
Барклай-де-Толли, князь Мих. Богд., 145.
Бартенева, Прасковья Арс., 289.
Бассанжъ, банкиръ, 218.
Батюшкова, Александра Ник., 197, 218, 247.
Батюшковъ, Конст. Ник., 50, 54, 91, 94, 96, 102, 103, 105, 118, 122, 125, 127, 130, 134—136, 144, 145, 149, 153, 169, 179—181, 188—190, 194, 197, 213, 218, 247, 248.
Безсоновъ, П. А., 34.
Белендорфъ, Германъ-Леопольдъ, 191, 192.

Белендорфъ, Казимиръ-Ульрихъ, 176.
Белизаръ, книгопродавецъ, 230.
Беницкий, П. А., 51.
Бенкендорфъ, графъ А. Х., 182, 261, 286.
Бергъ, Карлъ-Эрнстъ, 155—157.
Бестужевъ, А. А. 207.
Бестужевы, декабристы, 207, 209.
Бибииковъ, Дм. Гавр., 291.
Бистромъ, Карлъ Ив., 207.
Блокъ, Александръ Ив., 307.
Блудова, Ек. Ермол., рожд. Тишина, 29, 30.
Блудовъ, Дмитрій Ник., 14, 24, 25, 27—33, 35, 37—39, 41—43, 48, 49, 53, 56, 62, 65, 78, 80, 83, 86—89, 92, 125, 128, 130, 134—136, 140, 144, 145, 149, 152, 154, 155, 157—159, 161, 163, 164, 167—169, 171, 172, 175, 179—181, 188, 189, 193, 213, 223, 229, 297, 308.
Блудовы, 43.
Блумъ, 280.
Богдановичъ, Ипполитъ Ѳед., 50.
Боголюбовъ, Вароол. Филип., 157, 262.
Бодянский, Осипъ Макс., 45.
Болтинъ, Ив. Нявнт., 60.
Бонами, паѳинный Франц. генералъ, 99, 102.
Бонстеттенъ, Карлъ-Викторъ, 57, 58, 65, 68, 70, 72, 73, 75, 247.
Боткинъ, П. П., 3.
Брѣдеръ, 87.
Брей, графъ Францъ-Габріель, 164, 167, 172.
Булатовъ, декабристъ, 209.
Булгановъ, Ал. Як., 44, 180, 285, 290, 297.
Булгановъ, Конст. Як., 43, 206, 214, 221, 223, 225, 228, 240, 256, 277, 290. Его жена, 290.
Булгановъ, Як. Ив., 44, 283.
Буле, Іоганнъ-Ѳеофилъ, 32, 93, 94.

Бунзенъ, Христіанъ, 297.
Бунина, Анна Петр., 52.
Бунина, Варвара Аѳ. (въ замуж. Юшлова), 149.
Бунина, Марья Григ. (рожд. Безобразова), 94.
Бунинъ, Аѳ. Ив., 3, 94, 116.
Бунины, 99.
Бутервекъ, Фридрихъ, 32, 114, 151.
Бычковъ, Аѳ. Ѳед., 2.
Бычковъ, Ив. Аѳ., 2.
*
Валуевъ, графъ П. А., 290.
Вальтеръ, 164, 166.
Вальтеръ-Скоттъ, 67, 110, 134.
Варѣ, 242.
Васильчиковъ, А. А., 219.
Веберъ, 164, 166.
Вейраухъ, 162, 164.
Вельяминова, Наталья Аѳ., 111.
Вендрихъ, Ѳед. Григ., 22.
Вернѣ (Vernet), Antoine, 289.
Вернѣ (Vernet), Horace, 289.
Вигель, Ф. Ф., 180, 308.
Винулинъ, Сергѣй Алексѣев., 268, 280, 295, 296, 302. Его невѣста, 268; его братъ, 280.
Виландъ, 22, 61, 67, 107.
Вилліе, Як. Вас., 55, 201.
Вильсонъ, 203.
Винкельманъ, 68.
Виргилій, 63, 67, 77.
Висковатовъ, П. А., 162.
Витгенштейнъ, Петръ Христ., графъ 102, 145.
Вихманъ, Бурхардъ, 174.
Віарисъ, генералъ, 255.
Віельгорская, гр. Луиза Карл., 287, 304.
Віельгорскій, гр. Мих. Мих., 304.
Віельгорскій, гр. Мих. Юрьев., 287.
Віельгорскіе, графы, 302, 304.
Владимиръ Святославичъ, в. к. Кіевскій, 61.

Воейкова, Александра Александр., 252—254, 297.

Воейкова, Александра Андр. (рожд. Протасова), 56, 58, 62, 78, 107, 113, 146, 154, 155, 157, 158, 191, 192, 194, 198, 199, 203, 204, 212, 216, 217, 221—224, 225, 232, 233, 236, 240, 245, 247, 249—255, 266, 267, 269, 272, 276, 295, 309.

Воейкова, Ек. Алекс., 146, 252, 253, 295—297.

Воейкова, Марія Алекс. (нынѣ гр. Бревертъ), 216, 253, 254, 297.

Воейковъ, А—ъ Фед., 64, 106—122, 127, 130, 133, 135, 137—139, 142—145, 154—156, 159—161, 173—175, 191, 192, 197, 199, 251—253.

Воейковъ, Андрей Ал., 199, 203, 224, 251—254, 269.

Воейковъ, братъ А. Ф. Воейкова. 160.

Воиновъ, Ал. Львов., 200.

Волконская, княжна Александра Петр. (Алина), въ послѣдствіи Дурново, 221, 267.

Волконская, княгиня Зинаида Ал., 200.

Волконская, княгиня С. Г., 267.

Волконская, княгиня, 269.

Волконскій, кн. Григ. Петр., 221.

Волконскій, кн. Дм. Петр., 221.

Волконскій, кн. Петръ Мих., 221.

Вольтеръ, 13.

Воронцовъ, кн. Михаилъ Сем., 247.

Востоновъ, А—ъ Христоф., 49, 50.

Вотманъ, г-жа, 219.

Вреде, генераль, 247.

Вяземская, княгиня Вѣра Фед., рожд. княжна Гагарина, 290.

Вяземская, княжна Марья Петр. (въ замуж. Валуева), 290.

Вяземская, княжна Надежда Петр., 290.

Вяземская, княжна Прасковья Петр., 284, 285, 287.

Вяземскіе, князья, 256, 280, 287.

Вяземскій, князь Дм. Петр., 185.

Вяземскій, князь Петръ Андр., 44, 51, 52, 62, 97, 98, 100, 102, 127, 132, 139, 160, 161, 163, 169, 179, 182,

183, 185, 188, 189, 194, 197, 213—215, 231, 237, 243, 245, 254—257, 259, 262, 273, 279, 281, 282, 284, 285, 287, 289—291, 296, 297, 309.

Вязмитиновъ, Сергѣй Козм., 149.

*

Габбе, генераль, 263, 270.

Габлеръ, 75.

Гагарина, княгиня Ек. Петр., 158.

Гагарина, княгиня Ек. Серг. (рожд. княжна Меншикова), 236.

Гагаринъ, кн. Андрей Павл., 236.

Гагаринъ, кн. Григ. Ив., 36, 243.

Гагаринъ, кн. Павелъ Гавр., 52.

Галаховъ, А. Д., 50.

Галлеръ, Карлъ-Дудвигъ, 274, 275, 278.

Ганнеманъ, основат. гомеопат. лѣченія, 257.

Гарве, Христіанъ, 93.

Гаспари, докторъ, 108, 109, 110, 134.

Гаттереръ, Юг.-Христофоръ, 73—76.

Гебгарди, (Гебардъ, Гебгартъ) 54, 57.

Гебель, 164, 166, 168.

Гейдененъ, Карлъ Ег., 290.

Гельмольдъ, 57, 63.

Геннади, Г. Н., 28, 52, 53, 224, 301.

Генрихъ IV-й, король Франц. 10.

Георгъ II, король Англ. 35.

Герберштейнъ, баронъ Сигизмундъ, 61.

Гердеръ, 88, 199.

Геренъ, Арнольдъ, 69, 71, 73—76, 264.

Герценбергъ, 169.

Гёте 199, 271, 278.

Гизель, Иннокентій, 60.

Гизо, историкъ, 220, 235.

Гизо, Полина, рожд. Меулап, первая жена историка, 220.

Геро (въ Нюгемъ ли, издатель Бюллетеня?), 231.

Гирцель, 37, 43.

Глазуновъ, книгопродавецъ, 212, 224, 227, 229, 230.

Глеймъ, 43, 58.

Глинна, Григ. Андр., 177—179.

Гли́нна, Серге́й Николаевичъ, 69, 81, 156, 306; его дочь 306.
Глѣбовъ, декабристъ, 209.
Гнѣдичъ, Ник. Ив., 91, 92, 135, 144 175.
Гоголь, Ник. Вас. 304—306.
Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, кн. Мих. Илар., 101, 102, 103, 113.
Голицына, княгиня, 200.
Голицына, княгиня Авдотья Ив. (рожд. Измайлова), 103—106, 128.
Голицына, княгиня Софья Петр. (рожд. Балъг-Полева), 263.
Голицынъ, кн. Александръ Ник., 96, 111, 133, 146, 154—156, 158, 164—166, 174, 180—184, 186, 187, 193, 198, 210, 227, 244, 261, 262, 283—286, 288, 289, 291.
Голицынъ, кн. Андрей Мих., 263.
Голицынъ, кн. Борисъ Влад., 91, 92.
Голицынъ, князь Дм. Влад., 91, 301.
Голицынъ, кн., 222.
Гомеръ, 63, 67, 247, 295, 306.
Гораций, 63, 78.
Горчаковъ, кн. Александръ Мих., 243, 267.
Готчесонъ, Фр., 93, 94.
Грабе-Горскій, декабристъ, 207—209.
Граве, декабристъ, 209.
Грей, поэтъ, 11.
Грефъ, книгопродавецъ, 212.
Гречъ, Ник. Ив., 188, 259.
Григорьевъ, В. В., 161.
Гриммъ, Августъ Ѳед., 302.
Гриневъ, Ив. Никиф. 56, 65.
Гротъ, Я. К., 49, 50, 53, 92.
Губаревъ, 130, 132, 134, 169, 188, 189.
Гумбольдтъ, А., 300, 301.
Гунъ, Готгардъ-Фридрихъ, 152, 153.
Гунъ, Отто, 153.
Гурьевъ, Дм. Алекс., 153.
Густафъ-Адольфъ, король Шведскій, 101.

*

Давыдовъ, 182.

Дашновъ, Дм. Вас., 44, 62, 100, 102, 110, 114, 118, 125, 130, 140, 144, 149, 159, 161, 213, 223—225, 227, 229, 241, 245, 247, 250, 257, 259, 260, 308.

Делиль, 173.

Деманжъ, 161.

Демидовъ, 39, 40,

Державинъ, Гавр. Ром. 9, 30, 49, 50 90—94, 96.

Десеръ, графиня, 220.

Джонсонъ, Самуэль, 37, 42,

Джонсъ, Вильямъ, 88.

Дибичъ, Ив. Ив., графъ, 200.

Дидотъ, (Didot), книгоиздатель, 295.

Динонъ, герцогиня, 263.

Дмитріевъ, Ив. Ив., 4, 38—40, 43, 50, 53, 54, 79, 86, 92, 94, 100—102, 105, 133, 135, 164, 170, 171, 182, 185, 198, 199, 256, 259, 282, 295.

Долгорукой, князь, 267.

Досиеей (Ильинъ), еп. Орловскій, 112, 116—118.

Дрейденъ, Джонъ, 127.

Дружининъ, 190.

Дубенская, Варвара Ив., въ замужествѣ Лагренё, 281, 284, 287.

Дурновъ, 182.

*

Евгеній (Болховитиновъ), митр. Біевскій, 61, 154, 155, 309.

Екатерина I Алексѣевна, Императрица, 289.

Екатерина II Алексѣевна, Императрица, 269.

Екатерина Павловна, королева Виртембергская, 292.

Елагина, Авдотья Петр. (рожд. Юшкова), въ первомъ бракѣ Кирѣевская, 115, 138, 152, 153, 255, 287.

Елагина, (рожд. Мойеръ) Ек. Ив. 253.

Елисавета Алексѣевна, Императрица, 101, 105, 177, 199, 201—204, 211.

Елисавета Дементьевна, мать В. А. Жуковскаго, 3, 19, 85, 94, 106, 121, 133.

Ершовъ, 96.
Ефремовъ, П. А., 2, 52, 77, 109,
149, 259, 304.

*

Жанлисъ, г-жа, 38, 42.
Жихаревъ, Ст. Петр., 3, 149, 152,
154, 157—159, 161, 164, 166—168,
172, 173, 187, 212, 222, 224, 225,
228, 230, 231, 236, 237, 240, 242,
243, 247—249, 254, 257, 259—262.

Жуновская, Александра Вас. (въ за-
муж. бар. Ворманъ), 301, 306, 307.

Жуновская, Елис. Алексѣевна (рожд.
Рейтернъ), жена поэта, 292, 301, 305,
306, 307.

Жуновскій, Пав. Вас., сынъ поэта, 2,
5, 291, 305.

Жуновскій, однофамилецъ поэта, 97.

Журавлевъ, 290.

*

Загаринъ, 67.
Зандъ, убійца Августа Боцебу, 210.
Заремба, Фелиц. Фелиц. 169, 170, 175.
Захаринъ, П. М., 60.
Зегельхень, 185, 212.
Зейдлицъ, Карл Барл., III, 115, 162,
215, 216, 250—254, 295.
Зенфъ, Карлъ-Августъ, 145, 280.
Золотаревъ, И. Ѡ., 109.
Зулцеръ, 43.

*

Иванъ IV Васильевичъ, царь, 158.
Игорь Святославичъ, кн. Сѣверскій,
59, 60.
Измайловъ, Ал—ъ Еф., 51.

*

Иеше, Готтлибъ-Веніаминъ, 195.

*

Кавелинъ, Александръ Александр., 270.
Кавелинъ, Дм. Ал., 49, 108, 109,
121, 125, 134, 155, 157—159, 165,
168, 169, 171—173, 181, 185, 186.

Кагульская, Ек. Серг., въ зам. кн.
Мещерская, 236.

Кайсаровъ, Андр. Серг., 6, 7, 22, 43,
44, 53, 88, 103, 105, 107, 271.

Кайсаровъ, Мих. Серг., 89, 90.
Кайсаровъ, Паксій Серг., 9, 271.
Каменскій, графъ Ник. Мих., 65.
Камкинъ, Фед. Алекс., 152.
Камознсъ, 67.
Кампенгаузенъ, бар. Бальтазаръ Баль-
таз., 53.

Канаръ (Canard), Ник.-Франсуа, 33.
Кантемиръ, князь А. Д., 35.
Капнистъ, Вас. Вас., 91.
Каподистрія, графъ Ив. Ант., 189,
190, 191, 219.

Карамзина, Ек. Андр., 158, 216, 279,
280, 284, 288.

Карамзина, Ек. Ник. въ замуж. кн. Ме-
щерская, 236, 245, 281.

Карамзина, Елиз. Ник. 213.

Карамзина, Софья Ник. 281.

Карамзинъ, Александръ Никол., 216,
280.

Карамзинъ, Андрей Ник., 280.

Карамзинъ, Влад. Ник., 216, 281.

Карамзинъ, Ник. Мих., 10, 11, 32,
34, 50, 52, 53, 55, 56, 87, 135, 143,
53, 156, 158, 160, 163—165, 168—
172, 177—180, 185, 187, 188, 191,
193, 198, 199, 201, 211, 213—216,
249, 279, 280, 307.

Карамзинъ, Ник. Ник., 279, 280.

Карамзины, 191, 193, 213—215, 223,
230, 236, 239, 256, 259, 268, 280.

Карлъ Великій, Императоръ, 61.

Карусъ, д-ръ, 302.

Каченовскій, Мих. Троф., 34, 38, 47,
50, 63, 68, 182, 188.

Кашинъ, Дан. Никит., 28, 29, 31.

Кеневичъ, В. Ѡ., 60.

Кетчеръ, Н. Х., 258.

Киль, Левъ Ив., 265, 266.

Киндяковъ, 224, 230.

Кирилловъ, 105, 106.

Кирѣвская, Авд. Петр. См. Елагина.

Кирѣвскій, Вас. Ив., 138, 255.

Кирѣвскій, Ив. Вас., 255, 262.

Клапротъ, ориенталистъ, 237.

Кларъ, живописецъ, 219, 288.

Клингертъ, Фед. Ив., 190, 191.
Ковалевскій, Ег. Петр., 29, 37, 65, 188.
Ковальковъ, Александръ Ив., 164, 165.
Козловскій, кн. Петръ Бор., 224, 278, 291.
Козловъ, Ив. Ив., 194, 198, 199, 217, 224, 225, 227, 229, 230, 236, 238, 245, 248, 256, 258, 268, 289, 308, 309.
Козловъ, С. В., 307.
Козодавлевъ, Осипъ Петр., 152, 187.
Кологривая, Елис. Мих. 181.
Кологривова, П. А., 188.
Кольбъ (Kolb), Густавъ, 301.
Конгревъ, Вильямъ, 127.
Коновницынъ, Петръ Петр., 102.
Константинъ Николаевичъ Вел. Князь, 221, 222, 302.
Константинъ Павловичъ, Вел. Князь, 174, 202—207, 210, 269.
Копецкій, 53, 54.
Коппъ, Юганъ-Генрихъ, докторъ, 280, 285, 295, 296, 298, 301, 302, 305, 306.
Корниловичъ, декабристъ, 209.
Корсаковъ, Д. А., 108.
Корфъ, баронъ, 225, 230—232, 236, 237.
Костогоровъ, Мих. Дм., 6, 8, 23, 34, 42, 47, 55, 131, 132.
Костюшко, 209.
Коуперъ (Cowper), 306.
Коцебу, Августъ 210.
Кошелевъ, А. И., 255.
Кошень (Cochin), Henri, 39, 40.
Кривошапкинъ, Егоръ Льв. 290.
Криницкій, протопресвитеръ 202.
Кругъ, Ф., 170.
Крыловъ, Ив. Андр., 49.
Кудрявскій, Григ. Емельян., 304.
Кудрявскій, Емельянъ Ав., 304.
Кураинъ, князь А. В., 157.
Кутузова, 213.
Кушниковъ, Серг. Серг., 284.
Кюстинъ (Custine), маркизъ Астольфъ, 297, 302.

Кюхельбекеръ, Вилг. Карл., 186, 207—210.
Кюхельбекеры, 207, 209.
*
Лабурдоннэ (La Bourdonnaye), 263.
Лаваль, графиня, въ замуж. княгиня Трубецкая, 185.
Лаврушина, слуга А. И. Тургенева, 154, 161, 172.
Лагарпъ, 5, 8, 38, 42, 59, 63, 269, 274, 278, 279. Его жена, 269, 278, 279.
Лагренé, 281, 284.
Ламбертъ, 230, 231.
Ламоть-Фунé, 160.
Ланць, 97 99, 100.
Ларошъ (La Roche), Бенжаменъ, 289.
Лебедевъ, Вас., 73.
Лебрень (Lebrun), Александръ, 153.
Лёвенштернъ, въ замуж. графиня Брей, 164.
Лёвенштернъ, 219.
Лекенъ (Lekein), трагикъ 5, 8.
Леклеркъ, 60.
Леманъ, 36.
Ленць, Готтлибъ-Эдуардъ, 194—197.
Лербергъ, А. Х., 170.
Лессингъ, 59, 94.
Лешевалье (Leshevalier), Жанъ-Батистъ, Франц. археологъ, писавшій подъ псевдон. Constantin Koliader, 295.
Ливень, гр. К. Андр., 174, 175, 192.
Ливень, графиня (потомъ княгиня) Шарлотта Карл., 207, 240.
Лиза, 253.
Лизетта, 253.
Лихачевъ, Петръ Александр., 243.
Лобановъ - Ростовскій, кн. Алексѣй Александр., 222.
Лобановъ - Ростовскій, князь Алексѣй Яковл., 222.
Лодеръ, Христ., Ив., 37.
Ломоносовъ, Мих. Вас., 50.
Ломоносовъ, Сергѣй Григ., 237.
Лонгиновъ (Логиновъ), Ник. Мих. 154, 155.

Лопухинъ, Ив. Влад., 8, 9, 13, 22, 43 — 45, 50, 51, 97, 115, 116, 118, 159, 164, 165, 188, 189, 231, 284.

Лопухинъ, кн. Петръ Вас., 200.

Луденъ, Генрихъ, 214.

Луиза, королева Прусская, 182.

Луиза, Прусская принцесса, 260.

Людовикъ XVIII, король Французскій, 263.

*

Майковъ, Л. Н., 50, 91, 94, 190.

Maclean, miss, 296.

Максимъ, слуга Жуковского, 154.

Максимъ, другой слуга Жуковского, 180.

Манкиевъ, А. И., 61.

Мантейфель, графъ, 172, 173.

Marbersteyg, 305.

Марія Николаевна, Великая Княжна, 245, 250.

Марія Павловна, герцогиня Веймарская, 199.

Марія Теодоровна, Императрица, 100, 101, 130, 131, 133—136, 139—144, 148, 151, 153, 168, 179, 192, 197, 199—202, 204, 208, 209, 258.

Марковъ, 186.

Маркъ-Аврелій, 120, 269.

Мартыновъ, Ив. Ив., 173, 174.

Марченко, 187.

Масловичъ, Вас., 161.

Маттисонъ, 67.

Матушевичъ (Матусевичъ), гр. Адамъ Оад., 248.

Машъ, 54.

Мельгуновъ, Ник. Александр., 301.

Меншикова, княжна Ек. Серг. въ замуж. княгиня Гагарина, 236.

Меншиковъ, кн. Ал. Сер., 247.

Меньшенинъ, 237.

Мердеръ, Карлъ Барл., 270.

Мерзляковъ, Алексѣй Фед., 4, 6—8, 11, 13, 14, 21, 22, 31, 52, 64, 198, 199.

Меріанъ, бар. Андр. Адольф. 237, 240.

Местеръ(?), г-жа, 245, 253; ея мужъ, 245; ея сестра, 245.

Мещевскій, А., поэтъ, 169, 171—175, 179, 189.

Мещерская, княгиня, Ек. Ник. См. Карамзина.

Мещерскій, кн. Петръ Ив., 236, 275, 281.

Мещерскій, князь, сынъ кн. П. И. Мещерскаго, 280

Мещерскіе, кн., 281.

Миллеръ, Іоганнъ, историкъ, 57, 58, 60, 65, 68—75, 79, 80, 152.

Миллеръ, докторъ, 194.

Миллеръ, купецъ, 212.

Миллотъ (Millot), Клодъ Франсуа, 82.

Милорадовичъ, гр. Мих. Андр., 200, 206, 208, 209.

Мильтонъ, 67.

Минина, рожд. Михель, 124, 128.

Михаилъ Павловичъ, Великій Князь, 142, 177, 204, 208, 259, 261, 278, 302.

Михаилъ Теодоровичъ, Царь, 69.

Мойеръ, Марія Андр. См. Протасова, Марія Андр.

Мойеръ, Ив. Филипп., 167, 171, 212.

Монастыревъ, 152.

Моргенштернъ, проф., 158.

Морё, Франц. генераль 128—130.

Мудровъ, Матвѣй Яковл., 183.

Муравьева, Ек. Фед. 125, 127, 158, 194, 197, 257.

Муравьевъ, Мих. Никит., 33, 79, 125, 127, 158.

Муравьевъ, Ник. Назар., 248.

Муравьевъ-Апостолъ, Ив. Матв., 125.

Мусинъ-Пушкинъ, графъ. А. И., 59, 60.

Мухинъ, Ефр. Осип., 55.

Мятлева, 232.

Мятлевъ, 220, 221.

*

Надеждинъ, Н. И., 258.

Напьерскій, 146, 153, 164, 168, 170, 176, 194, 195.

Наполеонъ I, 24, 34, 98, 128, 144, 193, 278.

Нарушевичъ, историкъ, 283.
Чарышкинъ, Александръ Львов., 28,
288.
Нарышкинъ, 183.
Нащонинъ, П. В., 258.
Невзоровъ, Макс. Ив., 12 34, 172,
185, 231.
Невшатё (Neufe chateau) Франсуа,
39, 40.
Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александр.
139, 140, 143, 151, 168.
Нессельроде, гр. Дм. Карл., 304.
Нессельроде, графъ Барлъ Вас., 231,
277, 303, 304.
Несторъ, лѣтописецъ, 67, 70.
Никита, слуга А. И. Тургенева, 220,
248.
Николай Александровичъ, Цесаревичъ,
302.
Николай Николаевичъ, Великій Князь,
260, 261, 302.
Николай Павловичъ, Императоръ, 25,
141, 142, 177, 182, 198, 201—211,
213, 216, 219—223, 235, 238—245,
247, 250, 254, 260, 261, 269, 270, 282,
283, 285, 286, 294, 295, 299, 300.
Николевъ, 173—175.
Никольскій, Пав. Александр., 121, 122,
130.
Нимейеръ, 20.
Новосильцовъ, Ник. Ник., 3, 23, 32,
36, 100, 182—184, 188, 189, 279.

*

Ободовскій, Плат. Григ., 254, 255.
Оболенскій, князь, декабристъ 207,
209.
Овидій, 67.
Одоевскій (Одоевскій) кн. Александръ
Ив., 204, 207, 209.
Озеровъ, Владиславъ Александр., 4, 5,
29, 51, 52.
Окуневъ, 145.
Олеарій, Адамъ, 69.
Оленина, Елис. Марковна (рожд. Пол-
торацкая), 189.

Оленинъ, Алексѣй Ник. 105, 164, 165,
189, 206.

Ольга Николаевна, Великая Княжна,
250.

Орловъ-Чесменскій, гр. Алексѣй Григ.,
232.

Орловъ, графъ (потомъ князь) Алексѣй
Фед., 145, 261.

Орловъ, гр. Влад. Григ. 225, 231,
232, 237.

Орловъ, гр. Григ. Влад., 232.

Орловъ, князь Григ. Григ., 232.

Орловъ, Мих. Фед. 169.

Орловъ-Давыдовъ, гр. В. П. 232.

Оссіанъ, 67.

Офросимова, Марья Петр. (рожд. Юш-
кова) 141, 181.

Офросимовъ, Александръ Мих., 141,
143, 181.

*

Павель Петровичъ, Императоръ, 269,
279.

Павловъ, Вас. Никит., 41.

Панинъ, гр. Никита Петр., 279.

Пановъ, декабристъ, 208, 209.

Парни, 38, 42.

Парротъ, проф. Дерптск. унив., 158,
167, 170, 171, 173, 280.

Паскаль, 294.

Пекарскій, П. П., 53.

Пердонне, 279.

Перикль, 269.

Перовскій, Вас. Алексѣев., 212, 215,
216, 247, 254, 284, 309.

Перовскій, Левъ Алексѣев., 284, 285.

Песталоцци, 168.

Пестель, Пав. Ив., 241.

Петерсенъ, Евстаѳ. Фед. 272, 273.

Петерсенъ, Карлъ Фридрихъ, 147,
152, 164, 166, 167.

Петерсенъ, Фреймундъ, 212.

Петръ Великій, 289.

Пиницъ, 197.

Пирлингъ, 3.

Платнеръ, Эрнестъ, 32, 33.

Плетневъ, П. А., 258.

- Плещеева, Анна Ив., (урожд. граф. Чернышова), 121.
- Плещеева, Н. Ѳ., 193, 194; ея дочь, 194.
- Плещеевъ, Александръ Алексѣев., 115, 118, 120, 121, 130, 147, 179, 186.
- Плещеевы, 121.
- Погодинъ, Мих. Петр., 301.
- Покровский, Теофилактъ Гаврил., 193.
- Полевой, Ник. Алексѣев., 231.
- Полетина, Петръ Ив., 158, 213, 214, 229, 231.
- Полозовъ, генералъ, 263.
- Поляковъ, 189.
- Поповъ, Вас. Мих., 174.
- Поповъ, Н. А., 82.
- Попъ (Pore), Александръ, 63, 127, 247.
- Потоцкая, граф. Марья Алекс. (рожд. княжна Салтыкова), 263.
- Потоцкій, гр. Болеславъ Стан., 263.
- Потоцкій, гр. Мечиславъ Стан., 263; его жена, 263.
- Прива (Privat, Приватъ), 269.
- Прозоровъ, проф., 55.
- Прокоповичъ-Антонскій, Антонъ Ант., 3, 20, 42, 79, 121, 123, 142, 180—182, 185, 186.
- Протасова, Александра Андр. См. Воейкова.
- Протасова, Ек. Ав., 58, 70, 72, 80, 86, 89, 90, 97, 106, 111, 112, 115, 116, 118, 122, 126, 137 — 139, 199, 217, 252, 253, 268, 273, 280, 297, 309.
- Протасова, Марья Андр. (въ замуж. Мойеръ), 36, 41, 56, 106, 107, 111, 112, 114, 121, 124, 133, 137, 139, 140, 146 — 148, 171, 253, 266, 272.
- Протасовъ, Александръ Павл., 122, 124, 129.
- Протасовъ, Андрей Ив., 122.
- Протасовъ, Пав. Ив., 122.
- Проташинскій, Василій, 35, 36, 39, 40, 114.
- Прянишниковъ, Фед. Ив., 290.
- Путятина, 70, 94.
- Пушкина, Елена Григ., 129, 220, 247, 248, 270, 273.
- Пушкина, Нат. Ник. (рожд. Гончарова), 256.
- Пушкинъ, Алексѣй Мих., 220.
- Пушкинъ, Александръ Серг., 52, 62, 230, 256, 257—259, 287.
- Пушкинъ, Вас. Львов., 62, 63, 92, 182.
- *
- Радовицъ, Юсифъ, 270—272, 294, 303, 304.
- Равальякъ, 10.
- Разумовская, граф. Генриетта (рожд. Мальсепъ), 218—221, 223, 225—228, 230, 231, 233—236, 238—240, 244.
- Разумовская, графиня (рожд. бар. Шенъ де Кастель), 218.
- Разумовскій, гр. Алексѣй Бирл., 121, 153.
- Разумовскій, гр. Григ. Бирл., 218.
- Рамбахъ, Фридрихъ-Эбергардъ, 145.
- Раупахъ, Эрнстъ, 145.
- Рейтернъ, Гергардъ-Вильгельмъ, тесть Жуковского, 264, 265, 267, 268, 292, 306. Его жена, 268.
- Рейтернъ, Елис. Алексѣевна. См. Жуковская.
- Рейтерны, 292.
- Ренке, 145, 153, 164, 168, 170, 176, 194, 195.
- Ремеръ, Юлій-Августъ, 74.
- Реннекампфъ, 263.
- Ривароль, 169.
- Риттеръ, купецъ, 179.
- Ришелье, 279.
- Роганъ, герцогъ, 263; его жена, 263.
- Роговъ, 310.
- Родеренъ, г-жа 279.
- Родзянна, Семенъ, 33, 43.
- Розлигъ, 259, 261.
- Роспини, книгопродавецъ, 39, 40.
- Россетъ, Ал. Осип. См. Смирнова.
- Ростопчинъ, гр. Фед. Вас., 114.
- Роттекъ, фонъ, Карлъ, 174.
- Ротшильдъ, 295.

Рошефоръ (Rochefort), Франц. перев-
дчикъ Гомера, 296, 306.
Румяновъ, гр. Ник. Петр., 168, 170—
172, 175, 185, 186, 190.
Румяновъ, гр. Сергѣй Петр., 158,
236.
Руссо, Жанъ-Жакъ, 22, 42.
Рылѣевъ, Кондр. Ѳед., 207, 209, 241.
*
Саитовъ, В. И., 50, 62, 91, 94, 122.
Салатниковъ, 310.
Салтынова, графиня, 306.
Салтыновъ, Мих. Александр., 180.
Самаринъ, Юрій Ѳед., 301.
Сарти, 28.
Саути, Робертъ, 67, 133, 134.
Свербѣева, 301.
Свербѣевъ, Д. Н., 120.
Свининъ, Пав. Петр., 129—131.
Свѣчина, Марья Ник., 112.
Свѣчина, Софья Петр., 150, 158, 176,
177, 285.
Святополкъ-Четвертинская, кн. Над.
Ѳед. (рожд. княжна Гагарина), 289.
Святополкъ - Четвертинскій, кн. Бор.
Ант., 290.
Святославъ Игоревичъ, в. князь, 61.
Сенека, 87.
Сень-Флоранъ, книгопродавецъ, 230.
Серапионъ (Александровскій) митр.
Кіевскій, 154, 155, 157.
Сербиновичъ, Колстан. Степ., 249,
289, 291.
Сиверсъ, гр. Егоръ Петр., 157.
Сиверсъ, графъ, 278.
Слѣнинъ, книгопродавецъ, 212, 224,
227, 229—231, 236.
Смирдинъ, книгопродавецъ, 256.
Смирнова, Алекс. Осип. (рожд. Рос-
сетъ), 213, 257, 258, 281, 284, 287,
302. Ея двѣ дочери, 284; ея дѣти,
302.
Смирнова, Ольга Ник., 287.
Смирнова, Софья Мих., 287.
Смирновъ, Ник. Мих., 258, 287.
Соймоновъ, 218.

Соновнина (въ замуж. Павлова), Анна
Мих. 41, 42.
Соновнина, Ек. Мих. 42, 308.
Соновнинъ, Сергѣй Мих., 23, 41, 87,
199.
Срѣчины, 23, 34, 40.
Солоревъ, 31.
Сологубъ, графиня, 287.
Сомовъ, 209.
Сохацкій, Пав. Ав., 7, 8.
Сперанскій, Мих. Мих., 158, 161, 241.
Стернь, Л., 90.
Стояновскій, Н. И., 28, 162.
Строгановъ, гр. Г. А., 222, 230, 240,
259, 279.
Строгановы, графы, 221.
Струве (Штруве), Фридрихъ - Виль-
гельмъ, 146.
Струве (Штруве), Эмилія рожд. Валль,
146.
Стурдза, Алекс. Скарлат., 245, 296.
Суворова-Рымнинская, княжна Алек-
сандра Александровна (въ замуж. Коз-
лова), 307.
Суворова - Рымнинская, княгиня Лю-
бовь Вас. (рожд. Ярцова), 307.
Суворовъ-Рымнинскій, кн. Алъ Ар-
кад., 307.
Сутговъ, декабристъ, 208.
Сухотинъ, Андр. Ѳед., 43, 130, 199.
Сушковъ, Н. В., 33.
Сѣверинъ, Дм. Петр., 54, 74, 79, 86,
157, 158, 180, 277—279.
Сэ (Say), Жанъ-Батистъ, 33.
*
Тассо, 64, 198, 199.
Татариновъ, Александръ, 283, 284,
285, 291.
Тацитъ, 63, 77.
Тибо, 236.
Тидебель, 164, 166, 167.
Толстая, графиня, 204; ея братъ, 204.
Толстая, графиня Полина, 253, 254.
Толстой, Яковъ Ник., 231.
Толстой, гр. Ѳедоръ Ив. (Америка-
нецъ), 288, 252.

- Томашевскій, 33, 34, 43, 308.
Томме, г-жа, 287.
Тончи, Ник. Ив., 145.
Торсонъ, декабристъ, 241.
Трессанъ, 67.
Триниусъ, Карлъ Ант., 256, ?
Трубецкой, кн. Сергѣй Петр., 185, 209; его жена, 209.
Тунманнъ, 54.
Тургенева, Ек. Сем. (рожд. Качалова), 20, 23, 31, 36, 43, 44, 55, 56, 57, 180—185, 188, 189.
Тургеневъ, Александръ Мих., 248.
Тургеневъ, Андр. Ив., 3, 5, 8, 9, 11, 12, 15, 17, 18, 21, 23, 29, 33, 35, 42, 43, 51, 55, 77, 113, 129, 132, 156, 186, 190, 288, 290.
Тургеневъ, Ив. Петр., 3 — 5, 8, 9, 11 — 13, 19, 20, 27, 31, 32, 33, 51, 77, 99, 128, 129, 153, 156, 159, 190, 231, 284, 288.
Тургеневъ, Ник. Ив., 2 — 4, 8, 20, 23, 34, 35, 51, 53, 56, 65, 74, 102, 103, 120, 128, 151, 161, 166, 171, 172, 174, 179, 180, 184 — 186, 193, 204, 215—217, 219—248, 250, 254, 255, 278, 279, 281, 283, 286, 287, 291, 297—300, 303, 306, 308.
Тургеневъ, Петръ Петр. 53.
Тургеневъ, Сергѣй Ив., 3, 23, 34, 43, 44, 51, 53, 55, 56, 65, 69, 71, 102, 103, 128, 151, 213, 215 — 221, 226 — 228, 233, 236, 238, 239, 246, 249, 263.
Тургеневы, 219.
Туръ, банкиръ, 304.
Тютчевъ, Фед. Ив., 301, 302. Его жена, 302.
Тюфянинъ, кн. Петръ Ив., 277. .
*
Убри, (Убриль), Петръ Яковл., 303, 304, 307.
Уваровъ, Сергѣй Сем., 54, 57, 62—64, 80, 81, 83, 88, 90, 93, 95, 96, 100, 102, 109, 110, 114, 122, 125, 128, 130, 133—135, 140, 144—146, 148, 149, 151, 152, 157—159, 161, 164, 171, 185, 283.
Уландъ, 271.
Уткинъ, Ник. Ив., 140, 145, 158, 172.
Ушакова, 204.
Федеръ, Иоганнъ-Георгъ, 93.
Федоровъ, Борисъ Мих., 288.
Фенелонъ, 9.
Фергюсонъ, Адамъ, 93.
Феслеръ, Игнатій, 161.
Филаретъ (Дроздовъ) митр. Московскій, 105, 106, 166.
Филаретъ, іеромонахъ, 111—113.
Филимоновъ, Влад. Серг., 94.
Фитингофъ, баронъ, 189.
Флоріанъ, 52.
Фокъ, 147.
Фонъ-Визинъ, Ден. Ив., 50.
Форъ, докторъ, 121—124, 130, 133, 134, 147, 149, 151, 157.
Фоссъ, Иоганнъ, 63, 247.
Франкъ, лейбъ-медикъ, 31.
Франсуа, 108, 110, 114, 118, 121.
Фрезе, купецъ, 212.
Фрейгангъ, 246—248.
Фредеринсъ (Фридрихсъ) бар. Петръ Андр., 206, 207.
Фридрихъ - Вильгельмъ IV, король Прусскій, 300, 304.
Фріофъ, докторъ, 108, 113.
Фурманъ, 225.
*
Хеліусъ, Максимилианъ - Юсифъ, 298, 305.
Херасковъ, Мих. Матв., 50.
Хилковъ, кн. А. Я., 60, 61.
Хитровъ, 72, 89.
Хлюстинъ, Сем. Сем., 227, 228, 230, 252, 253.
Холь (Hole), Ричардъ, 133.
Хомяковъ, Алексѣй Степ., 301.
Храповицкій, 182.
*
Цанъ (Zahn), Вильгельмъ, 277, 300.
Цвѣтаевъ, 44.
Цицеронъ, 25.

Чаадаевъ, Петръ Яковл., 258.
Чайковскій, 134. *
Чарторыйскій, кн. Адамъ Адамъ, 36,
279.
Чебатарева, Х. А., 82.
Черепановъ, Н. Е., 82.
Чернасова, баронесса, Марья Алексѣев.
(рожд. Кожина), 116, 125.
Чернасовъ, бар. Ив. Петр., 11, 99,
100, 116. Его сынъ, 100.
Чертковъ, Ив. Дмитр., 259, 261.
Чичаговъ, Павелъ Вас., 98.
Чичеринъ, Антонъ Алекс., 277.
*
Шаблыкинъ, З.
Шаванъ, г-жа, 269, 279.
Шамбо, Ив. Павл., 270.
Шарлотта, Принцесса Прусская. См.
Александра Θεодоровна.
Шармуа, 161.
Шатобрианъ, 175, 289.
Шаховской, кн. Александръ Александр.,
160, 161, 169.
Шевыревъ, Степанъ Петр., 301.
Шейеръ, банкиръ, 302, 303.
Шекспиръ, 67.
Шеллингъ, 296.
Шеншинъ, Вас. Никанор., 206, 207.
Шереметева, Надежда Ник., 302, 306.
Шереметевъ, графъ, 48, 189.
Шиллеръ, 22, 130, 188, 270, 271.
Шишновъ, Александръ Сем., 62, 63,
198.
Шлёцеръ, Августъ-Людвигъ, 33, 54,
56—61, 71, 73, 80, 82, 87—89, 167.
Шлёцеръ, Карлъ Августъ, 306.
Шлёцеръ, Христіанъ Августъ, 33, 34,
75, 88.
Шредеръ, 240.
Шрейтеръ, 93.
Штейнъ, баронъ, 120, 220.
Штиглицъ, 249.
Шторхъ, Александръ Андр., 208.
Шторхъ, Андрей Карл., 280.

Штофрегенъ, Кондрать Кондрат., 201,
245.

Штриттеръ, Іоганнъ-Готтлибъ, 60, 61.
Шувалова, графиня, 288.

*
Щепинъ-Ростовскій, кн. Дм. Александр.,
207, 209.

Щербатова, княжна Анна Андр. (въ
зам. Блудова), 25, 30.

Щербатова, княгиня Антонина Вок-
повна (рожд. Яворская), 30.

Щербатовъ, кн. Алексѣй Григ., 197.

Щербатовъ, кн. Мих. Мих., 60, 61.
*

Эверсъ, Лоренцъ, 152, 167, 173.

Эверсъ, Густавъ, 167, 168.

Эдингъ, графиня Роксандра Сварлат.
(рожд. Стурдза), 296.

Эйхгорнъ, Іоганнъ-Готфридъ, 79.

Энгельбахъ, 272.

Энгельгардъ, Е. А., 121.

Эпикуръ, 269.

Эссенъ, Александръ Флипп., 192, 194.
*

Юшкова, Анна Петр. (въ замуж. Зон-
тагъ), 149.

Юшкова, Ек. Петр. (въ замуж. Азбу-
кина), 154.

Юшковъ, Петръ Ив., 183.

Юшковъ, Петръ Ник., 50, 149.

Юшковы, 99, 141.
*

Языновъ, Дмитрій Ив., 59, 170.

Языновъ, Дмитрій Сем., 291.

Якобсъ, Ф., 89.

Яковлева, 309.

Яковлевъ, Лукьянъ Павл., 143.

Якубовичъ, А. И., 207—209.

Якушкинъ, Ив. Дмитр., 299. Его мать,
жена и дѣти, 299.
*

Федоръ, слуга Жуковскаго, 218, 224,
260.